ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

К. М. СТАНЮКОВИЧА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Подъ редакціею и съ біографическимъ очеркомъ П. В. Быкова и съ приложеніемъ портрета К. М. Станюковича.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1907 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1907.

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

ЖРЕЦЫ.

Романъ.

I.

Былъ первый часъ на исходѣ славнаго солнечнаго морознаго декабрьскаго дня.

Въ скромно убранной столовой маленькаго деревяннаго особнячка, въ одномъ изъ переулковъ, прилегающихъ къ Пречистенкѣ, за небольшимъ столомъ, умѣло и опрятно сервированнымъ, другъ противъ друга сидѣли за завтракомъ мужъ и жена: Николай Сергѣевичъ Зарѣчный, тридцатипятилѣтній красивый брюнетъ, профессоръ, лѣтъ восемь какъ подающій большія надежды въ ученомъ мірѣ, и Маргарита Васильевна, изящная блондинка ослѣпительной бѣлизны, казавшаяся гораздо моложе своихъ тридцати лѣтъ, похожая на англичанку и необыкновенно привлекательная одухотвореннымъ выраженіемъ строгой цѣломудренной красоты своего худощаваго, словно выточеннаго, энергичнаго лица. Свѣтлорусые волосы были гладко зачесаны назадъ и собраны въ коронку на красиво посаженной, гордо приподнятой головѣ.

Ткань чернаго шерстяного лифа обрисовывала стройный станъ и тонкую, какъ у молодой дѣвушки, талію. Воротникъ бѣлоснѣжнаго рюша обрамлялъ шею. На маленькой тонкой рукѣ одиноко блестѣло обручальное кольцо.

Профессоръ весь былъ поглощенъ завтракомъ.

Наканунѣ онъ вернулся домой поздно, и въ нѣсколько веселомъ настроеніи, съ какого-то ученаго засѣданія, окончившагося, какъ водится, ужиномъ въ Эрмитажѣ и шумными и горячими разговорами о томъ, что скверно живется. Всталъ онъ въ двѣнадцатомъ часу и сѣлъ завтракать позже обыкновеннаго. Въ два часа Николай Сергѣевичъ долженъ былъ поспѣть въ университетъ и потому, наскоро проглотивъ рюмку водки, онъ торопливо и молча принялся за огромный кровяной сочный бифштексъ, предварительно облюбовавъ его глазами, загорѣвшимися плотояднымъ огонькомъ чревоугодника.

Онъ ѣлъ съ жадностью человѣка, любящаго покушать, но у котораго нѣтъ времени свершать культъ чревоугодія, какъ бы слѣдовало, не спѣша, и громко чавкалъ среди тишины, царившей въ столовой, по временамъ смолкая, чтобы выпить изъ большого бокала пива.

Жена почти ничего не ѣла.

Серьезная и, казалось, сосредоточенная на какой-то мысли, она лѣниво отхлебывала изъ маленькой чашки кофе и по временамъ взглядывала на мужа.

И эти взгляды сѣрыхъ вдумчивыхъ глазъ, осѣненныхъ длинными рѣсницами, свѣтились не любовью и не лаской, а холоднымъ, внимательнымъ выраженіемъ безстрастнаго наблюдателя, казалось, не столько взволнованнаго, сколько заинтересованнаго любопытнымъ открытіемъ; точно объектомъ наблюденія молодой женщины былъ посторонній человѣкъ, а не этотъ, близкій ей по праву, плотный, широкоплечій, здоровый красавецъ-брюнетъ въ своемъ потертомъ вицмундирѣ, съ крупными и мягкими чертами нѣсколько полноватаго и жизнерадостнаго лица, отливавшаго румянцемъ, съ черной, какъ смоль, гривой волнистыхъ волосъ, закинутыхъ небрежно назадъ и оставляющихъ открытымъ высокій большой лобъ, нѣсколько полысѣвшій у висковъ, съ кудрявой бородой и пушистыми усами, изъ-подъ которыхъ сверкали ослѣпительно-бѣлые зубы.

Зарѣчный былъ безспорно хорошъ, и вся его крупная фигура невольно обращала на себя вниманіе. Недаромъ же на его талантливыя публичныя лекціи всегда собиралось множество дамъ и дѣвицъ, желавшихъ взглянуть на этого черноброваго, румянаго красавца-профессора, пріятный и звучный тенорокъ котораго такъ ласкалъ слухъ.

А между тѣмъ лицо его казалось теперь Маргаритѣ Васильевнѣ далеко не такимъ смѣлымъ и умнымъ, съ печатью дара Божія на челѣ, какимъ два года назадъ и еще недавно, совсѣмъ недавно... Она точно смотрѣла на него другими очами и видѣла въ немъ что-то самоувѣренное, грубоватое и пошловатое, чего не замѣчала раньше или, быть-можетъ, не хотѣла замѣчать.

А теперь ей точно хотѣлось все распознать въ своемъ мужѣ, и она съ какимъ-то злораднымъ мужествомъ смѣлаго человѣка, наказывающаго себя за обманутыя ожиданія, старалась подмѣтить всякую черту, подтверждавшую ея новое откровеніе.

«Какъ она наказана за свою увѣренность, что хорошо узнаётъ людей. Какой туманъ тогда нашелъ на ея глаза?»

И въ головѣ ея невольно пронеслось все то, что̀ было два года тому назадъ и въ эти два года...

Ей было двадцать семь лѣтъ, она повидала свѣтъ и людей, когда пріѣхала въ Россію, сперва на холеру, а потомъ къ теткѣ въ Москву изъ-за границы, гдѣ доканчивала свое образованіе послѣ высшихъ курсовъ въ Петербургѣ. Она ѣхала на родину, чтобъ осмотрѣться, добыть себѣ кусокъ хлѣба и найти интересныхъ и значительныхъ людей, которыхъ она напрасно искала раньше въ Петербургѣ, и въ Парижѣ, и въ Женевѣ среди разныхъ кружковъ. Ухаживателей было много, но особенно интересныхъ, которые заставили бы молодую дѣвушку отдать свою душу и вмѣстѣ работать, никого. Въ Москвѣ, благодаря теткѣ, она познакомилась съ интеллигентными кружками и не нашла своего героя среди многочисленныхъ поклонниковъ, въ числѣ которыхъ былъ и Зарѣчный. Никто ей не нравился, никто не заставлялъ сильнѣе биться ея сердце, никто не отвѣчалъ на ея запросы: что̀ дѣлать? ка̀къ жить?

Она отыскала себѣ переводную работу, занялась благотворительною дѣятельностью, часто встрѣчалась съ Зарѣчнымъ и остановила свое благосклонное вниманіе на молодомъ, блестящемъ профессорѣ, о которомъ тогда говорила Москва.

Она не любила его, но онъ ей казался интереснѣе, умнѣе и смѣлѣе другихъ. Онъ такъ горячо увѣрялъ, что души ихъ родственны, такъ искренно звалъ на совмѣстную трудовую жизнь и борьбу и вдобавокъ такъ сильно любилъ ее, что она послѣ года колебаній согласилась быть его женой, далеко не увлеченная имъ, не охваченная страстью. Боязнь остаться старой дѣвой и нажить себѣ неврастенію и страстный темпераментъ сдержанной и цѣломудренной натуры немало повліяли на ея рѣшеніе. Она не обманывала себя иллюзіями безбрачнаго подвижничества и понимала рискъ замужества безъ той любви, о которой мечтала. Но Зарѣчный казался ей вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ, и, давая ему слово, она добросовѣстно дала и себѣ слово сдѣлать его счастливымъ и быть ему вѣрнымъ другомъ и помощницей.

И она сдержала свое обѣщаніе, и если не любила, то уважала мужа. Онъ былъ знающимъ, талантливымъ профессоромъ, его любили студенты, онъ занимался какимъ-то изслѣдованіемъ, часто въ бесѣдахъ говорилъ горячія рѣчи о долгѣ общественнаго человѣка, и въ эти два года никакая серьезная размолвка не нарушала ихъ счастія. Онъ попрежнему безумно любилъ свою Риту, она охотно позволяла себя любить. Они, казалось, понимали другъ друга и были одной вѣры, и Маргарита Васильевна прощала мужу и его лѣнь и его не-

достатки, казавшіеся ей неважными въ сравненіи съ его достоинствами.

Маргарита Васильевна окончила кофе, отодвинула чашку и снова взглянула на мужа.

«Какъ онъ противно ѣстъ, совсѣмъ какъ животное!» — мысленно проговорила она и какъ-то брезгливо поджала свои тонкія губы.

Она переводила взглядъ и подвергала безпощадной критикѣ и жадное чавканье мужа, и его довольное лицо, и его вицмундиръ, и сбившійся на бокъ узкій черный галстукъ, и красноватыя пухлыя руки съ лопатообразными плоскими пальцами и не совсѣмъ опрятными ногтями, и его сочныя, чувственныя губы.

И вдругъ краска прилила къ ея лицу и покрыла румянцемъ нѣжную бѣлую кожу ея щекъ.

Она вспомнила, что еще нѣсколько часовъ тому назадъ эти самыя сочныя губы, отъ которыхъ пахло виномъ, грубо и властно цѣловали ея уста. И она не противилась и сама отдавалась этой ласкѣ.

При этомъ воспоминаніи молодую женщину охватило чувство стыда, негодованія и злобы противъ мужа, и она продолжала съ еще большею безпощадностью развѣнчивать его. Онъ былъ въ ея глазахъ грубый, чувственный человѣкъ, неспособный тонко чувствовать. Онъ не убѣжденный человѣкъ, какимъ высокомѣрно себя считаетъ, а такой же фразеръ, какъ и многіе другіе. Для него въ сущности дорого только свое «я» и собственное благополучіе. Онъ — тщеславный, лживый и самолюбивый эгоистъ, умѣющій прикрываться блескомъ фразы.

Николай Сергѣевичъ окончилъ свой завтракъ, посмотрѣлъ на часы и потомъ на жену. Взоры ихъ встрѣтились. Въ его глазахъ, добродушныхъ и веселыхъ, свѣтилась такая преданная любовь, такая нѣжность, что Маргарита Васильевна была обезоружена, и взглядъ ея невольно смягчился.

А Николай Сергѣевичъ между тѣмъ не безъ горячности воскликнулъ, удовлетворенно отодвигая отъ себя пустую тарелку:

— А у насъ чортъ знаетъ что̀ творится, Рита. Вчера мы долго объ этомъ говорили за ужиномъ...

— Вы только и дѣлаете, что говорите да ужинаете!—промолвила она съ нескрываемой насмѣшкой.—Въ этомъ, кажется, и проявляется вся ваша смѣлость.

Зарѣчный удивленно посмотрѣлъ на жену. Такихъ рѣчей онъ никогда не слыхалъ отъ нея.

И, оскорбленный въ своемъ самолюбіи, проговорилъ не безъ иронической нотки въ голосѣ:

— А что̀ же ты намъ прикажешь дѣлать, Рита?

— Развѣ вы сами, жрецы науки, не додумались?—такъ же иронически переспросила молодая женщина.

— Я не понимаю, что̀ ты хочешь сказать.

— Я хочу сказать, что недостойно взрослыхъ людей болтать за ужинами, повторяя одни и тѣ же жалостныя слова.

— Ты, Рита, не думаешь, что̀ говоришь!.. — воскликнулъ онъ порывисто. — Развѣ я сдѣлалъ что-нибудь такое, за что можно краснѣть? Развѣ я принимаю какое-нибудь участіе въ томъ, что̀ у насъ творится?

— Этого только недоставало, чтобъ ты принималъ участіе!.. Тогда... тогда...

Она на секунду запнулась.

— Что̀ тогда?

— Я давно бы оставила тебя.

— Безъ всякаго сожалѣнія?—спросилъ профессоръ.

— Безъ малѣйшаго!—проронила молодая женщина.

. . . . . .

Онъ ушелъ взволнованный и огорченный.

Прошла легкой, граціозной походкой и Маргарита Васильевна въ свой кабинетъ, чистенькій, со свѣтлыми обоями и камелькомъ, въ которомъ слегка шипѣли угли.

Небольшой письменный столъ въ углу, два большіе шкапа съ книгами, хорошая литографія мурильевской Мадонны, нѣсколько портретовъ любимыхъ писателей, иностранныхъ и русскихъ, цвѣты на окнахъ съ бѣлоснѣжными занавѣсками, маленькая оттоманка, два кресла, этажерка съ букетикомъ искусственныхъ парижскихъ цвѣтовъ—все это имѣло уютный видъ гнѣздышка, свитаго женской умѣлой рукой, и въ то же время свидѣтельствовало о серьезныхъ занятіяхъ хозяйки.

Она присѣла на оттоманку и задумалась, вспоминая только-что бывшее объясненіе. Она не отказывалась отъ своего мнѣнія о мужѣ, но она почувствовала жалость къ нему и сознавала себя виноватой передъ нимъ.

Зачѣмъ она вышла за него замужъ? Зачѣмъ?

И онъ такъ безумно любитъ ее, а она теперь едва его выноситъ. Не потому ли она такъ безпощадна къ нему, что не любитъ мужа и никого еще не любила?

А можетъ-быть, онъ и искренно убѣжденъ въ томъ, что оставаться среди нечестивыхъ—подвигъ, а не трусость? Онъ такъ горячо говорилъ.

— Нѣтъ... Это ложь, ложь!—прошептала она.

Какъ же ей поступить? Оставить его, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше?

Она испугалась пришедшей вслѣдъ затѣмъ мысли. Онъ вѣдь говорилъ, что не можетъ жить безъ нея. И, пожалуй, сдержитъ слово. Имѣетъ ли она право губить чужую жизнь?

И молодую женщину снова охватила жалость къ человѣку, который такъ ее любитъ и въ любви котораго виновата и она. Будущее казалось ей безнадежнымъ. Никого близкаго, съ кѣмъ можно бы поговорить.

— Одна... одна... Всегда одна!—тоскливо проронила она...

И слезы незамѣтно катились изъ ея глазъ.

Въ третьемъ часу Маргарита Васильевна по обыкновенію собралась навѣстить свой участокъ по дѣламъ попечительства и потомъ заѣхать къ Аглаѣ Петровнѣ Аносовой, богатой интеллигентной купчихѣ, поговорить объ одномъ дѣлѣ, которое съ недавняго времени занимало ея мысли, и привлечь ее къ задуманному предпріятію. Она охотно жертвовала на разныя полезныя дѣла, и Маргарита Васильевна почти не сомнѣвалась въ томъ, что Аносова, узнавши подробный планъ, не откажется помочь этому дѣлу.

Настроеніе, въ какомъ находилась Маргарита Васильевна, побуждало ее ѣхать сегодня же къ Аносовой. Зарѣчная хоть и не была съ ней знакома, но нѣсколько разъ встрѣчалась съ ней и знала ее по репутаціи. Навѣрное она не удивится цѣли ея посѣщенія. Она женщина умная, понимаетъ людей, и не станетъ вилять, а скажетъ прямо. Такимъ образомъ можно сегодня же узнать: устроится ли скоро дѣло, которое Маргарита Васильевна считала серьезнымъ и стоящимъ, чтобъ ему посвятить свои силы.

Переводная и компилятивная работа не удовлетворяла молодую женщину, и вдобавокъ приходилось переводить иногда глупости, а то, что̀ ей нравилось, редакторъ часто не одобрялъ, ссылаясь на времена и на разные циркуляры.

Не удовлетворяла ее и та благотворительная дѣятельность, которой она усердно отдалась, имѣя много свободнаго времени и посѣщая разные подвалы и трущобы, гдѣ знакомилась съ нищетой въ разныхъ ея проявленіяхъ, сознавая, что не помочь грошовыми подачками несчастнымъ людямъ.

Ей хотѣлось какого-нибудь большого, хотя бы и благотворительнаго дѣла, ужъ если женщинѣ заказаны другіе пути...

Она уже надѣвала принесенную ей въ кабинетъ каракулевую шапочку, когда до ея ушей долетѣлъ звукъ электрическаго звонка, и вслѣдъ затѣмъ вошла молодая горничная Катя и доложила:

— Прикажете принимать? Я сказала, что вы собираетесь

уходить, а господинъ сказалъ, что онъ на минутку... Вотъ и карточка ихняя!—прибавила она, подавая карточку.

Маргарита Васильевна взглянула на карточку и чуть не вскрикнула отъ изумленія.

— Принимать, принимать! Просите сюда ко мнѣ, Катя.

И молодая женщина торопливо сняла шапочку и перчатки, взглянула на себя въ зеркало, оправила волосы и опустилась на оттоманку, ожидая съ радостнымъ чувствомъ нежданнаго гостя, Василія Васильевича Невзгодина, самаго близкаго ея московскаго пріятеля и когда-то преданнаго и любящаго поклонника, влюбленнаго въ нее по уши, дѣлавшаго ей два раза предложеніе и скрывшагося за границу, какъ только она дала слово Зарѣчному.

Она предпочла блестящаго профессора этому милому, но безпутному малому, съ неустановившимися взглядами, безъ опредѣленной профессіи, съ злымъ языкомъ и добрѣйшимъ сердцемъ, который, вдобавокъ, былъ на три года моложе ея и казался ей больше товарищемъ, чѣмъ претендентомъ.

Съ тѣхъ поръ Невзгодинъ не подавалъ о себѣ никакихъ вѣстей, точно канулъ въ воду.

Маргарита Васильевна о немъ справлялась и получила извѣстіе, что онъ въ Парижѣ серьезно занимался химіей. Затѣмъ недавно до нея дошелъ слухъ, будто бы Невзгодинъ написалъ повѣсть, которая скоро появится въ одномъ изъ толстыхъ журналовъ.

II.

— Здравствуйте, Маргарита Васильевна! Не пугайтесь, я не задержу васъ... Вы собирались куда-то уходить... Только взгляну на васъ и исчезну!

Голосъ Невзгодина звучалъ весело и радостно, и въ этомъ голосѣ было что-то располагающее и искреннее.

Онъ крѣпко, по-товарищески, пожалъ Маргаритѣ Васильевнѣ руку и, улыбаясь, прибавилъ:

— Я объевропеился и совлекъ съ себя московскій халатъ. Не буду мѣшать вамъ... Въ самомъ дѣлѣ, уѣзжайте... Я какъ-нибудь въ другой разъ заверну. Скажите только, какъ поживаете? Надѣюсь, хорошо?

— Садитесь, Василій Васильичъ... Я такъ рада васъ видѣть, что съ большимъ удовольствіемъ останусь дома,—говорила Маргарита Васильевна, ласково оглядывая Невзгодина.— А въ самомъ дѣлѣ вы объевропеились, какъ говорите... Стали франтомъ... Въ васъ и не узнать прежняго богему на московскій ладъ.

— Отрицавшаго приличный костюмъ и носившаго русскія рубашки? — прибавилъ Невзгодинъ. — У насъ, въ Парижѣ, нельзя, какъ вы знаете, отрицать такое видимое отличіе цивилизованнаго человѣка отъ мизерабля... Никуда не пустятъ... Ну, я и пріучился имѣть про всякій случай новый рединготъ и стричь волосы, чтобы не пугать парижскихъ гаменовъ... Хоть къ самой генеральшѣ Дергачевой съ визитомъ. Помните, какъ она дѣлила людей по костюму на приличныхъ и «мовежанрныхъ», какъ она выражалась?

Дѣйствительно, модный рединготъ съ бархатнымъ воротникомъ и шелковыми отворотами сидѣлъ отлично на Невзгодинѣ. Широкій галстукъ, стоячіе воротники бѣлоснѣжной бѣлизны, модный цилиндръ, ботинки съ широкими носками—однимъ словомъ, все какъ слѣдуетъ, чтобы имѣть видъ вполнѣ приличнаго джентльмена.

И самъ онъ, невысокій, сухощавый и стройный, съ тонкими чертами живого, неспокойнаго лица, блѣднаго и болѣзненнаго, съ карими, острыми и смѣющимися глазами, глядѣлъ изящнымъ интеллигентомъ, въ которомъ чувствуется и умъ, и тонкость деликатной натуры, и темпераментъ. Каштановые волосы стояли «ежикомъ» на кругловатой головѣ съ большимъ открытымъ лбомъ, рыжеватаго оттѣнка бородка подстрижена, маленькіе усики прикрывали тонкія, нѣсколько искривленныя губы, придававшія физіономіи Невзгодина саркастическій видъ. Въ общемъ что-то мефистофелевское и въ то же время располагающее.

— Васъ не только къ генеральшѣ Дергачевой, а въ самый первый салонъ можно повести, Василій Васильевичъ. Какая разница съ тѣмъ невозможнымъ, который былъ на холерѣ.

Они познакомились во время холеры въ Саратовской губерніи. Маргарита Васильевна пріѣхала туда изъ Парижа, а Невзгодинъ изъ Москвы.

— Въ костюмѣ развѣ... А я все такой же, какимъ былъ и тогда... Подучился только за два года да больше опыта понабрался.

— Еще бы... Ну, разсказывайте о себѣ. Давно пріѣхали?

— Сегодня...

— И надолго?

— А не знаю... Какъ поживется. Подыщется ли подходящая... работа. Вѣдь я, какъ знаете, изъ бродягъ... Люблю новыя впечатлѣнія.

— Что же вы дѣлали въ Парижѣ?

— Учился получилъ дипломъ, гулялъ по бульварамъ, да-

валъ уроки русскаго языка взрослымъ французамъ и французскаго маленькимъ соотечественникамъ. Много читалъ, ну, и...

— И что̀?

— Случалось, покучивалъ...

— Въ веселой компаніи, конечно?

— Хуже: одинъ... въ минуты хандры, знаете ли, русской хандры, нападающей на человѣка, желающаго поймать луну и сомнѣвающагося въ такой возможности...

— Говорятъ, вы и повѣсть написали?

— И въ этомъ грѣшенъ, Маргарита Васильевна. Написалъ, и даже цѣлыхъ три. Рѣшился послать только одну... Кромѣ того, два мемуара по химіи напечаталъ во французскомъ журналѣ.

— Вотъ вы какой усердный стали... А какъ называется ваша повѣсть?

— «Тоска»...

— «Тоска»?.. Какое странное названіе... Тоска по комъ-нибудь?

— Объ этакихъ пустякахъ не сто̀итъ писать!—усмѣхнулся Невзгодинъ.—Я люблю, ты любишь, онъ любитъ... Варіаціи на тему объ Адамѣ и Евѣ... Скучно!

Маргаритѣ Васильевнѣ почему-то непріятенъ былъ этотъ шутливый тонъ.

«Какъ онъ скоро излѣчился отъ своей любви. А какъ тогда говорилъ!»—пронеслось у нея въ головѣ.

— Такъ, значитъ, въ вашей повѣсти тоска по чемъ-нибудь?

— Да... Вотъ скоро прочтете... Обѣщали въ январѣ напечатать.

— А раньше... У васъ нѣтъ развѣ копіи съ оригинала?

— Есть. Я нѣсколько разъ переписывалъ рукопись.

— Такъ прочитайте, пожалуйста. Мнѣ очень интересно будетъ прослушать.

— Извольте... Только, надѣюсь, вы не устроите литературнаго вечера?

— Я буду единственной слушательницей. Ну, а еще что̀ было за эти два года?

— Я женился.

— Вы? — удивленно спросила Маргарита Васильевна и, казалось, не была довольна этимъ извѣстіемъ.

— Родить дѣтей ума кому недоставало? — засмѣялся Невзгодинъ.—Впрочемъ, у меня нѣтъ ихъ.

— Когда же вы женились?

— Годъ тому назадъ...

— И жена съ вами пріѣхала?

— Нѣтъ, осталась за границей. Мы черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ свадьбы разошлись съ ней!

— И вы такъ спокойно объ этомъ говорите?

— Недостаточно радуюсь, вы думаете, Маргарита Васильевна, что впредь не такъ-то легко могу повторить эту глупость?

— Зачѣмъ же вы тогда женились?

— Зачѣмъ люди, и въ особенности русскіе, иногда совершаютъ необъяснимые никакой логикой поступки?.. Мнѣ думается, что я женился по той же причинѣ, по которой покучивалъ... Хотѣлъ перемѣнить положеніе... посмотрѣть, что̀ изъ этого выйдетъ... Ну, и не вышло ничего, кромѣ отчаянной и еще большей скуки жить съ человѣкомъ, съ которымъ у васъ такъ же мало общаго, какъ съ китайцемъ...

— Вы развѣ раньше этого не видѣли? Или настолько влюбились, что были ослѣплены? Она, вѣрно, француженка?—допрашивала Маргарита Васильевна съ жаднымъ любопытствомъ человѣка, положеніе котораго отчасти напоминаетъ положеніе другого.

— Чистѣйшая русская и даже москвичка. По правдѣ говоря, я даже не былъ настолько влюбленъ, чтобы быть въ ошалѣломъ состояніи. И не скрывалъ этого. Да и она, кажется, была въ такомъ же точно положеніи и вышла за меня больше для удобства имѣть мужа и не жить одной въ меблированныхъ комнатахъ... Ну, и притомъ вдова... тридцать лѣтъ... Учится медицинѣ, оканчиваетъ курсъ и скоро пріѣдетъ сюда. Очень дѣльная и по-своему неглупая женщина... Навѣрное сдѣлаетъ карьеру и будетъ имѣть хорошую практику.

— И хороша?

— Очень... Знаете ли, типъ римской матроны, строгой и нѣсколько величественной, гордой своими добродѣтелями, съ предразсудками, прямолинейностью и нѣкоторой скаредностью дамы купеческой закваски и горячимъ темпераментомъ долго вдовѣвшей здоровой особы. Неспокойная богема по натурѣ, какъ я, и такая непреклонная, строгая поклонница умѣренности, аккуратности и накопленія богатствъ по сантимамъ. Что̀ получилось въ результатѣ отъ такого соединенія? Мѣсяцъ-другой скотоподобнаго счастья и затѣмъ взаимная непріязнь другъ къ другу... рядъ раздраженныхъ колкостей и насмѣшекъ—съ одной стороны, и строгихъ, принципіальныхъ и методичныхъ нотацій—съ другой, съ прибавкой подчасъ обвиненій ревниваго характера, если я не былъ въ нашей

квартиркѣ въ одиннадцать часовъ вечера... А я, признаться, рѣдко приходилъ къ сроку... Ну, и въ одинъ прекрасный день за утреннимъ кофе мы откровенно сознались, что оба сдѣлали глупость и только мѣшаемъ другъ другу готовиться къ экзаменамъ, и порѣшили разойтись въ ближайшее воскресенье, когда жена могла не идти въ клинику. Разошлись мы по-хорошему, безъ сценъ и безъ упрековъ, — словомъ, безъ всякихъ драматическихъ осложненій... Напротивъ: Она простерла свою внимательность до того, что сама уложила мое бѣлье и платье, предоставивъ моему попеченію однѣ только книги и взявъ съ меня слово принять вину на себя, если она захочетъ повторить глупость, то-есть выйти опять замужъ, «но, конечно, за болѣе основательнаго человѣка»,—любезнымъ тономъ прибавила она. Съ тѣхъ поръ мы и не видались. Ну, вотъ я и кончилъ свою одиссею, стараясь не особенно злоупотреблять вашимъ вниманіемъ. Позволите закурить?

— Пожалуйста...

— Ну, а теперь мой чередъ, Маргарита Васильевна, допросить васъ. Позволите?

— Позволю.

— Вамъ какъ живется? Я слышалъ, недурно?..

— И не особенно хорошо!—произнесла молодая женщина.

Невзгодинъ взглянулъ на Маргариту Васильевну и замѣтилъ что-то сурово-страдальческое въ ея лицѣ.

«Видно, раскусила своего благовѣрнаго»,—подумалъ онъ и, освѣдомившись изъ любезности объ его здоровьѣ, продолжалъ:

— Только сытымъ коровамъ нынче хорошо живется, Маргарита Васильевна, а людямъ, да еще такимъ требовательнымъ, какъ вы, трудно угодить... Ищете попрежнему оригинальныхъ людей? Много работаете?—деликатно перешелъ онъ на другую тему.

— Бросила искать. Ихъ такъ мало среди моихъ знакомыхъ. Кое-что перевожу... Читаю.

— Бываете въ обществѣ?

— Бываю, но рѣдко... Мало интереснаго... Дома спокойнѣе, хоть и въ одиночествѣ.

— А Николай Сергѣичъ?

— Онъ рѣдко по вечерамъ дома. Засѣданія, комиссіи... Я болѣе одна.

— Значитъ, набили вамъ оскомину московскіе фиксы, Маргарита Васильевна?

— И какъ еще!

— Видно, они такіе же, что̀ и прежде! Чай съ печеньемъ, невозможная толпа приглашенныхъ въ маленькихъ комнатахъ,

какой-нибудь пріѣзжій «гость» въ качествѣ гвоздя, изрѣдка пѣвецъ или пѣвица для разнообразія, сплетни и самые оптимистическіе административные слухи, и наконецъ объединяющій ужинъ и за нимъ обязательно рѣчи, и иногда длинныя, чортъ возьми, рѣчи, и всегда съ гражданскимъ подходомъ... Сперва тостъ за «гостя», который... и такъ далѣе, потомъ за «честнаго представителя науки», который... и такъ далѣе, за «мастера слова», за «жреца искусства»—однимъ словомъ, кукушка хвалитъ пѣтуха за то, что хвалитъ онъ кукушку. Иванъ Петровичъ великій человѣкъ и Петръ Иванычъ тоже великій человѣкъ, и, чтобъ никому не было обидно, всѣмъ по тосту и по «великому человѣку» бѣлымъ или крымскимъ виномъ... Знаю я эти фиксы... Узнаю свою милую Москву... Любитъ она-таки поболтать и покушать...

— Эта болтовня съ цивической окраской и противна...

— Отчего?.. Мнѣ такъ она прежде нравилась. По крайней мѣрѣ люди пріучаются говорить.

Невзгодинъ сталъ прощаться.

— И то вмѣсто минутки часъ просидѣлъ, а мнѣ еще надо въ одно мѣсто.

— Ну, не удерживаю... Пріѣзжайте опять, да поскорѣй... вечеромъ какъ-нибудь. Мнѣ еще надо обо многомъ съ вами переговорить... Я тутъ одно дѣло затѣваю... И вообще, надѣюсь, мы, какъ старые друзья, будемъ часто видѣться.

— Я бы непрочь, да боюсь, Маргарита Васильевна.

— Чего?

— Какъ бы старое не вернулось. Рецидивы, знаете ли, бываютъ при лихорадкахъ!—шутливо промолвилъ Невзгодинъ.

— И какъ вамъ не надоѣстъ всегда шутить, Василій Васильичъ... Зачѣмъ вы этотъ вздоръ говорите?.. Кокетничаете?.. Такъ вы и безъ кокетства милый старый пріятель, котораго я всегда рада видѣть... Что̀ было, то не повторится... Такъ навѣщайте... Съ вами какъ-то пріятно говорить.

— За то, что рѣчей не говорю?

— И за это, а главное—за то, что вы не топорщитесь... не играете роли. Такой, какъ есть.

— Одинъ изъ безпутнѣйшихъ россіянъ, какъ вы прежде меня называли. Помните?

— Мало ли что̀ я прежде говорила... Вотъ вы безпутный, а работали-таки много... въ Парижѣ.

— И женился даже. Ну, до свиданья... Когда къ вамъ можно?

— Да хоть завтра вечеромъ.

— Не могу, я на юбилеѣ Косицкаго. Хочу всю Москву

видѣть. Да и юбиляра слѣдуетъ почтить,—премилый человѣкъ! А вы развѣ не собираетесь? Поѣдемте, Маргарита Васильевна. Я заѣду за вами. Идетъ?

Она согласилась, но просила не заѣзжать. Она пріѣдетъ съ мужемъ.

— А за обѣдомъ сидѣть будемъ рядомъ, Василій Васильевичъ. Займите мѣста.

Невзгодинъ еще разъ пожалъ руку хозяйкѣ и откланялся.

Дорогой, плетясь на саняхъ, Невзгодинъ думалъ о Маргаритѣ Васильевнѣ.

Онъ находилъ, что она очень похорошѣла съ тѣхъ поръ, какъ вышла замужъ, и стала еще обворожительнѣе, какъ женщина. Но думалъ онъ объ этомъ совсѣмъ объективно. Красота Маргариты Васильевны ужъ не влекла къ себѣ, какъ прежде, когда онъ безумствовалъ отъ любви. Теперь онъ можетъ быть съ ней такимъ же пріятелемъ, какимъ былъ на холерѣ, оставаясь совсѣмъ равнодушнымъ къ ея женскимъ чарамъ. Она славный человѣкъ, и съ ней нескучно и безъ ухаживанія, что̀ большая рѣдкость. Онъ непремѣнно будетъ ее навѣщать, и часто.

«Да, видно, любовь въ самомъ дѣлѣ не повторяется!»—думалъ Невзгодинъ. А какъ онъ ее тогда любилъ! Цѣлыхъ два года не могъ отдѣлаться отъ этой любви, и вотъ теперь совсѣмъ не жалѣетъ, что она ему отказала. Жаль только бѣдняжку, она несчастлива, конечно, съ Зарѣчнымъ.

И Невзгодинъ удивлялся тому, что Маргарита Васильевна живетъ съ человѣкомъ, котораго, очевидно, не любитъ и не уважаетъ, и все-таки остается его женой. Видно, въ самомъ дѣлѣ, даже и въ самыхъ порядочныхъ женщинахъ животное даетъ-таки себя знать, и онѣ прощаютъ такому красавцу, какъ Зарѣчный, то, что̀ не простили бы самому геніальному человѣку, будь онъ дурнымъ мужемъ.

Это возмущало Невзгодина, и онъ обвинялъ Маргариту Васильевну за то, что она не бросаетъ мужа.

— Это свинство!—проговорилъ вдругъ вслухъ, охваченный негодованіемъ, Невзгодинъ. —Свинство!—повторилъ онъ.

— Что̀, баринъ?—спросилъ его извозчикъ.

— Поѣзжай, ради Бога, скорѣй!—отвѣчалъ Невзгодинъ.

III.

— Аглая Петровна дома?

— Дома, пожалуйте.

И молодой, пригожій и привѣтливый лакей въ опрятномъ синемъ полуфракѣ съ золочеными пуговицами, открывшій широкія двери подъѣзда небольшого двухэтажнаго особняка,

стоявшаго въ глубинѣ двора, отдѣленнаго отъ улицы бронзированною рѣшеткой,—пропустилъ зазябшую на морозѣ Зарѣчную въ большія теплыя сѣни, гдѣ въ каминѣ яркимъ пламенемъ горѣли, потрескивая, дрова.

Онъ снялъ съ ея плечъ ротонду па длинношерстыхъ черныхъ тибетскихъ барашкахъ и нагнулся снять калоши, но его попросили не безпокоиться.

— У Аглаи Петровны никого нѣтъ?—спросила Зарѣчная, останавливаясь передъ зеркаломъ, чтобы оправиться.

— Никого-съ. Извольте подняться наверхъ. Барыня у себя въ кабинетѣ. Какъ прикажете доложить?

Маргарита Васильевна дала свою карточку и поднялась вслѣдъ за лакеемъ по широкой, устланной ковромъ лѣстницѣ. Большія кадки съ тропическими растеніями стояли на площадкѣ по бокамъ громаднаго простѣночнаго зеркала.

Лакей распахнулъ двери въ залу, провелъ гостью въ сосѣднюю гостиную и скрылся за портьерой.

Зарѣчная присѣла на маленькій диванчикъ и любопытно оглядывала эту большую, застланную сплошь ковромъ, комнату съ роскошной, обитой зеленымъ шелкомъ мебелью, съ изящными столами, столиками и уютными уголками за трельяжами и съ нѣсколькими картинами, въ которыхъ сразу признала художественныя произведенія большого достоинства. Каждая вещь въ гостиной, начиная отъ лампы и кончая крошечной севрской вазочкой на столикѣ, отличалась изяществомъ и тонкимъ вкусомъ. Все цѣнное, но ничего грубаго, крикливаго у этой внучки ярославскаго крестьянина, милліонерши Аглаи Петровны Аносовой, купеческой вдовы, извѣстной своей щедрой благотворительностью, умомъ, красотой и строгими нравами.

Самые злые языки не смѣли бросить малѣйшую тѣнь на ея репутацію. Никто не могъ назвать ни одного любовника въ теченіе пятилѣтняго вдовства Аносовой. Недаромъ же ее прозвали «безчувственной бабой», удивляясь, что она отказывала нѣсколькимъ женихамъ изъ богатѣйшаго купечества и изъ представителей родовитаго дворянства, въ числѣ которыхъ былъ даже одинъ красавецъ Рюриковичъ, и, казалось, нисколько не тяготилась своимъ добровольнымъ вдовствомъ въ полномъ расцвѣтѣ пышной красоты женщины тридцати трехъ лѣтъ, занятая и удовлетворенная, повидимому, благотворительностью да своими большими торговыми дѣлами, которыя вела сама съ умѣніемъ и дѣловитостью, вызывавшими невольное удивленіе

Тяжелая штофная портьера колыхнулась, и изъ-за нея

вышла, направляясь къ гостьѣ неспѣшной и увѣренной, слегка плывущей походкой, слегка прищуривая черные бархатистые глаза, ласковые и привѣтные, ослѣпительной красоты высокая, статная брюнетка, съ черными, какъ смоль, волосами, гладко зачесанными назадъ, въ скромномъ шерстяномъ черномъ платьѣ, безукоризненно сидѣвшемъ на ней, бѣлая, свѣжая и румяная, съ роскошными формами красиваго бюста.

Брильянтовые крупные кабошоны сверкали въ ея розоватыхъ ушахъ; изъ-подъ узкаго рукава виднѣлась золотая цѣпь porte-bonheur'a, и на мизинцахъ красивыхъ, нѣсколько крупноватыхъ, холеныхъ рукъ было по кольцу. На одномъ—большая бирюза; на другомъ—отливавшій кровью рубинъ.

— Очень рада васъ видѣть у себя, Маргарита Васильевна,— проговорила Аносова своимъ низковатымъ пріятнымъ голосомъ, протягивая поднявшейся гостьѣ руку.

Она крѣпко пожала крошечную руку и, задерживая ее въ своей широкой бѣлой рукѣ, протянула, слегка наклоняя голову, свои алыя полноватыя губы.

Дамы расцѣловались.

Передъ царственной роскошной фигурой Аглаи Петровны маленькая худощавая фигурка Маргариты Васильевны казалась еще меньше.

— Пойдемте-ка лучше ко мнѣ. Здѣсь и холодновато и какъ-то неуютно. Для визитныхъ гостей комната.

— А я къ вамъ именно по дѣлу! — поторопилась сразу же сказать Зарѣчная, чтобы не подать повода къ недоразумѣнію.

Аглая Петровна слегка улыбнулась, точно хотѣла сказать что и не сомнѣвается въ цѣли визита, и сердечно прибавила:

— Какой бы вѣтеръ ни занесъ васъ сюда, мнѣ пріятно васъ видѣть, Маргарита Васильевна. Въ моей клѣтушкѣ и поговоримъ. Тамъ никто намъ не помѣшаетъ. Пойдемте!

И Аглая Петровна повела гостью черезъ сосѣднюю, маленькую голубую гостиную и другую комнату, убранную въ восточномъ вкусѣ, въ свою «клѣтушку», какъ она называла кабинетъ, въ которомъ работала, принимала по дѣламъ и болѣе интимныхъ знакомыхъ.

Маргарита Васильевна быстрымъ взглядомъ окинула «клѣтушку».

Это была небольшая комната въ два широкихъ окна, пропускающихъ много свѣта.

Чернаго дерева письменный столъ у простѣнка имѣлъ строго-дѣловой видъ. Нѣсколько конторскихъ книгъ, исписанныя цифрами вѣдомости и скромный письменный приборъ.

Большіе счеты съ отброшенными костяжками и отставленное кресло на бѣлоснѣжномъ пушистомъ мѣхѣ ангорской козы свидѣтельствовали, что Аглаю Петровну только-что оторвали отъ работы. Лишь чудный букетъ изъ розъ и ландышей нѣсколько нарушалъ строгую дѣловую выдержанность убранства стола.

Зато вся остальная обстановка говорила о томъ, что хозяйка—не только дѣловая женщина.

Полный книгъ большой библіотечный шкапъ, бюсты Шелли, Байрона, Тургенева и Толстого на мраморныхъ колонкахъ, марина Айвазовскаго, два жанра Маковскаго, фотографіи съ автографами разныхъ «извѣстностей» на мольбертѣ и по стѣнамъ, уютный уголокъ съ свѣтло-сѣрой мягкой мебелью вокругъ маленькаго японскаго столика-этажерки, столъ посрединѣ съ журналами и газетами, висячій фонарикъ и теплившаяся въ углу лампадка предъ образомъ Божіей Матери—таково было убранство этой «клѣтушки».

Въ ней было тепло и уютно. Тонкій ароматъ цвѣтовъ пріятно щекоталъ обоняніе.

— Присаживайтесь сюда, Маргарита Васильевна,—указала хозяйка на маленькій булевскій диванчикъ и, отодвинувъ японскій столикъ, на которомъ лежалъ желтый томикъ новаго романа Золя, опустилась сама въ кресло. — Снимите лучше шапочку, а то головѣ жарко будетъ. Прикажете угощать васъ чаемъ? Вы вѣдь знаете, у насъ, по купечеству, никакихъ дѣлъ безъ чая не дѣлается!—прибавила въ шутку Аглая Петровна, улыбаясь ласковою, широкою улыбкой и показывая рядъ жемчужинъ-зубовъ.

Маргарита Васильевна отъ чая отказалась.

Она сняла шапочку и, встрѣтивъ восхищенный взглядъ Аглаи Петровны, любующейся тонкими чертами изящнаго, словно бы точенаго личика, смущенно и вмѣстѣ съ тѣмъ весело улыбалась.

— Такъ позвольте о дѣлѣ?—проговорила она.

— Пожалуйста.

Нѣсколько смущенная своимъ первымъ обращеніемъ за помощью къ малознакомой женщинѣ, Маргарита Васильевна сперва не совсѣмъ твердо, торопясь и конфузясь, начала излагать сущность дѣла, о которомъ хлопотала. Но скоро это смущеніе прошло, тѣмъ болѣе, что Аглая Петровна слушала ее съ большимъ вниманіемъ, серьезно и дѣловито, слегка склонивъ голову и по временамъ ласково улыбаясь глазами, словно бы поощряя гостью не стѣсняться.

«Какъ съ ней просто и легко!»—подумала Зарѣчная.

И, вполнѣ овладѣвши собой, она не спѣша, толково и нѣсколько горячо развивала свою мысль о необходимости устроить въ Москвѣ для бѣднаго люда большой домъ, въ которомъ были бы хорошая библіотека, зала для устройства лекцій и концертовъ, столовая и чайная.

— Мнѣ кажется, я увѣрена, что это было бы хорошее дѣло. Конечно, такой домъ не панацея отъ нищеты, пьянства и разврата, но все-таки... Примѣръ Москвы вызоветъ и другіе города. Вы сочувствуете этой мысли, Аглая Петровна?—закончила вопросомъ молодая женщина и снова покраснѣла.

— Какъ не сочувствовать! Очень даже сочувствую вашей идеѣ, Маргарита Васильевна, устроить у насъ то, что̀ въ Европѣ давно есть. Въ Лондонѣ цѣлый народный дворецъ завели. У меня есть послѣдній отчетъ, дѣло идетъ хорошо. Вотъ и на моей фабрикѣ рабочіе стали меньше ходить по кабакамъ и меньше бить женъ и ребятишекъ съ тѣхъ поръ, какъ мы завели тамъ читаленку и открыли чайную. Управляющій говорилъ мнѣ, что и прогуловъ меньше. И имъ и намъ, хозяевамъ, лучше. Мысль ваша хорошая, что̀ и говорить.

— Я была увѣрена, что найду въ васъ сочувствіе!—воскликнула просіявшая отъ радости Зарѣчная.

— Ну, это что̀! — промолвила съ тихой усмѣшкой Аглая Петровна.—Вѣдь вы же не за однимъ сочувствіемъ ко мнѣ пожаловали, а за деньгами. Зачѣмъ же къ намъ, къ богатымъ купчихамъ, и ѣздятъ, какъ не за деньгами! — прибавила она.

Маргаритѣ Васильевнѣ показалось, что грустная нотка прозвучала въ этихъ словахъ. Ей сдѣлалось неловко, но она все-таки храбро проговорила:

— Вы правы, Аглая Петровна. Я пріѣхала, разсчитывая на вашу помощь.

Эта откровенность видимо понравилась Аносовой, по крайней мѣрѣ, прямо, безъ подходовъ.

И она замѣтила:

— Дѣло только затѣяли вы большое... Оно пахнетъ сотнями тысячъ. И наконецъ разрѣшатъ ли такой домъ?

— Отчего не разрѣшить? Мнѣ кажется, что въ этомъ препятствія не будетъ.

— Оптимистка вы, какъ посмотрю, Маргарита Васильевна!.. Ну, разумѣется, попытаться слѣдуетъ.

И, съ дѣловитостью практической женщины, неожиданно прибавила:

— А покупать домъ невыгодно. Лучше самимъ выстроить. И непремѣнно на Хитровомъ рынкѣ.

— У меня и смѣта и уставъ есть! — весело проговорила гостья, вынимая изъ мѣшечка нѣсколько листковъ.

— Вотъ какъ... Значитъ, горячо принялись. Сколько же по смѣтѣ выходитъ?

— Много, Аглая Петровна... Двѣсти тысячъ.

Но цифра эта нисколько не испугала Аносову.

Она пробѣжала глазами смѣту и протянула:

— Не мало ли?

— Архитекторъ говоритъ: довольно.

— Ужъ если затѣвать дѣло, такъ основательно. Архитекторы часто ошибаются. А вы смѣту и уставъ позвольте оставить... Я подробно ознакомлюсь... И принять участіе въ этомъ дѣлѣ я непрочь... Одной только мнѣ трудно... На этотъ годъ у меня ужъ почти всѣ деньги, назначенныя на благотворительныя дѣла, распредѣлены. Тысячъ пятьдесятъ могу.

Она проговорила эту цифру спокойно, точно дѣло шло о пяти рубляхъ.

Зарѣчная глядѣла на Аглаю Петровну восторженными и благодарными глазами. Эта цифра изумила ее. Она словно вся засіяла и порывисто воскликнула:

— Вотъ начало уже и есть!

— Ишь вы засіяли вся, Маргарита Васильевна. Видно, очень ужъ дорога вамъ ваша мысль?

— Еще бы!

— И сами вы, конечно, надумали ее... Или мужъ?

— Сама. Читала, что дѣлаютъ въ Европѣ. Думаю: отчего не попробовать и у насъ.

— А супругъ одобряетъ?

— Я съ нимъ подробно не говорила еще объ этомъ!—отвѣтила Маргарита Васильевна и невольно покраснѣла.

Аглая Петровна какъ будто еще ласковѣе взглянула на гостью послѣ этихъ словъ и весело сказала:

— Да и не надо путать мужчинъ. Богъ съ ними! Они и безъ того все захватили. Мы и безъ нихъ обойдемся. Не правда ли?

— Конечно.

«А я-то думала: счастливая парочка!»—пронеслось въ головѣ Аглаи Петровны, и она, словно подвергая экзамену свою гостью, спросила:

— А вы, Маргарита Васильевна, развѣ не побоитесь черной работы?

— То-есть какой?

— А съ этимъ домомъ!.. Напримѣръ, завѣдывать имъ.

— Я этого только и желаю.

— Вотъ и отлично. Значитъ, и хозяйка дѣла будетъ хорошая.

— Прежде надо узнать, какая буду, а потомъ хвалить,— засмѣялась Зарѣчная.

— Да я вѣдь знаю, какъ вы въ своемъ попечительствѣ работаете, и слышала, какъ вы два года тому назадъ на холерѣ работали... Слышала. И какъ же мнѣ нахваливалъ васъ одинъ господинъ!

— Кто это?

— Невзгодинъ, Василій Васильичъ. Вѣдь вы вмѣстѣ на холерѣ были?

— Да. А вы съ нимъ знакомы?

— Этимъ лѣтомъ въ Бретани познакомились... Вмѣстѣ въ С.-Мало на купаньѣ были. Умный и интересный человѣкъ, только ужъ очень онъ представителей капитала не любитъ. Такъ громилъ меня, что страхъ. Однако не убѣдилъ меня раздать всѣ свои богатства!—улыбнулась Аглая Петровна.— А вы знаете, вѣдь онъ женился. Я видѣла его жену. Студентка въ Парижѣ. Пріѣзжала къ нему на недѣлю.

— И ужъ разошелся съ женой.

— Да? Онъ, кажется, не очень-то годится для семейнаго очага. Слишкомъ независимъ и правдивъ... И она, его жена, мнѣ не понравилась... Очень важничаетъ своей медициной... Такъ Василій Васильичъ разошелся? Это вѣрно? Откуда вы слышали, Маргарита Васильевна?—съ живостью спрашивала Аносова.

— Онъ вчера мнѣ самъ говорилъ.

— Такъ онъ пріѣхалъ?—вырвалось невольное восклицаніе у Аглаи Петровны.

И при этомъ неожиданномъ извѣстіи румянецъ алѣе заигралъ на ея щекахъ, и радостный огонекъ блеснулъ въ ея глазахъ.

Это не укрылось отъ Маргариты Васильевны.

«Невзгодинъ ей нравится!»—подумала она и отвѣтила:

— Третьяго-дня пріѣхалъ!

— И былъ у васъ?—уже спокойно спросила Аносова.

— Да. Мы вѣдь старые пріятели.

— Какъ же... Онъ говорилъ, какимъ былъ горячимъ вашимъ поклонникомъ, Маргарита Васильевна.

— То было такъ давно... Два года назадъ, когда я не была еще замужемъ...

— А ко мнѣ и не показался, хоть и обѣщалъ навѣстить, какъ вернется въ Москву... Интересный человѣкъ... Не ломанный... Не боится говорить, что̀ думаетъ, и... такого не купить милліонами...

— Да... Хорошій человѣкъ. Я его очень люблю!—спокойно проговорила Зарѣчная.

— Онъ надолго сюда?

— Самъ не знаетъ... Богема.

— Да... Непутевый какой-то... Ну, и язычокъ!.. —засмѣялась Аглая Петровна.

Наступило молчаніе.

— Вотъ мужчина и отвлекъ насъ отъ дѣла,—заговорила, смѣясь, Аглая Петровна.—Ну ихъ! Такъ я, говорю, непрочь дать пятьдесятъ тысячъ, а остальныя деньги надо собрать. Вы обращались еще къ кому-нибудь?

— Къ вамъ къ первой, Аглая Петровна. Другихъ я никого не знаю, то-есть не знакома...

— Это не бѣда; прямо поѣзжайте. И васъ и мужа вашего знаютъ въ Москвѣ.

— Я готова. Научите только, къ кому ѣхать...

Аглая Петровна на минутку задумалась и потомъ назвала Измайлову и Рябинина.

— Эти, быть-можетъ, дадутъ. И деньги у нихъ должны быть свободныя. Особенно у Дарьи Степановны Измайловой. Богата очень, и всѣ свои капиталы непроизводительно держитъ въ бумагахъ и только купоны рѣжетъ!—не безъ снисходительнаго презрѣнія вставила Аносова.—Можно ей сказать, что я даю, тогда она вдвое дастъ. Завистливы мы на все... На этомъ часто попадаются неосновательные люди!—усмѣхнулась Аносова. — Только къ ней вы лучше не ѣздите сами, а пошлите мужа...

— Отчего?

— Скорѣе дастъ, если попроситъ мужчина, да еще такой красавецъ, какъ вашъ мужъ. Любила ихъ много въ молодости и теперь на старости лѣтъ любитъ на нихъ поглядѣть. Распущенный человѣкъ, хоть и добраго сердца, — пояснила Аглая Петровна.—Въ уздѣ не умѣла себя держать... Ну да это и нелегкое дѣло, особенно для такихъ богачекъ... Нетрудно сломать себѣ шею, если Богъ ума не далъ и нѣтъ правилъ въ жизни,—строго прибавила она.

«Ты-то своей прелестной головы не сломаешь!»—невольно подумала Маргарита Васильевна, любуясь Аносовой.

— А къ Рябинину непремѣнно поѣзжайте сами...

— И этотъ распущенный?—брезгливо проронила Маргарита Васильевна.

— Любитъ старикъ красивыхъ женщинъ... Но только не бойтесь... Онъ совсѣмъ приличный человѣкъ.

Зарѣчная надѣла шапочку и поднялась.

— Быть-можетъ, и не по дѣлу когда заглянете, Маргарита Васильевна?—ласково пригласила Аносова.

— Съ большимъ удовольствіемъ! — горячо проговорила гостья.

— Мы, кажется, сойдемся... Но только, конечно, не съ визитомъ, а такъ... побесѣдовать... По вечерамъ я всегда дома и почти всегда одна. А вы когда свободны?

— Тоже по вечерамъ и тоже почти всегда одна.

Обѣ грустно улыбнулись.

Аглая Петровна проводила гостью черезъ анфиладу комнатъ и, еще разъ цѣлуя Зарѣчную, сказала:

— Сегодня, конечно, вы будете на юбилеѣ?

— Буду.

— Такъ до вечера.

Аглая Петровна привѣтливо кивнула головой и, вернувшись въ свою «клѣтушку», присѣла за письменный столъ и подавила пуговку электрическаго звонка два раза.

На зовъ явился старикъ-артельщикъ, худощавый, опрятный, благообразный.

— Сейчасъ же поѣзжайте, Кузьма Иванычъ, въ адресный столъ и справьтесь, гдѣ остановился дворянинъ Василій Васильичъ Невзгодинъ. Онъ третьяго-дня пріѣхалъ изъ-за границы, вѣрно, уже прописанъ. Фамилію, имя и отечество запишите. Да никому объ этомъ не болтать! — толково, ясно, ласково и въ то же время властно отдавала приказаніе Аглая Петровна.

— Слушаю-съ!—отвѣчалъ артельщикъ и такъ же безшумно ушелъ, какъ явился.

Аглая Петровна на минуту задумалась и, подавивъ вздохъ, принялась за повѣрку отчета по фабрикѣ.

Костяжки такъ и прыгали подъ ея крупными бѣлыми пальцами, нарушая тишину, царившую въ «клѣтушкѣ».

IV.

Для самолюбія мужчины въ высшей степени больно и оскорбительно, когда въ глазахъ любимой и притомъ умной женщины онъ теряетъ свой прежній ореолъ и представляется ей далеко не въ томъ великолѣпіи, въ какомъ представлялся еще недавно.

Въ такомъ именно положеніи развѣнчаннаго героя и очутился, совершенно для себя неожиданно, молодой профессоръ послѣ разговора съ женой.

Если, впрочемъ, Николай Сергѣевичъ по скромности и не претендовалъ на титулъ героя, — хотя, случалось, и непрочь

былъ, грѣшнымъ дѣломъ, погеройствовать на словахъ и пожалѣть, что отечество не представляетъ благопріятной почвы для героическихъ поступковъ,—то во всякомъ случаѣ считалъ себя цивически безупречнымъ общественнымъ дѣятелемъ, разумѣется, въ предѣлахъ, не переступавшихъ безполезнаго донкихотства.

И, сравнивая себя съ большинствомъ своихъ коллегъ, Зарѣчный не безъ нѣкотораго права могъ, какъ Нарциссъ, любоваться собственною персоной и не находить серьезныхъ основаній быть недовольнымъ собой, подобно многимъ смертнымъ.

Не напрасно же въ самомъ дѣлѣ онъ пользовался въ Москвѣ такою популярностью!

Его по справедливости считали блестящимъ профессоромъ. Диссертація Зарѣчнаго въ свое время была признана цѣннымъ вкладомъ въ науку и составила ему въ ученомъ мірѣ имя. Затѣмъ онъ не опочилъ, по примѣру товарищей, на лаврахъ, а писалъ, какъ всѣ знали, большую книгу, нѣсколько главъ которой были напечатаны въ одномъ изъ журналовъ и вызвали въ свое время лестные отзывы. Въ интеллигентныхъ кружкахъ и среди молодежи на него смотрѣли, какъ на одного изъ тѣхъ стойкихъ и независимыхъ жрецовъ науки, которые, по краснорѣчивому выраженію самого же Николая Сергѣевича, «высоко держатъ свѣточъ знанія». Ни для кого не было секретомъ, что Зарѣчный не раздѣляетъ взглядовъ большинства товарищей и держится въ сторонѣ отъ всякихъ дрязгъ и интригъ. Онъ и самъ не скрывалъ этого и, намекая на трудность своего положенія, говорилъ о змѣиной мудрости и о долгѣ порядочнаго человѣка быть и одному воиномъ въ полѣ. Студенты и особенно первокурсники изъ болѣе впечатлительныхъ превозносили Зарѣчнаго и въ его горячихъ тирадахъ, сопровождавшихъ иногда лекціи, слышали голосъ человѣка твердыхъ принциповъ, слова котораго не расходятся съ дѣломъ. Его любили, какъ необыкновенно мягкаго, доступнаго и всегда привѣтливаго профессора, принимавшаго близко къ сердцу студенческія бѣды. Публичныя лекціи Зарѣчнаго, которыя онъ читалъ съ благотворительною цѣлью, всегда привлекали массу публики и вызывали оваціи. Его звали въ разныя филантропическія общества и кружки, считая участіе Николая Сергѣевича необходимымъ для успѣха дѣла. Онъ признавался первымъ ораторомъ въ Москвѣ, гдѣ, какъ извѣстно, любятъ и умѣютъ красиво говорить, и его рѣчи и въ собраніяхъ и на торжественныхъ обѣдахъ слушались съ благоговѣйнымъ вниманіемъ. Особенно носились съ Зарѣчнымъ дамы.

Онѣ пропагандировали его славу, преклонялись передъ нимъ влюблялись въ него, писали ему восторженныя письма. Въ Москвѣ ходили слухи, будто нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда Николай Сергѣевичъ еще былъ холостымъ, одна молодая интеллигентная купчиха, съ огромнымъ состояніемъ, покушалась на самоубійство, въ виду полнѣйшаго равнодушія Николая Сергѣевича къ любви и милліонамъ этой хорошенькой психопатки декадентскаго пошиба, желавшей во что бы то ни стало сдѣлаться женою моднаго красавца-профессора.

Однимъ словомъ, Николай Сергѣевичъ становился однимъ изъ тѣхъ излюбленныхъ московскихъ людей, которыхъ обыкновенно называютъ не по фамиліямъ, какъ простыхъ смертныхъ, а лишь по имени и отечеству, и не знать которыхъ такъ же предосудительно, какъ не знать Ивана Великаго, Иверской, царь-пушки и трактира Тѣстова.

Чувствительный къ успѣхамъ и избалованный ими, Николай Сергѣевичъ старался быть на высотѣ своей репутаціи и, отдавая всего себя на «общественное служеніе», какъ называлъ онъ свою разнообразную и, дѣйствительно, суетливую дѣятельность, отнимавшую много времени, не задумывался ни о томъ, насколько она плодотворна и полезна, ни о томъ, насколько цѣнна и заслужена его популярность.

Да и некогда было.

Николая Сергѣевича просто-таки «разрывали», и онъ, польщенный общимъ вниманіемъ и вдобавокъ мягкій по натурѣ, не отказывался и всюду поспѣвалъ, вездѣ игралъ видную роль. Рѣшительно не было въ Москвѣ такого ученаго, благотворительнаго или даже увеселительнаго общества, въ которомъ не участвовалъ бы Зарѣчный въ качествѣ предсѣдателя, члена комитета или просто члена. И вездѣ онъ читалъ рефераты, дѣлалъ сообщенія, возражалъ и говорилъ рѣчи: и въ ученыхъ собраніяхъ, и въ благотворительныхъ комитетахъ, и въ обществѣ грамотности, и въ родительскомъ кружкѣ, и въ педагогическомъ, и въ артистическомъ, и даже въ обществѣ велосипедистовъ.

Дѣятельность его, вызывавшая общіе восторги, никогда не подвергалась серьезной критикѣ, и Николай Сергѣевичъ могъ, казалось, съ горделивымъ сознаніемъ своихъ общественныхъ заслугъ, пребывать на высотѣ положенія, на которую его вознесли.

И вдругъ эти насмѣшливо-ядовитыя слова, эти холодные взгляды суроваго обвинителя.

И кто же этотъ обвинитель?

Самый дорогой для него на свѣтѣ человѣкъ—боготворимая

жена, сочувствіемъ которой онъ особенно дорожилъ и такъ долго его добивался, бывши ея поклонникомъ.

Положеніе было до-нельзя обидное и мучительное. Оно осложнялось еще грустнымъ открытіемъ, что эта женщина, въ которую профессоръ до сихъ поръ влюбленъ со слѣпымъ безуміемъ чувственной страсти,—такъ мало любитъ его. Она такъ спокойно сказала, что бросила бы его, не задумываясь, при извѣстныхъ обстоятельствахъ,—и онъ зналъ, что это не пустая угроза. Если бы она любила, то, разумѣется, не была бы такъ безпощадна къ мужу, будь онъ даже дурнымъ человѣкомъ. Любимымъ людямъ женщины все прощаютъ.

Правда, она не скрывала, что выходитъ замужъ, далеко не влюбленная и — какъ она выразилась — «взвѣсивши всѣ обстоятельства». И она ихъ перечислила съ мужественной прямотой, такъ что для Зарѣчнаго не могло быть сомнѣнія въ томъ, что онъ для нея лишь умный, интересный и порядочный человѣкъ, котораго она уважаетъ и къ которому расположена—не болѣе. Потеряй онъ въ глазахъ жены свой ореолъ, и она для него потеряна.

И онъ принялъ эти объясненія съ восторгомъ влюбленнаго, несмотря на ихъ обидную для мужчины условность, — принялъ, желая обладать любимымъ существомъ и надѣясь, что заслужитъ и любовь. Онъ всѣми силами добивался ея, былъ обыкновенно внимателенъ къ женѣ, стараясь въ то же время не надоѣдать ей своею навязчивостью, и ему казалось, что въ эти два года и Рита полюбила его. По крайней мѣрѣ она была всегда ровна и ласкова, принимала къ сердцу его интересы и не чувствовала себя оскорбленной, отдаваясь горячимъ ласкамъ мужа. Они жили согласно. Никакихъ недоразумѣній, никакихъ супружескихъ сценъ. Рита попрежнему уважала его и, повидимому, вполнѣ сочувствовала его дѣятельности.

«Ужъ не полюбила ли она кого-нибудь!»

Это было первой мыслью, которая пришла въ голову профессора, когда онъ, послѣ разговора съ женой, шелъ въ университетъ, взволнованный и удрученный, весь поглощенный думами о причинѣ неожиданныхъ упрековъ любимой жены. Подобно многимъ безхарактернымъ людямъ, внезапно застигнутымъ бѣдой, онъ словно бы боялся взглянуть ей прямо въ глаза и непремѣнно хотѣлъ найти объясненіе не тамъ, гдѣ его слѣдовало искать. Онъ сталъ перебирать въ памяти знакомыхъ мужчинъ, припоминалъ, съ кѣмъ изъ нихъ Рита чаще видится, и никто изъ нихъ не могъ возбудить подозрѣнія даже въ ревнивыхъ глазахъ влюбленнаго профессора. И на-

конецъ Рита безупречна въ этомъ отношеніи: она не ищетъ авантюръ. Она слишкомъ горда, чтобъ унизиться до обмана, и, конечно, не побоится сказать, если бы полюбила.

— Не то, не то!—какъ-то растерянно проговорилъ вслухъ профессоръ, сознавая, что только малодушно хотѣлъ самъ себя обмануть, пріискивая объясненіе, между тѣмъ какъ оно такъ очевидно.

Презрительныя слова жены о «праздно болтающихъ» стояли въ его ушахъ. Онъ ощущалъ теперь всѣмъ своимъ существомъ оскорбительность ихъ значенія, догадывался, по поводу чего именно они сказаны Ритой, и зналъ, чего ждала отъ него Рита. Но вѣдь это было бы безуміемъ? Ставить на карту свое положеніе—ненужное, безсмысленное донкихотство, противъ котораго возмущается здравый смыслъ.

И всевозможные доводы, начиная съ доблести и кончая учеными цитатами, необыкновенно услужливо приходили въ голову профессора въ видѣ протеста противъ обвиненія жены въ трусости.

Но, несмотря на это, Николай Сергѣевичъ въ глубинѣ души чувствовалъ, да и понималъ, что жена до извѣстной степени права и что имѣетъ основанія предъявлять къ нему требованія, передъ которыми онъ безсиленъ.

«Правда!» — мысленно произнесъ онъ и припомнилъ многое.

Не онъ ли говорилъ Ритѣ, ради ея прелестныхъ глазъ, и раньше, когда былъ женихомъ, и потомъ, когда сдѣлался мужемъ, не онъ ли самъ говорилъ и ей, и передъ ней, и передъ многими тѣ краснорѣчивыя, блестящія слова о правдѣ, долгѣ и борьбѣ, которымъ онъ, конечно, и самъ вѣрилъ и сочувствовалъ, но больше теоретически, какъ извѣстнымъ понятіямъ, а не правиламъ жизни. Взгляды, которые онъ развивалъ нерѣдко въ приподнятомъ тонѣ, особенно въ присутствіи Риты, не были выстраданы жизнью, не были откликомъ цѣльной натуры и сильнаго темперамента, для котораго слово и дѣло неразлучны, а являлись,—какъ у многихъ—такъ сказать, дипломомъ на званіе порядочнаго человѣка, чѣмъ-то не органически связаннымъ съ практической дѣятельностью—недаромъ же жизнь Зарѣчнаго чуть ли не со студенческихъ дней не омрачалась никакими осложненіями, столь обычными для учащихся. И эти рѣчи, завоевавшія ему уваженіе любимой женщины и всего общества, звучавшія такъ горячо и такъ сильно, казались и ему самому и другимъ искренними. Рита первая прослышала въ нихъ фальшивую ноту, придавая имъ болѣе серьезное, обязывающее значеніе, чѣмъ при-

давалъ онъ самъ, и можетъ теперь подумать, что онъ сознательно ей лгалъ.

Мысль, что Рита считаетъ его лжецомъ, привела въ отчаяніе профессора, освѣтивъ передъ нимъ ту бездну, въ которой онъ очутился благодаря себѣ самому.

А развѣ онъ лгалъ? Развѣ онъ лжетъ?

Николай Сергѣевичъ возмутился, что можетъ даже явиться подобный вопросъ, и въ то же время понималъ, что такой вопросъ возможенъ. И какъ жестоко наказанъ онъ за то, что другимъ даже не ставится въ вину. Дѣйствительно, онъ, быть-можетъ, и говорилъ больше, чѣмъ слѣдовало человѣку въ его положеніи, но онъ все-таки не лгалъ...

Бѣдный профессоръ, глубоко взволнованный и уязвленный, переживалъ непріятныя минуты. Благодаря обвиненіямъ жены въ немъ, едва ли не первый разъ въ жизни, шевельнулась мысль: не вводитъ ли онъ въ заблужденіе и себя и людей, пользуясь безупречной репутаціей, и не защищаетъ ли онъ, въ сущности, свое личное благополучіе, оправдывая компромиссы и горячо доказывая, что одинъ въ полѣ не воинъ.

Но чѣмъ назойливѣе лѣзли сомнѣнія, готовыя, казалось, сбросить Зарѣчнаго съ того пьедестала, на которомъ онъ такъ прочно и удобно стоялъ, тѣмъ сильнѣе оскорблялось самолюбіе избалованнаго успѣхами человѣка и тѣмъ неодолимѣе являлось желаніе оставаться на прежней высотѣ. И опять на помощь являлись аргументы, одинъ убѣдительнѣе другого, доказывающіе, что онъ правъ, что обвиненія жены не правильны, что онъ поступаетъ, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку, и даже не безъ доблести.

«Надо дѣлать дѣло, а не геройствовать безсмысленно!»— подумалъ онъ.

Профессоръ нѣсколько пріободрился, найдя оправданіе себѣ. Въ немъ появилась надежда убѣдить Риту въ своей правотѣ и вернуть ея уваженіе.

О, если-бъ онъ не любилъ такъ безумно эту женщину!

V.

Отдавая быстрые общіе поклоны, Николай Сергѣевичъ торопливо прошелъ мимо ряда почтительно разступившихся студентовъ, стоявшихъ въ проходѣ, поднялся на каѳедру, привычнымъ жестомъ бросилъ на пюпитръ листки конспекта и сѣлъ, окидывая взглядомъ аудиторію.

Большая актовая зала, вмѣщающая шестьсотъ человѣкъ, была переполнена. Толпились въ проходахъ; сидѣли на под-

оконникахъ. Слушать Зарѣчнаго приходили съ другихъ факультетовъ.

— Въ послѣдней лекціи я изложилъ вамъ, господа...

Съ перваго же слова воцарилась мертвая тишина. Студенты жадно внимали словамъ любимаго профессора. Онъ читалъ дѣйствительно превосходно: громко, отчетливо, щеголяя литературнымъ изяществомъ и сыпля блестящими сравненіями, остроумными характеристиками, мѣткими цитатами. Рѣчь, вначалѣ нѣсколько вялая и безцвѣтная, подъ вліяніемъ еще не пережитыхъ непріятныхъ впечатлѣній, скоро полилась съ обычной плавностью, полной какой-то чарующей музыкальности гибкаго пріятнаго голоса, живая, сильная и выразительная, невольно захватывающая слушателей. Несомнѣнно, эта масса напряженныхъ, вытянувшихся впередъ молодыхъ лицъ съ выраженіемъ чуткаго, почти восторженнаго вниманія, электризовала профессора, приподнимая и, такъ сказать, просвѣтляя его настроеніе.

Онъ испытывалъ счастливое чувство той высшей удовлетворенности, которую даетъ каѳедра, и, отдаваясь власти своего таланта, отрѣшался въ эти минуты отъ мелочей и дрязгъ жизни, забывая себя и свои обиды, нанесенныя любимой женщиной, и самъ какъ бы внутренно хорошѣлъ и, увлеченный, не любовался своею рѣчью. И его красивое лицо становилось одухотвореннѣе и словно бы мужественнѣе. Глаза, устремленные куда-то вдаль, искрились огнемъ увлеченія. Талантъ творилъ свое дѣло преображенія.

Зарѣчный почти не заглядывалъ въ конспектъ. Онъ знакомилъ своихъ слушателей съ одной изъ героическихъ эпохъ и самъ, казалось, жилъ ею, оживляя ее въ яркихъ картинахъ съ талантомъ художника и освѣщая и обобщая факты съ діалектическимъ мастерствомъ блестящаго эрудита съ широкими общественными взглядами. Самъ далеко не смѣлый и мягкій, онъ теперь восхищался смѣлостью въ историческихъ личностяхъ и превозносилъ съ каѳедры то, что̀ въ жизни считалъ безсмысленнымъ геройствомъ.

Громъ рукоплесканій раздался въ залѣ и не смолкалъ въ теченіе минуты-другой послѣ того, какъ Николай Сергѣевичъ, проговоривши сорокъ минутъ, окончилъ лекцію. Лица студентовъ свѣтились восторгомъ. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ слова профессора были не одними скоро забывающимися красивыми словами, а глаголами, которые жгли молодыя сердца.

Видимо довольный бурнымъ одобреніемъ и въ то же время стараясь скрыть свою радость подъ личиной напускной серьезности, Зарѣчный нѣсколько медленнѣе, чѣмъ можно было бы,

собиралъ листки конспекта и, собравши, когда аплодисменты стали затихать, поднялъ руку, требуя слова.

Когда рукоплесканія смолкли и воцарилась тишина, онъ проговорилъ:

— Господа! Лучшая оцѣнка моихъ лекцій — это переполненная аудиторія и вниманіе, съ которымъ вы ихъ слушаете. Другая форма оцѣнки излишня... Она къ тому же не разрѣшается правилами, и я покорнѣйше прошу васъ, господа, не употреблять этой другой формы...

Проговоривши эти слова, которыя Николай Сергѣевичъ всегда говорилъ послѣ взрыва одобреній, онъ поклонился студентамъ, спустился съ каѳедры и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто спустился съ той высоты настроенія, на которой только-что былъ, точно актеръ, возвратившійся отъ иллюзіи сцены за кулисы.

И мысли объ обвиненіяхъ жены опять взволновали Зарѣчнаго. Онѣ отравляли хорошее впечатлѣніе послѣ лекціи, оскорбляя самолюбіе и нарушая привычный душевный покой, которымъ до сихъ поръ пользовался жизнерадостный и довольный собою Николай Сергѣевичъ.

«О, если-бъ Рита видѣла, какъ его любятъ студенты и какія устраиваютъ оваціи!» — подумалъ онъ и досадовалъ, что Рита не можетъ быть на его лекціяхъ.

Онъ торопливо проходилъ черезъ разступавшуюся толпу, когда его нагнали два студента «издателя», записывавшіе и издававшіе его лекціи.

Одинъ изъ нихъ, довольно пригожій, чистенькій и свѣжій блондинъ съ голубыми глазами и кудрявой бородкой, пользовавшійся расположеніемъ Зарѣчнаго, какъ способный и серьезно занимавшійся студентъ, и изрѣдка бывавшій у него какъ знакомый, обратился къ нему съ дѣловымъ, озабоченнымъ и въ то же время восторженно-почтительнымъ видомъ человѣка, благоговѣйно влюбленнаго въ своего профессора:

— Николай Сергѣевичъ! Разрѣшите побезпокоить васъ на одну минутку.

И во всей подавшейся, стройной фигурѣ, и въ выраженіи глазъ, и въ тонѣ свѣжаго, молодого голоса чувствовалась нѣкоторая аффектація.

— Охотно разрѣшаю!—съ привѣтливой шутливостью проговорилъ Николай Сергѣевичъ, останавливаясь. — Что̀ вамъ угодно, г. Васильковъ?

— Когда позволите принести вамъ лекціи на провѣрку?

— Когда? Да хоть завтра!—разсѣянно отвѣтилъ Зарѣчный.

— Завтра вѣдь юбилей Андрея Михайловича Косиц-

каго!—почтительно подчеркнулъ студентъ имя и отчество юбиляра.

— Ахъ, да... я и забылъ. Я буду, конечно, на юбилеѣ. Кажется, и студенты подносятъ ему адресъ?

— Какъ же, всѣ курсы. Если угодно, я вамъ принесу сегодня же текстъ адреса, Николай Сергѣичъ,—предупредительно промолвилъ бѣлокурый студентъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же... Такъ завтра нельзя... Въ такомъ случаѣ послѣзавтра...

— Въ которомъ часу прикажете?

— Я, кажется, свободенъ отъ шести до восьми вечера. Въ девятомъ часу засѣданіе. Такъ послѣзавтра. Мы вмѣстѣ просмотримъ лекціи, и я васъ отпущу съ миромъ... До свиданія!—сказалъ Зарѣчный, протягивая студенту руку, и пошелъ далѣе къ выходу въ библіотечную залу, гдѣ собирались во время перерыва лекцій профессора.

Одинъ низенькій, черноволосый студентъ, худой и блѣдный, съ возбужденнымъ, болѣзненнымъ лицомъ, все время не отстававшій отъ Зарѣчнаго и видимо желавшій, но не рѣшавшійся къ нему подойти, наконецъ рѣшился приблизиться къ профессору, когда тотъ уже былъ у дверей, и, полный смущенія, произнесъ чуть не съ мольбой въ глухомъ своемъ голосѣ:

— Господинъ профессоръ, господинъ профессоръ!

Зарѣчный пріостановился, останавливая разсѣянный взглядъ на незнакомомъ студентѣ.

— Что̀ вамъ угодно?

— Мнѣ очень нужно... необходимо поговорить съ вами, г. профессоръ.

— Сдѣлайте одолженіе... Только говорите короче... Мнѣ некогда.

— Нѣтъ, не здѣсь... Позвольте придти къ вамъ на квартиру... Мнѣ хочется о многомъ спросить васъ... И насчетъ книгъ и... и вообще. Я понимаю, что слишкомъ нахаленъ, обращаясь къ вамъ съ такой просьбой... Время у такого человѣка, какъ вы, драгоцѣнно... Но не откажите... Пожертвуйте десятью-пятнадцатью минутами... Вѣдь вы не откажете?—возбужденно и слегка задыхаясь, видимо смущенный, говорилъ этотъ болѣзненный, невзрачный студентъ съ задумчивыми и большими, точно глядящими внутрь глазами, одѣтый въ очень ветхій сюртукъ.

— Охотно приму васъ... Какъ ваша фамилія?

— О, благодарю васъ, господинъ профессоръ, — радостно воскликнулъ студентъ.—Я былъ увѣренъ, что вы не откажете... А моя фамилія Медынцевъ.

— Вы на первомъ курсѣ?

— На второмъ, г. профессоръ.

— Такъ приходите какъ-нибудь на недѣлѣ... Въ пятницу, напримѣръ, около пяти часовъ... Съ удовольствіемъ побесѣдую съ вами, г. Медынцевъ... и постараюсь дать вамъ указанія насчетъ книгъ и отвѣтить на ваши вопросы, насколько я въ нихъ компетентенъ!—ласково отвѣтилъ Николай Сергѣевичъ, отводя участливый взглядъ со впалыхъ щекъ, на которыхъ горѣлъ лихорадочный румянецъ.

«Бѣдняга совсѣмъ плохъ на видъ!»—подумалъ Зарѣчный и, привѣтливо кивнувъ головой студенту, скрылся въ дверяхъ.

VI.

Въ небольшой комнатѣ передъ библіотечной залой было три профессора. Двое изъ нихъ о чемъ-то оживленно бесѣдовали, а третій—высокій худощавый старикъ, съ узкой, коротко остриженной, начинавшей сѣдѣть головой, гладко выбритый, безъ бороды и безъ усовъ, съ умнымъ и нѣсколько саркастическимъ взглядомъ небольшихъ, острыхъ и холодныхъ глазъ,—онъ сидѣлъ въ сторонѣ съ высокомѣрнымъ спокойствіемъ олимпійца, не обращая, повидимому, ни малѣйшаго вниманія на двухъ своихъ коллегъ и на ихъ разговоръ.

Это былъ заслуженный профессоръ Аристархъ Яковлевичъ Найденовъ, извѣстный ученый и знатокъ своей спеціальности, пользовавшійся большимъ вниманіемъ, благодаря своему недюжинному уму, связямъ въ административномъ петербургскомъ мірѣ и замѣчательному умѣнью приспособляться ко всякимъ вѣяніямъ въ теченіе тридцатилѣтней своей службы и въ то же время не пользоваться заслуженной репутаціей совсѣмъ наглаго по безпринципности человѣка. Напротивъ, онъ умѣлъ, когда нужно, быть двуликимъ Янусомъ, посмѣиваясь въ душѣ надъ каждой изъ партій, считавшей его по временамъ своимъ. Онъ занимался наукой и въ то же время ухитрился какъ-то устроиться еще при нѣсколькихъ министерствахъ, такъ что получалъ въ общемъ довольно много денегъ и, какъ говорили, имѣлъ небольшое состояніе. Читалъ онъ лекціи сухо, какъ-то нехотя, словно бы не желая спускаться съ научныхъ высотъ до уровня своихъ слушателей, и студенты посѣщали его курсъ больше по обязанности, и на лекціяхъ у него бывало не болѣе двадцати человѣкъ. А лѣтъ двадцать тому назадъ Найденовъ былъ едва ли не самый популярный профессоръ въ Москвѣ и читалъ въ тѣ времена блистательно...

Въ послѣднее время Найденовъ даже пересталъ быть и

Янусомъ,—не стоило,—и съ нескрываемымъ цинизмомъ оплевывалъ то, чему прежде считалъ нужнымъ поклоняться, и даже самую науку умѣлъ приспособить къ собственной карьерѣ. Давно ужъ онъ держался вдалекѣ отъ своихъ коллегъ и жилъ замкнуто, сохранивъ отношенія съ очень немногими профессорами.

Зарѣчный былъ ученикомъ Найденова и въ значительной степени обязанъ былъ ему и своими знаніями и своею каѳедрой. Несмотря на циничные взгляды и несимпатичное поведеніе своего бывшаго учителя, Николай Сергѣевичъ поддерживалъ съ нимъ отношенія, изрѣдка бывалъ у него и по старой памяти даже нѣсколько побаивался его ядовитыхъ и подчасъ злыхъ насмѣшекъ, особенно въ научныхъ спорахъ.

— Попрежнему, любезный коллега, срываете аплодисменты, пожиная плоды своей популярности?—самымъ серьезнымъ тономъ проговорилъ старый профессоръ, слегка кивая головой и протягивая сухую, тонкую руку подошедшему къ нему Зарѣчному.

Тотъ вспыхнулъ, но ничего не отвѣтилъ. Онъ прежде поздоровался съ двумя коллегами и, вернувшись къ Найденову, сказалъ:

— Я не ищу ни аплодисментовъ ни популярности, Аристархъ Яковлевичъ.

— Ну, еще бы. Она сама идетъ къ счастливцамъ, подобнымъ вамъ... Да вы не сердитесь, Николай Сергѣевичъ. Я вѣдь ничего не желаю сказать непріятнаго своему бывшему ученику. Право. Я могъ бы только радоваться вашимъ успѣхамъ, если-бъ не зналъ, какъ непостоянна волна человѣческаго счастья, дорогой мой.

Лицо старика попрежнему было серьезно, когда онъ говорилъ свою ироническую тираду, только безкровныя, тонкія губы его чуть-чуть перекосились, да въ сѣрыхъ глазахъ играла едва замѣтная лукавая улыбка.

— Я по опыту знаю все это, Николай Сергѣевичъ. И отъ популярности въ свое время вкусилъ и имѣлъ честь быть освистаннымъ, за что, впрочемъ, не въ претензіи, ибо свистъ этотъ много помогъ мнѣ въ дальнѣйшей жизни. А вы знаете, за что я былъ освистанъ? — понижая голосъ, спросилъ старикъ.

Зарѣчный слышалъ объ этой давнишней исторіи, но изъ деликатности сказалъ, что не знаетъ.

— Молодымъ дуракамъ, которые теперь навѣрное ужъ сдѣлались почтенными дураками, не понравилось то, что я имъ однажды прочелъ на лекціи. Имъ показалось не либерально,

и они меня быстро разжаловали изъ излюбленныхъ въ подлецы. У насъ вѣдь такъ же быстро производятъ, какъ и разжалываютъ, въ чины. Сегодня излюбленный, а завтра подлецъ, и наоборотъ.

Найденовъ примолкъ и, когда изъ комнаты вышли два профессора, заговорилъ, конфиденціально понижая голосъ:

— А все-таки позвольте мнѣ вамъ дать дружескій совѣтъ, Николай Сергѣичъ.

— Какого рода?

— Средняго, собственно говоря... Не претендуйте на плохую остроту,—усмѣхнулся Найденовъ. — Не позволяйте аплодировать себѣ. Я знаю: вы умный человѣкъ. Я понимаю: положеніе излюбленнаго обязываетъ. Но вѣдь и жалованье остается жалованьемъ, а дальше ординатура, добавочныя и такъ далѣе. Не такъ ли? Такъ ужъ вы завтра на юбилеѣ Косицкаго не очень-то давайте волю вашему блестящему ораторскому таланту. Сообщаю это вамъ къ свѣдѣнію.

Слова стараго циника производили впечатлѣніе ударовъ бича, невольно напоминая слова Риты. Но Зарѣчный рѣшилъ выслушать все до конца и сдерживалъ свое негодованіе.

— Ну, а затѣмъ мнѣ, кажется, пора и отбывать повинность!—продолжалъ Найденовъ, взглядывая на часы.

Поморщившись, Найденовъ лѣниво поднялся съ кресла.

Длинный, худой и прямой, съ приподнятой головой, съ безстрастнымъ, казалось, выраженіемъ желтоватаго, морщинистаго, гладко выбритаго лица, онъ въ своемъ вицмундирѣ совсѣмъ не походилъ на профессора, а напоминалъ скорѣй какого-нибудь значительнаго чиновника.

Глядя въ упоръ пронизывающими глазами на Зарѣчнаго, онъ самымъ любезнымъ тономъ проговорилъ, складывая свои тонкія блеклыя губы въ привѣтливую улыбку:

— А вѣдь вы, Николай Сергѣичъ, совсѣмъ рѣдко заглядываете къ бывшему своему профессору. Это не совсѣмъ мило съ вашей стороны.

Зарѣчный былъ удивленъ. Никогда раньше Найденовъ не звалъ къ себѣ Николая Сергѣевича и не упрекалъ за рѣдкія посѣщенія.

— Я очень занятъ, Аристархъ Яковлевичъ, да и боюсь вамъ помѣшать!—уклончиво отвѣчалъ Зарѣчный, нѣсколько смущенный.

Насмѣшливая улыбка мелькнула въ глазахъ Найденова.

— Я не такой занятой человѣкъ, какъ вы, Николай Сергѣичъ... Меня не разрываютъ на части, какъ васъ, и слѣдовательно ваша боязнь помѣшать мнѣ нѣсколько преувеличена.

Я почти всегда у себя въ кабинетѣ, любезный коллега... Копаюсь въ архивныхъ бумажкахъ... вотъ и все мое дѣло. Такъ удѣлите часокъ вашего драгоцѣннаго времени и навѣстите меня на-дняхъ. Кстати, у меня къ вамъ и дѣльце есть. При свиданіи объясню... Хоть мы и числимся въ противоположныхъ лагеряхъ—вы въ либералахъ, а я въ обскурантахъ,—но это, надѣюсь, не послужитъ препоной заѣхать ко мнѣ. Въ Европѣ этимъ не смущаются... Не правда ли?—усмѣхнулся старикъ.

— Я заѣду.

— Пожалуйста. Побесѣдуемъ... А вы мнѣ разскажете, какъ отпразднуютъ юбилей Андрея Михайловича. Газеты хоть и дадутъ свѣдѣнія, но сухія...

— А развѣ вы не будете завтра на обѣдѣ, Аристархъ Яковлевичъ?

— Нѣтъ. Я вообще, видите ли, небольшой охотникъ до театральныхъ зрѣлищъ и во всякомъ случаѣ предпочитаю Малый театръ колонной залѣ Эрмитажа.

— Но адресъ Косицкому вы подписали?

— Кто вамъ сказалъ? И адресъ не подписалъ. Разумѣется, не по тѣмъ глубокимъ соображеніямъ, по которымъ, говорятъ, затруднялся подписать одинъ нашъ умный коллега. Вы тоже, конечно, слышали, что этотъ коллега находилъ неприличнымъ подписать свою знаменитую фамилію не во главѣ списка... И такъ какъ впереди мѣста не было, то бѣдняга оказался въ большомъ затрудненіи... Напрасно ему не посовѣтовали подписаться сбоку и обвести свою фамилію рамкой... Тогда онъ совсѣмъ бы выдѣлился... Но только я не подписалъ адреса по другимъ соображеніямъ.

Зарѣчному, знавшему, какъ скептически вообще относится Найденовъ къ коллегамъ, и въ особенности къ тѣмъ, которые стараются по возможности сохранить свое достоинство, хотѣлось позлить старика, и онъ спросилъ:

— Почему же вы не подписали, Аристархъ Яковлевичъ? Развѣ вы находите, что дѣятельность Косицкаго не заслуживаетъ адреса?

Лицо Найденова перекосилось отъ злости. Глаза заискрились. И онъ, медленно растягивая слова, произнесъ своимъ тихимъ, скрипучимъ голосомъ:

— А какая-такая дѣятельность Косицкаго? Я, признаться, о ней не знаю.

— Профессорская, ученая и вообще общественная, Аристархъ Яковлевичъ.

— Профессорская!? Вызубрилъ когда-то двѣ-три книжонки

и съ тѣхъ поръ по нимъ читаетъ свой курсъ. Не очень-то полезны такіе профессора университету... А двѣ статейки, напечатанныя въ журналахъ, вотъ всѣ плоды его ученой дѣятельности... Впрочемъ, вы, конечно, несогласны со мной?— неожиданно оборвалъ старикъ, видимо сдерживая себя.

— Несогласенъ, Аристархъ Яковлевичъ. Косицкій, конечно, не великій ученый, но...

— Но, — перебилъ Найденовъ, смѣясь: — въ шестьдесятъ лѣтъ все еще подаетъ надежды... И, разумѣется, одинъ изъ независимыхъ, честныхъ и безупречныхъ служителей науки... Такъ, что ли, изображено въ адресѣ?.. Или еще чувствительнѣе?

— Приблизительно такъ.

— Ну, и на здоровье... А въ рѣчахъ вы его хоть въ угодники произведите. Опровергать ходячее мнѣніе не стоитъ... Да и некогда! И то мои студенты, пожалуй, уже ласкаютъ себя надеждой, что я не буду имъ сегодня читать.

Старикъ снова взглянулъ на часы и уже совсѣмъ спокойно промолвилъ:

— А привѣтственную телеграмму Косицкому я все-таки пошлю.

— Пошлете?—удивленно спросилъ Зарѣчный.

— Обязательно.

— За что же?

— А за то, что Андрей Михайловичъ хоть и прикидывается добродушнымъ простачкомъ, а въ сущности умный и осмотрительный человѣкъ. Тридцать лѣтъ прослужить въ званіи россійскаго профессора, да еще при разныхъ курсахъ, тридцать лѣтъ слыть и знающимъ, и честнымъ, и безупречнымъ и быть на отличномъ счету и у начальства, и у коллегъ, и у студентовъ, и у общества, это, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуетъ объ умѣ... А я прежде всего почитаю умъ. Ну, и кромѣ того не хочу ссориться съ Андреемъ Михайловичемъ. Однако я заболтался съ вами. До свиданія. Привѣтъ вашей супругѣ... Не забудьте же дружескихъ совѣтовъ вашего благопріятеля, любезный коллега, если только хотите со временемъ праздновать свой юбилей. И помните, что я жду васъ!— властнымъ тономъ, словно приказывая, прибавилъ старикъ.

Онъ слегка пожалъ руку Зарѣчнаго и неспѣшной, размѣренной походкой направился къ дверямъ. Онъ выше и надменнѣе поднялъ голову и принялъ еще болѣе суровый видъ, когда вошелъ въ аудиторію и увидалъ тамъ всего десятка два слушателей.

А когда-то къ нему на лекціи сбѣгались студенты со всѣхъ факультетовъ.

VII.

Зарѣчный читалъ еще одну лекцію, потомъ ѣздилъ по разнымъ дѣламъ, частью общественнымъ, частью личнымъ, и въ седьмомъ часу вечера возвращался домой усталый, голодный и въ отвратительномъ настроеніи.

Въ другое время онъ отнесся бы съ молчаливымъ презрѣніемъ къ тому мнѣнію о немъ, какое такъ недвусмысленно слышалось въ словахъ Найденова. Николай Сергѣевичъ зналъ, что эта «озлобленная каналья» судитъ людей по себѣ и считаетъ всѣхъ либо безпринципными циниками, какъ онъ самъ, либо лицемѣрами, либо дураками. Только послѣдніе, по его мнѣнію, могутъ быть порядочными людьми и вѣрить въ идеалы.

Немудрено, что онъ и на своего бывшаго любимаго ученика смотритъ со скептицизмомъ стараго циника. Но прежде, по крайней мѣрѣ, онъ не говорилъ ему откровенностей прямо въ глаза и съ такимъ презрительнымъ высокомѣріемъ, какъ сегодня. Сегодня старый авгуръ словно бы поощрялъ молодого.

И Зарѣчный досадовалъ, что не оборвалъ старика и вообще былъ слишкомъ терпимъ къ нему и раньше. Но все-таки нельзя не цѣнить въ немъ крупнаго ученаго и нельзя забыть учителя, которому многимъ обязанъ. И наконецъ рѣзкость не въ характерѣ молодого профессора!

Такъ, по крайней мѣрѣ, объяснялъ себѣ Зарѣчный свою сдержанность передъ Найденовымъ, не думая или стараясь не думать, что кромѣ этихъ причинъ были еще и другія: боязнь навлечь на себя злобу вліятельнаго въ университетѣ профессора, который всегда могъ напакостить, и пріобрѣтенная еще во время студенчества привычка: почтительно выслушивать насмѣшки ядовитаго профессора въ качествѣ одного изъ его любимцевъ.

Но самое оскорбительное для самолюбія Николая Сергѣевича, самое убійственное для него заключалось въ томъ, что унизительные комплименты Найденова и суровыя обвиненія Риты выражали собою одно и то же.

И любимая женщина и умный старикъ-профессоръ не вѣрили его искренности.

Вообще весь разговоръ съ Найденовымъ производилъ на Николая Сергѣевича скверное впечатлѣніе, напоминая ему слова Риты и смущая его.

«И что ему отъ меня нужно? Какое-такое дѣло?»—задавалъ онъ себѣ вопросъ, хорошо понимая, что Найденовъ такъ настойчиво его зоветъ исключительно по дѣлу, а не для пріятныхъ бесѣдъ.

Сперва Зарѣчный было-подумалъ, что не поѣдетъ, но затѣмъ рѣшилъ ѣхать. Свиданіе вѣдь ни къ чему не обязываетъ—ни въ какія дѣла, кромѣ спеціально-научныхъ, онъ съ Найденовымъ, разумѣется, не войдетъ,—а между тѣмъ визитъ этотъ поможетъ уяснить ему свое положеніе.

Его нѣсколько безпокоили эти «дружескія предупрежденія» относительно осторожности. Вѣроятно, Найденовъ предостерегалъ не безъ какихъ-нибудь основаній—недаромъ же онъ друженъ съ властями и первый узнаётъ обо всемъ.

Размышляя объ этомъ, молодой профессоръ испытывалъ тревогу хорошо устроившагося, любящаго извѣстный покой человѣка, неожиданно узнавшаго, что положеніе его, которое онъ считалъ прочнымъ, оказывается далеко не такимъ. И одновременно съ этимъ чувствомъ тревоги онъ подумалъ, что въ самомъ дѣлѣ надо быть осторожнымъ, и кстати припомнилъ и евангельское изреченіе о змѣиной мудрости. Надо не давать ни малѣйшаго повода къ формальнымъ придиркамъ... Непремѣнно слѣдуетъ прекратить аплодисменты и сказать студентамъ, чтобы они берегли своего профессора. Вѣдь глупо же, въ самомъ дѣлѣ, изъ-за какого-нибудь пустяка бросить любимое занятіе и лишить студентовъ хорошихъ лекцій. Нелѣпо рисковать мѣстомъ и остаться безъ куска хлѣба. Эта перспектива всегда была больнымъ мѣстомъ Николая Сергѣевича. И безъ того его озабочивали запутанныя денежныя дѣла и долги. Сегодня только-что пришлось переписать вексель и занять сто рублей.

Конечно, на его глазахъ творится немало сквернаго и глупаго, и онъ безсиленъ помѣшать этому скверному и глупому...

Это только Рита всюду находитъ поводы и не хочетъ понять, что въ жизни неизбѣжны нѣкоторые компромиссы. Лучше дѣлать возможно хорошее, чѣмъ ничего не дѣлать.

Эта мысль увлекла его, и въ головѣ молодого профессора складывался стройный рядъ блестящихъ положеній, убѣдительныхъ доказательствъ. И какъ это все ясно! Какая могла бы выйти чудная рѣчь и вмѣстѣ съ тѣмъ какое неотразимое оправданіе всей его дѣятельности.

И Зарѣчнаго внезапно осѣнила идея: сказать завтра на юбилеѣ рѣчь на эту тему. Эта рѣчь произведетъ на Риту впечатлѣніе. Она пойметъ свою вину передъ нимъ и, правдивая, подойдетъ къ нему и скажетъ: «Николай! Я виновата!»

«Можетъ-быть, она и теперь сознаётъ, что была несправедлива ко мнѣ, и ждетъ моего возвращенія!»—радостно мечталъ Зарѣчный, поторапливая извозчика.

Но, когда онъ подъѣхалъ къ маленькому особнячку и позвонилъ, эти радостныя мечты мгновенно исчезли, и Николай Сергѣевичъ вошелъ въ прихожую далеко не съ тѣмъ радостнымъ видомъ, съ какимъ входилъ обыкновенно, возвращаясь домой.

— А барыни развѣ дома нѣтъ?—спросилъ онъ у горничной, когда, войдя въ столовую, увидѣлъ одинъ приборъ на столѣ.

— Барыня дожидались васъ до шести часовъ, откушали и ушли...

— Давно?

— Только-что.

Онъ взглянулъ на часы. Было безъ пяти семь. Онъ дѣйствительно сильно запоздалъ, но, случалось, Рита терпѣливо поджидала его, зная, что онъ не любитъ обѣдать одинъ.

«А теперь не захотѣла. Ушла!»—тоскливо подумалъ Зарѣчный, чувствуя себя обиженнымъ, и проговорилъ:

— Давайте скорѣй обѣдать. Я ѣсть хочу!

Несмотря на печальное настроеніе, Николай Сергѣевичъ уписывалъ обѣдъ съ жаднымъ аппетитомъ сильно проголодавшагося человѣка, но, покончивъ обѣдъ, пилъ пиво, бокалъ за бокаломъ, съ такимъ мрачнымъ видомъ, что возбудилъ къ себѣ искреннее участіе въ молодой пригожей горничной. Она слышала однимъ ухомъ разговоръ между супругами и, принимая сторону красавца-профессора, находила, что онъ ужъ слишкомъ обожаетъ жену.

Вставая изъ-за стола, профессоръ спросилъ у Кати:

— Былъ кто-нибудь?

— Одинъ господинъ былъ.

— Кто такой? Оставилъ карточку?

— Господинъ Невзгодинъ. Они у барыни были.

Зарѣчнаго точно что-то кольнуло. Онъ зналъ, что Невзгодинъ былъ горячимъ поклонникомъ Риты, и что она расположена къ этому шалопаю, какъ онъ его называлъ.

«Зачѣмъ онъ явился сюда изъ Парижа?»

— Невзгодинъ?—переспросилъ Зарѣчный.—Вы не перепутали фамилію, Катя?

— Что̀ вы, баринъ?.. Такая нетрудная фамилія... Такой маленькій, аккуратненькій господинъ... Изъ-за границы пріѣхали!—докладывала Катя, прибирая со стола.

Ревнивое чувство охватило профессора, и онъ чуть-было не спросилъ: долго ли сидѣлъ у жены Невзгодинъ. Стыдъ допроса горничной удержалъ его. Однако онъ не уходилъ изъ столовой.

И Катя сама поспѣшила удовлетворить его любопытство и въ то же время доставить себѣ маленькое удовольствіе произвести опытъ наблюденія, и съ самымъ невиннымъ видомъ болтушки прибавила:

— Барыня собирались-было уходить, ужъ и шапочку надѣли, когда пріѣхалъ господинъ Невзгодинъ,—но остались... И этотъ баринъ просилъ доложить, что на минутку, а сами цѣлый часъ просидѣли.

— Я васъ не спрашиваю объ этомъ!—рѣзко проговорилъ Зарѣчный, чувствуя, что краснѣетъ.

— Простите, баринъ... Я думала...

— Разбудите меня, пожалуйста, въ восемь часовъ!—перебилъ, смягчая тонъ, Зарѣчный и направился въ кабинетъ.

Этотъ небольшой кабинетъ, почти весь заставленный полками, набитыми книгами, съ большимъ письменнымъ столомъ, на которомъ, среди книгъ, брошюръ и мелко-исписанныхъ листковъ рукописи, красовалось нѣсколько фотографій Маргариты Васильевны, показался теперь Николаю Сергѣевичу какимъ-то гробомъ—тѣснымъ и мрачнымъ...

Онъ снялъ вицмундиръ, надѣлъ фланелевую блузу и прилегъ на оттоманку, надѣясь отдохнуть хоть полчаса. Въ восемь ему непремѣнно надо ѣхать на засѣданіе общества, въ которомъ онъ предсѣдателемъ. Не быть тамъ никакъ нельзя... Онъ читаетъ рефератъ, и засѣданіе навѣрное затянется.

Но заснуть Зарѣчный никакъ не могъ. Ревнивыя мысли переплетались съ воспоминаніями объ обидѣ, нанесенной ему утромъ женой, и наполняли мучительной тоской его душу, возбуждая мозгъ до галлюцинацій.

Ему представлялось теперь почти несомнѣннымъ, что Рита для него потеряна. Въ Невзгодинѣ она найдетъ не только влюбленнаго поклонника, но и единомышленника. Этотъ донкихотствующій зубоскалъ, конечно, постарается отличиться передъ Ритой радикальнымъ скептицизмомъ. Онъ и раньше щеголялъ этимъ. Ничего не дѣлалъ и только подсмѣивался—это вѣдь такъ легко и ни къ чему не обязываетъ.

При мысли о томъ, что Рита можетъ его бросить, Зарѣчный чувствовалъ себя глубоко обиженнымъ и несчастнымъ, и какая-то самолюбивая злоба отвергнутаго самца охватывала его, когда онъ представлялъ себѣ Риту въ объятіяхъ Невзгодина. И ему хотѣлось унизить этого человѣка въ глазахъ Риты. Онъ при первой же встрѣчѣ это сдѣлаетъ...

Нѣтъ... онъ такъ не поступитъ. Онъ останется джентльменомъ. Онъ не будетъ мѣшать имъ... Если она полюбила... если она...

Мысли путались въ возбужденной головѣ профессора. Онъ точно вдругъ очутился въ какой-то безднѣ противорѣчій и не находилъ выхода.

Тукъ-тукъ-тукъ!

— Восемь часовъ, баринъ!

— Хорошо.

Онъ торопливо одѣлся и, выходя, какъ-то застѣнчиво проговорилъ:

— Я, вѣроятно, поздно вернусь и не хочу безпокоить барыню. Сдѣлайте мнѣ постель въ кабинетѣ.

— Слушаю-съ.

Зарѣчный дѣйствительно вернулся поздно. Когда на другой день онъ всталъ въ девять часовъ, чтобъ поспѣть на лекцію, а оттуда ѣхать къ юбиляру, Маргарита Васильевна еще не выходила изъ спальни.

— Передайте барынѣ, что если она хочетъ быть на юбилеѣ, то пусть пріѣзжаетъ одна. Мнѣ никакъ нельзя заѣхать за ней!—сказалъ Зарѣчный, осматриваясь въ трюмо.

Въ хорошо сшитомъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ, онъ глядѣлъ совсѣмъ красавцемъ. Нѣсколько осунувшееся, поблѣднѣвшее лицо и слегка ввалившіеся глаза, вслѣдствіе безсонной ночи, придавали ему еще болѣе интересный видъ.

VIII.

За четверть часа до шести Невзгодинъ подъѣхалъ съ Неглинной къ небольшому подъѣзду отдѣльныхъ кабинетовъ «Эрмитажа». Озябшій на сильномъ морозѣ, онъ торопливо сунулъ извозчику деньги и вошелъ въ ярко освѣщенныя сѣни. Пріятное ощущеніе тепла и свѣта охватило его.

Два видные швейцара, остриженные въ кружокъ и, по московской модѣ, въ черныхъ полукафтанахъ и въ высокихъ сапогахъ, привѣтливо поклонились гостю.

— Вы на обѣдъ въ честь Андрея Михайлыча?—освѣдомился одинъ изъ нихъ, помоложе, снимая съ Невзгодина его, нѣсколько легкое для русской зимы, парижское пальто съ маленькимъ барашковымъ воротникомъ.

— Да...

Невзгодинъ невольно улыбнулся и нѣсколько торжественному выраженію лица молодого востроглазаго ярославца и значительному тону, какимъ отчеканилъ онъ имя и отчество юбиляра, съ московскою почтительностью не называя его по фамиліи.

— А вы знаете, кто такой Андрей Михайлычъ?

— Помилуйте-съ... Какъ не знать-съ Андрея Михайлыча!—

обидчиво замѣтилъ молодой швейцаръ.—Извѣстные ученые и профессоры... Я ихъ не разъ видѣлъ... Бываютъ у насъ.

«Вотъ она популярность!»—подумалъ Невзгодинъ и спросилъ:

— Собралось еще немного?

— Человѣкъ ста полтора, пожалуй, уже есть! — отвѣчалъ швейцаръ, помахивая черноволосой головой на вѣшалки, полныя шубъ.

— Ого!—удивленно воскликнулъ Василій Васильевичъ, хорошо знавшій привычку москвичей опаздывать.

— А ждемъ свыше двухсотъ персонъ-съ!—не безъ гордости продолжалъ швейцаръ.—Извольте получить нумерокъ!

Оправившись передъ зеркаломъ, которое отразило небольшую статную фигуру въ отлично сидѣвшемъ парижскомъ новомъ фракѣ, Невзгодинъ поднялся наверхъ и остановился на площадкѣ, у столика, гдѣ собирали за обѣдъ деньги. Заплативши семь рублей и написавши на листѣ свою фамилію, онъ хотѣлъ-было двинуться далѣе, какъ его окликнулъ чей-то высокій, необыкновенно мягкій тенорокъ.

Въ этомъ маленькомъ, толстенькомъ пожиломъ господинѣ во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ, — выскочившемъ съ озабоченной физіономіей изъ коридора къ столику, — Невзгодинъ сразу узналъ Ивана Петровича Звенигородцева—всегдашняго устроителя юбилеевъ и распорядителя на торжественныхъ обѣдахъ, извѣстнаго застольнаго оратора и знакомаго со всей Москвой присяжнаго повѣреннаго.

Выраженіе озабоченности внезапно исчезло съ его лица. Румяненькое, заплывшее жиркомъ, съ жиденькой бородкой и маленькими блестящими глазками, полными плутовства и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушія, оно теперь все сіяло радостною улыбкой, словно бы Звенигородцевъ увидалъ передъ собою лучшаго своего друга. И несмотря на то, что Иванъ Петровичъ былъ очень мало знакомъ съ Невзгодинымъ и считалъ его, какъ и многіе, пустымъ зубоскаломъ, онъ, какъ коренной москвичъ, широко раскрылъ свои объятья и троекратно облобызалъ Невзгодина необыкновенно крѣпко и сочно.

— Давно ли, Василій Васильевичъ, къ намъ изъ Парижа?—ласково и пѣвуче спрашивалъ Звенигородцевъ, задерживая руку Невзгодина въ своей пухлой потной рукѣ.

— Вчера.

Осторожно высвободивъ руку, Невзгодинъ отеръ губы.

— Какъ разъ на юбилей попали... Увидите, дорогой Василій Васильевичъ, какъ у насъ хорошихъ людей чествуютъ... Двѣсти пятьдесятъ человѣкъ записались на обѣдъ... Было бы

и вдвое больше, но мы отказывали... Нельзя же всѣхъ пускать, безъ строгаго выбора... Ну, и усталъ же я сегодня. Хлопотъ, я вамъ скажу, съ этими юбилеями! И навѣрное въ назначенный часъ публика не соберется. Ужъ скоро шесть, а всего только сто шестьдесятъ человѣкъ. Надо дать знать, чтобы юбиляра привезли не раньше половины седьмого...

И Звенигородцевъ тутъ же распорядился объ этомъ.

— Развѣ юбиляра привезутъ?

— Обязательно, и въ четырехмѣстной каретѣ. Или вы забыли московскій юбилейный чинъ? А еще москвичъ!

— Кто же привезетъ Косицкаго?

— Двое. Представитель стараго поколѣнія профессоровъ: Левъ Александровичъ Цвѣтницкій и представитель молодой науки: Николай Сергѣичъ Зарѣчный.

— А Маргарита Васильевна здѣсь?

— Не видалъ. Кажется, еще не пріѣзжала. А вы что же?.. Все еще поклоняетесь гордой англичаночкѣ?.. А хорошѣетъ съ тѣхъ поръ, какъ замужемъ... Прелесть что за женщина. Вотъ увидите!—оживленно и щуря глаза, прибавилъ Звенигородцевъ.

— Давно не поклоняюсь, Иванъ Петровичъ... И я недавно женился...

Звенигородцевъ горячо поздравилъ Невзгодина и, замѣтивъ, что тотъ собирается отойти, остановилъ его словами:

— На одну минутку, Василій Васильичъ!

Отведя Невзгодина въ сторону, онъ проговорилъ, слегка понижая свой тенорокъ и принимая значительный видъ человѣка, озареннаго счастливою мыслью:

— Челомъ вамъ бью, Василій Васильевичъ! Не откажите.

— Въ чемъ?

— Вы вѣдь, я слышалъ, занимались въ Парижѣ науками?

— Занимался.

— Такъ знаете ли что? Скажите, голубчикъ, за обѣдомъ рѣчь Косицкому въ качествѣ представителя отъ русскихъ учащихся въ Парижѣ. Это будетъ, я вамъ скажу, эффектно и очень тронетъ старика...

Невзгодинъ разсмѣялся.

— Да какъ же я буду говорить, никѣмъ не уполномоченный?

— Такъ что за бѣда! Развѣ на васъ будутъ въ претензіи за то, что вы почтите хорошаго человѣка? Косицкій вѣдь не Найденовъ... Онъ сохранилъ традиціи и вполнѣ нашъ... Право, скажите, Василій Васильичъ, нѣсколько теплыхъ словъ... Сдѣлайте это для меня... Я васъ запишу... Вы будете говорить пятнадцатымъ... идетъ?

— Нѣтъ, не идетъ, Иванъ Петровичъ. Не записывайте... я говорить не стану.

— Экій вы какой! Ну, въ такомъ случаѣ, скажите что-нибудь отъ своего имени... Вы вѣдь хорошо говорите.

— Совсѣмъ не умѣю...

— Полно, полно... Я помню, вы разъ говорили на какомъ-то обѣдѣ... Сколько остроумія, сколько...

Звенигородцевъ вдругъ оборвалъ рѣчь и, засіявшій, съ замаслившимися глазками, бросился, словно ошалѣлый котъ, къ поднимавшейся по лѣстницѣ молодой хорошенькой дамѣ.

«Все тотъ же юбочникъ!»—подумалъ, улыбаясь, Невзгодинъ и быстрыми шагами пошелъ по коридору, мимо отдѣльныхъ кабинетовъ, встрѣчая безшумно снующихъ половыхъ въ ихъ ослѣпительно-бѣлыхъ рубахахъ и шароварахъ.

Отворивъ бѣлыя съ золотомъ двери, онъ вошелъ въ знаменитую колонную залу «Эрмитажа», въ которой Москва даетъ фестивали и упражняется въ краснорѣчіи.

Въ большой бѣлой залѣ, ярко освѣщенной свѣтомъ громадной люстры, три длинные стола, расположенные покоемъ, были уставлены приборами, сверкая бѣлизной столоваго бѣлья и блескомъ хрусталя. Длинный рядъ бутылокъ и массивные канделябры дополняли сервировку.

Мужчины, большею частью во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, дамы въ свѣтлыхъ нарядныхъ туалетахъ наполняли пространство у колоннъ и между столами. У всѣхъ были праздничныя лица. Шелъ оживленный говоръ, и до ушей Невзгодина часто доносилось имя юбиляра. Видимо, онъ сегодня былъ главнымъ предметомъ разговоровъ собравшейся публики.

Невзгодинъ торопился занять два мѣста рядомъ, стараясь найти ихъ поближе къ среднему столу, гдѣ долженъ былъ сидѣть юбиляръ. Ему хотѣлось разсмотрѣть поближе разныя московскія знаменитости и лучше слышать рѣчи. Но мѣстъ вблизи почетнаго стола уже не было—во всѣхъ стаканахъ или рюмкахъ торчали карточки, такъ что Невзгодинъ нашелъ два мѣста рядомъ въ концѣ одного изъ боковыхъ столовъ.

Взглянувъ на изящное меню съ портретомъ юбиляра, лежавшее у каждаго прибора, онъ направился къ выходу, чтобы встрѣтить Маргариту Васильевну.

Это было не такъ-то легко. Публика все прибывала, и на пути Невзгодину приходилось останавливаться, чтобы удовлетворять болѣе или менѣе праздное любопытство знакомыхъ, отвѣчая на одни и тѣ же вопросы и восклицанія удивленія,

что онъ въ Москвѣ, что женатъ, что занимался химіей и написалъ повѣсть.

Оказывалось, что про него ужъ все было извѣстно, хотя самъ онъ еще и не былъ извѣстностью.

Наконецъ онъ выбрался къ дверямъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ увидалъ Маргариту Васильевну. Она вошла одна и была очень изящна и мила въ своемъ черномъ шерстяномъ платьѣ, оттѣнявшемъ ослѣпительную бѣлизну ея красиваго строгаго лица.

Она тихо подвигалась среди толпы, щуря близорукіе глаза и слегка наклоняя голову въ отвѣтъ на поклоны знакомыхъ.

Невзгодинъ подошелъ къ ней.

— Вы давно здѣсь?—спросила она, радостно улыбаясь, и по-пріятельски пожала руку Невгодина.

— Пріѣхалъ къ шести, какъ назначено... по-европейски.

— А я по-азіатски опоздала... И какой же вы нарядный во фракѣ, Василій Васильевичъ!—прибавила молодая женщина, оглядывая Невзгодина.

— И какая же вы интересная въ своемъ черномъ платьѣ, Маргарита Васильевна! — тѣмъ же тономъ отвѣчалъ Невзгодинъ.

— Будто? — кокетливо уронила Маргарита Васильевна, оживляясь и видомъ нарядной толпы и комплиментомъ Невзгодина.

— Увѣряю васъ, что говорю безъ малѣйшаго пристрастія!— подчеркнулъ онъ.

— Здѣсь всѣ въ свѣтлыхъ нарядахъ, а я—монашкой.

— И все-таки вы одѣты лучше всѣхъ.

— А Аносова?

— Великолѣпная вдова? Я ее не видалъ. Она развѣ будетъ? Что̀ въ сущности ей Гекуба или она Гекубѣ? А, впрочемъ, московскія дамы отъ скуки ѣздятъ не только на юбилеи, но даже и на засѣданія юридическаго общества... Такъ Аносова будетъ?

— Непремѣнно. По крайней мѣрѣ утромъ говорила, что будетъ.

— Вы развѣ съ ней знакомы?

— Сегодня познакомилась. Была у нея по дѣлу. Очень она мнѣ понравилась.

Они на минуту остановились. Зарѣчная поздоровалась и обмѣнялась нѣсколькими словами съ какой-то дамой.

— И вы, Василій Васильевичъ, кажется, знакомы съ Аносовой?—продолжала Маргарита Васильевна, когда они двинулись далѣе.

— Какъ же, сподобился нынѣшнимъ лѣтомъ въ Бретани. Такъ вамъ великолѣпная Аглая Петровна даже очень понравилась? Вѣрно, удивила чѣмъ-нибудь по благотворительной части?

— Именно... удивила. Обѣщала пятьдесятъ тысячъ на одно дѣло, о которомъ мы съ вами еще будемъ бесѣдовать. А вамъ развѣ Аносова не нравится?—спросила Зарѣчная, останавливая пытливый взглядъ на Невзгодинѣ.

Онъ нисколько не смутился отъ этого взгляда и спокойно отвѣтилъ:

— Нравится, какъ хорошій экземпляръ роскошной женской красоты.

— И только?—съ живостью кинула Маргарита Васильевна.

— Ну, и неглупая, характерная женщина, изучавшая даже Шелли... А вообще не моего романа.

— Не вашего? — весело промолвила Зарѣчная, внезапно обрадованная эгоистически-радостнымъ чувствомъ женщины, прежній поклонникъ которой не сотворилъ себѣ новаго кумира.

Помолчавъ, она прибавила:

— А вы, Василій Васильичъ, кажется, могли бы быть героемъ ея романа.

Невзгодинъ нѣсколько смутился и не безъ раздраженія спросилъ:

— Откуда сіе, Маргарита Васильевна?

— Плоды моихъ наблюденій надъ Аглаей Петровной, когда мы говорили о васъ! — смѣясь, отвѣтила молодая женщина.

— Такъ они ошибочны. По крайней мѣрѣ я не замѣчалъ этого.

— А я замѣтила!—настаивала Зарѣчная.

— И, признаться, я не особенно былъ бы польщенъ благоволеніемъ красавицы-вдовы, если-бъ у нея и явился такой невѣроятный капризъ...

— Отчего невѣроятный?.. Развѣ вы не можете понравиться?

— Только не Аносовой. Повѣрьте, что она съ ея красотой и милліонами давно нашла бы себѣ героя—и, конечно, не такого невзрачнаго, какъ вашъ покорнѣйшій слуга, если-бъ чувствовала въ томъ потребность...

— Но она васъ все-таки заинтересовала. Вы часто съ ней видѣлись въ Бретани?

— Еще бы! Эта современная московская купчиха съ отличнымъ англійскимъ выговоромъ, съ ласковымъ взглядомъ

бархатныхъ глазъ, скрывающимъ холодную жестковатость натуры, крайне любопытна и стоитъ изученія. Въ самомъ дѣлѣ, въ ней какъ-то уживаются вмѣстѣ расточительная благотворительница и самая отчаянная сквалыга... Наклонность къ умственнымъ отвлеченіямъ и кулачество. Восхищеніе Шелли и обсчитываніе рабочихъ...

— Будто?

— Навѣрное. Я знаю. Мой пріятель былъ техникомъ на одной изъ аносовскихъ фабрикъ. Онъ кое-что мнѣ поразсказалъ. Рабочимъ тамъ очень скверно, а управляющій-англичанинъ просто-таки скотина.

— И Аносова все это знаетъ?

— Превосходно. Она баба-дѣлецъ и сама во все входитъ. Она и Маркса читала, недаромъ же говоритъ, что капитализмъ—необходимая стадія развитія... Герой ея—нажива.

— Вы, Василій Васильичъ, кажется, черезчуръ сгущаете краски... Развѣ Аносова при всемъ этомъ не женщина?.. Развѣ она неспособна увлечься?

— Неспособна. Слишкомъ трезвенна, и темпераментъ спокойный.

— Ну, такъ вы недостаточно ее изучили. Надо продолжать.

— Что-жъ, я непрочь... Здѣсь, въ Москвѣ, на своей почвѣ она будетъ виднѣе, чѣмъ за границей!—засмѣялся Невзгодинъ.—Ну, вотъ и наши мѣста... Далеконько отъ юбиляра, но лучшихъ не нашелъ, Маргарита Васильевна!

— И отлично, что далеко...

— А я недоволенъ. Пожалуй, и не разслышишь всѣхъ рѣчей, а ихъ будетъ много. Четырнадцать ужъ обезпечено!

— Четырнадцать? Это ужасно! Несчастный Косицкій!

— Ну, и публика не особенно счастливая! Я, впрочемъ, намѣренъ всѣ рѣчи слушать... Вѣдь два года не слыхалъ московскаго краснорѣчія.

— А я постараюсь не слушать ни одной... Надоѣли онѣ. И все однѣ и тѣ же...

— Звенигородцевъ и меня просилъ сказать пятнадцатую рѣчь.

— Что-жъ, скажите... Васъ я буду слушать.

— Благодарю, но я рѣчи не скажу.

И, объяснивъ просьбу Звенигородцева, Невзгодинъ прибавилъ:

— И вѣдь Звенигородцевъ не находитъ ничего страннаго, предлагая говорить рѣчь отъ имени другихъ... Меня же будетъ костить за то, что я отказался... Впрочемъ, нынче мало что считается предосудительнымъ... Читали въ газетахъ объ-

ясненіе одного петербургскаго профессора, уличеннаго въ фабрикаціи анонимнаго письма?.. Какая развязность у этого профессора!.. Какой мѣдный лобъ!

— Ну, и у здѣшнихъ есть мѣдные лбы.

— Не смѣю спорить, но все-таки наши до анонимныхъ писемъ не доходили...

— А кто нашими сосѣдями будутъ за обѣдомъ? Вы знаете, Василій Васильичъ?

— Сейчасъ узнаю.

Невзгодинъ взглянулъ на карточки, вложенныя въ стаканы по бокамъ занятыхъ имъ приборовъ, и проговорилъ:

— Вашъ сосѣдъ: молодой беллетристъ Тумановъ... Вы его знаете?

— Знаю...

— Такъ познакомьте меня съ нимъ. Онъ талантливыя вещи пишетъ.

— А рядомъ съ вами кто?

— Анна Аполлоновна Вербицкая. Кто такая?

— Не имѣю понятія...

— Я и того менѣе... Однако три четверти седьмого... ѣсть хочется, а юбиляра не везутъ его ассистенты.

— Кто такіе?

— Цвѣтницкій и вашъ супругъ. Николай Сергѣичъ, вѣрно, будетъ сегодня говорить?

— Конечно!—промолвила Маргарита Васильевна, и тѣнь пробѣжала по ея лицу.

Въ эту минуту раздался громъ рукоплесканій. Толпа двинулась къ дверямъ.

— Наконецъ-то будемъ закусывать!—весело сказалъ Невзгодинъ и сталъ аплодировать, приподнимаясь на цыпочки, чтобъ увидать юбиляра.

Но вмѣсто него въ глаза Невзгодина бросилась крупная, статная фигура Зарѣчнаго.

Прислонившись къ колоннѣ близъ входа и высоко поднявъ свою красивую голову съ гривой волнистыхъ черныхъ волосъ, онъ жаднымъ, неспокойнымъ взглядомъ всматривался въ толпу, словно кого-то искалъ.

«Жену ищетъ!»—подумалъ Невзгодинъ и незамѣтно взглянулъ на Маргариту Васильевну.

Прежняго оживленія уже не было въ ея поблѣднѣвшемъ, казалось, лицѣ. Серьезная и почти суровая, она тоже смотрѣла на красавца-мужа, и въ ея сѣрыхъ глазахъ блестѣлъ злой огонекъ, и тонкія губы складывались въ презрительную улыбку.

— Что-жъ вы не аплодируете, Маргарита Васильевна? Косицкій этого стòитъ. Онъ прелестный человѣкъ!

— Всѣ они прелестные!—съ какимъ-то порывистымъ озлобленіемъ произнесла молодая женщина.

Встрѣтивъ удивленный и пытливый взглядъ Невзгодина, она внезапно покраснѣла, точно досадуя на свою несдержанность, и прибавила:

— Я сегодня въ зломъ настроеніи.

— Косицкій, право, порядочный человѣкъ. Я немножко знаю его и помню, какъ джентльменски онъ провалилъ меня на экзаменѣ, хоть и благоволилъ ко мнѣ!

«Пахнетъ серьезной драмой и, кажется, послѣднимъ актомъ!»—рѣшилъ про себя Невзгодинъ и, какъ истинный беллетристъ, почувствовалъ даже нѣкоторую радость при мысли о возможности близкаго наблюденія этой драмы.

И онъ снова захлопалъ, увидавши наконецъ юбиляра.

IX.

Улыбаясь растерянной и словно бы виноватой улыбкой, маленькій худенькій старичокъ въ мѣшковатомъ фракѣ съ сѣдой бородой клиномъ и съ длиннымъ носомъ, придававшимъ его добродушному лицу нѣсколько птичій видъ, кланялся направо и налѣво, двигаясь мелкими шажками среди рукоплескавшей толпы, и поминутно останавливался, чтобы пожать руки встрѣчающимся знакомымъ и благодарить за поздравленія, добавляя слова благодарности взглядомъ, который будто говорилъ, что онъ, Андрей Михайловичъ Косицкій, не виноватъ во всемъ томъ, чтò происходитъ, и проситъ снисхожденія.

Не ожидавшій такого многолюдства и сконфуженный аплодисментами и тѣмъ, что служитъ предметомъ общаго вниманія, онъ, видимо, находился въ затрудненіи: въ какую сторону залы ему направиться, остановиться ли, или идти, и чтò вообще предпринять. Въ этотъ затруднительный моментъ онъ невольно вспомнилъ совѣтъ своей супруги, преподанный еще сегодня утромъ: «не быть хоть на юбилеѣ разсѣянной фефелой и держать себя съ достоинствомъ!»

«Ей хорошо давать указанія, а попробовала бы она быть въ моемъ положеніи!» — невольно подумалъ смущенный и взволнованный юбиляръ, снова кланяясь на аплодисменты и обрадованно останавливаясь около знакомаго, точно ища у него помощи.

Но Иванъ Петровичъ Звенигородцевъ недаромъ былъ превосходнымъ распорядителемъ на всякихъ торжествахъ, и не напрасно же его въ шутку звали «оберъ-церемоніймейстеромъ».

Какъ только смолкли привѣтственныя рукоплесканія, его кругленькая, толстенькая фигурка вынырнула изъ толпы, и онъ, сіяющій и торжественный, словно бы самъ былъ юбиляромъ, очутился около Косицкаго и, фамильярно, въ качествѣ друга, подхвативъ его подъ руку, повелъ юбиляра, какъ послушнаго бычка на веревочкѣ, въ сосѣднюю комнату, къ громадному столу, сплошь уставленному всевозможными закусками.

— Ты, Андрей Михайлычъ, кажется, померанцовую?

Эта была первая обыденная фраза, которую сегодня услыхалъ старикъ. Съ утра къ нему на квартиру являлись разныя депутаціи, говорили рѣчи въ приподнятомъ тонѣ, волновавшія и трогавшія Андрея Михайловича. Онъ порядкомъ-таки усталъ и до сихъ поръ находился въ напряженномъ состояніи. Вопросъ о водкѣ словно бы возвратилъ его къ привычной ему дѣйствительности, и онъ могъ попросту отвѣтить съ шутливымъ укоромъ, аппетитно поглядывая на закуски:

— А еще пріятель! Я, Иванъ Петровичъ, очищенную!

— Прости, голубчикъ. Я и забылъ... Это Левъ Александрычъ пьетъ померанцовую!

Звенигородцевъ налилъ двѣ рюмки, но, прежде чѣмъ чокнуться, не могъ, конечно, не выразить своихъ чувствъ публично. Распоряжаясь юбиляромъ, какъ своей собственностью, онъ привлекъ его къ себѣ и такъ крѣпко поцѣловалъ трижды въ губы, что шатавшійся передній зубъ юбиляра чуть-было не выпалъ, и Андрей Михайловичъ благодарно поморщился отъ боли.

Чокнувшись затѣмъ съ юбиляромъ и проглотивъ рюмку водки, Звенигородцевъ куда-то исчезъ.

Толпа обступила плотной стѣной закусочный столъ. Закусывали, по московскому обыкновенію, долго и основательно. Только бѣдняга-юбиляръ, несмотря на желаніе попробовать закусокъ основательно, никакъ не могъ этого сдѣлать и нѣкоторое время стоялъ съ пустой тарелочкой въ рукѣ, не имѣя возможности что-нибудь себѣ положить. Къ нему, не переставая, подходили добрые знакомые съ поздравленіями и къ нему подводили незнакомыхъ почитателей и почитательницъ его ученой дѣятельности, съ которой они, впрочемъ, были незнакомы, считавшихъ долгомъ выразить старику свое уваженіе. Поневолѣ приходилось отвѣчать, благодарить и пожимать руки, и терять надежду полакомиться свѣжей икрой, до которой Андрей Михайловичъ былъ большой охотникъ.

Спасибо супругѣ—она выручила. Эта внушительныхъ размѣровъ, гренадерскаго роста и рѣшительнаго вида дама, лѣтъ

за сорокъ, сохранившая слѣды былой красоты и, судя по костюму и слишкомъ оголенной шеѣ, имѣвшая еще претензію производить впечатлѣніе,—не оставила и здѣсь, на юбилеѣ, мужа безъ своего властнаго надзора, какой неослабно имѣла за нимъ въ теченіе долголѣтняго супружества. Нѣсколько удивленная, что съ утра такъ чествуютъ Андрея Михайловича, котораго она высокомѣрно всю жизнь считала фефелой и съ которымъ дома обращалась, какъ неограниченная монархиня съ своимъ вѣрноподданнымъ, вполнѣ игнорируя, что онъ читалъ полицейское право,—госпожа профессорша возмутилась, увидавши, что Андрей Михайловичъ «мямлитъ», какъ она выражалась, съ какою-то барышней и при этомъ даже умильно улыбается вмѣсто того, чтобы ѣсть хорошую закуску съ такимъ же аппетитомъ и съ такимъ же достоинствомъ, съ какими это дѣлаетъ она. И профессорша, рѣшительно отстранивъ отъ стола какого-то господина, наложила полную тарелку свѣжей икры, достала хлѣбъ и, подойдя къ мужу, который передъ ней казался карликомъ, нѣжно проговорила:

— Вотъ, кушай, а то ты ничего не ѣшь!

Юбиляръ благодарно и въ то же время нѣсколько боязливо взглянулъ на жену, принимая тарелку.

— Да ты лучше отойди въ сторону, а то здѣсь тѣсно!— продолжала нѣжнымъ тономъ супруга.

Барышня исчезла, и Андрей Михайловичъ покорно отошелъ за женой.

— Вотъ здѣсь никто не помѣшаетъ тебѣ... Присядь къ столу... Ты совсѣмъ сонный какой-то... И все точно боишься... Совсѣмъ непохожъ на юбиляра!—выговаривала она шопотомъ.— Чего еще хочешь... Я тебѣ принесу...

— Спасибо, Варенька... Мнѣ довольно икры... А я, точно, усталъ... И наконецъ развѣ я могъ ожидать... Столько сегодня неожиданной чести.

— Ну, ѣшь... ѣшь... И какая неожиданность... Ты развѣ не стоишь почета... Слава Богу, тридцать лѣтъ профессоромъ... Ѣшь... ѣшь... Не говори...

Юбиляръ не заставилъ себя болѣе просить и съ удовольствіемъ уплеталъ икру, оберегаемый супругой, которой почти всѣ знакомые нѣсколько побаивались, какъ очень рѣшительной дамы.

Зарѣчный еще въ залѣ увидѣлъ жену и Невзгодина.

Онъ велъ ее подъ руку и о чемъ-то весело ей разсказывалъ. Рита улыбалась! Зарѣчный видѣлъ потомъ, какъ Невзгодинъ услуживалъ ей, подавая закуски, и теперь они опять

вмѣстѣ стоятъ въ сторонкѣ и снова оживленно разговариваютъ, не обращая ни на кого вниманія.

Ревнивыя подозрѣнія съ новою силою охватили молодого профессора. Онъ сдѣлался мраченъ, какъ туча, и украдкой наблюдалъ за Ритой и Невзгодинымъ. Откуда такая дружба между ними послѣ того, какъ онъ былъ отвергнутъ и уѣхалъ изъ Москвы? О чемъ они говорятъ? О, какъ хотѣлъ бы Николай Сергѣевичъ узнать, но къ нимъ все-таки не подходилъ, не желая встрѣчаться съ этимъ пустѣйшимъ человѣкомъ, который вдругъ сдѣлался ему ненавистнымъ. Онъ понималъ неизбѣжность встрѣчи, если не здѣсь, не сегодня, то на-дняхъ, дома,—этотъ «нахалъ» теперь зачаститъ къ Ритѣ,—но, какъ человѣкъ нерѣшительный, хотѣлъ встрѣчу отдалить.

Послѣ юбиляра Николай Сергѣевичъ, повидимому, обращалъ на себя наибольшее вниманіе публики, и въ особенности дамъ. Къ нему то и дѣло подходили, съ нимъ разговаривали, ему восторженно улыбались, на него указывали, называя фамилію и прибавляя: «извѣстный профессоръ». Одна дама назвала его «неотразимымъ красавцемъ» такъ громко, что Зарѣчный слышалъ, и умоляла познакомить ее съ нимъ.

Но сегодня Николай Сергѣевичъ былъ равнодушнѣе къ проявленіямъ восторговъ поклоненія и, обыкновенно мягкій и ласковый въ обращеніи съ людьми, былъ сдержанъ, неразговорчивъ и меланхоличенъ.

Онъ выпилъ уже четыре рюмки водки, желая разогнать ревнивыя думы, и скупо подавалъ реплики какой-то поклонницѣ, пережевывая кусокъ балыка. Глаза его невольно смотрѣли въ ту сторону, гдѣ были Рита и Невзгодинъ.

«И какимъ сталъ франтомъ этотъ прежній замухрыга! Видно, болѣе не отрицаетъ приличныхъ костюмовъ!» — со злостью думалъ Зарѣчный.

Въ эту минуту откуда-то выскочилъ Звенигородцевъ и, обхватывая талію Николая Сергѣевича, весело воскликнулъ:

— А вѣдь мы съ тобой, Николай Сергѣевичъ, не пили. Выпьемъ?

Звенигородцевъ со всѣми болѣе или менѣе извѣстными людьми былъ на «ты».

— Пожалуй...

Они подошли къ столу, чокнулись и выпили.

Пока они закусывали, Звенигородцевъ успѣлъ уже сообщить, торопливо кидая слова своимъ нѣжнымъ и пѣвучимъ голоскомъ, о томъ, что Невзгодинъ—вотъ она, современная молодежь! — оказался просто-таки трусомъ. Иначе чѣмъ же объяснить его отказъ сказать рѣчь Косицкому?

— Прежде, небось, радикальничалъ. Помнишь? Всѣ у него оказывались лицемѣрными болтунами, показывающими кукиши въ карманѣ, а теперь и кукишъ боится показать! Видно, какъ женился, такъ и того... Радикализмъ въ отставку!— говорилъ Звенигородцевъ почти шепоткомъ и при этомъ такъ добродушно и весело улыбался, точно онъ искренно радовался, что Невзгодинъ оказался трусомъ и вообще негоднымъ человѣкомъ.

— Развѣ Невзгодинъ женатъ?—воскликнулъ Зарѣчный.

Въ голосѣ его невольно звучала радостная нотка.

— То-то женился. Только-что самъ мнѣ сообщилъ. Да онъ развѣ у тебя не былъ?

— Былъ, но не засталъ дома.

— Говорятъ, и химію въ Парижѣ изучалъ. Что-то сомнительно. И повѣсть написалъ... мнѣ сейчасъ говорилъ Тумановъ... И принята. Ну, да мало ли дряни нынче принимаютъ! Признаться, я не думаю, чтобы Невзгодинъ могъ написать что-нибудь порядочное... Какъ по-твоему?

— И мнѣ кажется... Поверхностный человѣкъ...

— Брандахлыстъ, хотъ и не лишенъ иногда остроумія. Да ты развѣ не видалъ его?

— Нѣтъ, не видалъ!—солгалъ Зарѣчный.

— Онъ только-что здѣсь былъ съ Маргаритой Васильевной.

— А жена его съ нимъ?

— Жена? Жены не видалъ. Вѣрно, и она здѣсь!—рѣшилъ Звенигородцевъ, отдававшійся иногда порывамъ вдохновенія.— Однако пора юбиляра и къ столу вести. А каковъ юбилейчикъ-то? Двѣсти сорокъ человѣкъ обѣдающихъ... Ты будешь говорить пятымъ... не забудь!

Съ этими словами Иванъ Петровичъ исчезъ, отыскивая глазами юбиляра.

Нѣсколько обрадованный вѣстью о женитьбѣ Невзгодина, Зарѣчный направился къ женѣ. Онъ засталъ ее одну. Невзгодинъ въ эту минуту разговаривалъ около съ извѣстнымъ профессоромъ-химикомъ.

— Я и не видался съ тобой сегодня. Здравствуй, Рита!— съ нѣжностью шепнулъ Зарѣчный, протягивая женѣ руку и словно бы внезапно притихшій при видѣ Риты.

— Здравствуй!—безучастно промолвила она.

Онъ пожалъ маленькую руку и сказалъ:

— Я тебѣ занялъ мѣсто за среднимъ столомъ... недалеко отъ юбиляра... Около тебя будетъ сидѣть профессоръ Марголинъ... Ты, кажется, его перевариваешь?—прибавилъ онъ съ грустной улыбкой.

— У меня уже есть мѣсто.

— Съ кѣмъ же ты сидишь? Одна?

— Нѣтъ. Я буду сидѣть рядомъ съ Невзгодинымъ. Онъ на-дняхъ вернулся изъ-за границы, вчера былъ у меня, и я ему обѣщала.

Это подробное объясненіе, которое почему-то сочла нужнымъ дать Маргарита Васильевна, вызвало въ ней досаду, и она покраснѣла.

— Въ такомъ случаѣ виноватъ. Съ Невзгодинымъ, конечно, тебѣ будетъ веселѣе! — произнесъ Зарѣчный взволнованнымъ голосомъ.

— Разумѣется, веселѣе, чѣмъ съ твоими профессорами.

— А ты, Рита, все еще въ чемъ-то обвиняешь профессоровъ и главнымъ образомъ меня?—чуть слышно спросилъ онъ.

Рита молчала.

— О, какъ ты жестока, Рита, — съ мольбою шепнулъ Зарѣчный.—Обвинять другихъ легко.

— Я и себя не оправдываю! — отвѣтила такъ же тихо Рита и громко прибавила: — А ты Василья Васильевича не узнаёшь?

Услыхавъ свое имя, Невзгодинъ подошелъ.

Бывшіе соперники встрѣтились сдержанно. Они раскланялись съ преувеличенной вѣжливостью, молча пожали другъ другу руки и нѣсколько секундъ глядѣли одинъ на другого, не находя, казалось, о чемъ говорить.

Молодая женщина наблюдала обоихъ.

Она видѣла въ лицѣ мужа скрытую непріязнь и поняла, что источникъ ея—ревность. Въ Невзгодинѣ, напротивъ, она не замѣтила ни малѣйшаго недоброжелательства къ мужу. Одно только равнодушіе. И это кольнуло ея женское самолюбіе. Она вспомнила, какъ страстно относился прежде Невзгодинъ къ своему счастливому сопернику.

Наконецъ Зарѣчный сказалъ:

— Васъ, я слышалъ, можно поздравить, Василій Васильичъ?

— Съ чѣмъ?

— Вы женились.

— Какъ же. Совершилъ сей долгъ! — шутливо промолвилъ Невзгодинъ.

Тонъ этотъ не понравился Зарѣчному.

— И, говорятъ, избрали карьеру писателя?

— По крайней мѣрѣ, хочу попробовать.

— И будете жить въ Москвѣ?

«А тебѣ, вѣрно, этого не хочется. Уже возревновалъ!»—подумалъ Невзгодинъ и отвѣтилъ:

— Не рѣшилъ еще...

— Надѣюсь, мы будемъ имѣть честь васъ видѣть у насъ... Вы гдѣ остановились?

Невзгодинъ сказалъ:

— На-дняхъ я буду у васъ, Василій Васильичъ.

Съ этими словами Зарѣчный поклонился и отошелъ, далеко не успокоенный въ своихъ ревнивыхъ чувствахъ. Такіе господа, какъ Невзгодинъ, легко смотрятъ на бракъ. Недаромъ же онъ выразился о своей женитьбѣ въ шуточномъ тонѣ. И отчего жена его не съ нимъ?

Тѣмъ временемъ Звенигородцевъ отыскалъ юбиляра на угловомъ диванѣ и проговорилъ:

— Ну, братъ, Андрей Михайлычъ, пойдемъ на закланіе.

— Пойдемъ!—покорно отвѣтилъ юбиляръ, поднимаясь.

Звенигородцевъ на минутку остановилъ его и спрашивалъ:

— Кого посадить около тебя? Молоденькихъ дамъ желаешь?

— Зачѣмъ же дамъ, да еще молоденькихъ? — смущенно возразилъ старикъ, озираясь: нѣтъ ли вблизи жены.

— Ты находишь это нѣсколько легкомысленнымъ для юбилея?

— Пожалуй, что такъ...

— И, быть-можетъ, Варвара Николаевна этого не одобритъ? — лукаво подмигнулъ глазомъ Звенигородцевъ и засмѣялся. — Ну, въ такомъ случаѣ ты будешь сидѣть между своими сверстниками-коллегами... Или хочешь, чтобъ около тебя сидѣла супруга твоя Варвара Николаевна? — спросилъ самымъ, повидимому, серьезнымъ тономъ Иванъ Петровичъ, хорошо знавшій, какъ побаивается Косицкій своей жены.

— Какъ знаешь... Я вѣдь сегодня собой не распоряжаюсь... Только удобно ли на юбилеѣ устраивать семейную обстановку?

— Конечно, не слѣдуетъ... Ея и такъ достаточно. Такъ ты будешь между коллегами. Этакъ выйдетъ солиднѣе... Ну, идемъ!

Звенигородцевъ съ торжественностью подвелъ юбиляра къ столу и указалъ ему мѣсто на самой серединѣ. По бокамъ и напротивъ усѣлись профессора, въ томъ числѣ и Зарѣчный, и нѣсколько болѣе близкихъ знакомыхъ юбиляра. Супругу его Звенигородцевъ усадилъ невдалекѣ, около одного молчаливаго профессора.

Скоро всѣ разсѣлись за столами, и тотчасъ же замелькали бѣлыя рубахи половыхъ, которые разносили тарелки съ супомъ и блюда съ пирожками, предлагая «консомэ или кремъ д'аспержъ».

Въ залѣ наступило затишье.

— Поглядите, Василій Васильичъ, нѣтъ ли здѣсь Аносовой. Я своими близорукими глазами не увижу!—проговорила Маргарита Васильевна, озирая столы.

— Вы думаете, такъ легко ее замѣтить въ этой массѣ публики!

— Такую красавицу? Она невольно бросится въ глаза.

— Ну, извольте.

Невзгодинъ обглядѣлъ столы и промолвилъ:

— Не вижу великолѣпной вдовы.

— Значитъ, ея нѣтъ. Странно!

— Отчего странно?

— Обѣщала быть, а она, какъ кажется, изъ тѣхъ рѣдкихъ женщинъ, которыя держатъ слово.

Въ эту самую минуту сидѣвшій за столомъ противъ Невзгодина, скромнаго вида, въ новенькомъ фракѣ, молодой рыжеватый блондинъ въ очкахъ, все время безпокойно поглядывавшій на двери, не дотрогиваясь до супа, внезапно поднялся со своего мѣста, около котораго былъ никѣмъ незанятый приборъ, и двинулся къ выходу.

Въ дверяхъ показалась Аносова.

— Вотъ и она! Смотрите, что̀ за красота!—шепнула Маргарита Васильевна.

— Что̀ и говорить: великолѣпна... И, кажется, напротивъ насъ сядетъ. А кто этотъ блондинъ?

— Это племянникъ и наслѣдникъ Аносовой!—сказалъ кто-то.

— Но долго ему дожидаться наслѣдства!—раздался чей-то голосъ.

Всѣ глаза устремились на эту высокую, статную, ослѣпительную красавицу въ роскошномъ, но не бьющемъ въ глаза черномъ бархатномъ платьѣ, обшитомъ бѣлыми кружевами у лебединой шеи, въ длинныхъ перчаткахъ почти до локтей, съ крупными кабошонами въ ушахъ, которая плывущей неспѣшной походкой, слегка смущенная и зардѣвшаяся, шла къ столу въ сопровожденіи блондина.

— Вотъ, тетенька... Другихъ мѣстъ не могъ достать!—проговорилъ онъ съ особенною почтительностью.

— Чѣмъ худы мѣста... Отличныя!—весело промолвила она, опускаясь на стулъ.

Звенигородцевъ уже летѣлъ со всѣхъ ногъ къ Аносовой.

— Аглая Петровна!.. Здравствуйте, божественная, и пожалуйте за столъ юбиляра. Для васъ берегъ мѣсто, чтобы сидѣть подлѣ... И Андрей Михайловичъ будетъ очень радъ видѣть васъ поближе.

— Мнѣ и тутъ хорошо... Благодарю васъ, Иванъ Петровичъ. Да кстати у меня vis-à-vis добрая знакомая! — прибавила Аносова, увидавъ противъ себя Зарѣчную.

Щеки ея какъ будто зарумянились гуще, и она, ласково улыбаясь своими большими ясными глазами, привѣтно, какъ короткой знакомой, нѣсколько разъ кивнула Зарѣчной и сдержанно, почти строго, чуть-чуть наклонила голову въ отвѣтъ на поклонъ Невзгодина, не глядя на него.

«Ишь... королевой себя въ публикѣ держитъ. Боится «морали»! — усмѣхнулся про себя Невзгодинъ, не безъ тайнаго восхищенія посматривая на великолѣпную вдову, которую онъ видѣлъ въ первый разъ въ парадѣ, и вспомнилъ, какъ просто она себя держала съ нимъ въ Бретани.

— И жарко же здѣсь!—обратилась она, снимая перчатки, къ Зарѣчной и, повидимому, не обращая ни малѣйшаго вниманія на Невзгодина.

Маргарита Васильевна деликатно согласилась, что жарко, хоть и приписала румянецъ Аносовой другой причинѣ.

Спокойнымъ жестомъ своей бѣлой холеной руки Аглая Петровна отстранила тарелку съ супомъ.

— Я очень рада, что случай свелъ меня сидѣть противъ васъ, Маргарита Васильевна. По крайней мѣрѣ есть съ кѣмъ перемолвиться словомъ!.. — съ замѣтнымъ оживленіемъ продолжала Аносова. — А вы не думайте, что я люблю опаздывать. Я этого не люблю. Но раньше не могла пріѣхать — было серьезное дѣло. Впрочемъ, я послала сюда артельщика и просила его дать знать, когда будутъ садиться за столъ, и, какъ видите, ошиблась на нѣсколько минутъ!—прибавила она, улыбаясь чарующей улыбкой и открывая рядъ чудныхъ зубовъ.

«Всѣ статьи свои показываетъ!» — рѣшилъ Невзгодинъ и уже настраивалъ себя недоброжелательно противъ «великолѣпной вдовы», которая не удостоивала его ни однимъ словомъ, точно лѣтомъ и не называла его пріятелемъ и не звала непремѣнно побывать у нея въ Москвѣ.

— Рыбы прикажете, Маргарита Васильевна?

— Пожалуйста...

Онъ положилъ ей на тарелку рыбы и, наливая въ рюмку бѣлаго вина, прошепталъ:

— Такъ даже очень нравится?

Маргарита Васильевна усмѣхнулась и, точно поддразнивая, утвердительно кивнула головой.

— А вы, Василій Васильичъ, давно сюда пожаловали? — обратилась наконецъ Аглая Петровна къ Невзгодину послѣ

того, какъ покончила съ рыбой и запила ее рюмкой бѣлаго вина.

— Третьяго-дня, Аглая Петровна.

Взгляды ихъ встрѣтились. И въ глазахъ у обоихъ мелькнуло что-то не особенно привѣтливое.

— Собираетесь и меня удостоить посѣщеніемъ? — кинула съ едва замѣтной усмѣшкой Аносова.

— Обязательно собираюсь удостоиться этой чести, Аглая Петровна. Только боюсь...

— Какой пугливый! Чего вы боитесь?

— Помѣшать вамъ. Вы, говорятъ, всегда заняты.

— Кто это вамъ сказалъ?—вспыхивая, отвѣчала Аносова.— Вѣрно, сами сочинили ради краснаго словца. Положимъ, занята, но у меня есть время и для знакомыхъ... Отъ трехъ до шести я дома... Маргарита Васильевна подтвердитъ это.

— Охотно, Аглая Петровна... Но вы мало знаете Василія Васильича... Онъ любитъ иногда поднять на зубокъ... Вдобавокъ и беллетристъ. Его повѣсть въ январѣ будетъ напечатана.

— Вы лѣтомъ этого мнѣ не говорили, Василій Васильичъ,— промолвила Аглая Петровна.

— Да развѣ нужно трубить о своихъ грѣхахъ?

— Значитъ, и насъ грѣшныхъ когда-нибудь опишете?

— Васъ съ особеннымъ удовольствіемъ, Аглая Петровна, возвелъ бы въ перлъ созданія.

— Только ему недостаетъ изученія. Онъ васъ недостаточно знаетъ,—вставила Маргарита Васильевна.

— Недоволенъ онъ мною... Я это знаю!—засмѣялась Аглая Петровна. — А узнать меня — немудрое дѣло... Съ Богомъ, описывайте, Василій Васильичъ. Обижаться не буду, если вы даже и сгустите краски!

— Вы-то не будете сердиться?.. Еще какъ! — насмѣшливо проговорилъ Невзгодинъ.

Но Аглая Петровна уже не слушала и о чемъ-то заговорила съ племянникомъ.

— Ваше здоровье, Маргарита Васильевна!—сказалъ Невзгодинъ, чокаясь со своей сосѣдкой.—Желаю вамъ...

— Чего вы мнѣ пожелаете?

— Говорить?—шепнулъ Невзгодинъ.

— Говорить...

— Какъ добрый пріятель?

— Да что̀ вы съ предисловіями... Я не боюсь правды...

— Ну, такъ искренно желаю вамъ... полюбить кого-нибудь и...

— И что?

— А дальше все приложится.

— Вы думаете?

— Думаю, если только васъ не захватитъ какая-нибудь широкая дѣятельность. Да и гдѣ она? И то... одна дѣятельность васъ, женщинъ, не удовлетворитъ... А вы вѣдь все искали людей да разсуждали, а никого по-настоящему не любили... Не правда ли?

— Правда. И за то расплачиваюсь!—чуть слышно проронила молодая женщина.

— Вольно же!

Маргарита Васильевна нетерпѣливо пожала плечами и примолкла, отставивъ рюмку.

— Вы не сердитесь, что я... завелъ такой разговоръ. Больше не буду!—виновато промолвилъ Невзгодинъ.

— За что сердиться! Я сама завела бы его. Вы не слѣпы и видите, что я не любила и не люблю мужа, и вдобавокъ...

— Развѣнчали его?

Маргарита Васильевна молча кивнула головой.

— И все-таки жили и живете съ нимъ!—съ какою-то безжалостностью художника и съ искреннимъ негодованіемъ правдивой натуры продолжалъ Невзгодинъ, понижая голосъ.

— За преступленіемъ слѣдуетъ наказаніе!

— Но не такое варварское и—извините—постыдное... Мужчинъ вы обвиняете въ компромиссахъ, а сами...

— Довольно... Мы объ этомъ поговоримъ... Здѣсь не мѣсто...

— Никто не слышитъ... Здѣсь шумъ...

— Во всякомъ случаѣ, спасибо вамъ за пожеланіе...

Маргарита Васильевна отпила изъ рюмки. Выпилъ полную рюмку и Невзгодинъ.

— Постараюсь послѣдовать вашему совѣту и полюбить какого-нибудь интереснаго человѣка... Только вотъ вопросъ: гдѣ его искать?—съ нервнымъ, злымъ смѣхомъ сказала Маргарита Васильевна.

И, помолчавъ, прибавила:

— А у васъ все та же страсть затронуть самое больное мѣсто человѣка... посыпать соли на свѣжую рану, чтобы человѣкъ не предавался самообману насчетъ своихъ добродѣтелей... Но я на это не сержусь... Напротивъ, очень благодарна... Ваше здоровье, Василій Васильевичъ, и литературнаго успѣха!

Съ этими словами Маргарита Васильевна допила свою рюмку и спросила:

— Когда же вы прочтете мнѣ свою повѣсть?

— Какъ-нибудь на-дняхъ.

Нѣсколько разъ Аглая Петровна взглядывала на Маргариту Васильевну и Невзгодина, прислушиваясь къ ихъ разговору и сама разговаривая въ то же время съ племянникомъ, казалось, съ интересомъ и совершенно спокойная. По крайней мѣрѣ ея лицо словно бы застыло въ своемъ безстрастномъ великолѣпіи, и глаза свѣтились яснымъ, холоднымъ блескомъ. И только густыя брови чуть-чуть сдвинулись, да пальцы нервно сжимали хлѣбный катышокъ, обнаруживая тайное волненіе Аносовой.

Нѣкоторыя слова, долетавшія, среди общаго говора, до ея тонкаго слуха, изощреннаго въ дѣтствѣ и потомъ во время несчастнаго ранняго супружества, бывшаго дѣломъ коммерческой сдѣлки родителей, и возбужденныя лица Зарѣчной и Невзгодина—особенно первой—не оставляли въ Аносовой почти никакого сомнѣнія въ томъ, что между ними произошло объясненіе самаго интимнаго характера («точно они не нашли для этого болѣе удобнаго мѣста!»—мысленно подчеркнула Аглая Петровна, бросая взглядъ въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Зарѣчный, и замѣчая, что и онъ, мрачный и взволнованный, не спускаетъ глазъ съ жены).

И Аносова втайнѣ сердилась, испытывая обидную досаду дѣловой женщины, увѣренной въ своемъ умѣ и въ знаніи людей, которую обошла другая—эта, казалось, вполнѣ искренняя, маленькая, худенькая блондиночка, заставившая повѣрить осторожную и мало довѣрчивую къ людямъ Аглаю Петровну ея словамъ, что она только дружна съ Невзгодинымъ и любитъ его, какъ добраго стараго пріятеля.

«Тутъ не одной дружбой пахнетъ!»—рѣшила «великолѣпная вдова», чувствуя, что въ сердцѣ ея растетъ непріязненное чувство къ Маргаритѣ Васильевнѣ.

«Ужели это ревность и Невзгодинъ ей, въ самомъ дѣлѣ, нравится!»—подумала Аносова и даже презрительно повела плечомъ, словно бы сама удивленная этому странному капризу.

«Что̀ особеннаго въ этомъ Невзгодинѣ?»—задала она себѣ вопросъ.

Правда, онъ уменъ, но умъ у него какой-то насмѣшливый и взгляды совсѣмъ дикіе, какъ у голыша, которому лично ничего не сто̀итъ держаться крайнихъ мнѣній... Онъ, правда, естественъ и простъ, но вообще «непутевый» человѣкъ. А собою такъ ужъ совсѣмъ не виденъ... Такъ-себѣ... подвижная, нервная мордочка...

Но, несмотря на эту оцѣнку, что-то говорило въ ея душѣ,

что ее интересуетъ, и больше, чѣмъ кто-либо другой изъ ея многочисленныхъ поклонниковъ, этотъ «непутевый человѣкъ», съ его «мордочкой», едва ли не единственный, который равнодушно относится и къ ея красотѣ, и къ ея уму, и къ ея милліонамъ, и который съ рѣзкой откровенностью говорилъ ей въ глаза то, чего никто не осмѣливался, и, повидимому, нисколько не боялся разорвать съ ней знакомство, завязавшееся совершенно неожиданно въ Бретани. И она должна была признаться себѣ, что и тогда, когда они часто видались, встрѣчаясь на «пляжѣ», Аглая Петровна была нѣсколько изумлена тому интересу, который впервые возбудилъ въ ней Невзгодинъ, не только какъ любопытный, не шаблонный человѣкъ, но и какъ интересный мужчина. Недаромъ же она въ Бретани съ нимъ даже слегка кокетничала, стараясь понравиться ему и умомъ и чарами своей красоты, и видимо искала его общества. Она, всегда точная, отложила даже на недѣлю свой отъѣздъ съ морского берега, на что-то надѣясь, чего-то ожидая, и, къ изумленію своему, не дождалась ни малѣйшаго намека со стороны Невзгодина на силу ея очарованія. Недаромъ же она, какъ какая-нибудь глупая дѣвчонка, посылала справляться объ его адресѣ, досадуя, что онъ не явился къ ней тотчасъ же по пріѣздѣ, какъ обѣщалъ, и такъ обрадовалась неожиданной встрѣчѣ, хотя и не показала вида.

Неужели Невзгодинъ можетъ нарушить ея горделивый покой, который доселѣ не нарушалъ ни одинъ изъ мужчинъ?

«Вздоръ!»—рѣшительно протестовала она противъ этого.

И Аглая Петровна подняла на Невзгодина строгій, почти непріязненный взглядъ, словно бы возмущенная, что этотъ легкомысленный, ненадежный человѣкъ могъ занимать ея мысли.

А онъ перехватилъ этотъ взглядъ, и хоть бы что!

«Пусть себѣ увлекается чужою женой... Чортъ съ нимъ!»—рѣшила Аглая Петровна и обратилась съ какимъ-то вопросомъ къ Туманову, молодому, молчаливо наблюдавшему беллетристу.

Половые между тѣмъ разносили третье блюдо.

— Что-жъ это значитъ? Еще рѣчей не говорятъ!—воскликнулъ удивленно Невзгодинъ.

— Успокойтесь... будутъ! — промолвила Маргарита Васильевна.

— Прежде на обѣдахъ рѣчи обыкновенно начинались послѣ супа, а то послѣ рыбы... Вѣроятно, намъ хотятъ дать поѣсть, чтобы мы могли слушать ораторовъ не на голодный желудокъ... Это неглупое новшество.

Онъ принялся за ѣду и прислушивался, какъ его сосѣдка

слѣва, молодая женщина, довольно миловидная, не умолкая, громко и авторитетно говорила сидѣвшему рядомъ съ ней господину о задачахъ настоящей благотворительности. Она изучала ее въ Европѣ. Она посѣщала тамъ разныя благотворительныя учрежденія. Необходимо и въ Москвѣ совершенно реформировать это дѣло... Но ее не слушаютъ... Она одна... Никто не хочетъ понять, что это дѣло очень серьезное и требуетъ самаго внимательнаго отношенія... Надо строго различать виды бѣдности...

«О, несчастный!»—пожалѣлъ Невзгодинъ господина, которому читали лекцію о благотворительности, и, обращаясь къ Маргаритѣ Васильевнѣ, тихо замѣтилъ:

— Счастливы вы, что не слышите моей сосѣдки. Она пропагандируетъ благотворительность во всѣхъ ея видахъ... Это въ Москвѣ, кажется, нынче въ модѣ? Благотворительность является чуть ли не спортомъ.

— А вы уже успѣли замѣтить?

— Еще бы! Кого только изъ дамъ я ни видалъ въ эти дни, всѣ благотворительницы. Что̀ это: вліяніе скуки или мода изъ Петербурга?

— И то и другое. Впрочемъ, у нѣкоторыхъ есть и искреннее желаніе что-нибудь дѣлать, помочь кому-нибудь. Вы знаете, и я работаю въ попечительствѣ... И не отъ скуки только!— прибавила Маргарита Васильевна.

— И довольны этой дѣятельностью? — удивленно спросилъ Невзгодинъ.

— Все что-нибудь, если нѣтъ другого.

— А вы и благотворительности не одобряете?—неожиданно кинула Аглая Петровна, обращаясь къ Невзгодину.

— Почему же непремѣнно: «и». И почему вамъ кажется, что я ее не одобряю, Аглая Петровна? — съ насмѣшливой улыбкой небрежно спросилъ Невзгодинъ.

Этотъ тонъ и эта улыбка взорвали Аносову. Но она умѣла хорошо владѣть собою и, скрывая раздраженіе, промолвила:

— Да потому, что вы ко всему относитесь пессимистически... Это, впрочемъ, придаетъ извѣстную оригинальность!—иронически прибавила она.

— И не заслуживаетъ вашего милостиваго благоволенія? Но положите гнѣвъ на милость и не сѣките неповинную голову, Аглая Петровна. Если васъ такъ интересуетъ знать, какъ я смотрю на благотворительность, то я почтительнѣйше доложу вамъ, что я ровно ничего не имѣю противъ благотворительныхъ экспериментовъ. Я только позволяю себѣ иногда недоумѣвать...

— Чему?—съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ перебила Аносова.

— Тому, что иногда и неглупые люди хотятъ себя обманывать, воображая, что въ этихъ дѣлахъ панацея отъ всѣхъ золъ, и возводятъ въ перлъ созданія выѣденное яйцо, увѣренные, что они... истинные евангельскіе мытари, а не самые обыкновенные фарисеи.

— А вы развѣ знаете, что они считаютъ себя мытарями? Или вы имѣете даръ угадывать чужія мысли?

— То-то знаю, Аглая Петровна... встрѣчалъ такихъ и среди мужчинъ и среди женщинъ... И кромѣ того имѣю претензію угадывать иногда и чужія мысли! — смѣясь, прибавилъ Невзгодинъ.

— Можно и ошибиться!

— И весьма. Не ошибаются только люди, слишкомъ влюбленные въ свои добродѣтели. А я вѣдь—грѣшникъ и непогрѣшимымъ себя не считаю!—улыбнулся Невзгодинъ.—Когда-нибудь, если позволите, мы возобновимъ эту тему, а теперь невозможно. Звенигородцевъ поднялся и призываетъ насъ къ вниманію... Сейчасъ, вѣрно, онъ начнетъ говорить.

Раздался звонъ стакана, по которому стучали ножомъ. Разговоры сразу замолкли. Прекратила свою лекцію и сосѣдка Невзгодина, бросая на него негодующіе взгляды за его сравненіе благотворительной дѣятельности съ выѣденнымъ яйцомъ. Половые убирали тарелки, стараясь не шумѣть. Стали разливать по бокаламъ шампанское. Въ залѣ воцарилась тишина. Юбиляръ торопливо вытеръ бороду, закапанную соусомъ, и, нѣсколько размякшій послѣ утреннихъ поздравленій и послѣ двухъ стакановъ бѣлаго вина, въ ожиданіи рѣчей, уже чувствовалъ себя вполнѣ готовымъ къ умиленію, все еще недоумѣвая, за что его такъ чествуютъ?

«Это все Иванъ Петровичъ устроилъ!»—подумалъ скромный старикъ и, благодарно взглянувъ на Звенигородцева, потупилъ очи въ пустую тарелку.

X.

Возвысивъ свой тенорокъ, Звенигородцевъ просилъ милостивыхъ государынь и государей прослушать нѣкоторыя изъ привѣтственныхъ телеграммъ и писемъ, полученныхъ глубокочтимымъ юбиляромъ изъ разныхъ концовъ Россіи и изъ-за границы.

— Ихъ такъ много, что всѣ читать займетъ много времени. Ихъ прочтетъ потомъ самъ Андрей Михайловичъ и убѣдится, что не одна Москва цѣнитъ и глубоко уважаетъ его научную и общественную дѣятельность, а вся Россія. Онъ

узнаетъ, что и за границей у него есть горячіе почитатели... Я позволю себѣ прочитать только нѣкоторыя.

И, когда смолкли рукоплесканія, Звенигородцевъ сталъ читать телеграммы отъ университетовъ, отъ редакцій журналовъ и газетъ, отъ разныхъ обществъ и отъ болѣе или менѣе извѣстныхъ лицъ.

Нѣкоторыя изъ привѣтствій сопровождались рукоплесканіями. Телеграмма Найденова встрѣчена была гробовымъ молчаніемъ.

Перечисливъ затѣмъ фамиліи лицъ, совсѣмъ неизвѣстныхъ, приславшихъ поздравленія юбиляру, Звенигородцевъ торжественно поднесъ весь этотъ ворохъ бумаги юбиляру, положилъ передъ нимъ на столъ и затѣмъ удалился на свое мѣсто, шепнувъ Цвѣтницкому, чтобы тотъ начиналъ.

Тогда поднялся сосѣдъ юбиляра за обѣдомъ, старый профессоръ Цвѣтницкій. Тотчасъ же всталъ и юбиляръ, и такъ какъ они очутились близко другъ къ другу, то Цвѣтницкій, плотный, коренастый старикъ, отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ.

— Бѣдняга Косицкій! Неужели онъ будетъ выслушивать всѣ рѣчи стоя!—замѣтилъ Невзгодинъ.

— А то какъ же, не сидѣть же ему, когда къ нему обращаются!—отвѣтила Маргарита Васильевна.

Ораторъ между тѣмъ откашлялся и началъ слегка вздрагивающимъ, громкимъ, низковатымъ голосомъ:

— Глубокоуважаемый и дорогой мой другъ и товарищъ, Андрей Михайловичъ! Мнѣ выпала честь первому привѣтствовать тебя, и, гордый этой честью, я тѣмъ не менѣе чувствую, что едва ли смогу выразить съ достаточною силою тѣ чувства глубокаго уваженія и, можно сказать, даже благоговѣнія, которыя невольно внушаешь ты, высокочтимый Андрей Михайловичъ, и своими учеными заслугами, и безупречною своею дѣятельностью какъ профессоръ, и наконецъ какъ безупречный добрый человѣкъ и рѣдкій товарищъ. Обозрѣвая пройденный тобою путь, путь труда и чести, глазамъ моимъ представляется...

И почтенный ораторъ, продолжая въ томъ же нѣсколько приподнятомъ тонѣ, познакомилъ слушателей съ пройденнымъ юбиляромъ путемъ, начиная со студенческаго возраста до настоящаго дня, и такъ какъ путь былъ долгъ, то и рѣчь профессора была нѣсколько длинновата и при этомъ изобиловала такимъ количествомъ прилагательныхъ въ превосходнѣйшихъ степеняхъ, что самъ юбиляръ, хотя и умиленный, тѣмъ не менѣе испытывалъ немалое смущеніе, когда его называли однимъ изъ европейскихъ ученыхъ, рѣдкимъ знатокомъ науки

и смѣлымъ борцомъ за правду... И самъ этотъ Левъ Александровичъ Цвѣтницкій, съ которымъ онъ еженедѣльно винтилъ по маленькой и послѣ за ужиномъ выпивалъ бутылочку дешевенькаго бѣленькаго вина, никогда не заикаясь о наукѣ, отъ которой они оба, признаться-таки, давненько отстали,— казался ему другимъ Львомъ Александровичемъ, не настоящимъ, довольно-таки прижимистымъ и практическимъ человѣкомъ, сумѣвшимъ получить казенную квартиру раньше, чѣмъ онъ,—а какимъ-то возвышеннымъ и торжественнымъ и необыкновенно добрымъ.

И когда онъ наконецъ кончилъ, пожелавъ юбиляру надолго оставаться еще «гордостью московскаго университета и однимъ изъ лучшихъ людей Москвы», то Андрей Михайловичъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе и, растроганный, поцѣловавшись съ ораторомъ, проговорилъ:

— Ну, ужъ ты того, Левъ Александрычъ... Хватилъ, братъ..

— Ты заслужилъ, Андрей Михайловичъ. Заслужилъ, братъ. Я хоть и плохой ораторъ, но зато отъ души! — отвѣчалъ Цвѣтницкій.

Подъ впечатлѣніемъ ли собственной рѣчи и вообще торжественности обстановки, или, быть-можетъ, и нѣсколькихъ рюмокъ водки за закуской и хереса послѣ супа, но дѣло только въ томъ, что положительный и вообще мало чувствительный профессоръ (что̀ особенно хорошо знали студенты во время экзаменовъ) внезапно почувствовалъ себя нѣсколько растроганнымъ и ощутилъ приливъ нѣжности къ «другу», котораго въ обыкновенное время частенько-таки поносилъ заглаза.

И, смахивая толстымъ пальцемъ съ глазъ слезу, прибавилъ:

— Ты, Андрей Михайлычъ, скроменъ, а ты, собственно говоря, замѣчательный человѣкъ!

Публика между тѣмъ, въ знакъ благодарности за окончаніе длинной и скучноватой рѣчи, наградила оратора умѣренными аплодисментами.

— Ну, что̀, понравилась рѣчь? Будете еще слушать?—иронически спрашивала Невзгодина Маргарита Васильевна.

— Плоха. Ораторъ пересолилъ даже и для москвича. Косицкій навѣрное сконфузился, узнавши, что онъ европейскій ученый. Бѣдный! Ему опять не даютъ покоя!—замѣтилъ Невзгодинъ.

Дѣйствительно, къ юбиляру подходили со всѣхъ сторонъ, чтобы чокнуться. И онъ благодарилъ, пожимая руки и цѣлуясь съ коллегами и болѣе близкими знакомыми. Ему то и дѣло подливали въ бокалъ шампанскаго.

— Сколько приметъ онъ сегодня поцѣлуевъ! — замѣтила, усмѣхнувшись, Маргарита Васильевна.

— Цѣловаться—московскій обычай.

— И ругать тѣхъ, кого только-что цѣловали, тоже московскій обычай. Профессора его свято держатся.

— Ужъ вы слишкомъ на нихъ нападаете, Маргарита Васильевна... Косицкаго къ тому же всѣ любятъ...

— Я вѣдь знаю эту среду. Насмотрѣлась.

— И что̀ же?..

— Лицемѣры и сплетники не хуже другихъ... Косицкаго любятъ, а послушали бы, что̀ про него говорятъ его же друзья...

— Смотрите, Маргарита Васильевна! «Матримоніальное право» направляется къ своему вѣрноподданному.

— Кого это вы такъ зовете?

— Такъ въ мое время студенты звали жену Андрея Михайлыча. Вы съ ней знакомы?

— Нѣтъ.

— Ну и бабецъ... я вамъ скажу!.. Она хочетъ, кажется, дать представленіе: публично расцѣловать Андрея Михайлыча. Она вѣдь дама отважная, я ее знавалъ!

Но этого не случилось.

Правда, монументальная, вся сіяющая и торжественная профессорша съ самымъ рѣшительнымъ видомъ подошла къ юбиляру, но, повидимому, не имѣла намѣренія засвидѣтельствовать публичнымъ поцѣлуемъ свою преданность и любовь.

Она невольно взглянула сверху внизъ съ нѣкоторымъ, не лишеннымъ восторженности, изумленіемъ на своего крошечнаго передъ нею Андрея Михайловича, котораго считала не только не орломъ, а скорѣе вороной, и который вдругъ оказался, по словамъ Цвѣтницкаго, такимъ знаменитымъ человѣкомъ,—и съ чувствомъ проговорила:

— Твое здоровье, Андрей Михайлычъ! Какъ я счастлива за тебя!

Она отхлебнула изъ бокала и, словно боясь, какъ бы «знаменитый человѣкъ» не возгордился послѣ юбилея и не вышелъ изъ ея повиновенія, внушительно прибавила, понижая до шопота свой густой низкій голосъ:

— Бороду оботри... На ней крошки... Да не пей много... Раскиснешь!

— Оботру, Варенька... Я немного, Варенька... И я чувствую себя отлично, Варенька!—покорно отвѣтилъ Андрей Михайловичъ и тотчасъ же сталъ перебирать бороду своими маленькими костлявыми пальцами.

Убѣдившись, что слава не испортила юбиляра, она улыбнулась ему такой пріятной улыбкой, какую онъ видѣлъ изрѣдка и всегда только при публикѣ, и вернулась на свое мѣсто.

Присѣлъ наконецъ и юбиляръ. Но—увы!—сидѣть ему пришлось недолго.

Вслѣдъ за Цвѣтницкимъ говорили рѣчи еще два профессора и—надо отдать справедливость—не особенно злоупотребили вниманіемъ юбиляра и многочисленныхъ слушателей. Вѣроятно, въ качествѣ профессоровъ другихъ факультетовъ (одинъ былъ математикъ, другой—химикъ), они упомянули о научныхъ заслугахъ Андрея Михайловича въ общихъ чертахъ, не переходя предѣловъ юбилейнаго славословія, и не приводили въ смущеніе юбиляра гиперболическими сравненіями.

Стремительно поднявшійся со стула послѣ нихъ Иванъ Петровичъ Звенигородцевъ началъ съ того, что скромно, потупивъ свои глазки въ тарелку, просилъ у юбиляра позволенія сказать «всего нѣсколько словъ», а говорилъ однако по крайней мѣрѣ съ четверть часа, заставивъ половыхъ, только-что вошедшихъ съ блюдами жаркого, замереть въ неподвижныхъ позахъ и слушать вмѣстѣ съ публикой, съ какою необыкновенною легкостью выбрасывалъ онъ періоды за періодами, одинъ другого глаже, закругленнѣе и красивѣе, съ тою нѣжною, почти вкрадчивою интонаціей своего мягкаго тенорка, которая пріятно ласкала слухъ, придавая рѣчи тонъ задушевности. При этомъ ни одной затруднительной паузы, ни малѣйшей запинки, словно бы въ горлѣ Звенигородцева помѣщался исправный органчикъ, исполнявшій только-что заведенное попури.

Его рѣчь именно представляла собою легонькое попури, которое и юбиляръ и присутствующая публика слушали съ удовольствіемъ, хотя и затруднились бы передать содержаніе этой музыки пріятныхъ, красивыхъ и подчасъ хлесткихъ фразъ, касавшихся слегка всевозможныхъ темъ. Восхваляя юбиляра, какъ одного изъ стойкихъ и энергичныхъ хранителей завѣтовъ и носителей идеаловъ, не погасившаго въ себѣ духа, ораторъ затѣмъ говорилъ обо всемъ понемногу: о завѣтахъ Грановскаго, объ идеалахъ лучшихъ людей, о наукѣ, о правдѣ въ жизни и жизни въ правдѣ, объ обществахъ грамотности, юридическомъ и психологическомъ, въ которыхъ юбиляръ работаетъ, не покладая рукъ, объ интеллигенціи и народѣ, о литературѣ, искусствѣ и поэзіи и о любви москвичей къ своимъ избраннымъ людямъ, какъ глубокочтимый юбиляръ. Сравнивъ затѣмъ его дѣятельность съ яркимъ огонькомъ маяка, который во мракѣ ночи служитъ предостерегательной звѣздочкой для

пловцовъ, ораторъ весьма ловко перешелъ къ пожеланію, чтобы у насъ было побольше такихъ огоньковъ, ярко свѣтящихся среди мрака нашей жизни, и эффектно закончилъ слѣдующей тирадой:

— И тогда, господа, будетъ кругомъ свѣтлѣе, и тогда скорѣе наступитъ царство знанія и красоты, добра и правды... Такъ поднимемъ же наши бокалы за одного изъ лучшихъ и достойнѣйшихъ представителей этихъ вѣчныхъ началъ, безъ которыхъ такъ несовершенна, такъ безплодна жизнь, за дорогого нашего Андрея Михайловича!

И съ этими словами Иванъ Петровичъ, съ поднятымъ бокаломъ въ рукѣ, побѣжалъ цѣловать юбиляра, и въ ту же минуту половые стали разносить жаркое.

Любимому оратору, часто доставлявшему удовольствіе своими рѣчами, благодарные москвичи дружно поаплодировали. Многіе подходили пожать ему руку за прочувствованную рѣчь, а одинъ изъ его пріятелей назвалъ его Гамбеттой.

Сосѣдка Невзгодина пришла просто въ восторгъ и громко удивлялась способности Ивана Петровича говорить такъ просто, задушевно и краснорѣчиво.

— Иванъ Петровичъ мастеръ! Онъ когда угодно скажетъ рѣчь!—замѣтилъ кто-то благотворительной дамѣ, тоже не лишенной способности говорить безъ удержа о благотворительности.

— Разбудите Ивана Петровича ночью и попросите рѣчь—онъ мигомъ ее произнесетъ!—подтвердилъ какой-то господинъ.

Наступила маленькая передышка. Всѣ занялись жаркимъ. Почтенный юбиляръ, пользуясь перерывомъ, пришелъ нѣсколько въ себя и торопливо жевалъ остатками своихъ зубовъ рябчика.

— А вѣдь хорошо, Андрей Михайлычъ! — шепнулъ его другъ Цвѣтницкій, только-что покончившій изрядный кусокъ индѣйки и запившій ее шампанскимъ.—Отлично, братъ!—прибавилъ онъ, дружески потрепавъ Андрея Михайловича по колѣнкѣ своею широкою волосатою рукой.

Юбиляръ растроганно улыбнулся и положилъ себѣ салату.

— И, главное, знаешь ли что̀?

— Что̀, голубчикъ?

— А то, что на твоемъ юбилеѣ нѣтъ никакой натянутости. Просто и задушевно. И все хорошіе люди собрались... Небось, Нежданов не осмѣлился... И многіе другіе... Знаютъ, что имъ не мѣсто здѣсь...

— Да... это ты вѣрно: именно задушевно. Ужъ я и не знаю, за что я удостоился такой чести... Просто—не могу

понять... И утромъ... эти адреса... Отъ товарищей, отъ студентовъ... За что?

— Не скромничай, Андрей Михайлычъ. Значитъ, есть за что... Ты во всякомъ случаѣ величина... понимаешь—сила, крупная величина! Повѣрь мнѣ... Я кое-что понимаю... Я не дуракъ, надѣюсь!—вызывающе прибавилъ нѣсколько заплетающимся языкомъ коренастый профессоръ, основательно знакомившійся во время рѣчей съ винами разныхъ сортовъ.

— Что̀ ты, что̀ ты, Левъ Александрычъ!.. Ты вѣдь у насъ... слава Богу... извѣстный умница.

— И живи мы, напримѣръ, съ тобою во Франціи или въ Англіи, Андрей Михайлычъ, мы бы...

Профессоръ многозначительно улыбнулся.

— Мы бы... давно были министрами, Андрей Михайлычъ... Вотъ что̀ я тебѣ скажу, дорогой мой коллега!—самоувѣренно досказалъ профессоръ и налилъ себѣ и юбиляру шампанскаго, предлагая выпить.

Въ это время среди шумнаго говора раздалось чье-то громкое восклицаніе:

— Николай Сергѣичъ хочетъ говорить... Николай Сергѣичъ!

— Николай Сергѣичъ будетъ говорить! — повторило нѣсколько голосовъ и мужскихъ и женскихъ.

— Тсс, тсс!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

Въ залѣ почти мгновенно наступила мертвая тишина.

Всѣ глаза устремились на статную, высокую фигуру Зарѣчнаго и обратили вниманіе на то, что Николай Сергѣевичъ, обыкновенно спокойный передъ своими рѣчами, сегодня, казалось, былъ взволнованъ. Лицо его слегка поблѣднѣло и было напряженно-серьезно. Брови нахмурились, и полноватая рука нервно теребила бороду. Въ блестѣвшихъ красивыхъ глазахъ было что-то вызывающее.

Одна только Маргарита Васильевна не глядѣла на мужа. Она опустила глаза и уже заранѣе относилась враждебно къ тому, что̀ будетъ говорить мужъ.

Многія дамы бросали завистливые взгляды на счастливицу, у которой мужъ такой замѣчательный человѣкъ и такой красавецъ, и притомъ влюбленный въ нее, и находили, что она недостаточно цѣнитъ такого мужа.

Взглянула на Маргариту Васильевну и Аносова. Взглянула и, точно окончательно разрѣшившая свои сомнѣнія, отвела взглядъ и, слегка подавшись впередъ своимъ роскошнымъ бюстомъ, приготовилась слушать, внимательная и серьезная, чувствуя себя вполнѣ одинокой среди этой толпы, гдѣ у нея было такъ много знакомыхъ.

«А Зарѣчный сила въ Москвѣ, и какъ здѣсь его почитаютъ!»—невольно думалъ Невзгодинъ, замѣчая общее напряженное вниманіе и восторженныя лица у многихъ дамъ и молодыхъ людей.

Прошла небольшая пауза, и Зарѣчный, бросивъ взглядъ на жену, началъ свою рѣчь, обращаясь къ юбиляру, но говоря ее исключительно для Риты.

XI.

Слегка вибрирующимъ отъ волненія, но увѣреннымъ и звучнымъ голосомъ, хорошо слышнымъ въ дальнихъ концахъ залы, Зарѣчный сказалъ, что не станетъ повторять ни объ ученыхъ заслугахъ юбиляра, ни объ его отзывчивости на все хорошее и честное, ни объ его скромности и добротѣ. Объ этомъ говорили другіе, и это всѣмъ извѣстно.

— Но я считаю долгомъ обратить особенное вниманіе всѣхъ здѣсь собравшихся почитателей вашихъ, Андрей Михайловичъ, — продолжалъ ораторъ, слегка повышая тонъ и словно бы подчеркивая:—на нѣчто другое и, по моему мнѣнію, болѣе важное съ общественной точки зрѣнія,—это на то скромное, некрикливое и въ то же время воистину мужское упорство, съ какимъ вы шли по трудному и нерѣдко даже тернистому пути профессора, не поступаясь своими завѣтными убѣжденіями и стараясь, поскольку это было возможно, проводить свои принципы, и во всякомъ случаѣ трусливо не таили ихъ даже и тогда, когда приложеніе ихъ не всегда могло имѣть мѣсто. Надо, повторяю, имѣть неистощимый запасъ любви къ своему дѣлу и много нравственнаго мужества, чтобы въ теченіе тридцати лѣтъ, несмотря на неблагопріятныя подчасъ условія, являющіяся нерѣдко непрошенными спутниками дѣятельности порядочныхъ людей, не покидать, какъ доблестный часовой, своего обязывающаго поста и высоко держать свѣточъ знанія, охраняя независимость науки, по крайней мѣрѣ въ своей аудиторіи. И — что всего удивительнѣе — долгіе годы трудового служенія не изсушили васъ, не сдѣлали равнодушнымъ къ добру и злу. Вы не растеряли на жизненномъ пути своихъ идеаловъ, не предавали ихъ страха ради іудейска, увеличивая собою ряды маловѣровъ и отступниковъ, и, случалось, переживали трудныя времена, когда торжествующими идеалами были не ваши, не падали духомъ отъ того, что такихъ, какъ вы, мало, а малодушныхъ—большинство. Такимъ образомъ вы, Андрей Михайловичъ, всей своей дѣятельностью даете всѣмъ намъ поучительный примѣръ настоящаго пониманія общественнаго долга и блестящее рѣшеніе этическаго

вопроса, являющагося для многихъ мучительнымъ и спорнымъ, а для нѣкоторыхъ теоретиковъ и мечтателей, знающихъ жизнь только по книгамъ и думающихъ, что она легко укладывается въ безпредѣльности героическихъ, но безплодныхъ стремленій, къ сожалѣнію, и поводомъ къ несправедливымъ и оскорбительнымъ обвиненіямъ. Вопросъ этотъ старъ, какъ міръ: что̀ лучше и плодотворнѣе — дѣлать ли возможно хорошее, хотя, быть-можетъ, и не въ полномъ его объемѣ, являясь скромнымъ работникомъ небольшого, но честнаго дѣла, или же, усомнившись въ возможности сдѣлать желательное, бросить любимое дѣло и горделиво отойти, потѣшивъ на время себя призракомъ геройства, въ сущности никому ненужнаго и безплоднаго? Нѣсколько поколѣній вашихъ учениковъ, обязанныхъ вамъ не одними только знаніями, и вашъ сегодняшній праздникъ—краснорѣчивый отвѣтъ на этотъ вопросъ!

Взрывъ бурныхъ рукоплесканій не далъ продолжать Зарѣчному. Слова его, видимо, нравились, отвѣчая настроенію и взглядамъ большинства слушателей. Каждый какъ будто внутренно удовлетворялся и придавалъ еще бо̀льшую значительность и своимъ маленькимъ дѣламъ, и своимъ маленькимъ стремленіямъ, и всей своей безмятежно-эгоистической жизни.

Невзгодинъ впервые слушалъ Зарѣчнаго.

Далеко не изъ его поклонниковъ, онъ съ первыхъ же словъ молодого профессора почувствовалъ силу его таланта и съ возраставшимъ вниманіемъ слушалъ оратора, отдаваясь, какъ художникъ, обаянію и самой рѣчи, и гибкаго, выразительнаго и по временамъ страстнаго голоса Зарѣчнаго.

«Pro domo sua!»—подумалъ онъ и взглянулъ на Маргариту Васильевну.

И она, казалось, внимательно слушала мужа.

Когда смолкъ взрывъ рукоплесканій и снова воцарилась тишина, Зарѣчный, казалось, еще съ большей страстностью и съ бо̀льшимъ краснорѣчіемъ продолжалъ развивать ту же тему. Онъ снова говорилъ о безполезности и вредѣ безсмысленнаго геройства, хотя и допускалъ, что бываютъ такіе случаи, когда должно принести въ жертву даже любовь къ дѣлу. Онъ пользовался юбиляромъ, приписывая ему, уже осовѣвшему отъ умиленія, ту борьбу въ минуты сомнѣній между желаніемъ бросить все и чувствомъ долга, которой въ дѣйствительности почтенный Андрей Михайловичъ никогда не испытывалъ, не имѣя ни малѣйшаго желанія «бросать все» и быть изведеннымъ супругой; и мудрость змія, и чистоту горлицы, и тѣ соображенія о наукѣ и объ оставленіи молодежи безъ настоящаго руководительства, которыя будто бы удержи-

вали юбиляра на его посту въ тяжелыя минуты унынія; соображенія, которыхъ Андрей Михайловичъ никогда не имѣлъ, а просто тянулъ добросовѣстно лямку, не дѣлая никому зла по своему добродушію.

Когда Николай Сергѣевичъ кончилъ, въ залѣ стоялъ гулъ отъ рукоплесканій. Дамы махали платками. Почти всѣ поднялись со своихъ мѣстъ и спѣшили пожать руку Зарѣчнаго. Вездѣ раздавались восклицанія восторга. Ему устроили овацію.

— Превосходная рѣчь. Я иду пожать руку вашему талантливому мужу, Маргарита Васильевна! — проговорила нѣсколько возбужденная Аглая Петровна.

И, поднимаясь, спросила:

— А вы не пойдете?

— Нѣтъ.

— А ваше сочувствіе, я думаю, ему дороже сочувствія всѣхъ насъ! — полушутя кинула Аносова и тихо двинулась, степенно и величаво отвѣчая на поклоны знакомыхъ.

— Ну, а вы что̀ скажете о рѣчи мужа, Василій Васильичъ?

— У вашего мужа ораторскій талантъ. Рѣчь талантлива по формѣ.

— А содержаніе?

— Спеціально отечественное. Оправданіе получки жалованья возвышенными соображеніями.

— А всѣ въ восторгѣ.

Въ это время невдалекѣ отъ нихъ раздался громкій голосъ высокаго старика съ большой сѣдой бородой, который, обращаясь къ сидѣвшей съ нимъ рядомъ молоденькой дѣвушкѣ, произнесъ:

— Я помню, Ниниша, какъ въ этой же самой залѣ говорилъ Пироговъ на своемъ юбилеѣ. Онъ не то говорилъ, что̀ говорятъ нынче молодые профессора.

Невзгодинъ и Маргарита Васильевна прислушивались.

— А что̀ онъ, папочка, говорилъ?

— Многое, но особенно живо врѣзались въ моей памяти слѣдующія слова Пирогова, обращенныя къ профессорамъ: «Поступитесь вашимъ служебнымъ положеніемъ, пожертвуйте тѣмъ, что̀ дается зависимостью положенія, и вы получите полную свободу мысли и слова!..» Теперь даютъ совсѣмъ другіе совѣты! — негодующе прибавилъ старикъ.

— Не всѣ въ восторгѣ, Маргарита Васильевна. Кто этотъ старикъ?

— Развѣ вы не знаете — это Лунишевъ. Интересный старикъ. Бывшій профессоръ, потомъ доброволецъ-солдатъ въ

крымскую войну, затѣмъ гарибальдіецъ и съ тѣхъ поръ непримиримый земецъ.

Между тѣмъ снова начались рѣчи, но уставшій юбиляръ слушалъ ихъ сидя, и публика послѣ Зарѣчнаго уже не съ прежнимъ вниманіемъ слушала ораторовъ.

Встали изъ-за стола часовъ въ десять, и Маргарита Васильевна тотчасъ же уѣхала. Невзгодинъ проводилъ ее до подъѣзда и обѣщалъ заѣхать къ ней на другой же день.

Возвратившись въ залу, онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ Аносовой.

При видѣ Невзгодина Аглая Петровна, казалось, была изумлена, и съ ея губъ сорвалось:

— А я думала...

— Что̀ вы думали?

— Что вы уѣхали, какъ только скрылась Маргарита Васильевна!—насмѣшливо кинула Аносова.

— Какъ видите, вы ошиблись. Я только проводилъ Маргариту Васильевну. Мнѣ еще хочется посмотрѣть, что̀ здѣсь дѣлается.

— Опять говорятъ рѣчи. Замучили Андрея Михайлыча. Ну, прощайте, и я уѣзжаю.

И, внезапно поднимая на Невзгодина взглядъ, полный чарующей ласковости, она крѣпко пожала его руку и тихо бросила:

— Пріѣзжайте же поскорѣй ко мнѣ. Я очень буду рада васъ видѣть и съ вами поспорить.

Проговоривъ эти слова, она вспыхнула и торопливо вышла изъ залы.

XII.

На слѣдующій день во всѣхъ московскихъ газетахъ появились болѣе или менѣе подробные отчеты о празднованіи юбилея Косицкаго. Разнося славу почтеннаго профессора по стогнамъ Москвы, составители замѣтокъ, обладавшіе нѣкоторой художественной фантазіей и не совсѣмъ равнодушные къ возвышенному слогу, не обошлись, какъ водится, въ своихъ описаніяхъ безъ тѣхъ риторическихъ прикрасъ и гиперболическихъ сравненій, которыя такъ нравятся большинству читателей и особенно читательницъ.

А одинъ репортеръ, очевидно, подающій большія надежды, ухитрился начать свою замѣтку довольно оригинальнымъ вступленіемъ, не достигшимъ, впрочемъ, цѣли автора: быть пріятнымъ юбиляру. По крайней мѣрѣ Андрей Михайловичъ морщился, когда послѣ утренняго чая читалъ, облеченный въ

свой старенькій халатъ и сидя у письменнаго стола, такія строки, неожиданно слѣдовавшія послѣ заголовка: «Юбилей А. М. Косицкаго».

«Взгляни, читатель, на этого худенькаго, маленькаго, неказистаго старичка съ сѣдою клинообразною бородкой, окаймляющей морщинистое доброе лицо съ длиннымъ, краснымъ и глубокомысленнымъ носомъ ученаго, съ маленькими и свѣтлыми, какъ у чижика или, вѣрнѣе, какъ у канарейки, глазками, необыкновенно умными и въ то же время кроткими, отражающими чистую, безхитростную душу русскаго человѣка не отъ міра сего. Но въ этомъ тщедушномъ тѣльцѣ чувствуется сильный и пытливый духъ научнаго изслѣдователя. Онъ улыбается. Онъ растроганъ. Онъ умиленъ. Онъ сконфуженъ. Слезы волненія дрожатъ на его рѣсницахъ... Это глубокочтимый юбиляръ, вступающій въ пиршественную, залитую огнями залу «Эрмитажа» и встрѣченный такими бурными рукоплесканіями многочисленныхъ почитателей и почитательницъ его ученой дѣятельности, что, казалось, вотъ-вотъ обрушатся своды пышнаго чертога».

Видимо недовольный Андрей Михайловичъ тихонько ворчалъ:

— И къ чему понадобился ему мой носъ!.. Какое ему дѣло до носа! И что это за фамильярный тонъ! «Взгляни на этого маленькаго, худенькаго старичка!» «Глаза, какъ у чижика!» Дуракъ! «Въ тщедушномъ тѣльцѣ...» Болванъ! Очень нужно читателямъ знать, какого я сложенія!.. Ужасно глупо и нахально нынче стали писать въ газетахъ!—заключилъ старикъ.

И, не дочитавъ отчета, онъ засунулъ газету въ глубь ящика письменнаго стола, чтобы Варенька ее не видала и не могла воспользоваться, въ своихъ видахъ, какимъ-нибудь изъ сравненій репортера.

Къ огорченію многихъ застольныхъ ораторовъ, всѣхъ рѣчей газеты не напечатали, — для этого потребовался бы, по крайней мѣрѣ, цѣлый печатный листъ мелкаго шрифта въ отдѣльномъ приложеніи. Цѣликомъ были помѣщены только: отвѣтная маленькая рѣчь юбиляра и рѣчи Зарѣчнаго и Звенигородцева, какъ имѣвшія большій успѣхъ. Остальные ораторы—а всѣхъ ихъ было, вмѣстѣ съ говорившими послѣ обѣда, двадцать два человѣка — были названы, и рѣчи нѣкоторыхъ изъ нихъ—преимущественно людей болѣе или менѣе извѣстныхъ—переданы въ сокращеніи.

Нечего и говорить, что бо̀льшая часть газетъ отнеслась сочувственно и къ юбиляру и къ его чествованію. Да и нельзя было иначе. Андрей Михайловичъ былъ добродушный чело-

вѣкъ, не грѣшилъ литературой и не стоялъ близко ни къ какому литературному кружку, слѣдовательно поводовъ къ непріязни и не могло быть. А кромѣ того онъ не игралъ никакой замѣтной общественной роли и такимъ образомъ не возбуждалъ ни въ комъ зависти. Вѣроятно, и это было одной изъ причинъ, что Андрея Михайловича всѣ любили и юбилей его вызвалъ общее сочувствіе какъ въ печати, такъ и въ обществѣ.

Исключеніе составляли только двѣ газеты.

Обѣ онѣ—одна старая, другая изъ новыхъ—были хорошо извѣстны своимъ «особымъ» направленіемъ и тою откровенною отвагой, съ какой онѣ обличали согражданъ вообще и профессоровъ и литераторовъ въ особенности за недостаточность будто бы патріотическихъ и вообще возвышенныхъ чувствъ.

Одна изъ нихъ, по молодости еще недостаточно опытная, помѣстила объ юбилеѣ съ десятокъ сухихъ строчекъ, словно бы не придавая ему никакого значенія и не интересуясь его подробностями. Другая, напротивъ, воспользовалась случаемъ показать свою бдительность и не только помѣстила полностью рѣчи нѣсколькихъ ораторовъ, подвергнувъ рѣчь Зарѣчнаго даже маленькой переработкѣ и отмѣтивъ курсивомъ мѣста, свидѣтельствующія о вредномъ образѣ мыслей ораторовъ, но и предпослала отчету пикантную статью безъ подписи, подъ заглавіемъ: «Наши профессора».

Авторъ не имѣлъ ничего противъ празднованія Косицкимъ юбилея, хотя, конечно, не въ той формѣ и не при той обстановкѣ, какъ это было устроено, но выражалъ сожалѣніе, что чествуются профессора, далеко не выдающіеся какими-нибудь учеными заслугами, а между тѣмъ юбилей такого знаменитаго ученаго, какъ А. Я. Найденовъ, прошелъ безъ всякаго чествованія. «Не потому ли, — спрашивалъ авторъ: — что г. Косицкій по своей безхарактерности и простодушію, въ иныхъ случаяхъ неумѣстному и даже вредному, не противодѣйствуетъ и не отшатывается отъ той, къ счастью, небольшой клики свившихъ здѣсь гнѣзда профессоровъ, которые, подъ личиной показной благонамѣренности, скорбятъ о старомъ университетскомъ уставѣ, желая сдѣлать университетъ свободной ареной для пропаганды зловредныхъ ученій, а студентовъ — демагогами?» Удивляясь затѣмъ «святой наивности» г. Косицкаго, не умѣвшаго понять, что его юбилеемъ воспользовались «либеральные проходимцы», какъ предлогомъ для демонстраціи, а вовсе не ради его заслугъ, дѣйствительно болѣе чѣмъ скромныхъ,—авторъ «глубоко скорбѣлъ» за юбиляра, которому, «на

старости лѣтъ и въ чинѣ тайнаго совѣтника, пришлось очутиться за обѣдомъ въ пестромъ обществѣ явныхъ и тайныхъ недоброжелателей исконныхъ русскихъ началъ и выслушивать нѣкоторыя рѣчи, возможныя развѣ только въ парижскихъ клубахъ временъ революціи. Вотъ до чего доводятъ человѣка, хотя и благонамѣреннаго, безхарактерность и погоня за рукоплесканіями толпы!»

Обработавъ юбиляра, неизвѣстный авторъ перешелъ къ рѣчамъ и тутъ уже далъ полную волю рѣзвости своего пера. Отмѣтивъ вскользь мѣста опасныя въ нѣкоторыхъ рѣчахъ и назвавъ рѣчь Звенигородцева нелѣпою, но не особенно опасною болтовней «либеральнаго гороховаго шута», онъ съ какимъ-то особеннымъ озлобленіемъ, въ которомъ слышалось что-то личное, точно сводились какіе-то счеты, напалъ на рѣчь Николая Сергѣевича Зарѣчнаго и, пользуясь ею, извращенно напечатанною въ отчетѣ, металъ молніи, возмущался, негодовалъ, злился и высмѣивалъ, умышленно дѣлая натяжки, и съ наглой безцеремонностью давалъ выраженіямъ Зарѣчнаго не тотъ смыслъ, какой въ нихъ заключался.

«И такія рѣчи говоритъ профессоръ! И такой человѣкъ— идолъ студентовъ! Бѣдный университетъ! Несчастные студенты!»

Такими эффектными словами заканчивалась статья.

Всѣ удивлялись не тому, что газета говорила обычнымъ своимъ тономъ, а главнымъ образомъ тому, какимъ образомъ произнесенныя за обѣдомъ рѣчи попали въ газету? Никого изъ сотрудниковъ ея, конечно, не было на обѣдѣ... На него допускались лица по выбору и, конечно, не изъ числа поклонниковъ газеты... И тѣмъ не менѣе было очевидно, что текстъ рѣчей сообщенъ кѣмъ-нибудь изъ участниковъ...

Никто и не догадывался, что вдохновителемъ этой статьи былъ Найденовъ, а авторомъ—одинъ изъ присутствовавшихъ на обѣдѣ, доцентъ Перелѣсовъ, молодой человѣкъ, тихій, скромный и обязательный, повидимому, искренній сторонникъ того профессорскаго кружка, къ которому принадлежалъ Зарѣчный, и, казалось, большой почитатель Николая Сергѣевича, съ которымъ находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

Онъ лѣтъ пять какъ былъ доцентомъ и читалъ необязательный курсъ по одной изъ отраслей той же науки, которая была спеціальностью Зарѣчнаго и Найденова.

Способный, трудолюбивый и усидчивый, знавшій предметъ, быть-можетъ, не хуже Зарѣчнаго, хотя и не обладавшій его талантливостью, онъ втайнѣ ему завидовалъ, питая къ нему непріязнь только потому, что тотъ занималъ каѳедру, которой

такъ жаждалъ самъ Перелѣсовъ и не получалъ въ другихъ университетахъ. Зависть и непріязнь росли по мѣрѣ того, какъ падали надежды получить желанное мѣсто, и по мѣрѣ того, какъ увеличивалась популярность Николая Сергѣевича. Одинъ изъ тѣхъ большихъ самолюбцевъ, считающихъ себя непризнанными геніями, которые умѣютъ скрывать отъ людей свои горделивыя вожделѣнія подъ видомъ скромности и непритязательности самаго обыкновеннаго и ни на что не претендующаго человѣка и которые слишкомъ трусливы, чтобъ дѣйствовать открыто, Перелѣсовъ воспользовался первымъ же представившимся ему случаемъ сыграть роль Іуды, въ надеждѣ свернуть шею Зарѣчному.

Охваченный этой мыслью, онъ не понималъ, что былъ лишь игрушкой въ рукахъ Найденова.

Несмотря на свое пренебрежительное, повидимому, отношеніе къ юбилею Косицкаго и къ его заслугамъ, старый профессоръ все-таки злобствовалъ, что Косицкаго будутъ чествовать, а его, Найденова, несмотря на его ученыя заслуги, публично не чествовали; юбилей его въ прошломъ году имѣлъ исключительно офиціальный характеръ. И въ когда-то популярномъ профессорѣ, далеко не равнодушномъ прежде къ оваціямъ, невольно поднималась глухая зависть къ тому человѣку, который будетъ награжденъ ими хотя бы и не по заслугамъ. Отъ этого еще обиднѣе! Найденовъ необыкновенно интересовался подробностями юбилейнаго праздника — недаромъ же онъ звалъ Зарѣчнаго разсказать о нихъ.

Но когда еще Зарѣчный пріѣдетъ?

И Найденовъ, встрѣтившій Перелѣсова утромъ, въ день юбилея, обрадованно подошелъ къ доценту и просилъ его пріѣхать прямо съ обѣда къ нему разсказать, что̀ было на юбилейномъ торжествѣ Андрея Михайловича.

— Этимъ вы мнѣ доставите большое удовольствіе! — промолвилъ старикъ.

Перелѣсовъ тотчасъ же охотно согласился.

— И какія рѣчи будутъ говорить—сообщите.

— Съ удовольствіемъ.

— У васъ, сколько помнится, память была изумительная, когда вы были студентомъ. Сохранилась она?

— Вполнѣ.

— Значитъ, я вполнѣ удовлетворю свое стариковское любопытство. Большое вамъ спасибо.

И, протягивая доценту руку, Найденовъ почему-то прибавилъ:

— А чтобъ не было лишнихъ сплетенъ, пусть лучше вашъ визитъ ко мнѣ останется между нами.

— Я вообще неразговорчивъ, Аристархъ Яковлевичъ! — скромно проговорилъ Перелѣсовъ.

— И умно поступаете. Рѣчь серебро, а молчаніе—золото. Такъ, смотрите, не засиживайтесь въ Эрмитажѣ.

Надо отдать справедливость доценту. Онъ добросовѣстно исполнилъ порученіе.

Явившись послѣ обѣда къ Найденову, онъ съ полнотою и безпристрастіемъ идеальнаго репортера передалъ всѣ подробности юбилея. Онъ разсказалъ о горячей встрѣчѣ юбиляра, о долго не смолкавшихъ рукоплесканіяхъ и объ его смущеніи. Онъ перечислилъ рядъ привѣтственныхъ телеграммъ и писемъ, которыя читались, упомянувъ, что всѣхъ писемъ и телеграммъ было больше ста, и, дѣйствительно обладавшій изумительной памятью, почти дословно пересказалъ содержаніе рѣчей тѣхъ ораторовъ, которые больше всего интересовали Найденова. И при передачѣ рѣчей и произведеннаго ими на присутствующихъ впечатлѣнія онъ былъ правдивъ и такъ же безпристрастенъ. Только передавая рѣчь Зарѣчнаго и разсказывая о фуроре, который она произвела, голосъ Перелѣсова звучалъ глуше, и въ глазахъ его, небольшихъ, сѣрыхъ и нѣсколько раскосыхъ, было что-то злое и завистливое.

Найденовъ слушалъ внимательно и, казалось, безстрастно, взглядывая на эту худощавую небольшую фигурку рыжеватаго блондина лѣтъ тридцати, съ блѣдноватымъ неказистымъ лицомъ, и одобрительно покачивая по временамъ головой, — но каждое его слово, свидѣтельствующее о блескѣ и грандіозности чествованія Косицкаго, возбуждало въ старикѣ зависть и злобу, которыя онъ напрасно хотѣлъ заглушить цинизмомъ своихъ взглядовъ. И онъ злился и на Косицкаго и на всѣхъ этихъ профессоровъ, устроившихъ юбилей и превозносившихъ въ своихъ рѣчахъ юбиляра. Нужды нѣтъ, что Косицкій не имѣетъ никакихъ ученыхъ заслугъ,—его чествовали, какъ профессора, не продавшаго ни науки ни своихъ убѣжденій ради карьеры и благъ земныхъ. Какъ своеобразно ни смотрѣлъ Найденовъ на честность, онъ все-таки не могъ не согласиться, что Косицкій, во всякомъ случаѣ, честный человѣкъ.

И въ этомъ чествованіи и въ этихъ рѣчахъ Найденовъ какъ бы видѣлъ отраженными ненависть и презрѣніе къ себѣ.

Когда доцентъ окончилъ свой докладъ, Найденовъ поблагодарилъ своего гостя и проговорилъ съ иронической улыбкой:

— Такъ рѣчь Николая Сергѣича произвела фуроръ?

— Огромный...

— Какъ бы только онъ не дошалился до чего-нибудь со своими рѣчами!—значительно промолвилъ Найденовъ. — Онъ

вѣрно думаетъ, что незамѣнимъ... Положимъ, онъ человѣкъ безспорно талантливый, но и вы вѣдь не хуже его знаете предметъ и не менѣе талантливы.

Перелѣсовъ весь насторожился. Какая-то смутная надежда мелькнула въ его головѣ, и онъ, весь вспыхнувъ, низкимъ поклономъ выразилъ благодарность за лестное о немъ мнѣніе.

Кинувъ какъ бы мимоходомъ о Зарѣчномъ, Найденовъ продолжалъ:

— И вообще весь этотъ юбилей срамота... Чествуютъ человѣка, не имѣющаго никакихъ научныхъ заслугъ. Говорятъ глупѣйшія рѣчи, въ которыхъ называютъ Косицкаго европейскимъ ученымъ и превозносятъ его цивическія добродѣтели... И все это раздуютъ завтра въ газетахъ... И ни у кого не найдется мужества разоблачить всю эту шумиху, недостойную серьезныхъ дѣятелей науки... и показать неприличіе всѣхъ этихъ рѣчей... А слѣдовало бы. Тогда, быть-можетъ, и Зарѣчному придется убѣдиться, что играть въ популярность безнаказанно нельзя... Какъ вы объ этомъ думаете?—неожиданно прибавилъ Найденовъ, пристально и значительно взглядывая на своего гостя.

Доцентъ съ первыхъ же словъ понялъ, чего отъ него хотятъ, и уже видѣлъ себя профессоромъ.

И онъ тихо, съ обычнымъ своимъ скромнымъ видомъ, проговорилъ:

— Вполнѣ съ вами согласенъ, Аристархъ Яковлевичъ.

— Радъ найти въ васъ единомышленника. Надѣюсь, что вы не откажетесь и оказать истинную услугу дѣлу науки, написать статью?

— Не откажусь!—еще тише отвѣтилъ Перелѣсовъ, отводя глаза въ сторону.

— Такъ напишите сегодня же, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, и отчетъ объ юбилеѣ,—разумѣется, приведите и образчики рѣчей,—и статью, и отвезите все...

— Въ «Старѣйшія Извѣстія», конечно?

— Разумѣется. Я дамъ вамъ записку къ редактору, чтобъ онъ завтра же помѣстилъ статью и чтобы сохранилъ въ глубочайшей тайнѣ имя автора... Не правда ли? Къ чему возбуждать противъ себя ненависть коллегъ, тѣмъ болѣе, что такая статья непремѣнно произведетъ сенсацію и обратитъ на себя вниманіе и въ Петербургѣ...

Вслѣдъ затѣмъ Найденовъ почти продиктовалъ содержаніе статьи, объяснивъ въ краткихъ словахъ, на что главнѣйшимъ образомъ надо обратить вниманіе и какъ слѣдуетъ отнестись къ Косицкому. Что же касается до рѣчей ораторо-

ровъ, то высмѣять ихъ и подчеркнуть всѣ пикантныя мѣста онъ предоставлялъ усмотрѣнію автора.

— Вы вѣдь понимаете, что̀ именно нужно и чего боятся у насъ!—съ улыбкой прибавилъ Найденовъ.

Загорѣвшійся огонькомъ взглядъ молодого доцента говорилъ лучше всякихъ словъ, что онъ надѣется сдѣлать дѣло какъ слѣдуетъ.

Когда онъ вышелъ, вполнѣ готовый на предательство, Найденовъ презрительно усмѣхнулся и прошепталъ:

— Даже и тридцати серебренниковъ впередъ не потребовалъ!.. И врядъ ли ихъ получитъ!

XIII.

Никто изъ лицъ, «обработанныхъ» «Старѣйшими Извѣстіями», еще не зналъ о статьѣ. Косицкій не догадался послать за газетой, которую никогда не читалъ, а остальные всѣ спали сегодня до поздняго утра, опровергая этимъ самымъ неточность стереотипныхъ заключительныхъ словъ газетныхъ отчетовъ, гласившихъ, что послѣ обѣда «дружеская и оживленная бесѣда многихъ присутствовавшихъ затянулась до полуночи».

Юбиляръ, правда, былъ увезенъ своей супругой въ одиннадцать часовъ, несмотря на видимое его желаніе посидѣть въ маленькомъ кружкѣ своихъ коллегъ за бенедиктиномъ. Къ тому же, послѣ окончанія всѣхъ рѣчей и послѣ двухъ бутылокъ зельтерской воды, Андрей Михайловичъ чувствовалъ себя настолько бодрымъ, что далеко не прочь былъ поболтать съ пріятелями, не чувствуя себя больше юбиляромъ, и выпить одну-другую рюмочку любимаго имъ ликера.

Но супруга его, несмотря на просьбы коллегъ мужа оставить Андрея Михайловича хоть еще на полчасика и несмотря на обѣщанія привезти его домой въ назначенное время, непреклонно и рѣшительно объявила, бросая значительный взглядъ на мужа, что бѣдный Андрей Михайловичъ утомленъ, что его надо пожалѣть, что ликеръ ему положительно вреденъ («да и дорого сто̀итъ!»—подумала она, сообразивъ, что теперь Андрею Михайловичу, пожалуй, придется платить за консомацію — юбилей-то кончился), и сослалась на самого Андрея Михайловича, бросая на него второй и уже болѣе краснорѣчивый взглядъ.

И Андрей Михайловичъ, котораго только-что прославляли за мужество, довольно-таки малодушно подтвердилъ слова супруги и, простившись съ коллегами, покорно поплелся за ней, унося въ душѣ радостно-умиленное чувство скромнаго

человѣка, почтеннаго свыше всякихъ ожиданій, и сознавая въ то же время, что въ глазахъ Вареньки онъ даже и не былъ юбиляромъ и попрежнему находится въ непосредственномъ ея распоряженіи.

Многіе, разбившись по кружкамъ, оставались еще сидѣть въ большой залѣ за чаемъ или за бутылками вина. Пѣлъ одинъ теноръ изъ театра. Декламировала артистка. Часамъ къ двумъ только стали расходиться, но одна компанія осталась. Она ужинала и послѣ ужина засидѣлась до утра.

Въ этой компаніи было человѣкъ семь профессоровъ, и въ числѣ ихъ Зарѣчный, Звенигородцевъ, писатель Тумановъ, одинъ публицистъ и одинъ докторъ.

Послѣ ужина продолжали говорить и пить, и всѣ не хотѣли уходить, словно бы ожидая, что еще что-то должно случиться, хотя всѣ давно чувствовали скуку. Уже нѣсколько разъ многіе признавались другъ другу въ любви и цѣловались. Уже Звенигородцевъ, въ отсутствіи половыхъ, произнесъ одинъ изъ своихъ занимательныхъ спичей, приберегаемыхъ для интимной компаніи. Зарѣчный, много пившій и захмелѣвшій, не разъ, съ раздраженіемъ чѣмъ-то обиженнаго человѣка, поднималъ разговоръ о «мудрости змія», необходимой для всякаго серьезнаго дѣятеля, пускался въ философскія отвлеченія и, не оканчивая ихъ, спрашивалъ чуть ли не у каждаго изъ присутствовавшихъ: «понравилась ли его рѣчь?» И хотя всѣ находили ее блестящей, но это, повидимому, его не успокаивало, и онъ, закраснѣвшійся отъ вина, заплетающимся языкомъ жаловался, что его не всѣ понимаютъ. Когда ближайшіе его сосѣди, съ преувеличеннымъ азартомъ подвыпившихъ людей, выразили, что только подлецы могутъ не понимать такого хорошаго и умнаго человѣка, какъ Николай Сергѣевичъ, и при этомъ напомнили, какую ему сегодня сдѣлали овацію, Зарѣчный и этимъ, повидимому, не удовлетворился и обиженно налилъ себѣ вина.

Молодой писатель Тумановъ ни разу не открылъ рта и молча тянулъ вино стаканъ за стаканомъ, дѣлаясь блѣднѣе и блѣднѣе. Казалось, онъ съ одинаковымъ равнодушнымъ вниманіемъ слушалъ всѣ разговоры, точно ему рѣшительно все равно, о чемъ говорятъ: о душѣ, о мудрости змія, объ университетскихъ дрязгахъ, объ литературѣ. По крайней мѣрѣ на его симпатичномъ, съ мягкими чертами, лицѣ не отражалось никакого впечатлѣнія. Оно оставалось безстрастнымъ. И только по временамъ на немъ появлялось выраженіе какой-то безотрадной скуки, словно бы говорящее, что на свѣтѣ рѣшительно все и одинаково скучно.

Такимъ же молчаливымъ былъ и сосѣдъ Туманова, молодой профессоръ Дмитрій Ивановичъ Сбруевъ, года два тому назадъ переведенный изъ Кіева, гдѣ онъ имѣлъ какія-то непріятности съ ректоромъ. Онъ тоже пилъ молча и много, но слушалъ разговоры внимательно и напряженно. На его широкомъ, мясистомъ лицѣ, съ окладистою темно-русою бородой, нерѣдко появлялась грустно-ироническая и въ то же время милая улыбка, которая не могла никого оскорбить. Онъ не разъ порывался что-то сказать, но ничего не говорилъ и застѣнчиво улыбался, какъ-то безнадежно махая рукой, и вслѣдъ затѣмъ отхлебывалъ изъ стакана.

Всѣ уже сильно захмелѣли и, когда Звенигородцевъ догадался потребовать счетъ, обрадовались.

Только Тумановъ удивленно проговорилъ:

— Уже?

— Да вѣдь часъ-то который, роднуша!—воскликнулъ Звенигородцевъ.

— А который?

— Шесть. Пора и по домамъ... Небось, наюбилеились... Запиши-ка ты это слово. Тебѣ, какъ писателю, оно пригодится!

Послѣ разсчета всѣ вышли въ сѣни и, надѣвши шубы, распростились другъ съ другомъ поцѣлуями.

— А мы съ вами, Дмитрій Ивановичъ, намъ вѣдь по дорогѣ!—обратился Зарѣчный къ Сбруеву.

— Съ вами, Николай Сергѣичъ.

Чуть-чуть брезжило. Нѣсколько извозчиковъ съ заиндевѣвшими бородами шарахнулись къ подъѣзду. Зарѣчный и Сбруевъ сѣли въ сани и поѣхали.

Морозъ былъ сильный. Зарѣчный уткнулся носомъ въ воротникъ шубы и скоро задремалъ. Сбруевъ, напротивъ, подставлялъ лицо морозу, не чувствуя на первыхъ порахъ его силы, и прежняя улыбка не сходила съ его лица.

Нѣкоторое время онъ молчалъ, занятый, повидимому, какой-то мыслью, безпокоившей его не совсѣмъ трезвую голову.

Наконецъ Сбруевъ повернулъ голову къ спутнику и, потирая щеки и носъ, проговорилъ:

— Николай Сергѣичъ!

— Что?—сонно откликнулся Зарѣчный.

— Знаете, что я скажу и что я давно, еще тамъ, въ Эрмитажѣ, хотѣлъ сказать, но по своей подлой застѣнчивости не рѣшался... Но теперь рѣшился... и знаю, что вы поймете и не обидитесь... Вѣрно, и вы то же чувствуете, что и я... Обязательно...

Зарѣчный, казалось, не слыхалъ.

— Слышите, Николай Сергѣичъ...

— Ну? Пріѣхали, что ли?

— И не думали...

— Такъ въ чемъ дѣло, а?

— А въ томъ дѣло, Николай Сергѣичъ, что всѣ мы, собственно говоря, свиньи!

— Какія свиньи?—переспросилъ Зарѣчный, слегка выдвигая лицо изъ воротника.

— Самыя настоящія...

— Это кто?

— Мы... профессора.

— То-есть что̀ вы хотите этимъ сказать, Дмитрій Иванычъ?

— А то, что̀ сказалъ, Николай Сергѣичъ... Конечно, ваша рѣчь превосходная, Николай Сергѣичъ... Талантъ... Я понимаю: лучше дѣлать возможное, чѣмъ ничего не дѣлать. Теорія компромисса... Тоже ученіе. Но гдѣ границы? А мы такъ ужъ всѣ границы, кажется, переѣхали... Ну, я и говорю себѣ, что я свинья, но остаюсь, потому что... Вы знаете, Николай Сергѣичъ... Матушка и три сестры у меня на рукахъ... Но это не мѣшаетъ мнѣ сознавать, что̀ я такое... Да что̀ это вы такъ вытаращили на меня глаза? Понимаю. Удивлены, что безгласный Сбруевъ и вдругъ заговорилъ. Я пьянъ, милый человѣкъ, потому и позволяю себѣ эту роскошь. Теперь я самому Найденову скажу, что онъ подлецъ, а завтра не скажу. Не осмѣлюсь. Теорія компромисса и собственное свинство... Три тысячи... мать, сестры. Ни на что неспособенъ, кромѣ научнаго корпѣнья... А вы... талантъ, Николай Сергѣичъ. Блескъ ослѣпительный!

Несмотря на то, что и Зарѣчный былъ пьянъ, онъ дѣйствительно глядѣлъ на Сбруева съ большимъ изумленіемъ, пораженный тѣмъ, что Дмитрій Ивановичъ, всегда молчаливый, застѣнчивый и даже робкій, не выражавшій никогда своихъ мнѣній и не высказывавшійся, казавшійся узкимъ спеціалистомъ, занятымъ лишь одной наукой, въ которой былъ знатокомъ, и ни съ кѣмъ не сближавшійся, но пользовавшійся общимъ уваженіемъ, какъ несомнѣнно порядочный человѣкъ,—что этотъ молчальникъ Дмитрій Ивановичъ вдругъ заговорилъ, и притомъ съ такою неожиданной рѣшительностью.

Въ опьяненномъ мозгу Зарѣчнаго на мгновеніе блеснуло сознаніе, что Сбруевъ правъ. Онъ хотѣлъ-было немедленно обнять Дмитрія Ивановича и крикнуть на всю улицу, что и онъ, Николай Сергѣевичъ, такой талантливый и безукоризненный

человѣкъ, тоже свинья и морочитъ людей своими рѣчами. Но въ то же мгновеніе въ головѣ его явилось воспоминаніе о Ритѣ, неразрывно связанное съ Невзгодинымъ и Найденовымъ и съ впечатлѣніемъ какой-то большой обиды, и ему вдругъ представилось, что Дмитрій Ивановичъ имѣетъ намѣреніе его оскорбить и унизить, что онъ именно его, Николая Сергѣевича, назвалъ свиньей и знаетъ, что Рита его не любитъ. Знаетъ и радуется чужому несчастью.

И съ быстротою перемѣны впечатлѣній, свойственной захмелѣвшимъ людямъ, Николай Сергѣевичъ сталъ мраченъ и дрогнувшимъ отъ обиды, пьянымъ голосомъ воскликнулъ:

— Et tu, Brutus?.. И вы, Дмитрій Ивановичъ, заодно съ ними?.. Не ожидалъ этого отъ васъ, именно отъ васъ... За что? Развѣ я свинья? Развѣ я, Дмитрій Иванычъ, не высоко держу въ рукахъ свѣточъ знанія!.. Развѣ я хожу на совѣтъ нечестивыхъ... И вы не хотите понять меня, какъ эта непреклонная женщина, и оскорбить, нанести рану вмѣстѣ съ врагами... Вы, значитъ, мой врагъ?

— Что̀ вы, голубчикъ, Николай Сергѣичъ!.. Развѣ я хотѣлъ оскорбить? Развѣ я врагъ вамъ? Клянусь, не думалъ... Я знаю, что вы талантъ... вы, однимъ словомъ, выдающійся общественный дѣятель.

— Талантъ!? А вы хотите его унизить! — не слушалъ Зарѣчный, чувствуя себя несправедливо обиженнымъ и жалѣя себя.—Вы думаете, какъ и эта гордая женщина, что я лицемѣръ? Вы хотите, чтобъ я былъ героемъ? Но если я не герой и не могу быть героемъ... Долженъ я выходить въ отставку? Не долженъ и не могу. Не могу и не выйду. Не выйду и не сдѣлаюсь такимъ, какъ Найденовъ... А Невзгодина я убью. Вы понимаете ли, Дмитрій Иванычъ, убью! — мрачно прибавилъ Зарѣчный.

Но Дмитрій Иванычъ ничего не понималъ и порывисто восклицалъ:

— Какіе враги? Какая женщина? Кого убить? Милый Николай Сергѣичъ, успокойтесь. Кто смѣетъ сравнивать васъ съ Найденовымъ? Что̀ вы говорите, Николай Сергѣичъ!

— Я помню, что̀ говорю... Я пьянъ, но помню. А говорю, что не ждалъ, что вы обидите человѣка, который и безъ того обиженъ... Всѣ меня поздравляли... Оваціи... А эти люди...

— Я обидѣть? По какому праву и такого человѣка?! Вы меня не поняли, Николай Сергѣичъ!

— Отлично понялъ, откуда все это идетъ... Слушайте, Дмитрій Иванычъ! Любили ли вы когда-нибудь женщину?

— Зачѣмъ вамъ знать?

— Необходимо.

Сбруевъ молчалъ.

— Вы что-жъ не отвѣчаете? Я не стою отвѣта? Вы опять хотите оскорбить меня?

— Николай Сергѣичъ... Какъ вамъ не стыдно такъ думать?

— Такъ отвѣтьте: любили ли вы женщину безумно, ревниво?

— Ну, положимъ, любилъ! — робко пролепеталъ Дмитрій Ивановичъ.

— А она васъ любила?

— То-то нѣтъ! — уныло протянулъ Дмитрій Ивановичъ, улыбаясь своей грустно-иронической улыбкой.

— Но замужъ за васъ пошла бы?

— Пожалуй, пошла бы...

— А вы на ней не женились?

— Разумѣется...

— И даже «разумѣется»?..—усмѣхнулся пьяной улыбкой Зарѣчный.—А почему же не женились?

— Вотъ тоже вопросъ!.. До такого свинства я еще не дошелъ!—отвѣтилъ Сбруевъ и въ свою очередь засмѣялся.

— А я, Дмитрій Иванычъ, дошелъ и женился... Оттого я и пьянъ... оттого я и несчастный человѣкъ!

— Изъ-за женщины?! Не вѣрю... Вы такой общественный человѣкъ и изъ-за женщины?! Не повѣрю!

Извозчикъ въ это время повернулъ въ одинъ изъ переулковъ, пересѣкающихъ Пречистенку, и, обращаясь къ Зарѣчному, спросилъ:

— Къ какому дому везти, ваше здоровье?

Этотъ вопросъ прервалъ разговоръ пьяныхъ профессоровъ.

Зарѣчный и Сбруевъ внимательно взглядывали въ полутьму переулка, гдѣ изрѣдка мигали фонари.

— Дмитрій Иванычъ!.. Гдѣ мой домъ? Гдѣ домъ, который былъ когда-то желаннымъ, а теперь...

Онъ внезапно оборвалъ рѣчь и показалъ рукой на маленькій особнячокъ.

— Сюда!—крикнулъ Сбруевъ.

Онъ помогъ Николаю Сергѣевичу вылѣзти изъ саней и подвелъ его къ крыльцу.

— Звонить?

— Тише только... Рита спитъ... Она не должна знать, что я такъ... пьянъ.

Пока пришла Катя отворить подъѣздъ, оба профессора уже цѣловались, увѣряя другъ друга въ искреннемъ уваженіи.

Это примиреніе, вѣроятно, и заставило Сбруева крикнуть, когда онъ сѣлъ въ сани, чтобъ ѣхать домой:

— А все-таки мы свиньи! До свиданія, Николай Сергѣичъ!

Но Зарѣчный, кажется, не слыхалъ этихъ словъ и, войдя, пошатываясь, въ переднюю, забылъ рѣшительно обо всемъ, что̀ произошло, и съ кѣмъ онъ пріѣхалъ. Онъ теперь сознавалъ только одно: что онъ очень пьянъ, и думалъ, какъ бы показать горничной, что онъ совсѣмъ не пьянъ.

И онъ старался ступать твердо и прямо, нарочно замедляя шаги. Чуть-было не ударившись о вѣшалку, онъ съ самымъ серьезнымъ видомъ посмотрѣлъ на полъ, словно бы ища предмета, о который онъ споткнулся. Хотя шубу съ него всегда снимала Катя, теперь онъ просилъ ее не безпокоиться: онъ сниметъ самъ. Но процедура эта происходила такъ долго, что горничная помогла ему. При ея же помощи попалъ онъ наконецъ въ кабинетъ и, охваченный тепломъ и чувствуя, что кружится голова, не безъ труда проговорилъ, напрасно силясь не заплетать языкомъ:

— Спасибо, Катя... Больше ничего... Я самъ все, что̀ надо... и свѣчку... Отличный былъ юбилей... Ддда... Отличный... Меня не будить...

Катя между тѣмъ зажгла свѣчку, помогла Николаю Сергѣевичу стащить съ себя фракъ и хотѣла-было снять съ Зарѣчнаго ботинки, но онъ сердито замахалъ рукой, и она вышла, пожалѣвъ Николая Сергѣевича, который, по ея мнѣнію, долженъ былъ напиться не иначе, какъ «черезъ жену».

«Прежде съ нимъ этого не бывало!»—подумала она.

XIV.

Проснувшись, Николай Сергѣевичъ устыдился.

Онъ лежалъ на постели нераздѣтый и въ ботинкахъ. У него болѣла голова, и вообще ему чувствовалось нехорошо. Онъ старался и рѣшительно не могъ припомнить, въ какомъ видѣ и когда онъ вернулся домой, но легко сообразилъ, что видъ, по всей вѣроятности, былъ непривлекательный.

«Неужели Рита видѣла?»—съ ужасомъ подумалъ Зарѣчный.

Онъ хорошо зналъ, съ какою брезгливостью относится она къ пьянымъ.

Такого срама съ нимъ давно не было. Правда, случалось,— и то рѣдко, — что онъ возвращался домой навеселѣ, и Рита всегда спала въ такое время... Но чтобы напиться... какой срамъ!

Онъ вѣдь профессоръ, его всѣ знаютъ. Его могли видѣть пьянымъ на улицѣ...

— Безобразіе!—проговорилъ Николай Сергѣевичъ и тутъ же далъ себѣ слово, что впредь этого не будетъ.

Онъ взглянулъ на часы. Господи! Шестой часъ!

Зарѣчный торопливо вскочилъ съ постели и сталъ мыться. Сегодня онъ особенно тщательно занимался своимъ туалетомъ, чтобы женѣ не бросились въ глаза слѣды ночного кутежа. Но зеркало все-таки отражало помятое, опухшее лицо, красноватые глаза и вздутыя вѣки.

А въ голову между тѣмъ шли мрачныя мысли. Рѣчь, на которую онъ такъ надѣялся, не убѣдила Риту. Она попрежнему не понимаетъ его и вчера даже ни разу не подошла къ нему... Все время была съ Невзгодинымъ... За обѣдомъ говорила съ нимъ, и только съ нимъ...

Онъ сознавалъ мучительность неопредѣленности, которая нарушила его благополучіе и его покой. Онъ вдругъ точно сталъ въ положеніе обвиняемаго и потерялъ всѣ права мужа. Вотъ уже третью ночь спитъ на диванѣ въ кабинетѣ... Неужели впереди та же неопредѣленность или еще хуже—разрывъ? Онъ понималъ, что необходимо рѣшительно объясниться, и въ то же время трусилъ этого объясненія. По крайней мѣрѣ онъ не начнетъ!..

Когда Катя вошла въ кабинетъ, чтобы узнать, можно ли подавать обѣдать, Николай Сергѣевичъ, желая вывѣдать, когда онъ вернулся домой, спросилъ:

— Отчего вы раньше не разбудили меня?

— Вы не приказывали. Да и барыня не велѣли васъ будить. Вы изволили поздно вернуться.

— Поздно? Въ которомъ же часу я, по-вашему, вернулся?

— Въ седьмомъ часу утра...

«Слава Богу, Рита не видала!» — подумалъ Николай Сергѣевичъ и, послѣ секунды-другой колебанія, смущенно проговорилъ, понижая голосъ:

— Надѣюсь, Катя, вы никому не болтали и не станете болтать о томъ, что я вернулся, кажется, не въ своемъ видѣ.

— Что̀ вы, баринъ! За кого вы меня считаете? Да и вы совсѣмъ въ настоящемъ видѣ были. Чуть-чуть развѣ...

— А за ваше безпокойство... вчера вы изъ-за меня не ложились спать... я... поблагодарю васъ, какъ получу жалованье.

Катя, прежде охотно принимавшая подачки, обидѣлась. Никакого безпокойства ей не было. Она всегда готова постараться для барина.

— И никакихъ денегъ мнѣ не нужно!—порывисто и взволнованно прибавила она.

Вслѣдъ затѣмъ, снова принимая офиціально-почтительный видъ, доложила:

— Господинъ Звенигородцевъ два раза заѣзжали. Хотѣли въ восемь часовъ быть. По нужному, говорили, дѣлу. Прикажете принять?

— Примите.

— А обѣдъ прикажете подавать?

— Подавайте. Да послѣ обѣда кабинетъ, пожалуйста, уберите.

Зарѣчный вошелъ въ столовую нѣсколько сконфуженный и точно виноватый.

Но, къ его удивленію, въ глазахъ Риты не было ни упрека ни насмѣшки. Напротивъ, взглядъ этихъ сѣрыхъ глазъ былъ мягокъ и какъ-то вдумчиво-грустенъ.

У Зарѣчнаго отлегло отъ сердца. И, мгновенно окрыленный надеждой, что Рита не сердится на него, что Рита не считаетъ его виноватымъ, онъ особенно горячо и продолжительно поцѣловалъ маленькую холодную руку жены и виновато произнесъ:

— Я безобразно поздно вернулся. Вчера послѣ обѣда засидѣлись. Не сердись, Рита. Даю тебѣ честное слово, что это въ послѣдній разъ.

— Это твое дѣло. Но только вредно засиживаться!—почти ласково промолвила она.

— И вредно, и пошло, и скучно. Только безцѣльная трата времени, котораго и безъ того мало.

Они сѣли за столъ. Рита передала мужу тарелку супа и сказала:

— Звенигородцевъ тебя хотѣлъ видѣть... Какое-то спѣшное дѣло.

— Мнѣ Катя говорила. Не знаешь, что̀ ему нужно?

— Я его не видала. Онъ не входилъ.

Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи.

Зарѣчный лѣниво хлебалъ супъ и часто взглядывалъ на Риту влюбленными глазами, полными выраженія умиленной нѣжности. Вся притихшая, точно безмолвно сознающаяся въ своей винѣ, она была необыкновенно мила. Такою Николай Сергѣевичъ никогда ее не видалъ и словно бы молился на нее, благодарно притихая отъ восторга и счастья.

И Рита, встрѣчая эти взгляды, казалось, становилась подъ ихъ вліяніемъ кротче, задумчивѣе и грустнѣе.

Катя, видимо заинтересованная наблюденіями, то и дѣло шмыгала у стола, бросая пытливые взгляды на господъ. Она обратила вниманіе, что Николай Сергѣевичъ, обыкновенно

отличавшійся хорошимъ аппетитомъ, почти не дотронулся до супа, и вчужѣ досадовала, что онъ совсѣмъ какъ бы потерянный отъ любви, и негодовала на барыню. Несмотря на ея «смиренный видъ», какъ мысленно опредѣлила Катя настроеніе Маргариты Васильевны, она чувствовала скорѣе, чѣмъ понимала, что барину грозитъ что-то нехорошее, и только дивилась, что онъ пялитъ въ восторгѣ глаза на эту безчувственную женщину.

— А тебѣ, Рита, не скучно было вчера?

Бросивъ съ умышленной небрежностью этотъ вопросъ, Зарѣчный со страхомъ еще не разрѣшенной тайной ревности ждалъ отвѣта.

— И не особенно весело!—отвѣчала Рита.

На душѣ Николая Сергѣевича стало еще свѣтлѣй. Лицо его сіяло.

«Невзгодинъ не при чемъ. Рита не увлечена имъ!»—подумалъ онъ.

Рита замѣтила эту радость, и по губамъ ея скользнула улыбка не то сожалѣнія, не то грусти.

— Не весело? Но Василій Васильевичъ такой веселый и интересный собесѣдникъ.

— Это правда, но у меня у самой было невеселое настроеніе.

«Вотъ-вотъ сію минуту Рита скажетъ, что это настроеніе было оттого, что она почувствовала несправедливость своихъ обвиненій»,—думалъ профессоръ, желавшій такъ этого и думавшій только о себѣ въ эту минуту.

Но жена молчала.

— А теперь... сегодня... твое настроеніе лучше, Рита?..—спрашивалъ Зарѣчный и точно просилъ утвердительнаго отвѣта.

— Опредѣленнѣе!—чуть слышно и въ то же время значительно промолвила Рита.

— И только!

— Къ сожалѣнію, только.

Въ словахъ жены Николай Сергѣевичъ уловилъ нѣчто загадочное и страшное. Не этихъ словъ ожидалъ онъ! И тревога вспуганнаго чувства охватила его, и радость счастья внезапно омрачилась, когда онъ увидалъ, какъ вдругъ отлила кровь отъ щекъ Риты и какое страдальческое выраженіе, точно отъ скрываемой боли, промелькнуло въ ея глазахъ, въ ея печальной улыбкѣ, въ чертахъ ея лица.

— Рита, что съ тобой? Не больна ли ты?—испуганно и безпокойно спрашивалъ Николай Сергѣевичъ.

«Господи! Онъ ничего не понимаетъ!»—подумала Рита.

И, тронутая этой безпредѣльной любовью мужа, которая все прощала и, ослѣпленная, на все надѣялась, попирая мужское самолюбіе, она проговорила, стараясь улыбнуться:

— Да ты не тревожься. Я здорова.

Она выговорила эти слова, и ей стало совѣстно. Она предлагаетъ ему не тревожиться, а между тѣмъ...

— Я спала плохо... Все думала о нашихъ отношеніяхъ...

— И до чего же додумалась, Рита? — спросилъ упавшимъ голосомъ профессоръ, мѣняясь въ лицѣ.

Катя только-что подала кофе и слышала послѣднія слова. Она нарочно не уходила и стала убирать со стола, чтобъ узнать продолженіе разговора. Но съ ея приходомъ наступило молчаніе.

— Уберите кабинетъ! — обратился къ ней Николай Сергѣевичъ, желая ее выпроводить.

— Ужъ убранъ, баринъ!

И Катя съ особенною тщательностью, никогда прежде не выказываемою, стала сметать на подносъ крошки со стола.

Маргарита Васильевна взглянула на Катю и перехватила ея взглядъ, полный ненависти и осужденія. Катя смутилась. Удивленная, Маргарита Васильевна не подала вида, что замѣтила и взглядъ и смущеніе горничной, и съ обычной мягкостью проговорила:

— Вы потомъ уберете со стола, а теперь можете идти, Катя.

— Васъ не разберешь, барыня. Сегодня такъ приказываете, завтра иначе! — рѣзко, очевидно, съ умышленною грубостью проговорила Катя.

Маргарита Васильевна пристально посмотрѣла на Катю, еще болѣе удивленная. Никогда Катя не грубила ей, отличаясь всегда привѣтливостью во всѣ два года, въ теченіе которыхъ жила у Зарѣчныхъ. И только тогда поняла, что это значитъ, когда, въ отвѣтъ на рѣзкое замѣчаніе Николая Сергѣевича на грубость барынѣ, Катя вся вспыхнула, но покорно, не отвѣчая ни слова, вышла изъ столовой.

«Положительно всѣ женщины влюбляются въ мужа, кромѣ меня!» — подумала Маргарита Васильевна и невольно усмѣхнулась, хоть ей было не до смѣха.

— Такъ до чего ты додумалась, Рита? — снова спросилъ Николай Сергѣевичъ, все еще надѣясь на что-то при видѣ улыбки жены.

— Объ этомъ намъ надо поговорить. У тебя есть свободныя четверть часа? Ты никого не ждешь?

— Никого.

— А Звенигородцевъ?

— Онъ будетъ въ восемь. Но его можно и не принять. Сказать, что дома нѣтъ.

— Такъ пойдемъ ко мнѣ... Или лучше къ тебѣ въ кабинетъ!—внезапно перерѣшила Маргарита Васильевна, почему-то краснѣя.—Тамъ никто не помѣшаетъ намъ. Ты кончилъ кофе?

— Я не хочу.

Рита поднялась. Поднялся и Зарѣчный и, по обыкновенію, подошелъ къ ней, чтобы поцѣловать ея руку.

Ему показалось, что рука Риты вздрогнула, когда онъ прикоснулся къ ней губами. Когда онъ сталъ ее цѣловать съ порывистою нѣжностью, словно бы вымаливая заранѣе прощеніе, Рита тихонько отдернула руку. И тутъ онъ вдругъ замѣтилъ, что на ней нѣтъ обручальнаго кольца.

Маргарита Васильевна медленно шла впереди, опустивъ голову.

А Николай Сергѣевичъ, вмѣсто того, чтобы, по праву мужа, идти рядомъ съ прелестной, любимой женщиной, обхвативъ ея тонкую, гибкую талію и цѣлуя на ходу ея щеку, какъ прежде дѣлалъ онъ, когда Рита, случалось, благосклонно позволяла ему эти проявленія нѣжности послѣ обѣда, — теперь шелъ сзади съ растеряннымъ видомъ обвиняемаго, ожидающаго рокового приговора.

Войдя въ кабинетъ, Рита искала глазами, куда бы сѣсть, еле держась на ногахъ отъ сильнаго нервнаго возбужденія и безсонной ночи, во время которой она подводила итоги своихъ отношеній къ мужу. Но какъ легко было тогда думать объ объясненіи съ мужемъ, такъ тяжело было ей теперь, когда она рѣшилась объясниться.

— Садись, Рита, на диванъ. Тебѣ будетъ удобнѣе!—заботливо обронилъ Зарѣчный.

— Нѣтъ, я лучше сюда.

И она опустилась на кресло у письменнаго стола. Цѣлая коллекція ея фотографій, стоявшихъ на столѣ, бросилась ей въ глаза, словно бы напоминая ей вновь, какъ она виновата передъ человѣкомъ, котораго безпощадно обвиняла въ томъ, въ чемъ грѣшна была и сама. Спасибо Невзгодину. Вчера онъ открылъ ей глаза, а затѣмъ она еще безжалостнѣе отнеслась къ себѣ и съ ужасомъ увидала, какова и она, грозный судья мужа.

Прошла минута молчанія, казавшаяся Зарѣчному безконечной.

Полный тоски и предчувствія чего-то страшнаго, онъ не имѣлъ мужества терпѣливо ждать приговора, встрѣчаясь едва

ли не первый разъ въ жизни съ серьезнымъ испытаніемъ, какимъ для него являлась потеря любимой женщины.

Забившись въ темный уголъ дивана, онъ, словно зачарованный, не спускалъ глазъ съ жены, голова и бюстъ которой, освѣщенные свѣтомъ лампы, выдѣлялись среди полумрака кабинета.

И какъ особенно хороша казалась профессору въ эту минуту, когда рѣшалась—онъ это понималъ — его судьба, какъ прелестна была въ его глазахъ эта маленькая обворожительная женщина съ ея грустнымъ лицомъ ослѣпительной бѣлизны. Какъ вся она была изящна и привлекательна!

И эта самая женщина, которую онъ любитъ съ такою чувственною страстью и которую еще недавно такъ горячо, такъ безумно ласкалъ, считая ее по праву своей желанной женой и любовницей, теперь будто для него совсѣмъ чужая. Онъ не смѣетъ даже припасть къ ея ногамъ и молить, чтобы она не произнесла обвинительнаго приговора.

«Неужели все кончено? Отчего она не говоритъ? За что длить мученія? Или, быть-можетъ, не все еще потеряно. Она не захочетъ разбить чужой жизни... Она...»

— Рита!.. Что̀ же ты? Говори, ради Бога!—вдругъ раздался среди тишины молящій голосъ Николая Сергѣевича.

И вотъ Рита перевела духъ и начала тихо, мягко, почти нѣжно и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно, какъ могъ бы говорить сердобольный докторъ съ трусливымъ больнымъ, которому предстоитъ сдѣлать тяжелую операцію.

Бѣдный профессоръ съ первыхъ же словъ Риты почувствовалъ, что дѣло его проиграно, и низко опустилъ голову.

XV.

Рита говорила:

— Во всемъ виновата я, одна я. Я не должна была выходить замужъ за тебя. Мнѣ не слѣдовало соглашаться на твои просьбы и слушать твои увѣренія, что любовь придетъ... Я не виню тебя за то, что ты, зная мои чувства, все-таки женился. Ты былъ влюбленъ, въ тебѣ говорила чувственная страсть, наконецъ въ тебѣ говорило мужское самолюбіе... Ты неспособенъ былъ тогда разсуждать, не могъ предвидѣть послѣдствій такого брака и, влюбленный, не зналъ хорошо меня. Но я? Я вѣдь могла понимать, что̀ дѣлаю. Во мнѣ не было не только страсти, но даже и увлеченія. Я вѣдь была не юная дѣвушка, не понимающая, что̀ она дѣлаетъ, мнѣ было двадцать восемь лѣтъ—я видала людей, я кое-что читала и обо многомъ думала. Правда, я не скрыла отъ тебя, что вы-

хожу замужъ-потому, что не хочу остаться старой дѣвой, не скрыла и того, что не люблю тебя и питаю лишь расположеніе, какъ къ порядочному человѣку. Но развѣ откровенное признаніе дурного поступка искупаетъ самый поступокъ?.. И я пошла на постыдный компромиссъ, весь ужасъ котораго я сознала только теперь, когда... когда ты мнѣ кажешься не такимъ, какимъ я тебя представляла... Я отдавалась человѣку, котораго не любила, отдавалась только потому, что и во мнѣ животное...

Рита на минуту примолкла.

— И я имѣла дерзость,—продолжала она:—обвинять тебя въ томъ, въ чемъ грѣшна едва ли не больше тебя... Каюсь, я не имѣла права...

— Только потому, что не имѣла права?—воскликнулъ Зарѣчный.

— Да.

— А если бы считала себѣ въ правѣ?

— Ты знаешь... Я не могу и теперь кривить душой... Я, быть-можетъ, и ошибаюсь, но ты не тотъ, какимъ мнѣ казался... Но къ чему объ этомъ говорить?

— Не тотъ!? Но еще недавно ты иначе относилась ко мнѣ.

— Да. Но развѣ я виновата, что мой взглядъ измѣнился.

— Сбруева, напримѣръ, ты не обвиняешь. А вѣдь онъ тоже не выходитъ въ отставку.

— Онъ никого не вводитъ въ заблужденіе. Онъ не говоритъ о мужествѣ, котораго нѣтъ... Онъ не любуется собой... Онъ не играетъ роли...

— Но и я не лѣзу въ герои... Вчера моя рѣчь... Тебѣ она не понравилась?

— Ты играешь своимъ талантомъ. Раньше ты не то говорилъ.

И Зарѣчный чувствовалъ, что Рита права. Онъ раньше не то говорилъ!

— О, Рита, Рита! Если бы ты хоть немного любила, ты была бы снисходительнѣе.

— Быть-можетъ!.. Но развѣ я виновата?

— И ты разочаровалась во мнѣ не потому, что я не тотъ, какимъ представлялся, а потому, что ты увлечена кѣмъ-нибудь... И я знаю кѣмъ: Невзгодинымъ! — въ отчаяніи воскликнулъ Зарѣчный, вскакивая съ дивана.

— Даю тебѣ слово,—ты знаешь, я не лгу!—что я никѣмъ не увлечена. И Невзгодинъ давно избавился отъ прежняго своего увлеченія. Ты думаешь, что только увлеченіе кѣмъ-нибудь другимъ заставляетъ женщинъ разочароваться въ

мужьяхъ? Ты мало меня знаешь... Но въ этомъ я не виновата... Я не скрывала отъ тебя своихъ взглядовъ... Но къ чему намъ считаться? Позволь мнѣ досказать...

— Что-жъ... досказывай... Не жалѣй меня... Я даже и этого не стòю!—промолвилъ жалобнымъ тономъ Зарѣчный.

«А меня развѣ онъ жалѣетъ?.. Онъ только жалѣетъ себя! О, безграничный, наивный эгоизмъ!»—невольно подумала Рита и продолжала:

— Послѣ всего, чтò я сказала, ты, конечно, поймешь, что прежнія наши отношенія невозможны... Мы должны разойтись...

— Разойтись?.. Ты хочешь оставить меня?—въ ужасѣ проговорилъ Зарѣчный.

— Это необходимо.

— Рита... Риточка!.. Не дѣлай этого! Умоляю тебя... Не разбивай моей жизни!

И, почти рыдая, онъ вдругъ бросился передъ ней на колѣни и, схвативъ ея руку, осыпалъ ее поцѣлуями.

Онъ былъ жалокъ въ эту минуту, этотъ блестящій профессоръ.

«И это мужчина!»—подумала Рита, брезгливо отдергивая руку отъ этихъ оскорбительныхъ поцѣлуевъ.

Злое чувство охватило ее, и она строго проговорила:

— Встань. Не заставляй меня думать о тебѣ, какъ о трусѣ, неспособномъ выслушать правды! Положимъ, я виновата, но развѣ весь смыслъ твоей жизни въ одной мнѣ? А наука, а студенты, а общественный долгъ, о которыхъ ты такъ много говоришь?..—ядовито прибавила она.

Николай Сергѣевичъ поднялся и отошелъ къ дивану.

— Я жалокъ, но я люблю тебя!—глухо выговорилъ онъ.

— Все «я» и «я»... Но и я такъ жить не могу...

— По крайней мѣрѣ, не сейчасъ... Повремени... Подумай... Дай мнѣ придти въ себя...

— Ты этого непремѣнно требуешь?

— Я прошу...

— Изволь... я останусь нѣкоторое время, но только помни: я больше тебѣ не жена!

Съ этими словами она вышла изъ кабинета.

Зарѣчный долго еще сидѣлъ на диванѣ, растерянный, въ подавленномъ состояніи. Приходъ Звенигородцева нѣсколько отвлекъ его.

— Смотри... Читай, чтò подлецы написали про насъ!—заговорилъ онъ послѣ того, какъ расцѣловался съ Зарѣчнымъ, подавая нумеръ «Старѣйшихъ Извѣстій».—Я былъ у тебя два раза... былъ у Косицкаго, у Цвѣтницкаго... У всѣхъ

былъ... Надо отвѣчать... Обязательно... Вѣдь эта статья— форменный доносъ... И кто только могъ сообщить свѣдѣнія?

Когда Зарѣчный прочиталъ, въ чемъ его обвиняютъ, онъ порядкомъ-таки струсилъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уѣхалъ съ Звенигородцевымъ къ одному изъ профессоровъ, у котораго должны были собраться всѣ, задѣтые въ статьѣ, и рѣшилъ на слѣдующій же день сдѣлать обѣщанный визитъ Найденову.

XVI.

Несмотря на очевидную нелѣпость статьи «Старѣйшихъ Извѣстій», она, какъ и предвидѣлъ Найденовъ, произвела большую сенсацію въ интеллигентныхъ московскихъ кружкахъ и особенно среди жрецовъ науки.

Къ вечеру уже были распроданы всѣ отдѣльные нумера газеты, обыкновенно мало расходившейся въ розничной продажѣ. Всякому хотѣлось прочесть, какъ «отдѣлали» профессоровъ. Въ этотъ день вездѣ говорили о статьѣ и тщетно допытывались узнать, кто авторъ, заинтересованные его именемъ едва ли не столько же, сколько и его произведеніемъ. Кто-то пустилъ слухъ, что авторъ Найденовъ, но никто не повѣрилъ, считая эту «старую шельму» слишкомъ умнымъ человѣкомъ, чтобы написать такой грубый пасквиль.

Люди, не раздѣлявшіе мнѣній воинствующей газеты, разумѣется, возмущались статьей, но это не мѣшало однако весьма многимъ втайнѣ радоваться скандалу, всколыхнувшему, словно брошенный камень, сонное болото и дававшему поводъ къ пересудамъ, сплетнямъ, цивическимъ изліяніямъ по секрету и къ самымъ пикантнымъ предположеніямъ объ эпилогѣ всей этой исторіи.

А эпилога почему-то всѣ ожидали, хотя и знали, что никакой «исторіи» въ сущности не было.

Но болѣе всего, и не безъ нѣкоторой наивности, москвичи изумлялись наглости, съ какою составитель отчета, очевидно, присутствовавшій на юбилейномъ обѣдѣ, извратилъ смыслъ рѣчей нѣкоторыхъ застольныхъ ораторовъ и въ особенности — рѣчи Николая Сергѣевича, которая такъ всѣхъ восхитила. Многіе ее слышали, многіе ее читали въ другихъ газетахъ, и извращеніе, видимо умышленное, при помощи вставокъ и замѣны однихъ словъ другими, такъ и бросалось въ глаза.

Эта, по общему мнѣнію, блестящая и талантливая рѣчь, возводящая въ культъ служеніе, по мѣрѣ возможности, маленькимъ дѣламъ и порицавшая безсмысленность и безплодность всякаго геройства, даже и такого, какъ выходъ въ от-

ставку,—эта краснорѣчивая защита компромисса и восхваленіе его, какъ гражданскаго мужества, въ передачѣ автора являлась чуть ли не вызовомъ къ протесту.

Это было ужъ черезчуръ наглое вранье и возмутило даже благодушныхъ москвичей.

Нечего и говорить, что безсовѣстныя и несправедливыя нападки на Николая Сергѣевича, который къ тому же былъ излюбленнымъ человѣкомъ и гордостью москвичей, по крайней мѣрѣ, не меньшей, чѣмъ М. Н. Ермолова, филипповскіе калачи и поросенокъ подъ хрѣномъ у Тѣстова,—еще болѣе подняли престижъ блестящаго профессора въ глазахъ многочисленныхъ его почитателей и почитательницъ.

Оклеветанный, онъ рѣшительно явился героемъ.

И на другой же день послѣ появленія ругательной статьи Зарѣчный получилъ десятка два писемъ, выражавшихъ негодованіе на безыменнаго пасквилянта и горячее сочувствіе произнесенной Николаемъ Сергѣевичемъ рѣчи и вообще всей его безупречной дѣятельности.

Въ числѣ этихъ посланій было и дружеское, очень милое письмецо Аглаи Петровны.

Красивая милліонерка предлагала ему свои услуги. Въ Петербургѣ у нея есть одинъ знакомый вліятельный человѣчекъ, которому она напишетъ, если бы, вслѣдствіе «подлой замѣтки», Николаю Сергѣевичу грозили какія-нибудь непріятности.

Какъ ни нелѣпы были нападки на Зарѣчнаго, но они заставили Николая Сергѣевича струсить и, признаться, малодушно струсить. Встревожились статьей и нѣкоторые профессора, говорившіе рѣчи и даже не говорившіе рѣчей, но бывшіе на юбилейномъ обѣдѣ. Одинъ только Звенигородцевъ, въ качествѣ человѣка свободной профессіи, обнаруживалъ геройство и требовалъ коллективнаго протеста противъ статьи, назвавшей его гороховымъ шутомъ.

Захвативъ съ собою Зарѣчнаго, Звенигородцевъ привезъ его въ квартиру одного изъ профессоровъ, гдѣ, по иниціативѣ Ивана Петровича, должно было состояться совѣщаніе. Собрались однако далеко не всѣ. Юбиляра рѣшительно не пустила супруга, уже успѣвшая въ теченіе дня донять Андрея Михайловича упреками, какъ только прочитала статью «Старѣйшихъ Извѣстій».

Нужно было ему праздновать этотъ дурацкій юбилей. Теперь, того и гляди, выгонятъ его. Авторъ замѣтки совершенно правъ, назвавши Андрея Михайловича человѣкомъ «святой наивности», то-есть, иными словами, дуракомъ... Дуракъ старый онъ и есть!

Андрей Михайловичъ терпѣливо отмалчивался, но когда «Варенька» потребовала, чтобы онъ на другой день непремѣнно поѣхалъ къ попечителю объясниться, то «старый дуракъ» такъ рѣшительно отвѣтилъ, что ни къ кому объясняться не поѣдетъ и на старости лѣтъ унижаться не станетъ, что «Варенька» вытаращила отъ удивленія глаза.

— И я плюю на статью! — прибавилъ съ презрительной гримасой старый профессоръ.

Изъ числа всѣхъ позванныхъ Звенигородцевымъ на совѣщаніе собралось только человѣкъ десять профессоровъ. Они, разумѣется, тщательно скрывали другъ отъ друга свою тревогу и вмѣстѣ съ Зарѣчнымъ говорили, что слѣдуетъ отнестись съ презрѣніемъ къ инсинуаціямъ какого-то мерзавца, но далеко не у всѣхъ было одно только презрѣніе, какъ у стараго скромнаго профессора Косицкаго.

У многихъ былъ тотъ, исключительно свойственный русскимъ, преувеличенный страхъ за свое положеніе, который заставляетъ нерѣдко и умственно-смѣлыхъ людей видѣть опасность даже и тамъ, гдѣ ея нѣтъ, и чувствовать себя безъ вины виноватыми. Всѣ понимали, что лживость статьи внѣ сомнѣній, и что она не можетъ возбудить недоразумѣній, тѣмъ болѣе, что празднованіе юбилея было офиціально разрѣшено, и все-таки трусили.

И лишь только появилась статья, какъ уже нѣкоторые изъ жрецовъ науки, считавшіе себя хранителями завѣтовъ Грановскаго, малодушно каялись, что были на юбилейномъ обѣдѣ, а двое, болѣе струсившіе профессора, не явившіеся въ собраніе, уже успѣли утромъ показаться начальству, чтобъ узнать, какъ оно отнеслось къ газетной замѣткѣ, и кстати пожаловаться, что въ ней ихъ назвали «либеральными проходимцами».

Собравшіеся на совѣщаніе первымъ дѣломъ занялись разслѣдованіемъ: кто могъ быть авторомъ замѣтки. Очевидно, это кто-нибудь изъ враговъ Николая Сергѣевича, которому болѣе всего досталось. Но Зарѣчный рѣшительно не могъ назвать никого, внушавшаго подозрѣніе. И даже самъ Иванъ Петровичъ Звенигородцевъ, хвалившійся, что все знаетъ, на этотъ разъ долженъ былъ сознаться въ безуспѣшности своихъ развѣдокъ, начатыхъ еще утромъ. Но онъ обѣщалъ все-таки, во что бы то ни стало, узнать имя автора, чтобъ его остерегались порядочные люди.

Несмотря на предложеніе Звенигородцева написать коллективный протестъ противъ статьи и привлечь къ подписи возможно большее количество лицъ, рѣшено было оставить статью

безъ отвѣта, какъ недостойную даже и опроверженія. На этомъ настаивали всѣ, и Иванъ Петровичъ такъ же быстро взялъ назадъ свое мнѣніе, какъ и предложилъ его. Но указать передержки, сдѣланныя въ рѣчахъ Зарѣчнаго и другихъ профессоровъ, обязательно слѣдовало, по единогласному мнѣнію всѣхъ присутствовавшихъ.

Зарѣчный тутъ же написалъ короткое письмо въ редакцію «Ежедневнаго Вѣстника», ограничившись въ немъ только нагляднымъ сопоставленіемъ извращенныхъ мѣстъ рѣчей съ дѣйствительно произнесенными, и не прибавилъ къ этому ни строчки, что придавало письму импонирующую фактическую краткость и какъ бы оттѣняло полное презрѣніе къ автору отчета, котораго не удостоивали даже ни единымъ словомъ, лично къ нему обращеннымъ.

Всѣ вполнѣ одобрили редакцію письма.

— Разумѣется, мы всѣ его подпишемъ!—произнесъ неожиданно со своею обычною застѣнчивою улыбкой Сбруевъ, во все время не проронившій ни звука и, казалось, занятый лишь чаемъ.

Въ тонѣ его голоса было что-то вызывающее, точно онъ не былъ увѣренъ въ общемъ согласіи и своимъ вызывающимъ увѣреннымъ тономъ надѣялся подбодрить болѣе малодушныхъ коллегъ.

Всѣ удивленно взглянули на Сбруева, который вдругъ заговорилъ, да еще такъ рѣшительно, и притомъ не разбавляя чая коньякомъ.

Прошла долгая минута тягостнаго неловкаго молчанія. Многіе опустили долу глаза. Видимо, предложеніе Сбруева не понравилось, но ни у кого не хватало мужества прямо объ этомъ сказать.

— Надѣюсь, изъ-за этого мы ничѣмъ не рискуемъ!—прибавилъ Сбруевъ съ добродушно-иронической усмѣшкой.

— Тутъ не въ рискѣ дѣло, Дмитрій Иванычъ,—наконецъ заговорилъ тотъ самый старый профессоръ Цвѣтницкій, который на юбилеѣ увѣрялъ своего друга Андрея Михайловича, что оба навѣрно были бы министрами, если-бъ жили не въ Россіи, а въ Англіи. — Тутъ не въ рискѣ дѣло, дорогой коллега!—повторилъ плотный коренастый старикъ, понижая свой зычный голосъ.—Мы всѣ, разумѣется, не остановились бы и передъ рискомъ, если-бъ того требовала наша честь.

«И вретъ же старая бестія!» — пронеслось въ головѣ Сбруева.

— А въ данномъ случаѣ и риска никакого нѣтъ, и я, разумѣется, охотно подписался бы подъ письмомъ, хотя моя рѣчь

и не удостоилась издѣвательства и извращенія. Но не придадутъ ли всѣ наши подписи письму несвойственный ему и насъ недостойный характеръ протеста? И деликатно ли это будетъ относительно нашихъ отсутствующихъ товарищей? Подпиши всѣ мы письмо, они могутъ обидѣться, что ихъ не включили, а собирать теперь подписи всѣхъ коллегъ, бывшихъ на обѣдѣ, поздно... Какъ вы полагаете, господа?

Коллеги, втайнѣ обрадованные, что Цвѣтницкій такъ ловко отвѣтилъ на предложеніе Сбруева и далъ имъ возможность подъ благовиднымъ предлогомъ увильнуть отъ подписи, согласились съ мнѣніемъ Цвѣтницкаго. И самъ Зарѣчный, трусившій послѣ статьи всякихъ намековъ на протесты, находилъ, что подписаться подъ письмомъ должны только тѣ, чьи рѣчи извращены.

Сбруевъ только пожалъ плечами и потянулся за коньякомъ.

Совѣщаніе, какъ водится, окончилось ужиномъ. Но разошлись рано. Всѣ, повидимому, были не въ особенно веселомъ настроеніи.

На слѣдующій день въ «Ежедневномъ Вѣстникѣ», впереди письма Зарѣчнаго и двухъ его коллегъ, было напечатано и письмо профессора Косицкаго. Въ теплыхъ, искреннихъ строкахъ онъ горячо благодарилъ всѣхъ почтившихъ его вниманіемъ въ день юбилея и особенно коллегъ, «сочувствіе и уваженіе которыхъ онъ считаетъ высшей для себя честью и лучшей наградой за свою скромную тридцатилѣтнюю дѣятельность».

«Варенька» такъ и ахнула, когда прочла заключительныя строки письма, являвшіяся словно бы отвѣтомъ на обвиненіе Андрея Михайловича въ дружбѣ съ «либеральными проходимцами». Онъ точно нарочно публично подтверждалъ эту дружбу, бросая вызовъ газетѣ, пользующейся фаворомъ у нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ.

«О двухъ онъ головахъ, что ли!»—подумала «Варенька» и, взбѣшенная, явилась въ кабинетъ и задала мужу настоящій «бенефисъ», какъ называлъ Андрей Михайловичъ особенно бурныя сцены, учащавшіяся по мѣрѣ того, какъ профессоръ старѣлъ, а профессорша, несмотря на свои сорокъ пять лѣтъ, еще молодилась и, похожая на гренадера въ юбкѣ, здоровая и монументальная, хотѣла осень своей жизни превратить въ весну.

Чувствуя себя до нѣкоторой степени виноватымъ передъ Варенькой и побаиваясь-таки ея, старый профессоръ съ обычной покорностью выслушалъ градъ ругательствъ, упрековъ и застращиваній, что такого дурака, какъ онъ, непремѣнно

выгонятъ изъ университета. Лишь время отъ времени онъ подавалъ реплики, чтобы молчаніемъ не довести жену до истерики, которая особенно пугала его, такъ какъ сопровождалась самыми оскорбительными для Андрея Михайловича прозвищами, въ родѣ «старой тряпки». «старой бабы» и «дохлаго мужчины».

Получивъ добрую порцію сценъ, Андрей Михайловичъ въ одиннадцать часовъ пошелъ въ университетъ и, несмотря на «бенефисъ», чувствовалъ себя послѣ напечатанія своего письма какъ-то особенно легко и спокойно.

И это чувство удовлетворенной совѣсти и сознанія исполненнаго долга сказалось еще сильнѣе, когда студенты встрѣтили старика-профессора почтительными рукоплесканіями, а послѣ лекціи, въ профессорской комнатѣ, къ нему порывисто подошелъ Сбруевъ и, съ какой-то особенной почтительностью пожимая руку, застѣнчиво и взволнованно проговорилъ:

— Какой достойный отвѣтъ на подлую статью въ вашемъ письмѣ, Андрей Михайловичъ.

XVII.

Въ это утро послѣ юбилея Аристархъ Яковлевичъ Найденовъ, по своему обыкновенію, съ шести часовъ уже сидѣлъ за громаднымъ письменнымъ столомъ и при свѣтѣ лампы усердно просматривалъ «архивныя бумажки», собирая матеріалы для новаго своего изслѣдованія.

Въ сѣромъ байковомъ халатѣ, съ очками на носу и съ душистой сигарой въ зубахъ, Найденовъ далеко не имѣлъ того сурово-надменнаго вида, какой у него всегда бывалъ на людяхъ и особенно въ университетѣ. Здѣсь, въ этомъ большомъ, нѣсколько мрачномъ кабинетѣ, главное убранство котораго составляли большіе шкапы, полные книгъ, и рѣдкія старинныя литографіи на стѣнахъ, сидѣлъ ученый, весь отдавшійся любимому имъ труду и настолько погруженный въ работу, что и не слыхалъ, какъ въ девять часовъ въ кабинетъ вошелъ, тихо ступая по ковру, старый слуга и, положивши на край стола пачку газетъ, такъ же безшумно вышелъ.

Прошло нѣсколько минутъ еще, когда Найденовъ, окончивъ чтеніе какого-то документа и бережно отложивъ его въ сторону, обратилъ наконецъ вниманіе на газеты. Онъ обыкновенно рѣдко читалъ «Старѣйшія Извѣстія», хотя и получалъ ихъ, но сегодня вынулъ первую эту газету изъ пачки и тихо усмѣхнулся, словно бы заранѣе предвкушая удовольствіе.

Но усмѣшка тотчасъ же исчезла съ бритаго лица стараго профессора, какъ только онъ пробѣжалъ начало статьи, вдохновителемъ которой былъ самъ. И по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, глаза его дѣлались злѣе и скулы быстрѣе двигались. Видимо взбѣшенный, онъ нервно ерзалъ плечами и наконецъ, отбросивъ въ сторону газету, злобно прошепталъ:

— Идіотъ! Скотина!

Увы! Умный старикъ видѣлъ, что сдѣлалъ большой промахъ, поручивъ Перелѣсову написать статью. Онъ считалъ его умнѣе и никакъ не предполагалъ, что тотъ, въ своемъ усердіи новообращеннаго предателя и, вдобавокъ, окрыленный надеждой спихнуть Зарѣчнаго, превзойдетъ всякую мѣру подлости и окажется болваномъ, не понявшимъ, что̀ именно ему внушили.

Найденовъ былъ слишкомъ умнымъ человѣкомъ, чтобы удовлетвориться такой статьей. Она, по его мнѣнію, несмотря на хлесткость, была груба по безстыдству и оттого теряла всякую пикантность. Эта преувеличенность обвиненій, основанныхъ, вдобавокъ, на искаженной рѣчи Зарѣчнаго, это упоминаніе парижскихъ революціонныхъ клубовъ, словомъ, вся истаскавшаяся отъ частаго употребленія шумиха грозныхъ словъ только подрывала, по мнѣнію Найденова, вѣру въ правдоподобіе обвиненій и, разумѣется, не могла произвести надлежащаго впечатлѣнія даже и въ тѣхъ сферахъ, для которыхъ пишутся подобныя статьи.

Онъ отлично зналъ, какъ ихъ надо писать, чтобъ обратить вниманіе кого слѣдуетъ,—онъ и самъ ихъ писывалъ прежде подъ разными псевдонимами, — и потому, раздраженный и злой, видѣлъ, что статья Перелѣсова совершенно неумѣлая и безцѣльная гадость, въ которой зависть и злоба автора на Зарѣчнаго такъ и бросались въ глаза.

Но болѣе всего бѣсило Найденова, что въ статьѣ упоминалось о немъ. Его имя противопоставлялось имени Косицкаго. Благодаря этому могло явиться подозрѣніе, что глупѣйшую статью написалъ онъ.

Конечно, ему мало дѣла было до того, что̀ подумаютъ о немъ въ обществѣ, но онъ, давно уже мечтавшій о болѣе видномъ положеніи, конечно, не хотѣлъ ссориться съ университетскими властями. Вѣдь они разрѣшили праздновать юбилей Косицкаго.

Старикъ злился на Перелѣсова и на себя. Нечего сказать, нашелъ болвана! Онъ рѣшилъ сегодня же побывать, гдѣ нужно, чтобъ объяснить, что онъ не при чемъ въ этой глупой выходкѣ.

Въ двѣнадцатомъ часу, какъ только-что онъ одѣлся, чтобы выѣхать изъ дому, старый слуга доложилъ, что г. Перелѣсовъ желаетъ его видѣть.

— Прикажете отказать?—спрашивалъ слуга.

— Нѣтъ, примите. Зовите его сюда, зовите!—съ живостью говорилъ Найденовъ, словно бы обрадованный, что увидитъ Перелѣсова.

Тотъ вошелъ нѣсколько смущенный. Найденовъ едва протянулъ ему руку, и доцентъ смутился еще болѣе отъ такого неожиданнаго холоднаго пріема.

Прошла секунда-другая молчанія.

Наконецъ молодой доцентъ проговорилъ:

— Я пришелъ узнать, Аристархъ Яковлевичъ, довольны ли вы исполненнымъ мною порученіемъ?

— Какимъ порученіемъ? Я никакого порученія вамъ не давалъ, господинъ Перелѣсовъ, помните это хорошенько!—сухо проговорилъ старый профессоръ, едва владѣя собой, чтобъ не разразиться гнѣвомъ.—Правда, я вамъ далъ совѣтъ и, признаюсь, раскаиваюсь въ этомъ. Вы совершенно не поняли моихъ указаній и написали чортъ знаетъ что! И къ чему вы припутали мою фамилію... Кто васъ объ этомъ просилъ?

— Я полагалъ, Аристархъ Яковлевичъ...

— И зачѣмъ вы передали неточно рѣчь Зарѣчнаго?—продолжалъ Найденовъ, не слушая того, что говоритъ Перелѣсовъ.—Вы думаете, что вамъ такъ и повѣрятъ?.. Во всѣхъ газетахъ рѣчь напечатана, и Зарѣчный, разумѣется, не оставитъ вашихъ передѣлокъ безъ опроверженія, и какъ тогда вы будете себя чувствовать, г. Перелѣсовъ?

Онъ ужъ и теперь себя чувствовалъ скверно, но надѣялся, что Найденовъ будетъ доволенъ.

А старый профессоръ продолжалъ, взглядывая въ упоръ на доцента злыми, презрительно сощуренными глазами:

— Признаюсь, я полагалъ, что вы не только усердны, но и сообразительны, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы понять мѣру обвиненій и мѣру... гиперболъ и не впутывать моего имени. Но оказывается, что чувства ваши къ Николаю Сергѣичу совсѣмъ ослѣпили васъ... Только этимъ и можно объяснить себѣ неумѣренный тонъ вашего произведенія... Вы переусердствовали, г. Перелѣсовъ... Черезчуръ переусердствовали!..

Молодой человѣкъ поблѣднѣлъ, какъ полотно. Сѣрые, раскосые его глаза сверкнули злымъ огонькомъ. Онъ видѣлъ хорошо, что подлость, сдѣланная имъ, не только не будетъ воз-

награждена, но что еще надъ нимъ же издѣвается тотъ самый человѣкъ, который былъ его демономъ-искусителемъ.

Не попроси его Найденовъ, не намекни о профессурѣ, развѣ написалъ бы онъ статью?

И молодой доцентъ, униженный и оплеванный, ненавидѣлъ теперь отъ всей души стараго профессора, но, зная его силу и вліяніе, молча слушалъ оскорбленія.

Однако лицо его нервно подергивалось, и какъ ни увѣренъ былъ Найденовъ въ безнаказанности своихъ дерзостей, тѣмъ не менѣе это блѣдное лицо, эти вздрагивающія губы, эти возбужденные глаза испугали и его. Онъ видѣлъ, что зашелъ слишкомъ далеко. Того и гляди нарвешься на дерзость!

И, внезапно спуская тонъ, Найденовъ проговорилъ:

— А вы, молодой человѣкъ, не приходите въ отчаяніе, что первый блинъ вышелъ комомъ, и не будьте въ претензіи, что я откровенно высказалъ свое мнѣніе. Вѣдь вы сами оказали мнѣ честь желаніемъ узнать: доволенъ ли я вашей статьей?.. Хоть я ею и недоволенъ, но, во всякомъ случаѣ, долженъ признать, что у васъ были добрыя намѣренія...

— Которыя вы же внушили!—подавленнымъ голосомъ произнесъ Перелѣсовъ.

— Тѣмъ пріятнѣе для меня, если только я дѣйствительно внушилъ ихъ...—съ иронической усмѣшкой промолвилъ Найденовъ.—По крайней мѣрѣ, однимъ серьезнымъ дѣятелемъ въ наукѣ, имѣющимъ правильные взгляды, у насъ больше... Ну, до свиданія... Надѣюсь, секретъ вашего авторства будетъ сохраненъ... Я еще разъ скажу объ этомъ редактору...

Когда Перелѣсовъ ушелъ, Найденовъ сказалъ камердинеру:

— Этого господина больше никогда не принимать. Говорите, что меня дома нѣтъ. Поняли?

— Слушаю, ваше превосходительство.

— А если безъ меня пріѣдетъ профессоръ Зарѣчный, скажите ему, что я къ двумъ часамъ буду дома и жду его.

Старикъ, хорошо знавшій бывшаго своего ученика, не сомнѣвался, что тотъ струситъ и этой нелѣпой статьи и потому навѣрно поспѣшитъ пріѣхать къ нему съ обѣщаннымъ визитомъ.

«За популярностью гоняется, а трусливъ, какъ всякій русскій гражданинъ!» — подумалъ Найденовъ, насмѣшливо скашивая свои тонкія безусыя губы.

Молодой доцентъ шелъ домой, полный отчаянія, презрѣнія къ самому себѣ и ненависти къ Найденову, который его навелъ на подлость и самъ же за это оскорблялъ и издѣвался.

Это чувство злобы было тѣмъ острѣе и мучительнѣе, что оно было безсильно и не могло разрѣшиться местью.

Обманутый въ своихъ надеждахъ, осмѣянный и оплеванный самимъ же искусителемъ, онъ, несмотря на громадное, вѣчно точившее его самолюбіе, все выслушалъ и не могъ даже и думать объ отплатѣ, не рискуя своимъ положеніемъ и даже всей своей будущностью. Вѣдь Найденовъ сила и авторитетъ въ университетѣ и къ тому же съ большими связями въ министерствѣ. Онъ уничтожитъ доцента при малѣйшей его дерзости. Онъ золъ и злопамятенъ и, чего добраго, самъ же выдастъ его авторство и отречется отъ роли вдохновителя.

При мысли о томъ, что авторство его можетъ открыться, ужасъ охватилъ Перелѣсова. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые непрочь совершить гадость, но только подъ величайшимъ секретомъ. У него еще не было цинизма откровенности, и онъ еще боялся презрѣнія порядочныхъ людей.

Казалось, Перелѣсовъ только въ эти минуты понялъ весь позоръ своего поступка. Вчера, увлеченный радужными мечтами, онъ не раздумывалъ, что̀ дѣлаетъ, когда писалъ свою статью. Но сегодня онъ созналъ, и именно потому, что цѣль, ради которой была совершена подлость, не была достигнута. Напротивъ, его же обругали, хотя и съ ядовитостью признали его добрыя намѣренія... быть мерзавцемъ... Онъ вѣдь очень хорошо понялъ смыслъ послѣднихъ словъ Найденова, болѣе мягкихъ по формѣ, но едва ли не убійственнѣе его ругательствъ.

Нельзя даже было усыпить голоса совѣсти утѣшеніемъ побѣды или, по крайней мѣрѣ, надеждами на скорое осуществленіе его мечты, и статья являлась теперь передъ нимъ въ видѣ безцѣльной гнусности, которая можетъ обнаружиться. А онъ боялся именно этого. Недаромъ же онъ такъ дорожилъ мнѣніемъ коллегъ и былъ такъ услужливъ. Не напрасно же онъ считался приверженцемъ меньшинства и искренно раздѣлялъ взгляды болѣе стыдливыхъ профессоровъ. Не втунѣ же онъ старался расположить къ себѣ студентовъ?

И вдругъ всѣ эти люди узна̀ютъ, что онъ оклеветалъ профессоровъ и написалъ на нихъ доносъ...

Особенно его смущалъ Зарѣчный. Какъ ни велика была къ нему зависть Перелѣсова, но онъ не могъ забыть услугъ, оказанныхъ ему Зарѣчнымъ, не могъ не вспомнить, какъ довѣрчиво и тепло относился профессоръ къ своему бывшему ученику...

Страхъ и злоба обуяли неофита предательства. Страхъ

быть уличеннымъ и злоба на себя. Онъ, считающій себя непризнаннымъ геніемъ, умница, преисполненный гордыни, бросился, ослѣпленный страстью, на грубую приманку, брошенную этимъ «старымъ дьяволомъ»!

Онъ былъ въ болѣзненно-нервномъ настроеніи подавленности и страха. Ему казалось, что всѣ уже узнали, что статью писалъ онъ. И, почти галлюцинируя, онъ искалъ подозрительныхъ взглядовъ въ глазахъ проходившихъ и особенно студентовъ.

Какъ нарочно, на Арбатѣ онъ встрѣтилъ Сбруева.

Онъ поклонился ему съ обычной любезностью и съ тайной тревогой взглянулъ на профессора.

Тотъ остановился, по обыкновенію, крѣпко пожалъ ему руку и нѣсколько осипшимъ послѣ юбилея голосомъ кинулъ:

— Читали?

Перелѣсовъ сразу догадался, о чемъ рѣчь, но спросилъ:

— Что?

— Да пасквиль въ «Старѣйшихъ Извѣстіяхъ»?

И авторъ его, съ видомъ совершеннѣйшей искренности и даже съ гримасой отвращенія на лицѣ, отвѣтилъ:

— Читалъ. Невозможная мерзость!

— Надо разузнать, кто авторъ. Вѣрно, изъ бывшихъ на обѣдѣ...

— Навѣрное... Но какъ разузнать?

— Звенигородцевъ узнаетъ... Онъ дока по части развѣдыванія.

Они разошлись, и Перелѣсовъ даже усмѣхнулся, обрадованный, что такъ хорошо умѣетъ владѣть собой.

Но слова Сбруева направили всѣ его помыслы на скрытіе слѣдовъ своего авторства, и онъ, вмѣсто того, чтобы продолжать путь домой, нанялъ извозчика и поѣхалъ на другой конецъ города, въ типографію газеты. Почти крадучись, вошелъ онъ въ подъѣздъ и добылъ свою рукопись отъ фактора типографіи, который вчера ночью видѣлъ его въ редакціи. Письма Найденова къ редактору не существовало. Онъ самъ вчера видѣлъ, какъ редакторъ разорвалъ письмо и бросилъ его въ корзинку.

И молодой доцентъ ѣхалъ теперь домой, обрадованный, что рукопись у него въ карманѣ.

Войдя въ свою маленькую неуютную комнату, которую нанималъ отъ жильцовъ, онъ бросилъ рукопись въ печку и, когда листки обратились въ пепелъ, нѣсколько успокоился.

Никто не узнаетъ о томъ, что онъ сдѣлалъ, и нѣтъ уличающихъ документовъ. Найденову нѣтъ никакого разсчета

выдавать автора, а редакторъ не откроетъ тайны, о сохраненіи которой просилъ Найденовъ. И наконецъ, если-бъ Найденовъ и выдалъ, онъ станетъ отрицать. Гдѣ доказательства?

Все, казалось, теперь устроено.

И молодой человѣкъ, подъ вліяніемъ сильнаго нервнаго возбужденія, нѣсколько разъ перекрестился съ видомъ человѣка, избавившагося отъ опасности, и далъ себѣ слово больше не дѣлать подобныхъ подлостей, хотя вслѣдъ за этимъ и усомнился въ исполненіи обѣщанія, особенно если бы представился хорошій случай навѣрняка получить профессуру.

XVIII.

Когда на другой день, часовъ около семи, Николай Сергѣевичъ Зарѣчный входилъ въ хорошо знакомый ему еще со временъ студенчества обширный кабинетъ Найденова, тотъ слегка приподнялся съ кресла и, пожимая руку Зарѣчнаго, проговорилъ полушутливымъ тономъ:

— Ну, что̀, договорились, любезный коллега?

— То-есть какъ договорился?.. Я ни до чего не договаривался, Аристархъ Яковлевичъ... Это какой-то мерзавецъ за меня говорилъ... Вы развѣ не читали сегодня моего опроверженія?—горячо возражалъ Зарѣчный.

— Читалъ, конечно... Очень хорошо составлено... Да вы присядьте-ка лучше, Николай Сергѣичъ, и не волнуйтесь... Сто̀итъ ли волноваться изъ-за глупой статьи...

— Да я и не волнуюсь,—вызывающе произнесъ Зарѣчный, усаживаясь въ кресло около стола.

— То-то, и не слѣдуетъ... А все-таки у васъ видъ какъ будто нѣсколько возбужденный!

И, внимательно приглядываясь къ Николаю Сергѣевичу и замѣчая въ выраженіи его лица что-то неспокойное и болѣзненное, онъ прибавилъ все тѣмъ же шутливымъ тономъ:

— Или жена пожурила?

Зарѣчный густо покраснѣлъ.

— Ни то ни другое, Аристархъ Яковлевичъ. Мнѣ просто нездоровится эти дни, вотъ и все!—отвѣчалъ Николай Сергѣевичъ.

— Вольно-жъ вамъ въ Эрмитажѣ сидѣть до утра.

— Вы и это знаете?—усмѣхнулся Зарѣчный.

— И это знаю, коллега. Москва вѣдь сплетница и рада посудачить, особенно о такихъ своихъ любимцахъ, какъ вы... Ну, да это ваше дѣло—хоть и неосмотрительно портить здоровье,—а я все-таки повторю, что договорились вы до того, Николай Сергѣичъ...

Найденовъ нарочно сдѣлалъ паузу и взглянулъ на Зарѣчнаго. Старику точно доставляло удовольствіе играть съ нимъ, какъ кошка съ мышью.

— Да что вы не курите... Не хотите ли сигару?

Но Зарѣчный, зная скупость стараго профессора, отказался отъ сигары.

— Чѣмъ же угощать рѣдкаго гостя... Рюмку вина, чаю?

— Я ничего не хочу... Я только-что обѣдалъ...

— Ну, какъ знаете... настаивать не стану... Мы и такъ побесѣдуемъ... Я очень радъ, что вы не забыли моего приглашенія и пожаловали, удѣливъ старику частицу своего драгоцѣннаго времени. Я только удивляюсь, какъ васъ на все хватаетъ...

Зарѣчный нетерпѣливо слушалъ эти умышленно-праздныя рѣчи и, стараясь скрыть свое безпокойство, равнодушнымъ тономъ спросилъ:

— До чего же я договорился, Аристархъ Яковлевичъ, интересно знать?

— Ахъ, да... Я и забылъ, о чемъ началъ и что васъ должно нѣсколько интересовать... Договорились вы до того, что мнѣ не далѣе, какъ вчера, пришлось васъ защищать...

— Очень вамъ благодаренъ... Передъ кѣмъ это?

— Ну, разумѣется, передъ нашимъ начальствомъ.

— За какія же тяжкія вины меня обвиняютъ?

— Не догадываетесь развѣ?

— Право, нѣтъ... Кажется, не совершалъ ничего предосудительнаго!—проговорилъ Зарѣчный съ напускною небрежностью, подавляя чувство тревоги, невольно охватившее его.

— За вашу вчерашнюю рѣчь!

— За рѣчь? Да развѣ она требовала защиты, моя рѣчь, если только ее прочесть не въ перевранной редакціи?

— Есть много, другъ Горацій, тайнъ...

— Очень даже много, Аристархъ Яковлевичъ, но это ужъ черезчуръ.

— Не спорю. Но дѣло въ томъ, любезный коллега, что вы сами подаете поводъ обращать на себя вниманіе большее, чѣмъ слѣдовало бы въ вашихъ собственныхъ интересахъ!— подчеркнулъ старый профессоръ. — Положимъ, что статья, благодаря которой кто-нибудь и въ самомъ дѣлѣ подумалъ или счелъ удобнымъ подумать, что вы опасный человѣкъ, положимъ, говорю я, статья эта дѣйствительно глупа... Кстати, вы не знаете, кто авторъ этой глупости?

— Рѣшительно не знаю.

— И никого не подозрѣваете?

— Никого.

— Но если бы она была написана поумнѣе и потоньше?

— Но что же въ моей рѣчи можно найти?.. Вы читали ее, Аристархъ Яковлевичъ?—спрашивалъ, видимо тревожась, молодой профессоръ.

— Читалъ и поздравляю васъ... Рѣчь талантливая и, главное, знаете, что мнѣ въ ней понравилось?—съ самымъ серьезнымъ видомъ проговорилъ Найденовъ.

— Что?

— Оригинальная постановка вопроса объ истинномъ героизмѣ... Хоть вашъ взглядъ на героизмъ и разнится отъ прежнихъ вашихъ взглядовъ, но нельзя не согласиться, что новая точка зрѣнія весьма остроумна, отожествляя мирное отправленіе профессорскихъ обязанностей, при какихъ бы то ни было вѣяніяхъ, съ гражданскимъ мужествомъ. Получай жалованье, сиди смирно—и герой. И Богу свѣчка и чорту кочерга. Ну, а мы, ретрограды, которые дѣлаемъ то же самое, но откровенно говоримъ, что дѣлаемъ это изъ-за сохраненія собственной шкуры,—конечно, подлецы. Это преостроумно, Николай Сергѣичъ, и очень ловко. Можно, оставаясь такими же чиновниками, исполняющими велѣнія начальства, какъ и мы грѣшные, быть въ то же время страдальцами за правду въ глазахъ публики... Такимъ титломъ героя, не покидавшаго свое мѣсто въ теченіе тридцати лѣтъ, вы и наградили почтеннаго Андрея Михайловича, незримо возложили вѣнокъ на себя и попутно наградили геройскимъ званіемъ всѣхъ слушателей, которые тоже вѣдь геройствуютъ, мужественно не разставаясь съ своимъ жалованьемъ. Вполнѣ понимаю, что вы удостоились овацій. Ваша рѣчь ихъ вполнѣ стоила.

Зарѣчный едва усидѣлъ въ креслѣ, слушая эти саркастическія похвалы.

Возмущенный тѣмъ, что Найденовъ придалъ такое значеніе его рѣчи, онъ порывался-было остановить его—и не останавливалъ. Безполезно! Вѣдь и Рита поняла его точно такъ же. И Сбруевъ тогда, въ пьяномъ видѣ, недаромъ называлъ и себя и его свиньями. И наконецъ развѣ, въ самомъ дѣлѣ, защищая во что бы ни стало компромиссъ, не говорилъ ли онъ въ своей застольной рѣчи отчасти и то, что въ преднамѣренно-окарикатуренномъ видѣ передавалъ теперь озлобленный старикъ?

И Зарѣчный до конца выслушалъ и потомъ отвѣтилъ:

— Мнѣ остается благодарить за ваши своеобразные комплименты, Аристархъ Яковлевичъ, хотя и не вполнѣ мною заслуженные.

— Не скромничайте, Николай Сергѣевичъ.

— Вы слишкомъ субъективно поняли мою рѣчь, но тѣмъ еще удивительнѣе, что она могла подать поводъ къ нареканіямъ.

— Другіе, значитъ, поняли ее объективнѣе. Но, во всякомъ случаѣ, если бы вы въ ней ограничились только изложеніемъ своей остроумной теоріи въ примѣненіи къ дѣятельности юбиляра, то никто бы и не могъ придраться. Но ваши намеки о какихъ-то маловѣрахъ и отступникахъ? Ваши экскурсіи въ область либеральныхъ фразъ? Это вы ни во что не ставите, дорогой мой коллега? — насмѣшливо спрашивалъ Найденовъ, видимо, тѣшась надъ своимъ гостемъ.—Положимъ, вамъ для репутаціи излюбленнаго человѣка это нужно, но надо знать мѣру и помнить время и пространство... Вѣдь есть люди, которые могли принять на свой счетъ кличку отступника и, пожалуй, имѣли глупость обидѣться.

«Ужъ не ты ли обидѣлся?»—подумалъ Зарѣчный и поспѣшилъ проговорить:

— Я вообще говорилъ.

— Ну, разумѣется, вообще. Не могли же вы такъ-таки прямо назвать отступникомъ хотя бы вашего покорнѣйшаго слугу, если бы и считали его таковымъ, что̀, впрочемъ, меня нисколько бы и не обидѣло!—высокомѣрно вставилъ старикъ.

Не на шутку встревоженный Зарѣчный опять промолчалъ.

— И, кромѣ того, вѣдь съ извѣстной точки зрѣнія могли найти неприличнымъ, что правительственный чиновникъ, какъ студентъ перваго курса, показываетъ либеральные кукиши изъ кармана. Вотъ всѣ эти экивоки и были причиной того, что на васъ обращено не особенно благосклонное вниманіе!—подчеркнулъ Найденовъ, преувеличившій нарочно эту «неблагосклонность» и словно бы обрадованный угнетающимъ впечатлѣніемъ, которое производили его пугающія слова на трусливую натуру Зарѣчнаго.

«Ты еще большій трусъ, чѣмъ я предполагалъ!»—подумалъ старикъ-профессоръ.

И съ ободряющей улыбкой прибавилъ:

— Но вы не пугайтесь, Николай Сергѣичъ. Я, съ своей стороны, сдѣлалъ все возможное, чтобы защитить бывшаго своего ученика... Какъ видите, и отступники могутъ быть незлопамятны!.. — усмѣхнулся Найденовъ. — И я счелъ долгомъ разъяснить, что ваша рѣчь, въ сущности, нисколько не опасна.

Зарѣчный началъ-было благодарить, но Найденовъ остановилъ его.

— Не благодарите. Я вѣдь васъ защищалъ не изъ личныхъ чувствъ. А знаете ли почему?

— Почему?

— Потому, что считаю васъ знающимъ и даровитымъ профессоромъ, а университетъ нуждается въ талантливыхъ силахъ!—проговорилъ Найденовъ.—Изъ васъ могъ бы и порядочный ученый выйти, если-бъ вы не разбрасывались, не участвовали во всѣхъ этихъ глупыхъ комитетахъ, гоняясь за популярностью... Признаюсь, я возлагалъ на васъ бо́льшія надежды!—прибавилъ старикъ, недаромъ пользующійся репутаціей крупной ученой силы и до сихъ поръ серьезно работающій.

И Зарѣчный не могъ въ душѣ не согласиться, что упреки его бывшаго профессора справедливы. Онъ до сихъ поръ все еще «подаетъ надежды» и не можетъ довести до конца своей книги. А вотъ Найденовъ безустанно работаетъ, и работы его значительны.

— Я думаю засѣсть за свою книгу!—проговорилъ онъ, готовый теперь предаться научнымъ работамъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, давно пора и, главное, спокойнѣе!»—мелькнуло въ его головѣ.

— И хорошо сдѣлаете... Ну, а вся эта исторія, поднятая статьей, на этотъ разъ окончится, по всей вѣроятности, однимъ объясненіемъ. Болѣе серьезныхъ послѣдствій, надѣюсь, не будетъ!

— Да вѣдь и не за что!—воскликнулъ Зарѣчный.

И радостная нотка невольно звучала въ голосѣ обрадованнаго молодого профессора. И онъ снова подумалъ, что надо серьезно заняться наукой, ограничивъ размѣры общественной дѣятельности... Быть-можетъ, въ работѣ онъ найдетъ утѣшеніе въ несчастьѣ, если Рита не одумается и оставитъ его...

— Но только даю вамъ дружескій совѣтъ, Николай Сергѣичъ, помнить, что осторожность—большая добродѣтель. Вы вѣдь и сами проповѣдуете «мудрость змія», такъ и примѣняйте ее на практикѣ съ большею строгостью, чѣмъ теперь. Не давайте воли своему ораторскому краснорѣчію.

И онъ тотчасъ вспомнилъ, какъ лѣтъ десять тому назадъ, когда онъ былъ на послѣднемъ курсѣ, по интригамъ, какъ тогда говорили, самого же Найденова, долженъ былъ уйти одинъ дѣльный и способный профессоръ.

— Очень, знаете ли, просто. Былъ талантливый профессоръ Зарѣчный, и нѣтъ болѣе въ университетѣ талантливаго профессора Зарѣчнаго!—усмѣхнулся Найденовъ.

— Совсѣмъ просто!—улыбнулся и Зарѣчный.

— И вы думаете, что многіе изъ вашихъ многочисленныхъ поклонниковъ и поклонницъ серьезно опечалятся отсутствіемъ въ университетѣ талантливаго профессора Зарѣчнаго?

И такъ какъ профессоръ Зарѣчный вовсе не думалъ теперь о возможности своего исчезновенія, приведенной старикомъ въ видѣ ехидной иллюстраціи, то и не отвѣчалъ на вопросъ Найденова.

— Покричатъ нѣсколько дней и забудутъ, утѣшившись тѣмъ, что выберутъ себѣ новаго идола для поклоненія и произведутъ его въ чинъ излюбленнаго человѣка. Популярность у насъ, Николай Сергѣичъ, не особенно и заманчива, и я, признаюсь, удивляюсь, какъ вы, такой умный человѣкъ, такъ увлекаетесь ею и ради нея рискуете своимъ положеніемъ, забавляясь игрой въ оппозицію и въ либерализмъ... Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что это не одна дѣтская забава...

Зарѣчный было-поднялся, чтобы откланяться, но Найденовъ остановилъ его.

— Куда вы торопитесь, Николай Сергѣичъ? Подождите нѣсколько минутъ. У меня есть къ вамъ небольшое дѣльце. Помните, я вамъ говорилъ?

— Какъ же, помню.

— Вотъ о немъ я и хочу съ вами поговорить и привлечь къ нему въ качествѣ талантливаго помощника... Не лишнее прибавить, что дѣло это можетъ принести намъ обоимъ хорошее вознагражденіе... Вѣдь вы, я полагаю, непрочь отъ хорошаго заработка... Ваше министерство финансовъ, вѣрно, не въ блестящемъ состояніи? — шутливо и, казалось, не безъ участія спрашивалъ Найденовъ.

— Признаться, не въ блестящемъ.

— Вотъ видите. Ученая профессія не очень-то балуетъ насъ въ матеріальномъ отношеніи. Вотъ и я еле-еле свожу концы съ концами!—пожаловался Найденовъ.

Зарѣчный про себя усмѣхнулся, слушая эти жалобы скупого старика, который имѣлъ и деньги и получалъ изъ разныхъ мѣстъ жалованье, котораго далеко не проживалъ.

— А дѣльце, которое я задумалъ, весьма недурное и выгодное.

Молодой профессоръ подозрительно насторожился.

— Не догадываетесь?—спросилъ Найденовъ.

— Рѣшительно не догадываюсь.

— Я вамъ предлагаю быть моимъ сотрудникомъ по соста-

вленію учебника. Одному мнѣ этимъ заняться некогда, но я возьму на себя общую редакцію и охотно поставлю свое имя рядомъ съ вашимъ.

«Ловко! Мнѣ, значитъ, вся работа!»—подумалъ Зарѣчный.

— Что же вы не благодарите вашего стараго учителя, Николай Сергѣичъ! — воскликнулъ Найденовъ. — Замѣтьте, я къ вамъ обратился, а не къ кому другому... Съ вами хочу подѣлиться и ни съ кѣмъ больше!—шутя прибавилъ онъ.

— Очень вамъ благодаренъ, Аристархъ Яковлевичъ, но...

Зарѣчный замялся.

— Какія тутъ могутъ быть «но». Не понимаю!

— Мнѣ, видите ли, Аристархъ Яковлевичъ, въ настоящее время трудно взять на себя какую-нибудь работу. Я долженъ окончить свою книгу. И безъ того она затянулась, а мнѣ бы...

— Что ваша книга?—нетерпѣливо перебилъ Найденовъ.— Она потерпитъ, ваша книга... И что она вамъ дастъ?.. Гроши и листочекъ лавровъ... А учебникъ принесетъ хорошія деньги. А лавры отъ васъ не уйдутъ... Когда человѣкъ обезпеченъ, и книги лучше пишутся... Очень просилъ бы васъ не откладывать нашего дѣла. Оно меня очень интересуетъ. Вы, коли захотите, работать можете быстро. Приналягте, и къ будущему году мы могли бы пустить нашъ учебникъ.

— Вы обратились бы къ Перелѣсову, Аристархъ Яковлевичъ. Онъ свободенъ и, кромѣ того, нуждается. Мнѣ кажется, онъ отлично справился бы съ работой.

— Что мнѣ Перелѣсовъ. Онъ бездаренъ. Мнѣ нужны вы, Николай Сергѣичъ!—рѣзко промолвилъ старикъ.

И, тотчасъ же смягчая тонъ, прибавилъ:

— Вы меня просто удивляете. Такое предложеніе, и я васъ еще долженъ упрашивать... Что сіе значитъ?

— Но, право же, мнѣ некогда.

Старикъ пристально взглянулъ на Зарѣчнаго.

— Да вы не виляйте, коллега, а говорите прямо... Видно, испугались, что потеряете репутацію либеральнаго профессора, и боитесь, если учебникъ обругаютъ? Вамъ еще не надоѣло сидѣть между двухъ стульевъ? Такъ бы и сказали, а то «некогда»! И знаете ли что? Вамъ легко остаться въ ореолѣ излюбленнаго человѣка и героя... Можно и не объявлять вашего имени на учебникѣ... Я одинъ буду значиться авторомъ, а съ вами мы сдѣлаемъ условіе о половинныхъ барышахъ. Такимъ образомъ и волки будутъ сыты и овцы цѣлы, ужъ если вы такъ боитесь замочить ножки!.. При такой комбинаціи, надѣюсь, у васъ время найдется,

любезный коллега! — съ циничною улыбкой прибавилъ Найденовъ.

Темный свѣтъ лампы подъ зеленымъ абажуромъ мѣшалъ Найденову увидать, какъ поблѣднѣлъ Николай Сергѣевичъ, стараясь сдержать свое негодованіе.

— Къ сожалѣнію, и при этой комбинаціи у меня не найдется времени, Аристархъ Яковлевичъ!.. — отвѣтилъ Зарѣчный.

— Не найдется?—переспросилъ Найденовъ.

— Нѣтъ, Аристархъ Яковлевичъ. Простите, что не могу быть вамъ полезенъ.

Наступило молчаніе.

Старый профессоръ нѣсколько мгновеній пристально глядѣлъ на Николая Сергѣевича.

— Боитесь, что узнаютъ, и что тогда вы прослывете отступникомъ и ретроградомъ, въ родѣ меня?—со злостью кинулъ онъ, отводя взглядъ.

— Боюсь поступить противъ убѣжденія, Аристархъ Яковлевичъ.

— Въ такомъ случаѣ прошу извинить, что обратился къ вамъ!—холодно и высокомѣрно произнесъ Найденовъ.

И послѣ паузы, едва сдерживая гнѣвъ, прибавилъ со своей обычной саркастической усмѣшкой:

— Я полагалъ, что вы послѣдовательнѣе и не побоитесь логическихъ послѣдствій компромисса, о которомъ такъ блестяще говорили на юбилейномъ обѣдѣ... Оказывается, что вы и съ компромиссомъ хотите кокетничать... Вы уже собираетесь?.. До свиданія, коллега!

И, привставая съ кресла, едва протянулъ руку и значительно проговорилъ:

— Желаю вамъ не раскаяться, что поступили, какъ мальчишка!

Зарѣчный молча вышелъ отъ него, понимая, что теперь Найденовъ его врагъ.

И онъ еще больше трусилъ за свое положеніе.

XIX.

Когда Николай Сергѣевичъ, пріѣхавши домой, позвонилъ, Катя стрѣлой бросилась къ подъѣзду, заглянувъ все-таки на себя въ зеркало въ прихожей, и торопливо отворила двери.

Въ прихожей, снимая шубу, она съ нѣкоторой аффектаціей почтительности исправной горничной поспѣшила доложить барину, что въ кабинетѣ его дожидается студентъ.

— Кто такой?

— Господинъ Медынцевъ. Сказали, что вы назначили имъ сегодня придти. Такой блѣдный, худой...

— А барыня дома?

— Нѣтъ-съ, уѣхали.

Зарѣчному невольно бросилось въ глаза, что Катя какъ-то особенно щегольски сегодня одѣта и вообще имѣетъ кокетливый видъ въ своемъ свѣжемъ платьѣ и въ бѣломъ передникѣ, свѣжая и румяная, съ пригожимъ, задорнымъ лицомъ, съ чистыми, опрятными руками.

И онъ спросилъ, оглядывая ее быстрымъ равнодушнымъ взглядомъ:

— А вы со двора, что ли, собрались?

— Никакъ нѣтъ-съ... А вы почему подумали, баринъ?—съ напускной наивностью спросила она, бросая на него вызывающій взглядъ своихъ черныхъ лукавыхъ глазъ.

— Такъ...—отвѣчалъ профессоръ и въ то же время замѣтилъ то, чего прежде не замѣчалъ, что эта расторопная, услужливая Катя очень недурна собой.

— А барыня дома?

— Никакъ нѣтъ-съ. Уѣхали. Господинъ Невзгодинъ за ними пріѣзжалъ... Прикажете подать вамъ чай сейчасъ или послѣ, какъ гость уйдетъ?

— Потомъ...

Николай Сергѣевичъ шелъ въ кабинетъ усталый, съ развинченными нервами. Дожидавшійся студентъ далеко не былъ желаннымъ гостемъ.

Не до разговоровъ было Зарѣчному въ эту минуту, да еще съ незнакомымъ человѣкомъ.

Ему хотѣлось побыть одному и обдумать свое положеніе. Бѣды, свалившіяся на него въ послѣдніе дни, угнетали его и казались ему ужасными. Особенно рѣшеніе Риты. Онъ все еще не могъ придти въ себя, все еще не хотѣлъ вѣрить, что она оставитъ его. Отвлеченный эти дни безпокойствомъ по поводу статьи, онъ на время забывалъ о семейномъ разладѣ, но, какъ телько попадалъ домой, мысли о немъ лѣзли въ голову и мучительно терзали его сердце. Онъ вспоминалъ о послѣднемъ разговорѣ Риты и жалѣлъ себя. Эти два дня они не видались. Рита не выходила изъ своей комнаты и во время обѣда уходила. И, вдобавокъ ко всему, это предложеніе Найденова, отказъ отъ котораго грозилъ серьезными непріятностями. Зарѣчный хорошо зналъ бывшаго своего учителя. Онъ зналъ, что онъ не проститъ ему отказа отъ сотрудничества

Зарѣчный уже въ гостиной рѣшилъ, что попроситъ студента зайти въ другой разъ, въ болѣе удобное время, а самъ

сдѣлаетъ попытку — напишетъ письмо Ритѣ, въ которомъ... Онъ самъ не зналъ въ эту минуту, что̀ напишетъ ей, но ему казалось, что онъ долженъ это сдѣлать...

Но у Николая Сергѣевича не хватило рѣшимости отправить непріятнаго гостя, когда онъ вошелъ въ кабинетъ и увидалъ этого низенькаго блѣднаго студента съ большими черными глазами, лихорадочно блестѣвшими изъ глубокихъ впадинъ. Здѣсь, въ полусвѣтѣ кабинета, освѣщеннаго лампой подъ большимъ зеленымъ абажуромъ, этотъ вскочившій и, казалось, совсѣмъ растерявшійся молодой человѣкъ казался еще блѣднѣе, болѣзненнѣе и жалче, чѣмъ въ университетской аудиторіи, въ своемъ ветхомъ сюртукѣ и худыхъ сапогахъ. Словно бы смерть уже вѣяла надъ этой маленькой фигуркой съ вдавленной грудью.

Охваченный жалостью, Зарѣчный невольно вспомнилъ худенькое, почти лѣтнее пальтецо студента, висѣвшее на вѣшалкѣ. И въ немъ онъ пришелъ въ трескучій, двадцатиградусный морозъ. И заставлять его приходить еще разъ. Это было бы жестоко!

И, протягивая студенту руку, Николай Сергѣевичъ извинился, что заставилъ его ждать, и, усадивъ его въ кресло, предложилъ ему чаю.

Студентъ испуганно и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно отказался. Онъ не хочетъ. Онъ только-что пилъ чай. И онъ вообще не любитъ чая.

И, видимо чѣмъ-то взволнованный, порывисто проговорилъ:

— Я не задержу васъ, господинъ профессоръ... Я сейчасъ же долженъ уйти... Собственно говоря... Извините, г. профессоръ... Я буду съ вами говорить откровенно... Да какъ же иначе и говорить?

— Пожалуйста, говорите, у меня время есть. Вы вѣдь хотѣли, г. Медынцевъ, посовѣтоваться насчетъ книгъ.

— Да. И насчетъ книгъ и вообще поговорить... уяснить нѣкоторые вопросы, которые меня мучатъ, насчетъ практической дѣятельности, разрѣшить сомнѣнія... Но я теперь не за тѣмъ пришелъ... Вы простите, пожалуйста, я долженъ по совѣсти говорить... Я, видите ли, пришелъ только потому, что обѣщалъ, но я не хотѣлъ идти... Перерѣшилъ...

Онъ торопился говорить, задыхался и наконецъ закашлялся, безпомощно прижимая свои тонкіе, точно восковые пальцы къ груди.

Этотъ глухой кашель съ клокотаніемъ въ груди продолжался съ добрую минуту. Зарѣчный подалъ своему гостю стаканъ воды и участливо проговорилъ:

— Да вы не волнуйтесь, г. Медынцевъ. Не торопитесь ради Бога... Вы меня нисколько не задерживаете... У меня время есть.

— Это сейчасъ пройдетъ... Вотъ и прошло... Собственно говоря, этотъ кашель... У меня чахотка!—вдругъ проговорилъ Медынцевъ и какъ-то застѣнчиво улыбнулся, словно бы извиняясь, что у него чахотка и онъ не можетъ не кашлять.

Онъ выпилъ стаканъ воды, минутку передохнулъ и снова торопливо и возбужденно заговорилъ, глядя на Зарѣчнаго почти въ упоръ.

Эти большіе чудные глаза глядѣли на профессора строго, пытливо и въ то же время страдальчески. Въ ихъ взглядѣ теперь ужъ не свѣтилось той благоговѣйной восторженности, какая была, когда Медынцевъ говорилъ съ Николаемъ Сергѣевичемъ въ университетѣ.

И отъ этого строгаго проникновеннаго взгляда несчастнаго больного студента Зарѣчный невольно испытывалъ какую-то душевную смятенность, точно въ чемъ-то виноватый.

— И вотъ, вслѣдствіе того, что перерѣшилъ, я и не хотѣлъ идти къ вамъ, г. профессоръ.

— Что̀ вамъ за охота называть меня господиномъ профессоромъ здѣсь, у меня дома. Называйте меня по имени. А какъ ваше имя и отчество?

— Борисъ Захаровичъ...

— Но почему же вы перерѣшили, Борисъ Захарычъ?— спросилъ, почему-то понижая голосъ, Зарѣчный, и чувствуя, что невольно краснѣетъ подъ этимъ серьезнымъ, глубокимъ взглядомъ юноши.

На мгновеніе краска залила мертвенно-блѣдное лицо Медынцева. Выраженіе глубокаго страданія свѣтилось въ его глазахъ. Смущенный до-нельзя, онъ, казалось, переживалъ минуту душевной борьбы.

— Почему перерѣшилъ, хотите вы знать? — переспросилъ онъ наконецъ.

— Да. Говорите. Не стѣсняйтесь, прошу васъ.

— Я не стѣсняюсь. Я и пришелъ, чтобы объясниться. Но мнѣ самому тяжело, больно, обидно!

Онъ помолчалъ, словно бы собираясь съ силами, и голосомъ, дрожащимъ отъ волненія и полнымъ тоски, со слезами на глазахъ, продолжалъ съ порывистою страстностью:

— Я такъ безпредѣльно уважалъ и любилъ васъ, Николай Сергѣичъ, что готовъ былъ положить за васъ душу... Я говорю, вѣрьте мнѣ. Ваши лекціи были для меня откровеніемъ и, такъ сказать. намѣчали мнѣ будущій жизненный путь. Онѣ

будили мысль, заставляли работать и вѣрить въ идеалы. Я молился на васъ. Я видѣлъ въ васъ профессора, для котораго наука нераздѣльна съ силой убѣжденія. Вы служили мнѣ примѣромъ. Вы поддерживали во мнѣ бодрость и вѣру въ торжество правды...

Медынцевъ перевелъ духъ и продолжалъ:

— И вдругъ... вдругъ эта ваша рѣчь... Этотъ призывъ къ молчалинству. Это восхваленіе компромисса во что бы ни стало... На лекціяхъ вѣдь вы не то говорили... О, Господи! Зачѣмъ вы сказали эту рѣчь? За что вы заставили не вѣрить вамъ и—простите—не уважать васъ... Неужели же ваша рѣчь была искренна? Тогда кому же вѣрить? Профессору или оратору?—почти крикнулъ, задыхаясь, Медынцевъ, и слезы хлынули изъ его глазъ.

И, странное дѣло, Зарѣчный не гнѣвался за эту страстную рѣчь, дышавшую искренностью и тоской восторженнаго честнаго юноши, разочаровавшагося въ учителѣ, котораго боготворилъ. Страшно самолюбивый, Николай Сергѣевичъ даже не испытывалъ боли оскорбленнаго самолюбія и не пытался отнестись къ филиппикѣ Медынцева съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ непонятаго человѣка.

. . . . . .

Видимо потрясенный этими словами юноши, профессоръ молчалъ.

И это молчаніе и грустный видъ Зарѣчнаго смутили студента.

И онъ порывисто проговорилъ, утирая слезы:

— О, простите меня, Николай Сергѣичъ... Я позволилъ себѣ... Но если-бъ вы знали...

— Я не сержусь,—мягко, почти нѣжно остановилъ его Зарѣчный.—Я понимаю васъ...

Когда студентъ ушелъ, Зарѣчный долго еще сидѣлъ неподвижно за письменнымъ столомъ.

Онъ невольно припоминалъ эти страстные упреки молодой души, и съ нимъ произошло что-то особенное.

Онъ не сердился и не обидѣлся, а въ приливѣ охватившей его тоски, въ каждомъ словѣ этого бѣдняги, стоявшаго одной ногой въ гробу, чувствовалъ горькую правду и свою вину передъ нимъ.

«И передъ нимъ ли однимъ?»—пронеслось въ головѣ у профессора.

XX.

Часовъ около одиннадцати Маргарита Васильевна вернулась домой. Съ ней былъ Невзгодинъ.

Въ ярко освѣщенной прихожей Катя подозрительно оглядывала обоихъ. Лицо Маргариты Васильевны казалось ей возбужденнымъ.

— Пожалуйста, Катя, самоваръ поскорѣй.

— Сейчасъ будетъ готовъ.

— А вы что̀ же такъ рано изъ гостей?—ласково спросила Маргарита Васильевна, обративъ вниманіе на щеголеватое праздничное платье горничной.

— Я не ходила со двора, барыня.

— Что̀ такъ? Раздумали?

— Раздумала.

— Идемте, Василій Васильевичъ, ко мнѣ!

И съ этими словами Маргарита Васильевна прошла черезъ гостиную въ свой маленькій кабинетъ.

Катя побѣжала впередъ, чтобъ зажечь лампу.

— Такъ очень проскучали на нашемъ собраніи, Василій Васильичъ? — спрашивала Зарѣчная, опустившись на диванъ и оправляя свои сбившіеся подъ шапочкой золотистые волосы.

— Порядочно-таки.

Невзгодинъ закурилъ папироску и, усаживаясь въ маленькое кресло, продолжалъ:

— Благотворительныя дамы вашего попечительства напомнили мнѣ сосѣдку за обѣдомъ на юбилеѣ Косицкаго... Такъ же болтливы и съ такимъ же самодовольнымъ апломбомъ говорятъ о пустякахъ.

— И я на васъ произвела такое же впечатлѣніе?

— Вы хоть были лаконичны, Маргарита Васильевна!

Катя, намѣренно долго поправлявшая абажуръ, слушала во всѣ уши.

Въ ея лукавыхъ темныхъ глазахъ, острыхъ, какъ у мышенка, сверкнула усмѣшка, и они снова недовѣрчиво скользнули по Маргаритѣ Васильевнѣ.

«Все-то ты врешь!»—говорили, казалось, глаза горничной.

Она вышла изъ комнаты, плотно затворивъ двери, шмыгнула въ прихожую и оттуда бѣгомъ побѣжала къ подъѣзду.

Отворивъ двери, она спросила извозчика, стоявшаго у панели:

— Ты сейчасъ привезъ барыню съ бариномъ?

— Я самый.

— Откуда ты ихъ привезъ?

— Со Стоженки.

— Съ улицы посадилъ?

— Нѣтъ, касатка, изъ дома взялъ. Оттуда много барынь выходило. А ты чего разспрашиваешь? На чаекъ, что ли, господа выслали?—спросилъ, смѣясь, извозчикъ.

Катя быстро скрылась въ двери.

Она возвратилась на кухню и стала разогрѣвать самоваръ, не совсѣмъ довольная, что ея подозрѣнія о барынѣ и Невзгодинѣ не подтвердились. Она была увѣрена, что ссора, и, повидимому, серьезная, между мужемъ и женой вышла изъ-за Невзгодина. Они навѣрно влюблены другъ въ друга, хоть и отводятъ людямъ глаза, и оттого бѣдный Николай Сергѣичъ сосланъ въ кабинетъ.

«Нашла дура на кого промѣнять!»—подумала Катя, горѣвшая желаніемъ открыть глаза Николаю Сергѣевичу, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, не мучился напрасно.

И сегодня, когда послѣ обѣда пріѣхалъ Невзгодинъ и ушелъ вмѣстѣ съ Маргаритой Васильевной, Катя почти не сомнѣвалась, что они отправились на тайное свиданіе. Оказывается, они дѣйствительно были въ попечительствѣ. Катя не разъ тамъ бывала.

Впрочемъ, обманутыя подозрѣнія не поколебали ея увѣренности въ томъ, что Маргарита Васильевна влюблена въ Невзгодина. Ей очень хотѣлось, чтобы это было такъ, и чтобы мужъ объ этомъ узналъ. Тогда перестанетъ она важничать и строить изъ себя недотрогу. Не лучше, молъ, другихъ!

Пока Катя, занятая этими соображеніями, почерпнутыми изъ ея наблюденій въ теченіе десятилѣтняго пребыванія въ должности горничной, накрыла въ столовой на столъ, Маргарита Васильевна, внезапно прервавъ рѣчь о своихъ благотворительныхъ планахъ, въ которые она начала-было посвящать Невзгодина, значительно проговорила:

— А у меня новость, Василій Васильевичъ.

— Новость! Какая?

— Я расхожусь съ мужемъ!

Какъ бы онъ обрадовался, если-бъ Маргарита Васильевна сообщила эту новость годъ тому назадъ. А теперь у него хотя и было дружеское участіе къ человѣку, жизнь котораго неудачно сложилась, но главнымъ образомъ въ немъ былъ возбужденъ писательскій интересъ. Онъ это хорошо сознавалъ, взглядывая безъ малѣйшаго волненія на красивое лицо когда-то любимой женщины. И къ тому же онъ нѣсколько скептически отнесся къ этой новости. Не расходилась же она раньше, отдаваясь нелюбимому супругу. Отчего же теперь расходится? И ради кого? Кажется, барынька никого не любитъ?

Глаза Невзгодина чуть-чуть улыбались, когда онъ проговорилъ:

— Отъ души поздравляю васъ, Маргарита Васильевна, съ добрымъ намѣреніемъ!

— Это не намѣреніе, а рѣшеніе! — воскликнула молодая женщина.—Слышите ли, рѣшеніе! А вы, я вижу, не вѣрите!— раздраженно прибавила Маргарита Васильевна, самолюбіе которой было сильно задѣто и недостаточно, по ея мнѣнію, горячимъ отношеніемъ Невзгодина къ сообщенному факту, и его недовѣрчивостью къ ея рѣшенію.

«Онъ въ правѣ не вѣрить!»—подумала она въ слѣдующее мгновеніе. И краска стыда и досады залила ея щеки. Ей вдругъ сдѣлалось обидно, что она заговорила объ этомъ съ Невзгодинымъ. Онъ далеко не такой ея другъ, какъ ей прежде казалось.

И она почти сухо кинула:

— Впрочемъ, вѣрьте или не вѣрьте, это ваше дѣло!

— Да вы не сердитесь, Маргарита Васильевна.

— Я не сержусь...

— Полноте... Сердитесь... А еще умный человѣкъ!

— При чемъ же тутъ умъ?

— Вы недовольны моими словами... Вамъ непремѣнно хотѣлось бы слышать въ нихъ полную вѣру въ то, что вы сказали?.. Но подумайте, виноватъ ли я, что этой вѣры нѣтъ. Или вы хотите, чтобы я лгалъ?

— Я этого не хочу.

— Такъ сердитесь, коли хотите, а я лишь тогда повѣрю вашему рѣшенію, когда вы разойдетесь...

Эти слова взорвали молодую женщину. Она поняла причины недовѣрія Невзгодина и, возмущенная до глубины души, сказала:

— Я не расхожусь сейчасъ, сегодня, только потому, что мужъ умолялъ подождать нѣсколько времени. Не могла же отказать ему въ этомъ я, виноватая передъ нимъ. Онъ можетъ, конечно, думать, что я изъ жалости къ нему перерѣшу и останусь его женой, но вы какъ смѣете не вѣрить мнѣ, разъ я вамъ говорю, что оставляю мужа... Или вы такого сквернаго мнѣнія о женщинахъ, что не допускаете, чтобы женщина могла понять всю мерзость своего замужества... Или вы думаете, что меня пугаетъ перспектива одиночества и трудовой жизни?

Невзгодинъ терпѣливо выслушалъ эту горячую тираду и ничего не отвѣтилъ.

— Что-жъ вы молчите? Или и теперь не вѣрите?

— Словамъ я вашимъ вѣрю, но...

— Но что?—нетерпѣливо перебила Маргарита Васильевна.

— Позвольте мнѣ пока остаться Ѳомой невѣрнымъ... Вѣдь Николай Сергѣичъ васъ очень любитъ.

— Но я его не люблю! И я это ему сказала вчера.

— А если онъ не совладаетъ со своей страстью...

— Этого быть не можетъ...

— Однако?

— Я помочь не могу...

— Но пожалѣть можете и пожалѣете, конечно?

— Положимъ... Что-жъ дальше... Къ чему вы это ведете?

— А если пожалѣете, то, пожалуй, и не оставите его, если не полюбите кого-нибудь другого.

— И буду опять его женой, хотите вы сказать? — негодующе спросила Маргарита Васильевна.

Невзгодинъ благоразумно промолчалъ и черезъ минуту мягко замѣтилъ:

— Жизнь не такъ проста, какъ кажется, Маргарита Васильевна, и человѣкъ не всегда поступаетъ такъ, какъ ему хочется... И вы простите, если я разсердилъ васъ... Увы! На мнѣ какой-то рокъ ссориться даже съ друзьями... Но, повѣрьте, я искренно буду радъ, если вы обрѣтете счастье хотя бы въ вашей личной жизни.

Онъ проговорилъ это съ подкупающей искренностью. Маргарита Васильевна нѣсколько смягчилась.

— Такъ вы не очень сердитесь, Маргарита Васильевна?

— Да вамъ не все ли это равно?

— Не совсѣмъ.

— Ну, такъ я скажу, что сержусь. Вы меня обидѣли! — взволнованно проговорила Маргарита Васильевна.

— Если и обидѣлъ, то невольно... Простите.

— Прощу, когда вы убѣдитесь, что я умѣю исполнять свои рѣшенія.

— Но все-таки пока не смотрите на меня, какъ на врага... И въ доказательство протяните руку.

Маргарита Васильевна протянула Невзгодину руку. Онъ почтительно ее поцѣловалъ.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

Невзгодинъ чувствовалъ, что Маргарита Васильевна все еще сердится, и наблюдалъ, какъ передергивались ея тонкія губы и въ глазахъ сверкалъ огонекъ.

И въ умѣ его проносилась картина будущаго примиренія супруговъ. Онъ раскается ей въ своемъ фразерствѣ, объяснитъ, почему онъ не герой, напугаетъ ее своей загубленной жизнью безъ нея и припадетъ къ ея ногамъ, выбравъ удобный психологическій моментъ. И она пожалѣетъ, быть-можетъ, такого красавца-мужа и отдастся ему изъ жалости, какъ отдавалась раньше изъ уваженія къ его добродѣтелямъ.

По крайней мѣрѣ, такъ будетъ утѣшать себя, не имѣя доблести сознаться, что въ ней такое же чувственное животное, какъ и въ другихъ...

А все-таки ему было жалко Маргариту Васильевну. И онъ припомнилъ, какія требованія предъявляла она къ жизни, когда была дѣвушкой, какъ высокомѣрно относилась она къ тѣмъ женщинамъ, которыя живутъ лишь одними интересами мужа и семьи, какъ хотѣлось ей завоевать независимость и выйти замужъ не иначе, какъ полюбивши какого-нибудь героя, и быть его товарищемъ... И вмѣсто этого — замужество по разсудку, изъ-за страха остаться старой дѣвой. Даже храбрости не было отдаться своему темпераменту, не рискуя своей свободой... И теперь неудовлетворенное честолюбіе несомнѣнно неглупой женщины, не знающей, куда приложить ей силы. Разочарованіе въ героизмѣ мужа, разбитая личная жизнь и постоянное резонерство, которое мѣшаетъ ей отдаваться непосредственно жизни и жить впечатлѣніями страстнаго своего темперамента, который онъ старался обуздать.

Невзгодину казалось, что онъ понималъ Маргариту Васильевну, и что она такая, какою онъ себѣ теперь представлялъ ее. Какъ далеко было это представленіе отъ прежняго, когда Невзгодинъ, влюбленный, считалъ Маргариту Васильевну чуть ли не героиней, способной удивить человѣчество.

И ему вдругъ стало жалко прежнихъ своихъ грезъ, точно съ ними улетала и его молодость. Вѣдь и его личная жизнь не особенно удачная. И онъ не любитъ ни одной женщины... да и вообще одинокъ. Счастье его, что въ немъ писательская жилка. Какъ бы скверно ему жилось на свѣтѣ безъ этой чудной творческой работы, которая по временамъ такъ захватываетъ его... И теперь, послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ Москвѣ, онъ чувствовалъ позывъ къ работѣ... Крайне сочувственное письмо, полученное имъ сегодня вмѣстѣ съ корректурами отъ редактора журнала, въ которомъ печаталась повѣсть Невзгодина, подбодрило его, и онъ рѣшилъ исправить и другую свою вещь и послать ее тому же редактору.

— Вы въ Москвѣ думаете оставаться, Маргарита Васильевна?—спросилъ наконецъ Невзгодинъ.

— Въ Москвѣ. Сперва поселюсь въ меблированныхъ комнатахъ, а потомъ, при возможности, найму квартиру... Уѣхать мнѣ нельзя. Тутъ у меня занятіе... Поближе къ редакціямъ быть лучше, а то, того и гляди, потеряешь работу... И наконецъ это новое дѣло... Не оставлю я его.

— И вы надѣетесь, что ваша мысль осуществится?

— Разумѣется, надѣюсь. Аносова уже обѣщала пятьдесятъ тысячъ.

— Обѣщала, но не дала?

— Что за противный скептицизмъ! Она не отступится отъ своего слова.

— Ну, положимъ, и не отступится. А еще на какихъ богачей надѣетесь?

— На Рябинина! Слышали про этого милліонера?

— Еще бы! Знаменитый фабрикантъ и безобразникъ. Имѣетъ гаремъ на фабрикѣ и въ то же время собирается, говорятъ, издавать газету въ защиту бѣдныхъ фабрикантовъ, которыхъ всѣ обижаютъ.

— Еще надѣюсь на Измайлову.

— На эту бывшую Мессалину и дисконтершу на покоѣ? Чего ради они дадутъ вамъ денегъ на устройство дома для рабочихъ? И кто васъ надоумилъ къ нимъ обратиться?

— Аглая Петровна.

— Она, этотъ министръ торговли въ юбкѣ? Въ такомъ случаѣ надо попытать счастья.

— Къ Рябинину я поѣду сама. А къ Измайловой надо послать мужчину.

— И это совѣтовала великолѣпная вдова?

— Да. И совѣтовала, чтобы къ ней обратился съ просьбой Николай Сергѣичъ.

— Отличный психологъ Аглая Петровна! Превосходно распредѣляетъ роли!—усмѣхнулся Невзгодинъ.

— Мужа я просить не хочу,—продолжала Маргарита Васильевна. — А вотъ если бы вы, Василій Васильичъ, не отказались помочь дѣлу и поѣхать къ Измайловой, то я была бы вамъ очень благодарна.

— Я? Съ моей тщедушной фигурой?—воскликнулъ, смѣясь, Невзгодинъ.—Да вы, видно, хотите провалить дѣло, посылая меня, Маргарита Васильевна! Измайлова со мной и говорить-то не захочетъ.

— Полно смѣяться. Я васъ серьезно прошу.

— Да я не отказываюсь. Отчего и не посмотрѣть на Мессалину, обратившуюся въ мумію.

— Такъ поѣзжайте. А я вамъ достану отъ Аглаи Петровны рекомендательное письмо. Кстати, вы и писатель... А Измайлова ихъ уважаетъ...

— Извольте, я поѣду, но, если даже и обѣщанія не привезу, вина не моя.

Въ эту минуту двери безшумно отворились, и на порогѣ появилась Катя съ докладомъ, что самоваръ готовъ.

— Вотъ чудный вѣстникъ! Я ужасно чаю хочу!—проговорилъ Невзгодинъ, поднимаясь вслѣдъ за хозяйкой, чтобъ идти въ столовую.

И снова Катя была обманута въ ожиданіяхъ.

Ея быстрый взглядъ, давно изощрившійся все видѣть во время внезапныхъ появленій въ комнату, когда въ ней сидятъ вдвоемъ хозяйка и гость, не уловилъ никакихъ признаковъ любовной атмосферы, и лица и положенія обоихъ собесѣдниковъ не внушили никакихъ подозрѣній даже и Катѣ, знавшей по опыту, какъ горячо цѣлуютъ въ какую-нибудь короткую секунду самые почтенные мужья въ коридорѣ, почти на глазахъ у женъ.

Но она все-таки не теряла надежды узнать «всю правду».

Маргарита Васильевна стала разливать чай, продолжая разговаривать съ Невзгодинымъ. Они теперь говорили о статьѣ въ «Старѣйшихъ Извѣстіяхъ» и хвалили письмо Косицкаго и сдержанный отвѣтъ оклеветанныхъ. Несмотря на то, что Катя нарочно подала два стакана, Маргарита Васильевна даже и не подумала спросить: дома ли мужъ и не хочетъ ли чаю?

Это отношеніе къ мужу рѣшительно возмутило горничную.

«Они пьютъ - себѣ чай и закусываютъ, а бѣдный Николай Сергѣичъ сидитъ - себѣ одинъ - одинешенекъ, точно оплеванный!»—подумала Катя, стоявшая въ коридорѣ и жадно прислушивавшаяся къ тому, что̀ говорятъ въ столовой.

И она прошла къ кабинету и пріотворила двери.

Николай Сергѣевичъ попрежнему сидѣлъ за письменнымъ столомъ, откинувшись въ креслѣ.

Тогда Катя, оправивъ волосы, вошла въ комнату и тихо приблизилась къ профессору. При видѣ его подавленнаго, грустнаго, слегка осунувшагося лица, ей сдѣлалось безконечно жалко Николая Сергѣевича.

— Что̀ вамъ, Катя?—спросилъ Зарѣчный.

— Чаю не угодно ли, баринъ? Только-что самоваръ барынѣ подала!—говорила Катя какъ-то особенно почтительно-нѣжно, взглядывая робко и въ то же время значительно на Зарѣчнаго.

— А барыня вернулась?

— Недавно вернулись вмѣстѣ съ г. Невзгодинымъ... Они въ столовой.

Зарѣчный поморщился, точно отъ боли.

«Опять этотъ Невзгодинъ!»—подумалъ онъ.

— Такъ прикажете чаю, Николай Сергѣичъ? Можетъ, и кушать хотите... Я вамъ сюда подамъ, если вамъ неугодно выйти... Въ одну минуту все сдѣлаю.

— Я ничего не хочу.

Зарѣчный поднялъ глаза на заалѣвшее хорошенькое и свѣжее лицо горничной и вдругъ перехватилъ такой восторженный и пламенный взглядъ, что тотчасъ отвелъ глаза въ сторону, нѣсколько удивленный и сконфуженный, и проговорилъ неожиданно для самого себя мягко:

— Спасибо, Катя. Вы... вы услужливая дѣвушка.

— Что̀ вы, баринъ? За что благодарите? Да развѣ вы не видите, что для васъ я что̀ угодно готова сдѣлать. Только прикажите!—прибавила она почти шопотомъ.

— Ну, такъ сдѣлайте мнѣ поскорѣе постель! — полушутя приказалъ Зарѣчный, дѣлая видъ что не замѣчаетъ горячаго тона Кати.

— Опять здѣсь прикажете?—съ едва уловимой насмѣшкой въ голосѣ спросила она.

— Здѣсь! — отвѣтилъ, не поднимая глазъ, Зарѣчный, чувствуя, что этотъ вопросъ заставилъ его покраснѣть и сильнѣе почувствовать стыдъ своего положенія вдовца при жѐнѣ.

И, словно бы желая скрыть это обидное положеніе, прибавилъ:

— Я усталъ и лягу пораньше... И, кромѣ того, мнѣ необходимо раньше завтра встать!—говорилъ Николай Сергѣевичъ, внутренно стыдясь, что онъ долженъ врать передъ горничной.—Вы можете разбудить меня въ шесть часовъ?—неожиданно спросилъ онъ строгимъ голосомъ.

— Когда угодно, баринъ.

— Такъ разбудите, пожалуйста.

— Будьте покойны, разбужу. Покойной ночи, баринъ. И дай вамъ Богъ пріятныхъ сновъ.

Она не уходила, точно ожидая чего-то.

— Можете идти, Катя. Больше мнѣ ничего не нужно!—сказалъ Зарѣчный.

Катя подавила вздохъ и медленно вышла.

Николай Сергѣевичъ однако не ложился. Онъ поднялся съ кресла и, пріоткрывъ двери, прислушивался къ разговору въ столовой. Оттуда временами долетали фразы незначащаго разговора, и это нѣсколько успокаивало Зарѣчнаго. Скоро онъ услыхалъ, что Невзгодинъ прощается... Онъ взглянулъ на часы... половина перваго... «Значитъ, не особенно долго сидѣлъ... рѣрно, Рита разсказала ему, что бросаетъ меня!»

И ЗаВѣчный чувствовалъ себя несчастнымъ, одинокимъ и немножко виноватымъ передъ Ритой.

«Нѣтъ, одно спасеніе въ работѣ, въ наукѣ!»—думалъ онъ когда легъ въ постель, и сладко потянулся, расправляя усталые члены.

И Рита, и Найденовъ съ его унизительнымъ разговоромъ, и этотъ юноша-идеалистъ, и подлая статья, и книга, которую надо кончить, и Невзгодинъ, и Сбруевъ занимали его мысли и ставили передъ нимъ вопросы, о которыхъ онъ прежде не думалъ, когда считалъ себя счастливымъ, и словно бы не замѣчалъ въ себѣ той двойственности, о которой съ такою страстностью напомнилъ ему Медынцевъ. Довольно фразъ... Онъ за нихъ достаточно наказанъ...

И вся суетливая дѣятельность его внѣ университета казалась теперь ему ненужной, безцѣльной и опасной. Изъ-за пустяковъ можно лишиться положенія. «Былъ Зарѣчный, и нѣтъ Зарѣчнаго!»—припомнилъ онъ насмѣшливыя слова Найденова и проникся ихъ вѣскостью, откровенно признаваясь самому себѣ, что онъ трусъ, скрывающій отъ людей эту трусость рѣчами о компромиссѣ.

Наконецъ все какъ-то перепуталось въ его мозгу, потеряло ясность, и онъ заснулъ съ мыслью о томъ, что надо заниматься одной наукой, которая представилась ему вдругъ въ лучезарномъ образѣ Риты.

Зарѣчный проснулся отъ свѣта, падавшаго ему въ глаза, и оттого, что чья-то мягкая, теплая и вздрагивающая рука осторожно дергала его за плечо.

Проснувшись, онъ увидалъ наклонившуюся надъ нимъ Катю въ капотѣ, плотно облегавшемъ красивыя формы ея крѣпкаго стана. Она смотрѣла на него съ нѣжной вызывающей улыбкой. Оголенная бѣлая рука держала свѣчку, свѣтъ которой освѣщалъ заалѣвшееся пригожее лицо съ лукавыми черными глазами...

— Вставайте, баринъ... Шесть часовъ... Вы велѣли разбудить васъ!—говорила она ласковымъ шопотомъ, запахивая воротъ капота, изъ-подъ котораго виднѣлась чистая сорочка.

Зарѣчный закрылъ глаза, будто собираясь заснуть.

— Вставайте же, милый баринъ! — настойчиво повторила дѣвушка, еще ниже наклоняясь надъ Зарѣчнымъ и обдавая его лицо горячимъ дыханіемъ.

Вмѣсто отвѣта онъ протянулъ руку и грубо и властно обхватилъ ея талію и привлекъ къ себѣ.

— О, милый баринъ!—шептала Катя, осыпая профессора страстными поцѣлуями.

Въ десять часовъ, когда Николай Сергѣевичъ, напившись чаю, уходилъ въ университетъ, Катя съ еще большею почтительностью подала ему шубу и держала себя такъ, словно бы ничего между ними и не было.

Молодой профессоръ старался не глядѣть на Катю. Онъ былъ сконфуженъ, сознавая себя виноватымъ и словно бы осквернившимъ свою любовь къ Ритѣ, и въ то же время чувствовалъ себя въ это утро какъ бы спокойнѣе, уравновѣшеннѣе и не такимъ несчастнымъ.

Конечно, онъ оправдывалъ себя и во всемъ винилъ Катю, вздумавшую будить его вмѣсто того, чтобы стучаться въ дверь, и рѣшилъ, что больше этой вспышки звѣря не повторится въ немъ. Однако въ тотъ же вечеръ, когда Катя готовила ему постель, онъ какъ-то особенно внимательно смотрѣлъ на ея розоватый затылокъ и, когда она пожелала ему покойной ночи, снова приказалъ разбудить себя въ шесть часовъ.

Катя метнула глазами, вся вспыхивая отъ радости, и почтительно-офиціальнымъ тономъ отвѣтила:

— Слушаю, баринъ!

XXI.

Съ того вечера, какъ Аглая Петровна приглашала Невзгодина къ себѣ и, милостиво подаривъ его своей неотразимо-чарующей улыбкой, подчеркнула желаніе видѣть Василія Васильевича какъ можно скорѣй, — прошло болѣе двухъ недѣль, а Невзгодинъ и не думалъ ѣхать къ «великолѣпной вдовѣ».

Она ждала Невзгодина съ нетерпѣніемъ, дививщимъ ее. Одѣтая съ большей кокетливостью, чѣмъ обыкновенно одѣвалась дома, Аглая Петровна, какъ институтка, подбѣгала къ окнамъ и смотрѣла на дворъ. Послѣ нѣсколькихъ дней напраснаго ожиданія желаніе красавицы-вдовы видѣть Невзгодина еще болѣе усилилось. Обыкновенно спокойная, не знавшая никакихъ волненій, кромѣ коммерческихъ, Аглая Петровна сдѣлалась нервной, возбужденной и раздражительной, негодуя, что Невзгодинъ не ѣдетъ послѣ такого любезнаго приглашенія, какимъ она его удостоила.

И—что̀ было всего удивительнѣе—даже за дѣловыми занятіями въ своей уютной «клѣтушкѣ», Аглая Петровна по временамъ испытывала непривычную доселѣ скуку и, всегда точная и аккуратная, бывала разсѣянна.

Въ дѣловомъ разговорѣ порой не слышалось прежней ясной краткости. Ея крупная холеная рука откидывала невѣрно костяжки. Цифры путались въ ея умѣ. Вмѣсто нихъ въ головѣ роились совсѣмъ другія мысли.

Она гнѣвалась на эти «шалости нервовъ» и капризы властнаго своего характера. Не влюбилась же она, въ самомъ дѣлѣ, въ Невзгодина! И тѣмъ не менѣе женское самолюбіе ея

было жестоко оскорблено его презрительнымъ невниманіемъ, и въ ней, богачихѣ, дочери и внучкѣ крутыхъ самодуровъ, привыкшей къ тому, чтобы желанія и капризы ея исполнялись, зарождалось къ Невзгодину какое-то сложное чувство ненависти и въ то же время неодолимаго желанія видѣть его.

Онъ долженъ во что бы то ни стало быть у нея!

Этотъ капризъ рѣшительно овладѣлъ Аглаей Петровной. Деспотическая ея натура не поддавалась никакимъ доводамъ ума. Она понимала всю нелѣпость своего самодурства и плакала отъ злости, что Невзгодинъ не ѣдетъ.

Написать ему?

Ни за что на свѣтѣ. Одна мысль объ этомъ вызывала въ Аглаѣ Петровнѣ негодованіе.

Чтобъ этотъ легкомысленный, непутевый человѣкъ смѣлъ подумать, что она имъ интересуется, она, которая съ горделивымъ равнодушіемъ относится къ своимъ многочисленнымъ поклонникамъ и тайнымъ вздыхателямъ, которые не чета Невзгодину. Да поведи она бровью, и у ея ногъ были бы извѣстные профессора, литераторы, художники, чиновные люди, купцы-милліонеры. И вдругъ этотъ «мартышка» безъ рода и племени, этотъ нищій фантазеръ безъ положенія, осмѣлится вообразить, что въ него влюблены — скажите, пожалуйста!

Прошла недѣля.

Аглая Петровна была въ театрѣ у итальянцевъ, была на бенефисѣ въ Маломъ театрѣ, надѣясь встрѣтить Невзгодина, и наконецъ поѣхала отдать визитъ Зарѣчной, разсчитывая отъ нея узнать что-нибудь о Невзгодинѣ. Вѣрно, онъ съ ней часто видится.

Но нигдѣ она его не видѣла, а Маргарита Васильевна могла только сообщить, что Василій Васильичъ точно въ воду канулъ и глазъ къ ней не кажетъ съ тѣхъ поръ, какъ былъ болѣе недѣли тому назадъ. И вообще изъ разговора съ Зарѣчной Аглая Петровна заключила, что между Маргаритой Васильевной и Невзгодинымъ пробѣжала кошка. По крайней мѣрѣ Зарѣчная, какъ показалось Аглаѣ Петровнѣ, довольно сдержанно говорила о своемъ пріятелѣ.

— А онъ мнѣ нуженъ,—замѣтила Аглая Петровна: — потому я и спрашиваю о немъ. Хочу просить его читать на благотворительномъ концертѣ, — внезапно сочинила она. — Кстати, вы слышали его повѣсть. Хороша она?

— Онъ не читалъ еще мнѣ. И мнѣ онъ нуженъ, если только вы дадите ему рекомендательное письмо къ Измайловой...

— Вы его хотите послать вмѣсто мужа?

— Да.

— Что же, Николай Сергѣичъ не хочетъ ѣхать?

— Онъ занятъ очень...

— Такъ пошлите Невзгодина ко мнѣ. Я дамъ ему письмо.

— Я адреса его не знаю...

— Можно справиться въ адресномъ столѣ. Кстати напишите ему и о концертѣ...

— А Невзгодинъ у васъ развѣ еще не былъ? — въ свою очередь спросила Маргарита Васильевна.

— То-то не удостоиваетъ!—смѣясь, отвѣчала Аносова.

— Онъ, кажется, собирался...

Аглая Петровна распрощалась, цѣлуя Маргариту Васильевну съ прежней искренностью. Повидимому, Аносова возвратила ей свое расположеніе, заключивъ, что подозрѣнія, охватившія ее на юбилейномъ обѣдѣ, невѣрны.

«Между ними, кажется, ничего нѣтъ!»— подумала Аглая Петровна. Эта мысль была ей пріятна, и Аносова, уходя, снова подтвердила Маргаритѣ Васильевнѣ, что дастъ пятьдесятъ тысячъ, и совѣтовала поскорѣй послать Невзгодина къ Измайловой, а самой Маргаритѣ Васильевнѣ ѣхать къ Рябинину.

— Я на-дняхъ была у него. Его нѣтъ въ Москвѣ.

— Ну, такъ попытайтесь у Измайловой... Письмо къ ней я сегодня же напишу... Напишите и вы Невзгодину... Пусть явится за нимъ... Ну, до свиданія, родная!

Прошло еще три дня, а Невзгодинъ не являлся.

Аглая Петровна злилась, чувствуя безсиліе свое удовлетворить свой капризъ.

«Быть-можетъ, онъ уѣхалъ!»—мелькнуло у нея въ головѣ, и она почувствовала, что отъѣздъ Невзгодина не вернулъ бы ей прежняго спокойствія.

Что это съ ней дѣлается наконецъ! Какое безуміе нашло на нее?—спрашивала она себя, сидя раннимъ утромъ за письменнымъ столомъ въ своей «клѣтушкѣ» за объемистой запиской о постройкѣ новой фабрики, поданной однимъ изъ ея управляющихъ.

И она два раза надавила пуговку электрическаго звонка.

На порогѣ явился, по обыкновенію безшумно, старый Кузьма Ивановичъ и, отвѣсивъ низкій поклонъ, замеръ въ почтительной позѣ.

Увѣренная въ томъ, что Кузьма Ивановичъ преданъ ей, какъ собака, и умѣетъ быть нѣмымъ, какъ рыба, Аглая Петровна дала старику порученіе «осторожно узнать», въ

Москвѣ ли господинъ Невзгодинъ, и если въ Москвѣ, то навести справки, какъ онъ проводитъ время и гдѣ бываетъ.

— Понялъ, Кузьма Иванычъ?

— Понялъ, матушка Аглая Петровна. Наведу справки, какъ слѣдуетъ, безъ огласки.

На другое же утро Кузьма Ивановичъ докладывалъ въ «клѣтушкѣ» своимъ тихимъ, слегка скрипучимъ голосомъ, такимъ же безстрастнымъ, какъ и его худощавое, безбородое лицо:

— Господинъ Василій Васильичъ Невзгодинъ находятся въ Москвѣ. Они никуда не отлучались изъ своей комнаты въ теченіе свыше двухъ недѣль и денно и нощно занимаются по письменной части. Пишутъ все и довольно много исписали бумаги. И кушаютъ пищу у себя, пребывая въ одиночествѣ, и никто у нихъ не былъ, и никого не велѣли они принимать.

— Спасибо, Кузьма Иванычъ!.. — проговорила Аглая Петровна.

И, когда Кузьма Ивановичъ ушелъ, она облегченно вздохнула и, поднявъ глаза, свѣтившіеся теперь радостнымъ блескомъ, на лампадку, истово осѣнила себя три раза крестомъ.

XXII.

На Невзгодина нашелъ рабочій писательскій стихъ.

Онъ заперся въ своей маленькой неуютной комнатѣ въ верхнемъ этажѣ меблированнаго дома, подъ громкимъ названіемъ «Севильи», и, казалось, забылъ всѣхъ своихъ знакомыхъ.

Возбужденный, съ приподнятыми нервами и съ повышенной впечатлительностью, онъ писалъ съ утра до поздней ночи, отрываясь отъ письменнаго стола лишь для того, чтобы снова думать о работѣ, захватившей молодого писателя всего.

Невзгодинъ поблѣднѣлъ и осунулся. Его впавшіе, лихорадочно блестѣвшіе глаза придавали сосредоточенно-напряженному выраженію лица видъ нѣсколько помѣшаннаго. Онъ работалъ запоемъ уже вторую недѣлю, но почти не чувствовалъ физической усталости, не замѣчалъ, что дышитъ ужаснымъ воздухомъ, пропитаннымъ ѣдкимъ табачнымъ дымомъ, и, не выпуская изо рта папироски, исписывалъ своимъ твердымъ, размашистымъ почеркомъ листы за листами, отдаваясь во власть творчества съ его радостями и муками.

И какъ много было этихъ мукъ!

По временамъ Невзгодинъ приходилъ просто въ отчаяніе отъ безсилія передать въ яркомъ образѣ или выразить въ вѣ-

щемъ словѣ то, что̀ такъ ясно носилось въ его головѣ и что̀ такъ сильно чувствовалось.

А между тѣмъ слова, ложившіяся на бумагу, казались блѣдными, безжизненными, совсѣмъ не тѣми, которыя могли удовлетворить художественное чутье сколько-нибудь требовательнаго писателя. Онъ это чувствовалъ.

— Не то, не то!—шепталъ Невзгодинъ, мучительно неудовлетворенный.

Онъ рвалъ начатые листы и нервно ходилъ въ маленькой комнатѣ, точно звѣрь по клѣткѣ, ходилъ минуты и часы, не замѣчая ихъ, пока сцена или выраженіе, которыхъ онъ искалъ, не озаряли его мозга какъ-то внезапно и совсѣмъ не такъ, какъ онъ думалъ.

Тогда, счастливый, съ просвѣтленнымъ лицомъ, Невзгодинъ снова садился къ столу и писалъ радостно, быстро и увѣренно, не столько сознавая, сколько чувствуя всѣмъ своимъ существомъ правдивость и жизненность того, что̀, казалось, такъ неожиданно и такъ легко явилось въ его головѣ.

И сколько передѣлывалъ, переписывалъ, зачеркивалъ и сокращалъ Невзгодинъ, искавшій жизни и правды, изящества формы и точности выраженій. Какъ часто надежда въ немъ смѣнялась сомнѣніемъ, сомнѣніе—надеждой, что онъ не лишенъ дарованія, что можетъ писать и напишетъ вещь куда лучше, чѣмъ «Тоска».

Но такъ или иначе, а онъ не можетъ не писать.

Несмотря на всѣ муки творчества, несмотря на авторскую неудовлетворенность, онъ испытываетъ великое наслажденіе въ этой работѣ, въ этой жизни жизнью лицъ, созданныхъ обобщеніемъ непосредственныхъ наблюденій. Во время работы ему дороги и близки эти лица, все равно —хороши ли они или дурны, умны или глупы, лишь бы они были жизненны и иллюстрировали жизнь такою, какою она ему представляется, со всѣми ея ужасами пошлости, лицемѣрія и лжи, которыя онъ чувствуетъ, испытывая неодолимую потребность передать все это на бумагѣ.

Такъ нерѣдко думалъ Невзгодинъ и теперь и въ Парижѣ, когда началъ свое писательство и послѣ долгихъ колебаній послалъ одно изъ своихъ произведеній въ журналъ, наиболѣе ему симпатичный по направленію.

Извѣщеніе изъ конторы журнала—сухое и лаконическое—о томъ, что его повѣсть принята и будетъ напечатана въ январской книжкѣ, обрадовало Невзгодина, но далеко не разрѣшило его сомнѣній насчетъ писательскаго таланта. Онъ никому не читалъ своихъ вещей, и когда его жена, въ Парижѣ,

какъ-то узнала, что онъ пишетъ повѣсть, то высокомѣрно посовѣтовала ему лучше «бросить эти глупости» и прилежнѣй заниматься химіей. Но онъ не бросалъ и въ одной изъ своихъ повѣстей, незадолго до «расхода» съ женой, нарисовалъ типичную фигуру трезвенной, буржуазной студентки, прототипомъ которой послужила ему супруга.

Когда Невзгодинъ увидалъ въ корректурныхъ листахъ свою «Тоску», онъ въ первыя минуты испыталъ невыразимое чувство радостной удовлетворенности автора, впервые увидавшаго свое произведеніе напечатаннымъ. Онъ не прочелъ, а скорѣе проглотилъ свою повѣсть, и ему казалось, что редакторъ писалъ не просто одобряющіе комплименты начинающему писателю, находя ее свѣжей, интересной и талантливой въ своемъ письмѣ, полученномъ одновременно съ корректурой. И Невзгодину нравилась въ печати его «Тоска» послѣ перваго чтенія, хотя и далеко не такъ, какъ въ то время, когда онъ ее писалъ, переживая самъ настроеніе, приписанное герою повѣсти. Тогда это настроеніе и тоскливый пессимизмъ, скрывающій подъ собою жажду идеала, во имя котораго стоило бы бороться, казались ему значительнѣе, оригинальнѣе и свѣжѣе, и онъ думалъ, что затрогиваетъ что-то новое, чего раньше не говорилось, что его «Тоска» откроетъ многимъ истинныя причины недовольства жизнью.

Но когда въ тотъ же вечеръ Невзгодинъ принялся читать свою повѣсть для правки, внимательно, строку за строкой, вчитываясь въ каждое слово, то впечатлѣніе получилось другое. Авторъ рѣшительно былъ смущенъ и недоволенъ. Образы казались ему теперь недостаточно выпуклыми, характеры— неопредѣленными, общій тонъ приподнятымъ, идея повѣсти далеко не новой, а форма небрежной и требующей отдѣлки.

Двѣ-три сцены во всей повѣсти еще ничего себѣ; въ нихъ чувствовалась жизнь, но въ общемъ... Господи! Какъ это все несовершенно и неинтересно, какъ непохоже на то, чего онъ ожидалъ и что̀ въ повѣсти было ему такъ дорого, такъ близко.

А вдобавокъ ко всему редакторъ обвелъ нѣсколько мѣстъ краснымъ карандашомъ и въ письмѣ пишетъ, что онѣ невозможны въ цензурномъ отношеніи; ихъ надо исключить совсѣмъ.

У Невзгодина явилось желаніе передѣлать всю повѣсть. Но необходимо было вернуть корректуры черезъ день, и авторъ могъ только исправить слогъ, сократить длинноты; онъ послалъ свое дѣтище, почти-что чувствуя къ нему ненависть.

Сравнивая свою «Тоску» съ тѣми произведеніями, которыя печатаются въ журналахъ, Невзгодинъ находилъ ее не хуже

другихѣ, но, когда онъ вспоминалъ мастеровъ слова, какъ Левъ Толстой, ничтожность его «Тоски» казалась ему очевидной, и въ эти минуты онъ сожалѣлъ, что она будетъ напечатана.

«И какъ же ее разругаютъ!»

«Но не всѣмъ же быть Толстыми или Шекспирами. Тогда никому и писать нельзя. И наконецъ редакторъ не первый встрѣчный, а извѣстный писатель. Не станетъ же онъ хвалить окончательно плохую вещь? Быть-можетъ, я слишкомъ требовательный къ себѣ авторъ и не могу отнестись къ своей работѣ безпристрастно?»

Такъ утѣшалъ себя Невзгодинъ.

И неудачная, въ глазахъ его, работа вызвала въ немъ желаніе написать что-нибудь лучшее. Что-то въ немъ говорило, что онъ можетъ это сдѣлать—надо только упорно работать надъ своими вещами, отдѣлывать ихъ, добиваться правды и жизни...

Невзгодина потянуло къ писанію. Онъ сталъ пересматривать свои рукописи, и одна изъ нихъ показалась ему стоящей переработки. Тема интересная.

Невзгодинъ принялся-было передѣлывать написанный разсказъ, но вмѣсто того сталъ писать заново. И новый совсѣмъ не походилъ на прежній.

Наконецъ разсказъ былъ оконченъ вчернѣ, и Невзгодинъ сталъ переписывать рукопись. И снова исправлялъ и передѣлывалъ.

Въ это время, какъ-то утромъ, коридорный подалъ Невзгодину письмо.

Оно было отъ Маргариты Васильевны. Она передавала приглашеніе Аносовой участвовать въ литературномъ чтеніи и просила поскорѣй съѣздить къ Аглаѣ Петровнѣ за рекомендательнымъ письмомъ къ Измайловой и побывать у богатой купчихи. Въ припискѣ Маргарита Васильевна пеняла, что Невзгодинъ совсѣмъ ее забылъ.

Невзгодинъ былъ раздраженъ, что его отрываютъ отъ работы, и довольно сухо отвѣтилъ, что онъ, конечно, на литературномъ вечерѣ участвовать не будетъ и удивляется, съ чего это «великолѣпная вдова» зоветъ читать начинающаго писателя. Что же касается до визита къ Измайловой, то онъ поѣдетъ къ ней черезъ недѣлю. Раньше невозможно.

Въ концѣ третьей недѣли затворничества Невзгодина, разсказъ окончательно переписанъ два раза четкимъ красивымъ почеркомъ на четвертушкахъ парижской синей бумаги и почти безъ помарокъ. Авторъ перечитываетъ рукопись. Ему кажется, что вышло недурно.

Радостный и веселый, словно бы онъ внезапно отдѣлался отъ какой-то болѣзни или освободился отъ гнетущаго обязательства, онъ бережно прячетъ рукопись и отъ чаръ фантазіи возвращается въ міръ дѣйствительности. Онъ забываетъ всѣхъ своихъ героевъ, съ которыми жилъ въ теченіе трехъ недѣль, словно до нихъ ему нѣтъ ужъ болѣе дѣла, и только теперь чувствуетъ, какъ онъ разбитъ и утомленъ послѣ долгой, непрерывной работы. Спина болитъ, нервы болѣзненно напряжены. И онъ доволенъ, какъ ребенокъ, что работа кончена, и жаждетъ отдыха, развлеченія. Ему снова хочется знать, что̀ дѣлается на свѣтѣ, и видѣть людей.

Только теперь Невзгодинъ обратилъ вниманіе на обстановку, въ которой онъ работалъ, не замѣчая ея... Въ его комнатѣ грязь была невозможная. Повсюду пыль. Воздухъ спертый, пропитанный табакомъ. Письменный столъ заваленъ окурками... На полу соръ и листы разорванной бумаги. Кровать не убрана.

«Скорѣе вонъ, на воздухъ!»—рѣшилъ Невзгодинъ, удивляясь, какъ онъ могъ не замѣчать всего этого свинства.

Онъ надавилъ пуговку звонка. Прошло добрыхъ пять минутъ, пока явился коридорный Петръ, молодой человѣкъ меланхолическаго вида, въ засаленномъ сюртукѣ.

— Ну, Петръ, окончилъ работу! — весело воскликнулъ Невзгодинъ.—Теперь можете прибрать. Видите, какая вездѣ гадость.

— То-то грязновато. Да вѣдь вы сами приказывали не мѣшать. Я и не мѣшалъ. И, осмѣлюсь спросить, много вы получите за эти ваши сочиненія?

— За то, что̀ теперь написалъ?

— Такъ точно-съ.

— Да, думаю, рублей триста дадутъ.

— Это за писанье-то?—недовѣрчиво протянулъ Петръ.

— Да.

— Такъ я бы, Василій Васильичъ, на вашемъ мѣстѣ все сидѣлъ бы да писалъ. Деньжищъ-то за годъ сколько!

— Попали бы въ сумасшедшій домъ, Петръ!—засмѣялся Невзгодинъ.—Я вотъ три недѣли работалъ, и то спина болитъ. Почистите-ка мнѣ ботинки да принесите воды.

Петръ вышелъ и скоро вернулся съ водой и налилъ ее въ умывальникъ.

— Когда я уйду, вы ужъ, пожалуйста, хорошенько уберите комнату, Петръ!—говорилъ Невзгодинъ, умываясь.

— Форменно уберу, какъ слѣдуетъ къ празднику.

— Къ какому?

— А вы, видно, баринъ, за работой и забыли, что сегодня сочельникъ!

— И впрямь забылъ...

— А кушать сегодня дома будете?.. Уже пятый часъ, а вы не обѣдали.

— Сегодня я вашей дряни не буду ѣсть. Сегодня я кутну, Петръ, и пообѣдаю гдѣ-нибудь въ порядочномъ трактирѣ по случаю окончанія работы... А что же ботинки?

Петръ взялъ ботинки изъ-подъ кровати, обтеръ пыль и проговорилъ:

— Чищены, Василій Васильичъ... Блестятъ... Такъ вы говорите—триста рублей?

— Другіе и больше получаютъ...

— За такую легкую работу? Сиди да пиши!

— Попробуйте-ка... А у меня былъ кто-нибудь за это время?

— Только вчера одна дама спрашивала. Не допустилъ, какъ вы приказывали. Сказалъ: сочиняютъ, молъ.

— Спасибо, что не пустили, только впередъ говорите просто, что занятъ... А карточки дама не оставила?

— Нѣтъ-съ. Если опять придутъ, принимать?

— Примите.

Невзгодинъ кончилъ мыться и, утирая лицо, кинулъ вопросъ:

— А дама старая или молодая?

— Средственная, но только очень видная. И фасонисто одѣтая.

— Худощавая? Блондинка?—спрашивалъ Невзгодинъ, предполагая, что заходила Маргарита Васильевна.

— Нѣтъ-съ. Въ полной комплекціи, какъ слѣдуетъ, и брунетистая... Съ пинснетомъ...

— Странно. Кто бы могъ быть?

Петръ, любившій-таки поболтать, стоялъ у притолоки и посматривалъ, какъ Невзгодинъ одѣвается.

Онъ недовѣрчиво усмѣхнулся словамъ Невзгодина и промолвилъ:

— Очень даже бельфамистая дама, Василій Васильичъ.

И, помолчавъ, прибавилъ увѣренно:

— Онѣ безпремѣнно въ скорости придутъ.

— Почему вы думаете?

На длинноносомъ, прыщеватомъ лицѣ долговязаго коридорнаго мелькнула тонкая улыбка, и онъ значительно отвѣтилъ:

— Хоть я и необразованнаго званія человѣкъ, а кое-что слава Богу, могу понимать, Василій Васильичъ. Барыня очень

настоятельно желала васъ видѣть и выспрашивала, когда вы можете принять и вообще—по какой причинѣ не принимаете и здоровы ли. Обстоятельно выспросила.

— Что̀ же вы сказали?

— Сказалъ: никуда, молъ, не выходитъ и все сочиняетъ, а когда примутъ, неизвѣстно. Какъ, молъ, окончатъ сочинять.

— А она?

— Усмѣхнулась. Ежели безъ васъ придутъ, какъ обнаде жить, Василій Васильичъ?

— Скажите, что завтра утромъ до двѣнадцати я дома.

— Слушаю-съ. А изъ пятьдесятъ второго номера актерка сбѣжала!—доложилъ Петръ, почему-то сообщавшій Невзгодину обо всѣхъ событіяхъ въ «Севильѣ».

— Какъ сбѣжала?

— Очень просто.

— Въ чемъ же это ваше «очень просто»?

— За два мѣсяца не заплатила и... тю-тю. Довольно даже ловко... и съ чемоданами. А хозяинъ озлился—бѣда! Ищи-ка, сдѣлай одолженіе!—говорилъ Петръ, повидимому, сочувствовавшій «актеркѣ», помогая Василію Васильевичу надѣть пальто

XXIII.

Съ видомъ счастливаго школьника, вырвавшагося на свободу, вышелъ Невзгодинъ изъ своей грязной комнаты.

Ему было какъ-то весело и легко послѣ усидчивой работы. Впереди предстояла близкая получка гонорара, а пятьдесятъ рублей, бывшіе у него въ карманѣ, и незаложенные золотые часы вполнѣ поддерживали бодрое настроеніе духа такого богемы по натурѣ, какимъ былъ Невзгодинъ. Онъ глядѣлъ на будущее безъ страха и боязни и не особенно думалъ о какихъ-нибудь постоянныхъ занятіяхъ, надѣясь, что писательство, если пойдетъ удачно, его прокормитъ... Много ли ему надо?

Онъ беззаботно насвистывалъ какой-то мотивъ, предвкушая удовольствіе побыть на людяхъ, какъ вдругъ изъ-за поворота коридора показалась высокая, полная женская фигура и шла прямо на него.

— Та самая, что̀ были вчера!—не безъ торжества шепнулъ Петръ, слѣдовавшій сзади.

Невзгодинъ остановился, пересталъ свистать и вглядывался въ приближавшуюся барыню, которая такъ очаровала Петра.

Въ полутьмѣ коридора онъ не могъ разглядѣть ея лица, но въ ея высокой полноватой фигурѣ и особенно въ походкѣ, слегка переваливающейся, было что-то близко знакомое.

— Вы меня не узнали, Невзгодинъ? — произнесла дама, приблизившись къ нему и протягивая съ товарищескою безцеремонностью руку въ черной лайкѣ. — Окончили сочинять, какъ выражается вашъ Лепорелло? Надѣюсь, пожертвуете мнѣ нѣсколько минутъ. Я къ вамъ по дѣлу и очень рада васъ видѣть!—мягко прибавила она.

Съ первыхъ же звуковъ этого твердаго, увѣреннаго и нѣсколько рѣзковатаго голоса, въ которомъ едва слышна была веселая, покровительственно-ироническая нотка, Невзгодинъ узналъ свою жену.

Онъ не испытывалъ ни малѣйшаго непріязненнаго чувства при видѣ этой, когда-то очень близкой ему женщины, съ которой такъ легкомысленно сошелся, плѣнившись, подъ вліяніемъ хандры и одиночества на чужбинѣ, ея разсудительностью, практичностью, упорнымъ трудолюбіемъ въ занятіяхъ наукой и—главное—здоровой, свѣжей красотой, вызывающей своей кажущейся невозмутимостью. Онъ, въ свою очередь, тоже радъ былъ увидать жену, съ которой, благодаря ея такту и уму, разошелся такъ хорошо и такъ основательно, безъ сценъ, безъ взаимныхъ упрековъ, послѣ короткаго супружества, показавшаго, какъ чужды они другъ другу по характеру, взглядамъ, уму, привычкамъ.

Невзгодинъ и раздражался, бывало, и ѣдко подсмѣивался, когда она донимала его поученіями объ умѣренности и аккуратности, но никогда не обвинялъ ее серьезно и не чувствовалъ ненависти, понимая упрямое упорство ея сильнаго характера, съ какимъ она хотѣла подчинить себѣ мужа, разсчитывая сдѣлать изъ него такого же трезвеннаго, уравновѣшеннаго человѣка, какимъ была сама. Онъ скучалъ съ ней, но не могъ ее не уважать за послѣдовательность. Онъ зналъ, что и она считала замужество ошибкой, мѣшающей ея занятіямъ, и былъ благодаренъ ей за правдивость, съ какою она въ этомъ призналась, ни на минуту не представляясь жертвой.

Очутившись теперь лицомъ къ лицу съ женой, Невзгодинъ оставался въ прежнемъ веселомъ настроеніи. Только къ этому настроенію прибавилось что-то иронически-добродушное и вмѣстѣ съ тѣмъ любопытное, точно онъ ждалъ, что жена, какъ бывало въ Парижѣ, сдѣлаетъ ему какой-нибудь выговоръ съ соотвѣтственнымъ научнымъ объясненіемъ.

Невзгодинъ крѣпко пожалъ руку жены и съ изысканною любезностью джентльмена отвѣтилъ:

— Къ вашимъ услугамъ, Марья Ивановна... И сколько угодно минутъ... Я только-что кончилъ сочинять и совершенно свободенъ. И я, право, радъ васъ видѣть, но только не въ

этой темнотѣ. Не угодно ли ко мнѣ въ комнату... Только извините... Вы найдете въ ней безпорядокъ, и она еще не убрана.

— Такъ поздно и не убрана? Вы тотъ же богема?

— Тотъ же... Работалъ...

— Развѣ работа мѣшаетъ порядку? — слегка усмѣхнулась Марья Ивановна.

Невзгодинъ отворилъ двери. Оба, и мужъ и жена, съ любопытствомъ взглянули другъ на друга прежде, чѣмъ войти въ комнату.

Такая же, какъ и была, свѣжая, здоровая и румяная, съ тѣми же правильными, нѣсколько рѣзкими чертами красиваго лица римской матроны изъ русскихъ купчихъ, побывавшей парижской студенткой. То же самодовольно-увѣренное выраженіе въ карихъ глазахъ подъ соболиными бровями, глядѣвшихъ черезъ pince-nez на прямомъ крупномъ носѣ, что̀ придавало лицу еще болѣе серьезный и въ то же время нѣсколько вызывающій видъ. И одѣта она была съ обычной умышленной скромностью, не лишенной своеобразнаго кокетства: черная шерстяная юбка, черная хорошо сидѣвшая жакетка, опушенная чернымъ мѣхомъ, черное боа, черныя перчатки и черная шапочка на головѣ.

«Еще болѣе раздобрѣла, несмотря на усердное занятіе наукой!»—подумалъ Невзгодинъ, замѣтивъ пополнѣвшій бюстъ, и не безъ любопытства и не безъ нѣкотораго смущенія ждалъ, что̀ будетъ, когда аккуратная до педантизма его чистёха-жена войдетъ въ комнату, въ которой дѣйствительно была невозможная грязь.

И дѣйствительно, только-что Марья Ивановна вошла въ комнату, какъ на ея лицѣ выразился ужасъ, и она воскликнула:

— Да вѣдь это нѣчто невѣроятное... Тутъ цѣлыя недѣли не убирали...

— Въ родѣ этого, Марья Ивановна!—виновато промолвилъ Невзгодинъ.

— И вы могли жить въ такомъ свинствѣ?

— Какъ видите... Даже не замѣчалъ... Увлекся работой... Да вы присядьте, Марья Ивановна... Вотъ сюда...

Невзгодинъ бросился снимать со стула бумаги.

Марья Ивановна подобрала юбку и осторожно присѣла, продолжая съ брезгливымъ видомъ озирать комнату.

Невзгодинъ хотѣлъ снимать пальто, но жена его остановила:

— Не снимайте, Невзгодинъ... Я сейчасъ ухожу и васъ не хочу держать въ этой клоакѣ.

Онъ присѣлъ въ пальто.

— Посмотрите на себя, какъ вы осунулись и поблѣднѣли, Невзгодинъ,—продолжала Марья Ивановна.—Живя такъ, вы схватите чахотку... Вѣдь это безобразіе... Видно, что некому за вами присмотрѣть... И долго вы сочиняли?

— Три недѣли.

— И никуда не выходили? Работали по-русски—запоемъ?

— Запоемъ.

— Безобразіе! Вамъ жизнь, что ли, надоѣла?

— Пока нѣтъ еще.

— Такъ не дѣлайте такихъ опытовъ надъ собой и не живите по-азіатски. У васъ отъ одного табачнаго дыма можно задохнуться. А какой разводъ микробовъ! Какъ вамъ не стыдно, Невзгодинъ? Кажется, образованный человѣкъ и...

Марья Ивановна вдругъ остановилась и засмѣялась.

— Да что-жъ это я? Пришла къ вамъ по дѣлу, а вмѣсто этого читаю вамъ нотаціи...

— Читайте, не стѣсняйтесь, Марья Ивановна. Я стою ихъ!—весело проговорилъ Невзгодинъ.

— Все равно, безполезно... Васъ не передѣлаешь... Но, безъ шутокъ, такъ жить вѣдь нельзя... Видъ у васъ совсѣмъ скверный...

— Я думаю перебраться отсюда.

— Обязательно. И знаете ли что, Невзгодинъ?

— Что, Марья Ивановна?

— Вамъ нужна нянька, которая смотрѣла бы за вами... Ну, конечно, нянька-женщина. Если я поселюсь въ Москвѣ и найму квартиру, милости просимъ ко мнѣ жильцомъ. Я охотно буду смотрѣть за вами... Право, говорю серьезно.

— А я такъ же серьезно благодарю васъ и готовъ быть вашимъ жильцомъ, Марья Ивановна, если только долго усижу въ Москвѣ...

— Ну, а мое дѣло въ двухъ словахъ. Я пришла просить васъ...

— Развода?—подсказалъ Невзгодинъ.

— Онъ мнѣ пока еще не нуженъ. Быть-можетъ, нуженъ вамъ?

Въ словахъ ея звучала любопытная нотка.

— И мнѣ, слава Богу, не требуется...

— Больше глупости не повторите?

— Постараюсь.

— Мнѣ нуженъ видъ на жительство. Я, конечно, могла написать вамъ объ этомъ, но мнѣ хотѣлось повидать васъ... У насъ вѣдь нѣтъ другъ къ другу... ненависти... Не такъ ли? И мы, я думаю, можемъ продолжать знакомство...

— Еще бы... На какой срокъ вамъ нуженъ видъ?

— На годъ, на два, какъ знаете. Пока меня прописали по заграничному паспорту, но полиція требуетъ видъ отъ васъ.

Невзгодинъ обѣщалъ достать его послѣ праздниковъ.

— Куда прикажете доставить?

— Въ меблированныя комнаты Семенова, на Дѣвичьемъ полѣ, въ Тихомъ переулкѣ... Я тамъ остановилась. Близко къ клиникамъ. Я пріѣхала сюда держать экзамены. Пока я лишь французская докторесса.

— Давно вы пріѣхали?

— Три дня тому назадъ.

— И уже начали заниматься?

— Съ завтрашняго дня начну. Если хотите зайти, помните, что я могу васъ принять только утромъ, по воскресеньямъ. Остальное время я буду заниматься и ходить въ клиники... Ну, а вы... химію бросили?

— Нѣтъ.

— Говорятъ, ваша повѣсть скоро появится.

— Въ январѣ.

— Любопытно будетъ прочесть. Непремѣнно прочту послѣ экзаменовъ... А еще говорятъ...

Марья Ивановна насмѣшливо усмѣхнулась.

— Что еще говорятъ?

— Будто вы снова увлечены Зарѣчной...

— Вранье, Марья Ивановна...

— И я не повѣрила... Вы неспособны увлекаться серьезно... Ну, однако идемте...

Марья Ивановна встала, но прежде, чѣмъ выйти изъ комнаты, отворила форточку.

— Вы все та же, Марья Ивановна!—усмѣхнулся Невзгодинъ.

— Какая?

— Любите порядокъ и живете по строгому расписанію.

— Еще бы. Да и поздно мѣняться. И вы такой же...

— Какой?

— Неосновательный...

Они вмѣстѣ вышли на подъѣздъ.

XXIV

Погода была отличная. Только-что выпалъ снѣгъ и блестѣлъ подъ солнцемъ. Морозъ былъ не сильный.

Невзгодинъ съ наслажденіемъ вдыхалъ свѣжій воздухъ, словно бы опьяненный имъ.

— Вы куда, Марья Ивановна? Не прикажете ли подвезти васъ?

— Послѣ сидѣнья да ѣхать? Вы съ ума сошли, Невзгодинъ! Вамъ необходимо прогуляться. Мнѣ надо къ шести часамъ быть на Арбатѣ, у тети. А вамъ въ какую сторону?

— Къ Тѣстову обѣдать...

— Богаты, что ли?

— Положимъ, не богатъ, но послѣ обѣдовъ въ «Севильѣ» хочется побаловать себя...

— И транжирить деньги? Все тотъ же. Намъ по дорогѣ... Пойдемте пѣшкомъ.

И она было-направилась. Невзгодинъ ее остановилъ:

— Марья Ивановна! Прокатимся лучше въ санкахъ. Дорога отличная и...

— И что̀ еще?

— Признаться, я дьявольски хочу ѣсть.

— Отсюда недалеко. Вамъ полезно пройтись. Идемте!— властно почти приказала Марья Ивановна.

— Идемте!—покорно произнесъ Невзгодинъ.

Скоро они вышли на Кузнецкій мостъ. Тамъ было много народу, и особенно кидалась въ глаза предпраздничная суета. У всѣхъ почти были покупки въ рукахъ.

На тротуарѣ было тѣсновато. Невзгодинъ предложилъ женѣ руку.

Они пошли теперь скорѣе, рука объ руку, оба веселые и оживленные, посматривая на пѣшеходовъ, на богатыя купеческія закладки, на витрины магазиновъ и мѣняясь отрывочными фразами.

Невзгодинъ невольно вспомнилъ, какъ вскорѣ послѣ супружества они такъ же гуляли по воскресеньямъ по парижскимъ бульварамъ или гдѣ-нибудь за городомъ, но тогда ихъ прогулки обыкновенно кончались спорами и взаимными колкостями.

А теперь они такъ мирно бесѣдуютъ, что со стороны можно подумать, что гуляютъ влюбленные. Вотъ что̀ значитъ быть мужемъ и женой только по названію!

Невзгодинъ улыбнулся.

— Вы чего смѣетесь?

— Вспомнилъ, Марья Ивановна, какъ мы гуляли съ вами въ Парижѣ.

— Для васъ это очень непріятныя воспоминанія? Признайтесь?

— Какъ видите, во мнѣ не осталось злого чувства... А вы какъ обо мнѣ вспоминали, Марья Ивановна? Лихомъ? Или никакъ не вспоминали?

— Напротивъ, часто и всегда какъ о порядочномъ человѣкѣ, которому только не слѣдуетъ никогда жениться... Вотъ и обмѣнялись признаніями!—засмѣялась Марья Ивановна.

У пассажа Попова экипажи ѣхали шагомъ. Въ маленькихъ санкахъ, запряженныхъ тысячнымъ рысакомъ, сидѣла Аносова. Она увидала Невзгодина съ женой и смотрѣла на нихъ во всѣ глаза, изумленная и взбѣшенная, точно ей нанесена была какая-то обида.

Невзгодинъ взглянулъ на нее. Она отвела глаза въ сторону.

— Глядите, Марья Ивановна, на московскую красавицу Аносову. Вонъ она на своемъ рысакѣ. Трудно сказать, что лучше: великолѣпная вдова или рысакъ.

— Она стала еще красивѣе, чѣмъ была въ Бретани, когда я ее видѣла.

— Прелесть... Эта бѣлая шапочка такъ идетъ къ ней.

— Вы съ ней продолжаете знакомство?

— Разъ встрѣтился. У нея еще не былъ. Собираюсь съ визитомъ. Кстати и дѣло есть.

Они подходили къ театру.

— До свиданія, Невзгодинъ, — проговорила Марья Ивановна, высвобождая руку.—Намъ дальше не по пути.

Невзгодину вдругъ пришла мысль пригласить жену обѣдать. Все не такъ скучно, чѣмъ одному, и вдобавокъ онъ разспроситъ о парижскихъ знакомыхъ. Къ тому же онъ зналъ, что Марья Ивановна любила хорошо покушать, но была слишкомъ скупа, чтобъ позволить себѣ такую роскошь.

Невзгодинъ спросилъ:

— Вы къ теткѣ обѣдать, Марья Ивановна?

— Да, къ шести часамъ... Надѣюсь, не опоздала? Безъ двадцати шесть!—облегченно проговорила она, взглянувъ на часы.—Прощайте, Невзгодинъ.

Но онъ пошелъ рядомъ съ ней.

— Нѣтъ, позвольте... У меня къ вамъ просьба!

— Какая?

— Сдѣлайте мнѣ честь, примите мое приглашеніе пообѣдать вмѣстѣ у Тѣстова?

Марья Ивановна изумленно взглянула на Невзгодина.

— Съ чего вамъ вдругъ пришла въ голову такая дикая фантазія?—строго спросила она, пытливо взглядывая на Невзгодина.

Но видъ у него былъ самый добродушный.

— Что-жъ тутъ дикаго? Мнѣ просто хочется пообѣдать вмѣстѣ, поразспросить о парижскихъ знакомыхъ и выпить бо-

калъ шампанскаго не за ваше здоровье,—вы и такъ цвѣтете!—а въ благодарность...

— За то, что мы такъ скоро разошлись?—перебила молодая женщина.

— И не сдѣлались врагами...

— Вы попрежнему сумасшедшій и мотыга!.. Но вѣдь вамъ будетъ скучно со мной... Пожалуй, мы къ концу обѣда побранимся...

— Едва ли... Вѣдь послѣ обѣда мы разойдемся въ разныя стороны.

— Или вы, какъ писатель, хотите изучить меня? Такъ вѣдь довольно, кажется, изучили?..

— Это ужъ мое дѣло.

— И наконецъ я обѣщала тетѣ...

— Пошлемъ посыльнаго.

Марья Ивановна все еще колебалась.

Хорошо изучившій ее Невзгодинъ сказалъ:

— Или вы боитесь, что̀ скажутъ ваши тети и дяди, если узна̀ютъ, что вы обѣдали въ сочельникъ съ мужемъ, котораго бросили и котораго ваши родные считаютъ, конечно, за самаго безпутнаго человѣка въ подлунной?

— Я никого и ничего не боюсь... Идемте обѣдать!—рѣшительно проговорила Марья Ивановна.

Они повернули и пошли подъ руку черезъ площадь.

— Вотъ спасибо, что не отказали, Марья Ивановна.

— Но только я обѣдаю съ вами съ условіемъ...

— Заранѣе принимаю какія угодно.

— Мы будемъ обѣдать скромно... Вы не будете бросать даромъ деньги.

«Все та же скупость. Даже чужія деньги жалѣетъ!»—подумалъ Невзгодинъ и отвѣтилъ:

— Будьте покойны.

— И я вамъ не позволю много пить...

— Буду послушенъ, какъ овечка, Марья Ивановна.

Черезъ нѣсколько минутъ Невзгодинъ съ женою сидѣли въ общей залѣ ресторана за небольшимъ столомъ, у окна, другъ противъ друга, на маленькихъ бархатныхъ диванчикахъ, какъ, бывало, сидѣли въ Парижѣ, обѣдая по воскресеньямъ, въ короткіе медовые мѣсяцы ихъ супружества, въ дешевыхъ ресторанахъ.

Безъ мѣховой жакетки, простоволосая, съ тяжелой темно-каштановой косой, собранной на темени, безъ завитушекъ спереди, гладко зачесанная назадъ, Марья Ивановна выглядѣла моложавѣе и менѣе полной въ своемъ черномъ, обши-

томъ у ворота бѣлымъ кружевомъ, платьѣ, тонкая ткань котораго плотно облегала ея роскошный бюстъ. И ея румяное лицо, съ легкимъ пушкомъ на полноватой, слегка приподнятой губѣ, подъ которой сверкали крупные зубы, и съ родинкой на рѣзко очерченномъ подбородкѣ, и вся ея крѣпкая, плотная, хорошо сложенная фигура дышали могучимъ здоровьемъ и физической крѣпостью женщины, заботящейся о томъ сохраненіи силы, красоты и свѣжести тѣла, которое французы мѣтко называютъ: «soigner la bête». Недаромъ же Марья Ивановна научилась въ Парижѣ ежедневно обливаться холодной водой, дѣлать гимнастику, ѣздить на велосипедѣ и вообще культивировать въ себѣ здоровое животное по всѣмъ правиламъ гигіены и физическаго воспитанія.

Она строго и нѣсколько изумленно посматривала сквозь стекла своего pince-nez въ золотой оправѣ то на улыбающагося, веселаго Невзгодина, предвкушавшаго удовольствіе дернуть нѣсколько рюмокъ водки и вкусно закусить, то на половыхъ, которые то и дѣло носили и ставили на столъ передъ ними тарелки, тарелочки, сковородки и банки со всевозможными закусками. И хотя у Марьи Ивановны текли слюнки при видѣ свѣжей икры, бѣлорыбицы, семги, осетровой тешки, грибовъ, запеканокъ и всякихъ другихъ русскихъ снѣдей, которыхъ она, коренная москвичка, воспитанная у богатой тетки, такъ долго не видѣла въ Парижѣ, тѣмъ не менѣе ее возмущала эта «непроизводительная трата денегъ», какъ она называла всякое мотовство.

— Невзгодинъ! — проговорила она наконецъ тихо и значительно.

Эта манера называть мужа по фамиліи, манера, давно усвоенная Марьей Ивановной и прежде раздражавшая Невзгодина, какъ напускная претензія на студенческую безцеремонность, и этотъ внушительный тонъ цензора добрыхъ нравовъ не только не сердили теперь Невзгодина, а, напротивъ, возбуждали въ немъ еще бо̀льшую веселость.

И онъ, будто не догадываясь, въ чемъ дѣло, съ самымъ невиннымъ видомъ спросилъ, какъ, бывало, спрашивалъ прежде, называя и тогда жену Марьей Ивановной, но только спросилъ безъ прежней иронической нотки въ голосѣ, а добродушно:

— Что̀ прикажете, строжайшая Марья Ивановна?

— А наши условія? Зачѣмъ вы велѣли подать все это! — тихо сказала Марья Ивановна, указывая взглядомъ на закуски.

— Зачѣмъ? А для того, чтобы вы непремѣнно отвѣдали этихъ прелестей русской жизни! — смѣясь, отвѣчалъ Невзгодинъ.—Не будьте же строги и успокойтесь за мой карманъ...

Все это не дорого стòитъ... Да если бы и дорого?.. Развѣ вы не доставите мнѣ удовольствія угостить васъ? Съ чего вамъ угодно начать? Позвольте положить вамъ свѣжей икры. Вы прежде ее обожали, Марья Ивановна. А передъ закуской крошечную рюмочку зубровки...

Невзгодинъ угощалъ съ такой подкупающей любезностью, что Марья Ивановна перестала протестовать и даже милостиво разрѣшила Невзгодину налить ей зубровки. Чокнувшись съ мужемъ, она выпила крохотную рюмку водки по-мужски, залпомъ и не поморщившись, и принялась закусывать.

Внутренно очень довольная этимъ неожиданнымъ обѣдомъ съ «безпутнымъ человѣкомъ», но все еще нѣсколько натянутая, чопорная и преувеличенно-серьезная, — словно бы боящаяся, что половые и два-три господина, бывшіе въ залѣ, примутъ ее за непорядочную женщину,—Марья Ивановна ѣла необыкновенно вкусно, не спѣша, видимо наслаждаясь ѣдой, но стараясь, впрочемъ, не обнаружить своей, рѣдкой вообще у женщинъ, страстишки къ чревоугодію, которую она, благодаря скупости и правиламъ режима, всегда обуздывала, не давая ей воли.

«Но изрѣдка можно себѣ позволить!»

И въ спокойныхъ глазахъ Марьи Ивановны загорался даже плотоядный огонекъ, когда она облюбовывала что-нибудь, особенно ей нравящееся, и съ умышленной медлительностью, чтобы не выказать неприличной жадности, накладывала на тарелочку.

А Невзгодинъ не особенно заботился о корректности и, страшно проголодавшійся, набросился на закуски и, несмотря на строго-укоряющіе взгляды жены, выпилъ очень быстро нѣсколько рюмокъ водки. Онъ любилъ иногда выпить и, какъ онъ выражался, «посмотрѣть, чтò изъ этого выйдетъ».

Послѣ нѣсколькихъ рюмокъ онъ нисколько не захмелѣлъ, а почувствовалъ себя бодрѣе и словно бы воспріимчивѣе, испытывая то нѣсколько возбужденное и пріятное состояніе, когда человѣка вдругъ охватываетъ приливъ откровенности и ему хочется сказать что-то особенное, хорошее и значительное, но для этого необходимо только выпить еще одну-другую рюмку, и тогда будетъ все отлично.

И Невзгодинъ потянулся къ одной изъ многихъ бутылокъ водки, стоявшихъ на столѣ.

Быстрымъ, увѣреннымъ движеніемъ Марья Ивановна схватила своей розоватой мягкой рукой съ коротко остриженными ногтями маленькую, почти женскую руку Невзгодина, дер-

жавшую горлышко пузатаго графинчика, и рѣшительно проговорила:

— Довольно, Невзгодинъ!

— Я хотѣлъ только еще одну рюмочку, Марья Ивановна!— виновато промолвилъ Невзгодинъ.

— Что̀ за распущенность! Вы и такъ много пили.

— Всего четыре рюмки.

— Неправда, шесть.

— Вы считали?—весело и добродушно спросилъ Невзгодинъ.

— Считала...

Марья Ивановна не отнимала руки. Невзгодинъ чувствовалъ ея силу и теплоту.

— И больше не позволите?

— Не позволю. Вѣдь вамъ такъ вредно пить... И безъ того вы ведете совсѣмъ ненормальную жизнь, и если будете еще пить...

— Я не пью... Изрѣдка только. А если вообще дѣлать только то, что̀ не вредно, то можно умереть съ тоски... Не правда ли, Марья Ивановна?

— Неправда. И я васъ прошу, не пейте больше!—настойчиво повторила молодая докторша.

— Это вашъ капризъ?

— Я не капризна.

— Боязнь, что я буду пьянъ?.. Можете быть увѣрены, что я при дамахъ не напиваюсь.

— Не то.

— Такъ что̀ же?

— Просто... просто искреннее желаніе остановить ближняго отъ безумія.

Она проговорила эти слова мягко, почти нѣжно, и, слегка краснѣя, торопливо отдернула руку.

— Спасибо за ваше участіе. Искренно тронутъ и больше не буду. Поцѣловалъ бы въ знакъ благодарности вашу руку, но здѣсь нельзя.

И Невзгодинъ приказалъ половому убрать всѣ бутылки съ водкой.

— Довольны моимъ послушаніемъ, Марья Ивановна?

— Если-бъ я была увѣрена, что вы можете быть всегда такимъ, какъ сегодня, то...

Она усмѣхнулась, не докончивъ фразы.

— То что̀ же?

— Я, пожалуй, пожалѣла бы, что мы разошлись.

— А такъ какъ вы не увѣрены, то и не жалѣете!—весело воскликнулъ Невзгодинъ.

За обѣдомъ Марья Ивановна отдавала честь подаваемымъ блюдамъ и запивала ѣду, по парижской привычкѣ, краснымъ виномъ. Она снова прочла маленькую нотацію Невзгодину, предупреждая его, какъ врачъ, что онъ быстро сгоритъ, какъ свѣчка, если радикально не измѣнитъ образа жизни.

— Я вамъ серьезно это говорю, Невзгодинъ. Нельзя распускать себя.

И она предписывала ему подробности строгаго режима: раннее вставаніе, холодные души, моціонъ, шесть часовъ занятій умственнымъ трудомъ... И—главное—поменьше эксцессовъ... вы понимаете? Она затруднилась только предписать одно изъ условій режима: спокойный бракъ, вслѣдствіе рѣшительной непригодности Невзгодина къ тихой семейной жизни, но все-таки дала нѣсколько предостереженій относительно вреднаго вліянія на организмъ сильныхъ любовныхъ увлеченій...

— Впрочемъ, по счастью, на нихъ вы неспособны!—заключила Марья Ивановна свою лекцію.

Невзгодинъ слушалъ, потягивая тепловатый кло-де-вужо, и былъ нѣсколько тронутъ такой заботливостью Марьи Ивановны. Все, что̀ она говорила,—и такъ авторитетно,—было несомнѣнно умно, справедливо, но давно ему извѣстно и... скучно... И Невзгодинъ невольно припомнилъ ту пору супружества, когда, спасаясь отъ научныхъ нравоученій жены, сбѣга̀лъ отъ нея на цѣлые дни.

Обрадовавшись, что лекція окончена, Невзгодинъ охотно обѣщалъ исправиться и сталъ разспрашивать о парижскихъ знакомыхъ, о томъ, какъ Марья Ивановна думаетъ устроиться...

Марья Ивановна сообщила о парижскихъ знакомыхъ и потомъ стала разсказывать о своихъ планахъ и надеждахъ.

По окончаніи экзаменовъ весною она уѣдетъ на мѣсяцъ-другой въ Крымъ отдохнуть и къ осени вернется въ Москву и займется практикой. Она изберетъ спеціальностью женскія болѣзни и надѣется, что практика у нея будетъ, благодаря родству и знакомству среди богатаго купечества. Она тогда устроитъ себѣ уютную квартиру, сдѣлаетъ хорошую обстановку и будетъ вполнѣ довольна своей судьбой.

— Я вѣдь не гонюсь за чѣмъ-то особеннымъ, какъ вы, Невзгодинъ. Мой идеалъ—разумное, покойное, буржуазное счастіе. И я завоюю его!—увѣренно прибавила Марья Ивановна.

— Но для полноты режима благополучія вы забыли одно...

— Что̀?

— Мужа... но, разумѣется, не такого, какимъ оказался вашъ покорный слуга.

— Пока еще не собираюсь искать его...

— Но послѣ экзаменовъ, когда устроитесь?

— Съ удовольствіемъ выйду замужъ, если найду основательнаго, спокойнаго человѣка, съ которымъ можно жить безъ ссоръ, безъ волненій, которыя такъ портятъ жизнь, мѣшая занятіямъ и раздражая нервы. Только трудно найти такого подходящаго человѣка, который на супружество смотрѣлъ бы такъ же трезво, какъ я.

Невзгодинъ хорошо зналъ, какъ смотритъ на супружество Марья Ивановна. Онъ зналъ, что ей нуженъ «основательный человѣкъ» главнымъ образомъ «для режима», чтобы Марья Ивановна была всегда въ уравновѣшенномъ состояніи. Недаромъ же она какъ-то высказывала, что для счастья здоровой, нормальной женщины гораздо пригоднѣе здоровый и даже глупый мужъ, чѣмъ хотя бы геніальный, но нервный и безпокойный.

И онъ замѣтилъ:

— Но зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, связывать себя непремѣнно бракомъ, Марья Ивановна?

— Я тоже предпочла бы не выходить замужъ и не жить со своимъ избранникомъ вмѣстѣ.

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— А въ томъ, что это повредило бы моей репутаціи и практикѣ.

«Все та же добросовѣстно-откровенная женщина!»—подумалъ Невзгодинъ.

Когда половой разлилъ холодное шампанское по бокаламъ, Марья Ивановна, къ удивленію Невзгодина, не сдѣлала никакого замѣчанія насчетъ «непроизводительнаго расхода», вѣроятно, потому, что очень любила это вино.

— За ваше благополучіе, Марья Ивановна! Отъ души вамъ желаю найти основательнаго мужа и благодарю васъ за то, что своимъ присутствіемъ вы доказали, что не поминаете меня лихомъ!—проговорилъ Невзгодинъ, поднимая бокалъ.

— А вамъ, Невзгодинъ, желаю побольше благоразумія... Помните, что здоровье легко растерять, такъ не губите его!.. А насчетъ лиха я ужъ говорила... За вами его нѣтъ!

Они чокнулись. Марья Ивановна выпила сразу цѣлый бокалъ. Невзгодинъ налилъ ей другой. Она не протестовала.

Слегка заалѣвшая, съ блестѣвшими глазами отъ выпитаго вина, она сдѣлалась проще, оживленнѣе и интереснѣе, не напуская на себя чопорности и серьезности и не стараясь говорить только умныя вещи. Ея докторская степенность умакилась, и въ ней заговорила женщина.

Она теперь даже непрочь была пококетничать съ «безпутнымъ человѣкомъ», испытывая чувство обиды и досады за то, что онъ, повидимому, совершенно равнодушенъ къ ней, какъ къ женщинѣ, а вѣдь прежде она только и нравилась ему, какъ любовница. Потому только онъ и женился на ней. Она это отлично понимала. Недаромъ же они днемъ постоянно ссорились, ни въ чемъ не сходясь другъ съ другомъ, и безмолвно мирились только вечеромъ въ горячихъ поцѣлуяхъ. И какъ онъ тогда былъ нѣженъ!

«Теперь, наоборотъ, онъ не споритъ, не лѣзетъ со своими мнѣніями, но зато и основательно позабылъ объ ея ласкахъ,— неблагодарное животное».

Такія мысли совсѣмъ неожиданно пришли въ слегка возбужденную голову Марьи Ивановны, и она не могла не признаться самой себѣ, что была бы довольна, если-бъ снова понравилась Невзгодину.

Къ чему же она разыскала его и приходила къ нему? Не для того только, разумѣется, чтобы поговорить о видѣ. Объ этомъ можно было бы и написать. Неужели онъ не догадывается, а еще умный человѣкъ.

«Легкомысленный»,—заключила про себя Марья Ивановна и тихо вздохнула.

А «легкомысленный человѣкъ» рѣшительно «не догадывался» ни о чемъ, хотя и не считалъ себя дуракомъ.

Но еще съ тѣхъ поръ, какъ бутылка краснаго вина стала пуста, онъ вдругъ нашелъ, что Марья Ивановна гораздо интереснѣе теперь, чѣмъ показалась ему давеча въ полутемной комнатѣ. «Такое же красивое животное, какъ и была!»—думалъ онъ, посматривая, повидимому, добродушно-веселымъ взглядомъ на жену. И въ его не совсѣмъ свѣжую голову тоже совсѣмъ неожиданно врывались воспоминанія изъ той поры супружества, которое онъ называлъ «скотоподобнымъ счастьемъ» и которое теперь казалось ему потеряннымъ раемъ. Въ головѣ немножко шумѣло, въ виски стучало, онъ незамѣтно скашивалъ глаза на лифъ, на шею, на руки и...

— Не разрѣшите ли, Марья Ивановна, еще бутылку шампанскаго?—спросилъ онъ съ невиннымъ видомъ человѣка, нисколько не виновнаго въ грѣховныхъ мысляхъ.

— Нѣтъ, не надо... не надо, Невзгодинъ. И то у меня чуть-чуть кружится голова. Вы заразили меня своимъ безуміемъ!—тихо смѣясь, промолвила Марья Ивановна.

— А это безуміе развѣ такъ вредно?

— Конечно, вредно!—значительно кинула докторша.

И, помолчавъ, сказала:

лодомъ человѣкѣ съ нервнымъ, болѣзненнымъ лицомъ и смѣющимися глазами, которому нѣтъ никакого дѣла до ея милліоновъ, и онъ стоитъ передъ ней независимый и свободный.

Аглая Петровна уже не питала досады на Невзгодина. Напротивъ! Ей такъ хотѣлось, такъ неудержимо хотѣлось, чтобы онъ сталъ ея другомъ, братомъ, чтобы понялъ, что она не такая ужъ безсердечная «представительница капитала», какой онъ ее считаетъ, и чтобы относился къ ней хорошо и не сторонился бы ея, какъ теперь, а приходилъ бы запросто поговорить, почитать вдвоемъ...

И, захваченная этимъ настроеніемъ, Аглая Петровна уже не боролась съ нимъ, а свободно отдалась ему.

Она крѣпко, сердечно, не скрывая радостнаго чувства, пожала Невзгодину руку и вдругъ заговорила порывисто, торопливо и взволнованно, понижая почти до шопота голосъ и глядя довѣрчиво и мягко своими большими бархатными глазами въ острые, улыбающіеся глаза Невзгодина.

— Какъ я рада васъ видѣть, если-бъ вы знали! Вѣдь я ждала-ждала васъ, Василій Васильичъ, и, признаюсь, сердилась на васъ за то, что вы пренебрегли моимъ зовомъ, помните, на юбилеѣ Косицкаго? Вѣрьте, я не лгу и не кокетничаю съ вами. Мнѣ такъ хотѣлось по-пріятельски поговорить съ вами, поспорить, послушать умнаго, хорошаго человѣка, для котораго я не мѣшокъ съ деньгами, не богатая купчиха Аносова, а просто человѣкъ. Вѣдь я совсѣмъ одинока со своими милліонами!—съ грустной ноткой въ голосѣ прибавила она.—А вы не ѣхали и, какъ нарочно, пришли съ визитомъ сегодня, когда гости и нельзя поговорить, какъ—помните?—мы говорили на морскомъ берегу въ Бретани... Стыдно вамъ, Василій Васильичъ!

И этотъ горячій, дружескій тонъ послѣ перваго момента почти равнодушной встрѣчи, и это исканіе духовнаго общенія, и эти, казалось, искреннія похвалы, все это сперва изумило, а потомъ тронуло и даже нѣсколько «оболванило» Невзгодина, лишивъ его въ эти минуты обычной въ немъ способности анализа и безстрастнаго наблюденія.

Ему вдругъ показалось, что онъ былъ, пожалуй, не совсѣмъ правъ въ своихъ поспѣшныхъ заключеніяхъ объ этой «великолѣпной вдовѣ», когда называлъ ее сквалыгой, восторгающейся Шелли и обсчитывающей рабочихъ. И, незамѣтно поддаваясь обычному даже и у неглупыхъ мужчинъ искушенію—вѣрить и извинять многое женщинамъ (особенно когда онѣ недурны собой), которыя находятъ ихъ необыкновенно умными и интересными,—онъ уже считалъ себя нѣсколько

виноватымъ, что такъ поспѣшно осуждалъ Аглаю Петровну прежде, чѣмъ внимательнѣе приглядѣлся къ ней. Конечно, она типичная современная «капиталистка», но въ ней, быть-можетъ, по временамъ и говоритъ возмущенная совѣсть и она дѣйствительно одинока со своими милліонами.

Такъ думалъ Невзгодинъ, слушая Аглаю Петровну.

И, значительно смягченный и ея особеннымъ вниманіемъ и ея чарующей красотой, почти извиняясь, отвѣтилъ:

— Я все время былъ занятъ... Увлекся работой... Писалъ.

— Знаю...

— Какъ?

— Узнавала. И похудѣли же вы, бѣдный. Ну, идемъ въ гостиную. Только не уходите скоро. Гости разойдутся, и мы поболтаемъ... Не правда ли?

— Съ удовольствіемъ.

Она позвала лакея и велѣла больше никого не принимать.

Аглая Петровна вошла въ гостиную вмѣстѣ съ Невзгодинымъ, оживленная и веселая, и громко произнесла, обращаясь къ гостямъ:

— Василій Васильичъ Невзгодинъ!

Тотъ сдѣлалъ общій поклонъ и, увидавъ профессора Косицкаго и еще двухъ знакомыхъ, обмѣнялся съ ними рукопожатіями и хотѣлъ-было присѣсть, какъ хозяйка его подозвала и подвела къ единственной дамѣ, бывшей тутъ среди мужчинъ во фракахъ и бѣлыхъ гастукахъ, — къ пожилой, изящно одѣтой, дородной брюнеткѣ лѣтъ за сорокъ, сохранившей еще слѣды замѣчательной красоты на своемъ умномъ, энергичномъ смугломъ лицѣ съ большими красивыми, томными глазами.

— Рекомендую тебѣ, Даша, это тотъ самый невозможный спорщикъ, о которомъ я тебѣ говорила... Мы познакомились съ Васильемъ Васильевичемъ въ Бретани... Моя кузина, Дарья Михайловна Чулкова.

Невзгодинъ въ первый разъ увидалъ эту извѣстную въ Москвѣ богачку и щедрую благотворительницу, которую зналъ по фамиліи и по ея репутаціи умной и скромной женщины, умѣвшей толково и умно тратить часть своихъ средствъ на разныя добрыя дѣла и при этомъ безъ шума и безъ треска, не ради того, чтобы о ней говорили и объ ея пожертвованіяхъ печатали въ газетахъ.

Невзгодинъ слышалъ, что нѣсколько школъ было обязано ей своимъ существованіемъ и много молодыхъ людей, благодаря ей, получали образованіе. Слышалъ онъ и о помощи, которую оказывала Чулкова и многимъ «пострадавшимъ» и

ихъ семьямъ. И самъ Невзгодинъ, благодаря Чулковой, не былъ исключенъ изъ университета въ числѣ другихъ бѣдняковъ за невзносъ платы.

Онъ все это припомнилъ, когда Чулкова, указавъ на свободное кресло около себя, заговорила съ нимъ, разспрашивая о жизни русскихъ студентовъ и студентокъ въ Парижѣ.

Разговоръ въ гостиной шелъ лѣниво. Общество было разношерстное. Нѣсколько представителей купеческой аристократіи, два профессора, юный поэтъ изъ декадентовъ, баритонъ изъ Петербурга и высокій бравый полковникъ изъ остзейскихъ нѣмцевъ, объяснявшій хозяйкѣ, что онъ коренной москвичъ . . . . . .

О самоубійствѣ Перелѣсова не говорили ни слова. Это удивило Невзгодина,—онъ зналъ, какъ Москва любитъ посудачить и особенно по такому поводу. И какъ только Чулкова уѣхала, пригласивъ Невзгодина когда-нибудь запросто пріѣхать прямо къ обѣду, онъ подсѣлъ къ Косицкому и спросилъ:

— Вы не знаете ли, Андрей Михайловичъ, отчего застрѣлился Перелѣсовъ?

Косицкій боязливо взглянулъ на Аглаю Петровну, сидѣвшую близко.

— Помилосердствуйте, Василій Васильичъ... Развѣ вы не знаете?—воскликнула она.

— То-то не знаю... Читалъ только въ газетахъ...

— А у меня съ утра только и разговоровъ, что объ этой ужасной исторіи... Я слышала ее безчисленное число разъ.

— Но все-таки разрѣшите и мнѣ узнать, а Андрею Михайловичу—разсказать.

— Разрѣшаю, но только пересяду подальше отъ васъ, господа!—проговорила Аносова, вставая, и присѣла около полковника.

— Это очень грустная и поучительная исторія! — сказалъ въ видѣ предисловія старый профессоръ.—Прежде этого не бывало!—прибавилъ онъ.

И Косицкій разсказалъ, что сегодня утромъ Зарѣчный получилъ письмо, написанное Перелѣсовымъ въ день самоубійства. Въ этомъ письмѣ несчастный сообщалъ, что авторомъ пасквильной статьи былъ онъ, и такъ какъ, несмотря на принятыя имъ мѣры скрыть слѣды своего авторства, оно открылось, то онъ рѣшилъ не жить, чтобъ не видать заслуженнаго презрѣнія порядочныхъ людей...

— По крайней мѣрѣ искупилъ свою вину... По нынѣшнимъ временамъ это рѣдкость!—замѣтилъ взволнованный разсказомъ Невзгодинъ.—А какъ же открылось его авторство?

— И это онъ объяснилъ въ своемъ длинномъ и обстоятельномъ предсмертномъ письмѣ. Дѣло въ томъ, что вчера утромъ приходилъ одинъ молодой человѣкъ, его родственникъ, и разсказалъ, что факторъ типографіи газеты, въ которой помѣщенъ пасквиль, называетъ его авторомъ, и что слухи эти уже ходятъ... Да. Письмо производитъ потрясающее впечатлѣніе... Перелѣсовъ проситъ Зарѣчнаго простить ему хотя за то, что подлость не достигла цѣли, а цѣль была — занять его мѣсто. Но мертвые сраму не имутъ, а живые...

Косицкій сердито покачалъ головой и продолжалъ:

— Не онъ додумался до этой гадости. Его подбили. Несчастный, проклиная, назвалъ того, кто посовѣтовалъ ему высмѣять и мой юбилей, и меня, и коллегъ, обѣщая профессуру, а потомъ, недовольный статьей, самъ же издѣвался. Перелѣсовъ и этому человѣку написалъ письмо.

— Кто же онъ?

— Найденовъ!—тихо проговорилъ Косицкій.—Такой умный, талантливый ученый и...

Старикъ не докончилъ и сталъ собираться.

Скоро всѣ гости ушли.

— Ну, пойдемте, я вамъ покажу свою клѣтушку, Василій Васильичъ!—сказала Аглая Петровна.—Ужъ если вы будете меня описывать, то непремѣнно въ ней... Тамъ я провожу бо̀льшую часть своего времени.

Когда Невзгодинъ вошелъ въ «клѣтушку», онъ былъ удивленъ и вкусомъ Аглаи Петровны и особенно подборомъ книгъ.

Онъ просидѣлъ у Аносовой около часу и болѣе слушалъ, чѣмъ говорилъ. Сегодня она показалась ему не такою, какъ въ Бретани, и Невзгодину не хотѣлось вѣрить, что эта женщина, говорившая, казалось, такъ искренно о неудовлетворенности жизни, понимавшая такъ тонко художественныя творенія, цитировавшая на память Байрона и Шелли, въ то же время могла быть... кулакомъ.

Но какъ бы то ни было, а Невзгодинъ былъ крайне заинтересованъ Аглаей Петровной.

«Вѣдь она такой любопытный типъ для изученія!»—думалъ онъ, любуясь чарующей красотой этого типа.

И Невзгодинъ ушелъ, обѣщая побывать на-дняхъ.

XXVII.

Самоубійство Перелѣсова и, главное, причины, вызвавшія его, произвели сильное и подавляющее впечатлѣніе.

Многіе изъ знавшихъ его не хотѣли вѣрить, чтобы моло-

Въ самомъ дѣлѣ, господинъ можетъ легко заработать большія деньжищи, далъ, не поморщившись, три рубля, на столѣ стоятъ фрукты, и вдругъ: «не можете ли заложить часы?»

— Это насчетъ какихъ часовъ вы изволите упоминать, Василій Васильичъ?—спросилъ наконецъ осторожно Петръ.

— А насчетъ этихъ самыхъ!—пояснилъ съ веселымъ видомъ Невзгодинъ, указывая на золотые, купленные въ Парижѣ, часы, лежавшіе на столикѣ у кровати.—Они стòятъ около ста рублей. Мнѣ нужно пятьдесятъ и немедленно!

Петръ нѣсколько мгновеній пристально смотрѣлъ на часы.

— Есть у меня, Василій Васильичъ, одинъ знакомый человѣкъ, который даетъ деньги подъ закладъ, но только теперь, по случаю праздника, не найти его дома... Вотъ если бы вчера...

— Вчера мнѣ не нужно было...

«Бельфамистая, видно, порастрясла»,—подумалъ Петръ.

— Это конечно-съ. Если бы вчера явилась потребность, то и въ ломбартѣ бы взяли. Очень просто. Развѣ у нашего швейцара спытать? У него должны быть деньги, у собаки!—не безъ завистливой нотки въ голосѣ говорилъ Петръ, соображая, не можетъ ли и онъ самъ тутъ поживиться.—Его должность не то, чтò моя... Его должность доходная. Каждый идетъ мимо, смотришь, и дастъ гривенникъ. Только, Василій Васильичъ, онъ, подлецъ, пожалуй, большой процентъ попроситъ. Упользуется, шельма, по случаю, что какъ праздникъ, такъ негдѣ достать.

— Пусть беретъ. Мнѣ не надолго. Недѣли на двѣ... А тамъ я получу деньги...

— Сколько прикажите давать проценту? Если спроситъ, скажемъ, пять рублей... Не много ли будетъ, Василій Васильичъ?

— Давайте хоть десять, только достаньте денегъ.

Петръ взялъ часы и вышелъ.

Невзгодинъ быстро вскочилъ съ постели и занялся своимъ туалетомъ.

Парижскій рединготъ былъ бережно разложенъ на кровати, а пока Невзгодинъ, тщательно вымытый, съ расчесанной короткой бородкой, съ густыми каштановыми волосами, стоявшими «ежикомъ», надѣлъ рабочую блузу и, присѣвши къ столу, сталъ-было читать какую-то книгу, поминутно оборачиваясь къ двери.

Наконецъ дверь открылась, вошелъ Петръ съ значительнымъ видомъ и, подавая Невзгодину толстую пачку мелкихъ и порядочно-таки засаленныхъ бумажекъ, проговорилъ:

— Насилу уломалъ дурака, Василій Васильичъ. Ужъ, можно сказать, постарался для васъ.

— Спасибо, Петръ.

— Но только, Василій Васильичъ, какъ его ни усовѣщивалъ, а меньше какъ восемь рублей за три недѣли проценту несогласенъ, собака! Народъ нынче, сами понимаете, какой, Василій Васильичъ!—говорилъ Петръ и ругалъ народъ словно бы изъ потребности выгородить себя изъ этого дѣла, на которомъ онъ однако заработалъ два рубля, выговоривъ ихъ отъ собаки-швейцара.

Невзгодинъ обрадованно сосчиталъ деньги, далъ Петру за хлопоты рубль и, спрятавши сорокъ девять рублей, значительно поднявшіе температуру его веселости, въ бумажникъ, остановилъ Петра, начавшаго-было снова разговоръ о положеніи коридорныхъ, покорнѣйшей просьбой подать самоваръ, принести газеты и потомъ сказать, когда будетъ двѣнадцать часовъ.

— Въ одинъ секундъ, Василій Васильичъ!

Минутъ черезъ пятнадцать, составлявшихъ по счету Петра одну секунду, самоваръ былъ поданъ, газеты принесены, а самъ Петръ уже начиналъ заплетать языкомъ.

Лѣниво отхлебывая чай и попыхивая дымкомъ папиросы, Невзгодинъ просматривалъ газеты, наполненныя сегодня почти одними такъ-называемыми рождественскими разсказами.

Невзгодинъ сперва пробѣжалъ телеграммы. Узнавши изъ нихъ, между прочимъ, весьма важное извѣстіе о томъ, что у австрійской императрицы ischias—болѣзнь сѣдалищнаго нерва, какъ значилось въ выноскѣ,—и что она поэтому въ Неаполь не поѣдетъ, — Невзгодинъ, въ качествѣ писателя, которому, быть-можетъ, самому придется писать рождественскіе разсказы, прочиталъ два такіе разсказа, подписанные извѣстными литературными фамиліями, украшающими обложки почти всѣхъ журналовъ обѣихъ столицъ.

Помимо подзаголовка: «святочный разсказъ», спеціально рождественское въ нихъ заключалось въ томъ, что дѣйствіе происходило наканунѣ Рождества, и что былъ несчастный, бездомный малютка и добрый господинъ почтеннаго возраста, пригласившій на елку несчастнаго малютку, найденнаго на улицѣ. «А вьюга такъ и завывала. А морозъ все крѣпчалъ и крѣпчалъ».

И Невзгодинъ далъ себѣ слово не только не писать, но и не читать никогда больше рождественскихъ разсказовъ, въ которыхъ несчастныя малютки обязательно бываютъ счастливыми, ѣдятъ виноградъ и яблоки въ теплой залѣ добраго го-

сподина въ то время, какъ «вьюга такъ и завывала, а морозъ все крѣпчалъ и крѣпчалъ».

И, словно бы въ доказательство того, какъ безсовѣстно лгутъ авторы святочныхъ разсказовъ на погоду въ вечеръ сочельника, Невзгодинъ вспомнилъ прелестный вчерашній вечеръ, вспомнилъ и, признаться, слегка пожалѣлъ, что не «завывала вьюга». Тогда Марья Ивановна не согласилась бы ѣхать на тройкѣ, и онъ, быть-можетъ, зналъ бы, который теперь часъ.

Невзгодинъ заглянулъ въ хронику, и вдругъ выраженіе изумленія застыло на его лицѣ, когда онъ читалъ въ «Ежедневномъ Вѣстникѣ» слѣдующее короткое извѣстіе:

«Въ ночь съ 24 на 25 декабря, приватъ-доцентъ московскаго университета Л. Н. Перелѣсовъ, проживавшій Арбатской части, 2 участка, въ домѣ купца первой гильдіи Семенова, въ квартирѣ титулярнаго совѣтника Овцына, выстрѣломъ изъ револьвера нанесъ себѣ смертельную рану въ високъ. Смерть, вѣроятно, была мгновенная. Хозяева, немедленно послѣ выстрѣла прибѣжавшіе въ комнату своего квартиранта, нашли его на полу уже безъ признаковъ жизни. Никакой записки, объясняющей причины самоубійства, не оказалось».

Невзгодинъ зналъ Перелѣсова. Лѣтъ пять тому назадъ онъ познакомился съ нимъ въ одномъ домѣ, гдѣ Перелѣсовъ давалъ уроки, и одно время довольно часто съ нимъ встрѣчался.

Перелѣсовъ не особенно нравился Невзгодину. Несомнѣнно много трудившійся и много знавшій, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка мало талантливаго, скрытнаго и непомѣрныхъ претензій, скрываемыхъ подъ видомъ привѣтливости и даже искательности въ сношеніяхъ съ людьми. Невзгодинъ считалъ его неискреннимъ и безпринципнымъ человѣкомъ. Затѣмъ, по возвращеніи изъ Парижа, Невзгодинъ встрѣтился съ Перелѣсовымъ на юбилеѣ Косицкаго, и ему показалось, что Перелѣсовъ, несмотря на видимое добродушіе, озлобленный человѣкъ. Это чувствовалось въ его жалобахъ на то, что ему не даютъ каѳедры, и вообще на свое положеніе. Однако вмѣстѣ съ тѣмъ онъ тогда говорилъ Невзгодину, что надѣется, что все это скоро кончится и онъ наконецъ выйдетъ на дорогу. Но вообще Перелѣсовъ далеко не производилъ впечатлѣнія человѣка, способнаго на самоубійство.

Все это припомнилось теперь Невзгодину. Онъ сталъ прочитывать замѣтки о самоубійствѣ Перелѣсова въ другихъ газетахъ. Въ одной были, между прочимъ, слѣдующія таинствен-

ныя строчки: «Мы слышали, будто самоубійство Л. Н. Перелѣсова имѣетъ связь съ неприличной статьей, появившейся вслѣдъ за юбилеемъ А. М. Косицкаго». Въ другой сообщалось, что къ Перелѣсову рано утромъ, въ день самоубійства, заходилъ какой-то молодой человѣкъ, плохо одѣтый, и что послѣ его короткаго визита Перелѣсовъ, блѣдный и «непохожій на себя», по выраженію кухарки, куда-то поспѣшно ушелъ и вскорѣ вернулся уже успокоенный. Около полудня онъ вошелъ на кухню и, давши ей два письма, просилъ немедленно снести на почту и отправить заказными. Письма были городскія, но кому адресованы—кухарка не знаетъ. Затѣмъ она въ этотъ день видѣла покойнаго, когда подавала въ его комнату обѣдъ и вечеромъ самоваръ. Ничего особеннаго она въ покойномъ не замѣтила, только удивилась, что за обѣдомъ онъ почти ничего не ѣлъ.

Замѣтка репортера оканчивалась выраженіемъ пожеланія, чтобы «былъ пролитъ свѣтъ на это загадочное самоубійство молодого, полнаго силъ и здоровья, талантливаго ученаго».

«Во всемъ этомъ, дѣйствительно, кроется какая-то драма!»—подумалъ Невзгодинъ и скоро вышелъ изъ дому.

XXVI.

Первый визитъ его былъ къ Маргаритѣ Васильевнѣ.

Щегольски одѣтая, разряженная и вся словно сіявшая весельемъ, отворила двери Катя и, казалось, была изумлена при видѣ гостя.

Невзгодинъ это замѣтилъ.

— Здравствуйте, Катя. Не ждали, видно, меня?.. Что̀, Маргарита Васильевна принимаетъ?—говорилъ онъ, входя въ двери.

— Здравствуйте, Василій Васильичъ... Я дѣйствительно думала, что васъ нѣтъ въ Москвѣ... Такъ долго у насъ не были... А нашихъ никого нѣтъ дома. Баринъ уѣхалъ съ визитами, а барыня въ Петербургѣ... Я думала: вы знаете!—прибавила съ лукавой улыбкой горничная.

— Ничего не знаю. Давно уѣхала?

— Третьяго-дня съ курьерскимъ.

— И надолго? Не знаете?

— Послѣзавтра обѣщали быть.

— Ну, передайте карточки и позвольте васъ поздравить съ праздникомъ!—сказалъ Невзгодинъ, отдавая двѣ карточки и рублевую бумажку.

Катя поблагодарила и, отворяя двери, спросила:

— Когда же будете у насъ, Василій Васильичъ?.. Послѣзавтра?.. Я такъ и скажу барынѣ.

— Ничего не говорите. Я навѣрное не могу сказать, когда буду.

— Что̀ такъ? Отчего вы перестали ходить къ намъ, Василій Васильичъ?—съ напускною наивностью спрашивала Катя, повидимому, совершенно сбитая съ толку въ своихъ предположеніяхъ.

Невзгодинъ пристально взглянулъ на эту бойкую московскую «субретку» и, смѣясь, отвѣтилъ:

— Я вовсе не пересталъ ходить, какъ видите.

— Но васъ такъ давно не было, баринъ.

— А не было меня давно оттого, что я былъ занятъ, — ужъ если вамъ такъ хочется это знать, Катя, и вы не боитесь скоро состариться. Знаете поговорку?—насмѣшливо прибавилъ онъ, отворяя двери подъѣзда.

Катя лукаво усмѣхнулась и, выйдя за двери, оставалась съ минуту на морозѣ, но зато слышала, какъ Невзгодинъ приказалъ извозчику ѣхать на Новую Басманную въ домъ Аносовой.

— Знаешь?

— Еще бы не знать. Всякій знаетъ домъ Аносихи!—отвѣтилъ извозчикъ, трогая лошадь.

Проѣзжая по Мясницкой, Невзгодинъ взглянулъ на почтамтскіе часы. Было безъ десяти минутъ два.

«Не рано для визита!»—подумалъ онъ.

Вотъ наконецъ и красивый «аносовскій» особнякъ, построенный отцомъ Аносовой для своей любимицы «Глуши».

— Въѣзжай во дворъ!

Извозчикъ стеганулъ лошадку и бойко подкатилъ къ подъѣзду. Невдалекѣ стояла карета съ русскимъ «англичаниномъ» на козлахъ и нѣсколько собственныхъ саней съ породистыми лошадьми. Были и извозчики.

«Вѣрно, купечество поздравляетъ!» — рѣшилъ Невзгодинъ, входя въ растворившіяся двери.

— Пожалуйте, принимаютъ. Честь имѣю съ праздникомъ поздравить!—привѣтливо говорилъ молодой лакей въ новомъ ливрейномъ полуфракѣ и въ штиблетахъ до колѣнъ.

Невзгодинъ сунулъ лакею рублевую бумажку, оправился передъ зеркаломъ и поднялся во второй этажъ.

На площадкѣ его встрѣтилъ другой ливрейный лакей, постарше, видимо выдержанный и благообразный. Почтительно поклонившись, онъ отворилъ двери въ залу и проговорилъ съ изысканной любезностью:

— Пожалуйте въ большую гостиную.

«Точно идешь къ какой-нибудь маркизѣ Ларошфуко!»—

усмѣхнулся про себя Невзгодинъ и вошелъ въ большую, отдѣланную мраморомъ, бѣлую, въ два свѣта, залу.

«А вотъ и маркизъ...»

Дѣйствительно, изъ-за портьеры, въ глубинѣ залы, вышелъ. сѣменя тонкими ножками въ бѣлахъ штанахъ, маленькій, сухонькій, сморщенный старичокъ въ красномъ, расшитомъ золотомъ, мундирѣ, въ красной лентѣ, звѣздахъ и орденахъ, съ трехуголкой, украшенной бѣлымъ плюмажемъ, въ рукѣ.

А на порогѣ гостиной, словно бы въ красной рамкѣ изъ портьеръ, вся въ бѣломъ шелку, ослѣпительно - красивая, Аглая Петровна говорила своимъ низкимъ, слегка пѣвучимъ голосомъ, въ шутливо-кокетливомъ тонѣ:

— Еще разъ спасибо, милый князь, что вспомнили вдову-сироту.

Въ эту минуту Аносова увидала Невзгодина, и кровь прилила къ ея щекамъ отъ радостнаго волненія и отъ стыда за только-что сказанную фразу. Въ присутствіи Невзгодина она вдругъ почувствовала ея пошловатость и дурной тонъ.

Князь между тѣмъ вернулся, припалъ къ рукѣ Аглаи Петровны и наконецъ произнесъ сладкимъ тоненькимъ теноркомъ:

— Развѣ можно забыть такую божественную красавицу! Я всегда ухожу отъ васъ, потерявши здѣсь бѣдное свое старое сердце, и грущу, что не могу, подобно Фаусту, вернуть своей молодости... До свиданія, очаровательная Аглая Петровна.

И сіятельный «Фаустъ» въ почтительномъ поклонѣ низко склонилъ свою голую, какъ колѣно, голову и, повернувшись, засѣменилъ бодрѣй, стараясь держаться прямо.

Аносова уже успѣла справиться съ собой. Равнодушно взглянувъ на Невзгодина, она сдѣлала нѣсколько шаговъ къ нему навстрѣчу. Онъ поклонился.

— Наконецъ удостоили...

Аглая Петровна произнесла эти два слова умышленно небрежнымъ, слегка насмѣшливымъ тономъ, словно бы желая подчеркнуть, что посѣщеніе Невзгодина ей безразлично...

А между тѣмъ въ эти мгновенія она испытывала какое-то особенно хорошее, давно ей невѣдомое чувство, совсѣмъ не похожее на мучительную страсть.

Ея сердце точно охватило тепломъ, и все кругомъ стало свѣтлѣй. Ей казалось, что она сдѣлалась мягче, отзывчивѣе, просвѣтленнѣе и вдругъ словно бы обрѣла давно потерянную вѣру въ людей—вотъ въ этомъ худощавомъ, невидномъ мо-

лодомъ человѣкѣ съ нервнымъ, болѣзненнымъ лицомъ и смѣющимися глазами, которому нѣтъ никакого дѣла до ея милліоновъ, и онъ стоитъ передъ ней независимый и свободный.

Аглая Петровна уже не питала досады на Невзгодина. Напротивъ! Ей такъ хотѣлось, такъ неудержимо хотѣлось, чтобы онъ сталъ ея другомъ, братомъ, чтобы понялъ, что она не такая ужъ безсердечная «представительница капитала», какой онъ ее считаетъ, и чтобы относился къ ней хорошо и не сторонился бы ея, какъ теперь, а приходилъ бы запросто поговорить, почитать вдвоемъ...

И, захваченная этимъ настроеніемъ, Аглая Петровна уже не боролась съ нимъ, а свободно отдалась ему.

Она крѣпко, сердечно, не скрывая радостнаго чувства, пожала Невзгодину руку и вдругъ заговорила порывисто, торопливо и взволнованно, понижая почти до шопота голосъ и глядя довѣрчиво и мягко своими большими бархатными глазами въ острые, улыбающіеся глаза Невзгодина.

— Какъ я рада васъ видѣть, если-бъ вы знали! Вѣдь я ждала-ждала васъ, Василій Васильичъ, и, признаюсь, сердилась на васъ за то, что вы пренебрегли моимъ зовомъ, помните, на юбилеѣ Косицкаго? Вѣрьте, я не лгу и не кокетничаю съ вами. Мнѣ такъ хотѣлось по-пріятельски поговорить съ вами, поспорить, послушать умнаго, хорошаго человѣка, для котораго я не мѣшокъ съ деньгами, не богатая купчиха Аносова, а просто человѣкъ. Вѣдь я совсѣмъ одинока со своими милліонами!—съ грустной ноткой въ голосѣ прибавила она.—А вы не ѣхали и, какъ нарочно, пришли съ визитомъ сегодня, когда гости и нельзя поговорить, какъ—помните?—мы говорили на морскомъ берегу въ Бретани... Стыдно вамъ, Василій Васильичъ!

И этотъ горячій, дружескій тонъ послѣ перваго момента почти равнодушной встрѣчи, и это исканіе духовнаго общенія, и эти, казалось, искреннія похвалы, все это сперва изумило, а потомъ тронуло и даже нѣсколько «оболванило» Невзгодина, лишивъ его въ эти минуты обычной въ немъ способности анализа и безстрастнаго наблюденія.

Ему вдругъ показалось, что онъ былъ, пожалуй, не совсѣмъ правъ въ своихъ поспѣшныхъ заключеніяхъ объ этой «великолѣпной вдовѣ», когда называлъ ее сквалыгой, восторгающейся Шелли и обсчитывающей рабочихъ. И, незамѣтно поддаваясь обычному даже и у неглупыхъ мужчинъ искушенію—вѣрить и извинять многое женщинамъ (особенно когда онѣ недурны собой), которыя находятъ ихъ необыкновенно умными и интересными,—онъ уже считалъ себя нѣсколько

виноватымъ, что такъ поспѣшно осуждалъ Аглаю Петровну прежде, чѣмъ внимательнѣе приглядѣлся къ ней. Конечно, она типичная современная «капиталистка», но въ ней, быть-можетъ, по временамъ и говоритъ возмущенная совѣсть и она дѣйствительно одинока со своими милліонами.

Такъ думалъ Невзгодинъ, слушая Аглаю Петровну.

И, значительно смягченный и ея особеннымъ вниманіемъ и ея чарующей красотой, почти извиняясь, отвѣтилъ:

— Я все время былъ занятъ... Увлекся работой... Писалъ.

— Знаю...

— Какъ?

— Узнавала. И похудѣли же вы, бѣдный. Ну, идемъ въ гостиную. Только не уходите скоро. Гости разойдутся, и мы поболтаемъ... Не правда ли?

— Съ удовольствіемъ.

Она позвала лакея и велѣла больше никого не принимать.

Аглая Петровна вошла въ гостиную вмѣстѣ съ Невзгодинымъ, оживленная и веселая, и громко произнесла, обращаясь къ гостямъ:

— Василій Васильичъ Невзгодинъ!

Тотъ сдѣлалъ общій поклонъ и, увидавъ профессора Косицкаго и еще двухъ знакомыхъ, обмѣнялся съ ними рукопожатіями и хотѣлъ-было присѣсть, какъ хозяйка его подозвала и подвела къ единственной дамѣ, бывшей тутъ среди мужчинъ во фракахъ и бѣлыхъ гастукахъ, — къ пожилой, изящно одѣтой, дородной брюнеткѣ лѣтъ за сорокъ, сохранившей еще слѣды замѣчательной красоты на своемъ умномъ, энергичномъ смугломъ лицѣ съ большими красивыми, томными глазами.

— Рекомендую тебѣ, Даша, это тотъ самый невозможный спорщикъ, о которомъ я тебѣ говорила... Мы познакомились съ Васильемъ Васильевичемъ въ Бретани... Моя кузина, Дарья Михайловна Чулкова.

Невзгодинъ въ первый разъ увидалъ эту извѣстную въ Москвѣ богачку и щедрую благотворительницу, которую зналъ по фамиліи и по ея репутаціи умной и скромной женщины, умѣвшей толково и умно тратить часть своихъ средствъ на разныя добрыя дѣла и при этомъ безъ шума и безъ треска, не ради того, чтобы о ней говорили и объ ея пожертвованіяхъ печатали въ газетахъ.

Невзгодинъ слышалъ, что нѣсколько школъ было обязано ей своимъ существованіемъ и много молодыхъ людей, благодаря ей, получали образованіе. Слышалъ онъ и о помощи, которую оказывала Чулкова и многимъ «пострадавшимъ» и

ихъ семьямъ. И самъ Невзгодинъ, благодаря Чулковой, не былъ исключенъ изъ университета въ числѣ другихъ бѣдняковъ за невзносъ платы.

Онъ все это припомнилъ, когда Чулкова, указавъ на свободное кресло около себя, заговорила съ нимъ, разспрашивая о жизни русскихъ студентовъ и студентокъ въ Парижѣ.

Разговоръ въ гостиной шелъ лѣниво. Общество было разношерстное. Нѣсколько представителей купеческой аристократіи, два профессора, юный поэтъ изъ декадентовъ, баритонъ изъ Петербурга и высокій бравый полковникъ изъ остзейскихъ нѣмцевъ, объяснявшій хозяйкѣ, что онъ коренной москвичъ

О самоубійствѣ Перелѣсова не говорили ни слова. Это удивило Невзгодина,—онъ зналъ, какъ Москва любитъ посудачить и особенно по такому поводу. И какъ только Чулкова уѣхала, пригласивъ Невзгодина когда-нибудь запросто пріѣхать прямо къ обѣду, онъ подсѣлъ къ Косицкому и спросилъ:

— Вы не знаете ли, Андрей Михайловичъ, отчего застрѣлился Перелѣсовъ?

Косицкій боязливо взглянулъ на Аглаю Петровну, сидѣвшую близко.

— Помилосердствуйте, Василій Васильичъ... Развѣ вы не знаете?—воскликнула она.

— То-то не знаю... Читалъ только въ газетахъ...

— А у меня съ утра только и разговоровъ, что объ этой ужасной исторіи... Я слышала ее безчисленное число разъ.

— Но все-таки разрѣшите и мнѣ узнать, а Андрею Михайловичу—разсказать.

— Разрѣшаю, но только пересяду подальше отъ васъ, господа!—проговорила Аносова, вставая, и присѣла около полковника.

— Это очень грустная и поучительная исторія! — сказалъ въ видѣ предисловія старый профессоръ.—Прежде этого не бывало!—прибавилъ онъ.

И Косицкій разсказалъ, что сегодня утромъ Зарѣчный получилъ письмо, написанное Перелѣсовымъ въ день самоубійства. Въ этомъ письмѣ несчастный сообщалъ, что авторомъ пасквильной статьи былъ онъ, и такъ какъ, несмотря на принятыя имъ мѣры скрыть слѣды своего авторства, оно открылось, то онъ рѣшилъ не жить, чтобъ не видать заслуженнаго презрѣнія порядочныхъ людей...

— По крайней мѣрѣ искупилъ свою вину... По нынѣшнимъ временамъ это рѣдкость!—замѣтилъ взволнованный разсказомъ Невзгодинъ.—А какъ же открылось его авторство?

— И это онъ объяснилъ въ своемъ длинномъ и обстоятельномъ предсмертномъ письмѣ. Дѣло въ томъ, что вчера утромъ приходилъ одинъ молодой человѣкъ, его родственникъ, и разсказалъ, что факторъ типографіи газеты, въ которой помѣщенъ пасквиль, называетъ его авторомъ, и что слухи эти уже ходятъ... Да. Письмо производитъ потрясающее впечатлѣніе... Перелѣсовъ проситъ Зарѣчнаго простить ему хотя за то, что подлость не достигла цѣли, а цѣль была — занять его мѣсто. Но мертвые сраму не имутъ, а живые...

Косицкій сердито покачалъ головой и продолжалъ:

— Не онъ додумался до этой гадости. Его подбили. Несчастный, проклиная, назвалъ того, кто посовѣтовалъ ему высмѣять и мой юбилей, и меня, и коллегъ, обѣщая профессуру, а потомъ, недовольный статьей, самъ же издѣвался. Перелѣсовъ и этому человѣку написалъ письмо.

— Кто же онъ?

— Найденовъ!—тихо проговорилъ Косицкій.—Такой умный, талантливый ученый и...

Старикъ не докончилъ и сталъ собираться.

Скоро всѣ гости ушли.

— Ну, пойдемте, я вамъ покажу свою клѣтушку, Василій Васильичъ!—сказала Аглая Петровна.—Ужъ если вы будете меня описывать, то непремѣнно въ ней... Тамъ я провожу бо̀льшую часть своего времени.

Когда Невзгодинъ вошелъ въ «клѣтушку», онъ былъ удивленъ и вкусомъ Аглаи Петровны и особенно подборомъ книгъ.

Онъ просидѣлъ у Аносовой около часу и болѣе слушалъ, чѣмъ говорилъ. Сегодня она показалась ему не такою, какъ въ Бретани, и Невзгодину не хотѣлось вѣрить, что эта женщина, говорившая, казалось, такъ искренно о неудовлетворенности жизни, понимавшая такъ тонко художественныя творенія, цитировавшая на память Байрона и Шелли, въ то же время могла быть... кулакомъ.

Но какъ бы то ни было, а Невзгодинъ былъ крайне заинтересованъ Аглаей Петровной.

«Вѣдь она такой любопытный типъ для изученія!»—думалъ онъ, любуясь чарующей красотой этого типа.

И Невзгодинъ ушелъ, обѣщая побывать на-дняхъ.

XXVII.

Самоубійство Перелѣсова и, главное, причины, вызвавшія его, произвели сильное и подавляющее впечатлѣніе.

Многіе изъ знавшихъ его не хотѣли вѣрить, чтобы моло-

дой человѣкъ, пользующійся репутаціей вполнѣ порядочнаго человѣка, проповѣдывавшій съ каѳедры идеи правды и добра, считавшійся однимъ изъ даровитыхъ и честныхъ жрецовъ науки, могъ написать такую клевету на товарищей. Возмущенное чувство протестовало противъ этого. Такая неожиданная подлость казалась невѣроятной даже скептикамъ, видѣвшимъ немало предательствъ, не удивлявшихъ никого по нынѣшнимъ временамъ. Но и въ отступничествѣ соблюдается нѣкоторая приличная постепенность, а въ данномъ случаѣ какъ-то сразу порядочный, казалось, человѣкъ вдругъ оказался негодяемъ.

Сомнѣній въ этомъ быть не могло.

Хотя всѣ газеты, — и не только московскія, но и петербургскія, — словно бы сговорившись между собой, не давали никакихъ свѣдѣній о причинахъ самоубійства, а газета, напечатавшая о письмахъ, писанныхъ Перелѣсовымъ передъ смертью, даже поспѣшила опровергнуть это извѣстіе и на основаніи «новыхъ достовѣрныхъ извѣстій» сообщила, что Перелѣсовъ застрѣлился въ припадкѣ умопомѣшательства, — тѣмъ не менѣе слухи о письмѣ покойнаго къ профессору Зарѣчному быстро распространились въ интеллигентныхъ кружкахъ. Кромѣ того, благодаря нескромности фактора типографіи, еще наканунѣ самоубійства многіе знали, что авторомъ пасквиля былъ Перелѣсовъ.

Эта трагическая расплата за тяжкій грѣхъ словно бы встряхнула сонныхъ людей и заставила призадуматься даже тѣхъ, которые ни надъ чѣмъ не задумываются, освѣтивъ передъ ними весь ужасъ жизни съ ея какими-то ненормальными условіями, благодаря которымъ даже среди самыхъ интеллигентныхъ людей, среди жрецовъ науки, возможны тѣ недостойныя средства, какія были употреблены Перелѣсовымъ и, разумѣется, съ надеждою на успѣхъ.

Что же, значитъ, возможно среди менѣе интеллигентныхъ людей?—невольно являлся вопросъ, и чѣмъ-то жуткимъ, чѣмъ-то безотраднымъ вѣяло отъ этой утерянности принциповъ и нравственнаго чувства.

Перелѣсова жалѣли, и многіе рѣшили быть на его похоронахъ. Останься онъ жить, порядочные люди, разумѣется, отвернулись бы отъ него съ презрѣніемъ, но мертвый, добровольно заплатившій жизнью за грѣхъ, хоть и великій, онъ нѣсколько примирилъ съ собою.

Но зато «демонъ-искуситель», этотъ старый циникъ, натравившій Перелѣсова соблазнительными намеками о профессурѣ на подлость, возбуждалъ общее негодованіе, особенно

среди профессоровъ и молодежи. Позабывъ всякую осторожность, возмущенный до глубины души, Зарѣчный показалъ нѣсколькимъ изъ своихъ коллегъ не только письмо, имъ полученное отъ несчастнаго доцента, но и копію съ письма его къ Найденову, которую Перелѣсовъ приложилъ къ письму къ Зарѣчному съ предусмотрительностью человѣка, полнаго ненависти къ врагу, которому онъ желалъ отомстить за преждевременную смерть.

Слухи объ этомъ письмѣ въ тотъ же день разнеслись по городу, и — какъ же ругали Найденова, какихъ только бѣдъ ни накликали возмущенные москвичи на этого замѣчательнаго ученаго...

Онъ спокойно сидѣлъ въ кабинетѣ за чтеніемъ какого-то любопытнаго изслѣдованія, когда поздно вечеромъ въ сочельникъ слуга подалъ ему письмо Перелѣсова.

Найденовъ подозрительно взглянулъ на незнакомый почеркъ, не спѣша и съ обычной аккуратностью взрѣзалъ конвертъ, вынулъ письмо, взглянулъ сперва на подпись и, недовольно скашивая губы, принялся читать слѣдующія строки, написанныя твердымъ, размашистымъ и неровнымъ почеркомъ.

«Глубокопрезираемый Аристархъ Яковлевичъ!

«Я переусердствовалъ и не оправдалъ вашихъ ожиданій въ качествѣ тонкаго и умѣлаго пасквилянта, и вы, конечно, назовете меня дуракомъ еще разъ, узнавши, что я ухожу изъ жизни, такъ какъ не обладаю той доблестью, какою обладаете вы: спокойно жить, думая, что всѣ подлецы, но не имѣютъ только храбрости быть откровенными. Я именно изъ подлецовъ мысли и, быть-можетъ, остался бы такимъ, пока не получилъ бы каѳедры, но вы съ проницательностью, достойною лучшаго примѣненія, поняли мою озлобленную, порочную душу и, поманивъ меня профессурой, заставили быть орудіемъ въ вашихъ рукахъ, чтобы потомъ поглумиться надъ недостаточною понятливостью ученика. Вы такимъ образомъ сыграли блестяще роль подстрекателя, и, разумѣется, не ваша вина, что моя статья не достигла желаемой вами цѣли. Увлеченный надеждами, я переусердствовалъ. Разставаясь, благодаря вамъ главнымъ образомъ, съ жизнью, я не могу отказать себѣ въ маленькомъ удовольствіи сказать вамъ, что вы поступили со мною нечестно. Желаю вамъ почувствовать угрызенія совѣсти, если только это возможно для васъ. Быть-можетъ, мое самоубійство спасетъ другихъ, такихъ же слабыхъ, какъ я. Довольно и одного такого человѣка, позорящаго ученое сословіе. Къ чему же еще плодить ихъ? Вы, презрѣнный старикъ, спо-

койно доживете свой вѣкъ, а вѣдь совращенные вами могутъ не имѣть вашего мужества, и тогда кто-нибудь изъ нихъ пуститъ себѣ пулю въ лобъ, какъ черезъ нѣсколько часовъ сдѣлаю это я. Столько ума и столько нечестности въ одномъ человѣкѣ! И изъ-за него я долженъ умереть, когда такъ хотѣлось бы жить!

«Впрочемъ, я не надѣюсь, что васъ чѣмъ-нибудь проймешь. Вы слишкомъ свободны отъ какихъ бы то ни было предразсудковъ и слѣдовательно неуязвимы. Одна только надежда: если дѣти ваши, которыхъ вы такъ любите, честны, то искренно желаю, чтобы они прозрѣли, каковъ у нихъ отецъ».

Не разъ во время чтенія этихъ строкъ старый профессоръ перекашивалъ свои тонкія губы, двигалъ скулами и ерзалъ плечами, полный злобы къ Перелѣсову, каждое слово котораго хлестало его, какъ бичомъ, своею грубою откровенностью. Онъ вѣдь понималъ, что Перелѣсовъ правъ, называя его убійцей. Но развѣ онъ, воспользовавшись дуракомъ, могъ разсчитывать, что тотъ окажется такой слабой тварью?

И, дочитывая заключительныя строки письма, Найденовъ невольно поблѣднѣлъ и на минуту словно бы закаменѣлъ, неподвижный, съ расширенными зрачками своихъ холодныхъ, отливавшихъ сталью, глазъ.

— Туда, дураку, и дорога!—наконецъ прошепталъ онъ чуть слышно.

Проговоривъ со злобы эти слова, Найденовъ поднялся съ кресла, подошелъ къ камину и бросилъ на горѣвшіе угли письмо Перелѣсова. Пристальнымъ и злымъ взглядомъ смотрѣлъ онъ, какъ вспыхнулъ листокъ и какъ затѣмъ, обращенный въ черный пепелъ, свѣтился искорками и наконецъ истлѣлъ.

И, словно бы почувствовавъ облегченіе, старый профессоръ удовлетворенно вздохнулъ и заходилъ по своему обширному кабинету.

Видимо недовольный, онъ думалъ о «глупой исторіи», какъ мысленно назвалъ онъ самоубійство Перелѣсова. Его озабочивало—какъ бы не припутали къ ней его имени.

Разумѣется, онъ никакого письма не получалъ, и никто о немъ никогда не узнаетъ. Если этотъ дуракъ дѣйствительно застрѣлился, надо быть на одной изъ панихидъ и затѣмъ на похоронахъ... Во всякомъ случаѣ, непріятная исторія. Вотъ что значитъ имѣть дѣло съ глупыми людьми. Сдѣлаетъ пакость въ надеждѣ на вознагражденіе и винитъ другихъ...

Такъ думалъ старый профессоръ, не догадавшійся, что имя его уже крѣпко припутано къ этой «глупой исторіи», и что

Перелѣсовъ, разставаясь съ жизнью, постарался отмстить виновнику своей смерти.

— Къ тебѣ можно, папа?—раздался на порогѣ свѣжій молодой голосъ.

— Можно, можно, Лизочка.

И голосъ Найденова зазвучалъ нѣжностью, а злые глаза его тотчасъ же приняли выраженіе нѣжной любви при видѣ высокой стройной дѣвушки, лѣтъ двадцати.

Она заглянула отцу въ глаза, сама чѣмъ-то встревоженная, и спросила:

— Ты встревоженъ, папа?

— Я?.. Нѣтъ... Съ чего мнѣ тревожиться, моя родная! — торопливо отвѣтилъ старикъ и съ какою-то особенной порывистою нѣжностью поцѣловалъ дочь.

— Такъ ты, значитъ, не знаешь печальной новости?

— Какой?

— Перелѣсовъ сейчасъ застрѣлился...

Старый профессоръ, давно уже ничѣмъ и ни передъ кѣмъ не смущавшійся, смущенно проговорилъ:

— Застрѣлился? Откуда ты объ этомъ узнала, Лиза?

— Я сейчасъ гуляла и встрѣтила Ольгу Цвѣтницкую...

— И что же?—нетерпѣливо перебилъ Найденовъ.

— Къ нимъ на минутку заѣзжалъ Зарѣчный, чтобы сообщить, что Перелѣсовъ застрѣлился. И знаешь почему, папа? Это ужасно!—взволнованно прибавила молодая дѣвушка.

— Почему же?

— Онъ былъ авторомъ этой мерзкой статьи, — помнишь, папа? — въ которой были оклеветаны Зарѣчный, Косицкій и другіе профессора. И не могъ пережить позора...

— Но откуда все это извѣстно? — едва скрывая тревогу, спрашивалъ Найденовъ.

— Онъ самъ признался во всемъ въ письмѣ къ Зарѣчному и просилъ прощенія... Несчастный! Кто могъ думать, что онъ былъ способенъ на такую подлость... Но онъ искупилъ ее своею смертью... Говорятъ, что онъ еще написалъ письмо...

— Кому?—упавшимъ голосомъ спросилъ старый профессоръ.

— Ольга не знаетъ... кому-то изъ профессоровъ.

Найденова охватила мучительная тревога, и онъ невольно вспомнилъ заключительныя строки только-что уничтоженнаго письма. Вспомнилъ, и что-то невыносимо-жуткое, тоскливое прилило къ его сердцу при мысли, что можетъ открыться его прикосновенность къ самоубійству Перелѣсова, и тогда онъ потеряетъ любовь сына и дочери.

А онъ ихъ любилъ и, кажется, однихъ ихъ во всемъ свѣтѣ!..

Дома, въ глазахъ жены и дѣтей, онъ былъ въ ореолѣ знаменитаго ученаго и безукоризненнаго человѣка. Никто изъ нихъ не зналъ и не могъ бы допустить мысли, что на душѣ стараго профессора слишкомъ много грѣховъ, и такихъ, за которые можно сгорѣть отъ стыда. Передъ своими онъ словно бы боялся обнажать душу и обнаруживать свой безпринципный цинизмъ, понимая, какъ это подѣйствовало бы на молодыя сердца, полныя энтузіазма и вѣры въ людей. Онъ бо̀льшую часть своего времени проводилъ въ кабинетѣ, но, встрѣчаясь съ женой и дѣтьми, бывалъ съ ними необыкновенно ласковъ и нѣженъ и при нихъ никогда не высказывалъ своихъ безотрадно-скептическихъ взглядовъ неразборчиваго на средства честолюбца и карьериста, словно бы оберегая любимыя существа отъ своего тлетворнаго вліянія, и дѣти гордились своимъ отцомъ и горячо любили его, объясняя его нелюдимство и не особенно близкія отношенія съ профессорами его страстью къ ученымъ занятіямъ. Они, быть-можетъ, и замѣчали, что многіе относятся къ отцу недоброжелательно и даже прямо враждебно, но это—казалось имъ—происходило отъ того, что не понимали горделивой и сдержанной съ посторонними натуры отца. Кромѣ того, боялись его насмѣшливаго подчасъ языка и завидовали его подавляющему превосходству и уму и всѣми признанной репутаціи замѣчательнаго ученаго, труды котораго переводятся на иностранные языки.

Благодаря умному добровольному невмѣшательству Найденова въ воспитаніе своихъ дѣтей и благодаря вліянію необыкновенно кроткой матери, обожавшей мужа съ какимъ-то слѣпымъ, чуть ли не рабскимъ благоговѣніемъ любящей и нѣжной натуры, — дѣти выросли совсѣмъ не похожія по внутреннему складу на отца. Особенно его любимица Лиза, добрая дѣвушка и беззавѣтная энтузіастка, горѣвшая желаніемъ приложить свои силы на помощь обездоленнымъ и несчастнымъ.

Она была дѣятельнымъ членомъ попечительства и, вмѣстѣ съ Маргаритой Васильевной, дѣйствительно ретиво занималась дѣломъ благотворительности. Она посѣщала ежедневно свой участокъ, не стѣсняясь подвалами и задворками, сердечно относилась къ бѣднякамъ и съ горячностью предстательствовала за нихъ передъ комитетомъ и раздавала имъ почти всѣ свои карманныя деньги, вмѣсто того, чтобы на нихъ купить себѣ пару новыхъ перчатокъ и флаконъ духовъ. Кромѣ того, Лиза была учительницей въ школѣ попечительства и относилась къ принятымъ на себя обязанностямъ съ отцовской добросовѣстностью и аккуратностью къ работѣ. Непохожая на боль-

шинство шаблонныхъ барышень, мечтающихъ о нарядахъ, выѣздахъ, балахъ, театрахъ и поимкѣ хорошаго жениха, она распоряжалась своимъ досугомъ на пользу ближняго и, бодрая, здоровая и румяная, не нервничала отъ неудовлетворенности жизнью, дѣлая свои маленькія дѣла скромно, толково и неустанно.

И отецъ, давно ужъ забывшій альтруистическія чувства и преслѣдовавшій въ жизни одни лишь свои интересы, не высмѣивалъ ни ея благотворительнаго пыла, ни ея посѣщеній по вечерамъ публичныхъ лекцій, ни ея увлеченія школой и возни съ грязными дѣтьми трущобъ, ни ея молодого задора и категоричности мнѣній, ни ея негодующихъ протестовъ противъ того, что̀ добрая дѣвушка считала несправедливымъ, нечестнымъ и злымъ.

Напротивъ! Этотъ черствый себялюбецъ, высокомѣрный и жесткій по отношенію ко всѣмъ людямъ, исключая своихъ кровныхъ, съ снисходительнымъ вниманіемъ и, казалось, даже сочувственно слушалъ пылкія рѣчи своей любимицы, довѣрчивой и экспансивной, и своимъ мягкимъ ласковымъ взглядомъ какъ будто поощрялъ дочь вѣрить въ то, во что самъ давно не вѣрилъ, и проявлять безкорыстную дѣятельную любовь, которая ему лично казалась забавой.

И обычная саркастическая улыбка не кривила его тонкихъ безусыхъ губъ. Ему казалось святотатствомъ осквернить чистую душу своимъ скептицизмомъ стараго циника и обнажить передъ ней свое полное равнодушіе къ тому, что̀ она считала красотой жизни.

«Пусть жизнь сама разрушитъ ея иллюзіи. Пусть знакомство съ людьми покажетъ ей человѣка такимъ, какъ онъ есть... А я не стану разрушать этой чистой вѣры!»—нерѣдко думалъ старикъ, слушая свою любимицу.

И старикъ пользовался ея безграничной любовью. Изъ страха потерять эту любовь онъ тщательно скрывалъ передъ нею самого себя и искусно показывалъ только то, что̀ могло поддержать въ ея глазахъ его престижъ. Ужъ давно онъ потерялъ и уваженіе и любовь друзей. Давно онъ самъ не уважалъ себя. Что̀ же у него останется въ жизни, если онъ потеряетъ любовь дѣтей, хотя бы онъ и пользовался ею обманомъ.

И эта «глупая исторія», это самоубійство Перелѣсова, о которомъ такъ горячо говорила дочь, показалась ему страшной трагедіей. Лучше было бы, если-бъ ея не было.

— Ты, я вижу, очень изумленъ и взволнованъ, папочка!— проговорила Лиза и быстро поцѣловала костлявую и сухую отцовскую руку.

Старикъ нѣжно потрепалъ дочь по щекѣ и отвѣтилъ:

— Да... Совсѣмъ неожиданно.

— Такой молодой и совершилъ такой ужасный поступокъ... Ты вѣдь зналъ Перелѣсова? Онъ, кажется, еще недавно у тебя былъ вечеромъ, въ день юбилея Косицкаго!

— Былъ.

— Какъ ты объясняешь себѣ эту лживую статью... это предательство товарищей, папа?—допрашивала Лиза, не понимая, что она является палачомъ любимаго отца.

— Человѣкъ — очень сложный инструментъ, Лиза. Очень сложный, милая!—какъ-то раздумчиво проговорилъ Найденовъ, отводя взглядъ.

— Но все-таки, папа. Что̀ могло заставить его рѣшиться на это?

— У людей бываютъ разныя страсти, Лиза. И побороть ихъ не всегда легко.

— Но все-таки онъ былъ не совсѣмъ дурной человѣкъ... Этотъ трагическій конецъ примиряетъ съ нимъ. Не правда ли?

— Да,—тихо проговорилъ отецъ.

— И, знаешь, папочка, Ольга говорила, будто кто-то обѣщалъ Перелѣсову, что онъ будетъ профессоромъ вмѣсто Зарѣчнаго, если напишетъ статью. Его кто-то вовлекъ.

— Это вздоръ!—почти крикнулъ Найденовъ.

И, спохватившись, прибавилъ тихо:

— Кто могъ обѣщать ему? Вѣрнѣе всего, Перелѣсовъ самъ додумался до этой статьи... Онъ давно мечталъ о профессурѣ... Теперь мало ли какихъ сплетенъ не будутъ распускать по поводу самоубійства Перелѣсова... Пожалуй, еще и мое имя приплетутъ...

— Твое? Что̀ ты? Богъ съ тобой, папочка! — испуганно промолвила Лиза.

— Люди злы... Пожалуй, узна̀ютъ, что Перелѣсовъ заходилъ ко мнѣ послѣ юбилея...

— Такъ что̀ же?

— И выведутъ какія-нибудь нелѣпыя заключенія... Отъ сплетенъ не убережешься... Ну, да я къ нимъ равнодушенъ... Мнѣ рѣшительно все равно, какъ обо мнѣ люди думаютъ, лишь бы дома меня знали и любили. А больше мнѣ ничего не надо... И я знаю, что вы меня любите и не повѣрите никакимъ сплетнямъ про вашего отца... Не правда ли, Лиза?—необыкновенно нѣжнымъ и умоляющимъ голосомъ проговорилъ старый профессоръ, уже понявши изъ словъ дочери, что имя его припутано къ самоубійству Перелѣсова.

Этотъ «кто-то», обѣщавшій профессуру, смущалъ его

— И ты еще спрашиваешь, родной? Да развѣ про тебя смѣютъ говорить что-нибудь дурное? И развѣ мы можемъ повѣрить, что ты способенъ сдѣлать что-нибудь дурное?.. О, папочка!.. Ты просто разстроенъ этимъ несчастнымъ происшествіемъ, и тебѣ въ голову лѣзутъ невозможныя мысли. Лучше поцѣлуй свою дочку и пойдемъ въ столовую. Сейчасъ подадутъ чай.

И Лиза порывисто обняла нагнувшагося къ ней отца, крѣпко поцѣловала его и, глядя на него своими восторженными блестящими глазами, воскликнула:

— О, дорогой мой папочка! Какъ я горжусь тобой!

Что-то теплое, счастливое прилило къ сердцу отца; онъ благодарно и умиленно гладилъ русую головку дочери своею вздрагивающею холодною рукой и въ то же время думалъ о письмѣ Перелѣсова къ Зарѣчному. Что̀ если въ этомъ письмѣ онъ разсказываетъ все, какъ было?

И мучительный трепетъ страха охватилъ ничего не боявшагося стараго профессора при мысли, что дѣти могутъ узнать и убѣдиться, что напрасно они гордятся своимъ отцомъ.

Онъ чувствовалъ, что едва стоитъ на ногахъ.

— Папочка, да что̀ съ тобой? Ты поблѣднѣлъ. Твоя рука дрожитъ...—тревожно спрашивала Лиза.

— Ничего, ничего, родная...

И онъ присѣлъ на оттоманку.

— Тебя такъ взволновало это ужасное извѣстіе?

— На свѣтѣ много ужасныхъ извѣстій, Лиза... Я, вѣрно, утомился сегодня... Много работалъ. И я не пойду въ столовую пить чай... Принеси мнѣ сюда, голубушка...

Когда Лиза ушла, Найденовъ какъ-то жалко и безпомощно прошепталъ:

— Неужели начинается расплата?

XXVIII.

На́ второй день праздника—утренняя панихида назначена была въ десять часовъ.

Въ небольшой залѣ, рядомъ съ опечатанной комнатой, въ которой застрѣлился Перелѣсовъ, стоялъ гробъ, обитый золотымъ глазетомъ. Толстый дьячокъ монотонно и гнусаво читалъ псалтырь, взглядывая по временамъ равнодушнымъ взглядомъ изъ-подъ густыхъ бровей на маленькую, бѣдно одѣтую старушку въ траурномъ платьѣ, обшитомъ плерезами, которая стояла у гроба и тихо, совсѣмъ тихо, точно запуганный ребенокъ, плакала, не отрывая своихъ выцвѣтшихъ,

красныхъ отъ слезъ глазъ отъ обрамленнаго цвѣтами лица покойника, спокойнаго и серьезнаго, словно думающаго какую-то важную думу.

Старушка-мать, вдова маленькаго провинціальнаго чиновника, жившая въ уѣздномъ городѣ Смоленской губерніи на средства, которыя давалъ ей сынъ, удѣляя ихъ изъ своего скуднаго заработка, пріѣхала вчера вечеромъ, вызванная телеграммой Сбруева. Сбруевъ жилъ недалеко отъ Перелѣсова, на Арбатѣ, и къ нему первому прибѣжалъ квартирный хозяинъ, чтобы сообщить о самоубійствѣ своего квартиранта.

Сбруевъ былъ потрясенъ, когда поздно вечеромъ узналъ отъ Зарѣчнаго о причинахъ самоубійства Перелѣсова. Онъ искренно его пожалѣлъ и простилъ грѣхъ, искупленный смертью. По просьбѣ Зарѣчнаго, онъ взялъ на себя хлопоты по устройству похоронъ, и такъ какъ послѣ смерти Перелѣсова у него найдено было всего лишь три рубля, то Сбруевъ рѣшилъ похоронить Перелѣсова на свой счетъ, если бы коллеги отказались отъ складчины, и въ ту же ночь занялъ для этой цѣли двѣсти рублей.

Но на другой же день Зарѣчный объѣхалъ нѣсколькихъ профессоровъ и собралъ триста рублей, и отдалъ ихъ Сбруеву.

Старушка почти не спала ночь. Несмотря на просьбы Сбруева идти къ нему переночевать, она просила, какъ милости, позволить ей остаться при сынѣ. Она не устала, а если устанетъ, подремлетъ въ креслѣ.

И, ничего до этихъ поръ не говорившая о сынѣ, она, глотая рыданія, вдругъ сказала:

— О, если-бъ вы только знали, какой онъ былъ добрый и нѣжный ко мнѣ... О, если-бъ вы это знали! Онъ самъ нуждался... отказывалъ себѣ во всемъ,—я только теперь это узнала,—а мнѣ, голубчикъ, каждый мѣсяцъ посылалъ пятьдесятъ рублей... И писалъ, что живетъ отлично, что ни въ чемъ не нуждается... Онъ всегда такой былъ... деликатный... А я, дура, вѣрила, что онъ посылаетъ отъ излишковъ. И онъ еще въ послѣднемъ письмѣ писалъ, что скоро выпишетъ меня въ Москву, и мы будемъ вмѣстѣ жить, когда его сдѣлаютъ профессоромъ... Вотъ и выписалъ... И объясните мнѣ, ради Бога, Дмитрій Иванычъ, отчего Леня лишилъ себя жизни?.. Въ письмѣ ко мнѣ, оставленномъ на его столѣ, онъ проситъ прощенія, что оставляетъ меня одну, и только говоритъ, что жить ему больше нельзя. Кто обидѣлъ его? Кому онъ мѣшалъ, мой голубчикъ?

Сбруевъ грустно молчалъ.

— Такой хорошій, умный, молодой... Ему бы жить, а онъ...

мертвый... Кто же погубилъ его? Какіе злодѣи? И неужели они не будутъ наказаны? Да гдѣ-жъ тогда правда на землѣ, Дмитрій Ивановичъ?

Она вдругъ смолкла, точно сама испугавшись этого порыва отчаянія, и снова заплакала.

А Сбруевъ все молчалъ и не замѣчалъ, что глаза его влажны отъ слезъ.

Около полуночи онъ ушелъ домой, а мать снова подолгу стояла у гроба и, застывшая въ скорби, глядѣла въ лицо сына, точно ожидая, не откроетъ ли оно причину ея сиротства.

Ночью старушка забывалась на нѣсколько минутъ въ тяжеломъ снѣ, сидя на креслѣ. И теперь она опять смотритъ на мертваго сына и опять тихо плачетъ.

На часахъ пробило девять ударовъ.

Вошла квартирная хозяйка, молодая рыжеватая дама, и, словно бы стыдясь занимать горюющую мать житейскими дѣлами, какъ-то томно проговорила:

— Извините... Я, конечно, понимаю ваше горе, но все-таки... не выпьете ли чашку чая?

Старушка съ удовольствіемъ приняла предложеніе и вышла изъ комнаты.

Въ концѣ десятаго часа пріѣхалъ Сбруевъ и вслѣдъ за нимъ Невзгодинъ.

Они познакомились на юбилеѣ Косицкаго и понравились другъ другу.

— Какъ вы думаете, Дмитрій Ивановичъ, много соберется на панихиду?—спросилъ Невзгодинъ.

— Я думаю. Вчера вечеромъ на первой панихидѣ было порядочно народа...

— И это правда, что̀ я слышалъ вчера о Найденовѣ?.. Косицкій разсказывалъ...

— Правда. Не ожидали, что такой мерзавецъ?..—грустно протянулъ Сбруевъ.

— Это я давно зналъ, положимъ... Но я не думалъ, что онъ такъ неостороженъ...

— На всякаго мудреца — довольно простоты, Василій Васильичъ...

— И неужели онъ послѣ всего... останется въ Москвѣ?

— Не думаю!—какъ-то значительно промолвилъ Сбруевъ.— Вотъ мать покойнаго, оставшаяся сиротой и безъ куска хлѣба послѣ смерти Перелѣсова, спрашивала: гдѣ же правда на землѣ?

— И что̀ вы ей отвѣтили?

— Ничего!—мрачно произнесъ Сбруевъ.

— Отвѣтить, хотя бы для утѣшенія старухи, гдѣ по нынѣшнимъ временамъ гоститъ эта самая правда, очень затруднительно.

— Особенно намъ! — рѣшительно подчеркнулъ Дмитрій Иванычъ.

— Кому «намъ»?

— Вообще жрецамъ науки, выражаясь возвышеннымъ тономъ.

— Почему же имъ особенно, Дмитрій Иванычъ?—удивленно спросилъ Невзгодинъ.

— А потому, что у насъ двѣ правды! — уныло протянулъ Сбруевъ.

— У людей другихъ профессій, пожалуй, этихъ правдъ еще больше.

Обыкновенно молчаливый и застѣнчивый Дмитрій Ивановичъ, подъ вліяніемъ самоубійства Перелѣсова, находился въ возбужденно-мрачномъ настроеніи, и ему хотѣлось поговорить по душѣ съ какимъ-нибудь хорошимъ свѣжимъ человѣкомъ, и притомъ не изъ своей профессорской среды, которая ему не особенно нравилась.

А Невзгодинъ именно былъ такимъ свѣжимъ человѣкомъ, возбуждавшимъ симпатію въ Сбруевѣ. Невзгодинъ былъ вольная птица и не зналъ гнета зависимости и двойственности положенія. Кромѣ того Сбруеву казалось, что Невзгодинъ неспособенъ на компромиссы.

И Дмитрій Ивановичъ заговорилъ вполголоса, «волнуясь и спѣша»:

— Быть-можетъ, и больше, но знаете ли, въ чемъ ихъ преимущество?

— Въ чемъ?

— Въ томъ, что чиновникъ, напримѣръ, не обязанъ говорить хорошія слова, свершая, положимъ, не совсѣмъ хорошіе поступки. Сиди себѣ и пиши, худо или хорошо, это его дѣло. А мы обязаны.

— Какъ такъ?

— А такъ. Съ каѳедры мы проповѣдуемъ одну правду,— если и не всю, то хоть частичку ея,—а въ жизни поступаемъ по другой правдѣ, назначенной для домашняго употребленія и для двадцатаго числа...

Онъ застѣнчиво улыбнулся своею грустною улыбкою и продолжалъ:

— Вотъ Перелѣсовъ не вынесъ рѣзкаго противорѣчія этихъ двухъ правдъ, обнаруженнаго передъ всѣми, и пустилъ себѣ пулю въ лобъ... Ну, а мы и не замѣчаемъ этихъ противо-

рѣчій и, если не дѣлаемъ сами крупныхъ пакостей и только, какъ Пилатъ, умываемъ руки при видѣ ихъ или дѣлаемъ маленькія подлости, то уже считаемъ себя порядочными людьми и надѣемся дожить до заслуженнаго профессора и отпраздновать свой юбилей вмѣсто того, чтобы уйти, пока еще не утрачено человѣческое подобіе, если не изъ жизни, какъ ушелъ Перелѣсовъ, то хоть изъ жрецовъ... Отчего, въ самомъ дѣлѣ, мы, русскіе интеллигенты, такія тряпки, Василій Васильичъ! — взволнованно воскликнулъ Сбруевъ, точно изъ души его вырвался страдальческій вопль.

— Много на это причинъ, Дмитрій Иванычъ...

— Однако звонятъ... Сейчасъ явится публика. Какъ жаль, что нельзя поговорить на эту тему основательнѣе и выяснить, почему болѣе стыдливые—тряпки, а безстыжіе ужъ черезчуръ наглы... Не позавтракаемъ ли вмѣстѣ завтра, послѣ похоронъ? Сегодня боюсь... Вечеромъ надо опять здѣсь быть, и неловко придти не въ своемъ видѣ. Я люблю, запершись, иной разъ выпить,—прибавилъ Сбруевъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— Поѣдемъ въ «Прагу». Тамъ не особенно дорого... А то молчишь-молчишь... Ну, и вдругъ захочется поговорить со свѣжимъ человѣкомъ, да еще такимъ счастливцемъ.

— Почему счастливцемъ?

— А какъ же. Вѣдь нигдѣ не служите?

— Нигдѣ.

— Въ профессора не собираетесь?

— Нѣтъ.

— И, слышалъ, избрали писательскую карьеру?

— Хочу попробовать.

— И не бросайте ея, ежели есть талантъ. По крайней мѣрѣ самъ себѣ господинъ. Ни отъ кого не зависите...

— Кромѣ редактора и цензора... Особенно если попадутся черезчуръ дальновидные!—усмѣхнулся Невзгодинъ.

— Но все-таки... въ вашей волѣ...

— Не писать? Разумѣется.

— Нѣтъ... Отчего не писать?.. Но не лакействовать. И это счастье.

— Не особенное, Дмитрій Ивановичъ.

— По сравненію съ другими профессіями—особенное.

Стали появляться разныя лица. Явилось нѣсколько профессоровъ; въ числѣ ихъ были и оклеветанные въ статьѣ покойнаго Косицкій и Зарѣчный. Маленькая зала быстро наполнилась интеллигентной публикой, среди которой были учителя, студенты и много молодыхъ женщинъ.

Всѣхъ входящихъ въ залу тотчасъ же охватывало какое-то особенное настроеніе взволнованности, страха и виноватости при видѣ спокойно-важнаго лица покойнаго. Трагическая его смерть напоминала, казалось, о чемъ-то важномъ и серьезномъ, что̀ всѣми обыкновенно забывается, и придавала этому лицу выраженіе не то упрека, не то предостереженія.

И нѣкоторымъ изъ присутствующихъ оно, казалось, говорило:

«Я сдѣлалъ нечестное дѣло, въ которомъ и вы отчасти виноваты, и... видите».

Несмотря на горделивое сознаніе всѣхъ присутствовавшихъ, что никто изъ нихъ не сдѣлаетъ такого нечестнаго дѣла и слѣдовательно не застрѣлится, многимъ становилось жутко, когда подходили къ покойнику и заглядывали въ его лицо. Разговаривали шопотомъ, словно боялись разбудить мертвеца. Почти у всѣхъ женщинъ были заплаканные глаза... Старушка-мать гдѣ-то затерялась въ толпѣ, и на нее никто не обращалъ вниманія.

Кто-то принесъ въ корзинѣ массу живыхъ цвѣтовъ, и въ толпѣ пронесся шопотъ, что цвѣты прислала Аносова.

Нѣсколько профессоровъ собрались въ кучку и тихо поносили Найденова. Особенно отличались трусливые коллеги стараго профессора, которые потихоньку заискивали у него. Но здѣсь, у гроба, невольно хотѣлось щегольнуть цивизмомъ, выражая негодованіе противъ человѣка, котораго и раньше всѣ боялись и не любили, но все-таки терпѣли.

— Я ему руки не подамъ. Честное слово!—вдругъ сказалъ Цвѣтницкій, не зная, какъ это у него сорвалось съ языка, такъ какъ самъ онъ былъ убѣжденъ, что никогда не рѣшится сдѣлать этого, пока Найденовъ въ фаворѣ.

И, вѣроятно, замѣтивъ, что ему не повѣрили, Цвѣтницкій проговорилъ:

— Такъ-таки не подамъ!

Зарѣчный между тѣмъ сообщилъ, что вчера, въ пять часовъ вечера, передъ самымъ обѣдомъ, къ нему заѣзжалъ Найденовъ и не засталъ его дома.

— Я приказалъ не принимать его, если онъ еще разъ пріѣдетъ!—прибавилъ молодой профессоръ.

Слушатели удивлялись наглости Найденова. Самъ натравилъ Перелѣсова написать пасквиль и имѣетъ дерзость ѣхать къ Николаю Сергѣевичу. Вѣрно, онъ не знаетъ, что Николай Сергѣевичъ получилъ письмо отъ жертвы.

— А можетъ-быть, узналъ и хотѣлъ уговорить васъ скрыть его.

— Чортъ его знаетъ. Теперь я понялъ, что̀ это за человѣкъ!—негодующе замѣтилъ Зарѣчный, вспоминая, какъ Найденовъ

глумился надъ нимъ по поводу его рѣчи и какъ разсказывалъ, что защищалъ его, а между тѣмъ самъ же подговорилъ написать противъ него статью.

«И какимъ я былъ трусомъ тогда!» — подумалъ Николай Сергѣевичъ и почувствовалъ еще бо́льшую радость, что Найденовъ такъ основательно попался въ своихъ подлыхъ интригахъ.

Подошелъ еще одинъ профессоръ и сообщилъ, что слышалъ изъ вѣрныхъ источниковъ, будто по поводу самоубійства Перелѣсова будетъ назначено слѣдствіе.

На всѣхъ лицахъ мелькнули торжествующія улыбки.

— Тогда онъ навѣрное вылетитъ!—замѣтилъ Зарѣчный.

— И давно пора,—проговорилъ Цвѣтницкій.

И всѣ снова принялись бранить Найденова.

Одинъ только Косицкій слушалъ все это молча и грустно смотрѣлъ, какъ укладываютъ въ гробъ цвѣты.

Маргарита Васильевна вошла съ мужемъ и стала у дверей въ сосѣдней комнатѣ—столовой квартирныхъ хозяевъ. Невзгодинъ подошелъ къ Зарѣчной и, взглядывая на ея блѣдное, истомленное лицо, задумчивое и скорбное, спросилъ:

— Что̀ съ вами? Зачѣмъ вы сюда пришли совсѣмъ больная?

— Со мной ничего особеннаго. Просто устала... не спала ночь въ дорогѣ. Я только-что изъ Петербурга. А вы гдѣ пропадали?

— Работалъ. А порученіе ваше завтра же исполню.

— Спасибо.

Она помолчала и вдругъ промолвила чуть слышно:

— А какъ это просто.

— Что̀ такое?

— Да вотъ это.

И Маргарита Васильевна едва замѣтнымъ движеніемъ головы указала на гробъ.

Невзгодинъ удивленно взглянулъ на молодую женщину.

— Вы хотите сказать, что просто разстаться съ жизнью?

— Ну, да.

— Ужъ не манитъ ли и васъ эта простота?

— По временамъ являются такія мысли.

— Что̀ это?.. Заразительность частыхъ самоубійствъ?

— Нѣтъ... Собственныя размышленія послѣдняго времени.

— И причины такого желанія?..

— Жить скучно! — прошептала молодая женщина, и на лицѣ ея появилась такая скорбная улыбка, что Невзгодину сдѣлалось жутко.

— Какъ это, подумаешь, ужасно!..

— А вы думаете, нѣтъ?

— Но ваши планы дѣятельности и другіе?..

— Оставить мужа?

— Да.

— Вѣдь вы сами же говорили, что одна дѣятельность не можетъ удовлетворить женщину. А въ другой мой планъ не вѣрили!—прибавила Маргарита Васильевна, и слабый румянецъ вспыхнулъ на блѣдныхъ щекахъ.

— Положимъ, говорилъ... Но изъ этого не слѣдуетъ, что нужно...

— Мало ли что̀ не слѣдуетъ! — перебила Маргарита Васильевна.

— Вамъ полѣчиться надо.

— Можетъ-быть.

— И что̀ это нынѣ за безволіе какое-то у людей!

Невзгодинъ сопоставилъ только-что бывшій у него разговоръ со Сбруевымъ съ тѣмъ, что̀ говорила Маргарита Васильевна. И того мучитъ двойственность положенія, и въ его рѣчахъ чувствуется смутное желаніе выхода изъ него, хотя бы путемъ смерти... И эта вотъ тоже. Нечего сказать, тряпичное поколѣніе въ болѣе стыдливыхъ его представителяхъ.

Да и самъ онъ развѣ не переживалъ въ Парижѣ такого настроенія?

Была полоса, когда и у него бродили мысли покончить съ собой изъ-за проклятыхъ вопросовъ, мучившихъ своей неприложимостью въ жизни, и изъ-за отвергнутой любви къ этой самой Маргаритѣ Васильевнѣ, безъ которой жизнь ему казалась несчастной... И ко всему этому одиночество и хроническое голоданіе.

Но все это продолжалось у него недолго и безповоротно прошло. Работа, горделивое желаніе борьбы, примѣры мужества крупныхъ личностей и сознаніе долга передъ жизнью спасли его, направивъ мысли отъ своихъ маленькихъ личныхъ печалей на болѣе серьезныя и общественныя печали. Теперь онъ удивляется своему малодушію, и его удивляетъ малодушіе людей, которые безъ борьбы, безъ всякой попытки найти выходъ въ какомъ-нибудь общественномъ дѣлѣ, отдаются во власть нервныхъ, личныхъ настроеній.

Ему было жаль Маргариту Васильевну. Кто ее знаетъ? Можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ она приведетъ въ исполненіе свое желаніе оттого, что скучно жить. А ей скучно жить главнымъ образомъ потому, что она никого не любитъ и жаждетъ любви.

Надо поговорить съ ней, успокоить ее, убѣдить куда-нибудь уѣхать на время.

— Сегодня вы будете дома, Маргарита Васильевна?

— Цѣлый день.

— Можно зайти къ вамъ? Не помѣшаю?

— Заходите... Я всегда рада васъ видѣть.

— И ужъ больше не сердитесь на Ѳому невѣрнаго?

— Нѣтъ... Тѣмъ болѣе, что онъ...

— Былъ правъ въ своихъ сомнѣніяхъ?—подсказалъ Невзгодинъ.

— Не совсѣмъ, но до извѣстной степени!—грустно промолвила Маргарита Васильевна.—Вѣдь это такъ просто и такъ ужасно!—прибавила она, указывая взглядомъ на гробъ, и вся содрогнулась.

«Бѣдняга! Боится, что и мужъ застрѣлится! Какая же онъ скотина, если пугаетъ этимъ!»—подумалъ Невзгодинъ.

Въ столовую вошелъ старенькій священникъ изъ ближняго прихода. Онъ тотчасъ же принялъ соотвѣтствующій предстоящей требѣ серьезно-задумчивый видъ, поклонился и торопливо началъ облачаться въ траурную ризу при помощи дьячка. Вслѣдъ за нимъ вошли пѣвчіе, и въ комнатѣ запахло водкой. Нѣкоторые изъ пѣвчихъ были пьяны по случаю праздника и едва стояли на ногахъ.

Старенькій священникъ подозрительно покосился на пѣвчихъ и что-то шепнулъ дьячку.

— Не въ первый разъ, батюшка!—успокоительно проговорилъ дьячокъ.

Въ эту минуту въ залѣ мгновенно наступила мертвая тишина. Всѣ сразу смолкли, не окончивъ рѣчей и повернувъ головы къ раскрытымъ изъ залы въ прихожую дверямъ.

Почти на всѣхъ лицахъ застыло выраженіе необычайнаго изумленія и негодованія. Даже по лицу добряка Андрея Михайловича Косицкаго пробѣжала гримаса, точно отъ какой-то физической боли, и старикъ густо покраснѣлъ, точно сдѣлалъ что-нибудь нехорошее и ему стало стыдно.

Невзгодинъ переступилъ порогъ, взглянулъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ.

Высоко поднявъ свою сѣдую, коротко остриженную голову и ни на кого не смотря своими сѣрыми, пронизывающими глазами, свѣтившимися изъ-подъ очковъ рѣзкимъ, холоднымъ, словно сталь, блескомъ, сквозь толпу пробирался впередъ, къ гробу, Найденовъ съ обычнымъ своимъ спокойнымъ и надменнымъ видомъ.

Словно бы не замѣчая или не желая замѣчать того потрясающаго впечатлѣнія, какое произвело его прибытіе, онъ прошелъ впередъ и остановился около кучки профессоровъ, ни-

чѣмъ не выказывая своего волненія и еще выше поднимая голову. Только движеніе скулъ, замѣченное Невзгодинымъ, могло обличить, что старый профессоръ отлично понимаетъ, въ какое убійственно-непріятное положеніе онъ поставилъ себя, явившись на панихиду.

И Невзгодинъ, какъ художникъ, любовался дьявольскимъ самообладаніемъ и дерзкою наглостью Найденова, ожидая, что̀ будетъ дальше и ка̀къ его встрѣтятъ профессора.

Цвѣтницкій, стоявшій ближе къ Найденову, первый поклонился, и Найденовъ, небрежно протянувъ ему руку, повелъ взглядомъ на остальныхъ коллегъ. Еще два стыдливыхъ нерѣшительныхъ поклона, и отвѣтный общій кивокъ Найденова.

Зарѣчный отвелъ глаза въ сторону, будто не замѣчая бывшаго своего профессора. Косицкій встрѣтилъ взглядъ и поклонъ Найденова, не отвѣтилъ на него и только снова покраснѣлъ. Не поклонились Найденову еще двое.

Это оскорбленіе нанесено было у всѣхъ на глазахъ. Съ извѣстнымъ ученымъ, тайнымъ совѣтникомъ не хотѣли кланяться!..

Какъ только Найденовъ вошелъ въ залу, онъ сразу же понялъ, что Перелѣсовъ хорошо отомстилъ своему врагу. Эти изумленные, негодующіе взгляды, эти презрительныя улыбки почти въ упоръ ясно говорили, что онъ возбуждаетъ ненависть, и что его всѣ считаютъ виновникомъ самоубійства этого «болвана». Но возвращаться было уже поздно, и наконецъ не ему занимать наглости.

И Найденовъ нарочно прошелъ впередъ, къ коллегамъ, увѣренный, что никто изъ нихъ не посмѣетъ оскорбить его.

Онъ зналъ ихъ хорошо. Но, значитъ, Зарѣчный показалъ всѣмъ письмо, и его, вліятельнаго профессора, считали настолько скомпрометированнымъ этимъ самоубійствомъ, что уже рѣшились обнаруживать свои цивическія чувства въ оскорбленіи. Прежде ненавидѣли, но не смѣли. Теперь смѣютъ.

«Начинается расплата!»—снова пришла въ голову Найденову мысль, не дававшая ему покоя послѣ разговора съ дочерью.

И, внутренно почти равнодушный къ нескрываемой ненависти всѣхъ этихъ людей и къ нанесенному коллегами оскорбленію («они поплатятся за это!»—подумалъ старый профессоръ), онъ съ ужасомъ и тоскою подумалъ, что дѣти могутъ узнать про все, что̀ только-что произошло.

Поблѣднѣвшій, съ презрительно скошенными тонкими безусыми губами, онъ все-таки не терялъ самообладанія. Неподвижная, словно статуя, его высокая, сухощавая, выпрями-

вшаяся фигура стояла передъ гробомъ, и глаза его, горѣвшіе злымъ огонькомъ, какъ у затравленнаго волка, вызывающе смотрѣли сверху прямо въ лицо покойника.

Священникъ хотѣлъ-было начинать службу, но въ это время изъ толпы вышелъ блѣдный, какъ полотно, Сбруевъ. Онъ подошелъ къ батюшкѣ и просилъ немного повременить.

Всѣ, ожидая чего-то необычайнаго, замерли. Найденовъ плотнѣе сжалъ совсѣмъ побѣлѣвшія губы, и глаза его, казалось, пронизывали покойника.

Но въ нихъ блеснуло на мгновеніе что-то жалкое и безпомощное, когда Сбруевъ отъ священника подошелъ къ нему и, не здороваясь и не поклонившись, взволнованно проговорилъ:

— Господинъ Найденовъ. Я вынужденъ сказать, что вамъ не мѣсто здѣсь, у гроба покойника, который...

Отъ волненія Сбруевъ больше ничего не могъ сказать.

Найденовъ не проронилъ ни слова. Медленно, словно бы нарочно замедляя шаги, направился онъ черезъ толпу, наполнявшую комнату, къ дверямъ.

Передъ нимъ брезгливо разступались, точно передъ зачумленнымъ, его провожали злорадными взглядами, вслѣдъ ему посыпались проклятія, а онъ будто не видалъ и не слыхалъ ничего и шелъ, не склоняя подъ бременемъ позора своей сѣдой, высоко поднятой головы, попрежнему высокомѣрный, словно бы презирающій всѣхъ, и великолѣпный въ своемъ безстыдствѣ.

— Этакая наглость!—раздавались голоса.

Но, когда старый профессоръ вышелъ изъ квартиры и очутился на улицѣ, самообладаніе его оставило.

Онъ едва стоялъ на ногахъ и трясущимися губами беззвучно шепталъ какія-то угрозы и пугливо и растерянно озирался, словно боясь людей или не зная, куда ему идти. Наконецъ упавшимъ, точно чужимъ голосомъ онъ позвалъ извозчика.

Когда онъ сѣлъ въ сани, то какъ-то весь съежился, опустилъ голову и казался жалкимъ и безпомощнымъ, совсѣмъ непохожимъ на прежняго надменнаго старика.

Онъ пріѣхалъ домой и, когда слуга отворилъ ему двери, спросилъ:

— Барышня дома?

— Нѣтъ-съ... Онѣ ушли съ Михайломъ Аристархычемъ тотчасъ послѣ васъ.

Казалось, это извѣстіе успокоило нѣсколько старика.

Нетвердыми шагами дрожащихъ ногъ прошелъ онъ въ кабинетъ и опустился въ кресло.

Черезъ нѣсколько минутъ пришла его жена, блѣднолицая пожилая женщина съ кроткими глазами, и, увидавъ мужа, испуганно спросила:

— Аристархъ Яковлевичъ... Что̀ съ тобой? Ты боленъ?..

— Ничего... Такъ... слабость... А гдѣ дѣти?

— Ты развѣ ихъ не видалъ?

— Гдѣ?

— На панихидѣ. Они пошли туда...

— Они были тамъ?—спросилъ Найденовъ глухимъ голосомъ.

— Да. Лиза непремѣнно хотѣла идти на панихиду... Да отчего это тебя такъ удивляетъ?

Старый профессоръ поднялъ на жену взглядъ, полный ужаса и тоски, и изъ груди его вырвался стонъ.

XXIX.

Вскорѣ послѣ панихиды Невзгодинъ сидѣлъ въ кабинетѣ Маргариты Васильевны.

Она говорила:

— Вы понимаете чужія настроенія, Василій Васильичъ, но все-таки вы не знаете женской души. Вотъ вы давеча совѣтовали лѣчиться...

— Совѣтовалъ и теперь настаиваю. Вы изнервничались въ послѣднее время... Прежде вы были куда энергичнѣе...

— Прежде?.. Прежде я надѣялась, я ждала чего-то... А теперь?.. Развѣ вылѣчишь больную, неудовлетворенную душу бромомъ и обтираніями холодной водой? По совѣсти вамъ говорю, какъ доброму пріятелю: скучно жить.

Проговоривъ эти слова, Маргарита Васильевна взглянула грустнымъ, усталымъ взглядомъ на Невзгодина.

— Это настроеніе пройдетъ...

— Когда?.. Когда пройдутъ годы и я сдѣлаюсь старухой.

И, помолчавши, прибавила съ тоской:

— А жить такъ хочется! Вѣдь я не жила совсѣмъ — вы правду какъ-то говорили... Я никогда и никого не любила... Я не знала, что̀ значитъ забыть себя для другого, жить съ нимъ неразрывно и душою и тѣломъ и съ радостью отдать за любимаго человѣка жизнь... А именно такого счастія я и искала, о такой любви и мечтала, а между тѣмъ... этого не было и никогда не будетъ!

— Отчего не будетъ? Развѣ вы не можете полюбить?

— Быть-можетъ, могу, но не посмѣю... Страшно строить свое счастье на несчастьѣ другого...

— Во-первыхъ, не всегда несчастье другого такъ сильно, а во-вторыхъ, когда любятъ, то все смѣютъ...

— А вы, Василій Васильевичъ, когда-нибудь такъ любили?

— Развѣ вы не знаете?

— Какъ я могу знать?

— Да вѣдь я васъ такъ любилъ, Маргарита Васильевна!

— Развѣ?—удивленно и въ то же время обрадованно воскликнула Маргарита Васильевна.

— И, знаете ли, дѣло прошлое, и потому сознаюсь вамъ, что въ ту пору, когда вы отвергли мою руку, какъ руку легкомысленнаго и безпутнаго человѣка, я въ Парижѣ былъ въ такомъ настроеніи, что могъ наложить на себя руки.

— Вы?

— Я самый.

— И изъ-за меня?

— Не совсѣмъ изъ-за васъ... Причиной отправиться къ праотцамъ была не одна несчастная любовь, но и разныя сомнѣнія въ томъ, слѣдуетъ ли жить на свѣтѣ, не имѣя возможности передѣлать его радикально... Ну и, кромѣ того, одиночество... голоданіе.

— И долго было такое настроеніе?

— Съ мѣсяцъ, пожалуй, бродили мысли о покупкѣ револьвера... По счастью, денегъ не было.

— Какъ же вы избавились отъ этихъ мыслей?

— Одинъ французъ, безрукій старикъ,—руку ему откарнали при усмиреніи коммуны,—голодавшій въ сосѣдней мансардѣ, высмѣялъ меня самымъ настоящимъ образомъ и сказалъ, что ужъ если мнѣ такъ хочется умереть, то лучше поѣхать въ Южную Америку и поступить въ ряды инсургентовъ... По крайней мѣрѣ однимъ солдатомъ больше будетъ противъ правительства. Старикъ чувствовалъ ненависть ко всякому правительству... Но такъ какъ мнѣ не на что было ѣхать въ Южную Америку, то я занялся работой, досталъ уроки... читалъ... думалъ... и скоро устыдился своего намѣренія, сообразилъ, что я не одинъ на свѣтѣ, отвергнутый любимой женщиной, и не одинъ со своими требованіями перекроить подлунную... Да и чтобы перекроить, надо жить, а не умирать... И—какъ видите — я не раскаиваюсь, что живу на свѣтѣ и строчу повѣсти и разсказы, хотя и я, какъ и вы, не знаю той любви, о которой вы мечтали...

— И которой не желали вы?

— Кто вамъ это сказалъ? Вѣдь и у меня губа не дура! Очень бы хотѣлъ полюбить женщину, которая была бы хороша, какъ Клеопатра египетская, умна, какъ Маргарита пармская, если только она въ самомъ дѣлѣ была такъ умна, какъ пишутъ историки, и притомъ не дѣлала бы сценъ рев-

ности, не хлопала бы глазами, когда говорятъ про общественныя дѣла, и была бы и любовницей, и отзывчивымъ другомъ, и хорошимъ товарищемъ... Я даже готовъ былъ бы сбавить кое-что изъ своихъ требованій... Но, пока такой любви нѣтъ, я нахожу, что можно и безъ нея жить... Развѣ жизнь, въ самомъ дѣлѣ, въ одной только любви?

— Для васъ, мужчинъ, пожалуй. А для женщины, такой, какая она теперь, только въ любви. Я только недавно это поняла. Поняла и почувствовала тоску жизни!—грустно прибавила Маргарита Васильевна.

Она помолчала и продолжала:

— И знаете ли, Василій Васильичъ?.. Я много-много думала за это время о своемъ положеніи и не знаю, на что рѣшиться...

— То-есть—разойтись съ мужемъ или нѣтъ?

— Да.

— Что̀ же васъ останавливаетъ?

— Тогда рѣшеніе у меня было твердое—оставить его.

— А теперь?

— Мнѣ страшно... Если онъ, какъ Перелѣсовъ...

— Этого не будетъ.

— А если?

— Ну, такъ что-жъ! Человѣкъ, женившійся на женщинѣ, которая его не любитъ... Вѣдь онъ зналъ, что вы его не любите?

— Зналъ.

— Такой человѣкъ, если и застрѣлится, не можетъ возбуждать раскаянія... И надо быть великимъ эгоистомъ, чтобы стращать этимъ...

Невзгодинъ скоро ушелъ.

Маргарита Васильевна, оставшись одна, снова задумалась.

XXX.

Какъ только по Москвѣ разнесся слухъ о томъ, что̀ произошло передъ панихидой, и, разумѣется, слухъ, изукрашенный самыми фантастическими узорами,—жрецы науки засуетились словно муравьи въ потревоженномъ муравейникѣ.

Одни возмущались поступкомъ Сбруева, другіе злорадствовали, немногіе сочувствовали, но всякій думалъ о себѣ—какъ бы не случилось чего-нибудь непріятнаго по этому случаю. Какъ бы не подумали, что онъ одобряетъ дерзкую выходку своего коллеги противъ Найденова.

Хотя всѣ хорошо знали, что старый профессоръ сыгралъ очень некрасивую роль въ дѣлѣ, которое привело къ само-

убійству Перелѣсова, тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ господъ профессоровъ тотчасъ же рѣшили—ѣхать къ Найденову, чтобы засвидѣтельствовать ему свое сочувствіе и выразить негодованіе по поводу выходки Сбруева, разсчитывая, что Найденовъ, во всякомъ случаѣ, сумѣетъ выпутаться изъ этой исторіи и остаться формально внѣ всякаго подозрѣнія. Слѣдовательно ѣхать къ нему необходимо, а не то онъ потомъ припомнитъ и сдѣлаетъ такую пакость, что и не ожидаешь.

И на другой же день, послѣ панихиды, къ нему поѣхали не только профессора, считавшіе Найденова своимъ, но даже и нѣкоторые изъ считавшихъ его «чужимъ». Въ числѣ такихъ былъ и профессоръ Цвѣтницкій, хваставшій передъ панихидой, что не подастъ руки Найденову, и первый протянувшій руку.

Однако ни одинъ изъ посѣтителей не былъ принятъ.

Старый слуга всѣмъ говорилъ, что баринъ несовсѣмъ здоровъ и не принимаетъ, и визитерамъ пришлось оставлять только свои карточки.

Дѣйствительно, Найденовъ со вчерашняго дня чувствовалъ себя нехорошо, хотя и скрывалъ это отъ жены и дѣтей. Онъ испытывалъ непривычную слабость, утомленность и временами головокруженіе. Ему все было холодно. Онъ осунулся и какъ-то сразу одряхлѣлъ. И только его глаза, попрежнему умные, пронизывающіе, порой зажигались лихорадочнымъ блескомъ.

Карточки, которыя подавалъ ему слуга, повидимому, не доставили ни малѣйшаго удовольствія старому профессору.

Напротивъ! Прочитывая фамиліи коллегъ и разныхъ другихъ лицъ офиціальнаго міра, считавшихъ долгомъ заявить о своемъ сочувствіи, Найденовъ съ брезгливой усмѣшкой, кривившей его тонкія губы, бросалъ ихъ на письменный столъ.

Самъ никому не вѣрившій, онъ не вѣрилъ и другимъ и, хорошо понимая мотивы этого сочувствія, зналъ, что черезъ недѣлю-другую, когда уже онъ не будетъ вліятельнымъ въ университетѣ лицомъ, ни одна душа не подъѣдетъ къ крыльцу его дома, и всѣ будутъ его поносить.

Послѣ долгой безотрадной думы рѣшеніе уже имъ принято. Онъ подастъ въ отставку, уѣдетъ изъ Москвы и посвятитъ остатокъ жизни одной наукѣ.

Какъ ученаго, его вспомнятъ!

Все остальное, изъ-за чего онъ, умный и самолюбивый человѣкъ, лгалъ и не останавливался ни передъ чѣмъ во всю свою жизнь, теперь потеряло въ глазахъ его всю прежнюю цѣну: и прелесть власти, и успѣхъ ловко веденной интриги,

и накопленіе богатства, и видное положеніе, котораго онъ домогался всякими правдами и неправдами и которое уже ему было обѣщано въ ближайшемъ будущемъ.

Все это казалось ему теперь ненужнымъ, безцѣльнымъ, неумнымъ, и вся его жизнь внѣ науки представлялась ему сплошной ложью, приведшей его именно къ тому, чего онъ такъ боялся.

И не потому онъ рѣшилъ уйти, что одинъ «глупецъ» застрѣлился, а другой осмѣлился публично оскорбить его. И не потому, что въ обществѣ считаютъ его виновникомъ самоубійства...

Онъ понимаетъ дѣйствительную цѣну русскаго общественнаго мнѣнія и давно равнодушенъ къ нему, хорошо зная, что не въ немъ опора для людей, ищущихъ успѣха въ жизни. И онъ не чувствуетъ себя виноватымъ въ самоубійствѣ Перелѣсова. Вольно же было ему переусердствовать и написать глупую подлость, вмѣсто умной. Вольно-жъ ему было съ радостью влѣзать въ шкуру предателя и потомъ жаловаться, что его соблазнили! Не особенно сердилъ стараго профессора и Сбруевъ. Онъ былъ бы уволенъ за свою дерзость—и дѣлу конецъ. Пусть надѣваетъ лавры жертвы за свои цивическія добродѣтели и—сопьется.

Не это все заставляетъ стараго профессора все ниже и ниже опускать свою голову и думать горькую думу о полнѣйшемъ одиночествѣ, на которое онъ отнынѣ обреченъ. Не это. . . . . .

Хотя между нимъ и дѣтьми не было никакого объясненія, но уже вчера въ страдальчески-скорбномъ взглядѣ Лизы и въ мрачной застѣнчивости сына онъ прочелъ свой приговоръ.

Они все видѣли, все слышали, и даже больше, чѣмъ могли выдержать ихъ нервы, и, словно бы виноватые, чувствуя на себѣ позоръ ихъ отца болѣе, чѣмъ онъ самъ, крадучись вышли изъ толпы, блѣдные и приниженные, полные ужаса и недоумѣнія...

Но, при всемъ желаніи сомнѣваться, сомнѣнія были невозможны. Кто-то, очевидно, не знавшій дѣтей Найденова, еще до появленія его на панихидѣ, читалъ рядомъ съ ними списанное письмо Перелѣсова къ ихъ отцу. Они слышали его и не знали, куда дѣваться, чувствуя, какъ горятъ ихъ щеки краской стыда.

А кругомъ имя отца произносилось вмѣстѣ съ проклятіями.

И наконецъ эта зловѣщая тишина при его появленіи... потомъ слова Сбруева и удаленіе отца, сопровождаемое общей нескрываемой ненавистью.

Братъ и сестра возвратились домой потрясенные, полные ужаса и скорби.

Передъ тѣмъ, чтобы позвонить, они, до сихъ поръ не проронившіе ни единаго слова, вдругъ бросились другъ другу въ объятія и заплакали, какъ маленькія дѣти, несчастныя и безпомощныя.

— Мамочка не должна ничего знать... Слышишь, Миша?— прошептала наконецъ Лиза, глотая рыданія.

— Боже сохрани! —отвѣтилъ юноша.

И, утирая слезы, порывисто прибавилъ:

— Господи! За что? За что? Развѣ можно жить послѣ того, какъ отецъ...

Онъ называлъ теперь отца не папой, какъ раньше.

Не докончивъ фразы, онъ закрылъ руками лицо.

— Что ты, Миша... голубчикъ... Какія мысли! —вздрагивая всѣмъ тѣломъ, прошептала Лиза, въ головѣ у которой тоже мелькали мысли о томъ, что жить невозможно.

— Какая-жъ это жизнь!.. Это не жизнь, а позоръ... Кто могъ бы подумать!

— Надо быть мужественнымъ, Миша... Надо своею жизнью искупить грѣхи отца... вотъ что надо...

— Такого грѣха ничѣмъ не искупишь...

— И у насъ мама... Не забывай этого, Миша... И дай слово, что ты будешь помнить это!—значительно прибавила сестра.—Дай!..

— Ничего я не могу понять... Ничего... Тяжко, Лиза...

Они крѣпко пожали другъ другу руки и вытирали слезы.

Черезъ минуту братъ позвонилъ.

Они прошли, не показываясь матери, каждый въ свои комнаты, переживать свое ужасное горе — разочарованіе въ отцѣ, котораго обожали. Лиза нѣсколько разъ входила къ брату и, крѣпко сжимая его руку, повторяла:

— Надо быть мужественнымъ, Миша... И помни, что у насъ чудная мамочка...

И снова плакала вмѣстѣ съ братомъ.

Наконецъ ихъ позвали обѣдать.

— Крѣпись, Миша, родной мой... Не выдавай своего горя... Пусть мама не замѣчаетъ.

— А ты! Ты блѣдна, какъ смерть, Лиза...

— Скажемъ, что разстроены... При отцѣ не говори, что были на панихидѣ. Пусть онъ не знаетъ, что мы все знаемъ... О, лучше бы, какъ прежде, ничего не знать.

— Я слышалъ иногда, но не вѣрилъ... А теперь...

Они старались казаться спокойными, когда вошли въ столовую. Отца еще не было.

Когда онъ вошелъ, блѣдный, изможденный, состарившійся и словно бы приниженный, и сѣлъ на свое мѣсто, не глядя ни на жену ни на дѣтей, братъ и сестра почувствовали, что отецъ—виновникъ смерти Перелѣсова.

И они затихли на своихъ мѣстахъ, какъ затихаютъ вдругъ въ замирающемъ страхѣ внезапно испуганныя дѣти, не смѣя проронить звука и не рѣшаясь, въ свою очередь, поднять глазъ на отца.

Найденовъ понялъ, что дѣти все знаютъ, и съ какою-то суровой сосредоточенностью хлебалъ супъ, скрывая муки отца, котораго презираютъ любимыя дѣти.

Обѣдъ прошелъ въ тягостномъ молчаніи.

Едва только онъ кончился, Найденовъ всталъ изъ-за стола и ушелъ къ себѣ тосковать о потерѣ единственныхъ существъ въ мірѣ, которыхъ онъ дѣйствительно любилъ.

Когда онъ ушелъ, мать проговорила, обращаясь къ дѣтямъ:

— Какіе вы, однако, нервные. Какъ сильно на васъ подѣйствовала панихида!

— Да, мамочка. Признаться, обоихъ насъ разстроила.

— Вы больше не ходите туда.

— Мы не пойдемъ!—взволнованно отвѣчала Лиза.

— Довольно одной!—мрачно протянулъ сынъ.

— Но особенно разстроила эта панихида бѣднаго папу,— продолжала Найденова.—Онъ вернулся оттуда потрясенный... И, кажется, очень былъ недоволенъ, что вы ходили туда.

— Онъ развѣ знаетъ?—въ страхѣ спросила Лиза.

— Я ему сказала... Боюсь, какъ бы нашъ родной не захворалъ. Замѣтили, какой онъ мрачный былъ за обѣдомъ...

И, минуту спустя, она спросила:

— Много народу было?

— Да, много.

— Пожалѣли, значитъ, несчастнаго.

— Мать у Перелѣсова... О, какая она несчастная!.. Говорятъ, безъ всякихъ средствъ осталась... Сынъ ей помогалъ... А теперь? Мамочка! Я продала свой браслетъ съ брильянтами...

— И отдашь деньги матери?

— Конечно... Передамъ Сбруеву.

— Твое дѣло... И я прибавлю денегъ. А узнали, кто этотъ подлый профессоръ, который подговорилъ Перелѣсова написать ту гадкую статью... Помнишь?

Лиза похолодѣла. И, употребляя всѣ усилія, чтобъ скрыть отъ матери охватившее ее волненіе, она съ рѣшительностью отвѣтила:

— Все это вздоръ, мамочка.

— Что̀ вздоръ?

— А то, что какой-то профессоръ подговаривалъ. Это не профессоръ, а кто-то другой, мамочка.

— Да, другой,—подтвердилъ и сынъ.

— Кто же?

— Не знаю... Называли фамилію, да я забыла.

— Какъ же говорили, что профессоръ, и будто обѣщалъ хлопотать о профессурѣ, а Зарѣчнаго вонъ, а Перелѣсова на его мѣсто?

— Мало ли что̀ говорятъ, мамочка.

— Въ Москвѣ вѣдь сплетенъ не оберешься. На кого угодно наплетутъ... Никто не убережется! — угрюмо замѣтилъ Миша.

— Ну, и слава Богу, что не профессоръ. А то вѣдь это было бы ужасно и для него и для его семьи... Боже сохрани, когда дѣтямъ приходится краснѣть за родителей...

Когда подали самоваръ, Лиза, по обыкновенію, разлила всѣмъ чай. Она всегда носила стаканъ отцу въ кабинетъ, но сегодня ей было жутко идти туда, и она медлила.

— Что-жъ ты, Лизочка, не несешь папѣ чай? Вѣдь онъ любитъ горячій... Неси ему скорѣй да разговори его хандру. Ты умѣешь, и онъ любитъ, когда ты болтаешь съ нимъ...

— Иду, иду, мамочка.

Когда молодая дѣвушка вошла въ кабинетъ и увидѣла отца, точно закаменѣвшаго въ своемъ креслѣ, съ выраженіемъ безпредѣльной мрачной тоски въ мертвенно-блѣдномъ, суровомъ и неподвижномъ лицѣ, ее охватила жалость, и въ то же время ей представилось спокойно-важное лицо покойника Перелѣсова съ темнымъ пятномъ на вискѣ. Ей хотѣлось броситься на шею къ отцу, пожалѣть, приласкать, но какое-то брезгливое чувство парализовало первое движеніе ея сердца, и что-то внушавшее страхъ казалось въ чертахъ прежде любимаго лица. Оно словно бы стало чужимъ...

И Лиза осторожно и тихо поставила стаканъ на столъ.

— Спасибо! — чуть слышно прошепталъ старикъ и робко взглянулъ на дочь взглядомъ, полнымъ любви и страданія.

Взгляды ихъ встрѣтились. Старый профессоръ тотчасъ же отвелъ глаза. Лиза поблѣднѣла и торопливо вышла изъ комнаты. Съ порога до ушей Найденова донеслось заглушенное рыданіе дочери.

Плохо спалъ въ эту ночь старый профессоръ! Къ утру ужъ у него созрѣло рѣшеніе «бросить все» и самому уѣхать на нѣкоторое время за границу.

«Безъ меня имъ легче будетъ!»—подумалъ старикъ.

Послѣ обѣда онъ позвалъ жену въ кабинетъ и, когда та сѣла въ кресло противъ него, съ тревогой глядя на изможденное лицо мужа, казавшееся въ полусвѣтѣ лампы совсѣмъ мертвеннымъ,—онъ сказалъ:

— Чувствую, что утомился, Елена.

— Тебѣ надо посовѣтоваться съ докторами, Аристархъ Яковлевичъ... Тебя это самоубійство Перелѣсова совсѣмъ разстроило.

— Какое самоубійство? Какое мнѣ дѣло, что Перелѣсовъ застрѣлился!.. — рѣзко возразилъ Найденовъ. — Сегодня его кстати ужъ и похоронили... Вѣрно, рѣчи надгробныя были и все какъ слѣдуетъ... Зарѣчный, конечно, отличился... Ты ничего не слыхала?

— Нѣтъ.

— А дѣти развѣ на похоронахъ не были?

— Они и такъ разстроены вчерашней панихидой.

— Очень?

— Развѣ ты не замѣтилъ?

— И Миша тоже?

— Еще бы...

— Ну, у Миши это скоро пройдетъ. У него счастливый характеръ, а Лиза...

Онъ не окончилъ начатой фразы и продолжалъ:

— И знаешь ли, что̀ я надумалъ, Елена? Я думаю, ты одобришь мои намѣренія...

Жена, которой мужъ никогда не сообщалъ никакихъ своихъ плановъ и объявлялъ только о своихъ рѣшеніяхъ, которыя она исполняла съ безропотной покорностью кроткаго существа, боготворившаго мужа, удивленно подняла на него свои глаза и спросила:

— Ты знаешь, я всегда охотно исполняю твои намѣренія. Что̀ ты хочешь предпринять?

— Я хочу отдохнуть и потому рѣшилъ выйти въ отставку.

— Вотъ это отлично!—радостно проговорила Найденова.

— Вы переѣдете въ Петербургъ, а я на нѣкоторое время поѣду за границу... Хочется покопаться въ итальянскихъ архивахъ... И чѣмъ скорѣе все это сдѣлается, тѣмъ лучше.

— Но какъ же ты одинъ поѣдешь, Аристархъ Яковлевичъ? Ты хвораешь. Взялъ бы съ собой Лизу.

— Нѣтъ... нѣтъ... я одинъ.

Въ эту минуту въ кабинетъ вбѣжала Лиза, блѣднѣе смерти, и крикнула:

— Мама, иди... Миша... Миша... голубчикъ...

Найденова бросилась вслѣдъ за дочерью.

Поднялся съ кресла и Найденовъ и быстрыми шагами пошелъ въ комнату сына. Мимо пробѣжалъ со всѣхъ ногъ слуга, пробѣжала въ столовой горничная.

— Что случилось? — въ смертельной тревогѣ спрашивалъ Найденовъ.

Никто не отвѣчалъ. И лакей и горничная какъ-то растерянно показывали рукой въ коридоръ.

Старикъ бросился туда, отворилъ двери комнаты сына и увидѣлъ его блѣднаго, съ виноватой улыбкой на устахъ, сидящаго на диванѣ. Пистолетъ лежалъ на полу.

Найденовъ понялъ все и бросился къ сыну съ искаженнымъ отъ ужаса лицомъ.

— Ничего, ничего, успокойся, Аристархъ Яковлевичъ... Рана неопасная!—взволнованно говорила Найденова.

— Онъ нечаянно!—вставила Лиза.

— Ну, конечно, нечаянно!..—подтвердила мать.—Сейчасъ пріѣдетъ хирургъ. Я послала...

— Нечаянно?..—проговорилъ Найденовъ.—Нечаян...

Онъ хотѣлъ продолжать, но какъ-то жалко и безпомощно говорилъ что-то непонятное. Лицо его перекосилось. Одинъ глазъ закрылся.

Онъ видимо силился что-то сказать и не могъ. И вдругъ онъ склонился передъ сыномъ, сталъ цѣловать его руку, издавая какое-то жалобное мычанье.

Найденова перенесли въ кабинетъ и послали за другимъ докторомъ. Черезъ полчаса пріѣхали два врача. Хирургъ нашелъ, что у сына рана неопасна — пуля счастливо не задѣла легкаго, а другой врачъ нашелъ положеніе старика опаснымъ и опредѣлилъ у него параличъ лѣвой стороны тѣла, вызванный сильнымъ нервнымъ потрясеніемъ.

XXXI.

На похоронахъ Перелѣсова было всего пять профессоровъ и въ томъ числѣ: Зарѣчный, Сбруевъ и старикъ Андрей Михайловичъ Косицкій, явившійся несмотря на предостереженія своей неугомонной воительницы-супруги, окончательно, по ея словамъ, убѣдившейся въ томъ, что мужъ спятилъ съ ума и ведетъ себя, какъ студентъ перваго курса.

— Недостаетъ, чтобъ ты еще влюбился!—не безъ ехидства прибавила она, измѣряя маленькую худощавую фигурку профессора уничтожающимъ взглядомъ.

Остальные жрецы науки блистали своимъ отсутствіемъ.

Похороны прошли безъ какого бы то ни было «прискорбнаго» инцидента и при очень незначительномъ коли-

чествѣ публики. Никакихъ рѣчей не говорилось на кладбищѣ. При видѣ обезумѣвшей отъ горя матери теперь какъ-то не поднимался языкъ говорить о винѣ покойнаго и объ ея искупленіи. Могилу засыпали, и всѣ расходились молчаливо-угрюмые.

— А мы въ «Прагу», не правда ли, Василій Васильичъ?— спрашивалъ Сбруевъ, нагоняя Невзгодина, который въ раздумьѣ шелъ между могилъ.

— Съ удовольствіемъ.

Звенигородцевъ между тѣмъ собиралъ желающихъ ѣхать завтракать въ «Эрмитажъ» или къ Тѣстову. Но, такъ какъ профессора уклонились отъ предложенія, Звенигородцевъ долженъ былъ отказаться отъ мысли устроить завтракъ съ рѣчами по поводу самоубійства Перелѣсова.

Нѣсколько времени Сбруевъ шелъ молча рядомъ съ Невзгодинымъ. Вдругъ, словно бы спохватившись, онъ проговорилъ:

— А я и позабылъ познакомить васъ со своими. Онѣ здѣсь. Хотите?

— Очень буду радъ.

— Такъ подождемъ минутку.

Они отошли въ сторону и остановились.

— А вотъ и онѣ!—промолвилъ Сбруевъ.

Невзгодинъ замѣтилъ, какъ просвѣтлѣло лицо молодого профессора, когда онъ увидалъ двухъ скромно одѣтыхъ дамъ.

Онъ подвелъ къ нимъ Невзгодина и, назвавъ его, сказалъ:

— Моя мать и сестра Соня.

И та и другая очень понравились Невзгодину, въ особенности молодая дѣвушка.

Что-то сразу располагающее было въ выраженіи ея свѣжаго, миловиднаго лица и особенно во взглядѣ большихъ темныхъ глазъ, вдумчивыхъ и необыкновенно ясныхъ. Такіе глаза, казалось, неспособны были лгать и глядѣли на міръ Божій съ довѣрчивостью чистаго существа. Все въ этой дѣвушкѣ словно бы говорило объ изяществѣ натуры и о нравственной чистотѣ.

И Невзгодинъ невольно подумалъ: «Что̀ за милая дѣвушка!»

Они пошли всѣ вмѣстѣ къ выходу съ кладбища.

Прощаясь, Сбруева просила Невзгодина навѣстить ихъ.

— Вечера мы почти всегда дома!—прибавила она.

Сбруевъ усадилъ своихъ дамъ на извозчика и сказалъ матери, чтобъ его не ждали.

— Мы ѣдемъ съ Василіемъ Васильевичемъ завтракать, мама!—прибавилъ онъ, застѣнчиво улыбаясь.

Мать взглянула на Невзгодина ласковымъ, почти умоляющимъ взглядомъ, словно бы просила его поберечь сына.

И Невзгодинъ поспѣшилъ проговорить:

— Мы недолго будемъ завтракать. Мнѣ надо сегодня ѣхать по дѣлу.

Черезъ полчаса Сбруевъ и Невзгодинъ сидѣли за отдѣльнымъ столомъ въ гостиницѣ «Прага».

Дмитрій Ивановичъ, молча и только улыбаясь своей милой застѣнчивой улыбкой, пилъ водку рюмку за рюмкой, сперва вмѣстѣ съ Невзгодинымъ, а потомъ, когда тотъ отказался,— одинъ.

— Люблю, знаете ли, иногда привести себя въ возвышенное настроеніе, Василій Васильичъ!—говорилъ онъ, словно бы оправдываясь, когда наливалъ новую рюмку.—Однако возвращаюсь домой безъ чужой помощи и такъ, чтобы дома не видѣли моего возвышеннаго настроенія!—прибавилъ онъ, добродушно усмѣхнувшись.

За завтракомъ Сбруевъ говорилъ мало, но, когда завтракъ былъ оконченъ, двѣ бутылки дешеваго крымскаго вина были выпиты и Дмитрій Ивановичъ находился въ возбужденномъ настроеніи подвыпившаго человѣка, онъ заговорилъ порывисто и страстно, возвышая голосъ, такъ какъ органъ игралъ какую-то бравурную пьесу.

— Вотъ теперь я чувствую себя въ нѣкоторомъ родѣ свободнымъ гражданиномъ вселенной и могу, Василій Васильичъ, разговоры разговаривать по душѣ. А трезвый—я застѣнчивъ и, знаете ли, привыкъ помалчивать, чтобы, значитъ, невозбранно получать свои двѣсти пятьдесятъ рублей. Вѣдь это большое свинство, Василій Васильичъ,—молчать, когда хочется и обязанъ крикнуть во всю мочь: «такъ жить нельзя!..» Но я не одинъ, Василій Васильичъ... Конечно, это не оправданіе, но все-таки... я не одинъ... Понравились вамъ моя старушка и сестра?

— Очень.

— То-то... Это, я вамъ скажу, золотыя сердца... Мать-то что̀ перенесла, чтобы меня поднять на ноги... Охъ, какъ бѣдовала ради меня... И всѣ наши славныя... Кромѣ Сони у меня еще двѣ сестренки въ гимназіи... Зайдете—увидите, Василій Васильичъ... Ну, и пилатствуешь помаленьку... Свинство свое сознаёшь, но... не на улицу же пустить своихъ... Вотъ вчера я спрашивалъ васъ: отчего мы, интеллигентные люди, такія тряпки?.. Тутъ вѣдь не одна семья, не одна семья, не одна экономика, какъ хотятъ насъ увѣрить, тутъ кое-что и другое... тутъ исторія, я полагаю, замѣшана, а не одно

только экономическое воздѣйствіе... Иначе ужъ очень было бы мало отведено мысли и духу... Экономика—экономикой, а когда я вижу, что беззащитнаго человѣка бьютъ, хотя, быть-можетъ, и совершенно правильно, на основаніи науки, то вѣдь хочется его защитить?.. И гдѣ больше такихъ альтруистовъ, тамъ и жить лучше, тамъ и эта самая экономика видоизмѣняется... Ну, а мы даже собственной тѣни боимся, а не то что защищать другихъ... Вотъ хоть бы я, господинъ профессоръ зоологіи Сбруевъ... Въ возвышенномъ настроеніи хорохорюсь, а въ трезвомъ видѣ жалкій трусъ... О, если-бъ вы знали, какой трусъ!

Дмитрій Ивановичъ отхлебнулъ изъ чашки и продолжалъ:

— Вчера, послѣ того, какъ я Найденова удалилъ,—очень ужъ возмутительна была его смѣлость явиться на панихиду!—я самъ испугался своего геройства... Понимаете ли, въ чемъ даже геройство видишь... Нечего сказать, хороши мы герои... Очень даже большіе герои!—съ грустной усмѣшкой протянулъ Сбруевъ.

— Но все-таки... другіе не рѣшились этого сдѣлать, Дмитрій Иванычъ. Цвѣтницкій даже протянулъ первый Найденову руку...

— Мало ли что̀ другіе дѣлаютъ... Другіе вонъ сегодня на похороны не пришли... Другіе навѣрно заявлять сочувствіе Найденову поѣдутъ... Читали сегодня статейку въ «Старѣйшихъ Извѣстіяхъ»?

— Читалъ.

— Это тоже другіе... Но вѣдь я, слава Богу, еще не настолько оскотинился, чтобъ быть изъ этихъ другихъ... Я не стану извиняться, но въ глубинѣ души вчера трусилъ...

— Отчего?

— Отчего?.. Да оттого, что я русскій человѣкъ—вотъ отчего. Поступилъ въ кои вѣки, какъ слѣдуетъ, и сейчасъ же боюсь, какъ бы не лишиться мнѣ двухсотъ пятидесяти рублей... И вижу я самый этотъ испугъ и въ глазахъ матери, хотя она, конечно, голубушка, хочетъ меня увѣрить, что ничего не боится и гордится сыномъ, который... который не побоялся ошельмовать Найденова... Гордиться-то гордится, а у самой сердце ёкаетъ при мысли, что я могу лишиться мѣста. Гдѣ новое-то найдешь?.. А какъ бы я хотѣлъ уйти, если бы вы знали. Не могу я вѣчно двоиться... Тошно... И знаете ли что̀?

— Что̀?

— Я, какъ истинный россійскій трусъ и въ то же время не потерявшій еще стыда человѣкъ, былъ бы радъ, если-бъ меня выгнали... Самъ уйти боюсь, а если бы попросили —

былъ бы доволенъ и пошелъ бы куда-нибудь на частную службу или уроки бы сталъ давать... Понимаете ли, что̀ за отсутствіе характера... что̀ за подлая трусость!—воскликнулъ Сбруевъ, начиная заплетать немного языкомъ.—И нѣтъ даже силенки уйти... Нѣтъ!.. Я вѣдь, Василій Васильичъ, не успокаиваю себя призрачной надеждой, что два-три порядочныхъ человѣка, среди двадцати или тридцати безстыжихъ или позорно-равнодушныхъ, имѣютъ силу что-нибудь измѣнить, чему-нибудь помочь, что-нибудь сдѣлать. Это вѣдь самообманъ наивнаго дурака, а чаще всего ложь... компромиссъ ради жалованья, прикрытый фразами, чтобы не было зазорно очень. Не одни жрецы науки такъ разсуждаютъ нынче... Такъ живетъ громадная часть интеллигенціи... Громадная!.. На-дняхъ еще одинъ господинъ, который, бывши гласнымъ, поносилъ управу, пошелъ служить въ эту самую управу... Ну, и молчи, или говори прямо: пошелъ на свинство ради жалованья. Такъ вѣдь нѣтъ: совсѣмъ изъ другой оперы поетъ...

— Насчетъ того, что одинъ добродѣтельный спасетъ сотню нечестивыхъ?

— Именно. Я, говоритъ, хоть и въ меньшинствѣ, а все-таки защищаю свои мнѣнія... А какого чорта его мнѣнія, когда ихъ не слушаютъ! Вѣдь это выходитъ: покрывать своимъ именемъ всяческія гадости и полегоньку да помаленьку и самому ихъ дѣлать... Вѣдь если меня посадятъ рядомъ съ выгребной ямой, то я невольно буду благоухать не особенно пріятно... Не такъ ли?.. Все это—азбука, а теперь и она многимъ кажется какимъ-то донъ-кихотствомъ... Даже и въ литературѣ... Казалось бы: святая святыхъ... А есть у меня двоюродный братецъ... литераторъ въ современномъ вкусѣ... То-есть такая, я вамъ скажу, свинья...

— Въ какомъ именно смыслѣ?

— А во всѣхъ... Ему все равно, гдѣ бы ни писать, и не только въ органахъ, которые ему несимпатичны по направленію, а даже, прямо-таки сказать, въ предосудительныхъ... И это называется литераторъ... служитель свободной мысли...

— Онъ такъ же разсуждаетъ, какъ и вашъ управецъ, Дмитрій Иванычъ... Я, молъ, лично дурного ничего не пишу, мнѣ платятъ, а что̀ другіе пишутъ, мнѣ наплевать... Это нынче повальная болѣзнь...

— Какая?

— Отсутствіе разборчивости, равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ и забота только о своихъ личныхъ интересахъ. Во имя ихъ и учатся и тратятъ массу труда, энергіи и ума. И

это болѣзнь всей интеллигенціи, за рѣдкими исключеніями. Таково ужъ безвременье... Исторія не шутитъ и дѣлаетъ цѣлыя поколѣнія негодными при извѣстныхъ условіяхъ жизни и воспитанія. Вспомните-ка, Дмитрій Иванычъ, какъ насъ воспитывали? Чему учили въ гимназіяхъ? Что мы потомъ видѣли въ жизни? Торжество какихъ идеаловъ? А вѣдь люди вообще не герои.

— Такъ неужели такъ-таки и нѣтъ сильныхъ, бодрыхъ духомъ и независимыхъ людей?—воскликнулъ Сбруевъ.

— Какъ не быть... Навѣрное есть... Я видѣлъ молодежь на холерѣ... Я слышалъ про нее во время голода... Я знаю настоящихъ рыцарей духа среди стариковъ. Такимъ людямъ трудно пробиваться къ свѣту... Но они все-таки пробиваются... И правда-то въ концѣ концовъ одна: возможно лучшее существованіе массъ... Въ концѣ концовъ правда эта побѣдитъ... По крайней мѣрѣ примѣръ Европы поддерживаетъ во мнѣ эту вѣру. Сравните, чѣмъ былъ человѣкъ труда тридцать лѣтъ тому назадъ и теперь... Будущая побѣда несомнѣнна... И нечего предаваться отчаянію, Дмитрій Иванычъ...

Они долго говорили и рѣшали судьбы будущаго съ тою страстностью, на которую способны русскіе люди въ минуты подъема духа.

Сбруевъ хотѣлъ-было потребовать еще графинчикъ коньяку, но Невзгодинъ деликатно напомнилъ ему, что дома, вѣрно, его будутъ ждать къ обѣду и безпокоиться. И Сбруевъ покорно согласился съ Невзгодинымъ и крѣпко пожалъ ему руку.

Былъ четвертый часъ въ началѣ, когда они вышли изъ трактира. Хотя Сбруевъ и былъ въ «возвышенномъ настроеніи», но держался на ногахъ твердо. Тѣмъ не менѣе Невзгодинъ рѣшилъ проводить Сбруева домой и затѣмъ ѣхать къ Измайловой, чтобы исполнить порученіе Маргариты Васильевны.

Мать Сбруева встрѣтила Невзгодина благодарнымъ взглядомъ и попросила посидѣть у нихъ. Дмитрій Ивановичъ тотчасъ же ушелъ въ свой кабинетъ и легъ спать. Невзгодинъ пробылъ въ чистенькой, скромно убранной гостиной полчаса. Его напоили чаемъ съ превосходнымъ вареньемъ, и старуха почти все время говорила о сынѣ. Соня изрѣдка вмѣшивалась въ разговоръ, разспрашивая гостя о заграничной жизни. Невзгодину было какъ-то уютно въ этой гостиной, и ему казалось, что онъ давно знакомъ съ матерью и дочерью. Такія онѣ простыя и задушевныя.

И Невзгодинъ рѣшилъ бывать въ этой маленькой, чистенькой и уютной гостиной съ бѣлыми занавѣсками, цвѣтами на окнахъ и заливающимися канарейками,—гдѣ, казалось, даже

пахнетъ какъ-то особенно хорошо—не то кипарисомъ, не то тминомъ—и гдѣ вся обстановка и эти добрые, безхитростные, казалось, люди дѣйствуютъ успокаивающе на нервы.

XXXII.

Вечеромъ Невзгодину хандрилось въ его неуютной комнатѣ. Ни работать ни читать не хотѣлось. Тянуло къ людямъ, къ какой-нибудь умной и, конечно, хорошенькой женщинѣ, съ которой можно было бы не проскучать вечеръ.

И онъ тотчасъ же вспомнилъ, что обѣщалъ Аносовой побывать у нея на-дняхъ. Положимъ, прошелъ одинъ только день со времени его продолжительнаго визита, но вѣдь она звала его пріѣзжать, когда вздумается, и говорила, что рада отвести съ нимъ душу... Отчего же и не поѣхать, коли хочется? Во всякомъ случаѣ, она интересна и для беллетриста находка.

А если она удивится его столь скорому посѣщенію — на здоровье! Пусть даже вообразитъ, что онъ заинтересованъ не типомъ, а самой ею, великолѣпной вдовой,—ему наплевать! Не первый разъ съ нимъ случались такія недоразумѣнія. Заинтересованный кѣмъ-нибудь и впечатлительный по натурѣ, Невзгодинъ набрасывался на людей, которые казались ему интересными, и тогда ходилъ къ такимъ знакомымъ каждый день, не думая, что можетъ подать поводъ для какихъ-нибудь заключеній. Но зато онъ такъ же быстро и пропадалъ, обрывая знакомства и отыскивая новыя.

«Надо предупредить объ этомъ великолѣпную вдову, чтобъ не вообразила ухаживанія»,—подумалъ Невзгодинъ и, увѣривъ себя, что его тянетъ къ Аносовой исключительно ради изученія любопытнаго экземпляра московской «haute finance»,—въ девятомъ часу вечера поѣхалъ на Новую Басманную.

Особнякъ былъ слабо освѣщенъ. Бо́льшая часть оконъ была темна. Только въ одной комнатѣ виднѣлся огонекъ, да изъ оконъ «клѣтушки» пріятно ласкалъ глазъ мягкій красноватый свѣтъ. Зато подъѣздъ былъ ярко освѣщенъ.

Аглая Петровна была дома и, по обыкновенію, одна-одинешенька. Безъ особаго приглашенія по вечерамъ у нея никто не бывалъ, и если она не ѣздила въ театръ или въ концертъ, то обыкновенно читала и въ одиннадцать часовъ уже ложилась спать, такъ какъ вставала рано.

Она сидѣла на низенькомъ диванчикѣ около стола, на которомъ стояла красивая лампа съ большимъ краснымъ абажуромъ,—и была не въ обычномъ своемъ поношенномъ черномъ кашемировомъ платьѣ, а въ нарядной пунцовой шелковой коф-

точкѣ и сѣрой юбкѣ. Эта пунцовая кофточка очень шла къ ея бѣлому лицу съ блестящими черными волосами; и такъ одѣлась она съ утра не безъ надежды, что Невзгодинъ, быть-можетъ, пріѣдетъ. Ей показалось, что онъ ушелъ отъ нея послѣ послѣдняго свиданія нѣсколько заинтересованный ею и безъ прежняго, слегка насмѣшливаго отношенія къ ней, какъ къ милліонеркѣ, заботящейся только о наживѣ. Въ его рѣчахъ были теплыя, сочувственныя ноты, и, припоминая ихъ, она радовалась. Радовалась и ждала Невзгодина, чувствуя, что онъ вдругъ ей сталъ необыкновенно дорогъ. Цѣлый день она думала о немъ и ужъ теперь не противилась, какъ раньше, захватившему ее чувству. Онъ ей нравился, очень нравился, и она впервые познала прелесть любви, которая такъ поздно пришла къ ней, нежданная, и словно бы придала настоящій смыслъ всей ея жизни и сдѣлала ее необыкновенно чуткой и воспріимчивой. Она чувствовала себя какъ-то чище, просвѣтленнѣе и за послѣдніе дни далеко не съ прежнимъ интересомъ занималась дѣлами. Еще недавно эти дѣла захватывали ее всю, а теперь главнымъ въ жизни она считала привязанность къ ней Невзгодина. О, если-бъ онъ полюбилъ ее, какъ бы она была счастлива!

И мысль, что онъ никогда ее не полюбитъ и не можетъ полюбить, считая ее за женщину-дѣльца, за женщину, сознательно эксплоатирующую чужой трудъ (онъ объ этомъ безъ церемоніи говорилъ ей въ Бретани) — приводила въ уныніе Аглаю Петровну.

Онъ вѣдь не увлечется одной только физической красотой. Для такого человѣка этого мало. Ему нуженъ умъ, нужно взаимное пониманіе, нужна чуткая душа... И она вѣдь ищетъ въ немъ не любовника только, а друга на всю жизнь... Меньшаго она не возьметъ.

И наконецъ онъ, слишкомъ впечатлительный, вѣчно склонный къ анализу, развѣ способенъ на долгую привязанность, если-бъ и увлекся?

Такія мысли отвлекали молодую женщину отъ чтенія англійской книги въ изящномъ бѣломъ переплетѣ, которая лежала передъ Аглаей Петровной.

Кто-то постучалъ въ двери.

— Войдите!

Вошедшій слуга доложилъ, что пріѣхалъ господинъ Невзгодинъ.

— Просите сюда!—проговорила Аглая Петровна, чувствуя, какъ сильно забилось ея сердце при этомъ извѣстіи.

Она призвала на помощь все свое самообладаніе, чтобы не обнаружить передъ Невзгодинымъ своей тайны. Властная и

гордая, она, разумѣется, не покажетъ своего чувства, чтобъ не вызвать въ отвѣтъ благодарнаго сожалѣнія. Ей этого не надо. Любовь за любовь. Все или ничего.

Онъ не долженъ ничего знать. Просто рада умному и интересному человѣку, съ которымъ пріятно поболтать — вотъ какой она возьметъ съ нимъ тонъ.

— Вотъ это мило съ вашей стороны, Василій Васильичъ, такъ скоро исполнить обѣщаніе!

Она проговорила эти слова съ привѣтливой улыбкой радушной хозяйки, но не обнаружила радости, охватившей ее при появленіи Невзгодина.

И, пожимая его маленькую руку своей крупной бѣлой рукой, попросила садиться.

— А васъ развѣ это удивляетъ, Аглая Петровна? — спрашивалъ Невзгодинъ, присаживаясь въ кресло около дивана.

— Признаюсь, немножко.

— Почему?

— Я не ждала, что послѣ короткаго промежутка вамъ захочется опять со мной поболтатать.

— Какъ видите, ошиблись. Захотѣлось.

— И большое вамъ спасибо за это.

— Напрасно благодарите... Я вѣдь въ данномъ случаѣ преслѣдовалъ свои интересы.

— Вы... интересы? Какіе?

— Свои собственные... Мнѣ просто хочется поближе познакомиться съ такой интересной женщиной, какъ вы...

— Чтобъ послѣ описать?

— А не знаю... Быть-можетъ...

— Спасибо и на томъ, Василій Васильичъ... Только я и безъ вашего подчеркиванія знала, что васъ люди занимаютъ, только какъ интересные субъекты, и не разсчитывала на большее! Но все-таки очень рада васъ видѣть, Василій Васильичъ, съ какими бы цѣлями вы ни пріѣхали.

— Въ свою очередь, мнѣ приходится благодарить васъ.

— Къ чему? Вѣдь я тоже имѣю въ виду исключительно свои интересы... Недаромъ я дѣловая женщина...

— Можно спросить: какіе?

— Поболтать съ умнымъ и хорошимъ человѣкомъ... Значитъ, мы будемъ изучать другъ друга. Не правда ли?

— Отлично... Пока не изучимъ и...

— И что?

— Не надоѣдимъ другъ другу...

— Ну, разумѣется... Боюсь только, что интереснаго во мнѣ мало, Василій Васильичъ...

— Объ этомъ предоставьте судить другимъ, Аглая Петровна...

— Обыкновенная купеческая вдова! Пожалуй, недолго и изучать... И тогда простись съ вами... Васъ и не увидишь?

— Такъ что-жъ? Вамъ, я думаю, отъ этого не будетъ ни холоднѣе ни теплѣе...

— Вы думаете? Напрасно... Я привыкаю къ людямъ... И, во всякомъ случаѣ, будетъ жаль потерять интереснаго знакомаго...

— Другой найдется... А насчетъ того, что вы обыкновенная купеческая вдова, позвольте съ вами не согласиться...

— Что-жъ во мнѣ необыкновеннаго, Василій Васильичъ?

— Будто сами не знаете?

— Себя вѣдь мало знаешь.

— Во-первыхъ, красота...

— И вы ее во мнѣ находите, Василій Васильичъ?—сдерживая радость, спросила Аносова.

— Да вѣдь я не слѣпой... И такъ какъ я не собираюсь ухаживать за вами, Аглая Петровна, то могу по совѣсти сказать, что вы замѣчательно хороши!—прибавилъ Невзгодинъ, глядя на Аносову восхищеннымъ взглядомъ.

Она замѣтила этотъ взглядъ, и алый румянецъ покрылъ ея щеки.

— А во-вторыхъ?—нетерпѣливо спросила Аносова.

— Несомнѣнно умная женщина, читающая хорошія книжки... Кстати, что̀ это вы читаете, Аглая Петровна?

— Карпентера... А въ-третьихъ, четвертыхъ и пятыхъ?

— Еще не пришелъ къ опредѣленному заключенію...

— Что̀ такъ? Въ Бретани оно, кажется, у васъ составилось.

— Но теперь нѣсколько измѣнилось...

— Будто?—недовѣрчиво протянула Аглая Петровна.—Или вы деликатничаете... Не хотите сказать, что̀ думаете обо мнѣ. Такъ хотите я вамъ скажу, что̀ вы думаете?

— Пожалуйста...

— Вы думаете, что я сухая, черствая эгоистка, не довѣряющая людямъ, холодная натура, никого не любящая... и потому живущая въ одиночествѣ... Быть-можетъ, впрочемъ, она имѣетъ и любовника, какого-нибудь юнца-юнкера, но ловко прячетъ концы и пользуется репутаціей недоступной вдовы... Юнкеръ вѣдь вполнѣ подходитъ для такой женщины... Не правда ли?—добавила Аносова и нервно усмѣхнулась.

И, не дожидаясь отвѣта, продолжала:

— Вдобавокъ ко всему, занятая исключительно мыслями

о наживѣ, какъ настоящая дочь своего отца... Кулакъ, несмотря на свои литературные вкусы... Эксплоататорка чужого труда и въ то же время благотворительница ради тщеславія. Однимъ словомъ, одна изъ типичныхъ представительницъ капитала... Сытая, счастливая буржуазка. Скажите по совѣсти, Василій Васильевичъ, вѣдь вы меня считаете такою?

Она пробовала-было смѣяться, но не могла. И въ ея черныхъ большихъ глазахъ стояло грустное выраженіе, когда она ждала отвѣта.

— Не совсѣмъ такою, Аглая Петровна... Вы черезчуръ сгустили краски, передавая то, что̀, по вашему мнѣнію, я долженъ думать...

— Но все-таки доля правды есть... Вы такъ думаете?

— Каюсь, думалъ... Но, мнѣ кажется, былъ неправъ...

— А если правы? — чуть слышно проронила Аглая Петровна.

— Не хочу думать... И, во всякомъ случаѣ, вы не должны быть счастливы... Не можете быть счастливы со всѣми милліонами и именно благодаря имъ.

— Пожалуй!—раздумчиво проронила Аглая Петровна.

— Я увѣренъ, что ничто такъ не портитъ людей, какъ богатство и власть... даже порядочныхъ людей.

— И васъ бы испортило?

— Еще бы!.. Что̀ я? Извѣстныя историческія личности, пресыщенныя богатствомъ и властью, развращались и гнали то, чему прежде поклонялись...

— А развѣ не было исключеній?

— Исключенія подтверждаютъ правило, Аглая Петровна.

— Мрачно же вы смотрите на богатыхъ людей, Василій Васильичъ... Я рада, по крайней мѣрѣ, что меня вы хоть не считаете счастливой милліонеркой...

— Какая же вы счастливая... Вы въ каждомъ должны видѣть прежде всего посягателя на ваши деньги...

— Но только не въ васъ, Василій Васильичъ!

— Надѣюсь! — заносчиво кинулъ Невзгодинъ. — Отъ этого вы вотъ и одиноки... Вы, я думаю, и искреннему чувству не повѣрили бы. Вамъ все бы казалось, что любятъ не васъ, а ваши милліоны. Не правда ли?

— Правда... Но не совсѣмъ... Я чутка... Я поняла бы. Когда-нибудь я разскажу вамъ, Василій Васильичъ, плоды своихъ наблюденій съ молодыхъ лѣтъ. Тогда, изучая меня, вы, быть-можетъ, простите многое... Да, вы правы, Василій Васильичъ. Богатство развращаетъ!

Аглая Петровна притихла и словно бы виновато взглянула

на Невзгодина. И въ эту минуту милліоны ея казались ей только лишнимъ бременемъ. Никогда не полюбитъ Невзгодинъ эксплоататорку-милліонерку.

А Невзгодинъ, съ обычной своей манерой отыскивать вездѣ страданія, уже жалѣлъ эту красавицу-милліонерку. Не рисуется же она передъ нимъ, и съ какой стати ей рисоваться? Она навѣрное испытываетъ муки своего положенія.

И, польщенный, что она ему повѣряла ихъ, тронутый ея печальнымъ видомъ, онъ въ своей писательской фантазіи уже прозрѣвалъ драму, надѣляя «великолѣпную вдову» тѣми качествами, какія ему хотѣлось самому видѣть въ созидаемомъ имъ эффектномъ образѣ «кающейся» милліонерки. И въ эти минуты онъ даже забылъ, что «кающаяся» не только дѣлаетъ все, что можетъ дѣлать представительница капитала, но и донимаетъ рабочихъ на своихъ фабрикахъ штрафами, о чемъ онъ зналъ отъ своего пріятеля.

Женщины, и особенно влюбленныя, отлично умѣютъ приспособляться, отдаваясь волѣ инстинкта, и Аглая Петровна хорошо поняла, что Невзгодина можно взять благородствомъ. И онъ легко поддавался этому, несмотря на весь свой критическій анализъ и прежнія мнѣнія объ Аносовой, тѣмъ болѣе, что его самолюбіе было польщено, что такая писаная красавица желаетъ передъ нимъ оправдаться въ чемъ-то. Онъ, конечно, далекъ былъ отъ мысли, что всѣ эти грустныя изліянія «бабы-дѣльца», что эта внезапная перемѣна въ ея настроеніи и во взглядахъ на «тщету богатства», явились подъ вліяніемъ властнаго чувства, охватившаго энергичную и страстную натуру Аглаи Петровны.

И Невзгодинъ съ сочувствіемъ взглянулъ на Аносову. Какъ непохожа она была теперь, притихшая, грустная, словно бы виноватая — на ту самоувѣренную, блестящую, «великолѣпную» вдову, которую онъ видѣлъ раньше!

Точно благодарная за этотъ взглядъ, Аглая Петровна протянула Невзгодину свою выхоленную бѣлую руку. Онъ почтительно поцѣловалъ ее, а Аглая Петровна крѣпко пожала руку Невзгодина и проговорила:

— Значитъ, есть надежда, что мы можемъ быть пріятелями?

— Отчего же нѣтъ...

— И пока вы будете изучать меня... я буду имѣть удовольствіе васъ видѣть...

— Боюсь, не надоѣмъ ли?

— Не кокетничайте...

— Впрочемъ—надоѣмъ, вы прикажете не принимать. Это такъ просто.

— Но только этого вы нескоро дождетесь... А теперь будемъ чай пить... Пойдемъ въ столовую или здѣсь?

— Здѣсь у васъ отлично...

— Ну, такъ здѣсь...

Аносова подавила пуговку и велѣла подавать самоваръ.

— А вы сегодня были на похоронахъ?—спрашивала Аносова.

— Былъ.

— Надѣюсь, Найденовъ не явился?

— Да и вообще мало было.

— Я слышала, мать Перелѣсова пріѣхала!

— Да?.. Несчастная!.. Она теперь осталась безъ всякихъ средствъ послѣ смерти сына. Онъ ее содержалъ.

— Спасибо, что сказали.

— А что̀?

— Какъ что̀? Необходимо устроить старушку!..—участливо промолвила Аносова.

— Истинное доброе дѣло сдѣлаете, Аглая Петровна.

— Завтра же напишу Сбруеву. Пусть придумаетъ форму помощи, необходимую для старушки.

— А вы какъ думаете ее устроить?

— Предложу ежемѣсячную пенсію. Пятьдесятъ рублей пожизненно. Довольно?

— Конечно. Сердечно благодарю васъ за старушку, Аглая Петровна! —горячо промолвилъ Невзгодинъ.

Онъ былъ рѣшительно тронутъ ея отзывчивостью и быстротою рѣшенія. А онъ прежде думалъ, что великолѣпная вдова благотворитъ только изъ тщеславія, чтобы о ней говорили въ газетахъ. Нѣтъ, она положительно добрая женщина!

— Есть за что благодарить! — съ грустной улыбкой отвѣтила Аглая Петровна.

Слуга подалъ маленькій серебряный самоваръ, поставилъ варенье, сливки, ромъ и лимонъ и удалился.

— Вамъ крѣпкій?

— Нѣтъ...

Невзгодинъ глядѣлъ, какъ умѣло Аглая Петровна заварила и потомъ перемыла стаканъ и чашку.

— А еще гдѣ вы были сегодня, Василій Васильичъ? У Маргариты Васильевны были?

— Вчера былъ...

— Вы, кажется, часто у нея бываете?

— Нѣтъ...

— Что̀ такъ?.. Окончили ее изучать?

— Я Маргариту Васильевну не изучалъ. Я просто былъ въ нее влюбленъ прежде...

— И долго?

— Долго.

— А что̀ значитъ по-вашему: долго?

— Два съ половиною года. Согласитесь, что очень долго.

— А теперь?

— А теперь мы добрые пріятели, вотъ и все!

Аглая Петровна радостно улыбнулась. Но вслѣдъ затѣмъ спросила:

— Но отчего же она не любитъ своего мужа?

— Могу васъ увѣрить, что не изъ-за меня... Да, кажется, ни изъ-за кого, а просто такъ-таки не любитъ. Это хоть рѣдко встрѣчается, но бываетъ...

— А Николай Сергѣевичъ такъ ее любитъ!

— Вольно же. Люби не люби, а насильно милъ не будешь, Аглая Петровна.

— Да, не будешь! — значительно проронила молодая женщина.

Она подала Невзгодину чай и спросила:

— А вы не боитесь возвращенія чувства?

— Оно не возвращается... А бѣдную Маргариту Васильевну придется огорчить! — рѣзко оборвалъ Невзгодинъ тему бесѣды.

— Чѣмъ?

— Ваше письмо не подѣйствовало.

— Какое? Я ничего не понимаю.

— Письмо къ Измайловой. Я былъ у нея сегодня.

— И что̀ же?

— Разумѣется, отказъ. Впрочемъ, я этого и ждалъ. Помоему, большая ошибка со стороны Маргариты Васильевны было давать мнѣ такія порученія... Измайлова, говорятъ, любитъ Антиноевъ до сихъ поръ... Ну, а я... сами видите, что невзрачный кавалеръ... Тѣмъ не менѣе я радъ, что видѣлъ знаменитую Мессалину въ отставкѣ. И какая же она страшная, эта раскрашенная старуха!

— Какъ же она васъ приняла? Разскажите.

— Не особенно любезно. Осмотрѣла съ ногъ до головы и, прочитавши ваше письмо, недовольно повела своими накрашенными губами и наконецъ просила изложить, въ чемъ дѣло... Несмотря на все мое краснорѣчіе,—а я былъ краснорѣчивъ, даю вамъ слово! — Измайлова отнеслась къ затѣѣ Маргариты Васильевны прямо-таки неодобрительно. «Какіе театры да лекціи для рабочихъ? Я этому не сочувствую...» Ну, спросила, конечно, дали ли вы пятьдесятъ тысячъ или пообѣщали только, и когда я сказалъ, что пообѣщали,

она... усмѣхнулась довольно-таки, признаться, многозначительно...

— Не повѣрила, что я дамъ?—усмѣхнулась Аносова.

— Какъ будто такъ. А затѣмъ стала допрашивать: кто такой я и почему къ ней пріѣхалъ, а не Зарѣчный... Однимъ словомъ, полнѣйшее фіаско... Не осуществить, какъ видно, Маргаритѣ Васильевнѣ своего плана...

— А вы его одобряете?

— Отчего же не одобрить. Дѣло, во всякомъ случаѣ, полезное...

— Ну, такъ планъ Маргариты Васильевны осуществится!— весело проговорила Аглая Петровна.

— Какимъ образомъ?

— Я одна выстрою домъ, а вы, быть-можетъ, не откажетесь помочь намъ совѣтомъ, какъ лучше это сдѣлать...

Невзгодинъ былъ изумленъ.

— Ну, что̀? Немножко довольны мною, Василій Васильичъ?

— Я восхищенъ вами, Аглая Петровна, и чувствую себя передъ вами виноватымъ. Простите!

И Невзгодинъ горячо поцѣловалъ руку Аносовой.

— За что васъ прощать?

— За то, что считалъ васъ не такою, какая вы есть.

— Вы въ правѣ были... Я вѣдь кулакъ-баба... Наслѣдственность сказалась.

— Вы клевещете на себя. А рѣшеніе ваше сейчасъ?.. Это что̀?

— Ваше вліяніе, Василій Васильичъ!

Вы шутите, конечно.

— Какія шутки! И замѣтьте—я, безъ особенной надобности, никогда не лгу... Это результатъ нашихъ споровъ въ Бретани и вообще знакомства съ вами... У меня нравъ скоропалительный... И на добро и на зло азартный, если я кому повѣрю... Только не оставляйте своими добрыми указаніями... Ну и кромѣ того, вѣдь мы, бабы, любимъ, чтобы насъ описывали не очень ужъ скверно — мнѣ, значитъ, и хочется, чтобы, изучая, вы видѣли меня лучше, чѣмъ я есть... Простите бабье тщеславье, Василій Васильичъ...

— Вы преувеличиваете вліяніе моихъ споровъ! Въ васъ просто добрая натура говоритъ.

— Думайте, какъ знаете...

Аносова заговорила о своемъ англичанинѣ-управляющемъ и нашла, что его надо убрать. Очень ужъ онъ строгъ.

И совершенно неожиданно обратилась къ Невзгодину съ просьбой: порекомендовать ей какого-нибудь порядочнаго человѣка.

Когда Невзгодинъ, въ первомъ часу, прощался съ Аглаей Петровной, она спросила:

— Скоро увидимся?

— Я завтра зайду... Можно?

— Еще бы! Я рада поболтать съ интереснымъ человѣкомъ, ну, а вамъ...

— А мнѣ?

— А вамъ надо изучить новую разновидность московской купчихи. Такъ приходите!.. — проговорила Аносова своимъ мягкимъ, пѣвучимъ голосомъ, ласково улыбаясь глазами.

XXXIII.

Прошелъ мѣсяцъ.

Въ теченіе этого времени Невзгодинъ чуть ли не каждый день ходилъ къ Аглаѣ Петровнѣ и просиживалъ съ ней вечера въ «клѣтушкѣ». Они вели долгіе разговоры, спорили, читали вмѣстѣ, знакомили другъ друга съ своими біографіями. Аносова нерѣдко посвящала Невзгодина въ свои дѣла и спрашивала его совѣтовъ. За это время они сблизились, и Аглая Петровна съ инстинктомъ любящей женщины старалась показать себя Невзгодину съ самой лучшей стороны, и дѣйствительно, подъ властью чувства, далеко не походила на прежнюю дѣловитую купчиху, скаредную и безсердечную, когда дѣло шло объ ея купеческихъ интересахъ. Всѣ, близко знавшіе Аглаю Петровну, дивились такой перемѣнѣ и приписывали ее, разумѣется, тому, что Аносова влюбилась, какъ дура, въ Невзгодина. Нечего и говорить, что безупречная доселѣ репутація Аглаи Петровны пошатнулась среди купечества, и Невзгодина называли любовникомъ Аносовой.

А между тѣмъ ничего подобнаго не было.

Правда, великолѣпная вдова не только интересовала молодого писателя, какъ интересный типъ для изученія, но и очень нравилась ему, импонируя своей роскошной красотой и привлекая умомъ; тѣмъ не менѣе онъ старался скрыть это и объяснялъ свои частыя посѣщенія удовольствіемъ поболтать съ умной женщиной. До сихъ поръ онъ не обмолвился серьезнымъ признаніемъ, хотя нерѣдко и говорилъ въ шутливомъ тонѣ о красотѣ Аглаи Петровны.

Она нерѣдко ловила восторженные взгляды Невзгодина и ждала, нетерпѣливо ждала, что онъ наконецъ бросится къ ея ногамъ и признается, что любитъ ее; но этого не было, и Аглая Петровна влюблялась сама все болѣе и болѣе, но, разумѣется, горделиво не показывала Невзгодину, какъ онъ ей дорогъ и какъ бы она была счастлива выйти за него замужъ.

Невзгодинъ и не догадывался, что въ него Аносова влюблена, и вѣрилъ ей, когда она говорила, что питаетъ къ нему хорошія чувства, какъ къ человѣку, который «открылъ ей глаза» и сдѣлалъ ее лучше. И онъ видѣлъ, что дѣйствительно имѣетъ нѣкоторое вліяніе на Аглаю Петровну, приписывая это вліяніе доброй, въ сущности, натурѣ Аносовой, но испорченной наслѣдственностью и средой.

Тѣ перемѣны, которыя она сдѣлала на фабрикѣ, удаливъ англичанина, и тѣ планы, которые она хотѣла привести въ исполненіе, не оставляли его въ сомнѣніи, что Аглая Петровна «кающаяся капиталистка».

И Невзгодинъ, нѣсколько «оболваненный» и красотой великолѣпной вдовы, и ея умѣньемъ довольно тонко льстить мужскому самолюбію, и ея «планами», уже мечталъ объ интересной темѣ для новой повѣсти, героиня которой подъ идейнымъ вліяніемъ раздаетъ свои богатства, отказываясь отъ жизни, полной роскоши и блеска... По временамъ эта тема казалась фальшивой его художественному инстинкту, но вѣдь фактъ почти налицо въ лицѣ Аглаи Петровны. Надо только довести его до логическаго развитія.

Впрочемъ, всѣ эти мечтанія о повѣсти не мѣшали Невзгодину по временамъ (и въ послѣднее время довольно-таки часто) совсѣмъ не «идейно» заглядываться на великолѣпную вдову.

«Тоска», напечатанная въ январской книжкѣ одного изъ петербургскихъ журналовъ, очень понравилась Аглаѣ Петровнѣ, и она въ восторженныхъ комплиментахъ признала въ Невзгодинѣ выдающійся талантъ. Дѣйствительно, у Аносовой былъ литературный вкусъ, развитой недурнымъ знакомствомъ съ нѣсколькими литературами, и она сумѣла оттѣнить лучшія мѣста повѣсти и при этомъ тонко польстить авторскому самолюбію. И онъ, хотя и находилъ похвалы неумѣренными, тѣмъ не менѣе поддавался лести. Вѣдь такъ пріятно, когда умная и красивая женщина считаетъ васъ геніальнымъ человѣкомъ!

Впрочемъ, не одна Аглая Петровна пришла въ восторгъ отъ повѣсти. Вскорѣ по напечатаніи ея Невзгодинъ сталъ получать, пересылаемыя ему изъ редакціи, письма отъ неизвѣстныхъ лицъ, выражавшихъ свое сочувствіе и похвалы. И эти письма, искреннія и восторженныя, благодарившія за призывъ къ вѣрѣ въ идеалы, сказавшійся въ тоскѣ по нимъ,—трогали молодого писателя и въ то же время словно бы обязывали его относиться къ писательству, какъ къ общественному служенію. Наконецъ появились въ нѣсколькихъ газетахъ и рецензіи. Почти во всѣхъ привѣтствовалось появленіе новаго та-

ланта, на который возлагались надежды. Зато въ двухъ газетахъ повѣсть Невзгодина была обругана жесточайшимъ образомъ, и именно за призывъ къ тому, что̀, слава Богу, «исчезло, какъ миражъ, нашедшій на бѣдную Россію въ шестидесятыхъ годахъ».

Вмѣстѣ съ полученіемъ гонорара Невзгодинъ получилъ и письмо отъ редактора, который сообщалъ, что новый разсказъ очень ему понравился и будетъ напечатанъ въ слѣдующей книжкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ и дальнѣйшаго его сотрудничества, прибавляя, что такія вещи, какъ «Тоска» и другой разсказъ, «украшаютъ» страницы журнала.

Невзгодинъ радовался своему успѣху, хотя и нѣсколько изумленный имъ. Скептическая «жилка» мѣшала ему «возгордиться», и онъ только мечталъ о томъ, чтобы заслужить похвалы будущими своими работами. Въ немъ снова пробуждалась охота писать, и онъ по утрамъ работалъ, а вечеромъ его тянуло къ великолѣпной вдовѣ...

«Не каменная же она въ самомъ дѣлѣ!»—говорилъ онъ себѣ и въ то же время чувствовалъ, что съ ней авантюра едва ли возможна. Она не изъ такихъ... Съ ней надо закинуть на себя мертвую петлю...

Послѣ появленія «Тоски» Невзгодинъ получилъ лестныя приглашенія изъ многихъ редакцій, а издатель одного иллюстрированнаго журнальчика самъ пріѣхалъ къ Невзгодину и, отрекомендовавшись ему, безъ всякихъ церемоній спросилъ, окидывая удовлетвореннымъ взглядомъ жалкую обстановку комнаты:

— Вы сколько получаете съ листа въ вашемъ журналѣ?

— Сто рублей!—отвѣтилъ Невзгодинъ, нѣсколько изумленный развязностью издателя.

— Такъ я вамъ охотно дамъ триста и, если хотите, сію минуту пятьсотъ рублей аванса. Угодно получить?

И издатель, не дожидаясь согласія и, повидимому, не сомнѣвавшійся въ немъ, вынулъ бумажникъ, досталъ пять сторублевокъ и положилъ ихъ на столъ передъ Невзгодинымъ.

Тотъ съ улыбкой наблюдалъ за издателемъ.

— Напрасно вы безпокоились. Положите свои деньги въ бумажникъ!—проговорилъ наконецъ, улыбаясь, Невзгодинъ.

— Вы не хотите?—искренно изумился черноволосый, курчавый молодой издатель съ бойкими и плутоватыми глазками.— Вамъ, можетъ-быть, желательно четыреста рублей съ листа и тысячу аванса?.. Что-жъ, мы и это можемъ...

— Я совсѣмъ не желаю участвовать въ вашемъ журналѣ!

— Не желаете? Но позвольте спросить, почему-съ? У меня

сотрудничаютъ господа писатели перваго сорта... можно сказать, генералы-съ...

Издатель перечислилъ нѣсколько дѣйствительно извѣстныхъ литературныхъ именъ и продолжалъ:

— Какъ видите, компанія приличная-съ вполнѣ... И вамъ, смѣю думать, гораздо лестнѣе получить четыреста рублей съ листа, чѣмъ сто... Въ четыре раза болѣе... И читателей у меня гораздо больше... Или вы, Василій Васильичъ, обязаны контрактомъ? Такъ я съ удовольствіемъ рискну на неустойку, если она не велика-съ. Вы въ модѣ теперь, и я готовъ на жертвы-съ.

Насилу Невзгодинъ избавился отъ одного изъ болѣе юркихъ представителей современнаго издательства. Издатель ушелъ наконецъ, такъ-таки и не понявшій, что человѣкъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти могъ отказаться отъ такихъ блестящихъ предложеній.

Послѣ того, какъ Невзгодина расхвалили, о немъ заговорили и въ Москвѣ. Съ нимъ старались познакомиться и залучить на журфиксы. Звенигородцевъ, находившій раньше, что Невзгодинъ ничего путнаго написать не можетъ, заѣзжалъ къ Невзгодину, наговорилъ ему множество пріятныхъ вещей и звалъ его вечеромъ на «журфиксъ» къ одному очень умному человѣку, у котораго собираются только очень умные люди, и былъ нѣсколько огорченъ, что Невзгодинъ отказался.

Но, знакомый только съ казовой стороной своей извѣстности, Невзгодинъ, не бывавшій почти нигдѣ, и не догадывался, какова изнанка ея, и что̀ про него говорятъ.

А говорили про него, дѣйствительно, чортъ знаетъ что̀ такое. Кто распускалъ про него грязныя сплетни, и къ чему ихъ распускали — кто знаетъ, но онѣ имѣли успѣхъ, какъ всякія сплетни, да еще про человѣка сколько-нибудь извѣстнаго.

Говорили, что Невзгодинъ ловко-таки «обрабатываетъ» милліонерку. Небось, пишетъ объ идеалахъ, смѣется надъ всѣмъ, а самъ... подбирается къ аносовскимъ деньгамъ. Какая гнусность! Его, конечно, называли Артюромъ при великолѣпной вдовѣ. Другіе, впрочемъ, утверждали, что онъ дальновиднѣе и навѣрное женится на милліонеркѣ.

— Ждала-ждала... и не могла выбрать лучше... Нечего сказать, отличная партія.

Однажды Невзгодина встрѣтилъ на улицѣ одинъ изъ его знакомыхъ и спросилъ: правда ли, что онъ думаетъ издавать журналъ?

— И не думалъ!—разсмѣялся Невзгодинъ.

— Однако говорятъ...

— А пусть говорятъ... Только говорятъ ли, откуда на журналъ у меня деньги?

— Какъ откуда? Да Аглая Петровна Аносова, говорятъ, даетъ... Вы вѣдь съ ней хорошо знакомы.

Невзгодинъ только презрительно усмѣхнулся, но тонъ, съ какимъ были сказаны эти слова, покоробилъ его, и онъ въ тотъ вечеръ сидѣлъ, по обыкновенію, въ «клѣтушкѣ», нѣсколько раздраженный.

Онъ досадовалъ на себя, что пришелъ.

Разговоръ въ этотъ вечеръ не клеился. У обоихъ собесѣдниковъ точно на душѣ было что-то, мѣшавшее обычной бесѣдѣ. И это чувствовалось.

«И на какого дьявола я шляюсь сюда каждый вечеръ? Зачѣмъ? Она въ самомъ дѣлѣ можетъ подумать, что я огорошу ее просьбами о деньгахъ на журналъ?»

— Фу, мерзость!—мысленно проговорилъ Невзгодинъ, раздражаясь отъ этой мысли еще болѣе.

Онъ рѣшился сейчасъ же уйти, чтобы не «разыгрывать дурака». Такъ она и вѣритъ его «изученію»!.. Таковская!

Невзгодинъ искоса взглянулъ на нее и остался на обычномъ своемъ мѣстѣ—на низенькомъ креслѣ у диванчика, на которомъ сидѣла Аглая Петровна, притихшая, грустная и ослѣпительно-красивая.

Остался и сдѣлался еще мрачнѣе, злясь на самого себя.

XXXIV.

Минуты двѣ прошло въ молчаніи. Наконецъ Аносова спросила:

— Что̀ съ вами, Василій Васильичъ?

Въ тонѣ ея голоса звучала тревога.

Невзгодинъ насторожился. Онъ уловилъ эту тревогу, и въ ней ему послышалось что-то притязательное. Это нѣсколько удивило и разсердило его.

— Ничего особеннаго,—отвѣтилъ онъ.

— Вы чѣмъ-то раздражены?

— Положимъ... Такъ что-жъ изъ этого?

— Ужъ не я ли провинилась въ чемъ-нибудь передъ вами? И вы мною недовольны?

— Я? Вами? И какое я имѣлъ бы право?

— Это дѣлается безъ всякихъ правъ.

— Но все-таки выражаютъ недовольство только люди съ правами, а обыкновенные смертные просто не ходятъ къ знакомымъ, которыми недовольны.

— Даже когда и изучаютъ?

Онъ взглянулъ на Аносову: не смѣется ли она? Но Аглая Петровна глядѣла на него такъ значительно и такъ нѣжно, что Невзгодинъ смущенно отвелъ свой взглядъ и проговорилъ:

— Сегодня была одна встрѣча на улицѣ и разговоръ, который меня раздражилъ... Да что̀ скрывать...

И Невзгодинъ передалъ Аносовой разговоръ.

— И это могло васъ раздражить?

— Какъ видите.

— Вижу!—грустно протянула Аносова.

Она, видимо, что-то хотѣла сказать, но не рѣшалась.

— Говорите, Аглая Петровна... Говорите... я все выслушаю...

— И раздражитесь еще болѣе? А я не хочу васъ раздражать...

— Ну, какъ угодно... Сегодня мы оба въ дурномъ настроеніи, и я лучше уйду...

— Нѣтъ, не уходите, Василій Васильичъ... Не уходите... И я вамъ скажу, что̀ хотѣла. Неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, не взяли бы у меня денегъ на журналъ, если бы захотѣли издавать сами?

— Конечно, нѣтъ!—рѣзко отвѣтилъ Невзгодинъ.

— Я даже такого довѣрія не заслужила? Или вы побоялись бы, что̀ скажутъ?

— Писателю надо быть выше всякихъ подозрѣній... И наконецъ я никогда бы не путалъ женщину въ дѣла, которыхъ она не понимаетъ...

— Даже если-бъ женщина была вашимъ добрымъ пріятелемъ?

— Тѣмъ болѣе...

— Я такъ и думала... Очень ужъ вы горды, Василій Васильичъ... Вотъ васъ даже и пустой разговоръ раздражилъ... А про меня, по поводу васъ, теперь и не то говорятъ, а я, какъ видите, нисколько не смущаюсь... Пусть говорятъ!

— По поводу меня? Что-жъ смѣютъ говорить?—вызывающе кинулъ Невзгодинъ и весь вспыхнулъ.

— Ишь! Уже и загорѣлись!.. Говорятъ, что я...

Аносова запнулась.

— Что̀ вы?—нетерпѣливо переспросилъ Невзгодинъ.

— Ваша любовница!—досказала Аносова и взглянула на Невзгодина.

Тотъ совсѣмъ опѣшилъ отъ изумленія.

— Изумлены?—кинула Аносова.

— Еще бы! Сочинить такую... такую нелѣпость про васъ, чья репутація безупречна... Какъ это глупо!—воскликнулъ Невзгодинъ.

— А между тѣмъ вѣдь это такъ правдоподобно... До сихъ поръ я жила отшельницей, и вдругъ почти каждый вечеръ сижу глазъ-на-глазъ съ молодымъ человѣкомъ... Вѣдь не всякій же знаетъ то, что̀ знаю я...

— То-есть что̀?

— Что молодой человѣкъ исключительно съ литературной цѣлью навѣщаетъ женщину, еще нестарую, ну и...

— Замѣчательную красавицу? — досказалъ горячо Невзгодинъ.

— Къ которой онъ, впрочемъ, довольно равнодушенъ!— прибавила Аглая Петровна.

Невзгодинъ не принялъ вызова и воскликнулъ:

— И вы меня не выгнали до сихъ поръ, несмотря на такія сплетни?

— Я? Васъ?

Опять Аносова такъ ласково, такъ нѣжно и вмѣстѣ съ тѣмъ удивленно посмотрѣла на Невзгодина, что тотъ снова смутился.

— Да развѣ мнѣ не все равно, что̀ говорятъ! Я ничьей любовницей не была и не буду! — гордо подчеркнула она:— но пусть болтаютъ, что̀ хотятъ! Я сама по себѣ!—усмѣхнулась Аносова.

Это пренебреженіе общественнымъ мнѣніемъ такой разсудительной и степенной женщины, какою казалась Аглая Петровна, восхитило Невзгодина и, разумѣется, пріятно щекотало его самолюбіе.

И онъ восторженно взглянулъ на красавицу-вдову и благодарно сталъ цѣловать ея руку нѣсколько дольше и горячѣе, чѣмъ слѣдовало бы это въ литературныхъ интересахъ.

Но Аносова не отнимала своей горячей руки, и Невзгодинъ ее нѣсколько разъ принимался цѣловать.

— И знаете ли, о чемъ еще на-дняхъ спрашивала меня сестра?

— О чемъ?

— Скоро ли я выхожу замужъ?

— Вы? За кого?

— Да что̀ вы за агнецъ, въ самомъ дѣлѣ! Развѣ не знаете?

— Клянусь честью, не зна

— Да за васъ, разумѣется!

— За меня!?

И Невзгодинъ искренно разсмѣялся.

Аглая Петровна, повидимому, недовольна была этимъ смѣхомъ и спросила:

— Чему вы смѣетесь?

— Да ужъ это несравненно по своей глупости.

— Чѣмъ же такъ глупо?

— И вы еще спрашиваете? И вы охотница шутить! — съ насмѣшливой улыбкой промолвилъ Невзгодинъ, нѣсколько раздраженный.

— Я не шучу, Василій Васильичъ... Развѣ вы не видите или нарочно не хотите этого видѣть?—значительно и серьезно промолвила Аглая Петровна.

— Вы... красавица, умная женщина, милліонерка, и вамъ сдѣлать такой mésalliance!.. Выйти замужъ за такого богему, нищаго писателя, человѣка такихъ взглядовъ, какъ я... и притомъ такого непривлекательнаго...

— А почемъ знать. За такого, и только за такого я бы вышла. Такого, можетъ-быть, я и полюбила бы и не промѣняла его ни на кого. Да и какъ еще полюбила! — порывисто прибавила Аносова.

Она какъ будто говорила шутя, но каждое слово ея дышало неподдѣльною страстью. И Невзгодинъ словно бы неожиданно прозрѣлъ и почувствовалъ, что эта женщина не шутитъ. И ему стало жутко.

Все еще какъ бы не довѣряя этому, онъ заглянулъ въ глаза Аносовой пытливымъ, вопросительнымъ и слегка смѣющимся взглядомъ.

— Теперь вѣрите? — шепнула она, не сводя съ него своихъ темныхъ глазъ, свѣтившихся лаской, и стыдливо алѣла, словно бы виноватая, что не могла болѣе таить чувства.

— Не вѣрю, не вѣрю, не вѣрю! — вызывающе повторялъ Невзгодинъ.

А самъ вѣрилъ, изумленный, что его любитъ эта властная, строгая красавица, и, весь охваченный трепетомъ молодой страсти, глядѣлъ на молодую женщину восторженно-благодарнымъ взглядомъ.

— Такъ повѣрьте...

И Аносова вдругъ порывисто обвила шею Невзгодина и прильнула своими губами къ его губамъ въ долгомъ страстномъ поцѣлуѣ.

Еще мгновеніе, и она оттолкнула его.

У Невзгодина была несчастная особенность, присущая многимъ писателямъ, не терять способности наблюдать и подчасъ ядовито смѣяться надъ собою даже въ самыя, казалось бы, счастливыя мгновенія жизни, и это вносило отраву во всѣ его

увлеченія. Казалось, онъ не могъ непосредственно отдаваться впечатлѣніямъ, точно какой-то насмѣшливый бѣсенокъ сидѣлъ у него въ головѣ и нашептывалъ ему смѣшныя вещи.

Только разъ въ жизни, когда Невзгодинъ любилъ Маргариту Васильевну, онъ не анализировалъ, не потѣшался надъ собою, а просто любилъ до безумія.

И теперь, опьянѣвшій отъ поцѣлуя, онъ словно бы былъ насторожѣ и, болѣе благодарный, чѣмъ счастливый, слушалъ, какъ Аглая, счастливая и радостная, говорила, заглядывая ему въ глаза:

— О, какой же вы глупый, несмотря на весь вашъ умъ... На аршинъ подъ землю видите, а не видѣли, что я люблю васъ... Ужели не замѣчали?..

— Честное слово...

— Какой же вы скромный, и какъ это хорошо... Ну, да... люблю. Вы—идолъ мой. Вѣдь ради васъ я стала другая... Ради васъ я измѣнила порядки на фабрикѣ... Ради васъ я строю этотъ домъ для рабочихъ... А вы не повѣрили, что я съ радостью пошла бы за васъ замужъ, чтобы вы были моимъ, только всегда и всегда моимъ! — властно прибавила она.—А я и всѣ мои милліоны въ вашемъ распоряженіи... Теперь вѣрите?.. А вы... Вы любите ли меня?.. или мнѣ только это чудится въ вашихъ глазахъ... Хотите быть моимъ?

Невзгодина захватила эта порывистая, сильная страсть, и, признаться, эти милліоны на мгновеніе смутили его. Отчего не жениться? Она красива, умна... Она ему нравится, эта красавица... А на эти милліоны можно сдѣлать много хорошаго...

Но въ слѣдующее же мгновеніе онъ уже пришелъ въ ужасъ отъ мысли жениться на Аносовой.

Сидѣвшій въ головѣ его добрый бѣсенокъ высмѣивалъ его добрыя намѣренія благотворить чужими милліонами и ядовито докладывалъ, что Невзгодинъ просто женится, какъ первый прохвостъ, на милліонахъ, чтобы жить на чужіе милліоны, утѣшая себя благотворительными подачками. И это писатель, авторъ «Тоски», проповѣдующій, что богатство развращаетъ... Какой же однако писатель негодяй!.. На словахъ герой, а при первомъ же соблазнѣ не устоялъ... И развѣ онъ любитъ великолѣпную вдову?.. Развѣ это любовь, а не одно только вожделѣніе къ красивому тѣлу!.. Развѣ по духу она ему близка! И развѣ онъ хочетъ идти подъ ярмо и вѣчно быть въ полной собственности милліонерки, вмѣсто того, чтобы быть свободнымъ и независимымъ писателемъ?

— Что-жъ вы молчите, Василій Васильевичъ? Или вы, въ

самомъ дѣлѣ, ходили только изучать меня?—почти крикнула Аглая Петровна, увидавшая, какъ загорается насмѣшливый огонекъ въ глазахъ Невзгодина.

— Я очень тронутъ вашимъ чувствомъ... Вы мнѣ нравитесь, Аглая Петровна, къ чему лукавить, но я не думалъ связывать свою судьбу...

— Съ судьбой капиталистки?—ядовито перебила она Невзгодина. — Пошутить... отчего же?.. Говорить лукавыя, вызывающія рѣчи и... простите... «я изучилъ»... и отойти, если не удастся легкая интрижка... «Поднесутъ — пью, не поднесутъ — не пью», — такъ, кажется, говорилъ вамъ какой-то остякъ, этики котораго вы придерживаетесь?.. А что̀ за дѣло до тѣхъ, кого вы смущали лукавыми рѣчами... На тѣхъ наплевать...

Аглая Петровна говорила, почти задыхаясь отъ гнѣва и оскорбленнаго самолюбія.

И вдругъ она смолкла. Блѣдная, какъ полотно, и прекрасная въ своемъ гнѣвѣ, она порывисто встала съ дивана.

Всталъ и Невзгодинъ.

Она смѣрила его злыми глазами и въ бѣшенствѣ крикнула:

— Вонъ... И никогда не показывайтесь на мои глаза...

Но, какъ только Невзгодинъ направился къ дверямъ, Аносова бросилась къ нему и, схвативъ за руку, прошептала:

— Простите... простите... Вы хорошій... славный.. Я люблю васъ... Да хранитъ васъ Христосъ!

Властнымъ жестомъ приказала она Невзгодину нагнуться. Она трижды поцѣловала его въ губы, торжественно перекрестила его и сказала, говоря ему «ты»:

— Будь счастливъ, родной, не поминай меня лихомъ!

Въ голосѣ ея слышны были рыданія.

— Вы не поминайте меня лихомъ! Прощайте, Аглая Петровна!—взволнованно проговорилъ Невзгодинъ, крѣпко пожимая ей руку.

— За тобой лиха нѣтъ... И ты правъ: тебѣ путь не надо... Ты изъ орлиной породы... Спасибо за пріязнь, за все спасибо, хорошій мой!

Когда Невзгодинъ ушелъ, Аносова безпомощно опустилась на диванъ и горько-горько заплакала.

— Видно, и мнѣ одинокой жить!—прошептала она.

На другой день она принялась за дѣла. Призванный зачѣмъ-то Артемій Захарычъ обрадовался, увидавъ свою госпожу за счетами.

XXXV.

На слѣдующее утро Невзгодину не работалось.

Онъ былъ еще подъ сильнымъ впечатлѣніемъ того, что̀ такъ неожиданно произошло вчера, и хотя жалѣлъ Аносову, но самъ испытывалъ радостное чувство человѣка, избавившагося отъ опасности.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ чуть-было не увлекся и... расхлебывай потомъ кашу.

Вошелъ коридорный Петръ и подалъ телеграмму:

— Должно, отъ сродственниковъ, Василій Васильичъ.

— Никого у меня нѣтъ сродственниковъ, Петръ...

— И родителей нѣтъ?

— Давно умерли. Одинъ, какъ перстъ.

Невзгодинъ развернулъ телеграмму и прочелъ:

«Приходите завтра въ часъ завтракать на новосельѣ. Никольскій переулокъ, домъ Гнѣздова, квартира 10. Гдѣ пропадаете? Маргарита».

— Ай да молодецъ! Вырвалась на свободу. Не ожидалъ!— весело проговорилъ Невзгодинъ, бросая телеграмму на столъ.

— Чего изволите?—откликнулся Петръ.

— Я не вамъ. Какъ сегодня на дворѣ?

— Весной оказываетъ, Василій Васильичъ. Каплетъ.

— Весной? Въ самомъ дѣлѣ, февраль на исходѣ.

— Скоро масленица.

— Скоро и я уѣду.

— На новую квартиру?

— Изъ Москвы. Сперва въ Петербургъ, а потомъ весну въ Крымъ встрѣчать, а дальше и самъ не знаю...

— Вамъ все равно, гдѣ ни жить... Пиши-себѣ знай.

— То-то и хорошо... Вотъ на-дняхъ получу деньги, и прощайте, Петръ! — весело говорилъ Невзгодинъ, предвкушая, какъ истый бродяга, удовольствіе путешествія.

— Одни поѣдете?

— А то съ кѣмъ же?

Петръ хихикнулъ.

— А съ той барыней?

— Съ какой?

— Которая тогда къ вамъ навѣдывалась... Такая фасонистая... Еще фрухты покупали...

— То моя жена.

— Же-на?—съ меланхолическимъ изумленіемъ протянулъ Петръ. — Вы, значитъ, съ супругой въ родѣ какъ будто врозь?

— И совсѣмъ врозь!—засмѣялся Невзгодинъ. — Что̀, не приходила она?

— То-то нѣтъ. Прикажете отказывать

— Нѣтъ... зачѣмъ же.

Петръ вышелъ и тотчасъ же вернулся.

— Легка на поминѣ... Идутъ!—таинственно прошепталъ онъ и снова скрылся.

Черезъ нѣсколько секундъ раздался троекратный стукъ въ двери.

— Войдите!

— Я къ вамъ на одну минуту, Невзгодинъ,—проговорила Марья Ивановна, пожимая мужу руку и брезгливо оглядывая комнату:—была около, по близости, и зашла поздравить васъ... Гдѣ тутъ сѣсть у васъ?

— А вотъ сюда, Марья Ивановна! Стулъ чистый,—усмѣхнулся Невзгодинъ, подавая женѣ стулъ и оглядывая ея новую весеннюю жакетку.—А поздравить съ чѣмъ пришли?

— Во-первыхъ, съ литературнымъ успѣхомъ...

— А во-вторыхъ?

— Съ женитьбой... Вы гораздо практичнѣе, чѣмъ я ожидала... Одобряю и поздравляю... Надѣюсь, и за разводъ вы заплатите мнѣ хорошо...

— Съ чего вы взяли?.. Я и не думаю, слава Богу, жениться.

— А на Аносовой? На этой красавицѣ-милліонеркѣ... Я объ этомъ ужъ нѣсколько разъ слышала. Говорятъ, она влюбилась въ васъ, какъ кошка...

— И не думалъ... и не влюблена она... и все это сплетни!—съ раздраженіемъ сказалъ Невзгодинъ.

— Но вы у нея каждый день бывали?

— Бывалъ.

— И, кажется, сдружились съ ней?

— Положимъ, и сдружился...

— Такъ вѣдь отчего и не жениться?.. Я навѣрное знаю, что она пошла бы за васъ.

— И знайте. Я вотъ не женюсь и скоро уѣзжаю.

— Да что̀ вы сердитесь?.. И глупо дѣлаете, если упускаете такой случай... Впрочемъ, вы все такой же... Милліонами брезгаете... Ну, прощайте... А ко мнѣ что̀ же по воскресеньямъ ни разу не заглянули?.. Или не хотите больше видѣть?—улыбнулась Марья Ивановна.

— Некогда было...

— Знаю я эти ваши «некогда»... Или изучали милліонерку?

— Изучалъ.

— И кончили?

— Кончилъ... И знаете ли что?

— Что?

— Не пообѣдаемъ ли мы какъ-нибудь опять въ Эрмитажѣ?

Марья Ивановна усмѣхнулась.

— Что-жъ... Пожалуй... Вы, видно, опять богаты?

— Милліоновъ нѣтъ, но сто рублей въ карманѣ. Скоро еще четыреста получу... Чѣмъ не Крезъ?

— Милліоновъ у васъ и помину не будетъ.

— То-то. Вы, кажется, меня немного знаете?

— А у меня капиталъ маленькій будетъ. Наработаю практикой.

— Не сомнѣваюсь. Вамъ и милліоны позволительны. Такъ вамъ когда угодно обѣдать?

— Могу только въ одно изъ воскресеній. Остальное время занята...

— Такъ въ это воскресенье я заѣду за вами, Марья Ивановна...

— Заѣзжайте. Въ которомъ часу?

— Въ четыре.

— Буду ждать. До свиданія. И то сегодня полчаса лишнихъ гуляю! А вы ничего... Не такъ скверно глядите, какъ тогда... Вѣрно, не сочиняете запоемъ?—бросила она на ходу и ушла.

«Вотъ съ этой дамой никакихъ драмъ не можетъ быть! Признаётъ только науку и режимъ!»—усмѣхнулся про себя Невзгодинъ.

Скоро онъ вышелъ изъ дома.

XXXVI.

Въ воздухѣ дѣйствительно пахло весной. Солнце грѣло съ голубого неба, веселое и яркое. На улицахъ была грязь... Отовсюду капало.

Невзгодина еще сильнѣе потянуло изъ Москвы. Онъ заѣдетъ въ Петербургъ, чтобы лично познакомиться съ редакторомъ, и оттуда—въ Крымъ. Никогда онъ не бывалъ въ Крыму, но слышалъ, что весной тамъ особенно хорошо.

А въ Москву онъ не вернется. Гдѣ онъ останется, онъ еще не рѣшилъ. Если понравится Петербургъ—въ Петербургѣ. Если нѣтъ—въ другомъ городѣ, но только не въ Москвѣ. Ужъ очень деньгами она пахнетъ, эта Москва, и очень ужъ болтовней занимаются москвичи. Онъ, слава Богу, вольная птица... Ничѣмъ и никѣмъ не связанъ и можетъ жить, гдѣ угодно. Литература прокормитъ. И не надо даже обращаться въ ремесленника и писать слишкомъ много. Потребности у него небольшія... Одна голова—не бѣда.

И онъ шелъ по улицѣ, веселый и бодрый, мечтая о томъ, какъ хорошо будетъ ему работаться въ Крыму, гдѣ-нибудь на берегу моря. Тамъ онъ, быть-можетъ, напишетъ что-нибудь лучшее. И при одной этой мысли Невзгодинъ чувствовалъ въ себѣ словно бы новый подъемъ силъ.

Но воспоминаніе объ Аглаѣ Петровнѣ нѣтъ-нѣтъ да и омрачало его настроеніе... Онъ не чувствовалъ себя виноватымъ передъ ней — онъ не заигрывалъ съ ней, а все-таки... И ему дѣлалось стыдно, когда онъ припоминалъ эту позорную минуту рѣшенія жениться на ней. О, какъ стыдно! Онъ непремѣнно ее опишетъ, эту минуту, правдиво, безъ утайки... И она освѣтитъ темный уголъ души человѣческой... Эта минута вѣдь пережита! Но зато такихъ минутъ ужъ не можетъ быть.

И хорошъ былъ бы онъ—супругъ милліонерки, да еще такой властной, какъ Аглая. Настоящій король Лиръ въ юбкѣ. И теперь, когда онъ только ходилъ къ ней, уже чортъ знаетъ что̀ говорятъ, а тогда... Онъ, разумѣется, не обвинитъ человѣка, который полюбитъ женщину богатую, но вѣдь онъ ее не любилъ. Но, во всякомъ случаѣ, Аглая женщина оригинальная и сильная. Она не вретъ... Прямо призналась, что вся ея перемѣна изъ-за охватившаго ее чувства. Пройдетъ чувство, и снова проявится наслѣдственный кулакъ.

Невзгодинъ долженъ былъ сознаться, что онъ ее идеализировалъ въ послѣднее время... подъ вліяніемъ увлеченія ея красотой. Но развѣ онъ думалъ, что она можетъ влюбиться въ него?

Было двѣнадцать часовъ. Невзгодинъ зашелъ въ цвѣточный магазинъ, купилъ чайныхъ розъ и велѣлъ сдѣлать букетъ. Когда онъ былъ готовъ, онъ направился къ Зарѣчной.

Дорога шла черезъ Арбатъ. На Арбатѣ онъ встрѣтился съ Сбруевымъ.

Оба радостно пожали другъ другу руки и, какъ водится, пеняли другъ другу, что давно не видались.

Невзгодинъ освѣдомился, какъ дѣла.

— Попрежнему!—кисло улыбнулся Сбруевъ.

— А что̀ Найденовъ, остается здѣсь? Поправился?

— Онъ подалъ въ отставку, и его увезли за границу. Плохъ, говорятъ.

— А дѣти съ нимъ?

— Нѣтъ. Они въ Петербургѣ. Славныя, говорятъ. И у такого отца! Они-то его и доконали... Безумно любитъ ихъ, а они тогда были на панихидѣ. Ужасно.

Они поболтали еще нѣсколько минутъ и разошлись.

Въ исходѣ перваго часа Невзгодинъ былъ у Зарѣчнои.

Маргарита Васильевна встрѣтила его веселая, оживленная и похорошѣвшая, въ большой комнатѣ, убранной умѣлой женской рукой, уютной, свѣтлой, посреди которой стоялъ столъ, накрытый на два прибора.

— Отъ души поздравляю васъ, Маргарита Васильевна!— привѣтствовалъ ее Невзгодинъ, подавая букетъ чудныхъ розъ.

— Вотъ это мило, что побаловали. Узнаю васъ. Что за прелесть!

Она положила цвѣты въ вазу и вазу поставила на столъ.

— Сейчасъ будемъ завтракать, а пока скажу вамъ, что ваша «Тоска» прелесть, и что сами вы безсовѣстно забыли меня.

— Я не забываю друзей..

— Такъ какъ же не заглянуть?.. Впрочемъ... я не упрекаю... Не заходили, значитъ, не хотѣлось... Вы вѣдь изучали новый типъ... Правда?

— Правда!—отвѣтилъ Невзгодинъ, краснѣя.

— И про васъ легенды ходятъ...

— Которымъ вы, надѣюсь, не повѣрили?

— Не повѣрила. Я знаю васъ и знаю цѣну московскимъ легендамъ.

— А вы давно на новомъ положеніи?

— Сегодня ровно недѣля. Устраивалась.

— И отлично устроились.

— Я довольна. У меня двѣ комнаты: эта—пріемная, кабинетъ и столовая, а рядомъ моя спальная. Нанимаю отъ жильцовъ. Тихо, спокойно, хорошо. Заработокъ есть. А для души... домъ для рабочихъ... Аносова вѣдь даетъ деньги!

— А главное: вы чувствуете себя свободной... Не надо компромиссовъ! Не правда ли?

— Именно. И какъ это пріятно! Я только теперь это почувствовала вполнѣ... И какъ я вамъ благодарна, Василій Васильичъ... Вы поступили, какъ истинный другъ! — горячо проговорила Маргарита Васильевна.

— Мнѣ? За что?

— А за то, что вы тогда на юбилеѣ—помните?—говорили о позорѣ моего компромисса, когда я обвиняла за него мужа и другихъ... Мнѣ было больно, очень больно,—вы вѣдь посыпали мою рану солью,—и я на васъ сердилась... Но ваши слова... заставили меня глубже заглянуть въ свою совѣсть.

— Вы и безъ меня въ нее заглядывали.

— Заглядывала, но успокаивала себя софизмами, прикрывая звѣря въ себѣ... А у васъ есть особенная способность:

взбудоражить человѣка, заставить его не особенно восхищаться собственной персоной...

— И за это доставалось-таки мнѣ... Помните, какъ на холерѣ одна барынька раззнакомилась со мной... Сперва говорила: умный, а потомъ въ дураки произвела.

— А я васъ именно за это особенно и цѣню. А вѣдь вы все не вѣрили, что я перейду на новое положеніе?

— Не вѣрилъ... Да и вы сами колебались. Зато какъ обрадовался я вашей телеграммѣ!

Завтракъ прошелъ весело и задушевно. Невзгодинъ отдалъ честь и пирогу, и рябчикамъ, и бѣлому вину и разспрашивалъ Маргариту Васильевну объ ея планахъ на будущее. Она весело сообщала, что переводная работа обезпечена у нея въ одномъ журналѣ на полтораста рублей въ мѣсяцъ. Кромѣ того, она разсчитываетъ и на компиляціи. Этого заработка ей вполнѣ достаточно; отъ помощи мужа она, конечно, отказалась. Время у нея будетъ строго распредѣлено...

— Боитесь гостей?

— Боюсь, и буду принимать разъ въ недѣлю и съ большимъ разборомъ!—подчеркнула молодая женщина. — А то я предвижу, что ко мнѣ теперь будутъ являться господа, которые прежде почти не бывали.

— Это почему?

— А какъ же?.. Жена въ разводѣ. Интересный сюжетъ. Начнутся попытки ухаживанья... Я вѣдь знаю милыхъ московскихъ кавалеровъ... Ужъ у меня были съ визитами на новосельѣ... и, конечно, одни мужчины... Вчера два профессора являлись. Но я ихъ скоро спровадила, и, вѣрно, больше не появятся.

— А что?

— Ужъ очень были пошлы въ своихъ любезностяхъ и сочувствіяхъ... И вѣдь всѣ эти господа говорили, въ сущности, одно и то же...

— Вы слишкомъ требовательны, Маргарита Васильевна!

— Вы, кажется, тоже не изъ терпимыхъ къ глупости. Что дѣлать! Признаюсь, брезглива и удивляюсь, какъ другія женщины мало разборчивы... Имъ все равно, кто бы за ними ни ухаживалъ, но только бы ухаживалъ... Я знаю одну профессоршу. Очень неглупая, чуткая женщина и образованная, а при ней—можете себѣ представить?—всегда состоитъ нѣсколько кавалеровъ, какъ на подборъ, одинъ другого глупѣе...

— Несчастная!..—вставилъ Невзгодинъ.

— Нисколько. Она всѣхъ ихъ, какъ говоритъ, жалѣетъ, всѣхъ принимаетъ, со всѣми любезна и каждому назначаетъ

соотвѣтственныя роли. Одинъ—поэлегантнѣе—ѣздитъ съ супругами въ театръ, другой—въ ученыя засѣданія, третій—на выставки, четвертый—по магазинамъ. И каждый увѣренъ, что общество его пріятно. Иначе вѣдь не ходили бы.

— Любопытный типикъ: коллекціонерка балбесовъ. Теперь такихъ коллекціонерокъ особенно много развелось отъ одури!—разсмѣялся Невзгодинъ.—А вы, значитъ, не хотите собирать у себя такой коллекціи?

— Спаси Богъ. Я лучше одна буду сидѣть, чѣмъ видѣть торчащаго балбеса, и особенно влюбленнаго.

— Который коситъ на васъ шалые глаза, молчитъ, вздыхаетъ и вдругъ выпалитъ, что такого дурака, какъ онъ, никто не понимаетъ... Но что̀ если нѣсколько такихъ балбесовъ соберутся вмѣстѣ?.. Вѣдь это... ужасно!

Невзгодинъ налилъ себѣ рюмку и, поднимая ее, сказалъ:

— Ваше здоровье, Маргарита Васильевна. Будьте счастливы, и да смилуется надъ вами судьба. Пусть въ эту комнату не заглянетъ ни одинъ балбесъ!

— Аминь!..—отвѣтила Маргарита Васильевна, чокаясь съ Невзгодинымъ.

Послѣ завтрака Маргарита Васильевна пересѣла на диванъ, а Невзгодинъ на кресло. Невзгодинъ закурилъ папироску и спросилъ:

— А Николай Сергѣичъ какъ перенесъ вашъ уходъ?

— Онъ былъ къ нему подготовленъ... Я предупреждала за два мѣсяца...

— Но, согласитесь, если вы мнѣ отрѣжете руку съ предупрежденіемъ, то руки все-таки не будетъ...

— Онъ поступилъ, какъ порядочный человѣкъ. Онъ покорился и не пугалъ меня... Скажи, что онъ застрѣлится, и я, конечно, отъ него не ушла бы... Но онъ успокоилъ меня насчетъ этого, и мы разстались дружелюбно... Конечно, ему тяжело...

— Онъ васъ такъ любитъ.

— Любитъ? Любовь — слово растяжимое, Василій Васильичъ... Конечно, любитъ, но какъ?.. Съ тѣхъ поръ, какъ я перестала быть его женой, онъ сталъ любить меня меньше. Мы, женщины, вѣдь это чувствуемъ... видимъ въ глазахъ... А онъ именно любилъ во мнѣ не человѣка, а женщину... Вѣдь иначе не женился бы, зная, что я его не люблю... А больше всего страдаетъ его самолюбіе. Какъ: «жена его оставила!..»

— Ну, а все-таки вы теперь къ мужу снисходительнѣе стали, Маргарита Васильевна?—спросилъ Невзгодинъ.

— Еще бы! И онъ, въ сущности, не дурной человѣкъ... Только любилъ фразу и разыгрывалъ героя на словахъ, когда онъ самый обыкновенный трусъ и человѣкъ двадцатаго числа...

— Отчего вы въ прошедшемъ времени употребляете глаголы?

— А потому, что онъ понялъ самого себя, и... ему сдѣлалось неловко... И онъ теперь больше сталъ работать дома... Ужъ онъ не разрывается во всѣхъ учрежденіяхъ... Не гоняется за популярностью... Притихъ... Да и лучше, чѣмъ фразерствовать!

— А ораторъ онъ талантливый и профессоръ хорошій. Это вѣрно!—замѣтилъ Невзгодинъ.—И, при его мягкости и любезности, онъ долго еще будетъ одной изъ гордостей Москвы...

— Москва зато и не особенно требовательна... Ну, а вы, Василій Васильичъ, конечно, не жѐнитесь на Аносовой, какъ говорятъ въ Москвѣ?

Невзгодинъ только разсмѣялся.

ИСТОРІЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ.

Романъ.

I.

Мрачный осенній петербургскій день съ пронизывающимъ до костей холоднымъ сѣвернымъ вѣтромъ близился къ концу. Отливая отъ центральныхъ частей города, пѣшеходы, угрюмые и голодные, торопились по домамъ.

Въ это время къ углу Невскаго и Лиговки приковылялъ, имѣя на плечахъ ларекъ, маленькій мальчуганъ въ большомъ измызганномъ картузѣ, нахлобученномъ на уши.

Окинувъ быстрымъ и зоркимъ взглядомъ мѣстность и, главнымъ образомъ, мѣстопребываніе «фараона», то-есть городового, маленькій человѣкъ опустилъ ларекъ у тротуара въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Невскаго и сталъ выкрикивать звучнымъ тоненькимъ голоскомъ въ упоръ проходящимъ по Лиговкѣ:—«Спички да хорошія! Бумаги и конвертовъ! Не пожелаете ли, господинъ?»

Засунувъ закраснѣвшіяся отъ холода руки въ карманы, мальчикъ то и дѣло подпрыгивалъ и ежился, такъ какъ костюмъ его былъ далеко не по сезону. Довольно жидкое порыжѣлое пальто неопредѣленнаго цвѣта, сидѣвшее мѣшкомъ и, очевидно, сшитое на человѣка болѣе зрѣлаго возраста, и тонкія лѣтнія панталоны соотвѣтствовали скорѣй итальянскому климату, чѣмъ этой подлой, «собачьей» петербургской погодѣ. Высокіе намокшіе сапоги, тоже предназначавшіеся, повидимому, на болѣе крупныя ноги, требовали по меньшей мѣрѣ основательной починки. Едва ли не самой лучшей частью костюма былъ вязаный шарфъ, обмотанный вокругъ шеи и скрывавшій отъ нескромныхъ глазъ рваную ситцевую рубаху и нѣчто въ родѣ жилета.

— Купите, господинъ! Поддержите коммерцію!

Голосъ мальчугана выкрикивалъ все лѣнивѣе и безнадежнѣе. Казалось, онъ и самъ понималъ, что ни одинъ изъ этихъ торопившихся прохожихъ въ такую погоду не остановится,

чтобы поддержать отечественную коммерцію. И если онъ все еще предлагалъ и спички, и бумагу, и конверты, то болѣе для очистки своей торговой совѣсти и, главное, изъ страха имѣть недоразумѣнія съ однимъ человѣкомъ, котораго онъ называлъ «дяденькой», не чувствуя, впрочемъ, къ нему никакихъ родственныхъ чувствъ.

Мальчикъ не ошибался въ своихъ предположеніяхъ. Дѣйствительно, ни одна душа не откликалась на его призывъ. Всякій спѣшилъ въ теплую квартиру, думая объ обѣдѣ, а не о письменныхъ принадлежностяхъ. Никто даже и не взглянулъ на этого вздрагивающаго мальчугана въ уродливомъ картузѣ и не слыхалъ тоскливой нотки, звучавшей въ этихъ назойливыхъ предложеніяхъ поддержать коммерцію.

Но вдругъ въ глазахъ мальчика блеснула надежда.

Онъ увидалъ солиднаго плотнаго господина въ отличномъ тепломъ пальто и съ цилиндромъ на головѣ, подъ руку съ молодой и хорошенькой барыней. Несмотря на отвратительную погоду, господинъ велъ свою даму не спѣша и, наклонивъ къ ней голову, о чемъ-то говорилъ ей съ самымъ умильнымъ выраженіемъ на своемъ полноватомъ и не особенно моложавомъ лицѣ.

Опытъ недолгой, но уже богатой уличными наблюденіями жизни маленькаго человѣка привелъ уже давно его къ выводу, что господинъ, гуляющій подъ руку съ молоденькой барыней и разговаривающій съ ней, черезчуръ близко наклонившись къ ея уху,—несравненно отзывчивѣе и добрѣе и охотнѣе поддерживаетъ коммерцію, чѣмъ господинъ, идущій одиноко или съ дамой некрасивой или преклоннаго возраста.

Всѣ эти соображенія заставили мальчика предположить, что письменныя принадлежности крайне необходимы господину, и онъ, еще не зная, что нѣтъ правилъ безъ исключеній, торопливо вынулъ изъ ларька пачку бумаги и конвертовъ, подбѣжалъ къ проходившей парѣ и крикнулъ, протягивая пачку:

— Милый баринъ! Купите у бѣднаго мальчика! Поддержите коммерцію.

Молодая женщина вздрогнула отъ этого неожиданнаго окрика, а господинъ гнѣвно произнесъ, хватая за руку мальчика:

— Ты какъ смѣешь приставать, негодяй, а? Вотъ я сейчасъ кликну городового!

Мальчуганъ рванулся изъ рукъ господина и побѣжалъ къ ларьку, испуганный и нѣсколько изумленный такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла. Онъ успокоился только тогда, когда господинъ съ дамой продолжали свой путь и скрылись, послѣ чего не отказалъ себѣ въ маленькомъ удовольствіи—погрозить имъ вслѣдъ кулакомъ и затѣмъ пустить имъ вдогонку:

— Тоже... городовой!.. Сволочь!

Прошло еще минутъ съ десять. Мальчику становилось очень зябко, и онъ собирался-было сняться съ мѣста и закончить на сегодняшній день торговлю, какъ вниманіе его привлекла дама въ глубокомъ траурѣ, шедшая опустивъ голову.

Обязательно слѣдовало сдѣлать еще попытку. Видъ этой барыни подавалъ нѣкоторую надежду.

И онъ проговорилъ самымъ трогательнымъ голоскомъ, владѣть которымъ пріучила его недавняя профессія нищенки:

— Милая барыня! Купите бумаги... Дешево отдамъ... Пятачокъ двѣ тетрадки!

Барыня подняла голову и взглянула на мальчика. Его блѣдное, посинѣвшее отъ холода лицо, худое, съ тонкими, красивыми чертами и съ бойкими, бѣгающими, какъ у мышенка, карими глазами, тотчасъ же приняло притворно-жалобное выраженіе.

— Купите, милая барыня...

Тѣнь грусти омрачила лицо дамы въ траурѣ, точно при видѣ этого худенькаго, болѣзненнаго мальчугана она вспомнила кого-то...

Она остановилась, торопливо вынула портмоне и протянула мальчику двугривенный.

— Пятнадцать копеекъ сдачи... Извольте получить бумагу... Бумага первый сортъ!—говорилъ мальчикъ значительно повеселѣвшимъ и уже дѣловымъ тономъ человѣка, совершившаго выгодное дѣльце.

— Сдачи не надо и бумагу себѣ оставь, мальчикъ,—промолвила дама.

— Не надо?—изумился мальчикъ.

И, зажавъ въ кулачкѣ монетку, онъ горячо и торопливо проговорилъ:

— Дай вамъ Богъ здоровья, милая барыня!

— А ты, мальчикъ, шелъ бы домой... Холодно.

— И то зябко... Сейчасъ иду...

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Пятнадцатый...

— Пятнадцатый годъ, и такой маленькій? А какъ зовутъ?

— Антошкой...

— Ты у кого живешь?

— У дяденьки...

— Ты, Антоша, приходи ко мнѣ какъ-нибудь... Я тебѣ дамъ платья...

И дама въ траурѣ сказала свой адресъ и фамилію, ласково кивнула головой и ушла.

Антошка нѣсколько мгновеній стоялъ съ разинутымъ ртомъ. Житейскій опытъ не очень-то баловалъ его людскимъ сочувствіемъ и не располагалъ къ оптимизму. И обѣщаніе платья и, главное, такая щедрая подачка, признаться, значительно удивили его.

Прежде, еще недавно, когда онъ «работалъ» на петербургскихъ улицахъ въ качествѣ «бѣднаго сиротки», гонявшагося за прохожими съ жалобными причитаніями дать копеечку, и затѣмъ въ роли мальчика, которому не хватаетъ двугривеннаго на покупку билета до Твери или до Пскова (смотря по вокзалу, у котораго Антошка стоялъ), или въ роли только-что выписавшагося изъ больницы,—случалось, хотя рѣдко, что ему и попадали двугривенные отъ сердобольныхъ людей, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ ходить съ ларькомъ и продавать спички, бумагу и конверты, ни одна душа не принимала въ соображеніе его собственныхъ нуждъ, и каждый старался купить и спички и бумагу дешевле, чѣмъ гдѣ бы то ни было, точно считая, что дать мальчику съ ларькомъ лишнюю копейку значитъ—потакать грабежу.

Вѣроятно, подобными житейскими наблюденіями слѣдовало объяснить и то, что въ сердце Антошки, послѣ первыхъ мгновеній радости, закралось вдругъ подозрѣніе насчетъ доброкачественности двугривеннаго.

И онъ съ серьезнымъ дѣловымъ видомъ опытнаго человѣка, умѣющаго отличить олово отъ серебра, взялъ монетку въ зубы и нѣсколько разъ куснулъ ее. Испытаніе на мелкихъ острыхъ зубахъ и затѣмъ металлическій ея звонъ на камнѣ мостовой убѣдили мальчика, что монетка не фальшивая. Тогда онъ съ удовлетвореннымъ и довольнымъ видомъ опустилъ ее не въ кожаный кошель, въ которомъ хранилась выручка сегодняшняго дня, а въ карманъ штановъ, рѣшивъ, что по всей справедливости, о которой онъ имѣлъ понятіе, двугривенный принадлежитъ ему одному, и что слѣдовательно отдавать его «этому дьяволу», какъ онъ мысленно называлъ «дяденьку», было бы величайшей глупостью.

Вслѣдъ затѣмъ онъ досталъ карандашъ и свою записную книжку, служившую ему въ то же время и учебной тетрадью, въ которой онъ списывалъ, учась самоучкой, названія вывѣсокъ, послѣ того, какъ могъ уже списать фамиліи спичечнаго и бумажнаго фабрикантовъ, издѣліями которыхъ торговалъ,—и не безъ нѣкотораго напряженія и большихъ гримасъ вывелъ каракулями, смутно напоминавшими печатныя буквы: «Гаспажа Скварцова, Сергифская, № 15».

Ларекъ тщательно былъ накрытъ клеенкой. Оставалось

вскинуть его на плечи и идти на Пески, на постылую квартиру «дяденьки», предварительно умненько распорядившись съ двугривеннымъ, какъ надъ самымъ его ухомъ раздался чей-то сиплый и пріятный басокъ:

— Здравствуй, Антошка!

Антошка радостно и весело улыбнулся, увидѣвъ передъ собой довольно странную фигуру пожилого человѣка, съ испитымъ и изможденнымъ лицомъ, сохранявшимъ, несмотря на рѣзкія морщины и припухлость вѣкъ, еще остатки выдающейся красоты,—съ большой и сильно засѣдѣвшей черной бородой, тщательно расчесанной, и съ глубоко сидящими въ темныхъ впадинахъ черными глазами, глядѣвшими съ выраженіемъ угрюмой, спокойной и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то презрительной грусти, какое бываетъ у опустившихся, когда-то знавшихъ лучшія времена людей. Въ этихъ глазахъ свѣтилось теперь что-то безконечно ласковое.

Одѣтъ этотъ господинъ былъ въ невозможно ветхое и совсѣмъ лоснившееся пальто, но, видимо, съ претензіей на аккуратность и нѣкоторое щегольство: пуговицы были цѣлы, и нигдѣ не видно было дыръ, хотя заплатокъ было довольно. Панталоны были въ такомъ же родѣ. Сѣрое кашне скрывало ночную сорочку, рукава которой, виднѣвшіеся на худыхъ волосатыхъ рукахъ, были не особенно грязны. На маленькихъ ногахъ были стоптанныя резиновыя калоши, а на рукахъ—изящной формы, съ длинными пальцами—лайковыя заношенныя и заштопанныя перчатки. Совсѣмъ порыжѣлый цилиндръ былъ одѣтъ чуть-чуть набекрень, и изъ-подъ него выбивались сѣдоватыя кудри. Несмотря на этотъ почти нищенскій костюмъ, въ осанкѣ и манерахъ этого господина сразу чувствовался баринъ.

— Здравствуйте, графъ...

Подъ кличкой «графа» этотъ господинъ былъ извѣстенъ въ числѣ многихъ обитателей трущобъ и Антошкѣ, который познакомился съ нимъ годъ тому назадъ, нищенствуя у вокзаловъ; онъ нѣсколько разъ исполнялъ порученія «графа» по доставленію писемъ въ разныя богатыя квартиры и пользовался его благосклонностью. «Графъ» былъ единственнымъ въ мірѣ человѣкомъ, который всегда дружески и участливо относился къ Антошкѣ, платилъ ему за комиссіи, если Антошка приносилъ благопріятные отвѣты, даривалъ леденцы и, случалось, зазывалъ къ себѣ въ «лавру», гдѣ жилъ въ углѣ, угощалъ чаемъ и велъ съ нимъ бесѣды довольно своеобразнаго философскаго характера.

— Ты это что?.. Съ ларькомъ нынче?.. Давно?

— Съ лѣта, графъ...

— Лучше, чѣмъ прежняя работа, а?

— Лучше... И фараоновъ не такъ опасаешься... Показалъ жестянку и шабашъ!

— А какъ дѣла? Хорошо торгуешь?

— Плохо, графъ... Лѣтомъ еще ничего, а теперь... Главное, погода! Вотъ спасибо одной барынѣ... Добрая... Цѣлый двугривенный подарила...

— Ишь какая добрая!—иронически протянулъ «графъ».

— И бумаги не взяла... И велѣла придти къ себѣ за платьемъ... А я двугривенный «дяденькѣ» не отдамъ... Какъ по-вашему, графъ? Отдавать?

— Никоимъ образомъ. Онъ твой!—категорически заявилъ «графъ» и прибавилъ:—а ты, братецъ, скажи своему подлецу «дяденькѣ», чтобы далъ тебѣ обмундировку потеплѣй, а то въ чемъ, скотина, выпускаетъ! Скажи ему, что генералъ Езоповъ—запомни фамилію!—тебя остановилъ и разспрашивалъ, какой-такой подлецъ хозяинъ, что посылаетъ мальчика въ такомъ видѣ... Понялъ?

— Понялъ... скажу... А если спроситъ: какой изъ себя генералъ?

— Скажи: сердитый такой, съ большими глазами... Усища длинныя-предлинныя!—улыбаясь, объяснялъ «графъ».

— Безпремѣнно скажу,—радостно промолвилъ Антошка.

— Что̀ твой дяденька-мерзавецъ... Попрежнему тебя бьетъ?—участливо спрашивалъ «графъ».

— Теперь полегче... Маленькихъ шибко бьетъ... Ремнемъ больше, чортъ! А главное она: настоящая вѣдьма!

— Уйти тебѣ отъ нихъ надо, вотъ что̀...

— Никакъ нельзя... Онъ говоритъ, что я ему проданный по бумагѣ... И, кромѣ того, племянникъ... Вездѣ, говоритъ, тебя разыщу...

— Глупый! Нонче людей не продаютъ... И какой ты ему племянникъ? Онъ все вретъ... Однако иди, иди, Антошка... Замерзнешь... Ишь погода! — проговорилъ «графъ», самъ пожимаясь отъ холода.—Да завтра же зайди ко мнѣ, слышишь?

— А гдѣ вы теперь живете? Я въ «лаврѣ» былъ... Тамъ васъ не оказалось.

— Въ больницѣ три мѣсяца лежалъ и, видишь, отлежался! Теперь я не въ «лаврѣ» живу, а у Бердова моста, домъ 104, во втором дворѣ, у прачки... Запомни адресъ. Да спрашивай не графа...

— Не графа!—удивился Антошка.

— То-то не графа!—усмѣхнулся «графъ»:—а Опольева, Александра Николаича Опольева. Не забудешь?

— Не забуду... А то записать развѣ?

— Ужъ и писать выучился? Ай да умница!.. Только векселей не пиши! — вставилъ «графъ» съ грустной улыбкой.—Я тебѣ когда-нибудь объясню, что̀ такое вексель... Постой... у тебя руки, какъ у гуся... Давай карандашъ...

Онъ записалъ адресъ и фамилію и, отдавая листокъ мальчику, сказалъ:

— Смотри же, завтра приходи... Я тебя угощу, и побесѣдуемъ, какъ тебѣ отъ твоего разбойника уйти... Только ему ни слова... До свиданія, Антошка!

Съ этими словами «графъ» какъ-то важно приподнялъ голову, слегка выпятилъ грудь и скоро скрылся въ полутьмѣ сумерекъ, а Антошка, вскинувъ на плечи ларекъ, бодро зашагалъ на Пески, весьма довольный и встрѣчей съ «графомъ» и двугривеннымъ, столь неожиданно попавшимъ въ его карманъ и позволившимъ ему побаловать себя роскошнымъ обѣдомъ.

Зайдя въ закусочную, онъ спросилъ себѣ порцію селянки, запилъ ее двумя стаканами горячаго чая и затѣмъ забѣжалъ въ мелочную лавочку и на пятачокъ спросилъ леденцовъ. Засунувъ себѣ въ ротъ сразу штуки четыре, Антошка остальные бережно завернулъ въ бумагу и, запрятавъ ихъ за голенища, вышелъ изъ лавки.

Послѣ такого лукулловскаго пиршества Антошка почувствовалъ себя и счастливѣе и бодрѣе, и совсѣмъ не думалъ о жидкихъ, пустыхъ щахъ у «дяденьки». Эти щи и вообще-то не прельщали его—до того они были водянисты и мало насыщали, а теперь, вспомнивъ о нихъ, онъ даже сдѣлалъ гримасу.

Слова «графа» о томъ, что Антошка «не проданный», значительно подняли его духъ, и онъ продолжалъ свой путь, мечтая о томъ времени, когда онъ будетъ самъ отъ себя продавать и спички, и бумаги, и конверты, и разныя другія вещи, купитъ себѣ сапоги и полушубокъ и не будетъ жить у «дьявола-дяденьки». Въ этихъ ребячьихъ мечтахъ заброшеннаго, несчастнаго мальчика, никогда не знавшаго нѣжной ласки, не знавшаго ни матери ни отца, не забыты были и «графъ» и маленькая «Нютка», его любимица, жившая, какъ и онъ, у «дяденьки». Что же касается нелюбимыхъ людей, то Антошка не безъ злобнаго чувства мечталъ о возмездіи. Хорошо было бы «дяденьку» засадить въ тюрьму на вѣчныя времена, а «вѣдьму»... Онъ придумывалъ ей разныя бѣды и въ концѣ

концовъ рѣшилъ, что было бы недурно, если-бъ ее переѣхала конка и она бы издохла.

Однако, когда Антошка вошелъ въ ворота знакомаго деревяннаго дома на окраинѣ Песковъ и поднимался по темной вонючей лѣстницѣ въ «дяденькину» квартиру, его охватило невольное, знакомое еще съ дѣтства, чувство робкаго страха, и ему представлялась пьяная физіономія «дяденьки» съ ремнемъ въ рукахъ и рядомъ «вѣдьма», подзадоривающая его своимъ подлымъ смѣхомъ.

Счастливыя мечты сразу выскочили изъ головы Антошки, и онъ, удрученный, съ чувствомъ узника, возвращающагося въ тюрьму съ жестокими тюремщиками, вошелъ въ незапертыя двери темной прихожей, робко пробрался мимо кухни и очутился въ крошечной комнаткѣ, въ которой помѣщались всѣ миѳическіе «племянники» и «племянницы», работавшіе на «дяденьку» въ качествѣ уличныхъ нищенокъ.

Посрединѣ этой грязной, низкой и сырой комнаты, освѣщавшейся тусклымъ свѣтомъ стѣнной лампы, стояли небольшой столъ и двѣ скамейки, на которыхъ была разбросана разная мокрая рвань, отдававшая запахомъ гнили. Это было верхнее платье «пансіонеровъ», разложенное для просушки. Никакой другой мебели не было. На этомъ же столѣ, среди вещей, стояла деревянная чашка, изъ которой жадно хлебалъ холодный супъ бѣлокурый мальчикъ лѣтъ восьми. Остальные обитатели, уже вернувшіеся съ работы, сдавшіе свои выручки «дяденькѣ» и поужинавшіе, лежали на полу, на тощихъ матрасикахъ, рядомъ, вповалку, прикрытые какою-то старой ветошью и согрѣваясь болѣе теплотою собственныхъ тѣлъ. Маленькія соломенныя подушки поддерживали дѣтскія головы.

Почти всѣ дѣти спали, вдыхая въ себя смертоносный воздухъ.

Антошка снялъ съ себя ларекъ, затѣмъ разулся, сунувъ подъ свой матрасикъ свертокъ съ леденцами, надѣлъ какіе-то дырявые башмаки и хотѣлъ-было снимать свое намокшее пальтецо, какъ вдругъ изъ-за стѣны донесся жалобный дѣтскій вопль, заглушаемый пьянымъ грубымъ мужскимъ голосомъ.

— Это Нютку! —шопотомъ проговорилъ бѣлокурый мальчикъ.

— За что?—отрывисто спросилъ Антошка.

— Всего два пятака принесла...

— Ишь... подлые!..—шепнулъ Антошка, и въ его глазахъ сверкнулъ огонекъ.

Черезъ минуту въ комнату вбѣжала съ плачемъ маленькая, совсѣмъ худенькая дѣвочка съ черными растрепавшимися волосенками и, увидѣвъ Антошку, проговорила прерывающимся отъ рыданій голосомъ:

— Ан-тош-ка... У-бей Бо-гъ, на-пра-сно. Я гро-ши-ка не у-та-и-ла...

И, понижая голосъ, прибавила:

— Онъ бы прос-ти-лъ, а она... тварь под-лая...

— Онъ чѣмъ тебя, ремнемъ, или руками? — освѣдомился довольно объективно бѣлокурый мальчикъ, засовывая въ ротъ послѣдній кусокъ чернаго хлѣба.

— Рем-немъ... Пять разъ... Больно... Ахъ, больно, голубчики!

Антошка проговорилъ съ важнымъ видомъ:

— Подожди, Анютка... Мы на этихъ дьяволовъ управу найдемъ... Най-демъ!—прибавилъ онъ, вспоминая вдругъ слова графа.—Мы не проданные... Не реви, Анютка...

И съ этими словами онъ досталъ свертокъ и подалъ его Нюткѣ.

— На вотъ, ѣшь... только дай два леденца Алешкѣ... Больше не давай... Ѣшь.

Нютка сквозь слезы улыбнулась и набросилась на леденцы съ жадностью дикаго звѣрька.

Въ эту минуту двери безшумно отворились, и на порогѣ показалась высокая, худая, молодая женщина въ юбкѣ, въ сѣромъ платкѣ на головѣ, изъ-подъ котораго выбивались пряди рыжихъ волосъ.

Она вошла тихо, подкравшись, какъ кошка.

Антошка первый замѣтилъ «вѣдьму» и кинулъ выразительный взглядъ, предостерегающій объ опасности, на своихъ маленькихъ товарищей.

Нютка немедленно зажала въ своей грязной ручонкѣ оставшіеся леденцы, проглотивъ, не безъ риска подавиться, бывшіе у нея во рту, и, съ выраженіемъ испуга на своемъ заплаканномъ лицѣ, бросилась къ постели и легла, притихшая и оробѣвшая, словно виноватая собачонка.

Алешка, успѣвшій съѣсть свои два леденчика въ мгновеніе ока и глядѣвшій въ ротъ дѣвочки съ чувствомъ зависти и очарованья, побрелъ къ своему матрацу съ видомъ человѣка, не имѣющаго достаточныхъ основаній опасаться трепки.

Между тѣмъ рыжая женщина, успѣвшая подслушать слова Антошки, подозрительно оглядѣла комнату и, замѣтивъ валяющуюся на полу сѣрую бумажку изъ-подъ леденцовъ, подняла ее съ полу и, обращаясь къ Антошкѣ, проговорила своимъ рѣзкимъ, низкимъ контральтовымъ голосомъ:

— Ты что-жъ это, подлецъ, не идешь сдавать выручку? До какихъ поръ ждать тебя, мазурика?

«Вѣдьма» любила вообще уснащать свои рѣчи бранью, но

особенно въ сношеніяхъ съ Антошкой, котораго терпѣть не могла больше, чѣмъ остальныхъ дѣтей этого заведенія своего супруга, такъ какъ чувствовала, что Антошка, несмотря на свою видимую покорность, является, такъ сказать, протестующимъ элементомъ и, кромѣ того, какъ-то подозрительно и насмѣшливо улыбается, когда «вѣдьма» посылаетъ его за сорокоушкой, чтобъ угостить гостя — молодого наборщика, захаживавшаго по вечерамъ и по большей части въ отсутствіе мужа.

— Иду сейчасъ... Только-что пришелъ! Разуться надо... Измокъ...—отвѣчалъ не особенно мягко Антошка.

— Измокъ! Ишь какой сахарный господинъ!—презрительно и медленно выговаривая слова, кинула рыжая дама, и злая улыбка искривила ея тонкія губы.

Съ этими словами она вышла, бросивъ на Антошку взглядъ большихъ, нѣсколько выкаченныхъ сѣрыхъ глазъ, не предвѣщавшій ничего хорошаго для Антошки.

Въ свою очередь и Антошка, ненавидѣвшій «вѣдьму», съ безсильной злобой загнаннаго волчонка посмотрѣлъ ей вслѣдъ злыми-презлыми глазами и снова отъ всего сердца пожелалъ, чтобы «подлую» переѣхала конка.

— Что̀, Нютка, шибко пьянъ хозяинъ?—освѣдомился онъ.

— Не очень,—отвѣтила Нютка.

Антошка черезъ минуту вышелъ — сдавать «дяденькѣ» выручку.

Признаться, онъ шелъ далеко не спокойный, и мрачныя предчувствія невольно закрадывались въ его душу относительно ремня.

II.

«Дяденька», отставной унтеръ-офицеръ Иванъ Захаровичъ, сидѣлъ въ одномъ жилетѣ поверхъ розовой ситцевой рубахи за столомъ, на которомъ шумѣлъ самоваръ, въ жарко натопленной, довольно большой комнатѣ, раздѣленной ситцевымъ пологомъ, за которымъ помѣщались большая кровать и шкапъ съ посудой. Цвѣты на окнахъ, наклеенныя на стѣнахъ вырѣзанныя изъ иллюстрацій картинки и портреты нѣсколькихъ генераловъ и отца Іоанна Кронштадтскаго свидѣтельствовали о нѣкоторомъ эстетическомъ вкусѣ хозяевъ. Кое-какая мебель и огромный шкапъ, въ которомъ хранился разный хламъ, купленный на рынкѣ и составлявшій запасный гардеробъ питомцевъ «дяденьки», дополнялъ убранство, не лишенное нѣкотораго комфорта, особенно по сравненію съ конурой, гдѣ помѣщалась дѣтская команда.

Самъ «дяденька» медленно отхлебывалъ чай, попыхивая папироской, и, казалось, находился въ благодушномъ, относительно, настроеніи довольнаго своею судьбой человѣка. Онъ былъ выпивши, но еще не дошелъ до «градуса»,—это еще было впереди, — и его спокойный видъ нисколько не напоминалъ человѣка, только-что жестоко отхлеставшаго ремнемъ, опоясывавшимъ его чресла, маленькую беззащитную дѣвочку.

Это былъ плотный и крѣпкій человѣкъ, лѣтъ за сорокъ, съ грубымъ, такъ-называемымъ «солдатскимъ» лицомъ. Красное, одутловатое, испещренное рябинами, съ толстымъ носомъ и толстыми губами, окаймленное черными баками и окладистой бородой, оно далеко не отличалось привлекательностью. Маленькіе, заплывшіе и плутовскіе глаза свѣтились масляным блескомъ. Въ нихъ было что-то хищное и выдавало прожженую каналью, прошедшую житейскія «мѣдныя трубы».

Дѣйствительно, Иванъ Захаровичъ перепробовалъ много профессій послѣ того, какъ вышелъ въ отставку.

Онъ былъ швейцаромъ, сидѣльцемъ въ кабакѣ, разсыльнымъ, но не уживался на мѣстахъ, имѣя слабость и къ вину, и къ картамъ, и къ прекрасному полу,—слабость, заставлявшую его не всегда быть особенно разборчивымъ, если ему поручали деньги. Онъ ихъ частенько-таки терялъ и, вѣроятно, благодаря только своей счастливой звѣздѣ не попалъ въ сибирскія палестины.

Долго онъ влачилъ полунищенское состояніе: торговалъ на рынкѣ старымъ платьемъ, ходилъ въ факельщикахъ, носилъ шарманку, сопровождая «Петрушку», и не оставлялъ сладкой надежды выбиться и жить, «какъ люди», не обременяя себя праведными трудами. И наконецъ напалъ на счастливую мысль—открыть «заведеніе» для дѣтей.

Осуществленіе этой идеи не потребовало особенныхъ затратъ. Хорошо знакомый съ трущобами, онъ зналъ, что въ Петербургѣ дѣтскаго товара сколько угодно и, при извѣстной осторожности, предпріятіе его не представляло большого риска.

И Иванъ Захаровичъ «арендовалъ» нѣсколькихъ безпризорныхъ и заброшенныхъ дѣтей у нищихъ ихъ родственниковъ, обѣщая содержать дѣтей и вдобавокъ еще платить за это извѣстную сумму денегъ. Антошку, впрочемъ, Иванъ Захаровичъ пріобрѣлъ почти задаромъ у одной пьянчужки-вдовы, у которой ребенокъ очутился на рукахъ послѣ смерти его матери-прачки.

Дѣла Ивана Захаровича сразу пошли хорошо. Маленькіе нищенки ежедневно приносили ему изрядную выручку, и онъ

держалъ ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ, строго наказывая, если они приносили, по его мнѣнію, мало. Справедливость требуетъ однако сказать, что до женитьбы Ивана Захаровича положеніе дѣтей было сноснѣе: ихъ и кормили лучше, и Иванъ Захаровичъ билъ ихъ только тогда, когда былъ очень пьянъ уже къ вечеру, когда онъ возвращался изъ трактира, а дѣти съ «работы». Жившая при немъ, въ качествѣ помощницы, корявая Агаѳья жалѣла дѣтей и часто ихъ защищала.

На бѣду Иванъ Захаровичъ влюбился въ рыжую, худую «Марью», встрѣченную имъ въ трактирѣ, который онъ посѣщалъ и гдѣ онъ за стаканчикомъ водки нерѣдко бесѣдовалъ съ сидѣльцемъ о политикѣ и вообще велъ отвлеченные разговоры, до которыхъ былъ охотникъ. Трудно сказать, чѣмъ привлекла Ивана Захаровича эта дѣвица: своими ли выкаченными наглыми глазами, умѣньемъ ли ругаться хуже извозчика, бѣлымъ ли, покрытымъ веснушками лицомъ, не потерявшимъ еще свѣжести молодости, но только Иванъ Захаровичъ окончательно «втюрился» и очень скоро женился.

Съ тѣхъ поръ, какъ водворилась Марья Петровна, положеніе дѣтей стало воистину ужаснымъ.

Дѣти прозвали новую хозяйку вѣдьмой и боялись ея больше «дяденьки», понимая, что она главная виновница тѣхъ жестокихъ побоевъ и истязаній, коимъ они теперь подвергались.

Раздирающіе вопли и стоны раздавались въ квартирѣ почти каждый вечеръ при возвращеніи озябшихъ и продрогшихъ дѣтей съ «работы». «Вѣдьма» находила, что они мало приносятъ выручки, что они обкрадываютъ «дяденьку», и съ какой-то холодной жестокостью натравливала супруга на дѣтей.

И, несмотря на разныя благотворительныя общества, существующія въ Петербургѣ, несмотря на множество блестящихъ дамъ-благотворительницъ, никто не слышалъ этихъ дѣтскихъ стоновъ, никто не приходилъ на помощь обреченнымъ страдальцамъ.

III.

— Много принесъ?—спросилъ Иванъ Захаровичъ, увидавъ вошедшаго въ комнату Антошку.

— Немного,—отвѣчалъ Антошка, приближаясь къ столу.

— А по какой-такой причинѣ? — строго спросилъ «дяденька», останавливая взглядъ на мальчикѣ.

— Погода...

— Что̀, погода!? Ты, вѣрно, подлецъ, по трактирамъ сидѣлъ, а?..

— И вовсе не сидѣлъ.

— Ну, давай... выкладывай...

Антошка высыпалъ деньги изъ кошелька.

Было всего тридцать копеекъ.

— Только и всего?

— Только... Совсѣмъ покупателевъ нѣтъ... И меня даже одинъ генералъ остановилъ, — вдругъ прибавилъ Антошка, вспомнивъ совѣтъ «графа» и имѣя въ виду не столько припугнуть «дяденьку», сколько отвлечь его вниманіе отъ щекотливаго разговора насчетъ выручки.

— Какой-такой генералъ?

— Важный, должно-быть. Такой высокій и съ большими усами... И сердитый... Остановилъ это онъ меня у гостинаго двора и спрашиваетъ: «По какой причинѣ ты, мальчикъ, шляешься по улицамъ въ такомъ рваномъ пальтѣ?.. Это, говоритъ, не полагается, чтобы по такой холодной погодѣ и безъ теплой одежи... Кто, говоритъ, тебя посылаетъ? Сказывай, гдѣ ты живешь?»

Не лишенный, какъ оказывалось, нѣкотораго художественнаго воображенія, Антошка вралъ блистательнымъ образомъ и не моргнувши глазомъ, испытывая въ то же время внутреннее злорадство при видѣ безпокойнаго выраженія на лицѣ «дьявола».

— Что-жъ ты сказалъ этому генералу? — не безъ тревоги въ голосѣ нетерпѣливо спросилъ Иванъ Захаровичъ.

— Живу, молъ, ваше сіятельство, у родного дяденьки... А квартируемъ мы...

— Что-оо?.. Развѣ я вамъ, подлецамъ, не приказывалъ никогда не говорить, гдѣ вы живете!..—перебилъ, закипая гнѣвомъ, Иванъ Захаровичъ. — Знаешь ли, что я за это сдѣлаю съ тобой, съ мерзавцемъ?

Иванъ Захаровичъ проговорилъ послѣднія слова такимъ зловѣщимъ тономъ и его лицо исказилось такой злостью, что Антошка невольно попятился и поспѣшилъ проговорить:

— Да я, дяденька, не сказалъ ему настоящаго адреца... Я совсѣмъ другой далъ... На Островѣ, молъ, квартируемъ, въ 15 линіи... Пусть ищетъ...

— То-то!—облегченно промолвилъ Иванъ Захарычъ. — А то бы тебя до смерти избилъ... Такъ бы и издохъ... Ты это помни... А теперь я скажу, что ты молодецъ, Антошка... Всегда такъ отвѣчай... Какое кому дѣло, гдѣ мы живемъ? — прибавилъ Иванъ Захаровичъ, окончательно успокоенный, и даже взглянулъ одобрительно на Антошку, какъ на достойнаго своего ученика, ловкаго и смышленаго, пославшаго генерала на Васильевскій островъ... «Прогуляйся, молъ!»

И послѣ незначительной паузы проговорилъ:

— А я тебѣ, Антошка, завтра другое пальтецо подберу... форменное пальтецо... на байковой подкладкѣ... у татарина купилъ... И хуфайку дамъ... Я, братецъ, старательныхъ цѣню... И ты цѣни... Старайся для дяденьки... Помни, что я тебя вскормилъ и воспиталъ... Безъ меня пропалъ бы ты, какъ паршивый щенокъ у забора, а я вотъ тебя человѣкомъ сдѣлалъ... Да... Какой человѣкъ ежели неблагодарный, того Богъ накажетъ. Ты этого не забывай, Антошка!—философствовалъ Иванъ Захаровичъ.—И выручки правильныя носи! — неожиданно перешелъ онъ на вопросъ чисто-практическаго характера.—А то: тридцать копеекъ! За это, по-настоящему, слѣдовало бы тебя наказать, но я прощаю... Чувствуешь ты это?

Хотя Антошка и послѣ этой трогательной рѣчи не переставалъ питать къ дяденькѣ далеко не дружелюбныя чувства и сію минуту засадилъ бы его на вѣчныя времена въ острогъ, тѣмъ не менѣе выразить этого не посмѣлъ и довольно-таки недурно, съ точки зрѣнія декламаторскаго искусства, проговорилъ, благоразумно опуская свои мышиные каріе глазенки, которые могли бы его выдать:

— Я завсегда чувствую, дяденька...

— То-то, чувствуй...

Антошка, со свойственнымъ его возрасту легкомысліемъ, уже считалъ себя вполнѣ обезпеченнымъ, по крайней мѣрѣ на этотъ вечеръ, отъ ненавистнаго ремня. Слишкомъ увлеченный столь благопріятными результатами отъ своей встрѣчи съ генераломъ, онъ хотѣлъ-было отважиться еще на одну подробность генеральской бесѣды, а именно сказать, что генералъ приказалъ ему продавать спички, бумагу и конверты не иначе, какъ въ полушубкѣ и въ крѣпкихъ сапогахъ, какъ въ эту самую минуту изъ-за полога показалась «вѣдьма», уже безъ платка на головѣ, съ причесанными не безъ кокетства рыжими волосами, взбитыми на лбу, въ голубой ситцевой кофточкѣ и съ вымытыми руками.

Повиливая бедрами, она подошла къ столу и, присаживаясь у самовара, проговорила самымъ любезнымъ и вкрадчивымъ тономъ:

— Наливать, что ли, еще, Иванъ Захарычъ?

— Налей, Машенька,—отвѣчалъ Иванъ Захарычъ, передавая стаканъ и съ нѣжностью взглядывая на эту бѣлолицую, всю въ веснушкахъ, молодую женщину лѣтъ двадцати пяти, съ вздернутымъ кверху курносымъ носомъ, выкаченными сѣрыми, наглыми глазами и тонкими губами.

Взглянулъ исподлобья на нее и Антошка, очевидно,

совсѣмъ не раздѣлявшій взглядовъ «дяденьки» на красоту его супруги. Онъ находилъ, что отвратительнѣе этой «курносой вѣдьмы» не было существа на свѣтѣ. И худа-то она, ровно ободранная кошка, и на ея «подлой мордѣ» черти отмѣтины сдѣлали въ видѣ веснушинъ, и руки у нея въ видѣ «крючковъ», и носъ дырявый... однимъ словомъ, какъ есть настоящая вѣдьма!

Онъ сообразилъ отлично, для кого это она принарядилась, и только удивлялся «дяденькѣ», какъ это онъ совсѣмъ ею «облещенъ» и слушается ея вмѣсто того, чтобы таскать ее за косы и бить полѣномъ каждый день, а не въ исключительныхъ только случаяхъ, когда онъ, совсѣмъ пьяный, случалось-таки, таскалъ за косы, все-таки, глупый, ни разу не отдубасилъ полѣномъ...

Антошка дипломатически кашлянулъ, чтобы получить разрѣшеніе уйти (присутствіе «вѣдьмы» вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о поднятой ею бумажкѣ изъ-подъ леденцовъ наводило его на тревожныя мысли) и закатиться спать, и Иванъ Захаровичъ хотѣлъ-было отпустить его, какъ «вѣдьма» вдругъ хихикнула и насмѣшливо проговорила, кивнувъ головой на Антошку:

— И ты, Иванъ Захарычъ, вѣришь этому подлому мазурику? Ахъ, какой же ты, Ваня, простой... Ахъ, какой простой...

Обвинить Ивана Захаровича въ простотѣ значило задѣть самую чувствительную струну его мошеннической души. Онъ, какъ и всѣ прожженые плуты, именно гордился тѣмъ, что проведетъ каждаго, и потому предположеніе жены, что его могъ оболванить мальчишка, показалось ему слишкомъ обиднымъ, и онъ произнесъ:

— Въ какихъ это смыслахъ понять, Машенька?..

— Мало ли чего онъ набрешетъ, а ты, по добротѣ своей, и вѣришь... Какой генералъ станетъ съ нимъ разговаривать, и кому нужно узнавать, гдѣ живетъ этотъ змѣенышъ... Я за нимъ слѣжу... Знаю, какъ онъ безстыжъ врать... Все-то онъ тебѣ набрехалъ, Иванъ Захарычъ...

— И вовсе не набрехалъ, Марья Петровна... Хучь сейчасъ подъ присягу, что генералъ со мной говорилъ... И фамилію свою даже объявилъ: я, говоритъ, генералъ Езоповъ,— съ энергіей отчаянія произнесъ Антошка, имѣя, впрочемъ, о присягѣ довольно смутныя понятія.

Надо полагать, что и относительно всевѣдѣнія Господа Бога Антошка имѣлъ далеко не точныя представленія, или же полагалъ, что Господь милосердно терпитъ вранье несчастныхъ мальчиковъ, спасающихъ свою шкуру отъ толстыхъ ремен-

ныхъ поясовъ, потому что нисколько не затруднился, въ доказательство дѣйствительности встрѣчи съ генераломъ, прибавить:

— Какъ передъ истиннымъ Богомъ говорю... Пусть разразитъ меня на этомъ мѣстѣ, если я вру...

И вслѣдъ затѣмъ еще перекрестился нѣсколько разъ, нисколько не думая, что совершаетъ грѣхъ.

По счастію, Иванъ Захаровичъ никогда не видалъ генерала Езопова, хотя и слышалъ, что есть такой генералъ, занимающій видное мѣсто, и не потребовалъ болѣе подробнаго описанія его наружности, довольствуясь лишь «длинными усами». Онъ только взглянулъ на свою супругу не безъ торжества человѣка, оправданнаго отъ взведеннаго на него тяжкаго обвиненія, и сказалъ:

— Я, Машенька, наскрозь человѣка вижу... Меня не обманешь. Шались, братъ... Откуда бы услыхалъ Антошка, что есть генералъ Езоповъ. А я, Машенька, знаю, что есть въ Петербургѣ такой генералъ... Объ немъ и въ газетахъ пишутъ... Небось, меня не объегоришь... Не таковскій! — снова повторилъ Иванъ Захаровичъ, хвастливо подмигивая глазомъ.

По лицу «рыжей дамы» скользнула едва замѣтная насмѣшливая улыбка.

— Ну, хорошо, пусть генералъ и говорилъ съ этимъ подлюгой... Пусть. А ты, Иванъ Захарычъ, спроси-ка у него, на какія это деньги онъ сейчасъ угощалъ леденцами Нютку и Лешку... Пусть-ка отвѣтитъ, мерзавецъ! — проговорила «вѣдьма».

— Леденцами!?—воскликнулъ Иванъ Захаровичъ и вперилъ на Антошку злые глаза.

Антошка понялъ, что дѣло принимаетъ весьма серьезный оборотъ. Сердце въ немъ упало. Блѣдное лицо вдругъ приняло испуганное выраженіе затравленнаго звѣрька.

А «рыжая вѣдьма» между тѣмъ продолжала:

— Спроси-ка у него, какъ онъ найдетъ на тебя управу... Я своими ушами слышала, какъ онъ грозился. «Мы, говоритъ, найдемъ управу на этого дьявола!» Это онъ про тебя, Иванъ Захарычъ... Вотъ какъ онъ цѣнитъ твою заботу... Вотъ какъ онъ обкрадываетъ насъ... А ты ему, подлому, и повѣрилъ... Принесъ всего тридцать копеекъ, а самъ леденцы... покупаетъ!

Лицо Ивана Захаровича побагровѣло. Что-то безпощадно-жестокое было теперь въ его маленькихъ, засверкавшихъ глазахъ и въ скверной улыбкѣ, искривившей его толстыя губы.

— Такъ вотъ ты какой... змѣенышъ? Управу?.. Леденцы

покупаешь?—говорилъ тихимъ, злымъ голосомъ Иванъ Захаровичъ, снимая съ себя толстый ремень.—Я покажу тебѣ управу!—засмѣялся онъ, поднимаясь со стула.

— Да не жалѣй его... Пусть помнитъ!—вставила «вѣдьма».

— Я не изъ выручки взялъ деньги... Мнѣ дала ихъ одна барыня и не взяла товару... Клянусь Богомъ... Не встать съ мѣста... Дя-де-нька!

Онъ говорилъ эти слова и самъ чувствовалъ ихъ безнадежность.

Сильный ударъ кулакомъ по лицу сшибъ его съ ногъ. Онъ упалъ навзничь, стукнувшись головой объ полъ. Новый ударъ сапогомъ заставилъ его вскочить на ноги, окровавленнаго, съ тупою болью въ груди.

Злоба, страхъ и отчаяніе вдругъ залили волной его маленькое сердце. Онъ видѣлъ по этому страшному лицу «дяденьки», что пощады не будетъ, и въ его головѣ пробѣжала мысль о бѣгствѣ. Злобно сверкая глазами, словно маленькій волчонокъ, онъ старался вырваться изъ крѣпкой руки Ивана Захаровича, которая держала его за шиворотъ, встряхивая, какъ щенка.

— Дя-де-нька!—молилъ Антошка.—Дя-де-нька! Вы не смѣете мучить!—вдругъ крикнулъ онъ въ какой-то тоскѣ отчаянія и рванулся сильнѣй.

— Ахъ, ты...

И голова мальчика уже была между толстыхъ икръ Ивана Захаровича. Въ комнатѣ раздались отчаянные крики... Мольбы о пощадѣ смѣнялись ругательствами. Злобный ревъ безсильнаго животнаго чередовался съ раздирающимъ душу стономъ.

«Дяденька» совсѣмъ озвѣрѣлъ. Казалось, онъ не помнилъ себя и съ остервенѣніемъ палача полосовалъ мальчика толстымъ ремнемъ съ металлической пряжкой и все сильнѣе и сильнѣе сжималъ его голову.

Вопли становились рѣже и глуше. Мальчикъ задыхался.

— Ты, Иванъ Захарычъ, смотри, не задуши его! — крикнула ему «вѣдьма», довольно равнодушно посматривая на экзекуцію и нисколько не волнуясь этими криками.

— Не бойсь... Не задушу...

Однако онъ чуть-чуть раздвинулъ ноги и въ ту же минуту вскрикнулъ, словно бы отъ жестокой боли.

— Отпусти, подлецъ! Не то до смерти забью!—прошипѣлъ въ бѣшеной ярости Иванъ Захаровичъ, продолжая наносить удары.

Но Антошка не отпускалъ.

Точно маленькій кровожадный бульдогъ, онъ вцѣпился

своими крѣпкими и острыми зубами въ ляжку своего мучителя и все крѣпче и крѣпче нажималъ ихъ съ какимъ-то наслажденіемъ мстительной злобы, готовый оторвать кусокъ мяса.

Иванъ Захарычъ рванулся, чтобъ избавиться отъ этихъ зубовъ, причинявшихъ ему жестокую боль, и серьезно проучить дерзкаго мальчишку.

Но Антошка не зѣвалъ и вообще обнаружилъ въ этотъ вечеръ рѣдкую находчивость.

Почувствовавъ себя свободнымъ отъ рукъ «дяденьки», онъ, съ ловкостью уличнаго мальчишки, бывавшаго въ передѣлкахъ, изо всей силы дернулъ его за ногу, и Иванъ Захаровичъ, и безъ того не особенно твердый на ногахъ, грохнулся наземь. Еще мгновеніе, и «вѣдьма» получила ударъ въ животъ, послѣ чего Антошка, схвативъ со стола стаканъ съ горячимъ чаемъ, не отказалъ себѣ въ удовольствіи удовлетворить свою злобу, выплеснувъ жидкость прямо въ ея «поганую морду», и, не теряя затѣмъ драгоцѣннаго времени, выскочилъ изъ комнаты и стремглавъ бросился вонъ изъ квартиры, не замѣтивъ даже Нютку, которая выглядывала изъ дверей съ застывшими отъ ужаса и страха черными большими глазами.

IV.

Опасаясь погони, Антошка нѣсколько времени бѣжалъ, что̀ есть духу, по глухой дальней улицѣ Песковъ. Пробѣжавъ порядочное разстояніе, онъ завернулъ въ какой-то переулокъ и остановился, чтобы передохнуть, придти въ себя и обдумать свое положеніе.

Положеніе мальчика въ этотъ осенній холодный вечеръ, въ лѣтнемъ намокшемъ и разорванномъ пальтишкѣ и рваныхъ старыхъ башмакахъ на босыя ноги, безъ шапки и даже безъ шарфа, одинокаго, какъ перстъ, въ большомъ городѣ, избитаго и окровавленнаго,—было не изъ блестящихъ. Но Антошка не унывалъ и считалъ, что несравненно лучше позябнуть, чѣмъ послѣ всѣхъ происшедшихъ столь неожиданно событій попасться къ «дяденькѣ» и быть заколоченнымъ на смерть. Антошка имѣлъ рѣшительное желаніе жить на свѣтѣ, и даже съ бо̀льшимъ спокойствіемъ, чѣмъ до сихъ поръ, и потому одна мысль о возможности возврата въ ненавистную квартиру заставляла его вздрагивать и пугливо всматриваться въ рѣдкихъ прохожихъ.

Несмотря на сильную трепку, Антошка не безъ удовлетвореннаго чувства гордости припомнилъ, какъ прокусилъ

ляжку «чорту» и ошпарилъ «вѣдьму», находя, впрочемъ, что этого имъ мало, и что, Богъ дастъ, когда-нибудь онъ ихъ «раздѣлаетъ» еще не такъ. Только бы ему сдѣлаться большимъ. Тогда они узнаютъ Антошку!

Эти злыя мысли быстро смѣнились вопросомъ: куда ему идти? И тотчасъ же рѣшеніе было принято. Онъ пойдетъ къ доброму «графу», и тотъ посовѣтуетъ, что̀ ему дѣлать, и, конечно, не откажетъ въ пристанищѣ. По счастью, Антошкина записная и учебная книжка находилась въ карманѣ, и онъ, приблизившись къ фонарю, не безъ труда разобралъ адресъ, написанный мелкимъ почеркомъ «графа».

Оставалось еще привести себя въ нѣкоторый порядокъ. Онъ увидалъ, что руки его были въ крови, и догадался, что это отъ расквашеннаго носа, за который онъ хватался. Необходимо было смыть кровь, въ виду предстоящаго путешествія по освѣщеннымъ улицамъ и придирчивости «фараоновъ».

Ведро съ водой у водосточной трубы, замѣченное Антошкой по близости, доставило ему возможность не только пополоскать руки и вымыть лицо, но и освѣжить воспаленную голову... Она, казалось ему, была какая-то тяжелая и точно чужая, а послѣ воды стала легче.

Возбужденный и взволнованный, Антошка двинулся въ путь и сначала не чувствовалъ ни дьявольски-холоднаго вѣтра, насквозь пронизывающаго его худенькое тѣльце и играющаго его кудрявыми волосами, ни боли въ спинѣ, покрытой синими подтеками, и торопливо шагалъ по улицамъ, осторожно обходя «фараоновъ», чтобы не имѣть съ ними какихъ-нибудь непріятныхъ разговоровъ, какіе могли бы завести эти придирчивые люди съ мальчикомъ въ рваномъ пальтишкѣ и, главное, безъ шапки, который ищетъ пристанища и участія.

По счастью, дѣло обошлось безъ приключеній, и черезъ часа полтора Антошка, совсѣмъ посинѣвшій отъ холода, чувствуя страшную боль въ спинѣ, поднимался по грязной лѣстницѣ въ квартиру прачки, у которой жилъ «графъ».

Невообразимо-радостное чувство охватило его, когда онъ очутился въ теплѣ и когда старая женщина, впустившая его, съ видомъ изумленія и въ то же время жалости, провела этого вздрагивающаго оборванца къ своему жильцу.

V.

Послѣ не особенно удачливаго дня, «графъ» сидѣлъ въ затрапезномъ халатѣ трудно опредѣляемой матеріи у небольшого деревяннаго стола и при тускломъ свѣтѣ маленькой

лампы читалъ вчерашнюю газету. Онъ читалъ въ ней описаніе какого-то великосвѣтскаго бала, напомнившее ему о близкомъ когда-то мірѣ суеты и тщеславія, блеска и роскоши, о прежнихъ знакомыхъ и родныхъ, и, судя по выраженію его лица, воспоминанія эти вызывали скорѣе чувство озлобленія, чѣмъ горечи.

Онъ задумался, какъ задумывался не разъ, о превратности судьбы и безнадежности своего положенія, когда скрипнула дверь, и въ эту крошечную, убогую комнату, все убранство которой состояло изъ кровати, стола и стула, вошелъ Антошка и, радостно-взволнованный, остановился у дверей.

— Это вы, Анисья Ивановна? Что̀ вамъ угодно? — окликнулъ «графъ» недовольнымъ тономъ, не поворачивая своей кудрявой, засѣдѣвшей головы.

— Это̀ я... Антошка!

— Антошка!?—воскликнулъ «графъ», изумленный приходу мальчика въ такую пору, и быстро подошелъ къ нему.

Жалкій видъ худенькаго, посинѣвшаго и вздрагивавшаго мальчугана, пришедшаго въ легкомъ одѣяніи, въ дырявыхъ башмакахъ на босыя ноги и безъ шапки, вызвалъ на лицѣ «графа» выраженіе жалости и участія, и онъ тревожно спросилъ:

— Что̀ случилось, Антошка? Откуда ты въ такомъ костюмѣ?

— Я убѣжалъ отъ нихъ, отъ подлецовъ... Ужъ вы только не отдавайте, графъ, если *онъ* потребуетъ меня обратно... Онъ убьетъ!.. А я вамъ заслужу... Я на васъ стану работать!—взволнованно говорилъ Антошка.

— Глупый! Развѣ я отдамъ тебя этимъ мерзавцамъ! Не бойся, Антошка. Что-жъ ты стоишь? Садись, бѣдный мальчикъ... Ишь, какъ озябъ... Сейчасъ чаемъ отогрѣешься... Молодецъ, что удралъ и ко мнѣ явился... Я тебя въ обиду не дамъ... Надѣнь-ка мое пальто... Согрѣйся...

— Я и такъ согрѣюсь. У васъ страсть какъ тепло. Славно у васъ!

— Надѣвай пальто, говорятъ!—весело и ласково приказывалъ «графъ», снимая съ гвоздя пальто.—И сапоги мои одѣнь, а то босой почти... Такъ и заболѣть недолго... Что̀, видно, дяденька билъ?

— Шибко билъ, подлецъ... спина саднитъ... И чуть-было не задушилъ ногами... Ну, и ему-таки попало!—не безъ гордости прибавилъ Антошка.

— Попало?—сочувственно улыбнулся «графъ».

— Я ему ногу прокусилъ... до крови!—съ торжествующимъ видомъ сказалъ мальчикъ.

— Ловко!.. Ты мнѣ потомъ въ подробности разскажешь обо всѣхъ этихъ событіяхъ, а пока побудь одинъ... Я пойду распорядиться насчетъ чая.

«Графъ» вышелъ и завелъ конфиденціальный разговоръ съ квартирной хозяйкой о нѣсколькихъ щепоткахъ чая и кускахъ сахара, о гривенникѣ «до завтра» и объ устройствѣ ночлега для мальчика. Онъ говорилъ такъ убѣдительно, что хозяйка тотчасъ же согласилась на всѣ его просьбы и обѣщала немедленно подать самоваръ, купить хлѣба и дать тюфякъ, подушку и одѣяло.

— Очень благодарю васъ, Анисья Ивановна! — съ чувствомъ проговорилъ «графъ», пожимая руку квартирной хозяйки.

— Не за что, Александръ Иванычъ... И у меня, слава Богу, христіанская душа... И мнѣ жалко этого мальчика. Что̀, онъ у васъ будетъ жить?

— У меня пока. Бездомный сиротка этотъ несчастный мальчикъ, Анисья Ивановна... Нельзя не пріютить.

— Гдѣ же онъ прежде-то жилъ? — спрашивала старая Анисья Ивановна, раздувая самоваръ.

— А у одного подлеца-солдата... Онъ дѣтей чужихъ беретъ и посылаетъ ихъ на улицу нищенствовать... Ну, и тиранитъ ихъ...

— Ахъ, бѣдныя!—пожалѣла квартирная хозяйка и, вѣроятно, разжалобившись, прибавила: — такъ я, кромѣ ситника, пожалуй, и колбасы возьму... Пусть мальчикъ закуситъ...

«Графъ» еще разъ поблагодарилъ Анисью Ивановну и, вернувшись къ Антошкѣ, весело сказалъ:

— Сейчасъ будетъ чай готовъ... Хорошенько напьешься и потомъ ложись спать... Хозяйка тебѣ постель смастеритъ... отлично выспишься...

Антошка благодарными глазами смотрѣлъ на «графа» и произнесъ:

— Безъ васъ вовсе бы пропасть, графъ... Только вы одинъ и есть на свѣтѣ добрый человѣкъ для меня...

— Ну, нечего тамъ благодарить, — дрогнувшимъ голосомъ перебилъ «графъ», ласково взглядывая на Антошку.—Хотя на свѣтѣ и много мерзавцевъ, Антошка, и злыхъ людей, но не всѣ же такіе; есть, братецъ мой, и хорошіе... Это ты помни...

— Вы вотъ хорошій...

— Я? — горько усмѣхнулся «графъ». — Я прежде былъ, можетъ, самый дурной... Ну, да еще успѣемъ съ тобой пофилософствовать... и поближе познакомиться другъ съ дру-

гомъ. А съ завтрашняго дня начнемъ дѣйствовать... Быть-можетъ, завтра же и одѣнемъ и обуемъ тебя, какъ слѣдуетъ, по сезону...

— И вы меня на работу пошлете? — весело спросилъ Антошка.—Я умѣю хорошо сбирать... Мнѣ всегда подавали, когда я въ нищенкахъ былъ...

— Нѣтъ, Антошка, на такую работу я тебя не пошлю... Къ чорту такую работу...

— Значитъ, съ ларькомъ думаете?.. На это много капиталу нужно... И товаръ и за жестянку! — дѣловито проговорилъ Антошка, понимавшій, что «графъ», который самъ, случалось, «работалъ» по вечерамъ, останавливая прохожихъ просьбами на разныхъ діалектахъ, не находится въ такихъ блестящихъ обстоятельствахъ, чтобы завести ларекъ.

И такъ какъ Антошка не желалъ сидѣть сложа руки и объѣдать «графа», считая это въ высшей степени недобросовѣстнымъ, то деликатно напомнилъ, что работа въ нищенкахъ вовсе не дурная и не тяжелая, особенно если подъ пальтомъ полушубокъ.

Но, къ крайнему изумленію Антошки, «графъ» рѣшительно запротестовалъ.

— Что-жъ я буду дѣлать?—спросилъ мальчикъ.

— Объ этомъ подумаемъ! Подумаемъ, Антошка! — значительно протянулъ «графъ», оставляя Антошку въ нѣкоторомъ недоумѣніи.

Анисья Ивановна принесла самоваръ, хлѣбъ и колбасу, и скоро Антошка съ наслажденіемъ пилъ чай и закусывалъ. За вторымъ стаканомъ онъ передалъ «графу» подробности недавнихъ событій у «дяденьки», и «графъ» нѣсколько разъ вставлялъ неодобрительные эпитеты по адресу вѣдьмы и ея супруга и весело улыбался, когда Антошка разсказывалъ о подвигахъ, предшествовавшихъ его бѣгству.

Постель была устроена на славу доброй Анисьей Ивановной. Она принесла довольно мягкій матрацъ, накрыла его простыней, положила большую подушку и теплое ватное одѣяло и, убирая самоваръ, промолвила, обращаясь къ Антошкѣ:

— Не бойсь, спать хорошо будетъ. Спи, Христосъ съ тобой, бѣдняжка!

Сонный Антошка быстро раздѣлся и, облачившись въ чистую ночную сорочку «графа», юркнулъ подъ одѣяло и тотчасъ же заснулъ, довольный, благодарный и счастливый, тронутый до глубины души лаской, которую онъ испыталъ первый разъ въ жизни.

«Графъ» заботливо ощупалъ голову мальчика, присѣлъ къ столу и задумался.

VI.

«Графъ» раздумывалъ о томъ, какъ устроить Антошкину судьбу и не дать ему погибнуть въ той развращающей атмосферѣ нищеты, бездѣлья и нищенства, которую онъ хорошо зналъ по собственному опыту многихъ лѣтъ.

Но онъ поконченный человѣкъ, а способный, неглупый Антошка еще на порогѣ жизни...

Этотъ бездомный, несчастный мальчикъ, обратившійся къ покровительству «графа» и видѣвшій въ немъ своего единственнаго спасителя, сдѣлался теперь какъ-то особенно ему близкимъ и точно роднымъ, и словно бы явился свѣтлымъ лучомъ, озарившимъ безпросвѣтный мракъ одинокой горемычной жизни павшаго человѣка.

И озлобленное сердце этого отверженца, презираемаго всѣми родными и бывшими друзьями, чужого и все-таки барина въ глазахъ тѣхъ товарищей по нищетѣ, среди которыхъ онъ вращался, втайнѣ жаждавшаго и не находившаго слова участія и привязанности, — это сердце смягчалось, охваченное чувствомъ жалости, любви и заботы къ такому же бездомному, одинокому созданію, какъ и онъ самъ.

Этотъ мальчикъ, видимо привязанный къ нему, словно бы давалъ новый смыслъ его жизни. Сдѣлать его человѣкомъ, имѣть на свѣтѣ преданное, благодарное существо,—эта мысль радостно волновала «графа», являясь какъ бы примиреніемъ съ жизнью.

Онъ горько усмѣхнулся, вспомнивъ, что прежде, когда онъ имѣлъ возможность спасти не одно несчастное существо, подобное Антошкѣ, мысль объ этомъ никогда даже и не закрадывалась въ его голову. Онъ жилъ только для себя и думалъ о себѣ...

— Неужели надо быть нищимъ и отверженнымъ, чтобы пожалѣть другихъ!? — мысленно задалъ онъ себѣ вопросъ и рѣшилъ его утвердительно, чувствуя неодолимое желаніе помочь Антошкѣ именно тогда, когда это для него было такъ трудно.

Онъ сдѣлаетъ все, что только возможно.

Онъ напишетъ всѣмъ своимъ кліентамъ и, быть-можетъ, соберетъ нужную сумму для экипировки мальчика. Разумѣется, ни одинъ изъ его кліентовъ не повѣритъ, что онъ проситъ не для себя. Еще бы повѣрить! Давно уже больше рубля, много двухъ ему не посылали тѣ изъ немногихъ родственниковъ и товарищей, которые не всегда оставляли безъ отвѣта письма «графа», посылавшіяся въ особенно трудныя минуты жизни.

Наконецъ онъ даже обратится къ своему «знатному братцу», какъ презрительно называлъ «графъ» своего старшаго брата, занимавшаго очень важный постъ. Онъ ненавидѣлъ этого брата и въ слѣпомъ озлобленіи считалъ его лицемѣромъ, эгоистомъ и даже взяточникомъ. Недаромъ у него огромное состояніе. Откуда оно?

Онъ, никогда не обращавшійся къ этому брату послѣ того, какъ братъ разъ навсегда отрекся отъ него, готовъ не только написать ему, но даже послѣ 15-ти лѣтъ пойти къ нему въ его парадную казенную квартиру и, если только швейцаръ пуститъ, лично просить помочь Антошкѣ.

И много ли нужно?

Всего какихъ-нибудь двадцать рублей, чтобъ сдѣлать все необходимое мальчику... И тогда можно будетъ посылать его въ школу...

И двоюродной сестрѣ, княгинѣ Моравской, напишетъ... Она благотворительная дама... Быть-можетъ, устроитъ мальчика, назначитъ ему какую-нибудь пенсію на содержаніе...

Въ мечтахъ о будущей судьбѣ Антошки «графъ» непремѣнно хотѣлъ, чтобы Антошка жилъ съ нимъ, хотя бы первое время... Не все же это вѣчное одиночество. Все же около существо будетъ!

Двадцать рублей! Какимъ огромнымъ капиталомъ казались эти деньги теперь «графу», швырявшему по сотнѣ на чаи въ модныхъ ресторанахъ во время былыхъ кутежей!

Да, то было прежде, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда молодой, красивый и изящный гвардейскій кавалерійскій офицеръ Опольевъ блисталъ въ свѣтѣ, считаясь однимъ изъ блестящихъ и элегантныхъ представителей золотой молодежи, и имѣлъ всѣ шансы на хорошую карьеру.

Онъ былъ уменъ, легкомысленъ и безхарактеренъ и жилъ, что̀ называется, во всю: кутилъ, ссужалъ пріятелей, тратилъ направо и налѣво и, промотавъ большое состояніе, доставшееся отъ бабушки, сталъ дѣлать долги, попалъ въ руки ростовщиковъ, запутался совсѣмъ и въ одинъ прекрасный день поставилъ фальшивый бланкъ отца, стараго генерала съ большимъ состояніемъ... Это обнаружилось; отецъ заплатилъ крупную сумму, но съ тѣхъ поръ не желалъ знать сына и уже больше не простилъ его.

Опольевъ долженъ былъ выйти въ отставку и скрыться съ свѣтскаго горизонта. Отъ него отвернулись, разумѣется, всѣ бывшіе пріятели, а старшій братъ, лишавшійся, благодаря брату-кутилѣ, значительной доли ожидаемаго наслѣдства, отвернулся отъ него и, когда младшій братъ обратился однажды

къ нему за помощью, онъ отказалъ и велѣлъ ему передать, что не считаетъ такого негодяя своимъ братомъ. Прежній общій любимецъ «Шурка», веселый и блестящій «Шурка» вдругъ сдѣлался отверженцемъ.

Исторія этого паденія представляла собой одно изъ обычныхъ явленій въ жизни свѣтской молодежи, явленій, которыя въ большинствѣ случаевъ кончаются не такъ печально. Многіе въ той средѣ, въ которой вращался Опольевъ, дѣлали то же самое и еще худшее, но эти «ошибки молодости», благодаря различнымъ случайностямъ, въ видѣ ли выгоднаго брака или снисходительности родителей, нисколько не мѣшали потомъ такимъ же виноватымъ, какъ и Опольевъ, остепениться и быть даже впослѣдствіи въ нѣкоторомъ родѣ столпами отечества.

Опольевъ хорошо понималъ это. Онъ считалъ, что судьба его жестоко и несправедливо покарала за то, что̀ проходитъ безслѣдно для другихъ... Ни одна душа не поддержала его въ это время, никто изъ близкихъ не протянулъ ему руки серьезной помощи. Кое-кто бросалъ ему брезгливо подачки, считая, что исполнилъ долгъ и на нѣкоторое время избавлялся отъ назойливаго попрошайки.

Та самая среда, которая воспитала его и всѣми своими привычками, взглядами и поступками поощряла къ той же праздной и безцѣльной жизни, какую вела сама, исключила его изъ своихъ членовъ, какъ недостойнаго, опозорившаго честь касты, и Опольевъ былъ скоро всѣми основательно забытъ.

Возмущенный отношеніемъ тѣхъ самыхъ пріятелей и друзей, которые кутили на его счетъ и брали отъ него деньги, открывшій внезапно глаза на всю подлость людей, онъ озлобился, хотѣлъ-было пустить себѣ пулю въ лобъ, но кончилъ тѣмъ, что запилъ и махнулъ на все рукой въ какой-то безнадежной отчаянности человѣка, неспособнаго ни къ какому серьезному труду...

Подняться онъ ужъ болѣе былъ не въ силахъ. Всѣ связи были порваны, и никакого мѣста онъ получить не могъ. Поступилъ-было онъ въ частную контору, но его скоро выгнали. И онъ постепенно переходилъ всѣ фазисы паденія за эти пятнадцать лѣтъ своего паразитнаго существованія, пока не сдѣлался нищимъ пропойцемъ. Всего было, за что, въ минуты просвѣтлѣнія, приходилось краснѣть..

Но за это время онъ кое-чему научился, обо многомъ размышлялъ и многое понялъ.

Онъ понималъ всю неприглядность своего существованія,

но зато оцѣнилъ по достоинству и весь ужасъ прежней своей жизни. И сравненіе выходило не особенно утѣшительное, когда онъ сопоставлялъ настоящее и прошлое. Онъ понялъ, что среда, въ которой онъ прежде вращался, безжалостно-эгоистичпа и зла, и возненавидѣлъ эту среду. Онъ близко увидалъ нищету и страданія обездоленныхъ и несчастныхъ, неудачниковъ и свихнувшихся, и понялъ, что они такіе же люди, какъ и потомки Рюриковичей, и заслуживаютъ, по справедливости, иного отношенія. Среди этихъ отверженныхъ онъ встрѣчалъ и участіе и отзывчивость...

И прежній блестящій офицеръ, считавшій «сволочью» всѣхъ, кто не можетъ жить порядочно, обратился въ протестующаго скептика-философа, рѣшавшаго довольно оригинально общественные вопросы и относившагося съ презрительной злостью къ великимъ міра сего и вообще къ устройству самого міра, требующаго, по его мнѣнію, самой основательной встряски, и съ какою-то ироническою покорностью отпѣтаго человѣка несъ свое положеніе. Онъ ни на что уже болѣе не надѣялся и ничего не ждалъ. Доктора ему сказали, что при томъ образѣ жизни, который онъ ведетъ, онъ не протянетъ и пяти лѣтъ. Его это нисколько не испугало. Онъ усмѣхнулся и проговорилъ:

— Однако долго еще тянуть, докторъ!

Опускаясь все ниже и ниже въ глубину нищеты и казавшійся старикомъ въ свои сорокъ пять лѣтъ, онъ все-таки старался сохранить нѣкоторое внѣшнее подобіе приличнаго господина и особенно заботился о своемъ костюмѣ, имѣя видъ барина даже и тогда, когда въ сумерки (днемъ «графъ» никогда не «работалъ») останавливалъ кого-нибудь изъ прохожихъ и на превосходномъ французскомъ діалектѣ просилъ «одолжить» нѣкоторую монету. Онъ даже не просилъ, а скорѣе предлагалъ, при чемъ сохранялъ свое достоинство и когда слегка приподнималъ свой рыжій цилиндръ, зажимая въ перчаткѣ полученную монетку, и когда только галантно прикладывалъ руку къ шляпѣ, получивъ отказъ. За это его въ «лаврѣ», гдѣ онъ жилъ послѣднее время, и прозвали «графомъ». Никто не зналъ его настоящей фамиліи, и подъ кличкой «графа» онъ извѣстенъ былъ своимъ товарищамъ по профессіи.

Антошка сладко всхрапывалъ во снѣ, а «графъ» еще писалъ, имѣя на столѣ запасъ почтовой бумаги и конвертовъ, которые являлись для него, такъ сказать, главнымъ орудіемъ производства.

Наконецъ послѣднее письмо было окончено. Эти прочув-

ствованныя, горячія строки къ брату, въ которыхъ онъ просилъ денегъ для мальчика, должны были, по мнѣнію «графа», подѣйствовать даже и на такого «знатнаго прохвоста». Онъ навѣрное пришлетъ просимую сумму и, быть-можетъ, и больше. Вдругъ письмо попадетъ въ хорошую минуту, когда человѣкъ дѣлается добрѣе обыкновеннаго!

Лампа догорала. «Графъ» всталъ изъ-за стола съ видомъ человѣка, вполнѣ удовлетвореннаго своей работой, досталъ изъ-подъ кровати маленькую склянку съ водкой и слегка трясущейся рукой налилъ рюмку водки. Онъ вытянулъ ее медленно, процѣживая черезъ губы, съ наслажденіемъ алкоголика. Затѣмъ выпилъ другую и третью, опорожнивъ бутылку, и только тогда раздѣлся и легъ въ постель.

Въ эту ночь онъ заснулъ не съ тѣми мрачными мыслями, съ какими засыпалъ обыкновенно. Напротивъ, пріятныя и радостныя думы проносились въ его головѣ. Жизнь не казалась ему такой безотрадной благодаря присутствію Антошки.

VII.

Мутный сѣроватый свѣтъ дождливаго осенняго утра пробивался въ окно, когда «графъ» поднялся довольно бодрый и въ хорошемъ расположеніи духа. За стѣной, у хозяйки, пробило семь часовъ. Антошка еще спалъ.

При свѣтѣ маленькаго огарка, съ иглой въ рукахъ, «графъ» занялся приведеніемъ въ нѣкоторую возможную исправность своего костюма. Дыры на черномъ лоснившемся сюртукѣ были зашиты, бахромки съ конца штанинъ срѣзаны, и все платье аккуратно вычищено. Затѣмъ «графъ» почистилъ сапоги и досталъ изъ маленькаго сундучка чистые воротникъ и манжеты. Когда все было готово, онъ вышелъ на кухню, вымылся и довольно долго и тщательно расчесывалъ свои кудреватые волосы и длинную бороду передъ маленькимъ зеркальцемъ и привелъ въ порядокъ ногти на своихъ красивыхъ рукахъ.

Покончивъ съ туалетомъ, онъ снова вышелъ и, встрѣтивъ хозяйку, съ обычной своей галантностью пожелалъ ей добраго утра.

— Что̀ такъ рано сегодня, Александръ Иванычъ?

— Дѣлъ сегодня много, Анисья Ивановна... Рано выйду со двора... Надо хлопотать за мальчика... понимаете?

Онъ деликатно попросилъ насчетъ самоварчика и булки для Антошки, обѣщая сегодня же покончить маленькіе счеты съ хозяйкой, и прибавилъ:

— И еще покорнѣйшая просьба, добрѣйшая Анисья Ивановна.

— Что̀ такое?

— Быть-можетъ, я сегодня нескоро вернусь, такъ ужъ будьте любезны, не откажите накормить мальчика.

— Не бойтесь, голоднымъ не оставлю. Позову обѣдать, не объѣстъ!—не безъ обидчивости проговорила добрая женщина, которая не разъ предлагала и жильцу своему поѣсть вмѣстѣ съ ней.

Она жалѣла «графа» и главнымъ образомъ потому, что онъ, баринъ, отставной офицеръ и, вѣрно, прежде богатый, находится въ такомъ положеніи. Старый альбомъ «графа» съ фотографіями генераловъ, блестящихъ дамъ и офицеровъ, въ который она полюбопытствовала какъ-то заглянуть въ отсутствіе «графа», окончательно разжалобилъ Анисью Ивановну и заставилъ ее отнестись къ «графу» еще съ бо̀льшимъ участіемъ. И она (хоть при наймѣ комнаты это и не было выговорено) подавала ему самоваръ и вообще старалась оказывать услуги. Жилецъ онъ былъ тихій и очаровывалъ хозяйку своимъ любезнымъ и полнымъ достоинства обращеніемъ.

— А вы, Александръ Иванычъ, насчетъ чего же собственно хотите хлопотать? Опредѣлить куда мальчика? — полюбопытствовала Анисья Ивановна.

— Вообще устроить... Ну, разумѣется, прежде всего насчетъ денегъ... Надо же и одѣть и обуть его...

— Что̀ и говорить... Совсѣмъ, можно сказать, голый мальчикъ... Гдѣ же вы, Александръ Иванычъ, полагаете достать?.. У сродственниковъ?

— Да...

— Дадутъ?—недовѣрчиво спросила хозяйка.

— Разсчитываю. Я не для себя прошу.

— Ну, дай вамъ Богъ, Александръ Иванычъ!.. Сами вотъ терпите, а за мальчика хлопочете... Да и насчетъ его документа схлопочите, а то старшій дворникъ узна̀етъ... Какъ бы не было непріятностей.

«Графъ» обѣщалъ похлопотать и насчетъ документа—онъ пойдетъ сегодня же къ бывшему хозяину Антошки—и, поблагодаривъ квартирную хозяйку, хотѣлъ-было уходить, какъ вдругъ она сказала, понижая голосъ:

— Вѣдь вы не при деньгахъ, кажется, Александръ Иванычъ?

— Не при деньгахъ, Анисья Ивановна, но передъ деньгами... А что̀?—шутливо спросилъ «графъ».

— А то, что какъ же вы по дѣламъ будете ходить и по такой погодѣ... Ишь вѣдь дождь-то какой... Неравно и простудитесь... А вы бы въ конкѣ... И я съ полнымъ моимъ

удовольствіемъ... Сколько вамъ будетъ угодно?.. Сорокъ копеекъ, а то полтину?.. Какъ получите, отдадите...

У «графа» что-то защекотало въ горлѣ, и теплое благодарное чувство прилило къ сердцу, когда онъ отвѣтилъ:

— Ишь вы какая... заботливая, Анисья Ивановна... Сердечно благодарю васъ и не откажусь... Возьму двугривенный... Въ самомъ дѣлѣ... въ конкахъ удобнѣе...

Анисья Ивановна отдала деньги и предложила зонтикъ.

— Удобный зонтикъ... по крайней мѣрѣ не промочитъ!

Но синій неуклюжій зонтикъ, видимо, шокировалъ «графа», и онъ отказался.

Вернувшись къ себѣ, онъ засталъ уже Антошку вставшимъ и одѣтымъ въ свое тряпье, съ заспаннымъ лицомъ, полнымъ радости и счастія. Каріе его глазенки весело улыбались.

— Добраго утра, Антошка!—привѣтствовалъ его «графъ», протягивая ему руку.—Хорошо спалъ?

— Добраго утра, графъ... А спалъ я чудесно, графъ.

— Ну, что̀, здоровъ?

— Какъ есть вполнѣ... И спина не болитъ... Хучь сейчасъ на работу...

— Ишь ты выносливый какой... Вчера у тебя жаръ былъ... Я думалъ—заболѣешь, а ты какъ встрепанный... Что̀, здѣсь лучше, чѣмъ у дяденьки?

Вмѣсто отвѣта Антошка засмѣялся и вдругъ, охваченный радостнымъ благодарнымъ порывомъ, по привычкѣ нищенки, прильнулъ къ его рукѣ.

— Не надо... Не люблю!—промолвилъ «графъ», отдергивая руку.—Никогда этого не дѣлай... Слышишь?

— Вы не сердитесь, графъ. Я больше не буду!—виновато промолвилъ Антошка.

— Я не сержусь, голубчикъ! — улыбнулся «графъ» и съ нѣжностью потрепалъ Антошку по плечу.

— Не прикажете ли чего сдѣлать, графъ? Сапоги ваши почистить? Комнату подмести?

— Прежде всего я прикажу тебѣ идти на кухню и хорошенько вымыться... Вотъ что̀ я тебѣ прикажу... А вечеромъ я тебя сведу въ баню... Давно ты былъ въ банѣ?

— Давно... И не упомню когда... «Дяденька» не посылалъ...

— Вотъ сегодня я поговорю съ твоимъ дяденькой...

— Зачѣмъ?—испуганно спросилъ Антошка.

— Возьму твой документъ.

— Какой документъ?

— Такой... У каждаго человѣка есть документъ, чтобы

знали, кто онъ такой... А ты не бойся... Теперь твой дяденька ничего не смѣетъ тебѣ сдѣлать...

— А какъ онъ придетъ сюда?

— Не придетъ... Я его такъ припугну, что онъ и не подумаетъ придти...

— Если бы и Нютку взять... Она ловкая дѣвчонка...

— О Нюткѣ, братецъ, потомъ подумаемъ...

Черезъ четверть часа оба пріятеля сидѣли за самоваромъ. «Графъ» на постели, а Антошка напротивъ, на стулѣ. Анисья Ивановна деликатно подала не одну булку, а еще и большую краюху ситнаго хлѣба... «Графъ» выпилъ лѣниво стаканъ чая, покуривая скверную папироску, зато Антошка выпилъ цѣлыхъ три стакана, уписывая за обѣ щеки хлѣбъ.

— Сытъ?

— Сытъ совсѣмъ... Покорно благодарю...

Антошкѣ хотѣлось быть чѣмъ-нибудь полезнымъ «графу», какъ-нибудь ему услужить, и онъ, увидавши на столѣ письма, проговорилъ:

— Прикажете снести, графъ?

— Въ такомъ костюмѣ?—засмѣялся «графъ».

— Что-жъ костюмъ? Я привыкъ... Я бы сбѣгалъ, графъ. Только дозвольте.

— Вижу, что сбѣгалъ бы... Лаской изъ тебя хоть веревки вей!..—вставилъ «графъ» не совсѣмъ понятное для Антошки выраженіе.—А ты ужъ сегодня никуда не бѣгай, посиди дома... Видишь, какая погода... Я самъ письма разнесу и вообще пойду по разнымъ дѣламъ... Къ вечеру я вернусь... Обѣдать ты будешь съ хозяйкой, съ Анисьей Ивановной... Она, братъ, добрая, Анисья Ивановна... Безъ меня ты можешь прибрать нашу комнату и помочь хозяйкѣ, если что̀ нужно...

«Графъ» сталъ одѣваться и, окончивъ одѣваніе, имѣлъ довольно внушительный видъ.

— Ну, что̀, Антошка, какъ ты находишь мой костюмъ... Хорошъ?

— Чего лучше!—отвѣчалъ восхищенный Антошка.

— Ну, и отлично!—засмѣялся «графъ».—Кстати, ты не забылъ адреса той барыни, которая звала тебя за платьемъ? Я, быть-можетъ, и ее навѣщу...

— Онъ у меня записанъ, — отвѣчалъ Антошка, доставая изъ кармана штановъ свою записную книжку.

— Ну-ка, давай ее сюда... Я посмотрю, какъ ты выучился писать... Гм... Недурно... весьма недурно... «Скварцова... Сергифская, 15»... Со временемъ можно будетъ и лучше... И выучимся... И писать, братъ, выучимся, и ариѳметикѣ, и исторіи...

всему, Антошка, въ школѣ выучимся!—значительно проговорилъ «графъ», заставляя Антошку вытаращить отъ изумленія глаза.

Онъ, признаться, подумалъ, что «графъ» такъ-себѣ... «хвастаетъ», но изъ деликатности не заявилъ сомнѣнія насчетъ возможности исполнить такое обѣщаніе. «Графъ» самъ нищенствовалъ—и вдругъ... школа...

«Поди-ко-сь все это денегъ стоитъ!»—подумалъ Антошка.

— Ну, братъ... объ этомъ послѣ поговоримъ... вечеркомъ... а пока до свиданія!

И «графъ», надѣвъ чуть-чуть набекрень свой цилиндръ, съ важнымъ и рѣшительнымъ видомъ вышелъ изъ комнаты, натягивая перчатки.

VIII.

«Графъ» имѣлъ обыкновеніе рано утромъ выпивать рюмки двѣ водки. Хотя доктора и находили, что это вредно, но «графъ», напротивъ, полагалъ, что это очень полезно. Нѣкоторый пріемъ алкоголя возбуждалъ его нервы, и онъ чувствовалъ себя бодрѣе и оживленнѣе.

Такъ какъ дома запаса водки не было, то первый визитъ «графа» былъ въ заведеніе по близости, гдѣ онъ имѣлъ кредитъ

— Съ добрымъ утромъ, Александръ Иванычъ! — любезно привѣтствовалъ его заспанный, пухлый сидѣлецъ.

«Графъ» кивнулъ головой и проговорилъ:

— Стаканчикъ!

Проглотивъ стаканчикъ, онъ съ тѣмъ же небрежнымъ видомъ, съ какимъ, бывало, держалъ себя у Бореля или у Дюссо, кинулъ:—«За мной!» и, дотронувшись до полей цилиндра, вышелъ на улицу.

Дождь лилъ немилосердно, и потому «графъ» торопливо дошелъ до Офицерской и сѣлъ въ маленькую одноконную каретку-омнибусъ, которая повезла его по Казанской улицѣ до Невскаго. Оттуда онъ направился въ Большую Морскую и вошелъ въ подъѣздъ большого дома, гдѣ жилъ его братъ, тайный совѣтникъ Константинъ Ивановичъ Опольевъ.

Толстый, раскормленный швейцаръ, съ отлично расчесанными холеными бакенбардами, которымъ могъ бы позавидовать любой директоръ департамента, съ нескрываемымъ презрѣніемъ оглядѣлъ «графа» съ ногъ и до головы и хотѣлъ было спровадить на улицу, какъ попрошайку, который не понимаетъ, куда лѣзетъ, какъ былъ рѣшительно пораженъ и озадаченъ высокомѣрнымъ тономъ, какимъ этотъ намокшій господинъ въ рыжемъ цилиндрѣ произнесъ:

— Эй... ты, швейцаръ!.. Передай это письмо Константину Ивановичу... Да, смотри, немедленно...

Швейцаръ нехотя, съ брезгливой миной, протянулъ руку за письмомъ и, съ умышленнымъ упорствомъ оглядывая костюмъ «графа», проговорилъ не безъ презрительной нотки въ голосѣ:

— Ежели генералъ спроситъ, кто передалъ письмо, какъ сказать?

— Скажи, что... что... дальній родственникъ.

И не спѣша, съ достоинствомъ испанскаго гранда, вышелъ изъ подъѣзда, оставивъ швейцара въ изумленіи, что у его превосходительства могутъ быть родственники, одѣтые какъ нищіе.

Дальнѣйшія посѣщенія «графомъ» разныхъ швейцарскихъ, гдѣ его знали по прежнимъ визитамъ, нельзя было назвать особенно удачными.

Въ двухъ домахъ ему сообщили, что господа почиваютъ; въ двухъ—передали, что на письма никакого отвѣта не будетъ; въ трехъ ему выслали съ лакеями по рублю, а отъ кузины-княгини былъ деликатно переданъ конвертикъ. Онъ содержалъ въ себѣ зелененькую кредитку и маленькій листокъ почтовой бумажки, на которомъ были написаны карандашомъ слѣдующія слова:

«Желательно повидать мальчика».

— Не вѣритъ!—прошепталъ «графъ», запрятывая трехрублевую бумажку и записочку въ жилетный карманъ.

«Что-жъ, когда Антошку приведемъ въ приличный видъ, можно его и послать къ княгинѣ Марьѣ Николаевнѣ... Пусть познакомится. Быть-можетъ, что-нибудь и сдѣлаетъ!»—весело думалъ «графъ», собираясь теперь сдѣлать визитъ къ «дяденькѣ».

Былъ четвертый часъ. «Графъ» порядочно-таки усталъ послѣ своихъ посѣщеній нѣсколькихъ домовъ въ разныхъ частяхъ города и проголодался. Но онъ рѣшилъ прежде закончить свою программу дѣйствій на сегодняшній день и потомъ ужъ пообѣдать.

Дождь пересталъ. «Графъ» на Михайловской подцѣпился на имперьялъ конки и поѣхалъ на Пески.

Иванъ Захаровичъ и его супруга были дома и оба находились въ дурномъ расположеніи духа. «Дяденька» курилъ молча, безъ обычнаго благодушія, былъ совершенно трезвъ и не выказывалъ обычной нѣжности своей «Машенькѣ». Онъ даже сегодня не ходилъ въ трактиръ, чтобы почитать газету

и побесѣдовать о политикѣ и о разныхъ отвлеченныхъ предметахъ съ приказчикомъ. Въ свою очередь и Машенька была угрюма и зла и, грязная и нечесаная, съ подвязанной щекой отъ ожога, сидѣла за пологомъ и взглядывала по временамъ въ окно на дворъ.

Бѣгство Антошки безпокоило обоихъ по весьма уважительнымъ причинамъ.

Во-первыхъ, Антошка представлялъ собой и весьма доходную статью ихъ бюджета, и потеря такого «племянника» затрогивала довольно чувствительно ихъ матеріальные интересы. Во-вторыхъ—и это, пожалуй, волновало супруговъ не менѣе — у обоихъ мелькали непріятныя мысли, какъ бы изъ-за этого «неблагодарнаго подлеца», забывшаго всѣ оказанныя ему благодѣянія (на это особенно напиралъ Иванъ Захаровичъ, цѣнившій, какъ извѣстно, высокія чувства), не вышло какихъ-нибудь серьезныхъ непріятностей съ полиціей и даже съ сыскнымъ отдѣленіемъ, близкое знакомство съ которымъ не очень-то улыбалось Ивану Захаровичу, имѣвшему уже случаи въ своей жизни раза два побывать тамъ.

Этотъ «разбойникъ» недаромъ грозился, что найдетъ управу, и, чего добраго, заведетъ какую-нибудь кляузу...

— Ддда... неблагодарный и подлый, можно сказать, нынѣ народъ!—наконецъ проговорилъ Иванъ Захаровичъ.

Реплики со стороны жены не послѣдовало, и Иванъ Захаровичъ снова задумчиво курилъ папироску.

Оба супруга непрочь бы явить Антошкѣ снисхожденіе и избить его не особенно сильно, несмотря на укушенную ногу и ошпаренное лицо, если бы только онъ явился съ повинной. Иванъ Захаровичъ даже нѣсколько сердился на жену за то, что она вчера его «настроила» противъ Антошки, и размышлялъ теперь о томъ, что благоразуміе требуетъ не очень-то сильно валять ремнемъ, и что слѣдуетъ при «выучкахъ» остерегаться пускать въ ходъ пряжку, во избѣжаніе знаковъ на тѣлѣ, весьма замѣтныхъ при медицинскомъ осмотрѣ.

Вообще Иванъ Захаровичъ, несмотря на сознаніе необходимости грозной власти въ своемъ заведеніи, обнаруживалъ, какъ бо̀льшая часть жестокихъ людей, трусливую подлость въ этотъ день.

Оба супруга съ утра поджидали Антошку и часто поглядывали въ окно. Отпуская утромъ своихъ «пансіонеровъ» на работу, Иванъ Захаровичъ былъ со всѣми необычно ласковъ и многихъ снабдилъ одеждой и обувью, болѣе соотвѣтствующими осенней погодѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поручилъ своимъ питомцамъ, въ случаѣ, если кто изъ нихъ встрѣтитъ Антошку, пере-

дать ему, что «дяденька» нисколько на него не сердится и охотно проститъ его, если онъ вернется домой.

И, какъ опытный правитель въ духѣ Макіавелли, понимающій, что дурные примѣры, подобные Антошкину бѣгству, заразительны, и что послѣ нѣжныхъ словъ не мѣшаетъ и угроза, прибавилъ, обращаясь къ своимъ маленькимъ покорнымъ подданнымъ:

— Я жалѣючи его говорю. А то хуже будетъ, когда городовой его приволокетъ за шиворотъ. А приволокетъ безпремѣнно, потому какъ Антошка и всѣ вы въ полномъ моемъ распоряженіи и обязаны по закону мнѣ повиноваться... Ну, а тогда не пеняй... Не прощу!—не безъ энергіи закончилъ Иванъ Захаровичъ свою правительственную рѣчь.

По случаю дурной погоды «дяденька» милостиво разрѣшилъ своимъ воспитанникамъ вернуться пораньше. Къ тремъ часамъ всѣ почти вернулись.

Никто Антошки не встрѣчалъ.

— Этакій подлецъ!—сердито проворчалъ Иванъ Захаровичъ.

Въ эту минуту въ прихожей звякнулъ звонокъ.

Иванъ Захаровичъ самъ пошелъ отворять, по дорогѣ плотно затворивъ двери комнаты, въ которой помѣщались его питомцы.

Увидавъ незнакомаго человѣка, костюмъ котораго не внушалъ большого уваженія и въ то же время успокаивающимъ образомъ подѣйствовалъ на Ивана Захаровича, онъ все-таки по привычкѣ съ пытливой подозрительностью взглянулъ на вошедшаго, словно желая опредѣлить его житейское положеніе, и довольно холодно освѣдомился, что̀ ему угодно.

— Мнѣ угодно переговорить съ вами по одному дѣлу, — сухо и рѣзко проговорилъ «графъ», какъ будто не замѣчая протянутой ему руки.

Душа Ивана Захаровича ушла въ пятки.

«Ужъ не агентъ ли сыскной полиціи!»—пробѣжало въ его головѣ.

И онъ, нѣсколько смущенный, понижая голосъ до конфиденціальнаго шопота, уже самымъ любезнымъ, заискивающимъ тономъ просилъ «графа» пожаловать въ комнату.

— Машенька! Выдь на минутку! — значительно проговорилъ онъ, обращаясь къ женѣ, и, когда та прошмыгнула мимо гостя въ двери, предложилъ ему присѣсть и снова бросилъ на него пристальный взглядъ.

Тутъ, въ комнатѣ, при свѣтѣ лампы, онъ лучше осмотрѣлъ и костюмъ графа и его испитое лицо, и ему показалось, что онъ гдѣ-то видѣлъ этого господина...

«Графъ» между тѣмъ не предъявлялъ своего агентскаго билета, и Иванъ Захаровичъ все болѣе и болѣе сомнѣвался, что передъ нимъ агентъ. Онъ, слава Богу, видывалъ ихъ! И, словно досадуя на свой напрасный страхъ, онъ сѣлъ на стулъ противъ «графа» и не безъ нѣкоторой фамильярности сказалъ:

— Такъ по какому-такому дѣлу пожаловали, господинъ?.. Извините, не имѣю удовольствія знать, кто вы такой... А я съ незнакомыми никакихъ дѣловъ не веду... Да и, прямо ежели сказать, никакими дѣлами не занимаюсь.

— Я пришелъ получить у васъ метрическое свидѣтельство Антошки...

— Что-съ?..

— Слышали, кажется...

— Какого-такого Антошки, позвольте узнать-съ?—нахально спросилъ Иванъ Захаровичъ, стараясь скрыть вновь овладѣвшее имъ безпокойство.

— А того Антошки, который ходилъ отъ васъ съ ларькомъ и котораго вы вчера истязали ремнемъ и чуть не задушили... Нога ваша, вѣроятно, уже зажила? — насмѣшливо прибавилъ графъ.

— Позвольте однако спросить, кто вы такой будете и по какимъ-такимъ правамъ требуете документъ моего родного племянника?

— Не лгите. Онъ вамъ не племянникъ... Я знаю! — увѣренно произнесъ «графъ».

Иванъ Захаровичъ смутился.

— Все равно, вмѣсто родного. Я его воспиталъ. А вы, что ли, сродственникъ ему?—насмѣшливо кинулъ онъ.

— Нѣтъ, я мальчика давно знаю и принимаю въ немъ участіе... Въ немъ принимаютъ участіе и другія лица, и Антошка теперь находится у моей двоюродной сестры, княгини Моравской,—пугнулъ «графъ», замѣтивъ, съ какимъ трусомъ имѣетъ дѣло.

Иванъ Захаровичъ недовѣрчиво взглянулъ на «графа». Костюмъ его не свидѣтельствовалъ о родствѣ съ князьями, но въ то же время въ манерѣ этого господина было что-то барское и внушительное. Это Иванъ Захаровичъ сообразилъ.

— А вы чѣмъ изволите быть?

— Я... штабъ-ротмистръ лейбъ-гвардіи уланскаго Его Величества полка въ отставкѣ, Опольевъ. Можете, если хотите, удостовѣриться... Вотъ мой указъ объ отставкѣ.

— Что мнѣ удостовѣряться?.. Только я документа не отдамъ. Нашли, съ позволенія сказать, дурака? По какой-такой

причинѣ я отдамъ вамъ документъ?.. Довольно даже странно, что вы, господинъ, вмѣшиваетесь въ чужія дѣла... Я тоже права́ имѣю.

— Какъ знаете!—промолвилъ, вставая, «графъ»:—но только помните, что завтра же утромъ я подамъ заявленіе градоначальнику!—прибавилъ «графъ» и направился къ двери.

Эта угроза произвела на Ивана Захаровича впечатлѣніе, и онъ сказалъ:

— Позвольте, сударь... Зачѣмъ же градоначальнику?.. Если мнѣ уплатятъ за содержаніе этого подлеца,—какъ передъ Богомъ говорю, что Антошка неблагодарная тварь, — я готовъ развязаться съ нимъ... Ну его... а то, согласитесь, за что же разорять бѣднаго человѣка...

— Мнѣ некогда съ вами разговаривать. Документъ, или завтра же вы будете въ сыскномъ отдѣленіи... И вообще я совѣтовалъ бы вамъ перемѣнить родъ занятій!—внушительно прибавилъ «графъ».

— Какія-такія занятія, позвольте спросить?

— А заведеніе чужихъ дѣтей, которыхъ вы посылаете нищенствовать...

— Всякому надо кормиться... И дѣти у меня, слава Богу, ничѣмъ не обижены... всѣмъ довольны...

— И тѣмъ, что вы ихъ порете?.. Ну, довольно... Отдаёте документъ или нѣтъ?

Черезъ пять минутъ «графъ» вышелъ, получивъ подъ расписку метрическое свидѣтельство Антошки.

Струсившій и растерявшійся Иванъ Захаровичъ, провожая «графа», униженно просилъ не поднимать исторіи и обѣщалъ серьезно подумать о перемѣнѣ занятій.

— Дѣйствительно, безпокойное занятіе, сударь... Того и гляди, изъ-за какого-нибудь неблагодарнаго мальчишки получишь однѣ непріятности!—говорилъ Иванъ Захаровичъ.

«Графъ» возвращался въ конкѣ съ Песковъ очень довольный, что дѣло съ этимъ «мерзавцемъ» было покончено такъ скоро и легко. Онъ не ожидалъ, что «дяденька» окажется такимъ трусомъ и отдастъ документъ первому встрѣчному, который пугнетъ его. Теперь можно и пообѣдать. Но прежде «графъ» рѣшилъ, несмотря на голодъ, свершить маленькую вечернюю экскурсію въ одну изъ людныхъ улицъ и, глядя по успѣху, позволить себѣ болѣе или менѣе роскошное меню обѣда.

Деньги, бывшія у «графа» въ карманѣ, онъ считалъ Антошкиными и взять изъ нихъ на обѣдъ считалъ возможнымъ только въ случаѣ крайней необходимости.

Доѣхавъ до Михайловской, онъ пошелъ по лѣвой сторонѣ

Невскаго и сдѣлалъ нѣсколько предложеній одолжить ему какую-нибудь монетку. Несмотря на то, что предложенія эти дѣлались и по-русски, и по-французски, и по-нѣмецки, ни одна душа не одолжила «графа», и онъ повернулъ въ Большую Морскую.

У ресторана Кюба онъ замѣтилъ господина въ путейской формѣ, выходившаго съ какой-то дамой изъ подъѣзда ресторана со стороны Кирпичнаго переулка, и быстро очутился возлѣ инженера. При свѣтѣ фонаря онъ разглядѣлъ веселое, жизнерадостное молодое еще лицо съ сѣдоватыми волосами, выбивавшимися изъ-подъ фуражки. Инженеръ оживленно и громко что-то говорилъ дамѣ подъ густой вуалью.

— Господинъ инженеръ, — проговорилъ почти на ухо «графъ» своимъ сипловатымъ баскомъ: — не откажите послѣ устрицъ одолжить монетку на скромный обѣдъ... Премного обяжете...

Инженеръ, дѣйствительно только-что ѣвшій съ своей дамой устрицы, какъ-то торопливо полѣзъ въ жилетный карманъ, взглядывая нѣсколько сконфуженными, ласковыми и наблюдательными глазами на страннаго господина, и, смѣясь, спросилъ:

— А вы развѣ не одобряете устрицъ и тѣхъ людей, которые ихъ ѣдятъ?

— Устрицы весьма одобряю, особенно съ хорошимъ шабли или съ максотеномъ sec, заѣдая стильтономъ или рокфоромъ... Благодарю васъ!—прибавилъ «графъ», получая, къ крайнему изумленію, не монетку, а бумажку, и слегка приподнимая шляпу.

— Не за что... Эй, Иванъ... подавай! — крикнулъ инженеръ лихачу-извозчику.

— Виноватъ...—вдругъ заговорилъ «графъ», снова подходя къ инженеру.—Вы, разумѣется, ошиблись.

— Въ чемъ?

— Это не канарейка, а синенькая... Возьмите назадъ, чтобъ послѣ не раскаиваться!—иронически вымолвилъ «графъ», протягивая инженеру бумажку.

— Я не ошибся... Я и хотѣлъ одолжить вамъ именно пять рублей!—необыкновенно мягко и ласково отвѣчалъ инженеръ, не безъ удивленія посматривая на этого страннаго субъекта.

— Не ошиблись? Въ такомъ случаѣ я кладу деньги въ карманъ и позволю себѣ замѣтить, что вы представляете собою рѣдкій примѣръ легкомыслія и расточительности, по нынѣшнимъ временамъ... Первый разъ въ теченіе моей практики я дѣлаю такой громадный заемъ на улицѣ... Удивительно!.. Всего хорошаго... Всякихъ успѣховъ...

— Вы однако большой оригиналъ! — замѣтилъ инженеръ, заинтересованный графомъ.

— Ника, ѣдемъ!—говорила дама.

— До свиданія!—крикнулъ инженеръ.

— Мое почтеніе!

«Графъ» приподнялъ шляпу и нѣсколько мгновеній смотрѣлъ вслѣдъ удаляющемуся экипажу удивленными глазами.

— Вѣрно, очень счастливъ сегодня!—прошепталъ онъ, трогаясь съ мѣста.

Въ виду такого неожиданнаго благополучія «графъ» считалъ въ правѣ позволить себѣ рѣдкую роскошь—пообѣдать, какъ слѣдуетъ, въ трактирѣ, а не въ закусочной, и даже выпить полбутылки крымскаго бордо. Давно ужъ онъ не пилъ вина!

И онъ направился въ одинъ изъ маленькихъ ресторановъ на Гороховой, предвкушая удовольствіе полакомиться вкусными блюдами и глотая слюнки при мысли о нѣсколькихъ рюмкахъ водки передъ аппетитной закуской. Куда ни шло, онъ кутнетъ рубля на полтора.

Спасибо легкомысленному инженеру!

IX.

Его превосходительство Константинъ Ивановичъ Опольевъ уже сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ своемъ большомъ, внушительномъ кабинетѣ, убранномъ въ строго-солидномъ стилѣ, гладко выбритый, свѣжій и хорошо сохранившійся, несмотря на свои пятьдесятъ два года и многочисленныя занятія, въ щегольски сшитомъ утреннемъ костюмѣ, и прилежно занимался, обложенный дѣлами въ синихъ папкахъ, съ большимъ краснымъ карандашомъ въ красивой холеной рукѣ съ большими крѣпкими ногтями,—когда въ дверяхъ кабинета показался въ это утро его камердинеръ Егоръ съ письмомъ на маленькомъ серебряномъ подносѣ въ рукахъ.

Неслышно ступая въ своихъ мягкихъ башмакахъ, Егоръ приблизился къ столу и положилъ на край его письмо «графа».

Опольевъ поднялъ лицо, красивое, смуглое, серьезное лицо, окаймленное такими же вьющимися и посѣдѣвшими черными волосами, какъ и у младшаго брата, съ большими темными глазами, надъ которыми красивыми дугами темнѣли густыя брови, сходившіяся у переносицы.

— Письмо вашему превосходительству!

— Хорошо!—промолвилъ Опольевъ низковатымъ пріятнымъ голосомъ и, взявъ въ руки письмо, не спѣша и аккуратно взрѣзалъ конвертъ ножомъ слоновой кости.

Брезгливая улыбка слегка искривила его губы, когда онъ

читалъ письмо брата. Онъ отложилъ письмо, пожалъ плечами и снова принялся за работу.

Однако минуту спустя его превосходительство подавилъ пуговку электрическаго звонка и, когда явился Егоръ, спросилъ:

— Кто принесъ это письмо?

— Не могу знать. Швейцаръ подалъ.

— Узнайте.

Егоръ скоро вернулся и доложилъ, что письмо подалъ какой-то очень скверно одѣтый господинъ и...

Камердинеръ видимо затруднялся продолжать.

— И что̀ же?..

— Онъ назвался...

— Ну, говорите же, кѣмъ онъ назвался?—нетерпѣливо допрашивалъ Опольевъ.

— Дальнимъ родственникомъ вашего превосходительства,— словно бы извиняясь, что обязанъ передать такое неправдоподобное извѣстіе, проговорилъ Егоръ и даже позволилъ себѣ улыбнуться.

«По крайней мѣрѣ имѣлъ стыдъ не назваться братомъ!»— облегченно подумалъ его превосходительство.

И сказалъ:

— Позовите сюда швейцара.

Когда швейцаръ явился, Опольевъ тихимъ, ровнымъ и спокойнымъ тономъ, какимъ всегда говорилъ съ прислугой, произнесъ:

— Если господинъ, который принесъ утромъ письмо, придетъ еще когда-нибудь, не принимайте отъ него писемъ и никогда не пускайте его. Поняли?

— Понялъ, ваше превосходительство.

— Можете идти.

Швейцаръ повернулся почти по-военному и исчезъ.

Его превосходительство̀ вновь принялся за работу.

Часа черезъ полтора онъ поднялся съ кресла, слегка перегнулся, расправилъ свою уставшую спину и, взявъ со стола письмо, легкой, молодцоватой походкой, чуть-чуть перекачиваясь, прошелъ черезъ рядъ комнатъ въ столовую.

Тамъ за чайнымъ столомъ сидѣла жена Опольева, полноватая, довольно красивая еще блондинка, въ кольцахъ на пухлыхъ бѣлыхъ рукахъ, съ пышнымъ бюстомъ и туго перетянутой тальей, и молоденькая дѣвушка въ черномъ шерстяномъ платьѣ, свѣжая, худенькая брюнетка съ однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыя не столько красивы, сколько привлекательны. Особенно привлекательны были эти большіе темно-

сѣрые глаза, опушенные длинными рѣсницами, ясные, дѣтски-довѣрчивые и въ то же время будто пугливые.

— Здравствуй, Annette! Здравствуй, Ниночка!—привѣтствовалъ своихъ Опольевъ.

И его серьезное, строгое лицо прояснилось ласковой улыбкой, и ровный, нѣсколько монотонный голосъ его зазвучалъ мягкими звуками.

Онъ поцѣловалъ благоухающую руку жены, горячо поцѣловалъ дочь и присѣлъ къ столу.

— Ну, что̀, хороша была вчера опера? Тебѣ понравилась, Нина?

— Очень, папа.

— Музыка или пѣвцы?

— Музыка...

— И я вчера хотѣлъ попасть въ театръ, да засѣданіе комиссіи затянулось... На вотъ, прочитай-ка это письмо, Annette,— вдругъ, хмурясь, проговорилъ Опольевъ, передавая письмо женѣ.

— А все-таки жаль!—слегка пѣвучимъ голосомъ протянула жена, окончивъ чтеніе письма.

— А мнѣ нисколько не жаль!—рѣзко и докторально отвѣтилъ Опольевъ, видимо недовольный мнѣніемъ жены.—Совсѣмъ не жаль! Человѣкъ, который дошелъ до положенія скота, нисколько не заслуживаетъ моего сожалѣнія, хотя бы онъ былъ и близкій мой родственникъ. Нисколько! И я не понимаю этихъ узъ крови, совсѣмъ не понимаю и не чувствую ихъ. Коль скоро человѣкъ опозорилъ и себя и всю семью такъ, какъ вотъ этотъ господинъ (его превосходительство указалъ пальцемъ на письмо, лежавшее около Анны Павловны), то нечего и разсчитывать на какія-то узы... Мнѣ не денегъ жаль... какіе-нибудь двадцать рублей не бѣда бросить... но принципъ... понимаешь ли, принципъ...

— Но, послушай... вѣдь онъ обращается къ тебѣ въ первый разъ послѣ того, какъ ты—помнишь—такъ круто отнесся къ нему... И наконецъ вѣдь онъ не для себя, а для какого-то мальчика...

— Ты вѣришь... этому мальчику?—засмѣялся тихимъ, жесткимъ смѣхомъ Опольевъ.—Ну, милая, ты довольно легковѣрна... Ему на пьянство надо, вотъ для чего... Помилуй, человѣкъ неглупый, который послѣ своего паденія могъ бы какъ-нибудь устроиться... жить честнымъ трудомъ... работать, какъ всѣ мы работаемъ, дошелъ до того, что по вечерамъ останавливаетъ прохожихъ и проситъ подаянія...

— Неужели это правда?.. Мнѣ говорила Marie, но я не повѣрила...

— Къ сожалѣнію, правда... И ты хочешь, чтобъ я такимъ помогалъ?.. Да я готовъ помочь всякому чужому, но сколько-нибудь порядочному человѣку, но только не этому пропойцѣ... Никогда! Дай ему разъ, онъ повадится... Эти люди наглы и лживы... Покойный батюшка недаромъ его проклялъ,—а отецъ былъ твердыхъ правилъ человѣкъ!—и я не хочу его знать... Чортъ съ нимъ... Пусть пропадаетъ... Такіе люди не нужны обществу...

— Онъ самъ приходилъ?—спросила жена, восхищенная убѣдительными, краснорѣчивыми словами мужа и его умомъ.

— Вообрази... имѣлъ наглость придти самъ... Еще, слава Богу, пощадилъ... назвался только дальнимъ родственникомъ... Я приказалъ швейцару никогда больше его не пускать и не принимать никакихъ писемъ!—заключилъ Опольевъ.

Молодая дѣвушка, слышавшая что-то смутно о «погибшемъ дядѣ», внимала жестокимъ словамъ любимаго отца съ какимъ-то невольнымъ чувствомъ сомнѣнія и, вся притихшая, какъ-то пугливо взглядывала на него.

— Ну, однако мнѣ пора въ министерство... До свиданія, милыя!—промолвилъ Опольевъ и, сдѣлавъ прощальный жестъ, вышелъ.

— Мама! Позволь мнѣ прочитать это письмо... Можно?

Мать передала молодой дѣвушкѣ письмо.

Та прочитала его и сказала:

— Мама! Папа ошибается... Такъ не пишутъ обманщики. Дядя навѣрное проситъ не для себя, а для мальчика... Грѣшно не помочь!—прибавила дѣвушка, и лицо ея подернулось тихой грустью.

— Ты слышала, что папа говорилъ?

— Слышала... А все-таки папа неправъ... Необходимо помочь!—рѣшительно произнесла дѣвушка.—И дядѣ и мальчику...

— Отецъ всегда правъ!—строго проговорила мать.

Наступило молчаніе.

X.

Только благодаря сознанію важности принятыхъ на себя обязанностей, «графъ» въ этотъ вечеръ обнаружилъ воистину героическую силу характера, ограничившись всего пятью рюмками водки и полубутылкой краснаго вина.

Давно ужъ онъ не ѣлъ такого вкуснаго обѣда, напомнившаго ему лакомыя блюда былыхъ временъ, давно ужъ не позволялъ себѣ такой роскоши, какъ вино. И онъ ѣлъ съ аппетитомъ проголодавшагося человѣка, соблюдая однако

видъ джентльмена, имѣющаго обыкновеніе обѣдать болѣе или менѣе хорошо каждый день.

«Графъ» нѣсколько оживился, покончивъ обѣдъ. Глаза его слегка блестѣли пьянымъ блескомъ. Онъ чувствовалъ потребность завершить обѣдъ маленькой чашкой кофе и, разумѣется, съ рюмкой коньяку.

Одну только рюмочку... всего одну!

Но въ тотъ самый моментъ, когда «графъ» величественнымъ жестомъ руки подозвалъ лакея, чтобы отдать соотвѣтствующее приказаніе, въ головѣ его весьма кстати пронеслась мысль объ Антошкѣ, и вслѣдъ затѣмъ онъ вспомнилъ, что коньякъ, особенно недурной, можетъ увлечь его далеко за предѣлы благоразумія и бюджета и значительно отдалить время возвращенія домой... За одной рюмкой любимаго имъ напитка можетъ послѣдовать другая, третья, четвертая, и тогда... что̀ будетъ тогда съ Антошкиными деньгами, и гдѣ онъ самъ проведетъ ночь?

— Что̀ прикажете?—довольно небрежно освѣдомился лакей, точно сконфуженный, что ему пришлось служить такому подозрительному господину.

Душевная борьба видимо еще не кончилась, потому что «графъ» не сразу отвѣчалъ, что̀ ему угодно.

Еще секунда-другая, и онъ рѣшительно спросилъ:

— Что̀ съ меня слѣдуетъ?

— Рубль шестьдесятъ пять копеекъ.

— Сдачи не надо!—небрежно кинулъ «графъ», подавая два рубля, и торопливо вышелъ изъ ресторана, словно бы боялся, что рѣшеніе его можетъ внезапно измѣниться.

Вернулся онъ домой чуть-чуть захмелѣвшій, но совершенно твердый на ногахъ. Онъ былъ возбужденно веселъ и доволенъ собой, какъ человѣкъ, избѣжавшій серьезной опасности.

— Ну, вотъ и я, Антошка! Здравствуй, братъ!—весело проговорилъ «графъ», входя въ комнату и выкладывая на столъ нѣсколько свертковъ, многочисленность которыхъ нѣсколько удивила обрадованнаго появленіемъ «графа» Антошку.

— Зазябли, графъ?

— Нисколько... Ничуть... Чувствую, братъ, себя превосходно... Теперь мы съ тобой обезпечены на недѣлю чаемъ и сахаромъ!—сказалъ «графъ», похлопывая рукой по двумъ сверткамъ.—Четверть фунта чая и пять фунтовъ сахара!.. А вотъ тутъ кое-что и для тебя есть, Антошка!—ласково подмигнулъ «графъ».—Останешься доволенъ.

Онъ снялъ шляпу, снялъ пальто, бережно повѣсилъ на гвоздь и потрепалъ Антошку по щекѣ.

— Вѣрно, сегодня хорошо работали съ письмами, графъ?— спросилъ Антошка съ участьемъ.

— Недурно работалъ, какъ ты выражаешься,—засмѣялся «графъ».—И съ письмами и такъ... благодаря ораторскому искусству... А ты, пожалуй, правильнѣе смотришь на вещи, называя это работой. Собственно говоря, такое занятіе—очень непріятная и тяжелая работа, хотя люди и называютъ насъ нищими бездѣльниками! Пусть-ка его превосходительство, мой братецъ, попробуетъ такой работы... Ха-ха-ха!.. Да, сегодня я недурно работалъ, Антошка... Однако не такъ хорошо, какъ надѣялся...

— Не на всѣ письма былъ отвѣтъ?

— Ты сообразительный мальчикъ! Именно не на всѣ... Но все-таки для начала твоей экипировки кое-что получено... Можно тебѣ и нѣсколько бѣлья сдѣлать, и сапоги купить, и даже пріобрѣсти у татарина какую-нибудь принадлежность костюма. Напримѣръ, жакетку или панталоны, что ли... Сразу, братъ, полное благополучіе не достигается... Нѣтъ! Но ты этимъ не смущайся... Я тебѣ весь костюмъ сдѣлаю и полушубокъ куплю! Непремѣнно, и въ скоромъ времени!—увѣренно повторилъ «графъ», ласково глядя на Антошку.—А пока вотъ попробуй-ка эту штучку,—прибавилъ «графъ», вынимая изъ одного изъ пакетовъ красную пастилку.

Антошка рѣшительно былъ подавленъ такою заботой объ его костюмѣ и такимъ вниманіемъ. Эта заботливость трогала и смущала его тѣмъ болѣе, что пальто самого «графа», по мнѣнію Антошки, не должно было въ достаточной степени защищать отъ холода.

Онъ быстро проглотилъ вкусную «штучку» и молчалъ, не находя словъ для изъявленія благодарности, и въ то же время недоумѣвалъ, какъ это «графъ» можетъ такъ хорошо «работать», чтобы съ такою увѣренностью говорить о полушубкѣ, и почему онъ до сихъ поръ не позаботился о собственномъ пальто. Это, казалось ему, было непростительной ошибкой съ его стороны.

— Мнѣ вовсе не надо полушубка. Зачѣмъ мнѣ полушубокъ, ежели вы не будете посылать меня на работу?—вымолвилъ наконецъ Антошка.—Мнѣ никакого даже костюма не надо... Здѣсь тепло... Вотъ вамъ, графъ, ежели, напримѣръ, къ пальту да теплый воротникъ...

— Обо мнѣ не безпокойся, добрый мой мальчикъ,—возразилъ «графъ», тронутый такою деликатностью Антошки.—Я знаю секретъ, какъ согрѣться, если очень холодно...

— И я знаю, графъ.

— Ты? Какой же твой секретъ?

— Я пробовалъ. Бывало, заколѣешь отъ холода, выпьешь шкаликъ, и будто теплѣе...

— Никогда больше не пробуй, Антошка!—строго и торжественно сказалъ «графъ» и прибавилъ:—Ахъ, бѣдный, бѣдный! Такой маленькій и ужъ согрѣвался водкой!

— Никакъ нельзя было по нашей работѣ иной разъ не выпить,—оправдывался Антошка.—И меньше меня мальчики пили...

— Теперь у тебя такой работы не будетъ... слышишь? И ты дай мнѣ слово, что никогда больше не прикоснешься къ водкѣ, чтобъ не огорчить меня... Дашь?

— Убей меня Богъ, если я прикоснусь!—горячо воскликнулъ Антошка и перекрестился.—Да я и не люблю ея... Только горло деретъ...

— То-то... Нечего и любить подлую!—какъ-то грустно и значительно протянулъ «графъ».

Онъ сталъ раздѣваться и, облачившись въ халатъ, присѣлъ къ столу и спросилъ:

— Ну, разсказывай, Антошка, что̀ ты безъ меня дѣлалъ? Скучно было?

Антошка не безъ нѣкоторой гордости объявилъ, что онъ не сидѣлъ сложа руки. Утромъ прибралъ комнату, вытопилъ печь, потомъ помогалъ кое-въ-чемъ Анисьѣ Ивановнѣ, и вотъ теперь занялся книжкой.

— Ай да молодчина, Антошка! Хвалю, что не сидѣлъ въ праздности. Праздность—мать всѣхъ пороковъ... Не слыхалъ объ этомъ?.. Ну, а теперь скажи: ѣсть хочешь?

— Нѣтъ, я сытъ. Только-что ужиналъ. Анисья Ивановна дала мнѣ горячихъ щей и мяса... Преотличныя!

— А я тебѣ ветчины принесъ... Ну, все равно, завтра поѣшь... И документъ твой принесъ...

— Получили?—воскликнулъ Антошка.

— Получилъ.

— И видѣли ихъ?

— И видѣлъ. Вѣдьма-то твоя съ подвязанной щекой ходитъ,—ловко ты, братъ, ее ошпарилъ!—а дяденька прихрамываетъ!—присочинилъ «графъ», желая доставить Антошкѣ удовольствіе. — Бумага твоя здѣсь у меня. Припугнулъ я этого мерзавца... Теперь ты, Антошка, вольный россійскій гражданинъ... Дяденьки не бойся... Онъ ничего не смѣетъ тебѣ сдѣлать... Тю-тю твой дяденька! И вовсе онъ тебѣ не дяденька и никогда имъ не былъ... То-то... Ну, а теперь будемъ чай пить и бесѣдовать... А чай будемъ пить съ ва-

реньемъ... Любишь варенье?.. И калачи есть... Ставь-ка скорѣй самоваръ... Умѣешь?

— Еще бы не умѣть!—весело отвѣчалъ Антошка.

— Да попроси ко мнѣ Анисью Ивановну...

Безконечно обрадованный, что ненавистный «дяденька» теперь не смѣетъ взять его къ себѣ, Антошка со всѣхъ ногъ полетѣлъ на кухню и, передавъ Анисьѣ Ивановнѣ приглашеніе «графа», принялся ставить самоваръ съ какимъ-то ожесточеніемъ усердія.

Ахъ, какъ было радостно и свѣтло теперь на душѣ у Антошки и какъ казалось ему лучезарно будущее!.. А главное, какъ хотѣлось ему отблагодарить «графа», къ которому онъ чувствовалъ такую горячую любовь, что готовъ былъ для «графа» на все...

«Хотя бы еще такую порку выдержать, какъ третьягодня!»—мысленно рѣшилъ Антошка, придумывая, какъ бы онъ могъ доказать свою преданность...

И, пока онъ раздувалъ уголья, въ головѣ его бродили, смѣняясь одна другой, самыя смѣлыя мечты о томъ, какъ онъ потомъ купитъ «графу» шубу и найметъ ему комнату побольше... Какъ онъ избавитъ его отъ работы, которая ему почему-то кажется тяжелой и непріятной, хотя казалось ему, что особенно непріятнаго нѣтъ—писать письма и получать въ отвѣтъ деньги. И не особенно тяжело, если только тепло одѣться, попросить на улицѣ у хорошо одѣтыхъ людей... Что̀ имъ сто̀итъ дать пятачокъ?.. По крайней мѣрѣ, когда онъ работалъ въ нищенкахъ, онъ нисколько не стѣснялся... Но «графъ» не хочетъ, чтобы Антошка такъ работалъ, и Антошка, конечно, не будетъ... «Графъ» худо не научитъ. Только бы поскорѣй ему научиться читать и писать, а тамъ онъ найдетъ мѣсто... Онъ поступитъ въ приказчики въ лавку. Чего лучше? А то сдѣлается газетчикомъ... тоже недурно... Во всякомъ случаѣ онъ позаботится о добромъ «графѣ». И Анисья Ивановна пусть вмѣстѣ живетъ... И Нютка тоже... То-то будетъ отлично!

И Антошка находился въ такомъ альтруистическомъ настроеніи, что въ своихъ ребячьихъ мечтахъ ни разу не вспомнилъ ни о дяденькѣ ни о вѣдьмѣ, и въ данную минуту далекъ былъ отъ мысли засадить перваго въ острогъ, а вторую бросить подъ конку.

XI.

«Графъ» усадилъ Анисью Ивановну на стулъ и, предложивъ ей полакомиться пастилой, совѣтовался съ ней насчетъ того, что̀ можно сдѣлать для Антошки на семь рублей.

Анисья Ивановна приняла живое участье въ этомъ дѣлѣ и кстати похвалила мальчика. Сегодня онъ самъ вызвался ей помогать и дѣлалъ все со стараніемъ. Она предложила свои услуги по части бѣлья. На два рубля она купитъ холста и сошьетъ ему по парѣ рубахъ, исподнихъ и подвертокъ.

— А за два рубля, Александръ Иванычъ, можно купить въ рынкѣ сапоги, а на три—цѣлый костюмъ для мальчика. Вотъ и обули и одѣли...

— Вы говорите: можно? Отлично! Только за-глаза трудно покупать... Идти-то ему не въ чемъ.

Но и это затрудненіе было улажено. Анисья Ивановна обѣщала попросить у дворника пальтецо и сапоги его сынишки. Онъ одного роста съ Антошкой.

«Графъ» горячо благодарилъ хозяйку. Отдавая ей два рубля, онъ передалъ ей еще полтинникъ, чтобъ покончить маленькіе счеты.

— Да вы не торопитесь, Александръ Иванычъ. Мнѣ пока деньги не нужны, а у васъ большіе расходы.

— Пожалуйста, — настоялъ «графъ». — У меня есть въ виду значительная получка, Анисья Ивановна. Непремѣнно двадцать рублей должны прислать! — прибавилъ «графъ». — Куда-жъ вы? Сейчасъ Антошка самоваръ принесетъ... Не угодно ли съ нами чаю напиться?

Анисья Ивановна сперва отнѣкивалась, но кончила тѣмъ, что согласилась выпить «чашечку» и пошла за стаканами и чашкой.

Скоро на маленькомъ столѣ шумѣлъ самоваръ. Около стояли варенье, пастила и калачи. Отъ ветчины всѣ отказались.

Антошка угощался на славу и только удивлялся, что «графъ» ничего не ѣстъ, а пьетъ пустой чай и попыхиваетъ папироской. Анисья Ивановна молча, прикусывая вареньемъ, выпила чашку и скоро поднялась, объяснивъ, что у нея дѣло...

— А мѣрку я завтра съ тебя сниму, Антошка!—проговорила она, уходя.

— Вотъ, братъ, дѣло и слажено... Завтра мы тебя обмундируемъ!—промолвилъ «графъ».—А потомъ я тебя къ одной княгинѣ пошлю...

— Къ княгинѣ? Зачѣмъ мнѣ идти къ княгинѣ? Съ письмомъ, что ли?

— Нѣтъ, такъ. Она съ тобой говорить будетъ...

— Настоящая княгиня?

— Настоящая...

— Зачѣмъ же ей со мной говорить?

— Разспрашивать будетъ... Ты ей всю правду говори, какъ жилъ у дяденьки, какъ ко мнѣ убѣжалъ...

— Къ чему ей это знать?

— Она, быть-можетъ, денегъ дастъ или захочетъ опредѣлить тебя куда-нибудь...

— Я бы отъ васъ никуда не хотѣлъ!—рѣшительно заявилъ Антошка.

— Я и самъ не отпущу тебя, если ты согласенъ со мною жить... Развѣ ужъ что-нибудь хорошее представится...

— Ничего не представится... А я мѣсяца въ два, Богъ дастъ, выучусь писать и читать по-настоящему и тогда въ газетчики поступлю. У меня есть одинъ знакомый газетчикъ... Онъ схлопочетъ...

— Въ газетчики?—протянулъ «графъ».

— Что-жъ, развѣ худое мѣсто? Небось, жалованье дадутъ... А я у васъ жить буду.

— Положимъ, и въ газетчики недурно... Всякія новости знать будешь. Но можно и лучше сыскать мѣсто, если подольше поучиться. Напримѣръ, этакъ, знаешь ли, машинистомъ, а?.. Ты прежде поучись основательно... А ужъ мы съ тобой какъ-нибудь да прокормимся... Много ли намъ нужно? А къ княгинѣ ты все-таки сходи... Кто знаетъ, она, быть-можетъ, что-нибудь и сдѣлаетъ... Кстати увидишь, какъ живутъ князья... Любопытно...

— Небось, очень богато... Мнѣ сказывалъ одинъ человѣкъ, будто они ѣдятъ на серебряныхъ и на золотыхъ тарелкахъ, а купаются въ молокѣ... Это правда?

— Не совсѣмъ... Твой человѣкъ нѣсколько преувеличилъ... Но все-таки живутъ богато...

— И лакеевъ страсть?

— Есть-таки.

— А вы, графъ, тоже прежде были богаты?

— Былъ, Антошка...

— То-то васъ графомъ называютъ...

— Только я не графъ...

— Изъ какихъ же вы будете?

— Изъ дворянъ, изъ старинныхъ дворянъ, Антошка!

— Это изъ господъ, значитъ?

— Именно, мой другъ...

— Я такъ и полагалъ, что вы изъ важныхъ...

— Это почему?

— Видъ у васъ такой графскій... Сейчасъ примѣтно... Другой и видно богачъ, а виду нѣтъ... А вы богаты тоже были?—допрашивалъ Антошка.

— Да... было состояніе...

— И много у васъ денегъ было?.. Тысячъ десять, поди?—

освѣдомлялся Антошка, имѣвшій о богатствѣ довольно смутныя представленія.

— Тысячъ триста считай!—усмѣхнулся «графъ».

Антошка ахнулъ. Въ его воображеніи пронеслось что-то колоссальное.

«Я бы такихъ денегъ не спустилъ!» — подумалъ онъ и спросилъ:

— За такія деньги можно, напримѣръ, домъ купить?

— Да еще какой!

— Ишь ты!.. Куда-жъ вы столько денегъ протратили?

— Такъ, зря протратилъ... на всякія глупости и безобразія... Только и жилъ для того, чтобъ себя потѣшить и другимъ показать: вотъ какой я дуракъ... Не понималъ тогда, что это гнусно...

— Для форца, значитъ?—старался уяснить себѣ Антошка.

— То-то для форца, какъ ты выражаешься... И когда я ухнулъ свои триста тысячъ, я еще задолжалъ на двѣсти... Отецъ долги заплатилъ и отказался отъ меня... Проклялъ... Понялъ?

— Понялъ!—шепнулъ Антошка, невольно вздрагивая при представленіи объ ужасѣ проклятія.

— Ну, вотъ съ тѣхъ поръ я и сдѣлался нищимъ...

Антошка участливо посматривалъ на «графа».

— А развѣ тогда никто вамъ не помогъ? — спросилъ онъ.

— Никто... Да и къ чему помогать такому мотыгѣ? Рѣшительно не къ чему!

— А я на мѣстѣ отца помогъ бы! — рѣшительно заявилъ Антошка.

«Графъ» усмѣхнулся.

— Капиталу большого не далъ бы, а отпускалъ бы на прожитокъ... А то вдругъ такъ-таки и бросить человѣка. Пропадай, молъ!

«Графъ» любовно взглянулъ на своего сожителя и словно бы про себя замѣтилъ:

— Оно, пожалуй, и лучше вышло, что тогда меня всѣ бросили... А то я такъ бы свиньей и остался!

Этой «философіи» Антошка видимо не понялъ и удивленно приподнялъ брови. По его мнѣнію, получать барину на прожитокъ отъ сродственниковъ ничего общаго не имѣло со свинствомъ. На то онъ и баринъ, чтобы ничего не дѣлать... Видалъ онъ, слава Богу, господъ... Катаются себѣ да гуляютъ. Пречудесно!

Однако онъ не сообщилъ этихъ соображеній «графу» и съ большимъ любопытствомъ и нѣкоторымъ соболѣзнованіемъ спросилъ послѣ минуты молчанія:

— А если-бъ *того* не случилось... вы могли бы выйти въ генералы?

— Навѣрное. Всѣ мои товарищи генералы... Я прежде офицеромъ былъ.

— Офицеромъ?—протянулъ удивленно Антошка.

— Хочешь посмотрѣть, какой я былъ?

«Графъ» досталъ изъ своего сундука старенькій альбомъ и, передавая его Антошѣ, проговорилъ:

— Вотъ узнай-ка, гдѣ я.

Антошка сталъ разсматривать альбомъ, въ которомъ было много офицеровъ, генераловъ въ крестахъ и со звѣздами и красивыхъ дамъ, нѣсколько огорошенный такимъ обиліемъ важныхъ особъ.

— Это все ваши сродственники, графъ?

— Тутъ не одни родственники; есть и бывшіе товарищи и знакомые...

— И князья и графы есть?

— Однако ты, Антошка, какъ посмотрю, имѣешь къ нимъ большое пристрастіе... Ужъ не думаешь ли и ты графомъ быть со временемъ?—разсмѣялся «графъ». — Ну, а меня не узналъ?

— Нѣтъ!—отвѣчалъ нѣсколько сконфуженный Антошка.

— Вотъ, полюбуйся!

И «графъ» указалъ на фотографію молодого красавца-брюнета, въ полной парадной формѣ уланскаго офицера, веселаго, жизнерадостнаго, съ смѣлымъ, слегка надменнымъ выраженіемъ въ большихъ глазахъ. И поза на фотографіи была вызывающая, самоувѣренная...

— Это вы?—воскликнулъ, полный восхищеннаго изумленія, Антошка, и его быстрые каріе глаза перебѣгали съ портрета на оригиналъ, желая уловить сходство.

— Я... Собственной своей персоной...

— Теперь и не признать!

— Ну еще бы!—грустно протянулъ «графъ».

И по его преждевременно состарившемуся, испитому землистому лицу, нисколько не напоминавшему красавца на портретѣ, пробѣжала тѣнь...

— Укатали, братъ, сивку крутыя горки! — промолвилъ «графъ».

Оба примолкли.

— Однако ложись спать, Антошка... Завтра пораньше пойдемъ въ рынокъ покупать тебѣ обмундировку... Ложись... О князьяхъ и графахъ еще успѣемъ поговорить... Только знаешь ли что?.. Не особенно завидуй имъ... Право, не стòитъ...

Скоро они улеглись спать.

Антошка, хоть и полонъ былъ новыми впечатлѣніями и мыслями, но тѣмъ не менѣе довольно скоро сладко захрапѣлъ.

Въ этотъ вечеръ, передъ отходомъ ко сну, «графъ» почему-то вдругъ вспомнилъ о совѣтахъ доктора и не выпилъ обычныхъ нѣсколькихъ рюмокъ водки, хотя бутылка и была имъ принесена въ числѣ другихъ закупокъ и спрятана въ сундукъ, чтобъ Антошка ея не видалъ. И — что̀ еще было страннѣй! — ему, еще нѣсколько дней тому назадъ совсѣмъ равнодушному къ смерти, теперь, напротивъ, очень хотѣлось жить.

Долго ворочался «графъ» на своемъ жесткомъ блинчатомъ тюфякѣ, долго кашлялъ сквернымъ, сухимъ кашлемъ, чувствуя, какъ ноетъ грудь, и долго думалъ объ Антошкиной судьбѣ и объ его полушубкѣ.

«Неужели «знатный братецъ» до конца будетъ послѣдователенъ и оставитъ просьбу безъ отвѣта? Неужели жалость недоступна его сердцу?»

И въ головѣ «графа» забродили воспоминанія о «братцѣ».

Никогда они не были близки и дружны. Этотъ благоразумный, солидный и корректный Костя, любимецъ отца, всегда относился нѣсколько свысока къ безпутному Шуркѣ и нерѣдко читалъ ему нравоученія. И всегда онъ былъ какой-то жесткій и гордился и тѣмъ, что вышелъ изъ школы правовѣдѣнія съ золотой медалью, и своимъ умомъ, и своими блестящими успѣхами по службѣ. Когда бабушка оставила одному Шуркѣ, своему любимцу, свое состояніе, братъ еще болѣе озлился на Шурку, говорилъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ, что дуракамъ счастье, и наотрѣзъ отказался взять половину наслѣдства, которую Шурка великодушно предложилъ старшему брату. Съ тѣхъ поръ они рѣдко и видались. Шурка просаживалъ наслѣдство, а Костя работалъ, усердно дѣлая карьеру. Скоро онъ уѣхалъ въ провинцію, назначенный двадцати семи лѣтъ прокуроромъ окружнаго суда, и вернулся въ Петербургъ, чтобы занять довольно видное мѣсто, въ то самое время, какъ младшій братъ долженъ былъ выйти изъ полка и избѣжалъ позора суда за подлогъ только благодаря тому, что отецъ заплатилъ за сына бо̀льшую часть своего состоянія... Послѣ этого Шурка обратился за помощью къ брату, но получилъ отъ него жестокое письмо...

О, это было одно изъ тѣхъ безсердечныхъ и въ то же время неумолимо-справедливыхъ писемъ, логичныхъ и строго-принципіальныхъ, которыя могутъ писать только очень сухіе и

мнящіе себя непогрѣшимыми люди. И «графъ» до сихъ поръ не забылъ этого письма,—онъ даже сохранилъ его,—въ которомъ старшій братъ привелъ вѣскія соображенія, почему онъ считаетъ невозможнымъ помочь человѣку, дѣлающему подложныя надписи, хотя бы такимъ человѣкомъ былъ и родной братъ, и почему онъ «покорнѣйше проситъ» не считать его братомъ и ни въ какія сношенія не входить. Далѣе онъ откровенно выражалъ сожалѣніе, что отецъ заплатилъ по векселю, а не передалъ дѣла судебному разбирательству, и рекомендовалъ пустить себѣ пулю въ лобъ. Это было бы самое лучшее.

Съ тѣхъ поръ прошло пятнадцать лѣтъ. «Графъ» зналъ изъ газетъ, что братъ занимаетъ очень видное мѣсто. О немъ пишутъ въ газетахъ. Въ иллюстраціяхъ помѣщаютъ его портреты. «Знатный братецъ» былъ знаменитъ, и пропойца-нищій раза два-три видѣлъ его на улицѣ... видѣлъ и каждый разъ вспоминалъ его со злобой. Онъ ненавидѣлъ его и глубоко презиралъ, считая его далеко не заслуживающимъ той репутаціи, какой онъ пользовался. Прослышавъ про его богатство, онъ былъ увѣренъ, что «знатный братецъ», несмотря на всю свою корректность, далеко не разборчивъ въ средствахъ, но только умѣетъ ловко хоронить концы.

«Навѣрное воруетъ!»—рѣшилъ «графъ» и нерѣдко въ компаніи такихъ же пропойцъ, какъ онъ самъ, ораторствовалъ по поводу несправедливости и неправды, которыя царятъ на землѣ.

— Укради что-нибудь какой-нибудь уличный воришка—и его въ тюрьму, ему нѣтъ пощады, а если воруетъ видное лицо, какъ бы вы думали, что̀ ему?.. Ничего! Даже если и попадется, то самое большее, что уволятъ и назначатъ въ какой-нибудь совѣтъ.... Такъ-то на свѣтѣ творятся дѣла!

Онъ все ждалъ, что «знатный братецъ» попадется и его уволятъ, но проходили года, и онъ крѣпко сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, хотя озлобленная увѣренность «графа» какъ будто и имѣла нѣкоторыя основанія. По крайней мѣрѣ о безкорыстіи Опольева ходили весьма нелестные слухи въ бюрократическихъ кругахъ, и многіе удивлялись, какъ это министръ вѣритъ въ добродѣтели Опольева.

Съ такими недобрыми воспоминаніями о своемъ «знатномъ братцѣ» графъ еще долго не засыпалъ. Онъ ужъ не надѣялся больше на отвѣтъ. Никакого отвѣта не будетъ. Необходимо придумать новый источникъ для пріобрѣтенія полушубка.

XII.

На слѣдующее утро, скверное и сырое октябрьское утро, «графъ» съ Антошкой отправились въ Александровскій рынокъ

и послѣ тщательнаго осмотра разныхъ костюмовъ и сапогъ купили наконецъ все, что было нужно.

Нельзя сказать, чтобы «графъ» былъ удовлетворенъ покупками, но зато Антошка былъ въ полномъ восторгѣ и отъ сапогъ, и отъ поношенной темно-сѣрой блузы, и отъ штановъ, пріобрѣтенныхъ за три рубля послѣ довольно оживленнаго торга. Въ такомъ костюмѣ Антошка еще никогда не ходилъ. Все было цѣло и, главное, впору, точно на него сшитое. «Дяденькины» же костюмы всегда отличались полнымъ несоотвѣтствіемъ съ тоненькой и худенькой фигурой Антошки и имѣли видъ мѣшковъ. Недурна была и фуфайка, пріятно согрѣвающая грудь, хороша была и шапка изъ поддѣльныхъ смушекъ, купленная у татарина за двугривенный.

Изъ рынка они вернулись домой. Отворила имъ двери Анисья Ивановна, необыкновенно радостная, и тотчасъ же сообщила «графу», что его ждетъ посыльный съ «пріятнымъ письмецомъ».

— Ужъ полчаса, какъ дожидается, Александръ Иванычъ. Не могу, говорить, безъ расписки довѣрить... А я тоже сбѣгала, холста купила... Вечеромъ и шить начну...

Радостное волненіе охватило «графа» при извѣстіи о «пріятномъ письмецѣ», и напрасно онъ старался скрыть его! Лицо его мгновенно просвѣтлѣло и оживилось, и голосъ дрогнулъ, когда онъ торопливо проговорилъ:

— Попросите-ка, Анисья Ивановна, посыльнаго... Что за письмецо...

«Совѣсть въ немъ, видно, не совсѣмъ пропала!»—подумалъ онъ въ ту же минуту.

Посыльный вошелъ въ комнату «графа» и подалъ ему небольшой, элегантный, надушенный конвертъ съ коронкой. Къ изумленію «графа», почеркъ на конвертѣ былъ, очевидно, женскій: мелкій англійскій и довольно красивый.

Онъ вскрылъ конвертъ. Тамъ было письмо и въ немъ двадцатипятирублевая бумажка. Тѣмъ же мелкимъ почеркомъ написанное письмо было слѣдующаго содержанія:

«Дорогой дядюшка,

«Папа поручилъ мнѣ послать прилагаемыя деньги и извиниться передъ вами, что самъ не отвѣчаетъ вамъ. Онъ очень занятъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ проситъ не благодарить его и, если вамъ что будетъ нужно, обращаться ко мнѣ. Я съ большимъ удовольствіемъ принимаю на себя эту обязанность и усердно прошу не забывать этого. Дай Богъ вамъ и вашему бѣдному мальчику всего хорошаго. Преданная вамъ Нина Опольева».

Глаза «графа» были влажны, когда онъ прочиталъ это письмо.

Онъ понялъ, почему не надо благодарить «знатнаго братца», и тотчасъ же написалъ племянницѣ:

«Дорогая Нина Константиновна,

«Ваша помощь и ваше доброе письмо тронули меня до глубины души. Что̀ бы вамъ ни говорили обо мнѣ, вѣрьте, что присланныя вами деньги будутъ употреблены на мальчика. Будьте счастливы и примите горячую благодарность отъ меня и отъ мальчика. Безгранично благодарный А. Опольевъ».

— Вотъ вамъ отвѣтъ и двугривенный за то, что ожидали меня!—радостно проговорилъ «графъ», обращаясь къ старику-посыльному.

И затѣмъ спросилъ:

— Кто вамъ письмо передалъ? Сама барышня или прислуга?

— Сама барышня... Позвали въ коридоръ передъ кухней и передали...

— Что̀, какъ она?.. Должно-быть, совсѣмъ молодая?

— Молодая... Лѣтъ этакъ двадцати, не болѣе.

— Такъ, такъ... Брюнетка или блондинка?

— Чернявенькія, сударь... И аккуратненькая такая барышня...

— А собой какъ?.. Красива?

— Очень даже лицомъ пріятныя... И простыя такія, даромъ что такого важнаго генерала дочь... Ласково такъ говорили со мной... Просили, чтобы скорѣй отнесъ вамъ письмо... Очень, молъ, нужное... Въ собственныя руки безпремѣнно отдайте!.. И цѣлыхъ шесть гривенъ дали... Не по такціи, значитъ.

«Не въ отца!»—подумалъ «графъ».

Когда посыльный ушелъ, «графъ» весело воскликнулъ, показывая Антошкѣ бумажку, которую давно уже не видалъ въ своихъ рукахъ:

— Вотъ мы и съ полушубкомъ, Антошка... И у насъ еще про запасъ останется... Рѣшительно тебѣ везетъ счастье! Спасибо милой племянницѣ... Спасибо молодому доброму сердцу... Оно отозвалось и повѣрило... Да, Антошка, молодость-то отзывчива...

— А откуда у барышни такъ много денегъ, что она вамъ такую бумажку прислала? — задалъ вопросъ практичный Антошка.

— Откуда?.. Вѣрно, отецъ на булавки ей даетъ... Она единственная у него дочь...

— На булавки... и такую пропасть денегъ?

«Графъ» объяснилъ, что значитъ «на булавки», и пошелъ заказывать Анисьѣ Ивановнѣ обѣдъ.

Въ тотъ же день Антошка щеголялъ въ полушубкѣ.

«Графъ» въ этотъ вечеръ не выходилъ на работу.

XIII.

Княгинѣ Марьѣ Николаевнѣ Моравской тридцать два.

Такъ, по крайней мѣрѣ, она говоритъ вотъ уже года три-четыре, и показаніе это нисколько не противорѣчитъ ея наружности.

Она недурна собой, даже красива, свѣжа, цвѣтуща и пышетъ здоровьемъ. Слегка подведенные глаза полны блеска и жизни и въ то же время цѣломудренно-строги. Таліи ея позавидовали бы многія барышни. Походка легка и граціозна. Фигура красивая и внушительная, напоминающая римскую матрону древнихъ временъ.

Всѣмъ этимъ она обязана не одному только Господу Богу, но въ значительной мѣрѣ и самой себѣ, такъ какъ заботы о своей персонѣ она возводитъ до степени культа и ведетъ самый гигіеническій образъ жизни, чтобъ не пополнѣть, не подурнѣть и преждевременно не поблекнуть.

Она ежедневно беретъ холодную ванну, спитъ въ прохладной комнатѣ, ходитъ пѣшкомъ верстъ по пяти, не ѣстъ мучного и сладкаго, не пьетъ горячаго чая или кофе, рано ложится спать и рано встаетъ, словомъ, основательно блюдетъ себя.

Дѣтей у нея нѣтъ. Мужу, военному генералу, страдающему ревматизмомъ и печенью, подъ шестьдесятъ. Исключительно-свѣтская жизнь княгиню не удовлетворяетъ. Семейная—и подавно. Супругъ совсѣмъ неинтересенъ со своимъ ревматизмомъ и брюжжаніемъ. Свободнаго времени у княгини много, и она отдаетъ его на служеніе ближнимъ.

Она—дама-благотворительница, необыкновенно дѣятельная и энергичная.

Въ этой дѣятельности она находитъ удовлетвореніе. Поглощенная ею, княгиня не такъ чувствуетъ «тяжесть креста», какъ фигурально она называетъ свой бракъ съ почтеннымъ генераломъ.

Въ свою очередь и князь, хотя и относится слегка насмѣшливо къ «филантропическому зуду» жены и къ тому, что она «пускаетъ къ себѣ всякую сволочь», тѣмъ не менѣе въ сущности весьма доволенъ и охотно открываетъ супругѣ свой кошелекъ.

Еще бы! Вѣдь благодаря ея увлеченію онъ избавился отъ

семейныхъ сценъ, онъ не видитъ скучающаго лица любимой жены, онъ не слышитъ ядовитыхъ намековъ о загубленной жизни.

Все это какъ рукой сняло съ тѣхъ поръ, какъ Марья Николаевна посвятила себя дѣламъ благотворенія и въ нихъ, казалось, забыла о неудовлетворенности личной своей жизни. Она стала мягче и ласковѣе съ мужемъ и, повидимому, прощала ему и его шестьдесятъ лѣтъ и его печень, и терпѣливо выслушивала за обѣдомъ жалобы князя на государственныхъ людей.

Вы, вѣроятно, видѣли эту высокую, статную, элегантную женщину съ слегка приподнятой головой, одѣтую почти всегда въ черное, безукоризненно сшитое платье, на благотворительныхъ вечерахъ, гдѣ она является въ качествѣ распорядительницы и всегда о чемъ-то хлопочетъ, отдаетъ приказанія, появляясь то тутъ, то тамъ? Если не видали, то навѣрное знаете княгиню Моравскую по наслышкѣ, какъ объ извѣстной благотворительницѣ. И ужъ во всякомъ случаѣ встрѣчали ея имя въ газетахъ.

Она предсѣдательница кружка «Помогай ближнему!», членъ разныхъ благотворительныхъ обществъ, издательница и авторъ многихъ душеспасительныхъ брошюръ, рекомендующихъ въ горячей вѣрѣ найти забвеніе отъ терній жизни, устроительница всякихъ благотворительныхъ спектаклей, концертовъ, лекцій и базаровъ, и одна изъ самыхъ умѣлыхъ и назойливыхъ опустошительницъ кармановъ своихъ многочисленныхъ знакомыхъ въ различныхъ слояхъ общества.

Стоитъ только быть ей представленнымъ или явиться къ ней по какому-нибудь дѣлу, какъ черезъ минуту-другую у васъ въ рукахъ два-три билета на какое-нибудь зрѣлище съ благотворительной цѣлью. Отдѣлаться отъ княгини такъ же трудно, какъ попасть въ царство небесное. Она нападаетъ внезапно, безъ всякихъ предисловій, и смотритъ на васъ такъ строго и рѣшительно, что нужно обладать большимъ мужествомъ, чтобы немедленно не вынуть бумажника и не заплатить контрибуціи.

Репутація княгини въ свѣтѣ выше всякихъ подозрѣній. Ее даже не злословятъ и только удивляются самоотверженію, съ какимъ она несетъ крестъ свой, имѣя на рукахъ шестидесятилѣтняго мужа. Ее уважаютъ, но не особенно любятъ.

Но какъ бы то ни было, а княгиня высоко держитъ знамя супружескаго долга и женской добродѣтели и, гордая ею, даже не повторяетъ словъ пушкинской Татьяны, такъ какъ никого не любитъ, кромѣ самой себя.

Въ это утро княгиня, проведя послѣ ванны цѣлый часъ въ уборной, гдѣ выпила чашку жидкаго чая съ крошечнымъ сухарикомъ, по обыкновенію, ровно въ девять часовъ вышла въ свой роскошный небольшой кабинетъ, убранный съ тонкимъ вкусомъ и изяществомъ и полный рѣдкихъ художественныхъ вещей.

Свѣжая, цвѣтущая и благоухающая, княгиня была въ черномъ кашемировомъ платьѣ, нѣжная ткань котораго плотно охватывала красивыя формы. Темно-каштановые волосы были гладко зачесаны назадъ и собраны въ коронку, возвышавшуюся надъ головой. Не совсѣмъ правильныя крупныя черты ея лица не лишены были той холодной красоты, которая свѣтитъ, а не грѣетъ. Высокій лобъ, прямой римскій носъ, чуть-чуть приподнятый, съ расширенными ноздрями, румяныя щеки, тонкія, плотно сжатыя губы, большіе темно-сѣрые глаза и надъ ними красивыя дуги густыхъ бровей.

И въ выраженіи этихъ глазъ, и въ складѣ рта, и въ нѣсколько горделивомъ подъемѣ головы, и во всей ея фигурѣ было что-то строгое, холодное и самоувѣренное. Сразу чувствовалось, что эта красивая женщина любитъ себя и свое холеное тѣло, внутренно любуется собой и своимъ видомъ будто говоритъ: «Посмотрите, какая я цвѣтущая, здоровая и добродѣтельная. Чувствуйте это!»

Въ маленькихъ ея ушахъ сверкали брильянтовые кабошоны. На рукахъ колецъ не было, за исключеніемъ обручальнаго. Кольца едва ли бы шли къ ея нѣсколько крупнымъ, почти мужскимъ, бѣлымъ, выхоленнымъ рукамъ съ крѣпкими розоватыми ногтями большихъ, но породистыхъ пальцевъ.

Она подошла къ письменному столу, на которомъ съ поразительною аккуратностью были разставлены разныя письменныя красивыя принадлежности и разложены бумаги и книги, и посмотрѣла въ свою маленькую записную книжку, въ которую княгиня записывала программу дня.

Оказалось, что сегодня во время прогулки ни одного изъ кліентовъ кружка посѣщать не слѣдуетъ. Въ часъ у нея засѣданіе комитета; въ три у нея назначено дѣловое свиданіе, а въ четыре она должна ѣхать хлопотать о концертѣ. Вечеромъ—благотворительный спектакль.

Она посмотрѣла затѣмъ аккуратно собранныя въ папкѣ прошенія для доклада въ сегодняшнее засѣданіе и, взглянувъ на часы, прошла черезъ анфиладу комнатъ на половину мужа. Она всегда ходила здороваться къ нему сама, чтобы мужъ не являлся къ ней и не засиживался у нея, отнимая время.

Низенькій, худой, плѣшивый старикъ-генералъ въ коротенькой тужуркѣ, съ закутанными въ пледъ ногами, сидѣлъ въ большомъ креслѣ въ жарко натопленномъ кабинетѣ и читалъ газету.

При видѣ своей молодой и цвѣтущей жены, съ появленіемъ которой въ комнату какъ будто ворвалось само здоровье, онъ завистливо вздохнулъ и, поднявшись съ кресла, пошелъ къ ней навстрѣчу, стараясь твердо ступать тоненькими ногами и вообще принять молодцеватый видъ.

— Здравствуй, Marie.

И князь почтительно и нѣжно поцѣловалъ руку жены. Она слегка прикоснулась губами къ его холодному желтоватому лбу.

Передъ высокой, крѣпкой, здоровой княгиней тщедушный князь казался какимъ-то карликомъ.

— Добраго утра, Пьеръ. Ну, какъ ты сегодня себя чувствуешь. Кажется, хорошо?—спросила княгиня своимъ низкимъ и густымъ красивымъ контральто.

— Сегодня какъ будто получше... Ревматизмъ не донимаетъ... А тебя и спрашивать нечего... Цвѣтешь, красавица!—прибавилъ нѣжно князь, и взглядъ его маленькихъ тусклыхъ глазъ скользнулъ по роскошному бюсту жены.

— Ну, до свиданія... Иду гулять...

— До свиданія, Marie...

Онъ опять поцѣловалъ женину руку и спросилъ:

— Къ завтраку придешь?

— Разумѣется...

Княгиня облегченно вздохнула, выйдя изъ этой душной, натопленной комнаты,—она не любила жаркихъ комнатъ,—и прошла въ переднюю.

Молодая, чисто одѣтая горничная ужъ ожидала ее тамъ со шляпкой, перчатками и зонтикомъ. Представительный лакей подалъ ей коротенькую жакетку, и княгиня, несмотря на сырость и дождь, пошла «дѣлать моціонъ», направляясь твердой и скорой походкой съ Гагаринской набережной къ Лѣтнему саду.

Передъ уходомъ она взглянула на часы. Было ровно десять.

— Въ половинѣ двѣнадцатаго я вернусь! — сказала она швейцару и прибавила:—Если кому-нибудь меня нужно видѣть, пусть подождетъ.

— Слушаю, ваше сіятельство!—отвѣчалъ швейцаръ.

Княгиня обязательно гуляла ровно полтора часа, ни болѣе ни менѣе, имѣя съ собою подометръ,—и совсѣмъ не по-женски,—была аккуратна, какъ вѣрнѣйшіе часы, и—что еще удивительнѣе—умѣла отдавать приказанія кратко, ясно и точно.

XIV.

Вернулась она слегка вымокшая, зарумяненная и проголодавшаяся.

— Никого не было?

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство!

Перемѣнивъ обувь (калошъ княгиня не носила) и чулки, она присѣла къ письменному столу и принялась просматривать газеты, принесенныя отъ князя и отчеркнутыя краснымъ карандашомъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя почему-либо ему очень нравились или, напротивъ, возбуждали его негодованіе.

Княгиня, впрочемъ, не особенно интересовалась такими мѣстами, находя взгляды мужа слишкомъ ужъ напоминающими времена Іоанна Грознаго, но все-таки ихъ прочитывала, чтобы подавать въ случаѣ разговора реплики.

Часы пробили двѣнадцать.

И съ послѣднимъ ударомъ хорошо вышколенный княгиней лакей доложилъ, что завтракъ поданъ.

Княгиня отложила въ сторону непрочитанныя еще «Times» и «Figaro» и торопливо прошла въ столовую.

Князь уже былъ тамъ въ разстегнутомъ сюртукѣ, подъ которымъ былъ ослѣпительной бѣлизны жилетъ, и не садился въ ожиданіи княгини.

Имъ подали различныя блюда послѣ того, какъ они отвѣдали закуски. Князю—бульонъ, яйца въ смятку и рубленную, разбавленную хлѣбомъ, куриную котлетку съ какимъ-то пюре, а княгинѣ—большой сочный кусокъ филе.

Плотоядный огонекъ блеснулъ въ глазахъ проголодавшейся женщины, когда она, съѣвъ маленькій кусочекъ селедки, заложила салфетку за воротъ платья и положила съ серебрянаго блюда къ себѣ на тарелку филе, поливъ его почти кровянымъ соусомъ.

Она ѣла «корректно», не спѣша, съ видимымъ наслажденіемъ, хорошо прожевывая куски и запивая ихъ глотками чуть-чуть тепловатаго польяка изъ маленькаго стакана, и что-то животное, напоминающее радостнаго звѣря, было въ это время въ красивомъ лицѣ княгини. Глаза оживились; широкія ноздри слегка раздувались.

Она вся, казалось, отдавалась наслажденію ѣды, серьезная и сосредоточенная, и словно бы инстинктивно чувствовала, что въ этомъ кровавомъ нѣжномъ мясѣ, которое она дробитъ своими крѣпкими и крупными бѣлыми зубами, она черпаетъ и свою свѣжесть, и румянецъ, и здоровье.

А генералъ въ эту минуту лѣниво ковырялъ вилкой кот-

летку, поглядывая на жену и завидуя ея аппетиту. Онъ зналъ, что жена не любитъ разговаривать во время ѣды, и молчалъ.

Княгиня окончила мясо и чувствовала, что еще голодна. Но она удержалась отъ соблазна взять кусокъ холодной индѣйки, поданной лакеемъ, и только скушала немножко цвѣтной капусты.

Затѣмъ ей подали крошечную чашку кофе и тутъ же на подносѣ письмо.

Она прочитала письмо и сказала лакею:

— Пусть мальчикъ подождетъ. Когда я кончу завтракать, проведите его въ коридоръ. Что̀, онъ очень грязенъ?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, незамѣтно...

— А одѣтъ какъ, въ лохмотьяхъ?

— Одѣяніе весьма пристойное. Полушубокъ-съ.

— Въ такомъ случаѣ проведите его въ мой кабинетъ!— приказала княгиня.

Она выжидала, пока остынетъ кофе, и генералъ воспользовался этимъ, чтобъ заговорить.

— А ты обратила, Маріе, вниманіе, что̀ дѣлается во Франціи...

— Какъ же, читала...

— Недурная страна равенства и братства... Хе-хе-хе...

Княгиня отмалчивалась.

— Извини, меня тамъ ждутъ,—проговорила она, вставая.

Поднялся и князь.

— Непремѣнно, Маріе, прочти... Это Богъ знаетъ что̀ такое...

— Прочту, будь увѣренъ...

— Тебѣ не нужна будетъ карета?.. Я ѣду сегодня въ совѣтъ.

— Нѣтъ... Я выѣду на дрожкахъ.

И супруги разошлись по своимъ комнатамъ.

Тѣмъ временемъ Антошка, вымытый и причесанный, въ новомъ полушубкѣ и вычищенныхъ сапогахъ, сидѣлъ въ сторонкѣ въ обширной кухнѣ и зоркими, любопытными глазами молчаливо наблюдалъ и повара въ бѣлой курткѣ и колпакѣ, и лакея во фракѣ, и забѣгавшую щеголеватую горничную, и не оставилъ безъ должнаго вниманія длиннаго ряда блестящихъ кастрюль, кастрюлекъ и разныхъ невиданныхъ имъ формъ и мѣдныхъ вещей, разставленныхъ на трехъ полкахъ.

Это обиліе вычищенной на славу мѣдной посуды нѣсколько удивило его, и онъ рѣшилъ, что держать столько безполезныхъ вещей положительно не къ чему. Если бы половину продать, и то было бы за-глаза достаточно.

И пылкое его воображеніе уже оцѣнивало приблизительно стоимость назначеннаго имъ къ продажѣ и на эти деньги, которыя онъ почему-то уже считалъ своей собственностью, покупало теплую шубу «графу», необходимую для такого больного человѣка. А эту ночь бѣдный «графъ» все кашлялъ, кашлялъ и утромъ, снаряжая Антошку къ княгинѣ, часто схватывался за грудь.

Анисья Ивановна поила «графа» малиной и совѣтовала ему посидѣть дома.

Вотъ почему Антошка жалѣлъ «графа», и воображеніе его, увлеченное видомъ безполезныхъ кастрюль, работало въ извѣстномъ направленіи.

Затѣмъ, наблюдая, какъ поваръ безъ церемоніи пробуетъ кушанья, Антошка возымѣлъ желаніе сдѣлаться поваромъ и началъ-было размышлять, сколько княжескій поваръ долженъ получать жалованья (должно-быть, не мало—недаромъ онъ такой толстый!),—какъ вошедшій лакей прервалъ его размышленія и сказалъ:

— Пойдемъ, мальчикъ, къ княгинѣ!.. Да сапоги оботри хорошенько, а то наслѣдишь!

Нѣсколько оробѣвшій Антошка вытеръ насухо сапоги и пошелъ вслѣдъ за лакеемъ, осторожно ступая по паркетнымъ поламъ и коврамъ.

Лакей отворилъ двери кабинета и слегка подтолкнулъ Антошку. Онъ очутился передъ лицомъ княгини.

XV.

Антошка остановился у дверей съ разинутымъ ртомъ отъ изумленія и теребилъ въ рукахъ шапку, нѣсколько смущенный и подавленный при видѣ пушистыхъ ковровъ, картинъ, мебели, обоевъ, разныхъ вещицъ, клѣтки съ попугаемъ, словомъ, всей роскошной обстановки комнаты, въ которой находился.

Никогда въ жизни не видалъ онъ ничего подобнаго и, озираясь съ видомъ ошалѣвшаго дикаря, въ первую минуту не замѣтилъ княгини, сидѣвшей въ дальнемъ углу за письменнымъ столомъ и нѣсколько скрытой трельяжемъ.

— Попка! Попка дуракъ!.. Попочка!

Антошка вздрогнулъ.

Однако, догадавшись скоро, что это кричитъ птица, онъ сосредоточилъ на ней свое вниманіе и улыбнулся.

Княгиня между тѣмъ разсматривала Антошку въ длинный черепаховый лорнетъ съ тѣмъ подозрительнымъ вниманіемъ, съ какимъ обыкновенно смотрятъ благотворители на обращающихся къ нимъ кліентовъ.

Повидимому, она осталась довольна первымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на нее выразительнымъ, блѣднымъ и худымъ лицомъ Антошки, и, отводя лорнетъ, произнесла ободряющимъ, мягкимъ, но въ то же время дѣловымъ тономъ:

— Подойди поближе. Не бойся, мальчикъ!

Антошка только теперь увидалъ княгиню.

Осторожно ступая по ковру, словно у него былъ ларекъ въ рукахъ, и боясь что-нибудь задѣть въ этой, полной мебели и всякихъ диковинныхъ штукъ, комнатѣ, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился въ почтительномъ отдаленіи.

— Еще ближе!—приказала княгиня.

Антошка приблизился къ столу.

Первое впечатлѣніе охватившаго его смущенія уже прошло. Недаромъ же Антошка бо́льшую часть своей жизни проводилъ на улицѣ, обращаясь за копеечками для «бѣднаго сиротки» преимущественно къ хорошо одѣтымъ людямъ, норовя ихъ по возможности «объегорить», какъ выражался онъ самъ въ минуты откровенности.

И Антошка довольно смѣло поднялъ свои умные, бѣгающіе каріе глаза на свѣжее, красивое, выхоленное лицо княгини и, помня наставленіе «графа», не состроилъ плаксивой физіономіи, такъ какъ этого, по обстоятельствамъ, не требовалось.

Повидимому, наружность молодой женщины удовлетворила эстетическое чувство Антошки и вполнѣ соотвѣтствовала его представленію о красотѣ настоящихъ княгинь и о томъ, что онѣ ѣдятъ съ золотыхъ тарелокъ и, разумѣется, до отвала пищу самую хорошую и потому такія гладкія и румяныя.

Но костюмъ княгини, признаться, разочаровалъ его.

Воображенію его представлялось, — да и фотографіи разныхъ важныхъ барынь, выставленныя въ витринахъ, казалось, подтверждали его,—что настоящія княгини и графини обязательно должны быть въ какихъ-нибудь особенныхъ платьяхъ, затканныхъ серебромъ или золотомъ и непремѣнно съ оголенными шеями и руками, украшенными драгоцѣнными каменьями, или по крайней мѣрѣ въ красныхъ, а не то голубыхъ платьяхъ, стоящихъ много денегъ,—а вмѣсто того эта княгиня, въ комнатѣ у которой такъ все красиво и пахнетъ чѣмъ-то пріятнымъ, одѣта вся въ черномъ, точно монашка.

Только горѣвшіе въ ея ушахъ крупные брильянты указывали, по мнѣнію Антошки, на отличіе ея отъ обыкновенныхъ барынь, которыхъ онъ видалъ на улицахъ. Да и у многихъ изъ нихъ были такіе же камешки.

«Скупая, должно-быть. Жалѣетъ одёжи!»—рѣшилъ Антошка.

— Какъ тебя зовутъ, мальчикъ?

— Антошка, ваше сіятельство! — довольно бойко отвѣчалъ Антошка.

Онъ съ особеннымъ, свойственнымъ мелкимъ торгашамъ, щегольскимъ мастерствомъ произнесъ титулъ, которымъ съ расточительною щедростью награждалъ, не справляясь въ департаментѣ герольдіи, лицъ, покупавшихъ у него на улицѣ спички, бумагу и конверты.

— А твоя фамилія?

Антошка опѣшилъ. Онъ не зналъ, какъ его фамилія, и никогда не интересовался знать, есть ли у него она и вообще нужна ли ему такая роскошь.

— Меня всѣ Антошкой зовутъ, ваше сіятельство!

— Однако должна же у тебя быть фамилія?

— Въ документѣ, который графъ отобралъ у дяденьки, вѣрно, обозначена фамилія.

«Графъ» и «дяденька» рѣшительно ничего не объяснили княгинѣ и только усложнили дѣло допроса, вызвавъ на лицѣ княгини выраженіе нѣкотораго недоумѣнія.

— Такъ ты не знаешь, какъ твоя фамилія?

— Не знаю,—отвѣчалъ Антошка, нѣсколько сконфуженный, что на первыхъ же порахъ далъ маху и не догадался сочинить фамилію, которая, судя по словамъ княгини, должна была быть и у него.

— Кто твои родители?

— У меня нѣтъ родителей, ваше сіятельство!

— То-есть умерли?

— Богъ ихъ знаетъ. Надо полагать, что умерли.

— И матери не помнишь?

— Не помню.

— У кого же ты жилъ до сихъ поръ?

— У Ивана Захарыча...

— Кто онъ такой... Твой родственникъ?

— Назывался дяденькой, только онъ не дяденька, а чужой... Я у него въ нищенкахъ работалъ, а потомъ съ ларькомъ ходилъ... У него много дѣтей живетъ въ нищенкахъ... На него сбираютъ... Этимъ онъ и живетъ.

Антошка рѣшительно заинтересовалъ княгиню, открывая ей Америку. Она, ретивая благотворительница, и не знала, что въ Петербургѣ существуетъ такой безнравственный промыселъ.

— Гдѣ живетъ этотъ Иванъ Захаровичъ?

Антошка сказалъ адресъ. Княгиня записала его въ записную книжку и продолжала допросъ:

— А теперь ты гдѣ живешь?

— У графа...

— У какого графа?—удивилась княгиня и въ то же время подумала, что ея несчастный кузенъ обманулъ ее, написавши, что мальчикъ находится у него.

— То-есть они не графы, а только ихъ такъ прозываютъ... А по-настоящему ихъ зовутъ Александръ Иванычъ Опольевъ... Они, можно сказать, меня и спасли отъ Ивана Захарыча, какъ я отъ него убѣжалъ... Они мой документъ у него отобрали и пріютили меня...

— А ты отчего убѣжалъ отъ этого Ивана Захарыча?

— Шибко билъ... Ремнемъ билъ...

— Тебя только билъ?

— Меня еще рѣже, а другихъ ребятъ и не дай Богъ какъ хлесталъ, ваше сіятельство... Особенно маленькихъ...

— За что же онъ наказывалъ?

— Главное, за выручку.

— Какъ за выручку?

— Если кто, значитъ, мало соберетъ милостыньки. А — извольте разсудить, ваше сіятельство—ежели въ дурную погоду да въ рваной одёжъ, какая тутъ выручка? Тутъ дай Богъ не заколѣть отъ холода, а не то что выручка... А онъ этого не разбиралъ... Все больше жена его, подлая, настраивала. Озвѣрѣетъ, и давай ремнемъ...

— Какой ужасъ! — проронила княгиня. — И дѣти никому не жаловались?

— Кому жаловаться? Онъ застращивалъ. «Вы, говоритъ, у меня проданные, я, говоритъ, что хочу, то съ вами и дѣлаю!..» Дай Богъ здоровья графу, это онъ объяснилъ, что мы не проданные... Я и убѣжалъ отъ этого дьявола, ваше сіятельство!

Положительно Антошка являлся въ нѣкоторомъ родѣ интереснымъ героемъ въ глазахъ княгини. Его разсказъ можетъ дать благодарную тему для сегодняшняго засѣданія комитета.

И она сказала Антошкѣ:

— Разскажи мнѣ подробно и по чистой правдѣ, за что именно тебя наказали и какъ ты убѣжалъ... И почему именно къ «графу»... Ты гдѣ съ нимъ познакомился?

— На улицѣ... Они тоже работали...

— Какъ «работали»?

— Сбирали, значитъ... Только больше по вечерамъ...

«До чего упалъ!»—подумала княгиня и проговорила:

— Такъ разсказывай же, какъ это все случилось...

Съ этими словами княгиня придвинула записную книжку

и карандашъ, чтобы отмѣтить существенныя показанія Антошки и не забыть ихъ при докладѣ.

Она всегда, допрашивая кліентовъ съ искусствомъ и настойчивостью хорошаго судебнаго слѣдователя, записывала даваемыя ей свѣдѣнія и затѣмъ наводила болѣе или менѣе точныя справки о просителяхъ, считая возможнымъ и полезнымъ оказывать помощь только болѣе или менѣе добропорядочнымъ нищимъ, то-есть такимъ, которые, ради подачки, не лгутъ наглѣйшимъ образомъ.

Эта система помощи, возведенная въ принципъ, строго проводилась въ обществѣ «Помогай ближнему!», предсѣдательницей котораго была княгиня, и потому, вѣроятно, многіе его кліенты запасались самыми доброкачественными свидѣтельствами, фабриковавшимися умѣлыми людьми, о разныхъ болѣе или менѣе правдоподобныхъ злоключеніяхъ и несчастіяхъ.

Польщенный вниманіемъ, оказаннымъ его особѣ настоящей княгиней, Антошка не безъ повѣствовательнаго таланта разсказалъ о непосредственной причинѣ своего бѣгства, предпославъ эпизодъ съ двугривеннымъ, даннымъ доброй барыней, и не злоупотребилъ вниманіемъ своей слушательницы подробностями выдержанной имъ порки. Подчеркнувъ затѣмъ съ похвальною, впрочемъ, скромностью подвиги, оказанные имъ самимъ въ этотъ достопамятный вечеръ, онъ съ художественною краткостью и силою расписалъ «дяденьку» и «рыжую вѣдьму» и съ горячимъ чувствомъ признательнаго сердца разсказалъ про гостепріимство добраго «графа».

— Кабы не графъ, пропасть бы мнѣ, какъ собакѣ, ваше сіятельство!—заключилъ Антошка свой разсказъ.

И съ этими словами вытеръ рукавомъ обильно струившійся по лицу потъ, такъ какъ продолжительное пребываніе въ теплой комнатѣ, да еще въ полушубкѣ, давало-таки себя знать.

Княгиня записала показанія Антошки и, когда онъ кончилъ, подняла на него испытующій взглядъ.

Довольно приличный, относительно, костюмъ Антошки возбудилъ вдругъ въ ней подозрительныя мысли и словно бы бросалъ тѣнь на правдивость разсказа. Вѣдь ей разсказываютъ такъ много невѣроятныхъ вещей!

И она спросила:

— Ты не лжешь, мальчикъ?

— Убей меня Богъ, ваше сіятельство.

— Не клянись всуе... Это нехорошо,—строго остановила Антошку княгиня и продолжала:—Тебя не научилъ разсказать всю эту исторію твой графъ?

— Они приказывали правду говорить и ничему не научали.

Графъ ничему дурному не научитъ! — горячо заступился за «графа» Антошка, чуя въ словахъ княгини, что «графа» подозрѣваютъ въ чемъ-то нехорошемъ.

— Ты разсказывалъ, что убѣжалъ отъ этого Ивана Захаровича въ лѣтнемъ пальто и въ башмакахъ...

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— Такъ объясни мнѣ, пожалуйста: откуда у тебя и полушубокъ и сапоги, а? Гдѣ ты ихъ досталъ?—допрашивала княгиня, продолжая смотрѣть въ глаза Антошки и ожидая, что мальчикъ смутится.

Но Антошка нисколько не смутился и отвѣтилъ:

— Все это мнѣ графъ справили.

— Графъ? — усмѣхнулась княгиня. — Но твой благодѣтель самъ нищій... На какія же деньги онъ могъ тебя одѣть?.. Это что-то неправдоподобно!—говорила княгиня, которая дѣйствительно не могла понять, что этотъ несчастный пропойца и нищій, какимъ былъ ея кузенъ, могъ не только сердечно отнестись къ другому нищему, но еще и одѣть его.

Тогда Антошка разсказалъ про письма, которыя «графъ» разносилъ, и про двадцать пять рублей, полученные отъ какой-то «сродственницы». Изъ этихъ денегъ графъ и сдѣлалъ полную обмундировку. Все справилъ: и рубахи, и пиджакъ, и сапоги, и полушубокъ...

— Вотъ какой графъ, ваше сіятельство!—произнесъ дрогнувшимъ голосомъ Антошка. — Какъ отецъ родной... И я за графа, кажется, что̀ угодно приму... Меня-то одѣли и обули въ самомъ лучшемъ видѣ, а самъ-то графъ, ваше сіятельство, въ зябкомъ пальтецѣ ходятъ... Наскрозь продуваетъ... Хучь бы воротникъ мѣховой какой, и того нѣтъ... А между тѣмъ больны... Кашляютъ страсть!—говорилъ со страстностью адвоката Антошка, имѣя заднюю мысль порадѣть въ пользу своего друга. Быть-можетъ, княгиня, узнавъ положеніе родственника, справитъ графу шубу.

Рѣчь Антошки дышала такой правдой, что даже и пессимистическая княгиня повѣрила, что Антошка не разсказываетъ заранѣе сочиненной исторіи. И княгинѣ какъ будто стало неловко за свои подозрѣнія на своего «пропавшаго» кузена. Она прежде его знала, и онъ ей когда-то даже нравился.

И княгиня, значительно смягчившись, спросила:

— Такъ твой графъ боленъ?

— Грудью, должно-быть, больны...

— Пьетъ, видно?..

— И вовсе не пьютъ, ваше сіятельство! — рѣшительно отвѣчалъ Антошка.

Княгиня недовѣрчиво усмѣхнулась.

Затѣмъ она задала Антошкѣ еще нѣсколько вопросовъ относительно помѣщенія и пищи у Ивана Захаровича и, получивъ обстоятельные отвѣты, занесла ихъ въ записную книжку.

Какъ ни лестно было Антошкѣ находиться въ гостяхъ у княгини, тѣмъ не менѣе визитъ этотъ начиналъ казаться ему нѣсколько продолжительнымъ. Было дьявольски-жарко и очень хотѣлось ѣсть.

И Антошка разсчитывалъ, что княгиня тотчасъ же прикажетъ выдать графу на шубу, а ему, Антошкѣ, тоже отвалитъ по крайней мѣрѣ рубль и отпуститъ его домой.

Но надежды Антошки не оправдались.

Княгиня нѣсколько времени молчала, погруженная, казалось, въ какія-то размышленія, и наконецъ обратилась къ Антошкѣ съ вопросомъ:

— Тебѣ сколько лѣтъ?..

— Пятнадцатый...

— Грамотѣ, конечно, не знаешь?

— Немножко, самоучкой, ваше сіятельство.

— А въ церковь ходишь?..

— Нѣтъ, ваше сіятельство...

Княгиня строго покачала головой и что-то черкнула въ книжкѣ.

— Но по крайней мѣрѣ дома молишься каждый день?

Антошка, имѣвшій довольно смутныя понятія и о религіи и о религіозныхъ обязанностяхъ, обыкновенно прибѣгалъ къ помощи Господа Бога въ экстренныхъ случаяхъ, преимущественно тогда, когда выручка была плоха и ему грозила, по его соображеніямъ, порка. Въ такіе моменты Антошка съ страстной горячностью молился Богу, сочиняя самъ молитвы, приноровленныя исключительно къ обстоятельствамъ дѣла. Онъ просилъ Всемогущаго, чтобы Онъ послалъ ему хорошую выручку или чтобы запретилъ подлому чорту-дяденькѣ наказывать его ремнемъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда молитвы его не бывали услышаны и Антошка возвращался изъ комнаты «дяденьки» съ исполосованной спиной, — онъ обращался къ Господу Богу съ молитвами уже самаго не-христіанскаго характера, а именно: просилъ, чтобы дяденьку разразило на мѣстѣ, а «рыжую вѣдьму» взяли черти.

Затѣмъ онъ часто упоминалъ имя Божіе и особенно Христа Спасителя во время нищенства, а во время своей торговой дѣятельности клялся и божился, призывая Господа Бога въ доказательство доброкачественности и дешевизны спичекъ.

конвертовъ и бумаги,—съ расточительностью воистину грѣховной.

Таково было религіозное поведеніе Антошки.

И потому, когда княгиня задала ему послѣдній вопросъ, онъ, рѣшительно не знавшій, что молиться слѣдуетъ каждый день, а не тогда только, когда грозитъ встрепка, — добросовѣстно сознался, что каждый день не молится.

И, сознавшись, тотчасъ же раскаялся, что не совралъ, такъ какъ опять увидѣлъ, какъ неодобрительно княгиня покачала головой и снова черкнула что-то въ своей книжкѣ...

Рѣшительно конецъ визита подгадилъ все.

«Теперь тю-тю и графская шуба и рубль!»—подумалъ Антошка, прозрѣвая, какъ опытный наблюдатель, въ серьезномъ выраженіи красиваго лица княгини, и особенно въ ея глазахъ, большихъ, строгихъ, темно-сѣрыхъ глазахъ, что-то недовольное и малообѣщающее.

— Ты знаешь какую-нибудь молитву?

Увы! Антошка не зналъ ни одной молитвы, кромѣ вдохновенныхъ молитвъ собственнаго сочиненія.

Соврать было рѣшительно невозможно. Эта «занозистая княгиня», какъ уже мысленно окрестилъ ее Антошка, сейчасъ же поймаетъ.

И Антошка, испытывая чувство подавленности и нѣкотораго раздраженія, далеко безъ прежней развязности проговорилъ:

— Не знаю.

Снова зачиркалъ карандашъ. И опять вопросъ:

— И «Отче нашъ» не знаешь?

— Не знаю!—угрюмо, опуская на коверъ глаза, прошепталъ Антошка.

— Бѣдный мальчикъ! — промолвила княгиня, отмѣтивъ въ книжкѣ, что Антошка не знаетъ даже «Отче нашъ».

Но это восклицаніе не пріободрило Антошку и только отозвалось въ его ушахъ, но не проникло въ сердце.

Снова наступило молчаніе.

Антошка съ удовольствіемъ готовъ былъ бы дать тягу, значительно разочаровавшись въ настоящихъ княгиняхъ, которыя, вмѣсто того, чтобы дать мальчику на бѣдность и приказать его накормить, нудятъ его допросами, не принимая въ соображеніе, что онъ задыхается отъ жары.

«Нечего сказать, княгиня!»

То-то онъ разскажетъ «графу», какъ она донимала. И что за бѣда, что онъ не знаетъ молитвъ. Онъ можетъ ихъ выучить, если на то пошло!

— Я подумаю, что для тебя можно сдѣлать, мальчикъ!— проговорила наконецъ княгиня и пожала пуговку электрическаго звонка.

Явился лакей.

— Проводите мальчика на кухню. Пусть онъ тамъ подождетъ. Что, все приготовлено въ залѣ?

— Все готово, ваше сіятельство!

— Ступай, мальчикъ, посиди. Ты еще будешь мнѣ нуженъ.

Антошка вышелъ, нѣсколько недоумѣвающій.

«Что еще съ нимъ будутъ дѣлать? Неужели опять нудить допросами? Въ такомъ случаѣ хоть бы дали поѣсть!»—подумалъ Антошка, чувствуя дьявольскій аппетитъ, особенно усилившійся на кухнѣ, гдѣ пахло чѣмъ-то вкуснымъ.

Но княгиня, скорбѣвшая о мальчикѣ, не знавшемъ даже «Отче нашъ», и рѣшившая сегодня же въ засѣданіи поднять вопросъ о томъ, какъ его устроить, не подумала, что мальчикъ, можетъ-быть, голоденъ, и не приказала накормить Антошку.

XVI.

Въ часъ начали собираться члены комитета Общества «Помогай ближнему!».

Въ ожиданіи начала засѣданія въ кабинетѣ княгини шла обычная болтовня: передавали новости, говорили о погодѣ, о только-что назначенномъ новомъ министрѣ, о послѣднемъ судебномъ дѣлѣ, интересовавшемъ Петербургъ.

Собравшіяся дамы-благотворительницы принадлежали къ разнымъ кружкамъ петербургскаго общества: было нѣсколько свѣтскихъ дамъ, двѣ-три принадлежащія къ среднему кругу, одна женщина-врачъ и некрасивая, немолодая, сухощавая дѣвица—купчиха-милліонерка, извѣстная своею щедрою благотворительностью.

Во второмъ часу княгиня попросила гостей перейти въ залу. Почти всѣ собрались, только адмиральша Андрусова, по обыкновенію, опоздала—вѣрно, скоро пріѣдетъ.

Всѣ усѣлись вокругъ большого стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, на которомъ были разложены листы бѣлой бумаги, очиненные карандаши и экземпляры послѣдняго отчета.

На концѣ стола, передъ кресломъ предсѣдательницы, рядомъ съ большой чернильницей и перьями лежали папки съ бумагами и красовался звонокъ.

— Открываю засѣданіе! — произнесла княгиня, опускаясь въ кресло.

По обѣ ея стороны усѣлись единственные два мужчины,

бывшіе среди присутствовавшихъ девяти дамъ: казначей общества, Артемій Ильичъ Пушниковъ, извѣстный петербургскій коммерсантъ и богачъ, пожилой, сухощавый господинъ съ бритымъ лицомъ, смахивающій на англичанина, и секретарь, г. Цвѣтковскій, молодой блондинъ изъ лицеистовъ съ пріятнымъ, нѣсколько женоподобнымъ лицомъ, мягкими, изящными манерами и почтительно-нѣжнымъ взглядомъ красивыхъ голубыхъ глазъ,—словомъ, съ тою наружностью, которая словно бы присуща секретарямъ дамскихъ благотворительныхъ обществъ.

Корректный, элегантно одѣтый, коротко остриженный, съ бородкой à la Henri IV, чистенькій и аккуратный, онъ и имя имѣлъ вполнѣ соотвѣтствующее положенію: Евгеній Аркадьевичъ.

Сынъ небогатыхъ родителей, онъ служилъ въ одномъ изъ департаментовъ и подавалъ надежды, а досуги свои посвящалъ обществу «Помогай ближнему!», работая въ немъ усердно и добросовѣстно и нѣсколько побаиваясь строгой предсѣдательницы, которая вникала во всѣ дѣла и, энергичная, дѣятельная и до щепетильности аккуратная сама, требовала и отъ другихъ добросовѣстнаго исполненія принятыхъ на себя обязанностей.

— Не угодно ли, Евгеній Аркадьевичъ, прочитать протоколъ прошлаго засѣданія?

Цвѣтковскій поднялся съ кресла и пріятнымъ, слегка пѣвучимъ баритономъ сталъ читать протоколъ о разрѣшенныхъ разнымъ лицамъ пособіяхъ, о назначеніи пенсій, о наведеніи справокъ, объ отказахъ по тѣмъ или другимъ причинамъ, объ устройствѣ благотворительнаго концерта и т. п.

Чтеніе заняло минутъ пять времени.

— Угодно принять протоколъ?—спросила княгиня.

Никто не возражалъ.

Секретарь положилъ протоколъ передъ предсѣдательницей. Она подписала его, и затѣмъ всѣ стали подписывать, передавая протоколъ другъ другу, пока онъ не вернулся къ секретарю и, имъ подписанный, бережно и аккуратно былъ вложенъ въ портфель.

— Вы готовы, Евгеній Аркадьичъ?

— Готовъ, княгиня! — отвѣчалъ секретарь, кладя передъ собой чистый листъ бумаги и вооружаясь перомъ.

— Не угодно ли прослушать справки о лицахъ, обращавшихся съ просьбами о пособіи въ прошлое засѣданіе. Лидія Семеновна... Вамъ первой... О вдовѣ рядового Камчатскаго пѣхотнаго полка, Пелагеѣ Устиновой... прачкѣ, — говорила

княгиня привычнымъ, дѣловымъ тономъ, громко и отчетливо, заглядывая въ исписанный листокъ.

Некрасивая пожилая дѣвушка-милліонерка, за громаднымъ состояніемъ которой напрасно охотились одно время молодые и красивые женихи титулованныхъ фамилій, стала давать отчетъ о своемъ посѣщеніи прачки.

Она говорила порывисто и горячо, краснѣя, торопясь и заикаясь и оттого, что конфузилась говорить на собраніяхъ, хотя была членомъ во многихъ благотворительныхъ обществахъ, и оттого, что сознавала некрасивость своего желтаго, прыщеватаго лица съ подслѣповатыми глазами, и оттого, что на нее были обращены взгляды всѣхъ присутствовавшихъ дамъ, которыя не безъ зависти разглядывали ея простое, но прелестно сшитое платье отъ Ворта и крупные брильянты въ ушахъ.

Она была на прошлой недѣлѣ у Пелагеи Устиновой, на Петербургской сторонѣ. Положеніе ея ужасное. Ей пятьдесятъ пять лѣтъ. Вотъ уже годъ, какъ она не въ состояніи работать и добывать себѣ кусокъ хлѣба. У нея застарѣлый ревматизмъ, и она не встаетъ съ постели. Въ больницу ее не принимаютъ...

— Кажется, хроническихъ больныхъ не принимаютъ въ больницы, Анна Игнатьевна? — обратилась некрасивая милліонерка къ дамѣ, сидѣвшей напротивъ.

Плотная, здоровая и крѣпкая женщина-врачъ, лѣтъ около сорока, въ черномъ шелковомъ платьѣ, съ золотой цѣпочкой отъ часовъ поверхъ лифа, съ тѣмъ твердымъ, увѣреннымъ и даже самодовольнымъ выраженіемъ на своемъ широкомъ, румяномъ лицѣ съ крупными некрасивыми чертами, которое нерѣдко бываетъ у женщинъ, добившихся тяжелымъ, долгимъ трудомъ успѣха въ жизни, — подтвердила предположеніе дѣвушки-милліонерки, замѣтивъ авторитетнымъ тономъ:

— Совершенно вѣрно. Хрониковъ въ больницы не принимаютъ.

— Вотъ и старуха говоритъ, что ее не приняли...

И дѣвушка-милліонерка продолжала перечислять бѣды Пелагеи Устиновой.

Родныхъ у нея здѣсь ни души. Живетъ она въ отвратительномъ углѣ и три мѣсяца не платитъ за квартиру, такъ что бѣдную старуху квартирная хозяйка грозитъ выгнать... Все, что она скопила на черный день, прожито... Все это разсказала старуха... Она вообще производитъ хорошее впечатлѣніе... Ея слова подтвердили и всѣ ея сожители и квартирная хозяйка.

— По моему мнѣнію, ей непремѣнно слѣдуетъ помочь... даже назначить пенсію! — заключила докладчица, деликатно, разумѣется, умолчавъ, что при посѣщеніи старухи она дала ей своихъ пять рублей.

— Мнѣ кажется, самое лучшее намъ помѣстить ее въ богадѣльню!—проговорила княгиня.

Всѣ согласились, что это было бы лучше всего.

— Я говорила ей объ этомъ, но она не хочетъ.

— Отчего не хочетъ?

— Она надѣется поправиться и опять работать!..

Еще бы ей хотѣть въ богадѣльню, этой Пелагеѣ, извѣстной на Петербургской сторонѣ нищей и посѣтительницѣ кабаковъ.

Она, эта охавшая, съ завязаннымъ лицомъ старуха, тотчасъ же по уходѣ дамы-благотворительницы вскочила съ постели, какъ встрепанная, и, добросовѣстно подѣлившись съ сожителями за подтвержденіе ея безшабашнаго вранья, ушла изъ квартиры и вернулась домой мертвецки-пьяная.

Отдавши должную дань трудолюбивымъ порывамъ Пелагеи Устиновой, комитетъ постановилъ: назначить ей по три рубля ежемѣсячнаго пособія на годъ и, если она не поправится, хлопотать о помѣщеніи ея въ богадѣльню. О постановленіи извѣстить просительницу.

Женщина-врачъ, сообщившая о престарѣлой вдовѣ мелкаго чиновника, и г. Цвѣтковскій, доложившій объ одной молодой женщинѣ, брошенной съ четырьмя дѣтьми негодяемъ-мужемъ, были не такъ восторженны въ своихъ рѣчахъ, какъ дѣвушка-милліонерка, и, по всей вѣроятности, менѣе довѣрчивы къ словамъ разнаго бѣднаго люда, который имъ приходилось посѣщать по своимъ обязанностямъ благотворителей. Но такъ какъ и вдова-чиновница и женщина, брошенная мужемъ, безспорно жили въ нищетѣ, то и имъ было назначено временное пособіе по пяти рублей на каждую, при чемъ постановлено было имѣть въ виду брошенную женщину и ея малолѣтнихъ дѣтей.

Затѣмъ княгиня стала докладывать поступившія прошенія.

Ихъ было порядочно, этихъ прошеній, на большихъ и на маленькихъ листахъ бѣлой и сѣрой бумаги, написанныхъ и чувствительнымъ, и строго-дѣловымъ, и патетическимъ, и унизительнымъ, и ругательнымъ слогомъ, и длинныхъ, съ автобіографическими подробными свѣдѣніями и съ изложеніемъ утѣшительныхъ видовъ на будущее, и лаконическихъ въ нѣсколько строчекъ, и наконецъ юмористическихъ, въ которыхъ разная бѣднота, но по преимуществу «престарѣлые капитаны

и поручики», «несчастные благородные дворяне» и «горемычныя вдовы», обремененныя сиротами, взывали къ «добрымъ сердцамъ» и «высокому покровительству» высочайше утвержденнаго общества «Помогай ближнему!».

Княгиня не читала прошеній, особенно длинныхъ и иногда не лишенныхъ глубокаго трагизма, скрытаго въ высокопарныхъ, безграмотныхъ словахъ, а дѣлала извлеченія, выбирая самое существенное.

По нѣсколькимъ прошеніямъ давнишнихъ кліентовъ разрѣшены были выдачи, нѣсколькимъ хорошо извѣстнымъ пьяницамъ было отказано, а по остальнымъ рѣшено собрать свѣдѣнія...

Доложивъ послѣднее прошеніе, княгиня проговорила:

— Теперь позвольте обратить ваше вниманіе на одно изъ тѣхъ ужасающихъ золъ, которыя, къ стыду нашему, творятся въ Петербургѣ... Я сегодня, сейчасъ объ этомъ узнала, и совершенно случайно. Знаете ли вы, что въ Петербургѣ существуетъ особый промыселъ: брать несчастныхъ дѣтей и посылать ихъ, рваныхъ и плохо обутыхъ, просить милостыню на улицахъ. Мы всѣ, конечно, видѣли такихъ дѣтей, но едва ли кому-нибудь изъ насъ могла придти въ голову чудовищная мысль, что эти дѣти — жертвы чужой организованной эксплоатаціи...

Вслѣдъ за такимъ эффектнымъ началомъ княгиня, со свойственною ей умѣлостью, передала факты, сообщенные ей Антошкой о заведеніи Ивана Захаровича, объ истязаніи дѣтей, объ ихъ одеждѣ, помѣщеніи, пищѣ.

Для огромнаго большинства благотворительныхъ дамъ сообщеніе княгини было невѣроятнымъ открытіемъ.

Всѣ возмутились.

— Неужели, милая княгиня, такіе ужасы существуютъ? — воскликнула одна изъ свѣтскихъ благотворительницъ, молодая элегантная дама.

— Вѣдь это что-то чудовищное!—воскликнула другая.

— И чего смотритъ полиція! — строго замѣтила пожилая супруга какого-то виднаго чиновника.

— Вы, княгиня, открываете одно изъ возмутительнѣйшихъ явленій!—вставилъ, въ видѣ комплимента, секретарь.

Весьма довольная, что ей пришлось открыть это возмутительное явленіе и познакомить съ нимъ своихъ коллегъ, княгиня продолжала:

— У меня находится одна изъ такихъ жертвъ—мальчикъ, который бѣжалъ изъ заведенія нищихъ дѣтей послѣ того, какъ его истязали. Онъ нашелъ пристанище у одного со-

страдательнаго нищаго, человѣка, когда-то принадлежавшаго обществу и окончательно павшаго... Этотъ отверженецъ — можете себѣ представить?—принялъ горячее участіе въ мальчикѣ, кое-какъ одѣлъ его, обратившись за подачками къ своимъ родственникамъ, и прислалъ его ко мнѣ съ просьбой что-нибудь сдѣлать для него... Этотъ мальчикъ и разсказалъ мнѣ все... Его исторія—необыкновенно печальная... Онъ сирота... Не зналъ ни отца ни матери... и «работалъ», какъ онъ выражается, то-есть собиралъ милостыню для этого изверга, какого-то отставного солдата... Мальчикъ производитъ хорошее впечатлѣніе, но вообразите, въ какой обстановкѣ онъ росъ?.. Онъ не знаетъ даже своей фамиліи... Только одно имя! А ему пятнадцатый годъ!

Открытіе мальчика, «не знающаго своей фамиліи», вызываетъ общій взрывъ удивленія.

Снова раздаются восклицанія:

— Не знаетъ своей фамиліи!

— Несчастный мальчикъ!

— Это дикарь какой-то!

Только женщина-врачъ не выражала удивленія, и въ глазахъ ея мелькала едва замѣтная улыбка. Ее подмывало даже объявить во всеуслышаніе, что въ сообщенномъ фактѣ нѣтъ ничего особенно удивительнаго, и въ доказательство привести кое-какія данныя о положеніи дѣтей бѣдныхъ хотя бы въ Англіи.

Но Анна Игнатьевна вспомнила, что получила мѣсто въ институтѣ благодаря княгинѣ, и, несмотря на желаніе блеснуть эрудиціей, дипломатически промолчала, хорошо сознавая, что омрачить это наивное удивленіе малосвѣдущихъ дамъ и въ особенности княгини — было бы для нихъ непріятно.

«Пусть себѣ удивляются тому, что всякому интеллигентному человѣку хорошо извѣстно! На то онѣ и свѣтскія барыни!»— высокомѣрно подумала Анна Игнатьевна, питавшая въ то же время нѣкоторое завистливое удивленіе къ этимъ свѣтскимъ барынямъ за ихъ манеры и умѣнье одѣваться.

Но еще большее впечатлѣніе, чѣмъ незнаніе фамиліи, произвели на собраніе слова княгини:

— Мало того... Этотъ мальчикъ никогда не бывалъ въ церкви и никогда не молился... Онъ даже не знаетъ «Отче нашъ»!

Послѣ нѣсколькихъ секундъ изумленнаго молчанія нѣсколько дамъ сразу заговорили о томъ, что надо принять мѣры противъ такихъ чудовищныхъ явленій... Необходимо

указать полиціи. Вѣроятно, въ Петербургѣ не одно такое заведеніе, въ которомъ вырастаютъ подобныя дѣти... Что ждетъ ихъ въ будущемъ?.. Обществу «Помогай ближнему!» слѣдуетъ придти имъ на помощь... Это его святая обязанность... Не правда ли, княгиня?

Княгиня, твердо соблюдавшая порядокъ, позвонила въ колокольчикъ.

Наступило молчаніе.

— Я не имѣю повода сомнѣваться въ правдивости показаній мальчика,—заговорила княгиня:—но во всякомъ случаѣ прежде всего надо навести справки... Если комитету будетъ угодно, я возьму это на себя... Разрѣшаетъ комитетъ?

Всѣ изъявили согласіе.

Кто-жъ это лучше сдѣлаетъ, какъ не княгиня?

— Если свѣдѣнія, сообщенныя мальчикомъ, подтвердятся, я сама поѣду просить кого слѣдуетъ о томъ, чтобы обратили вниманіе на эту безжалостную эксплоатацію дѣтей... и затѣмъ доложу комитету... Занесите это въ протоколъ, Евгеній Аркадьевичъ!

— Я записалъ, княгиня...

— А я тогда скажу Петру Петровичу... Хотите, княгиня?— спросила молодая элегантная барыня.

— Отлично... Онъ, конечно, распорядится, чтобы этого не было.

— Конечно, онъ ничего и не знаетъ о бѣдныхъ дѣтяхъ! — промолвила пожилая супруга важнаго чиновника.

— Что же касается мальчика, то я предложила бы комитету помѣстить его въ нашъ пріютъ... У насъ вѣдь есть, кажется, одна вакансія въ пріютѣ, Евгеній Аркадьевичъ?

— Есть, княгиня...

— Угодно комитету разрѣшить помѣстить мальчика въ пріютъ?

Никто не имѣлъ ничего противъ.

— Оставлять его на попеченіи того лица, у котораго онъ находится, было бы гибельно для мальчика и для всей его будущности... А мальчикъ очень способный... Быть-можетъ, комитету угодно видѣть будущаго нашего питомца и отъ него самого услышать его печальную эпопею?

Это предложеніе было принято съ большимъ удовольствіемъ. Всѣмъ любопытно было первый разъ въ жизни взглянуть на маленькаго несчастнаго дикаря, не знающаго своей фамиліи и не знающаго «Отче нашъ»!

XVII.

Благодаря сердобольной молодой судомойкѣ, догадавшейся предложить голодному Антошкѣ стаканъ кофе съ большимъ

кускомъ ситника, мальчикъ заморилъ червяка и, снявши полушубокъ, уже съ меньшею подавленностью духа сидѣлъ въ сторонкѣ на кухнѣ и снова любопытно наблюдалъ и за поваромъ и за другой прислугой, прислушиваясь къ ихъ разговорамъ. Довольно ѣдкія замѣчанія насчетъ княгини только подтвердили предположеніе Антошки, что она «занозистая», и что ее всѣ слуги въ домѣ боятся.

Прошелъ долгій часъ, и Антошка рѣшился обратиться къ лакею, водившему его въ кабинетъ княгини, съ вопросомъ:

— Позвольте узнать: долго мнѣ еще дожидаться?

Слова эти были сказаны такимъ почтительнымъ тономъ, что Антошка сразу расположилъ къ себѣ великолѣпнаго лакея съ роскошными бакенбардами.

— Теперь, должно-быть, недолго... Комитетъ скоро кончится!—снисходительно проговорилъ онъ.

Антошка видимо не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о комитетѣ, и лакей ему пояснилъ:

— Господа, значитъ, собрались къ княгинѣ, ну, и разсуждаютъ о такихъ же бѣдныхъ субъектахъ, какъ ты.. И твое дѣло обсудятъ, какъ слѣдуетъ. Не бойся, и тебѣ выйдетъ какая-нибудь резолюція... Сиди, пока не потребуютъ!

Антошка, рѣшительно не подозрѣвавшій о существованіи благотворительныхъ обществъ и въ теченіе своей, воистину каторжной жизни у «дяденьки» ни разу не испытавшій ихъ благодѣяній, былъ порядочно-таки удивленъ, что господа собираются для разговоровъ о бѣдныхъ субъектахъ (слово это онъ почему-то счелъ ругательнымъ и вообще презрительнымъ по отношенію къ бѣднымъ), и въ особенности тѣмъ, что господа обсуждаютъ—если только лакей не вретъ—и его какое-то дѣло.

По его мнѣнію, это ужъ совершенно лишнее. Что тутъ обсуждать? Гораздо проще, казалось бы, богачкѣ-княгинѣ, не спрашивая ничьихъ совѣтовъ, дать ему рубль и послать въ конвертѣ графу красненькую: «купите, молъ, себѣ теплый воротникъ», и дѣло съ концомъ! А то изъ-за такихъ пустяковъ собираться и разсуждать, заставляя человѣка зря дожидаться,—это Антошка находилъ невѣроятнымъ и «довольно даже глупымъ».

И онъ подумалъ, что, вѣрно, княгиня забыла про него, а лакей вретъ и смѣется надъ нимъ, расчесанная шельма!

«Знаю я ихъ, подлецовъ. Они любятъ издѣвку!»—рѣшилъ про себя Антошка, испытавшій не разъ во время лѣтнихъ экскурсій по дачамъ съ ларькомъ лакейскія каверзы.

Однако онъ не выразилъ на своемъ лицѣ подозрѣнія и сдѣлалъ видъ, что вполнѣ повѣрилъ словамъ лакея.

«Пусть себѣ думаетъ, что надулъ!»

Но когда наконецъ этотъ же самый лакей торопливо вошелъ на кухню съ приказаніемъ Антошкѣ идти за нимъ и, разрѣшивъ Антошкѣ остаться въ блузѣ, ввелъ его въ большую залу, Антошка, увидавъ сидѣвшихъ за столомъ лицъ, убѣдился, что лакей былъ правъ.

«Вѣрно, все княгини и князья!»—подумалъ онъ и, оставленный лакеемъ у двери, поглядывалъ на «княгинь» безъ особеннаго смущенія и страха, имѣя уже случай изъ продолжительнаго свиданія съ самой настоящей княгиней убѣдиться. что страшнаго въ нихъ рѣшительно ничего нѣтъ. Это не то что «дяденька», «рыжая вѣдьма» или озвѣрѣвшій «фараонъ»!

Онъ замѣтилъ, что княгиня что-то сказала щуплому барину, сидѣвшему около нея, и тотъ направился къ нему.

«Видно, объявка будетъ!»

Но вмѣсто того «щуплый», какъ обозначилъ Антошка молодого секретаря, довольно осторожно взялъ своими двумя бѣлыми и длинными пальцами за рукавъ Антошкиной блузы и, проговоривъ: «идемъ, мальчикъ!». не безъ нѣкоторой торжественности провелъ Антошку черезъ залу и поставилъ его у кресла предсѣдательницы, лицомъ къ столу, такъ, что всѣ господа члены комитета общества «Помогай ближнему!» могли отлично разсмотрѣть такую диковину, какъ мальчикъ, прокусившій ногу своего мучителя и—что еще необыкновеннѣе!—не знающій ни своей фамиліи ни «Отче нашъ».

Зрители, устремившіе любопытные взоры на Антошку, были, повидимому, нѣсколько разочарованы въ своихъ ожиданіяхъ увидѣть передъ собою маленькаго дикаря, грязнаго, съ всклокоченными волосами. или что-нибудь въ подобномъ родѣ.

Вмѣсто того, передъ ними мальчикъ какъ мальчикъ, даже довольно приличный и чистый и совсѣмъ не имѣющій того забитаго вида, который, казалось бы, долженъ имѣть послѣ всѣхъ своихъ злоключеній. Напротивъ! Въ этой маленькой, тщедушной фигуркѣ и особенно въ выраженіи его глазъ было что-то слишкомъ смѣлое и вызывающее для мальчика въ его положеніи и совсѣмъ непривычное въ кліентахъ, съ которыми благотворительныя дамы имѣли дѣло.

Однако онѣ нашли (о чемъ нѣкоторыя и перекинулись французскими фразами), что мальчикъ недуренъ собою, но только, бѣдняжка, блѣденъ, и, хотя разочарованныя, все-таки не отказали ему въ нѣкоторомъ сочувственномъ сожалѣніи.

Нѣсколько иначе отнеслись къ нему мужчины: казначей, господинъ Пушниковъ, подумалъ, что Антошка долженъ быть

продувная бестія, и что слѣдовательно изъ него со временемъ можетъ выйти человѣкъ, а секретарь Евгеній Аркадьевичъ былъ даже нѣсколько шокированъ и не совсѣмъ, по его мнѣнію, почтительною позой Антошки и недостаточнымъ, такъ сказать, проникновеніемъ чувствомъ благоговѣнія и благодарности, которое долженъ бы испытывать этотъ нищенка и бродяжка, имѣя счастье находиться передъ такимъ собраніемъ.

Во всякомъ случаѣ Антошка не оправдалъ ожиданій, и княгиня это тотчасъ же замѣтила.

И, чтобы возбудить интересъ къ открытому ею интересному мальчику, она сказала:

— Ну, мальчикъ, разскажи намъ, что̀ ты терпѣлъ у своего Ивана Захаровича и какъ ты отъ него убѣжалъ... Разсказывай, какъ знаешь... Не бойся... Здѣсь все твои доброжелатели...

Антошка удивился, что это интересуетъ княгиню настолько, что она во второй разъ заставляетъ его разсказывать, да еще не съ-глаза-на-глазъ, а при другихъ.

Однако дѣлать было нечего. Антошка откашлялся и повторилъ свой разсказъ съ нѣкоторыми, впрочемъ, сокращеніями.

Тѣмъ не менѣе успѣхъ Антошки, какъ лектора, былъ несомнѣнный, и когда, вслѣдъ за сообщеніемъ Антошки, засѣданіе было закрыто, то многія дамы передъ уходомъ подходили къ Антошкѣ и выражали ему въ болѣе или менѣе теплыхъ словахъ участіе. Его называли «бѣднымъ мальчикомъ», его трепали по щекѣ лайковыми и шведскими перчатками. Его утѣшали, что теперь положеніе его совсѣмъ измѣнится, и онъ сдѣлается вполнѣ хорошимъ мальчикомъ и будетъ знать не только «Отче нашъ», но и другія молитвы и вполнѣ оправдаетъ заботы о немъ общества «Помогай ближнему!».

Антошка принималъ всѣ эти знаки сочувствія довольно равнодушно и, къ ужасу секретаря Евгенія Аркадьевича, даже не благодарилъ, а только хлопалъ глазами, очевидно, не вполнѣ понимая, въ чемъ дѣло и какимъ образомъ измѣнится его положеніе, если ни одна изъ этихъ «княгинь», подходившихъ къ нему и находившихъ, что онъ бѣдный мальчикъ, не дала ему ни гривенника. «А дай каждая изъ нихъ по гривеннику—было бы ровно 90 копеекъ!»—быстро рѣшилъ въ своемъ умѣ Антошка математическую задачу.

Двухъ мужчинъ онъ вовсе не принялъ въ разсчетъ при этой выкладкѣ, такъ какъ сразу почувствовалъ не особенно дружелюбное отношеніе ихъ къ себѣ. Особенно этотъ «щуплый» брезгливо посматривалъ на него своими стеклянными

голубыми глазами... Отъ этихъ двухъ господъ нечего было и ожидать хотя бы пятака—и чортъ съ ними!..

Но барыни, кажется, могли бы дать по гривеннику. Небось, не обѣднѣли бы. А то трепали по щекѣ и ушли-себѣ, а еще княгини!..

«Нечего сказать: довольно скупыя княгини!»—подумалъ Антошка, оставаясь наединѣ съ княгиней Моравской въ большой залѣ и поглядывая, какъ она писала какое-то письмо.

«Вѣрно, графу и, вѣрно, сейчасъ вложитъ бумажку»,—рѣшилъ про себя Антошка.

Но его подвижное выразительное лицо, только-что оживленное надеждой, что всѣ его сегодняшнія мытарства кончатся наконецъ посылкой денегъ графу, омрачилось, когда княгиня никакой бумажки въ конвертъ не положила и, вручая его Антошкѣ, проговорила:

— Вотъ отдай эту записку твоему графу... Пусть завтра ровно къ часу пришлетъ тебя съ твоимъ документомъ въ пріютъ... Я въ это время сама тамъ буду... Адресъ написанъ... Васильевскій островъ, десятая линія, д. 15. Не забудешь?

Антошка былъ удрученъ, прозрѣвая что-то очень для себя непріятное, въ виду того, что его требовали съ документомъ.

И онъ спросилъ упавшимъ голосомъ:

— Осмѣлюсь спросить, ваше сіятельство, зачѣмъ мнѣ идти въ пріютъ?

— Какъ зачѣмъ? Я тебя опредѣлю въ нашъ пріютъ. Ты знаешь, что̀ такое пріютъ, мальчикъ?

— То-то не знаю, ваше сіятельство.

— Это—заведеніе для дѣтей. Ты будешь тамъ жить. Тебя будутъ одѣвать, кормить и учить, и года черезъ два-три ты выйдешь оттуда порядочнымъ человѣкомъ и о тебѣ позаботятся... Тебѣ пріищутъ мѣсто... Ну, что̀, доволенъ, мальчикъ?

Но, вмѣсто выраженія радости, Антошка сталъ мраченъ, какъ туча, и довольно рѣшительно сказалъ:

— Я въ пріютъ несогласенъ, ваше сіятельство!

Княгиня была изумлена. И красивые ея глаза сдѣлались совсѣмъ строгими, когда она спросила:

— Почему же ты несогласенъ?

— Я не уйду отъ графа!

— Глупый мальчикъ! Ты не понимаешь самъ, что̀ говоришь... Тебѣ непремѣнно надо уйти отъ твоего графа.

— Очень даже хорошо понимаю, ваше сіятельство!—вызывающе возразилъ Антошка, чувствуя къ княгинѣ непріязнь за то, что она хочетъ разлучить его съ единственнымъ человѣкомъ на свѣтѣ, котораго онъ безгранично любитъ.

Но княгиня, искренно желавшая вырвать мальчика изъ «когтей порока», въ которыхъ онъ несомнѣнно погрязнетъ, оставаясь при «графѣ», не обратила вниманія на тонъ Антошки и проговорила нѣсколько докторальнымъ и, по ея мнѣнію, убѣдительнымъ тономъ:

— Слушай, мальчикъ, что̀ я тебѣ скажу... Слушай и вникни. Твой «графъ» самъ нищій... Онъ самъ проситъ милостыню на улицахъ... Такъ какъ же онъ будетъ тебя содержать? Это во-первыхъ...

Но Антошка снова не далъ княгинѣ продолжать и съ живостью произнесъ:

— Я достану себѣ мѣсто, ваше сіятельство... Только вотъ выучусь читать да писать... Я въ газетчики пойду, а, ужъ какъ угодно, графа не оставлю, развѣ онъ меня прогонитъ... Я очень вамъ благодаренъ, ваше сіятельство, за этотъ самый пріютъ... но отъ графа не уйду... При немъ буду... И графъ этого желаютъ... И до самой его смерти я при ихъ останусь!—возбужденно и горячо заключилъ Антошка.

Не безъ нѣкотораго удивленія внимала княгиня этимъ словамъ, недоумѣвая такой сильной привязанности мальчика къ павшему человѣку. И чѣмъ онъ могъ такъ привязать къ себѣ?

— Твоя признательность очень похвальна и дѣлаетъ тебѣ честь, мальчикъ,—заговорила княгиня, даря Антошку благосклоннымъ взглядомъ:—благодарные люди такъ рѣдки... но ты еще слишкомъ малъ, чтобы понимать людей и понимать свою пользу... Въ пріютѣ ты научишься всему хорошему, а оставаясь у графа, ты пропадешь... Ты можешь сдѣлаться порочнымъ и сквернымъ человѣкомъ, пьяницей и воромъ, и попадешь въ тюрьму... Вся жизнь твоя погибнетъ... Твой графъ ничему хорошему не научитъ... Онъ будетъ посылать тебя нищенствовать, какъ и самъ, и никакого тебѣ мѣста не дадутъ... Онъ самъ, этотъ твой «графъ», пропащій, скверный человѣкъ... Берегись его!

Глаза Антошки, возмущеннаго до глубины души такою клеветой на «графа», уже сверкали злымъ огонькомъ.

— Графъ-то скверный? — воскликнулъ Антошка.—Ну, ужъ извините, ваше сіятельство, а графъ, можетъ-быть, получше другихъ генераловъ да важныхъ князей, даромъ что бѣдны!.. И вовсе не правда, что графъ посылаетъ меня нищенствовать... Я самъ предлагалъ работать на ихъ, такъ онъ запретилъ! «Не смѣй, говоритъ, Антошка. Тебѣ, говоритъ, надо выучиться и стать человѣкомъ!» Вотъ онъ какой графъ! Да такого другого господина не сыскать по добротѣ, а не то что: «дурному научитъ». Онъ дурному не научитъ, не извольте безпокоиться,

ваше сіятельство... Онъ добрый, не то что другіе... А если на старости лѣтъ да больные выходятъ на работу, такъ что-жъ изъ этого? У нихъ денегъ нѣтъ, а кормиться надо... По-настоящему, если бы богатые сродственники его были добрые, они бы помогли графу, а не то что его ругать... А то сами богачи, на золотыхъ тарелкахъ кушаютъ, а не могутъ сродственнику новаго пальто справить... Подыхай, молъ! Это, небось, благородно, ваше сіятельство?

Антошка не помнилъ себя отъ охватившаго его негодованія, и его рѣчь текла неудержимымъ страстнымъ потокомъ.

Изумленная княгиня не вѣрила своимъ ушамъ.

Такія возмутительно-дерзкія слова у этого мальчика!? Боже! Какъ испорченъ этотъ несчастный!

И княгиня смѣрила Антошку съ головы до ногъ презрительно-строгимъ взглядомъ и нервно позвонила въ колокольчикъ.

Явился лакей съ великолѣпными бакенбардами.

— Уведите этого дерзкаго мальчика!—приказала княгиня.

Лакей поспѣшилъ вывести Антошку.

— Что̀, братецъ, видно, дурная резолюція тебѣ вышла?— не безъ участія спросилъ лакей, когда Антошка торопливо надѣвалъ полушубокъ на кухнѣ, видимо спѣша поскорѣй удирать, а то, чего добраго, еще его задержатъ и силкомъ отправятъ въ этотъ, ставшій ненавистнымъ ему, пріютъ.

— Тоже: въ пріютъ. Такъ я и пошелъ въ ея пріютъ! — взволнованно отвѣчалъ Антошка, направляясь къ дверямъ.

— Такъ что̀ же ты дерзничалъ, коли тебѣ вышла такая резолюція? Въ пріютѣ хорошо... Кормятъ, поятъ вашего брата...

— Очень вамъ благодарны за вашъ пріютъ... Мы и безъ вашего пріюта найдемъ мѣсто!.. Тоже княгиня, нечего сказать!—довольно насмѣшливо проговорилъ Антошка и, юркнувъ за двери, со всѣхъ ногъ пустился по лѣстницѣ.

Нѣсколько взволнованная княгиня скорбно вздохнула, оставшись одна. Господи! Какія вырастаютъ дѣти въ этой ужасной нищетѣ и въ этомъ невѣжествѣ! И какая дерзость у этого мальчика! Какія мысли!? Это, вѣрно, все этотъ несчастный кузенъ его научилъ вмѣсто того, чтобы выучить хоть какой-нибудь молитвѣ.

Но княгиня недаромъ была энергичная благотворительница.

Тѣмъ съ бо̀льшимъ упорствомъ намѣревалась она теперь спасти Антошку. И въ головѣ своей рѣшила непремѣнно отобрать Антошку отъ графа, если только онъ не пришлетъ мальчика добровольно въ пріютъ...

На всѣхъ парахъ летѣлъ Антошка домой, и когда наконецъ вернулся и вошелъ въ комнату «графа», то, торопясь передать свои впечатлѣнія, возбужденно проговорилъ:

— Однако, графъ... княгиня. Ужъ вы извините... хоть она и ваша сродственница, а прямо сказать: скаредная! Держала цѣлое утро и хоть бы велѣла накормить... И ни копейки не дала... И всѣ тамъ онѣ разныя княгини... Ни грошика! У нихъ комитетъ былъ, и обо мнѣ тоже разсуждали... И допрашивали... Я имъ два раза разсказывалъ, сперва ей, княгинѣ, а потомъ имъ всѣмъ, какъ отъ дьявола-дяденьки убѣжалъ... А княгиня-то, какъ бы вы полагали, чѣмъ она меня ошарашила?.. Въ пріютъ, говоритъ... Съ вами, графъ, молъ, нельзя жить... Станешь воромъ и пьяницей... Ну, и отчекрыжилъ же я княгиню, будьте спокойны!.. Сказалъ, что отъ васъ не пойду... Вѣдь вы не отдадите меня въ пріютъ къ нимъ... Не отдадите, графъ?

— Да ты успокойся, Антошка, и толкомъ все разскажи, а то какъ мельница мелешь... А прежде всего давай обѣдать... И то я тебя заждался... Небось, ѣсть хочешь?

Хозяйка подала обѣдъ, и Антошка, утоливъ голодъ, сталъ разсказывать подробно о своемъ визитѣ къ княгинѣ.

Во время разсказа Антошки «графъ» то смѣялся, то хмурилъ брови.

XVIII.

Окончивъ безсвязный свой разсказъ, Антошка спохватился, что не подалъ «графу» записки княгини, и, вынувъ изъ полушубка смятый длинный конвертикъ съ золотой коронкой и факсимиле княгини на той сторонѣ, гдѣ конвертъ заклеивается,—подалъ его со словами:

— Вотъ, графъ, прочтите, что̀ она тутъ еще набрехала, ваша княгиня.

«Графъ» внимательно прочелъ записку разъ, прочелъ другой, положилъ ее на столъ и, къ удивленію Антошки, задумался, точно эта записка произвела на него большее впечатлѣніе, чѣмъ Антошкинъ разсказъ.

Въ ней княгиня въ самой деликатной формѣ сообщала то, что̀ болѣе откровенно выразила Антошкѣ на словахъ относительно неудобства пребыванія у «графа». Выражая увѣренность, что онъ самъ понимаетъ это и не захочетъ подвергать несчастнаго мальчика «всѣмъ ужаснымъ случайностямъ нищеты и порока», княгиня надѣялась, что «графъ» обрадуется, что она беретъ мальчика въ пріютъ, и обѣщала впослѣдствіи лично позаботиться объ его судьбѣ.

Предложеніе во всякомъ случаѣ было заманчивое. По крайней мѣрѣ на первые годы мальчикъ будутъ во всемъ обезпеченъ и получитъ какое-нибудь образованіе. Потомъ ему легче найти занятія, да еще при покровительствѣ княгини.

А при всемъ горячемъ желаніи, что̀ можетъ сдѣлать для мальчика онъ, всѣми отверженный нищій и вдобавокъ больной? Не понадѣялся ли слишкомъ онъ на свои силы и на чужія подачки, самонадѣянно разсчитывая устроить Антошку, не отпуская его отъ себя?.. Всѣ эти дни грудь нѣтъ-нѣтъ да и заноетъ. Что̀ если онъ заболѣетъ настолько, что не въ состояніи будетъ выходить по вечерамъ на работу? Что̀ будетъ тогда съ Антошкой? Не права ли кузина со своими «случайностями нищеты и порока», и въ правѣ ли онъ отказываться отъ предложенія только ради того, что ему хочется имѣть на склонѣ своей, вѣроятно, недолгой уже жизни любимое и любящее существо, которое озарило свѣтомъ горемычное его существованіе и словно бы придало ему новый смыслъ?

Такія мысли бродили въ головѣ «графа» и вызывали душевную борьбу. И брови его хмурились, и въ лицѣ было что-то угрюмое и страдальческое.

Ужели судьба бросила ему этотъ лучъ свѣта, согрѣла его сердце привязанностью къ такому же оброшенному существу, какъ и онъ самъ, чтобы немедленно же отнять его и оставить снова его одного, какъ перстъ, на свѣтѣ съ проклятіями прошлой жизни, съ озлобленіемъ на людей и съ вѣчнымъ мракомъ на душѣ. А онъ такъ привязался къ Антошкѣ, и этотъ мальчикъ такъ любитъ его!..

И «графъ» невольно вспомнилъ разсказъ мальчика о томъ, какъ онъ «отчекрыжилъ» изъ-за него княгиню, и съ скорбною нѣжностью посмотрѣлъ на Антошку.

А Антошка, притихшій и встревоженный, не спускалъ глазъ съ графа, недоумѣвая, отчего это онъ вдругъ сдѣлался такой печальный.

Что̀ могло быть въ этой запискѣ?

Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи. Наконецъ «графъ» проговорилъ съ рѣшительнымъ видомъ человѣка, принявшаго героическое рѣшеніе:

— А знаешь, что̀ я тебѣ скажу, Антошка?

— Что̀, графъ?—съ тревогой въ голосѣ стремительно перебилъ Антошка.

— Положимъ, и княгиня и всѣ эти дамы и мужчины, что̀ засѣдали въ комитетѣ и разглядывали тебя, какъ рѣдкость, порядочные шуты гороховые... Положимъ... Но все-таки въ

пріютѣ вовсе не такъ скверно, какъ ты думаешь... Это совсѣмъ не то, что у «дяденьки»...

При этихъ словахъ Антошка такъ-таки и обомлѣлъ.

Не находя словъ, онъ растерянно выпучилъ испуганные глаза и застылъ на табуретѣ въ позѣ отчаянія.

— Право, братецъ, недурно, — продолжалъ «графъ», стараясь въ шутливомъ тонѣ голоса скрыть свое волненіе и отводя взглядъ отъ поблѣднѣвшаго лица мальчика: — и квартира, и одежда, и пища, однимъ словомъ, все какъ слѣдуетъ... ни о чемъ не заботься... Всталъ, одѣлся: — пожалуйте чай пить... А тамъ обѣдъ, вечеромъ ужинъ... И обучать тебя всему—только была-бъ охота... Выйдешь изъ пріюта, всякую штуку будешь знать: и грамматику, и ариѳметику, и географію... всему выучатъ... А я буду заходить къ тебѣ въ пріютъ... Вѣрно, пускаютъ?.. Навѣрное даже пускаютъ... Два-три года, братецъ, скоро пройдутъ... А потомъ ты найдешь себѣ мѣсто, и опять мы вмѣстѣ будемъ жить, если я буду живъ... Право, вѣдь недурно, Антошка? Раскинь-ка умомъ!

Но Антошка молчалъ, подавленный и грустный. Слезы стояли въ его глазахъ, и на сердцѣ была безпредѣльная горечь.

«Одинъ близкій человѣкъ у него на свѣтѣ, и тотъ его гонитъ отъ себя!»

— Графъ,—проговорилъ наконецъ онъ дрогнувшимъ голосомъ:—не гоните меня... Я... я ничего не буду вамъ стоить... Я сейчасъ же найду работу. Ей-Богу, найду!

— Глупый! Развѣ я тебя гоню? Я для твоей же пользы хочу, чтобъ ты былъ въ пріютѣ! — воскликнулъ графъ, самъ взволнованный этимъ отчаяніемъ мальчика и его словами.

— Но вы раньше говорили, что я буду при васъ.

— Говорилъ и очень хотѣлъ бы не разставаться съ тобой, а не то что гнать тебя, но пойми ты, голубчикъ мой, я вотъ болѣю, могу слечь въ постель, мало ли что можетъ случиться...

— А я буду при васъ... Буду ходить за вами!—съ порывистою страстностью воскликнулъ Антошка.—Развѣ я оставлю васъ одного, когда васъ всѣ бросили? Графъ! Добренькій графъ! Не отдавайте меня къ княгинямъ, въ пріютъ... Вѣдь вы одинъ на свѣтѣ у меня... А я самъ выучусь всему, что нужно... А въ пріютъ я не хочу... не хочу... Что я тамъ безъ васъ буду дѣлать?.. И никто не смѣетъ взять меня въ пріютъ... Я убѣгу оттуда... Графъ, графъ! Что-жъ вы молчите?..

Антошка не могъ продолжать и зарыдалъ.

Слезы катились по изможденнымъ щекамъ графа, радост-

ныя, признательныя слезы, и вздрагивавшій голосъ его звучалъ необыкновенною нѣжностью, когда онъ говорилъ:

— Ну, ну... полно, Антошка... Не реви, какъ бѣлуга... Не хочешь въ пріютъ—оставайся у меня... Какъ-нибудь да проживемъ... И ты станешь человѣкомъ, добрый, хорошій мой мальчикъ... Не будемъ больше говорить о пріютѣ! Ну его къ чорту!

И графъ нѣжно погладилъ Антошкину голову.

Безпредѣльно счастливый и благодарный, Антошка припалъ къ его рукѣ.

Съ слѣдующаго же дня «графъ» каждое утро занимался съ Антошкой, заставляя его читать и писать, и обучалъ его ариѳметикѣ, къ которой, впрочемъ, Антошка былъ достаточно приготовленъ недавнею своею торговою дѣятельностью. Антошка лѣзъ, что̀ называется, изъ кожи и своею понятливостью и успѣхами приводилъ въ изумленіе учителя. Онъ все еще не совсѣмъ поправился и могъ не выходить по вечерамъ на работу, благодаря деньгамъ, присланнымъ племянницей. Такимъ образомъ графъ и Антошка проводили вмѣстѣ вечера, во время которыхъ «графъ», разсказывая своему внимательному слушателю различные эпизоды своей бурной жизни, съ критическими къ нимъ комментаріями, и оцѣнивая явленія и людей, давалъ Антошкѣ уроки практической философіи и этики. И, право, несмотря на грѣховное прошлое и весьма горемычное настоящее «графа», Антошка въ этихъ урокахъ отверженца и пропойцы почерпнулъ немало хорошаго и назидательнаго, что̀ запало ему на всю жизнь.

Теперь, благодаря взаимной привязанности этихъ двухъ несчастныхъ существъ, крошечная каморка, въ которой они жили, казалась имъ милой, уютной и точно просвѣтлѣвшей, и сами они чувствовали себя не такими одинокими и заброшенными, какъ прежде, и были полны надеждъ на лучшее будущее.

Такъ прошло нѣсколько счастливыхъ дней, и этой нищенской идилліи наступилъ конецъ.

Послѣдняя бумажка была отдана хозяйкѣ на расходы, и «графъ», несмотря на собачій холодъ, рѣшилъ вечеромъ снова выйти на работу.

Антошка со страхомъ глядѣлъ на легкое пальтецо «графа» и заикнулся-было предложить свои услуги «походить около вокзала», но «графъ» такъ сердито замахалъ головой, что Антошка не смѣлъ продолжать.

XIX.

Будь княгиня Моравская болѣе счастлива въ личной своей жизни и не «неси она креста», бѣдному Антошкѣ едва ли бы

грозила опасность быть облагодѣтельствованнымъ помимо его желанія, такъ какъ княгиня не отдалась бы всей душой дѣлу благотворительности и не находила бы времени дѣйствовать столь рѣшительно, энергично и неуклонно.

Искренно возмущенная и разсказомъ Антошки о несчастныхъ дѣтяхъ и искренно желавшая не дать Антошкѣ завязнуть въ «когтяхъ порока», княгиня на другой же день послѣ засѣданія комитета общества «Помогай ближнему!», окончивъ свой долгій туалетъ, передъ тѣмъ что идти на прогулку, по обыкновенію, справилась въ своей записной книжкѣ о программѣ дня.

Въ числѣ многихъ отмѣтокъ, значились и слѣдующія: «навести справки объ ужасномъ заведеніи несчастныхъ дѣтей» и «узнать въ пріютѣ: явился ли мальчикъ отъ Опольева».

Мысль о спасеніи Антошки крѣпко засѣла въ голову княгини.

Несмотря на не совсѣмъ благонравное его поведеніе въ концѣ визита, Антошка понравился ей. Понравились княгинѣ и его умное, выразительное лицо, и его бойкіе отвѣты, а эта горячая, страстная защита пріютившаго его «графа» просто-таки восхитила ее, и она рѣшила во что бы то ни стало привести въ исполненіе комитетское постановленіе, если мальчикъ не явится въ пріютъ.

«Въ такомъ случаѣ уже не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что этотъ пропойца взялъ мальчика къ себѣ, чтобы его эксплоатировать!»—разсуждала княгиня и прошептала:

— Бѣдный мальчикъ!

Ровно въ часъ княгиня была уже въ пріютѣ. Тамъ дожидался ее секретарь, Евгеній Аркадьевичъ, вызванный телеграммою, чтобы изъ пріюта сопутствовать княгинѣ. Ѣхать одной въ заведеніе Ивана Захаровича она не рѣшалась.

— Мальчика нѣтъ?—спросила княгиня, входя въ пріютъ.

— Нѣтъ, княгиня!—отвѣчалъ Евгеній Аркадьевичъ и прибавилъ:—Я думаю, что онъ и не явится...

— Почему вы такъ думаете?

— Мнѣ кажется, что онъ предпочтетъ нищенствовать... Слишкомъ ужъ онъ испорченъ... Эта его манера себя держать...

— Я съ вами несогласна, Евгеній Аркадьевичъ!—рѣшительно и властно перебила княгиня, вообще не любившая слушать чужія мнѣнія, если они не сходились съ ея собственными.—Вы слишкомъ поспѣшны въ приговорахъ, Евгеній Аркадьевичъ.

Нѣсколько смущенный, что попалъ впросакъ, Евгеній

Аркадьевичъ поспѣшилъ оговориться, что онъ позволилъ себѣ судить по первому впечатлѣнію. Разумѣется, княгиня, говорившая съ мальчикомъ, имѣетъ болѣе вѣрныя сужденія.

— Ну, покажите мнѣ пріютъ, Римма Михайловна!—обратилась княгиня къ пожилой, одѣтой во все черное, худой и облизанной начальницѣ пріюта, которая всегда, при посѣщеніи строгой предсѣдательницы, замирала въ почтительномъ трепетѣ подневольнаго существа, боявшагося лишиться куска хлѣба.

Княгиня обошла пріютъ. Все найдено было въ порядкѣ. Четырнадцать пріютскихъ, подъ гребенку остриженныхъ мальчиковъ, похожихъ въ своихъ форменныхъ черныхъ курточкахъ на маленькихъ арестантовъ, были выстроены въ залѣ и на привѣтствіе княгини: «здравствуйте, дѣти!», отвѣтили съ такимъ оглушительнымъ согласіемъ: «здравія желаемъ, ваше сіятельство!», что княгиня даже слегка вздрогнула.

Она прошла по фронту, потрепала по щекамъ самыхъ маленькихъ, спросила о здоровьѣ двухъ худыхъ, блѣднолицыхъ, съ синевою подъ глазами, подростковъ и, пожелавъ всѣмъ хорошо учиться и хорошо вести себя, простилась съ дѣтьми, сопровождаемая тѣмъ же оглушительнымъ ревомъ четырнадцати голосовъ: «Счастливо оставаться, ваше сіятельство!»

Княгиня была не въ духѣ. Этотъ Антошка, не явившійся въ пріютъ, положительно безпокоилъ ее, и Евгеній Аркадьевичъ напрасно старался занять княгиню, сидя около нея въ каретѣ. Давно ужъ онъ ухаживалъ за пышной, красивой княгиней съ почтительностью втайнѣ влюбленнаго, не смѣющаго, разумѣется, обнаружить своихъ чувствъ, но княгиня какъ-будто и не замѣчала этого.

И теперь Евгеній Аркадьевичъ, посматривая сбоку на княгиню, рѣшительно приходилъ въ недоумѣніе.

«Эта безсовѣстно-холодная женщина положительно недоступна чувствамъ!»—подумалъ Евгеній Аркадьевичъ, тщетно стараясь обратить на себя какое-либо вниманіе княгини Марьи Николаевны, расположеніе которой было бы крайне выгодно, по мнѣнію молодого человѣка, для его карьеры.—«Она вліятельная, со связями... Положительно дурацкій темпераментъ!»—мысленно проговорилъ онъ, взглядывая на строгое, безстрастное лицо молодой женщины.

Наконецъ карета остановилась у воротъ одного изъ невзрачныхъ домовъ въ дальней улицѣ Песковъ. Городовой выпучилъ глаза съ почтительнымъ удивленіемъ на подъѣхавшихъ.

Евгеній Аркадьевичъ выскочилъ изъ кареты и пошелъ отыскивать дворника.

Черезъ нѣсколько минутъ княгиня вмѣстѣ съ секретаремъ поднималась по отвратительной лѣстницѣ въ квартиру Ивана Захаровича и часто подносила къ носу надушенный платокъ. Старшій дворникъ слѣдовалъ за ними, по требованію Евгенія Аркадьевича, который сообщилъ дворнику о цѣли посѣщенія такой важной особы, какъ княгиня Моравская. Признаться, Евгеній Аркадьевичъ немножко трусилъ — мало ли на какой можно нарваться скандалъ!—и потому присутствіе дворника казалось ему необходимо.

Въ эту минуту по лѣстницѣ быстро взбѣжала маленькая Анютка, закутанная въ платкѣ, и при видѣ княгини растерялась.

— Ты кто такая, дѣвочка?—остановилась княгиня.

— Анютка...

— Куда идешь...

— Къ дяденькѣ, вотъ сюда,—указала она на дверь.

— А гдѣ ты была?

— Милостыньку собирала...

Княгиня значительно переглянулась съ секретаремъ. Улика была налицо.

— Какъ же ты, дворникъ, говорилъ мнѣ, что не знаешь, что дѣти собираютъ милостыню?—строго замѣтилъ Евгеній Аркадьевичъ.

— Почемъ же я могу знать, что̀ дѣлаютъ жильцы!—отвѣчалъ дворникъ.

Позвонили. Двери отворила супруга Ивана Захаровича. Его самого не было дома.

При видѣ посѣтителей и старшаго дворника молодая женщина видимо струсила и не знала, какъ ей быть: пускать ли непрошенныхъ гостей или нѣтъ. Но старшій дворникъ, мигнувъ ей глазомъ, проговорилъ:

— Ея сіятельство желаютъ узнать насчетъ дѣтей, что̀ живутъ у васъ. Дозвольте осмотрѣть квартиру...

Княгиня вошла, сопровождаемая Евгеніемъ Аркадьевичемъ и дворникомъ. Анютка шмыгнула вслѣдъ за ними.

По приказанію княгини была отперта маленькая комнатка, гдѣ помѣщались племянники и племянницы Ивана Захаровича, и княгиня просто ахнула—до того ее поразила грязь этого помѣщенія. Никого изъ обитателей не было дома. Всѣ были на работѣ.

— Сколько тутъ помѣщается дѣтей?—спросила княгиня.

— Семь человѣкъ...

— Чьи это дѣти?

— Сродственники мужа.

— Не лгите... Я все знаю... Мнѣ разсказалъ одинъ мальчикъ, убѣжавшій отъ васъ... Какъ вамъ съ мужемъ не стыдно заниматься такимъ постыднымъ дѣломъ и истязать дѣтей?

Дворникъ дѣлалъ какіе-то таинственные знаки «рыжей вѣдьмѣ».

Та бросилась въ ноги.

— Ваше сіятельство... по бѣдности... Самимъ кормиться нечѣмъ...

— Гдѣ эта дѣвочка... Анютка, которую я встрѣтила?

Дворникъ привелъ Анютку. Худенькая дѣвочка съ большими черными глазами дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Я беру ее съ собой... Ея бумаги сегодня же доставить ко мнѣ!—обратилась она къ дворнику.

Евгеній Аркадьевичъ поспѣшилъ сообщить адресъ.

Никто не возражалъ. Подобное самоуправство нисколько не удивило дворника.

Княгиня на минуту задумалась и продолжала тѣмъ же рѣшительнымъ и властнымъ тономъ, обращаясь къ дворнику:

— Завтра къ часу дня приведите ко мнѣ всѣхъ дѣтей, принесите ихъ документы и сообщите: кто ихъ родители и гдѣ они живутъ.

— Слушаю-съ, ваше сіятельство!

— Ну, ѣдемъ со мной, дѣвочка! — сказала княгиня, обращаясь къ Анюткѣ.

Дворникъ повелъ дѣвочку. Ее, недоумѣвающую и испуганную, посадили въ карету.

— А вамъ, извините, мѣста нѣтъ, Евгеній Аркадьевичъ!— промолвила княгиня.

— Не безпокойтесь, княгиня, я поѣду на извозчикѣ.

И, прощаясь съ ней, прибавилъ:

— Какой для васъ счастливый день, княгиня! И какъ будутъ благословлять васъ эти спасенныя дѣти!

— Это ужасно... ужасно! — возбужденно проговорила княгиня, и красивое лицо ея сіяло отъ внутренняго довольства.— Мы, право, сдѣлали сегодня воистину доброе дѣло, Евгеній Аркадьевичъ,—прибавила она съ чувствомъ.—Завтра къ часу, прошу васъ, будьте у меня!—прибавила княгиня, протягивая ему руку.—Прикажите кучеру ѣхать домой!

Княгиня ѣхала вполнѣ удовлетворенная сегодняшнимъ днемъ и предстоящими хлопотами по устройству всѣхъ этихъ дѣтей. Ея дѣятельной натурѣ было дѣла на нѣсколько дней, и это ее радовало. Завтра же она увидится съ градоначальникомъ и разскажетъ все, что видѣла.

— Ужасно... ужасно!—повторяла княгиня.

Завтра же она поговоритъ и о несчастномъ мальчикѣ. Она попроситъ вытребовать Антошку отъ Опольева и водворить въ пріютѣ.

Поглощенная этими мыслями, полная разныхъ добрыхъ намѣреній, княгиня словно и забыла объ Анюткѣ, которая испуганно прижалась въ своихъ лохмотьяхъ въ уголъ кареты и тихо, совсѣмъ тихо всхлипывала.

Ей было страшно. Зачѣмъ ее взяли? Куда везетъ эта красивая, важная дама въ богатой шубѣ?

Княгиня между тѣмъ вспомнила о своей спутницѣ и взглянула на нее.

— Ты что же плачешь, дѣвочка? Не бойся! Тебя больше обижать не будутъ... Никто не обидитъ... Тебѣ хорошо будетъ!—ласково говорила княгиня, любуясь миловиднымъ личикомъ дѣвочки и особенно ея большими черными испуганными глазами, осѣненными густыми рѣсницами.

Ласковый голосъ княгини нѣсколько успокоилъ Анютку.

— Теперь не боишься?—продолжала княгиня.

— Не бо-юсь!—протянула Анютка, вытирая грязнымъ кулачкомъ слезы.

И вслѣдъ затѣмъ пугливо спросила:

— А куда вы везете меня?

— Къ себѣ пока. Тебя накормятъ, напоятъ чаемъ... Тебя вымоютъ, причешутъ и одѣнутъ въ хорошенькое платье. Хочешь?

— Хочу!—отвѣтила дѣвочка.

И ея личико просвѣтлѣло.

Нѣсколько минутъ княгиня смотрѣла на это крошечное созданье въ какомъ-то раздумьѣ, точно о чемъ-то вспоминая. И черты ея строгаго, холоднаго лица смягчились...

Обыкновенно дѣти, которыхъ спасала и призрѣвала княгиня Марья Николаевна, по долгу благотворительницы, не возбуждали въ ней особенно теплыхъ чувствъ. Она никогда ихъ не ласкала, не согрѣвала нѣжнымъ словомъ.

Но въ эту минуту эта маленькая Анютка почему-то возбудила въ ней не одну только жалость, а что-то другое, болѣе нѣжное и сильное, неожиданно для нея самой охватившее ея сердце.

И эта уравновѣшенная, сдержанная женщина, отъ которой вѣяло всегда холодомъ, вдругъ наклонилась къ грязной дѣвочкѣ и стала цѣловать ее съ страстной порывистостью внезапно пробудившагося неудовлетвореннаго материнскаго инстинкта.

Анютка широко раскрыла глаза, болѣе пораженная, чѣмъ тронутая этою неожиданною ласкою.

А въ глазахъ княгини блестѣли слезы. Ея красивое, румяное лицо было задумчиво и грустно. Голосъ ея прозвучалъ необычною нѣжностью, когда она спросила Анютку:

— Тебѣ холодно, дѣвочка?

И, не дожидаясь отвѣта, она закрыла Анютку полой своей роскошной ротонды, подбитой чернобурыми лисицами.

Прошло нѣсколько минутъ, и этотъ порывъ чувства какъ будто непріятно удивилъ княгиню своею неожиданностью.

«Нервы»,—подумала она, недовольно пожимая плечами.

И княгиня, съ тонкимъ чутьемъ эгоистической натуры оберегавшая себя отъ какихъ бы то ни было волненій, могущихъ нарушить спокойствіе ея великолѣпной особы,—рѣшила и теперь, что давать поблажки нервамъ не слѣдуетъ.

Когда карета подъѣхала къ подъѣзду ея особняка на Сергіевской, княгиня уже справилась съ собою, больше Анютку не цѣловала и вышла изъ кареты тою же холодною, строгою и безукоризненною княгиней, какою ее всѣ привыкли видѣть.

Прежнее рѣшеніе насчетъ Анютки было отмѣнено. Нечего держать ее нѣсколько дней въ домѣ, какъ княгиня прежде хотѣла.

И она, поднявшись къ себѣ, велѣла горничной накормить Анютку и немедленно отвезти ее въ пріютъ для дѣвочекъ общества «Помогай ближнему!». Послѣ этого она приняла валерьяновыхъ капель и пошла переодѣваться, чтобъ ѣхать съ визитами.

Иванъ Захаровичъ вернулся домой только къ вечеру и былъ порядочно пьянъ. Дѣти, увидѣвшія дяденьку, предчувствовали, что сдача выручекъ не обойдется сегодня безъ ремня, и испуганно притаились въ своей комнатѣ.

Весь хмель сразу выскочилъ у Ивана Захаровича изъ головы, когда достойная его супруга сообщила ему о посѣщеніи княгини и объ увозѣ Анютки, и онъ совсѣмъ упалъ духомъ, когда старшій дворникъ отобралъ отъ него всѣ дѣтскіе документы и объявилъ, что на слѣдующій день отведетъ всѣхъ его питомцевъ къ княгинѣ.

Надо было спасать собственную шкуру, и Иванъ Захаровичъ, послѣ бесѣды съ дворникомъ, на слѣдующее же утро имѣлъ конфиденціальное совѣщаніе съ письмоводителемъ участка въ трактирѣ.

Результатомъ всѣхъ этихъ конференцій было то, что Иванъ Захаровичъ къ вечеру того же дня съѣхалъ съ квартиры и былъ отмѣченъ выбывшимъ за городъ.

Такимъ образомъ, когда, дня черезъ три послѣ посѣщенія

княгини заведенія Ивана Захаровича, въ участкѣ было получено строжайшее предписаніе о производствѣ немедленнаго дознанія,—Ивана Захаровича не оказалось, и розыски его въ городѣ не увѣнчались успѣхомъ.

Онъ уже былъ въ Москвѣ и намѣревался тамъ заняться другой профессіей—открыть питейное заведеніе.

Супруга его осталась въ Петербургѣ, чтобы распродать вещи и затѣмъ пріѣхать къ мужу...

Но Иванъ Захаровичъ напрасно писалъ своей «Машенькѣ» умоляющія письма. Она не ѣхала къ нему.

XX.

Въ этотъ вечеръ «графъ», несмотря на дьявольскій холодъ, не очень-то располагающій людей къ благотворительности, «работалъ» довольно недурно.

Какой-то студентъ, къ которому «графъ» обратился съ просьбой «ссудить его гривенникомъ», взглянувъ при свѣтѣ фонаря на страшно изможденное лицо «графа» съ лихорадочно блестѣвшими глазами, какъ-то торопливо опустилъ руку въ карманъ своего теплаго пальто и, кладя въ руку «графа» нѣсколько серебряныхъ монетокъ, участливо проговорилъ:

— Вы въ больницу бы пошли...

— Вы полагаете, молодой человѣкъ? Очень благодаренъ за помощь и за совѣтъ. Очень!..

И, приложившись къ цилиндру, «графъ» побрелъ далѣе.

«Въ самомъ дѣлѣ, этотъ студентъ, пожалуй, и правъ!»—горько усмѣхнулся онъ, чувствуя, какъ холодъ прохватываетъ его всего, какъ ноетъ грудь и ломитъ все тѣло.

«Неужто машина окончательно испорчена!?»—съ тоскою думалъ онъ и, пересиливая боль, продолжалъ свой путь, озирая зоркимъ взглядомъ проходящихъ.

— Madame! Quelques sous, s'il vous plait!—произнесъ онъ, нагоняя какую-то даму.

И та, взглянувъ на «графа», торопливо вынула изъ портмоне двугривенный и подала ему.

«Положительно, видъ мой внушаетъ сегодня сочувствіе... Должно-быть, я похожъ на умирающаго... Если-бъ умирающіе могли ходить по улицамъ—они собирали бы себѣ на приличныя похороны!»—размышлялъ графъ въ какомъ-то угрюмомъ озлобленіи.

Черезъ два часа прогулки на морозѣ въ костюмѣ, который согрѣвалъ очень мало, «графъ» имѣлъ полтора рубля и поспѣшилъ домой.

Продрогшій и посинѣвшій отъ холода, чувствуя себя очень

скверно, онъ вошелъ въ свою комнатку и, кивнувъ Антошкѣ, снялъ съ себя пальто, раздѣлся и легъ на постель.

— Вы нездоровы, графъ?—тревожно спрашивалъ Антошка.

— Нѣтъ, ничего... Прозябъ немного... За ночь все пройдетъ... Накрой-ка меня, Антошка, моимъ пальто... Вотъ такъ, хорошо...

— Сейчасъ я самоваръ подамъ... Чаемъ согрѣетесь...

Ни чай, ни нѣсколько стакановъ горячей малины, предложенной Анисьей Ивановной, ни полушубокъ, которымъ Антошка заботливо накрылъ «графа», не согрѣвали иззябшаго тѣла. Графа жестоко трясло въ ознобѣ.

Озабоченный Антошка выбѣжалъ къ Анисьѣ Ивановнѣ и сказалъ:

— Страхъ какъ трясетъ графа, Анисья Ивановна... Нѣтъ ли у васъ, чѣмъ бы накрыть его?

Анисья Ивановна предложила свою шубейку и промолвила:

— Простудился нашъ Александръ Иванычъ... Теперь его лихорадка и бьетъ...

— А она пройдетъ, эта самая лихорадка?—испуганно спрашивалъ Антошка.

— Какъ Богъ дастъ... Больной онъ... Ишь вѣдь вышелъ въ какую погоду.

— А я, Анисья Ивановна, еще печку стоплю... Можно?

— Топи, Антошка.

— А ежели завтра графу не станетъ лучше, надо бы за докторомъ... какъ вы думаете?

— То-то лучше бы за докторомъ...

— Дорого, поди, стòитъ?

— Ничего не стòитъ... Тутъ недалеко барышня-докторша квартируетъ... казенная, значитъ... отъ города... Завтра сбѣгаешь за ней, Антошка... Она разъ лѣчила меня... Славная такая, даромъ что изъ жидовокъ,—прибавила она.

Антошка вернулся въ комнату «графа» нѣсколько успокоенный. Онъ еще накрылъ графа и не пожалѣлъ дровъ, накладывая печку.

Къ ночи ознобъ прошелъ, и все тѣло «графа» пылало.

— Согрѣлись, графъ?—обрадовался Антошка, замѣтившій, что «графъ» сбрасываетъ съ себя все, чѣмъ былъ накрытъ.

— Согрѣлся, Антошка... Слишкомъ даже согрѣлся! — промолвилъ, тяжело дыша, «графъ» и улыбнулся.—А ты чего не спишь?.. Ложись спать, Антошка... Только принеси холодной воды... Пить хочется...

Антошка сбѣгалъ за водой и присѣлъ на табуреткѣ около «графа».

«Графъ» съ трудомъ приподнялся и жадно отпилъ воды.

Только теперь, при слабомъ свѣтѣ свѣчки, Антошка разглядѣлъ осунувшееся лицо «графа» и его страдальческое выраженіе.

— Графъ! Гдѣ же у васъ болитъ? — спросилъ онъ испуганнымъ голосомъ.—Вѣрно, очень болитъ?

— Порядочно... Грудь болитъ и спина болитъ... А ты спи, Антошка. Завтра мнѣ лучше будетъ... Меня, братъ, не скоро проберешь... Мы, Опольевы, живучіе... Спи, добрый мой мальчикъ... И я засну...

Антошка легъ на свою кровать, но заснуть не могъ, прислушиваясь къ прерывистому дыханію «графа». Сухой, рѣзкій кашель заставлялъ его вскакивать съ постели и подходить къ больному.

«Графъ», казалось, не узнавалъ Антошки, хотя и глядѣлъ на него блестящими глазами. Онъ по временамъ стоналъ, схватываясь за грудь, и просилъ пить.

Антошка подавалъ графу пить и испуганно глядѣлъ на него. Онъ никогда не видалъ близко больныхъ, и ему казалось, что графъ непремѣнно помретъ... И слезы текли по его щекамъ...

— Ты что-жъ не спишь, Антошка? И чего плачешь, мой голубчикъ?.. Не безпокойся... Спи... спи... Еще какъ мы съ тобой заживемъ... Отлично заживемъ... Ужъ я больше не буду ходить на работу! — возбужденно, въ полубреду говорилъ «графъ».—Не буду... Совершенно достаточно... Quelques sous, s'il vous plait... И такъ всю жизнь... И умирать не желаю съ тѣхъ поръ, какъ ты... со мной... А ты не плачь... Я тебя въ пріютъ не отдамъ... Княгиня останется съ носомъ... Охъ, какъ болитъ грудь... Ахъ, какъ жарко... Пить, пить...

Антошка не отходилъ весь остатокъ ночи отъ графа, и когда въ окно заглянулъ сѣренькій свѣтъ петербургскаго утра, «графъ» увидалъ Антошку, спавшаго на полу у его кровати.

Вошедшая вскорѣ Анисья Ивановна разбудила Антошку.

— Ночью ухаживалъ за мной!—проговорилъ растроганный «графъ».

— Ему что̀—отоспится днемъ!—промолвила Анисья Ивановна.—Ну, а ваше здоровье какъ, Александръ Иванычъ?

— Отлежусь, Анисья Ивановна!

— Малинки не дать ли?

— Ничего не хочется... Вотъ деньги,—проговорилъ «графъ», указывая на столъ:—мальчика накормите...

— И такъ накормлю... Богъ съ вами, Александръ Иванычъ... Теперь вамъ самимъ понадобится, а послѣ сочтемся...

— Ну, спасибо... Добрая вы...

Графъ снова погрузился въ дремоту. Отъ него такъ и пышало жаромъ.

Анисья Ивановна вызвала Антошку и приказала ему идти къ докторшѣ.

Черезъ четверть часа Антошка уже вбѣгалъ въ третій этажъ и вошелъ въ отворенную дверь квартиры думскаго врача. Въ прихожей дожидалось нѣсколько человѣкъ бѣднаго люда. Это былъ часъ пріема больныхъ...

Прошло нѣсколько минутъ. Изъ кабинета вышла какая-то баба, а вслѣдъ за нею на порогѣ показалась небольшого роста брюнетка съ умнымъ и выразительнымъ, нѣсколько возбужденнымъ лицомъ еврейскаго типа и живыми блестящими черными глазами. Вся ея маленькая фигурка въ бѣломъ балахонѣ, одѣтомъ поверхъ чернаго платья, дышала какою-то вызывающею энергіей.

— Смотрите же... Не забудьте, что̀ я вамъ сказала,—говорила она быстро и точно, рѣшительнымъ, нѣсколько авторитетнымъ голосомъ.—Три раза въ день по чайной ложкѣ и мазь... Чья очередь?.. Пожалуйте...

Въ эту минуту Антошка подбѣжалъ къ ней и проговорилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Госпожа докторша, будьте добреньки, зайдите поскорѣй къ графу... Онъ опасно заболѣлъ...

— Къ какому графу? — изумилась докторша, взглядывая на взволнованнаго Антошку.—Графъ можетъ позвать другого врача...

Антошка поспѣшилъ объяснить, что заболѣвшій не графъ, а только такъ прозывается. Онъ Александръ Ивановичъ Опольевъ и бѣдный, совсѣмъ бѣдный... Вчера выходилъ въ одномъ пальтецѣ и вернулся весь заколѣвши... А всю ночь горѣлъ... И сейчасъ горитъ... Грудь болитъ и ломитъ спину.

— Помогите, госпожа докторша, а то неравно помретъ!—прибавилъ Антошка упавшимъ голосомъ.

Докторша записала адресъ и обѣщала придти тотчасъ же, какъ окончитъ пріемъ больныхъ.

— Въ десять часовъ буду!—прибавила она.

— Спаси васъ Богъ!—воскликнулъ, полный благодарности, Антошка и побѣжалъ домой.

Въ десять часовъ явилась докторша. Ее встрѣтила Анисья Ивановна и сочла почему-то нужнымъ сообщить ей, кто такой ея жилецъ, какъ онъ оставленъ богатыми своими родственниками и принужденъ побираться. Не преминула Анисья Ивановна разсказать и о томъ, какъ Александръ Ивановичъ пригрѣлъ такого же нищенку-сиротку Антошку...

Только послѣ этого предисловія Анисья Ивановна ввела докторшу въ комнату жильца и, подойдя къ его кровати, сказала:

— А я вамъ, Александръ Ивановичъ, докторшу привела...

«Графъ» недовольно повелъ глазами на вошедшую. Его нѣсколько смущало появленіе женщины-врача, и онъ надвинулъ на себя одѣяло.

— Напрасно вы безпокоили, Анисья Ивановна, госпожу докторшу... У меня, собственно говоря, ничего серьезнаго...

«Графъ» храбрился нарочно, нѣсколько стѣсняясь осмотромъ женщины, а самъ хорошо сознавалъ серьезность болѣзни и жаждалъ помощи.

— Я и не сомнѣваюсь въ этомъ. А все-таки не позволите ли васъ выслушать?

Докторша сказала это такъ просто, такъ участливо, и живые, умные ея глаза глядѣли съ такою ласковою серьезностью, что «графъ» проговорилъ:

— Что-жъ... Если вы находите нужнымъ...

И онъ разстегнулъ воротъ сорочки.

Докторша долго и внимательно выслушивала и выстукивала все еще богатырскую грудь «графа» и, предложивъ ему поставить термометръ, проговорила:

— Болѣзнь ваша серьезнѣе, чѣмъ вы думаете... Конечно, опасности нѣтъ, но вамъ придется нѣсколько времени пролежать въ постели.

«Графъ» пристально посмотрѣлъ на докторшу.

Его ввалившіеся большіе черные глаза, горѣвшіе лихорадочнымъ блескомъ, глядѣли съ выраженіемъ какой-то грустной насмѣшливости.

— Вы полагаете... опасности нѣтъ?—прошепталъ онъ и, замѣтивъ, что Антошка жадно и испуганно прислушивается, прибавилъ:—вы говорите по-нѣмецки?

— Говорю!—отвѣтила докторша, нѣсколько смущенная этимъ взглядомъ и ироническимъ тономъ его словъ.

И «графъ» продолжалъ по-нѣмецки:

— Не скрывайте отъ меня правды. Я знаю, что я опасенъ... Я бывалъ въ рукахъ докторовъ... Воспаленіе легкихъ въ мои годы и при такой обстановкѣ... Finita la comedia? Не правда ли?.. Если такъ, то не лучше ли меня свезти въ больницу, чтобъ не стѣснять эту добрую хозяйку... И кромѣ того мнѣ надо распорядиться насчетъ этого мальчика... Это—единственное существо на свѣтѣ, ради котораго я хотѣлъ бы еще жить...

Докторша замѣтила, что въ настоящее время было бы

опасно перевозить его въ больницу, и снова повторила; что не отчаивается въ его выздоровленіи.

— Ну, спасибо вамъ... спасибо! — проронилъ по-русски усталымъ голосомъ «графъ».—Я жить все-таки хочу!—прибавилъ онъ

Докторша прописала рецептъ, велѣла поставить мушки и оставила термометръ, чтобы три раза въ день измѣрять температуру.

— А вы будете записывать ее! Сумѣете?—обратилась она къ Антошкѣ.

— Онъ сумѣетъ!—не безъ горделиваго чувства вставилъ «графъ».

— Ну, до свиданія... Вечеромъ я опять зайду.

— Благодарю васъ...

Она протянула ему руку и, ласково кивнувъ головой, вышла изъ комнаты больного и, сдѣлавъ Анисьѣ Ивановнѣ соотвѣтствующія наставленія, проговорила, вынимая изъ портмоне деньги:

— Вотъ возьмите десять рублей... Понадобятся... Купите больному вина... мадеры... давайте понемногу...

Но Анисья Ивановна горячо протестовала... У нея есть деньги... Она сама купитъ, что нужно... И наконецъ можно дать знать родственникамъ графа... Они помогутъ...

Взволнованная вышла докторша изъ этой квартиры. Этотъ нищій больной, заботившійся о такомъ же нищемъ пріемышѣ... Эта добрая женщина, отказывающаяся отъ денегъ... Все это произвело на чуткую, отзывчивую докторшу сильное впечатлѣніе.

Она спускалась по лѣстницѣ, когда ее нагналъ Антошка и спросилъ:

— Госпожа докторша... Какъ графъ?.. Не помретъ?..

— Съ чего вы взяли?.. Надѣюсь, что онъ поправится...

— О, вылѣчите его... вылѣчите его, добрая барыня!.. Если-бъ вы знали только, какой онъ добрый... Мнѣ вотъ справилъ полушубокъ, а самъ...

И съ этими словами Антошка бѣгомъ побѣжалъ въ аптеку за лѣкарствами и въ лавку за виномъ.

XXI.

Сила живучести оказалась дѣйствительно большой у «графа». Несмотря на его расшатанный организмъ и долгіе годы пьянства, онъ выдержалъ воспаленіе легкихъ. Черезъ нѣсколько дней острый періодъ болѣзни миновалъ, и докторша, навѣщавшая его ежедневно по два раза и привозившая ему

сама лѣкарства, радостная и веселая, объявила ему, что теперь онъ внѣ опасности.

Растроганный «графъ» благодарилъ Елизавету Марковну и называлъ ее своей спасительницей. Антошка, всѣ эти дни ухаживавшій за «графомъ», чуть не прыгалъ отъ радости и глядѣлъ на докторшу съ какимъ-то особеннымъ почтеніемъ.

Когда она ушла, «графъ» въ первый разъ съ аппетитомъ поѣлъ бульона и, присаживаясь на кровати, сказалъ:

— Ну, теперь, Антошка, надо и о дѣлахъ подумать... Небось, много мы задолжали Анисьѣ Ивановнѣ?.. Дай-ка мнѣ сюда перо и бумаги... Напишу-ка племянницѣ... Она добрая, не откажетъ... А ты снесешь ей письмо... Только смотри, по черному ходу неси... А то на парадной швейцаръ— большая бестія и не пуститъ тебя. Постарайся самой барышнѣ въ руки отдать письмо...

— Будьте спокойны, графъ! Все, какъ слѣдуетъ, обдѣлаю!— не безъ гордости отвѣчалъ Антошка.

«Графъ» принялся за письмо, какъ въ комнату вошла Анисья Ивановна и смущенно проговорила:

— Александръ Иванычъ... Околоточный зачѣмъ-то хочетъ васъ видѣть... Ужъ два раза приходилъ... Такъ я упросила его подождать... Говорю: совсѣмъ вы больны... Ну, а теперь... настоятельно требуетъ...

— Околоточный!?.. Что̀ ему нужно?.. Попросите его сюда, Анисья Ивановна.

При имени «околоточнаго» Антошка струхнулъ.

Черезъ минуту въ комнату вошелъ молодой, довольно представительный и чистенькій околоточный и, бросая взглядъ на Антошку, вѣжливо поклонился «графу» и проговорилъ:

— Насчетъ васъ бумага изъ участка... Не угодно ли прочесть...

— Удивляюсь, что̀ нужно отъ меня полиціи?—промолвилъ «графъ», растягивая для важности слова и щуря глаза.— Дайте, пожалуйста, эту бумагу.

Околоточный вынулъ ее изъ портфеля и подалъ «графу». Тотъ пробѣжалъ ее и измѣнился въ лицѣ.

Въ этомъ предписаніи частному приставу предлагалось объявить отставному гвардіи штабъ-ротмистру Александру Опольеву о томъ, чтобы онъ немедленно отправилъ проживающаго у него незаконнаго крестьянскаго сына Антона Щигрова, 14 лѣтъ, въ пріютъ общества «Помогай ближнему!». Въ случаѣ же оказанія названнымъ Опольевымъ какого-либо препятствія отобрать отъ него Антона Щигрова, объявивъ Опольеву, что за уклоненіе отъ распоряженій начальства онъ будетъ подвергнутъ строжайшему взысканію.

— По по какому же это праву!? — воскликнулъ «графъ», бросая тоскливый взглядъ на Антошку. — Если онъ не желаетъ въ пріютъ...

Антошка понялъ, что околоточный пришелъ изъ-за него, и сталъ бѣлѣе рубашки.

— Извините-съ... Я ничего не знаю... Я подчиненный чинъ.. Потрудитесь расписаться...

Но вмѣсто того «графъ» снова воскликнулъ:

— Эта дура княгиня, моя двоюродная сестра, хочетъ насильно тащить въ пріютъ мальчика, о которомъ я просилъ... Это она затѣяла всю эту подлую... исторію... Но я... я не позволю... Слышишь, Антошка?.. Мы не позволимъ... Ты не будешь въ пріютѣ!.. Экіе мерзавцы, эти благотворители! — кипятился возмущенный графъ.

И, обращаясь къ околоточному, проговорилъ:

— Послушайте... Прошу васъ повременить день-другой... Даю вамъ слово, что мальчикъ не убѣжитъ, а я сейчасъ же напишу этой княгинѣ и еще одной родственницѣ... попрошу ихъ, чтобы онѣ немедленно просили объ отмѣнѣ этого нелѣпаго распоряженія... Если на то пошло, я усыновлю этого мальчика, и, надѣюсь, тогда никто не посмѣетъ взять у меня... О, какіе же они мерзавцы!.. Отвернулись всѣ отъ меня и теперь хотятъ отнять единственное близкое мнѣ созданіе... Послушайте, г. околоточный, вы молоды, у васъ, вѣроятно, еще не заглохли чувства... Умоляю васъ, повремените день-другой...

— Повремените!—просила и Анисья Ивановна.

— Что-жъ... я... пожалуй... доложу, что вы еще больны и находитесь въ безсознательномъ состояніи.

— Благодарю васъ... Вы—человѣкъ!— промолвилъ «графъ», протягивая околоточному руку.

Черезъ нѣсколько минутъ Антошка бѣжалъ въ домъ Опольева съ письмомъ къ Нинѣ, передавъ другое письмо къ княгинѣ Моравской посыльному.

Ахъ, какія краснорѣчивыя были эти письма горемычнаго «графа»!

XXII.

Появившись въ большой кухнѣ Опольевыхъ, Антошка на этотъ разъ не интересовался наблюденіями. Онъ не обратилъ своего вниманія ни на обстановку, ни на количество мѣдной посуды, ни на низенькую приземистую фигуру повара, стоявшаго у плиты и мѣшавшаго что-то въ кастрюлѣ большой ложкой, а, поглощенный одною мыслью—передать какъ можно

скорѣе письмо по назначенію—обратился къ молодому кухонному мужику, который, недалеко отъ дверей, перемывалъ въ жестяной лохани тарелки.

Голосъ Антошки дрожалъ тревожнымъ нетерпѣніемъ, когда онъ спросилъ молодого парня:

— Скажите, пожалуйста, барышня дома?

— Барышня? А тебѣ зачѣмъ барышня?

— Письмо имъ есть... Передать бы.

— Обожди. Кто-нибудь изъ комнатъ придетъ и возьметъ... И дома ли, нѣтъ ли барышня -скажетъ...

— Должно - быть, дома, еще не завтракали, — замѣтилъ, отворачиваясь отъ плиты, поваръ, довольно благообразный старикъ съ сѣдыми кудреватыми волосами, выбивавшимися изъ-подъ бѣлаго колпака.

И, оглядѣвши Антошку своими добродушными и въ то же время любопытными небольшими глазками, спросилъ:

— А ты отъ кого съ письмомъ, мальчикъ?

— Отъ одного бѣднаго ихъ сродственника... Онѣ знаютъ...

— На бѣдность, значитъ, проситъ?

— Очень даже нуждаются...

Поваръ подумалъ и сказалъ:

— Вѣрно, это тотъ самый сродственникъ, котораго генералъ приказалъ не пускать и писемъ отъ него не принимать...

— То-то отъ него письмо къ барышнѣ.

— А онъ какъ же доводится генералу... Ты не знаешь?— любопытно допрашивалъ старикъ.

— Родной братъ...

— Родной братъ?—воскликнулъ старикъ-поваръ, необыкновенно изумленный.—Ты это вѣрно знаешь?

— Очень даже вѣрно...

— А мы полагали, что такъ, какой - нибудь дальній... Однако! Родной братъ такого важнаго генерала, а швейцаръ говорилъ, что ходитъ въ родѣ нищаго въ самомъ послѣднемъ костюмѣ...

— И вовсе даже нищіе... Изъ-за своей легкой одежи чуть не умерли! — пояснилъ Антошка, замѣтивъ, что поваръ видимо не сочувствуетъ такому безсовѣстному отрицанію кровныхъ узъ.

— Нищій... братъ генерала Опольева!.. Нечего сказать... прокламація!.. Видно, на братца не надѣется, что къ племянницѣ пишетъ?

— Ужъ какая надежда, — съ сердцемъ проговорилъ Антошка:—ежели вашъ генералъ вовсе отказался отъ родного

брата... Пропадай, молъ, какъ собака, а мнѣ наплевать... И сколько горя принялъ Александръ Иванычъ, генеральскій-то братъ... Такого, можно сказать, важнаго званія господинъ, офицеромъ въ уланахъ служилъ—и по улицамъ милостыню собиралъ... И всѣ сродственники отъ него отреклись за роднымъ братомъ... Допустили, чтобы человѣкъ терпѣлъ... А еще все графы да князья!—возмущенно закончилъ Антошка.

— Ддда... времена!.. Родного брата и... въ шею! Очень даже просто!—протянулъ, ни къ кому не обращаясь, старикъ и вздохнулъ, покачавъ головой.

Онъ снова сталъ мѣшать въ кастрюлѣ, черпнулъ ложкой и, попробовавъ соусъ, спросилъ:

— А ты какъ же знаешь генеральскаго брата?

Антошка въ короткихъ словахъ разсказалъ свою исторію.

Поваръ, видимо удивленный и тронутый, промолвилъ раздумчиво:

— Ишь вѣдь какія бываютъ на свѣтѣ дѣла!.. Нищій, а призрѣлъ сироту... Богатый, и родного брата въ шею... Ловко!

— Жалостливый!—вставилъ и кухонный мужикъ, необыкновенно сосредоточенно и словно бы сердито слушавшій разсказъ Антошки.

— А ты вотъ что, Аѳанасій, — обратился къ мужику поваръ — возьми-ка отъ мальчика письмо да снеси Дуняшѣ, пусть, молъ, самой барышнѣ передастъ, да у ней въ комнатѣ... Чтобы, значитъ, генералъ не провѣдалъ... Да оботри прежде руки-то... Письмо замараешь... Вотъ такъ... неси теперь Дуняшѣ... И лакеямъ не показывай...

Когда Аѳанасій ушелъ, поваръ ласково сказалъ Антошкѣ:

— Пока присядь, мальчикъ. Богъ дастъ, барышня не откажетъ помочь горемычному дяденькѣ... Она у насъ добрая... непохожа на отца... Тотъ вовсе какъ будто каменный! — прибавилъ, понижая голосъ, поваръ.

— Безпремѣнно поможетъ! — увѣренно подтвердилъ Антошка.

— Ты почему же полагаешь?

— Она разъ прислала двадцать пять рублей, будто отъ отца... И велѣла въ письмѣ, ежели что, къ ней писать, а не къ отцу...

— Ишь ты! Папеньку своего не захотѣла оконфузить!— промолвилъ поваръ.

Въ скоромъ времени, вслѣдъ за кухоннымъ мужикомъ, въ кухню вошла молодая горничная Дуняша и велѣла Антошкѣ идти за собой.

— Барышня хочетъ тебя видѣть!—привѣтливо сказала она.

Пина дожидалась въ маленькой комнатѣ Дуняши, находившейся въ коридорѣ, собираясь принять Антошку почти тайкомъ.

Необыкновенно участливо и внимательно, нѣсколько смущенная и точно чувствуя себя въ чемъ-то виноватою, слушала эта худощавая молодая дѣвушка съ большими темно-сѣрыми глазами возбужденный разсказъ Антошки, въ дополненіе къ письму, о «графѣ», объ его болѣзни, объ его добротѣ, и когда Антошка окончилъ разсказъ мольбой о томъ, чтобъ его не отдавали въ пріютъ и не разлучали съ «графомъ», который всѣми брошенъ,—молодая дѣвушка, потрясенная и возмущенная, обѣщала непремѣнно сегодня же поѣхать къ княгинѣ и просить ее отмѣнить свое распоряженіе.

Она торопливо отдала Антошкѣ конвертъ съ двадцатью пятью рублями и проговорила:

— Кланяйся отъ меня дядѣ. Извинись, что мало посылаю... Скоро еще пришлю... Успокой его... Скажи, что я буду просить княгиню... Она не возьметъ тебя въ пріютъ... я увѣрена... ты останешься при дядѣ... Ты вѣдь такъ его любишь...

— Еще бы не любить!..—воскликнулъ Антошка.

— И дядя и ты, оба вы хорошіе! — возбужденно произнесла дѣвушка:—и я сдѣлаю для васъ все, что̀ могу...

— Спаси васъ Богъ, добрая барышня... Какъ графъ-то обрадуется, что вы жалѣете его... А то... вѣдь онъ чуть-было не умеръ...

— Зачѣмъ же онъ не написалъ мнѣ?

— Шибко боленъ былъ... Безъ памяти лежалъ, барышня...

— Бѣдный!.. Ну, иди же къ нему, Антошка... Кланяйся... Вотъ и тебѣ... возьми, возьми!—говорила она, доставая изъ портмоне послѣдній рубль, бывшій тамъ, и отдавая его Антошкѣ.—Что-нибудь себѣ купишь...

Антошка вышелъ благодарный и обрадованный.

«Теперь «графъ» не пропадетъ. Племянница его не чета всѣмъ этимъ княгинямъ и графинямъ. Сейчасъ видно, какая она простая да жалостливая!»—думалъ Антошка, торопливо возвращаясь домой.

Рубль, полученный имъ, заставилъ его задуматься о томъ, что̀ бы такое купить графу на эти деньги, что̀ доставило бы ему удовольствіе. Долго онъ ломалъ надъ этимъ вопросомъ голову и наконецъ рѣшилъ, что вино очень полезно «графу», тѣмъ болѣе, что и докторша во время болѣзни приказывала давать вина и сама его привозила, и Антошка, войдя въ погребъ, потребовалъ самой лучшей мадеры въ рубль.

XXIII.

Разсказъ Антошки произвелъ на молодую дѣвушку сильное впечатлѣніе.

Первый разъ въ жизни она непосредственно услыхала объ ужасахъ нищеты и горя несчастныхъ людей. До этого она, случалось, читала объ этомъ въ книгахъ или слыхала мимоходомъ въ разговорахъ, что люди впадаютъ въ нищету по своей винѣ, но никогда не задумывалась надъ этимъ вопросомъ. Богатая, избалованная, получившая домашнее воспитаніе, жившая въ замкнутомъ кружкѣ такихъ же богатыхъ и чиновныхъ людей, она не могла себѣ представить, что за этимъ міромъ довольства, блеска и роскоши существуютъ на свѣтѣ люди, не имѣющіе ни пищи, ни платья, ни крова, нуждающіеся въ кускѣ хлѣба въ то время, когда ей шьютъ бальное платье, стоящее большихъ денегъ, или дарятъ дорогія бездѣлки.

А теперь эти мысли бродили въ ея головѣ, находили откликъ въ добромъ сердцѣ дѣвушки, и ей непремѣнно хотѣлось помочь и этому несчастному дядѣ и этому мальчику.

Какъ ни было ей тяжело осуждать отца, но она осудила его въ душѣ за то, что онъ такъ жестоко отнесся къ родному брату, и она припомнила тѣ ужасныя слова отца, которыя онъ говорилъ по поводу письма, полученнаго мѣсяцъ тому назадъ отъ дяди, въ которомъ онъ молилъ о помощи для мальчика. И тогда она почувствовала правдивость этого письма. И тогда она подумала, что отецъ неправъ, считая своего брата лжецомъ... И тогда она находила жестокимъ поведеніе отца и, полная стыда за него, послала свои двадцать пять рублей. А теперь, послѣ того, какъ услыхала эту трогательную исторію двухъ бездомныхъ, горемычныхъ существъ, молодая дѣвушка невольно еще строже судила отца, и слова его казались ей теперь безсердечными.

О, какъ бы хотѣлось ей помирить отца съ дядей... Откуда такое озлобленіе? Ужели отецъ недоступенъ жалости и не можетъ отнестись къ нему тепло и сердечно, ободрить его, помочь ему?..

Но при мысли объ этомъ ей становилось жутко, и невольныя сомнѣнія закрадывались въ ея голову. Отецъ — непреклоненъ и, что̀ разъ рѣшилъ, не мѣняетъ. И смѣетъ ли она учить отца? И станетъ ли онъ ее слушать?

Но если отецъ не исполняетъ то, что̀ велитъ и долгъ и любовь, она должна исполнить. Она не допуститъ, чтобы родной братъ отца нищенствовалъ, собирая милостыню на

улицахъ, и чтобы отъ него отняли этого мальчика, котораго онъ такъ любитъ. Это безжалостно, возмутительно!

Возбужденная и радостная, что и у нея, скучающей и неудовлетворенной тою жизнью, которую заставляли ее вести, нашлось вдругъ дѣло, что и она можетъ быть полезной двумъ существамъ, молодая дѣвушка вышла изъ своей комнаты и прошла въ кабинетъ къ матери.

Нина разсказала ей то, что слышала отъ Антошки, и проговорила:

— Мама! Вѣдь необходимо помочь дядѣ и этому мальчику!

Госпожа Опольева, женщина добродушная, но благоговѣвшая передъ мужемъ, хотя и согласилась съ дочерью, что этотъ «несчастный дядя» заслуживаетъ помощи и что онъ всегда возбуждалъ въ ней жалость, но прибавила:

— А что скажетъ отецъ, Нина?

— Но развѣ, мама, мы-то сами не можемъ помочь, помимо папы, его родному брату?.. И наконецъ вѣдь онъ вовсе не такой дурной... Напротивъ, эта исторія съ мальчикомъ... эти заботы о немъ...

— Но почему дядя обратился къ тебѣ, Нина?.. Онъ тебя совсѣмъ не знаетъ... Видѣлъ маленькой дѣвочкой...

Нина призналась матери, что раньше послала дядѣ отъ имени отца деньги, и теперь послала.

— Видишь, ты какая! — растроганно произнесла мать и нѣжно потрепала дочь по щекѣ своей бѣлой, пухлой рукой въ кольцахъ. — А если папа узнаетъ объ этомъ? Вѣдь онъ будетъ недоволенъ... Ты вѣдь знаешь его мнѣніе о дядѣ?

— И пусть узнаетъ... Я тогда сама разскажу папѣ, что онъ ошибается... И папа, быть-можетъ, убѣдится и... помирится съ дядей.

Опольева сдѣлала отрицательный жестъ.

— Этого никогда не будетъ! — произнесла она грустнымъ тономъ.

— Но если ты, мама, его попросишь...

— Я ужъ пробовала...

— Но за что же такая ненависть?.. Что же наконецъ сдѣлалъ такое дядя, что отъ него всѣ отшатнулись и довели его до нищенства?—воскликнула Нина. — Разскажи мнѣ, мама...

Мать разсказала извѣстную читателю исторію «графа».

— Что-жъ тутъ такого ужаснаго, мама?.. Развѣ дядя не могъ исправиться? И развѣ многіе молодые люди не то же дѣлаютъ?.. И однако ихъ не изгоняютъ изъ общества... Помнишь, еще недавно какую исторію разсказывали о графѣ

Бѣжецкомъ... Онъ сдѣлалъ вещи похуже, чѣмъ бѣдный дядя, и тѣмъ не менѣе его вездѣ принимаютъ... И папа и ты съ нимъ любезны... Онъ остался въ полку...

— Положимъ, съ дядей сурово обошлись... не спорю,—замѣтила мать: — но все-таки такъ опуститься, сдѣлаться пьяницей, нищимъ...

— Но кто же въ этомъ виноватъ? Развѣ родные поддержали его тогда? Напротивъ, всѣ, какъ ты говоришь, его оставили и сами же обвиняютъ его. Ахъ, мама, мама, какъ это несправедливо и безжалостно! — воскликнула молодая дѣвушка.—Нѣтъ, мама, голубчикъ, милая, добрая, ты ужъ позволь мнѣ помогать дядѣ... я буду давать ему въ мѣсяцъ свои двадцать пять рублей... И свои непремѣнно... Мнѣ на булавки и остальныхъ двадцати пяти за-глаза довольно... И не нужно папѣ говорить... Пусть дядя будетъ думать, что это онъ посылаетъ... Не правда ли?..

— Ну, что-жъ, дѣлай, какъ хочешь, добрая моя дѣвочка, возьми и отъ меня маленькую лепту... пошли ему еще десять рублей... Я буду давать каждый мѣсяцъ.

— Спасибо за дядю и за мальчика, мамочка... Теперь они, по крайней мѣрѣ, не будутъ нищенствовать... А за этого мальчика я буду просить тетю Мери... Я послѣ завтрака къ ней поѣду... Можно?

— Поѣзжай... только врядъ ли ее застанешь послѣ завтрака... Вѣдь Marie, ты знаешь, всегда занята... Время у нея распредѣлено...

— Я теперь поѣду...

— А завтракать?..

— Богъ съ нимъ съ завтракомъ... Потомъ позавтракаю...

— Такъ прикажи закладывать карету...

— Нѣтъ, я лучше въ саняхъ, мамочка...

И съ этими словами Нина вышла изъ кабинета матери и попросила Дуняшу приказать запрячь сани.

Черезъ полчаса она уже ѣхала къ княгинѣ Моравской. Дорогой у нея явилась мысль послѣ визита къ Моравской поѣхать къ дядѣ. То-то онъ обрадуется! Непремѣнно надо навѣстить его. Мама навѣрное не разсердится! А отецъ не будетъ знать объ этомъ!

— Дома княгиня?

— Дома, пожалуйте!

Молодая дѣвушка быстро поднялась по лѣстницѣ.

Лакей встрѣтилъ ее у дверей почтительнымъ поклономъ и, проводивъ до гостиной, пошелъ докладывать княгинѣ.

XXIV.

Княгиня Марья Николаевна съ четверть часа тому назадъ вернулась съ прогулки, по обыкновенію, свѣжая, цвѣтущая и румяная, въ томъ спокойномъ, увѣренномъ и довольномъ расположеніи духа, которое бываетъ у счастливо-уравновѣшеннаго человѣка, сознающаго, что все, что онъ дѣлаетъ, хорошо и плодотворно, и что самъ онъ безупреченъ.

Сегодня во время прогулки именно такія мысли занимали княгиню, и она съ горделивымъ чувствомъ подумала, что она живетъ не такъ, какъ другія женщины. Въ самомъ дѣлѣ, бо́льшую часть женщинъ ея круга занимаютъ выѣзды, наряды, сплетни, флиртъ и разныя сердечныя увлеченія, доводящія многихъ до забвенія всякихъ приличій,—а она вся поглощена дѣятельностью. Сколькимъ людямъ она благотворитъ, сколько несчастныхъ благодаря ей сдѣлались счастливѣе, сколько дѣтей призрѣвается въ пріютахъ... А всѣ эти благотворительные концерты, спектакли и базары, устраиваемые благодаря ея энергіи и настойчивости, какъ много даютъ они средствъ на добрыя дѣла?..

Благодаря ея дѣятельности, она не скучаетъ, не нервничаетъ, какъ эти свѣтскія дамы... Жизнь ея полна смысла, и она несетъ «крестъ свой» безъ всякаго ропота... Да и Богъ съ нимъ, съ этимъ семейнымъ счастьемъ... Она обходится и безъ него, и не надо ей какой-то любви, о которой такъ хлопочутъ многія женщины. Она и въ молодости никого не любила и вышла замужъ за старика по разсудку, такъ ужъ теперь...

Съ жестокостью женщины, никогда не увлекавшейся и всегда исполнявшей свой долгъ съ неумолимой строгостью, княгиня не отказала себѣ въ маленькомъ удовольствіи осудить тѣхъ, кто распускаетъ себя, мысленно назвать ихъ презрительной кличкой и брезгливо пожать плечами...

И сама она внутренно гордилась своею безупречностью, не подозрѣвая, конечно, что эта безупречность въ значительной мѣрѣ зависѣла отъ ея уравновѣшенной, честолюбивой и холодной натуры, и съ самодовольнымъ чувствомъ думала, что она примѣрная во всѣхъ отношеніяхъ женщина, благодаря твердымъ принципамъ, основаннымъ на религіозномъ фундаментѣ.

Съ такимъ заключеніемъ она вернулась домой, сдѣлавши свой узаконенный моціонъ, рекомендованный ей докторомъ, чтобы не полнѣть.

Письмо «графа», которое княгиня только что прочла, нѣ-

сколько смутило молодую женщину и, главное, нарушило ея спокойное расположеніе духа и поколебало ея увѣренность въ томъ, что все, что она дѣлаетъ, хорошо и полезно.

Давно-давно не читала княгиня такихъ писемъ, хотя получала ихъ много.

Это было страстное, умоляющее и вмѣстѣ съ тѣмъ негодующее письмо возмущеннаго и несчастнаго человѣка, полное ядовитыхъ сарказмовъ насчетъ желанія кузины спасать людей при помощи полиціи и дѣлать не добро, а зло. Искренностью и горемъ дышали эти строки, въ которыхъ «графъ» объяснялъ, что такое для него этотъ мальчикъ, возродившій его къ жизни, его, одинокаго и всѣми брошеннаго. Неужели милые родственники, не желающіе его знать, хотятъ отнять единственное преданное ему существо. «Это было бы безсовѣстно и бездушно, княгиня, — писалъ «графъ». — Если вы это сдѣлаете, значитъ, вы сами никогда и никого не любили, кромѣ себя, и ваша благотворительность—ничего не стоитъ, она для васъ — удовлетвореніе тщеславія, и больше ничего. Ужели у васъ хватитъ жестокости нанести послѣдній ударъ тому человѣку, который — помните? — когда-то былъ вашимъ искреннимъ почитателемъ. Впрочемъ, и тогда вы были всегда слишкомъ холодны и разсудительны, и если теперь эти качества получили полное развитіе, то отъ васъ ждать пощады нечего... Вы, конечно, думаете, что я, отверженный, буду виновникомъ погибели мальчика... У васъ вѣдь, у сытыхъ, богатыхъ людей, и особенно у благотворителей... такая мораль... Вы воображаете, что ваши пріюты — спасаютъ... О, какъ вы ошибаетесь и какъ вы слѣпы, если-бъ только могли это понять... Простите за рѣзкость письма, но поймите, если не можете чувствовать, что вы хотите сдѣлать... Повремените по крайней мѣрѣ. Соберите справки, узнайте обо мнѣ, посылайте своихъ благотворителей справляться о мальчикѣ, и если свѣдѣнія эти будутъ неблагопріятны, тогда... тогда берите его въ пріютъ, изъ котораго Антошка, конечно, убѣжитъ и, благодаря вамъ, дѣйствительно попадетъ, какъ вы выражаетесь, въ «когти порока»... Нѣтъ, вы этого не сдѣлаете, кузина... Не сдѣлаете».

Прошла минута-другая, а княгиня все еще держала письмо въ рукахъ. Она хотѣла бы отнестись къ этому дерзкому письму съ презрѣніемъ—и чувствовала, что не можетъ... Она хотѣла увѣрить себя, что это пишетъ «пропавшій человѣкъ», пьяница, негодяй, и что на этотъ «пьяный бредъ» не стоитъ обращать вниманія, и тѣмъ не менѣе чувствовала, что этотъ «бредъ» задѣваетъ ее и что онъ дышитъ правдой...

И ея красивое, спокойное, увѣренное въ себѣ лицо омрачилось тѣнью. Вмѣсто того, чтобы разорвать письмо, она положила его на письменный столъ и задумалась...

Въ эту минуту постучали въ двери.

— Войдите!

— Нина Константиновна Опольева!—доложилъ лакей.

— Просите сюда!—проговорила княгиня.

Она поднялась и пошла встрѣтить молодую дѣвушку.

Княгиня очень благоволила къ своей молодой родственницѣ. Она считала Нину серьезной дѣвушкой, а не обыкновенной свѣтской пустельгой, которая только ищетъ жениховъ и занимается кокетствомъ.

— Какой счастливый вѣтеръ занесъ тебя, Нина? — говорила княгиня, цѣлуя молодую дѣвушку.—У васъ всѣ здоровы: мама, отецъ?

— Всѣ здоровы, тетя Мери... А къ вамъ я, тетя, съ просьбой, съ большой просьбой.

— Да ты присядь прежде, Нина...

Нина опустилась на маленькій диванчикъ.

— Ну, теперь разсказывай, въ чемъ дѣло...

«Волнуясь и спѣша», молодая дѣвушка стала просить княгиню не опредѣлять Антошку въ пріютъ.

— Если-бъ вы знали, тетя, какъ любятъ они другъ друга: бѣдный дядя и этотъ мальчикъ!.. Онъ сейчасъ у меня былъ и разсказывалъ, что дядя былъ опасно боленъ, чуть не умеръ, простудился, когда вышелъ въ легкомъ пальто собирать милостыню... А этого своего пріемыша ни за что не пускалъ... Его одѣлъ, а объ себѣ не подумалъ... Вообще тутъ все необыкновенно, тетя, и доказываетъ, что дядя вовсе не такой дурной человѣкъ... Напротивъ...

— И твой папа такъ нынѣ думаетъ?

— Нѣтъ, тетя... Папа предубѣжденъ противъ дяди...

— А ты, Нина, увлекаешься... Я тоже получила сейчасъ письмо отъ кузена... и очень дерзкое и наглое... И онъ требуетъ, чтобъ я не опредѣляла его пріемыша въ пріютъ... И какой тонъ... Какія выраженія!..

— Но, тетя, онъ такъ несчастенъ... Полиція грозитъ отнять мальчика...

— Да, я просила объ этомъ, чтобы его спасти... Онъ произвелъ на меня хорошее впечатлѣніе, этотъ мальчикъ. Въ пріютѣ ему было бы лучше!—настаивала княгиня.

— Онъ убѣжитъ изъ пріюта... Онъ не хочетъ туда!

— И твой дядя пишетъ, что убѣжитъ... Вотъ дѣлай послѣ этого добро людямъ... Хлопочи о нихъ! — съ сердцемъ про-

молвила княгиня. — Что̀ можетъ выйти изъ этого мальчика? Нищій, пьяница, воръ...

— О, нѣтъ, тетя, нѣтъ... О немъ и о дядѣ будутъ заботиться... Дядя больше не станетъ просить милостыни... Нѣтъ!— энергично протестовала Нина, вся вспыхивая.

— Ты хочешь помогать ему?

— Да, тетя.

— Напрасно, моя милая... Надо помогать съ разборомъ... Твои деньги пойдутъ на пьянство... Твой дядя совсѣмъ погибшій человѣкъ...

— Не думаю, тетя...

— А я увѣрена... Ужъ если помочь ему, то иначе...

— Какъ, тетя?

— А вотъ какъ: помѣстить его въ богадѣльню. Я берусь это устроить. Это было бы лучше всего!

И княгиня вся засіяла отъ этой, неожиданно осѣнившей ея голову мысли. Въ самомъ дѣлѣ, чего же лучше!

— Но если дядя не захочетъ, тетя, въ богадѣльню?—промолвила Нина и невольно улыбнулась этому неудержимому желанію княгини благодѣтельствовать людямъ, не спросивши у нихъ, хотятъ ли они этого.

— Ну и дуракъ, если не захочетъ! — категорически отрѣзала княгиня. Ему, значитъ, нравится жизнь, которую онъ ведетъ.

— Нѣтъ, милая тетя, ужъ вы исполните просьбу... Оставьте дядѣ мальчика... Не откажите, голубчикъ-тетя! — упрашивала Нина.

— Ну, хорошо... Я уступаю... Не хотятъ люди добра — какъ хотятъ, а я умываю руки! — проговорила наконецъ княгиня.

— И напишите поскорѣй кому тамъ нужно, а то полиція возьметъ мальчика.

— Я сейчасъ протелефонирую.

И княгиня подошла къ телефону, вызвала, кого слѣдуетъ, и просила отмѣнить распоряженія.

— Ну, теперь однимъ нищимъ на свѣтѣ будетъ больше... поздравляю! Ты довольна этимъ, Нина?—проговорила княгиня.

Но тонъ ея голоса звучалъ весело. Она, казалось, сама была рада, что исполнила просьбу и оставила Антошку при «графѣ».

— А мнѣ кажется, что теперь двумя менѣе несчастными людьми будетъ болѣе!—замѣтила Нина, улыбаясь своими большими кроткими глазами.

— Ты, Нина, еще очень молода и потому смотришь въ ро-

зовыя очки... Дай Богъ, чтобъ бѣдный кузенъ исправился благодаря мальчику, хотя я мало вѣрю въ исправленіе такихъ людей... Согласна, что это въ самомъ дѣлѣ трогательная исторія... Письмо его, хоть и дерзкое, а кажется искреннимъ и, признаюсь, произвело и на меня впечатлѣніе...

— Вотъ видите, тетя... Что̀ онъ пишетъ?

— Онъ болѣе бранится... Ну, довольно объ этомъ. Что̀ кончено, то кончено... Разскажи о себѣ... Я тебя давно не видала... Что̀ ты дѣлаешь? Надѣюсь, ты съ нами позавтракаешь? Я тебя не отпущу, слышишь? Довольна ты своей жизнью?

Молодая дѣвушка призналась, что та жизнь, которую она ведетъ, ея не удовлетворяетъ.

— Ну еще бы!.. Есть чѣмъ удовлетворяться! Эти ваши скучнѣйшіе балы, эти ваши глупые фиксы и глупые кавалеры... Надѣюсь, не влюбилась еще ни въ одного изъ этихъ господъ?

— Нѣтъ, тетя...

— И слава Богу... Я всегда считала тебя умной дѣвочкой... А что̀ ты читаешь? Не одни романы, конечно?

— Нѣтъ, тетя... Я и журналы читаю...

— Тебѣ бы надо, Нина, дѣломъ заняться...

— Какимъ, научите, тетя...

— Сдѣлайся членомъ нашего общества «Помогай ближнему!» и, если захочешь, дѣло найдется...

— Я охотно готова бы работать... Но только...

Она не договорила, нѣсколько смущенная.

— Что̀ же тебя останавливаетъ?

— Папа не особенно любитъ всѣ эти благотворительныя общества...

Княгиня вспыхнула.

— Твой отецъ — извини, а ужъ я прямо скажу — совсѣмъ сдѣлался въ послѣднее время чиновникомъ и не понимаетъ никакого живого дѣла... Мы съ нимъ не разъ ссорились изъ-за этого... По его мнѣнію, только то хорошо, что̀ вышло изъ канцелярій, а свободная частная дѣятельность ему не по сердцу... Онъ и меня считаетъ въ родѣ сумасшедшей... я знаю... Но я съ нимъ поговорю о тебѣ, и надѣюсь, что онъ позволитъ тебѣ работать подъ моимъ наблюденіемъ... Хочешь?..

— Съ бо́льшимъ удовольствіемъ!

— Очень рада... Ты, по крайней мѣрѣ, будешь полезна ближнимъ... А теперь ты что̀?.. Барышня съ хорошимъ приданымъ, за которой охотятся женихи... Нечего сказать, пріятное положеніе... И знаешь, что̀ я тебѣ скажу, Нина?..

— Что̀, тетя?..

— Не торопись выходить замужъ.

— Я и не тороплюсь.

— Тебѣ двадцать лѣтъ... Подожди еще лѣтъ пять...

— Охотно буду ждать, тетя!—разсмѣялась Нина.

— И — главное, Нина—не выходи замужъ по разсчету, и особенно за старика... Избави тебя Богъ отъ этого!—какъ-то значительно и серьезно проговорила княгиня.—Ну, а теперь пойдемъ завтракать, — круто оборвала она разговоръ, когда вошедшій лакей доложилъ, что завтракъ поданъ.

XXV.

— Куда, прикажете, барышня, домой? — спросилъ кучеръ послѣ того, какъ швейцаръ Моравскихъ усадилъ Нину въ санки и застегнулъ полость.

— Нѣтъ, Иванъ... Поѣзжайте къ Бердову мосту. Вы знаете, гдѣ Бердовъ мостъ...

— Какъ не знать, барышня.

Кучеръ натянулъ вожжи, и рѣзвая вороная «Свѣтланка» понесла санки крупною быстрою рысью.

Кучеръ любилъ «хорошо прокатить» барышню, которую онъ, какъ и вся вообще прислуга въ домѣ Опольевыхъ, отличалъ за ея простоту и ласковое, привѣтливое обращеніе, показывавшее, что барышня не гнушается простымъ человѣкомъ. Это не то, что «самъ генералъ», всегда ровный, никогда не возвышавшій голоса и въ то же время съ какимъ-то снисходительнымъ презрѣніемъ смотрѣвшій на прислугу. Никогда ни съ кѣмъ ни одного лишняго слова, кромѣ приказаній, точныхъ и короткихъ. Никогда ни малѣйшей фамильярности и никакой шутки, даже съ камердинеромъ, который жилъ у него шесть лѣтъ. И недаромъ всѣ трепетали Опольева, зная, что за малѣйшую неаккуратность и за неточное исполненіе его приказаній виновный будетъ немедленно разсчитанъ и безъ всякихъ объясненій.

Иванъ пустилъ «Свѣтланку» во всю. Снѣжная пыль обдавала закутанную Нину, и вѣтеръ рѣзалъ ея лицо. Она любила скорую ѣзду.

— Тише, тише, Иванъ... Кого-нибудь задавите!..

— Что вы, барышня... Не извольте безпокоиться...

Однако онъ попридержалъ лошадь и только въ малолюдной Офицерской снова пустилъ «Свѣтланку» полнымъ ходомъ.

Не доѣзжая Бердова моста, кучеръ круто осадилъ лошадь у воротъ большого дома, указаннаго Ниной.

Она вышла изъ саней и нерѣшительно дернула за звонокъ у воротъ.

Наконецъ явился дворникъ.

— Гдѣ здѣсь живетъ г. Опольевъ?—спросила Нина.

— На заднемъ дворѣ, у прачки, третій этажъ... нумеръ 50!—грубовато отвѣтилъ дворникъ.

— Да ты проводи-то барышню... Не видишь, кто съ тобой говоритъ!—сердито окрикнулъ кучеръ, находившій, что дворникъ отнесся не съ надлежащимъ почтеніемъ къ барышнѣ, да еще пріѣхавшей на собственной лошади.

— Я... что-жъ... Я провожу... Пожалуйте, барышня!—проговорилъ дворникъ уже болѣе любезно.

«Ишь вѣдь дядю нищаго своего пошла провѣдать»,—сочувственно подумалъ кучеръ, который ужъ зналъ сегодня на кухнѣ, кто такой братъ ихъ генерала.

Не безъ нѣкоторой брезгливости поднялась Нина по темной, вонючей лѣстницѣ, съ мокрыми ступеньками и покрытыми сыростью стѣнами. Изъ многихъ квартиръ съ открытыми дверями шелъ скверный запахъ кухни и смрада. По лѣстницѣ шмыгнули какія-то подозрительныя мужскія фигуры, скверно одѣтыя, съ испитыми физіономіями, и удивленно озирали нарядно одѣтую барышню, и Нинѣ становилось жутко.

— Вотъ здѣсь, пожалуйте.

И дворникъ дернулъ звонокъ.

За дверями послышалось шлепанье туфель, и Анисья Ивановна, въ кофтѣ и юбкѣ, съ засученными руками, показалась въ дверяхъ.

— Вамъ кого?—удивленно спросила она.

— Александръ Ивановичъ Опольевъ здѣсь живетъ?

— Здѣсь... здѣсь... Пожалуйте, барышня!—привѣтливо встрѣтила Нину квартирная хозяйка, догадавшись по описанію Антошки, что это та самая племянница, которая помогла «графу».

— Можно къ нему войти?—робко спросила Нина и невольно поморщилась, вдыхая отвратительный спертый воздухъ маленькой квартирки.

— Очень даже можно... Александръ Иванычъ сегодня первый разъ встали и сидятъ... Не угодно ли? Входите... Вотъ ихъ комната...

Нина постучала.

— Войдите!—раздался изъ комнаты низкій сиповатый басокъ «графа».

Молодая дѣвушка вошла и остановилась на мгновеніе, смущенная и взволнованная, пораженная и нищенской обстановкой маленькой комнатки и видомъ этого блѣднаго, смертельно-блѣднаго, осунувшагося лица, изрытаго морщинами, съ черными,

глубоко-сидящими глазами, все еще красиваго и выразительнаго. Шапка кудрявыхъ, сѣдоватыхъ волосъ, покрывавшихъ большую голову «графа», придавала ему видъ художника. Съ перваго же взгляда Нину поразило необычайное сходство его съ отцомъ, но только «графъ» казался совсѣмъ старикомъ, хотя и былъ моложе. Одѣтъ онъ былъ въ свое знаменитое порыжѣлое пальто и въ туфляхъ.

— Съ кѣмъ имѣю честь?..—съ изысканною вѣжливостью началъ-было удивленный «графъ», съ трудомъ приподнимаясь съ кровати и стараясь держаться прямо, но не докончилъ фразы и, пристально вглядѣвшись въ Нину, воскликнулъ:

— Нина... Нина Константиновна... Неужели это вы?

— Я самая, дядя!—проговорила закраснѣвшаяся дѣвушка, торопливо подходя къ «графу» и протягивая ему руку.

— Не ожидалъ! — едва вымолвилъ онъ и горячо припалъ къ ея рукѣ.

Нина поцѣловала его въ голову...

— Не ожидалъ!—повторилъ онъ, стараясь скрыть свое волненіе.—Спасибо вамъ, милая дѣвушка... Спасибо... Садитесь...

И «графъ» хотѣлъ-было подвинуть табуретъ.

— Не безпокойтесь, дядя... пожалуйста, сидите...

И, присѣвъ на табуретъ, она продолжала, все еще смущенная и взволнованная:

— Я непремѣнно хотѣла побывать у васъ, узнать о вашемъ здоровьѣ и сообщить пріятную вѣсть и вамъ и Антошѣ,—обернулась она къ Антошкѣ, ласково ему улыбнулась. — Я только-что отъ княгини Моравской... Антошу отъ васъ не возьмутъ... Княгиня телефонировала градоначальнику...

Антошка весело улыбался.

— И за это спасибо вамъ, Нина Константиновна...

— Просто—Нина, дядя...

— Ну извольте: Нина... И за все, за все, что̀ вы сдѣлали...

— Полноте, дядя... Сто̀итъ ли говорить... Много ли я сдѣлала?.. Я ничего не сдѣлала того, что̀ бы слѣдовало,—какъ-то значительно и словно бы виновато проронила молодая дѣвушка, бросая робкій взглядъ, полный участья, на «графа».—Я вѣдь раньше рѣшительно ничего не знала о васъ, а теперь, какъ узнала отъ Антоши, какой вы хорошій...

— Ну, ему вѣрить нельзя... Онъ удивительно болтливый и, главное, увлекающійся мальчишка... Видите ли, Нина, дѣтство его было очень печальное, и когда его пригрѣли, онъ ужъ и раскисъ, являя рѣдкое качество чувства благодарности... Такъ княгиня смилостивилась?.. Отказалась отъ мысли силою облагодѣтельствовать Антошку и, конечно, полагаетъ, что онъ про-

надетъ?.. Но вы, Нина, я увѣренъ, этого не думаете и понимаете, что я постараюсь, чтобъ онъ не былъ похожъ на меня!—прибавилъ онъ съ горькой улыбкой.

— Разумѣется, не думаю, дядя...

— И не ошибетесь... вѣрьте..

И словно бы спохватившись и вспоминая, что и онъ когда-то былъ свѣтскимъ человѣкомъ, «графъ» поспѣшилъ освѣдомиться о здоровьѣ ея родителей.

— Благодарю васъ, здоровы...

Она хотѣла-было прибавить: «вамъ кланяются», но удержалась отъ этой лжи и прибавила:

— Я вѣдь къ вамъ, дядя, пріѣхала экспромтомъ... Ни папа ни мама не знаютъ...

— Тѣмъ болѣе порадовали... Вѣдь вы первая изъ родственниковъ рѣшились посѣтить меня... Первая и, вѣроятно, послѣдняя...

— Я, дядя, если позволите, и еще пріѣду.

— Позволю?.. Я буду безконечно радъ васъ видѣть, но... какъ бы вамъ-то не досталось, милая племянница... Вашъ отецъ не очень-то обрадуется, если узнаетъ, а я... я не хочу, чтобы изъ-за меня вамъ сказали хоть одно непріятное слово!—прибавилъ графъ на превосходнѣйшемъ французскомъ языкѣ.

— Не бойтесь... Не достанется... И я надѣюсь, что и папа примирится съ вами... пойметъ, какъ онъ передъ вами... виноватъ!..

— Виноватъ?.. Напрасно вы думаете, что онъ виноватъ... У брата своя точка зрѣнія... Онъ человѣкъ извѣстныхъ правилъ... вотъ и все...

Нина просидѣла полчаса и была просто очарована и изяществомъ «графа», и его остроумными замѣчаніями, и его манерами, полными достоинства.

Наконецъ она поднялась и, крѣпко пожимая руку «графа», горячо проговорила:

— Я очень-очень рада, дядя, что познакомилась съ вами...

И прибавила по-французски съ робкою застѣнчивостью:

— И надѣюсь, дядя, что вы позволите мнѣ быть исключеніемъ изъ родственниковъ... и... и... быть вамъ полезной,—чуть слышно прибавила она.—Видите ли... у меня есть свободныя и совсѣмъ ненужныя деньги... Не обидьте, дядя, меня отказомъ и позвольте ежемѣсячно присылать вамъ бездѣлицу... тридцать пять рублей... Больше я, къ сожалѣнію, не могу...

«Графъ» не находилъ словъ...

— И кромѣ того... вамъ, дядя, необходимо перемѣнить квартиру и... сдѣлать кое-что... Вы больны, вамъ нуженъ

уютъ... теплое платье.. На-дняхъ я пришлю деньги... Они мнѣ совсѣмъ не нужны... право... двѣсти рублей... Вы перемѣните обстановку... Вамъ необходима чистая комната... Не правда ли... И вы возьмете отъ любящей васъ племянницы... Вѣдь да, да?..

— Милая! Добрая!.. — проговорилъ дрогнувшимъ голосомъ графъ.

— До свиданья, дядя... Будьте здоровы...

Она крѣпко пожала руку «графа» и сказала Антошкѣ:

— Проводи меня, Антоша... Прощайте, Анисья Ивановна...

Антошка проводилъ молодую дѣвушку до саней. Когда онъ ее подсаживалъ, то замѣтилъ, что глаза ея полны слезъ.

— Прощайте, барышня... Дай вамъ Богъ всего хорошаго!— горячо проговорилъ онъ.

— До свиданья... Берегите дядю... Если заболѣетъ, дайте мнѣ знать...

Необыкновенно веселый и радостный вернулся Антошка къ «графу» и думалъ встрѣтить и его такого же веселаго. Но каково же было его удивленіе, когда, войдя въ комнату, онъ увидѣлъ «графа», сидящаго за столомъ, съ закрытымъ руками лицомъ. Плечи его вздрагивали, словно бы онъ плакалъ.

И «графъ» дѣйствительно плакалъ, потрясенный и тронутый сердечнымъ участіемъ, котораго онъ такъ долго не видалъ. Неужели это не сонъ, и впереди новая жизнь безъ этого опостылаго попрошайничества?

XXVI.

Молодая дѣвушка возвращалась домой растроганная и взволнованная, одушевленная горячимъ желаніемъ во что бы то ни стало устроить несчастнаго дядю. Онъ положительно ее очаровалъ, этотъ нищій и пропойца, какъ брезгливо называлъ отецъ ея родного брата. Необходимо—и какъ можно скорѣе—перевести его изъ этой крошечной, полутемной комнаты въ лучшую; надо дать возможность ему одѣться сколько-нибудь прилично, завести бѣлье, теплую одежду... вообще успокоить его хоть на склонѣ жизни...

Она замѣтила и этотъ дырявый халатъ неопредѣленнаго цвѣта, бывшій на немъ, и эти туфли, которыя не надѣла бы ея горничная, и это отвратительное, порыжѣлое пальто, тоненькое, заштопанное, висѣвшее на гвоздикѣ.

И въ такомъ одѣяніи родной братъ ея отца выходилъ на улицу просить милостыню!

О, папа, папа!

Бѣдный дядя! какъ долженъ страдать онъ, всѣми брошен-

ный, всѣми презираемый. Какъ зябъ онъ, едва прикрытый, въ то время, когда его близкіе родные ѣздили въ роскошныхъ шубахъ или сидѣли въ уютныхъ, теплыхъ комнатахъ. И никто не вспомнилъ о немъ, никто не пожалѣлъ его!

— Отчего такая жестокость?—спрашивала себя потрясенная дѣвушка.

А между тѣмъ какъ онъ былъ тронутъ малѣйшимъ вниманіемъ и сколько въ немъ доброты, сколько нѣжности къ спасенному имъ мальчику. Самъ нищій, заботится о такомъ же нищемъ. А отецъ говорилъ, что онъ изолгавшійся, пропавшій человѣкъ!

— Господи! Отчего отецъ такъ озлобленъ противъ него?

Нина—эта тепличная барышня, оберегаемая отъ всякаго прикосновенія съ дѣйствительной жизнью—первый разъ въ теченіе своей двадцатилѣтней жизни увидала, какъ живутъ бѣдные люди. Ей, не имѣвшей понятія о томъ, въ какихъ, дѣйствительно, ужасныхъ подвалахъ и трущобахъ гнѣздится бѣдный людъ, и это, сравнительно еще сносное помѣщеніе «графа», о которомъ не смѣли бы мечтать болѣе несчастные люди,—казалось чѣмъ-то ужаснымъ, чѣмъ-то невозможнымъ.

И передъ ней, словно бы внезапно, приподнялась завѣса новаго міра—міра нищеты и страданія, о которомъ прежде она ничего не знала и никогда не думала сколько-нибудь сознательно.

Она, положимъ, и раньше слыхала, что существуютъ на свѣтѣ нищіе люди, но они представлялись ей какими-то порочными отверженцами, какими-то страшными людьми, сдѣлавшимися такими по собственной винѣ.

По крайней мѣрѣ такъ говорилъ о нихъ отецъ, и она ему вѣрила.

Слышала она отъ отца и другія своеобразныя сужденія вообще о народѣ.

Его превосходительство неизмѣнно и съ присущимъ ему апломбомъ говорилъ и въ послѣднее время все чаще и настойчивѣе, что русскій народъ въ конецъ развращенъ и испорченъ: онъ лѣнивъ и безпеченъ, живетъ, какъ свинья, пьянствуетъ и совсѣмъ распущенъ благодаря тому, что послѣ освобожденія съ нимъ сентиментальничали вмѣсто того, чтобъ поставить надъ нимъ строгую непосредственную власть. Необходимо народъ держать въ ежовыхъ рукавицахъ и не стѣсняться учить его по-старинному—розгой. Такая строгость, разумѣется, разумная, необходима въ собственныхъ его же интересахъ — иначе прежнія патріархальныя качества русскаго мужика исчезнутъ окончательно. Подобная опека вполнѣ

отвѣчаетъ и государственнымъ задачамъ и самобытнымъ русскимъ устоямъ.

— Разнуздайте этого звѣря или дайте ему попробовать европейской цивилизаціи, и вы увидите, что̀ будетъ...

Его превосходительство не доказывалъ, что̀ будетъ, но его гладко выбритое лицо чиновнаго авгура становилось таинственнымъ, и онъ какъ-то угрожающе разводилъ выхоленными руками съ крѣпкими ногтями, предоставляя слушателю догадываться, что̀ можетъ произойти...

Такія положенія сдѣлались любимымъ конькомъ Опольева послѣ того, какъ онъ, умудренный, вѣроятно, житейскимъ опытомъ, круто перемѣнилъ прежніе свои взгляды, когда составлялъ краснорѣчивыя записки по порученію прежняго начальства совсѣмъ въ другомъ духѣ о томъ же самомъ народѣ.

Теперь же онъ любилъ выставлять на видъ новыя свои воззрѣнія, къ которымъ пришелъ, какъ говорилъ онъ, путемъ горькаго разочарованія въ приложимости къ русской жизни многихъ, казалось бы, и полезныхъ реформъ. Насколько было возможно, онъ старался провести свои новыя мнѣнія путемъ бойкихъ записокъ, снабженныхъ многочисленными историческими, экономическими и даже богословскими данными.

Онъ называлъ себя здравомыслящимъ консерваторомъ и находилъ, что рѣшительный консерватизмъ будто бы вполнѣ соотвѣтствуетъ духу времени и въ же время не безполезенъ для увѣнчанія блестящей карьеры.

Однако онъ заблуждался насчетъ своихъ честолюбивыхъ надеждъ. Его рѣшительные проекты погребены были въ министерскомъ архивѣ, и его не призывали осуществлять ихъ.

Другихъ мнѣній не приходилось слышать молодой дѣвушкѣ въ отчемъ домѣ, и когда отецъ высказывалъ ихъ, бывало, за обѣдомъ какому-нибудь приглашенному гостю, то гость не противорѣчилъ, а соглашался съ его превосходительствомъ.

Но и такіе разговоры изъ области государственной политики происходили рѣдко въ присутствіи молодой дѣвушки. Они обыкновенно велись въ кабинетѣ. Ей же приходилось только слушать во время визитовъ разныя свѣтскія и административныя сплетни и не особенно остроумныя bons-mots, сообщавшіяся матери, шаблонно-свѣтскую, непосредственно къ ней обращенную безсодержательную болтовню порядочныхъ молодыхъ людей или пошловатыя любезности ухаживателей, которые не прочь были предложить ей руку и сердце и взять ея хорошее приданое. Въ дамскомъ обществѣ, среди кузинъ и пріятельницъ, ей приходилось слушать одни и тѣ

же разговоры о нарядахъ, о Михайловскомъ театрѣ, о флиртѣ того-то съ той-то и самыя злыя сплетни насчетъ замужнихъ женщинъ, увлеченія которыхъ обсуждались даже молодыми дѣвицами.

И молодая дѣвушка жила въ этомъ обособленномъ кружкѣ, полномъ своихъ интересовъ, интригъ и искательствъ, точно въ какомъ-то заколдованномъ зàмкѣ, до котораго не доносилась широкая волна жизни. Все, что происходило тамъ, за предѣлами волшебнаго зàмка, ей было такъ же невѣдомо, какъ невѣдома внутренность Африки.

Не помогло ей нисколько въ этомъ отношеніи и шестилѣтнее пребываніе въ учебномъ заведеніи. И тамъ всѣ вопросы, болѣе или менѣе интересующіе обыкновенныхъ смертныхъ, предусмотрительно обходились, какъ совершенно безполезные для будущихъ свѣтскихъ дамъ, которымъ рѣшительно не нужно знать: дѣйствительно ли земля кругла, и отчего крестьяне не имѣютъ ни бріошей къ чаю ни жареной курицы за обѣдомъ. Наука тамъ имѣла какой-то элегантно-веселый характеръ анекдотовъ и болѣе или менѣе достовѣрныхъ фактовъ безъ какихъ бы то ни было обобщеній. Въ воображеніи юницъ весь Божій міръ представлялся ареной для пріятнаго препровожденія генеральскихъ дочерей, особенно если у родителей или у мужа есть хорошія средства, а для остальныхъ скучнымъ прозябаніемъ съ плохими костюмами и плохимъ выговоромъ французскаго языка. Въ теоретическомъ представленіи народъ являлся какимъ-то таинственнымъ сборищемъ бородатыхъ и грязныхъ пахарей, обязанность которыхъ трудиться въ потѣ лица своего, собирать въ житницы. Въ конкретномъ видѣ народъ представлялся горничными, лакеями, кучерами и швейцарами, назначеніе которыхъ не оставляло мѣста для какихъ-либо сомнѣній. Нѣсколько странной породой людей казались воспитанницамъ учителя. Ихъ можно было обожать и въ то же время нельзя было пригласить въ домъ и выйти за нихъ замужъ. Ихъ надобно было уважать и слушаться и слегка презирать за дурной костюмъ и немодную прическу.

Выйдя изъ учебнаго заведенія, Нина говорила хорошо по-французски и по-англійски, довольно плохо играла на фортепіано, знала языкъ цвѣтовъ и нѣсколько не совсѣмъ приличныхъ французскихъ романовъ, прочитанныхъ тайкомъ, и имѣла болѣе чѣмъ смутныя понятія о русской литературѣ послѣ Гоголя.

Въ домѣ она тоже не особенно культивировалась, тѣмъ болѣе, что самъ Ополлевъ далеко не былъ поклонникомъ рус-

ской литературы, особенно новѣйшей. Толстого онъ порицалъ, а Салтыкова такъ просто ненавидѣлъ. Другихъ новѣйшихъ писателей онъ не читалъ и къ прессѣ относился съ недоброжелательствомъ за то, что она суетъ носъ туда, куда ей не слѣдуетъ, и позволяетъ себѣ судить о томъ, чего не понимаетъ.

Его превосходительство, впрочемъ, выписывалъ одинъ русскій журналъ и одну газету, направленіе которыхъ соотвѣтствовало его взглядамъ. Газету онъ аккуратно прочитывалъ и изрѣдка самъ посылалъ редактору статейки подъ псевдонимомъ, конечно, въ которыхъ излагалъ свои государственныя соображенія.

Опольева, добродушная и не особенно далекая женщина, до сихъ поръ влюбленная въ мужа и слушавшая каждое его слово съ благоговѣніемъ вѣрующей, тоже относилась къ отечественной литературѣ съ боязливой брезгливостью и, конечно, оберегала и дочь отъ знакомства съ произведеніями, въ которыхъ, какъ она думала, описываются все мужики да мужики, или занимаются какими-то курсистками да учителями. Мать и дочь исключительно читали французскіе и англійскіе романы, и многіе извѣстные русскіе писатели неизвѣстны были имъ даже по именамъ.

И, несмотря на такое полное отчужденіе отъ дѣйствительной жизни, несмотря на самое основательное воспитаніе въ духѣ полнаго индифферентизма ко всему, что не имѣетъ отношенія къ интересамъ маленькаго замкнутаго кружка, такъ-называемыхъ сливокъ общества, — молодая дѣвушка смутно чувствовала ложь этой жизни и какую-то неудовлетворенность.

Неглупая, наблюдательная и чуткая, она не могла не замѣтить лицемѣрія и фальши, угодничества и лести, поддѣльной наивности и двуличія, наглости и безстыдства въ погонѣ за положеніемъ, за богатствомъ, и полнѣйшаго отсутствія какихъ-нибудь другихъ интересовъ среди представителей и представительницъ того общества, въ которомъ Нина вращалась. Она видѣла, съ какою неразборчивостью молодыя барышни при помощи матерей и отцовъ ловили богатыхъ жениховъ, а молодые люди—богатыхъ невѣстъ, нисколько не думая о взаимной привязанности; она слышала циничные разговоры знакомыхъ барышень о флиртѣ и понимала, чего стоятъ эти условныя фразы о нравственности, религіи и супружескомъ долгѣ въ устахъ тѣхъ молодыхъ свѣтскихъ женщинъ, которыя яростнѣе всѣхъ нападали на неприличное поведеніе своихъ менѣе осторожныхъ подругъ, а сами...

Нѣтъ, рѣшительно этотъ «свѣтъ» съ его блескомъ и роскошью, съ удовольствіями и выставкой тщеславія, обманулъ прежнія ея ожиданія и совсѣмъ не прельщалъ эту худенькую брюнетку съ ясными, довѣрчивыми глазами. Она была словно бы чужая среди своихъ и слишкомъ серьезна для веселящихся и довольныхъ жизнью пріятельницъ и знакомыхъ. Надъ ней посмѣивались, называли ее оригинальной и находили, что она «trop rude».

Нина не любила выѣздовъ и баловъ и появлялась на нихъ больше по настоянію матери. Порой она скучала и, чтобъ убить время, занялась живописью.

Мать, любившая единственную свою дочь до безумія, нѣсколько удивлялась и ея нелюдимству и ея хандрѣ.

«Пора Нинѣ замужъ!»—думала она и зорко присматривалась, кто изъ молодыхъ людей, бывавшихъ у нихъ въ домѣ, нравится дочери, но какъ она ни приглядывалась, а ничего не замѣчала.

— Тебѣ никто, Нина, не нравится?—спрашивала мать.

— Никто, мама...

— А Бѣжецкій, а Лорней, а Скуратовъ... развѣ не хорошіе и милые молодые люди...

— Такъ что-жъ изъ этого, мама?

— Надо тебѣ выходить замужъ, Ниночка...

— Будто ужъ такъ надо... Надоѣла я тебѣ, что ли?—смѣясь, говорила дочь.

Такъ и кончались подобныя объясненія, и мать не знала, чѣмъ объяснить, что Нина въ послѣдніе годы стала совсѣмъ не той веселой, беззаботной и любящей балы дѣвушкой, какою была раньше.

Посѣщеніе больного «графа», ужасная исторія Антошки, трогательное отношеніе къ нему того, кого всѣ называли отверженцемъ, все это словно бы пробудило Нину отъ сна, словно бы съ глазъ ея сняли вдругъ повязку, и она увидала, что за очарованнымъ замкомъ есть и другая жизнь, не та беззаботная и роскошная, но жизнь, полная лишеній и страданій. Она почувствовала, что люди, которыхъ отецъ безпощадно клеймилъ пропащими и не заслуживающими участія, далеко не такіе ужасные. Напротивъ... И если она видѣла только двухъ такихъ нищихъ—«графа» и Антошку, то, вѣрно, и другіе заслуживаютъ любви и милосердія...

Такія мысли бродили въ головѣ молодой дѣвушки, и въ этотъ день она впервые задумалась о такихъ вещахъ, о которыхъ прежде не думала.

О, въ какой ужасъ пришелъ бы отецъ, если-бъ загля-

нулъ въ эти минуты въ душу своей горячо любимой дочери.

XXVII.

Вопросъ о томъ, гдѣ она достанетъ деньги, обѣщанныя дядѣ, былъ рѣшенъ ею безъ колебаній. Это такъ просто. Зачѣмъ ей, напримѣръ, брильянтовыя серьги, которыя подарилъ отецъ на именины. Можно возвратить ихъ ювелиру, и онъ не откажется купить ихъ.

Вернувшись домой, молодая дѣвушка тотчасъ же прошла къ матери.

— Ну, мама, все устроено,—возбужденно заговорила она:— тетя Мери не отниметъ мальчика. Онъ останется при дядѣ...

— Ты у тети завтракала?

— Да... Тетя тебѣ кланяется... И ея мужъ... Ахъ, мама, если-бъ ты знала, въ какомъ ужасномъ положеніи дядя...

— Что съ княземъ?—участливо воскликнула Опольева, думая, что рѣчь идетъ о мужѣ ея двоюродной сестры.

— Я не о князѣ... Я о дядѣ Опольевѣ... Какой онъ худой-худой и блѣдный... А какая у него комната! Маленькая, безъ мебели, грязная, темная...

— Да ты откуда знаешь всѣ эти подробности?

— Я сама видѣла. Я только-что отъ дяди.

— Что!? Ты была у него!?—воскликнула Опольева.

Въ ея красивомъ моложавомъ, нѣсколько полноватомъ лицѣ, въ ея большихъ темныхъ глазахъ отразился ужасъ и изумленіе.

Въ самомъ дѣлѣ, дочь тайнаго совѣтника Опольева и вдругъ въ гостяхъ у какого-то пропойцы-нищаго. О, Господи!

— Чему ты такъ изумляешься, мама?

— И ты еще спрашиваешь, Нина?

— Да развѣ я сдѣлала что-нибудь нехорошее, навѣстивъ несчастнаго, больного дядю?

Этотъ вопросъ нѣсколько смутилъ добродушную женщину.

— Ты поступила нехорошо относительно отца.

— Но, мама...

— Дай мнѣ сказать... Ты вѣдь знала, что отецъ не велѣлъ пускать этого господина и не признаётъ его своимъ братомъ... И вдругъ дочь къ нему ѣдетъ! Ты, значитъ, ни во что не ставишь мнѣніе отца? И, не посовѣтовавшись со мной, одна отправляешься въ какую-то трущобу... Ахъ, Нина, Нина... Какая это нелѣпая выходка!

— Во-первыхъ, папа заблуждается относительно дяди, считая его какимъ-то негодяемъ... Онъ, напротивъ, добрый, хорошій человѣкъ!—горячо проговорила Нина.

— Что ты говоришь, Нина. Развѣ можно осуждать отца?

— Я не осуждаю... Я говорю только, что папа не правъ... Я въ этомъ убѣждена, и меня никто не разубѣдитъ... Во-вторыхъ, я не скрою отъ папы, что была у его брата... Я разскажу, что видѣла, и папа убѣдится, что онъ заблуждается...

— Боже тебя сохрани, Нина... Не говори ничего отцу, не огорчай его... Но дай мнѣ слово, что ты не повторишь своего безразсудства... Помогай этому несчастному, если хочешь— хотя и это ужъ протестъ противъ отца!—но бывать у него...

— Мама! Да что ты говоришь!—воскликнула молодая дѣвушка, и въ голосѣ ея звучала грустная нотка, а глаза ея, свѣтлые и ясные, съ нѣмымъ укоромъ глядѣли на мать.—Ты, добрая, хорошая, ты, сама заступившаяся за дядю помнишь, когда папа принесъ его письмо?—и осуждаешь меня... И за что же? За то, что я была у больного, несчастнаго, всѣми брошеннаго человѣка? Ахъ, если-бъ ты видѣла его! Если-бъ ты видѣла, какъ онъ былъ тронутъ моимъ посѣщеніемъ... Какъ онъ чуть не заплакалъ отъ волненія...

— Но отецъ твой...

— Ахъ, мама... Твое сердце само говоритъ, что папа въ данномъ случаѣ не правъ... Если бы и папа увидалъ этого сгорбленнаго, исхудавшаго старика съ лицомъ мертвеца...

— Развѣ онъ такъ боленъ?

— Было воспаленіе легкихъ... Простудился, выйдя на улицу въ холодномъ пальто... Еще слава Богу, что нашлись добрые люди... Одна женщина-врачъ лѣчила его, а хозяйка квартиры, какая-то прачка, содержала дядю во время болѣзни... И это сдѣлали посторонніе люди, а мы... родные... Ахъ, какъ это все нехорошо, мама!

И Нина взволнованно стала разсказывать матери подробности своего визита.

И по мѣрѣ того, какъ Нина передавала о своей встрѣчѣ съ дядей, о томъ, какъ онъ говорилъ съ ней, какъ благодарили ее и дядя и этотъ мальчикъ, котораго дядя спасъ отъ ужасной жизни у какого-то солдата,—на глазахъ у Ополье-вой заблестѣли слезы, и она нѣсколько разъ во время разсказа повторяла:

— Ахъ несчастный, несчастный!

— Вотъ видишь ли, мама, какъ всѣ были безжалостны и несправедливы къ дядѣ, считая его совсѣмъ дурнымъ человѣкомъ!—возбужденно проговорила Нина, окончивъ свой разсказъ.

— Да, Нина... Онъ много перенесъ... этотъ бѣдный Александръ Ивановичъ!

— А вѣдь онъ, мама, куда лучше многихъ изъ тѣхъ людей нашего общества, которыхъ всѣ принимаютъ и уважаютъ. Право, лучше, хоть и считается падшимъ. И это я поняла только сегодня, когда поговорила съ нимъ. Такъ неужели такъ и оставить его, не выказать ему участія, не навѣстить его!? Вѣдь это было бы возмутительно, жестоко... Не правда ли?

Опольева чувствовала справедливость словъ дочери.

Дѣйствительно, всѣ родные слишкомъ сурово отнеслись тогда къ Опольеву. И мужъ былъ слишкомъ неснисходителенъ къ брату. Но мужъ—человѣкъ правилъ, принципа. Кто знаетъ, не жалѣлъ ли онъ брата въ душѣ, но и не могъ отступить отъ принятаго рѣшенія. У него есть эта черта. Но зато какой онъ примѣрный мужъ, какой отецъ!..

И Опольева безъ особеннаго труда оправдала мужа.

— Ты слишкомъ принимаешь все близко къ сердцу, Ниночка,—проговорила мать.—Я не спорю, что дядя несчастенъ, что онъ ужъ не такой дурной и заслуживаетъ помощи... И я ничего не имѣю противъ того, чтобъ ты помогала ему, но зачѣмъ же ѣздить къ дядѣ, если отецъ твой не хочетъ знать его... Вѣдь онъ пришелъ бы въ ужасъ, если-бъ узналъ о твоемъ посѣщеніи... А развѣ ты захочешь огорчать отца, который тебя боготворитъ... Подумала ли ты объ этомъ?

— Но что же мнѣ дѣлать? Не могу же я согласиться съ папой, что дядя негодяй, и никогда съ этимъ не соглашусь. Ну, хорошо, я не скажу папѣ о своемъ визитѣ, если ты этого не хочешь, но я все-таки навѣщу дядю...

— Но если отецъ какъ-нибудь узнаетъ?

— Ну что-жъ? Тогда я все объясню ему, все...

Этого-то и боялась пуще всего мать. О, она хорошо знала, какъ самолюбивъ ея мужъ и какъ ему непріятно всякое противорѣчіе. А тутъ дочь вдругъ явится какъ бы въ роли обвинительницы отца!..

И, вдругъ принимая строгій видъ, Опольева сказала:

— Нина! Ты больше не поѣдешь къ дядѣ. Слышишь, я тебя прошу объ этомъ... Не заставляй приказывать.

— Мама, мнѣ непріятно тебя огорчать, но я должна быть у дяди... Я ему обѣщала и исполню свое обѣщаніе!—прибавила молодая дѣвушка, внезапно блѣднѣя.

Этотъ рѣшительный отвѣтъ всегда ласковой, кроткой Нины ошеломилъ Опольеву. Она рѣшительно не знала, какъ ей быть, что сказать дочери, и, чувствуя, что ея авторитетъ поколебленъ, растерянно смотрѣла на дочь и вдругъ заплакала.

— Мама... не сердись. Ты пойми, что я не могу поступить иначе. Это не капризъ!—умоляла Нина.

Кончилось тѣмъ, что Опольева, какъ всѣ слабыя натуры, сдалась и пошла на компромиссъ. Она позволила Нинѣ, когда дядя устроится нѣсколько приличнѣе, разъ въ мѣсяцъ навѣщать его.

— Дастъ Богъ, отецъ не узнаетъ объ этомъ!—прибавила она.

Нина съ горячностью цѣловала мать.

— Какая ты у меня горячая, моя дѣвочка!—говорила мать, утирая слезы.—А вотъ до сихъ поръ ни въ кого не влюбилась!—неожиданно прибавила она и вздохнула.

— Нѣтъ, влюбилась, мама.

— Кто онъ, этотъ счастливецъ?

— Дядя, мама...

— Ты вотъ все шутишь, а пора бы тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, полюбить кого-нибудь...

— Еще успѣю, мама... Не старая же я дѣва. А пока я хочу поступить въ общество «Помогай ближнему!», въ которомъ тетя Мери предсѣдательница.

— Это она тебя зоветъ?

— Она...

— Что-жъ, поступай...

— А папа позволитъ?.. Онъ вѣдь не особенно любитъ благотворительныхъ дамъ?..

— Ну, тетю Мери онъ хоть и недолюбливаетъ, а уважаетъ... Подъ ея крыломъ можно... Я поговорю объ этомъ съ отцомъ... А вечеромъ сегодня ты въ какомъ платьѣ?—вдругъ перемѣнила разговоръ Опольева.

— А что̀ сегодня вечеромъ, мама?

— Ты и забыла? Мы у Иртеньевыхъ.

— Развѣ необходимо ѣхать?

— Ты не хочешь?

— У нихъ такая скука, мама...

— А надо ѣхать...

— Почему?

— Иртеньева обидится... И то мы рѣдко у нея бываемъ...

— Что-жъ, ѣхать такъ ѣхать,—сказалъ попугай, когда его тащили за хвостъ изъ клѣтки!—смѣясь проговорила Нина и прибавила:—А въ какомъ платьѣ, мама, быть попугаю?...

— Надѣнь новое, что̀ на-дняхъ принесли. Оно къ тебѣ идетъ.

— Такъ я его и надѣну...—отвѣтила Нина и вышла изъ спальной.

На другой день Нина, отдавая горничной футляръ съ серьгами, проговорила:

— Отвезите серьги, Дуняша, къ ювелиру съ этой запи-

сочкой... Только, прошу васъ, никому объ этомъ ни слова!— прибавила, краснѣя, Нина.

— Что̀ вы барышня... Ни душа не узна̀етъ...

— Онъ вамъ за нихъ дастъ деньги...

— Продать ихъ, значитъ?

— Ну да... Ювелиръ навѣрное купитъ.

— А за сколько прикажете отдать ихъ?

— Право, не знаю... Кажется, за нихъ заплачено триста рублей.

— Этихъ денегъ, барышня, онъ не дастъ.

— Берите, что̀ дастъ. Мнѣ очень нужны деньги.

Дуняша догадывалась, на что нужны барышнѣ деньги. Кучеръ вчера разсказалъ ей, гдѣ была Нина и какъ Антошка благодарилъ ее.

Ей было жаль, что барышня лишается этихъ серегъ ради какого-то пьяницы-дяденьки, котораго недаромъ же генералъ не приказываетъ принимать въ домъ и который навѣрное пропьетъ деньги, и она замѣтила:

— Жаль, барышня, продавать такія чудесныя сережки... Не найдете ли вы что-нибудь другое?..

— За другое меньше дадутъ, Дуняша... Да и мнѣ нисколько не жаль... Поѣзжайте, пожалуйста, и поскорѣе вернитесь.

Черезъ часъ Дуняша привезла двѣсти рублей.

— Больше не хотѣлъ давать, барышня... Да сперва и покупать не хотѣлъ.

— Почему?

— А справился въ какой-то своей книжкѣ да и спрашиваетъ: зачѣмъ, молъ, дочь такого важнаго генерала продаетъ свои вещи?.. Какъ бы, говоритъ, не вышло какихъ-нибудь непріятностей. Насилу я уговорила его, что никакихъ непріятностей ему не будетъ... Папенька, молъ, знаютъ объ этомъ...

— Благодарю васъ, Дуняша, что уговорили... А теперь я васъ попрошу отвезти эти деньги къ моему бѣдному родственнику... Я сейчасъ напишу только письмо.

И, присѣвъ къ столику, Нина написала дядѣ небольшое, необыкновенно ласковое и деликатное письмо, въ которомъ просила принять отъ любящей племянницы деньги и переѣхать въ лучшее помѣщеніе, сдѣлать себѣ все необходимое и непремѣнно теплое пальто. «А то вы опять простудитесь и заболѣете, дорогой дядя»,—прибавила она и кончила просьбой непремѣнно сообщить новый адресъ, какъ только здоровье дяди позволитъ ему переѣхать на другую квартиру.

— Передайте, Дуняша, этотъ конвертъ въ руки моему дядѣ и кланяйтесь отъ меня...

— Слушаю, барышня...

— И объ этомъ никому не говорите, Дуняша.

— Будьте покойны, добрая барышня... То-то вашъ дяденька обрадуется такимъ большимъ деньгамъ...

— Да, для него это большія деньги теперь... А мое бальное платье триста рублей стоило. На что оно мнѣ, Дуняша? А на эти деньги можно было бы избавить человѣка отъ нищеты!—неожиданно прибавила Нина въ какомъ-то раздумьѣ.

— Какъ на что, барышня? Вовсе даже необходимо по вашему положенію!—запротестовала Дуняша, совсѣмъ не раздѣляя, повидимому, такого страннаго мнѣнія барышни.—Вамъ ежели и въ тысячу рублей платье, такъ очень даже хорошо...

— Вы думаете, что хорошо?—улыбнулась Нина.

— А то какъ же... Вы такого важнаго генерала дочь...

— И въ этомъ все мое право!—какъ будто отвѣчала на какія-то свои мысли молодая дѣвушка и прибавила:—Поѣзжайте, Дуняша, и скорѣе возвращайтесь!

XXVIII.

Эти двѣсти рублей, присланные Ниной, теперь казались «графу», когда-то швырявшему тысячами, цѣлымъ состояніемъ.

И онъ глядѣлъ на двѣ толстыя пачки бумажекъ, лежавшихъ на его кривоногомъ столикѣ, и словно бы не вѣрилъ своимъ глазамъ, что такое богатство въ полномъ его распоряженіи. Онъ словно бы сомнѣвался, что послѣ долгихъ лѣтъ нищества, благодаря обѣщаннымъ тридцати пяти рублямъ въ мѣсяцъ, онъ можетъ не шататься по вечерамъ на улицахъ, останавливая прохожихъ на разныхъ діалектахъ и придумывая болѣе или менѣе остроумныя словечки, чтобъ получить какую-нибудь монетку, и можетъ не писать больше писемъ къ разнымъ родственникамъ и бывшимъ знакомымъ. Какъ ни привыкъ онъ къ этой жизни, съ какимъ цинизмомъ нищеты ни эксплоатировалъ онъ близкихъ, а все же эта жизнь была отвратительна.

А теперь вотъ еще эти деньги!

Вѣдь онъ можетъ разстаться со своимъ нищенскимъ тряпьемъ, внушавшимъ ему самому отвращеніе, и одѣться прилично, не вызывая на улицѣ подозрительныхъ взглядовъ, можетъ завести бѣлье, переѣхать въ болѣе чистую и свѣтлую комнату и зажить съ Антошкой хорошо и уютно. У нихъ будутъ кровати съ хорошими тюфяками, крѣпкіе сапоги... Они будутъ каждый день обѣдать... Антошка станетъ ходить въ школу...

Это сознаніе неожиданнаго благополучія приводило «графа» въ радостно-счастливое настроеніе, наполняя его сердце чув-

ствомъ горячей благодарности къ виновницѣ такой рѣзкой перемѣны въ его жизни.

Ожидалъ ли онъ, что, на склонѣ его жизни, судьба смилуется надъ нимъ такъ великодушно и такъ таровато? Онъ проведетъ послѣдніе годы не нищимъ оборванцемъ и не одинъ, какъ перстъ, а съ этимъ славнымъ и добрымъ мальчикомъ, который заставилъ его вновь полюбить жизнь.

И «графъ» проговорилъ, обращаясь къ Антошкѣ, который тоже очарованными глазами глядѣлъ на такое количество денегъ:

— А вѣдь все это точно въ сказкѣ, Антошка!

— Въ какой сказкѣ, графъ?—переспросилъ Антошка, не понимая, что̀ хочетъ сказать «графъ».

— Не называй ты меня графомъ, братецъ. Теперь ужъ я, слава Богу, не графъ, а опять Александръ Ивановичъ Опольевъ!

— Слушаю, Александръ Иванычъ! — проговорилъ сконфуженно Антошка и словно бы и самъ понялъ, что теперь не слѣдуетъ называть Опольева нищенскимъ прозвищемъ «графа».

— Ты знаешь, что̀ такое сказка?

— Небылица, значитъ.

— Ну такъ вотъ, въ сказкахъ обыкновенно случается такъ, что нищій вдругъ оказывается принцемъ, а дуракъ—умнымъ...

— Зачѣмъ же это?

— А затѣмъ, мой мальчикъ, чтобы утѣшать нищихъ и дураковъ... Въ дѣйствительности же такія превращенія бываютъ очень рѣдко... А вотъ съ нами это случилось... И если по правдѣ говорить, то такъ же нелѣпо, какъ и въ сказкѣ... Слѣдовало бы, по-настоящему, мнѣ остаться такимъ же нищимъ, какимъ я былъ, и выходить на работу вотъ въ этомъ самомъ пальтишкѣ, и... вдругъ...

«Графъ», вмѣсто окончанія фразы, взялъ своей исхудавшей рукой одну изъ пачекъ и потрясъ ее въ воздухѣ.

— Не правда ли, Антошка, удивительно, что мы съ тобою вдругъ сдѣлались принцами?—прибавилъ «графъ».

Но Антошка, въ качествѣ большого почитателя «графа», горячо протестовалъ и находилъ, что такъ слѣдовало быть. Нельзя же, чтобы такой человѣкъ безвинно терпѣлъ... Еще если бы какой-нибудь простой, а то настоящій господинъ, у котораго такіе важные и богатые сродственники.

— Положимъ, не безвинно, Антошка, помни это разъ навсегда... Не въ этомъ, впрочемъ, дѣло, а въ томъ, что богатые и важные «сродственники», какъ ты выражаешься, совершенно спокойно оставили бы меня умереть нищимъ, считая—и не безъ нѣкотораго основанія,—что я пропавшій чело-

вѣкъ, а такому человѣку помочь не слѣдуетъ, а надо его скорѣй забыть... и шабашъ. И такъ бы я и околѣлъ гдѣ-нибудь на улицѣ отъ неизвѣстной причины,—такъ, Антошка, въ газетахъ пишутъ, когда умираютъ нищіе,—если-бъ не эта добрая дѣвушка... Она одна пожалѣла... Одна среди всѣхъ... Пожалѣла и повѣрила, что я тогда обратился къ ея отцу за помощью не для того, чтобы пропить деньги, а для того, чтобы тебя одѣть... Не будь такой дѣвушки, и не были бы мы принцами, и ходилъ бы я опять по вечерамъ на работу... просить милостыню. Понялъ?..

— Понялъ, Александръ Иванычъ...

— А что̀ изъ этого слѣдуетъ, сообразилъ?

— Невдомекъ что-то, Александръ Иванычъ!—добросовѣстно признался Антошка.

— А то, что надо разсчитывать только на себя самого. Мнѣ-то ужъ поздно, а ты, Антошка, не забывай этого.

— Извѣстно, самъ трудись, ежели ты бѣдный!—подтвердилъ и Антошка.

— Да, удивительно, какъ эта дѣвушка такая жалостливая у такого безжалостнаго отца и въ такой средѣ!—продолжалъ философствовать «графъ», словно бы отвѣчая на занимавшія его мысли.—Непостижимо!—прибавилъ онъ.

— Сердце, значитъ, доброе у барышни... Я такъ полагаю, Александръ Иванычъ.

— Это ты вѣрно полагаешь, но добраго сердца еще мало... Надо понимать... Вотъ, напримѣръ, Анисья Ивановна понимаетъ, каково бѣдному человѣку, и при своемъ добромъ сердцѣ насъ съ тобой и кормила и поила, когда я былъ боленъ... Изъ послѣднихъ крохъ отдавала... Вотъ и докторша... Она тоже знаетъ, какъ трудомъ достается кусокъ хлѣба, и... пожалѣла, братецъ, нищаго... лѣчила и ухаживала за мной, зная, что не получитъ ни гроша... И вино носила... Она и жалѣла и понимала, а племянница...

— Да развѣ она не понимаетъ, что ежели нѣтъ ни одежи ни пищи, то хоть пропадай! Всякій, кажется, понять это можетъ. Не трудная штука!

— То-то самая трудная это штука и есть!—категорически отрѣзалъ «графъ».

— Что-то чудно̀ вы говорите, Александръ Иванычъ...

— И я былъ не злой, когда богатъ былъ, а не понималъ этой штуки и никогда прежде о ней не думалъ... Дашь подъ пьяную руку пять рублей и забылъ... А гдѣ же объ этой штукѣ думать барышнѣ, для которой жизнь—точно сплошной праздникъ?.. Сегодня въ гости, завтра въ гости, по баламъ да по

театрамъ... Да и не знаетъ она, что̀ значитъ не обѣдать и ка̀къ это есть люди, которые не обѣдаютъ.

— Ну?.. Обученная и не знаетъ?..—усомнился Антошка.

— Этому, Антошка, не вездѣ учатъ... И меня этому не учили, и, навѣрное, племянницу не учили... Если бы учили, можетъ, и я не истратилъ бы глупо огромнаго состоянія... Учили другому, что̀ совсѣмъ не нужно... А вотъ она, племянница, и не училась этому, а какъ горячо приняла къ сердцу нашу бѣду, Антошка... Не то что пожалѣла да кинула подачку—нѣтъ! И сама пріѣхала, и пенсію назначила, и деньги на обзаведеніе прислала... И не оставитъ она насъ съ тобой... Не такая... То-то и удивительно!

— И простая какая, Александръ Иванычъ... Совсѣмъ непохоже, что дочь важнаго генерала...

— Дда... И, можетъ, еще потерпитъ она за свою доброту...

— Отъ кого?

— Отъ отца, отъ матери...

— За то, что помогла родному дядѣ?—изумился Антошка.

— Именно за это самое!—усмѣхнулся «графъ».—Ты слышалъ, какъ ея горничная призналась, что барышня серьги свои продала, чтобъ прислать мнѣ эти деньги.

— У нея, должно-быть, много этихъ серегъ...

— Много не много, а она, значитъ, сдѣлала это по секрету... Если узна̀ютъ родители—ей будутъ непріятности... О, милая, свѣтлая душа!—воскликнулъ графъ въ какомъ-то восторженномъ умиленіи.

— Ругать будутъ, что ли?—поинтересовался Антошка.

— Будутъ говорить, что она поступаетъ безразсудно, что помогаетъ пропойцѣ... Извѣстно, что̀ говорятъ люди о нищихъ... А ты, Антошка,—съ неожиданною торжественностью прибавилъ «графъ», обращаясь къ мальчику: — никогда не забывай этой диковинной барышни и помни, что если мы съ тобою заживемъ хорошо, то обязаны этимъ ей... Такія барышни очень рѣдки среди тѣхъ, которыхъ ты зовешь «важными графинями и княгинями». Не забудешь?

— Никогда не забуду, Александръ Иванычъ!—съ чувствомъ проговорилъ Антошка.

— То-то... Ты у меня признательный мальчикъ... Это, братецъ, хорошая черта... Ну, а теперь зови Анисью Ивановну... Надо съ ней разсчитаться...

Добрая женщина обрадовалась отъ всеи души, узнавши, какую значительную сумму прислала племянница ея жильцу, и поздравила его.

— На экипировку прислала и вообще на обзаведенье...

Комната, говоритъ, темная и маленькая... Требуетъ, чтобъ я перебрался отъ васъ, Анисья Ивановна!—объяснилъ «графъ».

— Ужъ какая же это комната... Въ такой ли вамъ жить!..

— И въ трущобахъ жилъ, Анисья Ивановна, всего бывало... Но только я долженъ вамъ сказать, что мнѣ очень грустно разстаться съ вами, Анисья Ивановна... Я испыталъ на себѣ, какая вы добрая женщина... Знаю, кто содержалъ меня во время болѣзни, и, повѣрьте, никогда этого не забуду...

— Ну, что̀ вы, что̀ вы, батюшка, Александръ Иванычъ!—говорила смущенная хозяйка.—Отчего и не подѣлиться, чѣмъ можешь... У всякаго человѣка бываетъ нужда...

— Да только не всякій дѣлится... Ну, не будемъ объ этомъ говорить... Сколько я вамъ долженъ?

— Восемь рублей, Александръ Иванычъ, да за комнату пять, всего тринадцать рублей.

— Только-то?.. Ужъ что-то слишкомъ мало?

— Да за что же я съ васъ буду брать лишнее?.. Вотъ и счетъ на восемь рублей, что̀ во время болѣзни трачено... Чужого я не хочу... Я, слава Богу, крещеная...

— Видно, очень добрый попъ васъ крестилъ, Анисья Ивановна,—усмѣхнулся Опольевъ.—Вотъ извольте получить ваши тринадцать рублей...

— Да вы счетецъ-то просмотрите.

— Вашъ счетецъ и просматривать не надо, — сказалъ «графъ», разрывая счетъ съ небрежностью джентльмена, и прибавилъ: — А какъ я поправлюсь и стану выходить, то позволю доставить себѣ удовольствіе, Анисья Ивановна, поднести вамъ маленькій подарочекъ въ знакъ глубокой моей благодарности...

Анисья Ивановна, совсѣмъ тронутая и обѣщаніемъ подарка и такою деликатною формою выраженія, начала-было протестовать, но Опольевъ остановилъ ее словами:

— Надѣюсь, вы не захотите обидѣть меня отказомъ, Анисья Ивановна?

— Помилуйте, Александръ Иванычъ... Я простая женщина, а вы...

— А я... нищій баринъ, котораго вы пожалѣли!—перебилъ «графъ».—Ну и объ этомъ не станемъ больше разговаривать, а перейдемъ къ слѣдующему вопросу. Надѣюсь, вы не откажетесь стирать мнѣ бѣлье, когда я его заведу?

— Съ большимъ удовольствіемъ, Александръ Иванычъ!

— Но дѣло въ томъ, что я думаю поселиться на Васильевскомъ островѣ... тамъ, знаете ли, и уединеннѣе, и воздухъ лучше... Особенно лѣтомъ... И сады... и Петровскій паркъ

близко,—говорилъ «графъ», намѣтившій эту мѣстность вовсе не потому, что тамъ «воздухъ лучше», а, главнымъ образомъ, по той причинѣ, что эта часть города никогда не бывала цѣлью его вечернихъ экскурсій и тамъ не могли узнать въ немъ прежняго нищаго.—Такъ не далеко ли вамъ будетъ ходить за бѣльемъ?..

— Совсѣмъ не далеко... И у меня есть на острову одинъ давалецъ...

— Ну, значитъ, и отлично... И я всегда буду радъ видѣть васъ и попотчевать васъ, чѣмъ могу.

— А вы когда думаете перебираться, Александръ Иванычъ?

— А вотъ какъ силъ прибавится...

— То-то, вамъ надо поберечься. Долго ли опять простудиться.

— И докторша запретила рано выходить... Ну да теперь у меня будетъ теплое пальто!—проговорилъ «графъ» съ радостной, почти ребячьей улыбкой.—Черезъ недѣльку я и выйду.

XXIX.

«Графъ» быстро оправлялся отъ болѣзни къ радости Антошки, замѣчавшаго, что Александръ Ивановичъ не такой ужъ худой, какимъ былъ послѣ болѣзни. И ѣлъ онъ хорошо, и спалъ крѣпко, былъ въ веселомъ настроеніи духа и ждалъ съ нетерпѣніемъ яснаго дня, чтобъ отправиться за покупками.

Докторша, совсѣмъ неожиданно навѣстившая Опольева подъ деликатно сочиненнымъ предлогомъ, что была у больного въ этомъ же домѣ, осмотрѣла его и нашла, что онъ совсѣмъ молодцомъ.

— Только вамъ беречься нужно... Не простудиться опять...

— Не простужусь... Теперь я буду тепло одѣтъ, и мнѣ не придется проводить время на улицахъ, рискуя новымъ воспаленіемъ легкихъ...

— Дѣла ваши, значитъ, поправились?—осторожно спросила докторша.

— Добрая фея явилась ко мнѣ, какъ это ни странно въ нынѣшнія времена, когда никто не вѣритъ въ фей, такъ онѣ рѣдки, эти добрыя феи. И однако нашлась одна въ лицѣ моей племянницы... дочери извѣстнаго Опольева... Вы, вѣрно, слышали эту фамилію?.. Ну, разумѣется.

И Опольевъ не отказалъ себѣ въ удовольствіи подробно разсказать докторшѣ о своей племянницѣ и превознести до небесъ ея доброту и участіе.

— А отецъ меня давно приказалъ не пускать на порогъ. Замѣтьте это!—прибавилъ онъ, усмѣхаясь. — Нельзя же, въ

самомъ дѣлѣ, принять нищаго... въ такомъ великолѣпномъ домѣ, какъ у него!..

— Какая чудная дѣвушка! И какъ я рада за васъ! — горячо воскликнула докторша.

— Спасибо... Оттого-то я и позволилъ отнять у васъ пять минутъ времени, что на себѣ испыталъ ваше участіе и доброту. Я зналъ, что вы порадуетесь о томъ, что и въ той средѣ, гдѣ только думаютъ о себѣ, являются такія чистыя души, какъ эта дѣвушка... Только выдержитъ ли она?.. Не заклюютъ ли ее?

— Однако вы скептикъ...

— Жизнь не пріучила къ восторгамъ.

— Но теперь вы, конечно, не такъ уже мрачно смотрите на тотъ кругъ, къ которому принадлежали? — спрашивала докторша, заинтересованная этимъ страннымъ человѣкомъ.

— Отчего же теперь?.. Оттого, что *я* не буду нищенствовать—вы вѣдь знаете, конечно, мою бывшую профессію? Но вѣдь тысячи отверженцевъ, заслуживающихъ еще большаго участія, чѣмъ вашъ покорный слуга, попрежнему не возбудятъ ни малѣйшаго участія въ тѣхъ людяхъ, которые могли бы помочь имъ... Исключеніе — не правило. Одна ласточка весны не дѣлаетъ...

«Графъ» вспомнилъ все то, что̀ онъ видѣлъ и чему научился во время своей скитальческой жизни, и, довольный, что можетъ высказаться и излить свою душу передъ человѣкомъ, который его пойметъ, продолжалъ, указывая на Антошку:

— Если вотъ этотъ мальчикъ, благодаря случаю, быть-можетъ, спасенъ отъ нищеты, тюрьмы и преступленія, то развѣ мало гибнетъ такихъ же несчастныхъ, обреченныхъ на все это... О, добрая госпожа докторша, я насмотрѣлся на этихъ жертвъ... Да и вы должны ихъ знать... А они, эти господа, отдѣлываются грошовой филантропіей да пріютами и больше для удовлетворенія тщеславія... Да... какъ вамъ ни покажется страннымъ, а я, отставной штабъ-ротмистръ Опольевъ, терпѣть не могу то самое общество, которое само меня погубило и первое же отшатнулось отъ меня... И если бы мнѣ сказали: живи между ними опять, я не пойду... Чортъ съ ними!.. Однако извините, госпожа докторша, я рѣшительно дѣлаюсь болтуномъ, пользуясь вашей снисходительностью, — оборвалъ Опольевъ.

И хотя докторша и говорила, что у нея есть время и что ей очень пріятно поговорить, но Опольевъ замолкъ.

Прощаясь, докторша снова повторила, что надо беречься.

— И не одной простуды!—значительно прибавила она.

— А чего же еще?

— Всякихъ излишествъ. Напримѣръ, пить вамъ безусловно нельзя...

— Я съ этимъ покончилъ!—промолвилъ графъ.

— И отлично...

— А мнѣ можно выходить?

— Только не сегодня, а когда будетъ лучше день... Прощайте... Отъ души желаю вамъ всего хорошаго...

— Прощайте... Спасибо вамъ за все, за все...

— Прощайте, Антоша.

Когда докторша ушла, Антошка проговорилъ:

— Вотъ и жидовка, а какая хорошая!..

— А ты думаешь, что жиды должны быть нехорошіе?..

— А то какъ же? Извѣстно, жиды... Всѣ ихъ ругаютъ.

— Между всѣми людьми есть, братъ, и хорошіе и дурные люди... А если жидовъ всѣ ругаютъ, то изъ этого еще ничего не слѣдуетъ. Люди часто бываютъ несправедливы и злы... Вотъ и меня всѣ ругаютъ, а развѣ я ужъ такой дурной?

— Что̀ вы, Александръ Иванычъ...

— Ну вотъ видишь ли. И знаешь еще что̀, Антошка? Ты всегда своимъ умомъ смекай, а не повторяй того, что̀ говорятъ другіе!

На слѣдующій день погода выдалась хорошая. Стояло ясное морозное утро, и послѣ чая «графъ» съ Антошкой отправились за покупками.

— Вы насъ не ждите къ обѣду, Анисья Ивановна. Мы сегодня съ Антошкой кутить будемъ!—весело проговорилъ «графъ».

Они сѣли въ сани и скоро доѣхали до Маріинской линіи, гдѣ Опольевъ разсчитывалъ купить теплое пальто. Оно было тотчасъ же куплено, это давно желанное пальто на какомъ-то мѣху, съ барашковымъ воротникомъ. Оно имѣло вполнѣ приличный видъ и грѣло отлично. Выйдя изъ лавки въ пальто и барашковой шапкѣ, «графъ», несмотря на морозъ, чувствовалъ пріятную теплоту и испытывалъ счастливое состояніе удовлетворенности. Послѣ пятнадцати лѣтъ у него наконецъ теплая одежда! Онъ радовался, какъ ребенокъ, и весело говорилъ Антошкѣ:

— Да, братъ... Славная это штука мѣховое пальто...

— Прекрасное у васъ пальто, Александръ Иванычъ.

— Ты находишь?

— Очень даже нахожу.

— И я нахожу, что недурное и грѣетъ отлично.

Вслѣдъ затѣмъ были куплены и надѣты новая пара платья, сапоги и теплыя калоши и перчатки. Теперь «графъ» былъ рѣшительно неузнаваемъ и глядѣлъ совсѣмъ бариномъ. И по-

ходка у него стала будто тверже и увѣреннѣе, и станъ выпрямился... Антошка только глядѣлъ и восхищался.

— И какой же вы важный теперь стали, Александръ Иванычъ!—говорилъ Антошка.

Они зашли въ парикмахерскую. «Графъ» велѣлъ подстричь себѣ волосы и бороду и вышелъ оттуда значительно помолодѣвшимъ.

— Ну теперь пойдемъ завтракать, Антошка...

Они зашли въ ресторанъ. Лакеи предупредительно спрашивали «графа», что̀ онъ прикажетъ.

— Видишь, Антошка, что̀ значитъ платье, — усмѣхнулся «графъ», заказавъ завтракъ:—зайди я въ прежнемъ платьѣ, такъ, пожалуй, и не пустили бы, а теперь... юлятъ, подлецы...

«Графъ» выпилъ рюмку водки, потомъ другую и хотѣлъ-было выпить третью, какъ Антошка робко замѣтилъ:

— Не вредно ли вамъ будетъ, Александръ Иванычъ?

«Графъ» нѣсколько смутился и сказалъ:

— Ты правъ, Антошка... Спасибо... И впредь останавливай меня... Лучше спросимъ полбутылки краснаго вина... Это будетъ полезно... И ты можешь выпить немного... Человѣкъ! Полбутылки бордо... Да подогрѣйте, пожалуйста!—обратился «графъ» къ лакею.

Заигралъ органъ, и Антошка пришелъ окончательно въ восхищеніе и отъ вкуснаго завтрака, и отъ полустакана вина, и отъ музыки, и оттого, что его покровитель такой представительный въ своемъ новомъ платьѣ, такой веселый и довольный...

Послѣ завтрака они отправились снова въ лавки и вернулись домой только въ четвертомъ часу съ огромной корзиной, полной всякаго добра. А дома уже принесены были двѣ желѣзныя кровати съ мягкими матрацами.

— Ну вотъ и мы!—весело говорилъ «графъ» встрѣтившей ихъ Анисьѣ Ивановнѣ.

— Съ покупками, Александръ Иванычъ! И какой же вы, можно сказать, нарядный, Александръ Иванычъ!—воскликнула хозяйка, когда разглядѣла при свѣтѣ лампы костюмъ Опольева.

Теперь эта комнатка показалась Опольеву еще мрачнѣе и тѣснѣе.

— А вотъ и вамъ позвольте поднести, Анисья Ивановна!—проговорилъ «графъ», подавая квартирной хозяйкѣ штучку шерстяной матеріи.

— Ахъ, что̀ вы! Зачѣмъ такое дорогое! — говорила тронутая подаркомъ Анисья Ивановна, разсыпаясь въ благодарностяхъ.

— Полноте, Анисья Ивановна... И шелковое купилъ бы, если-бъ могъ... Да вотъ бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ... Ну-съ, обмундировались мы вполнѣ съ Антошкой... И платья и бѣлья, всего накупили... Не угодно ли взглянуть, хорошо ли бѣлье... Вы толкъ въ бѣльѣ понимаете?

Открыли корзину, и Анисья Ивановна одобрила бѣлье... Все было очень хорошо, и всего было довольно для обоихъ.

— Что̀, много вы истратили денегъ-то? — полюбопытствовала Анисья Ивановна...

— Сто съ чѣмъ-то... Еще на запасъ осталось... Кое-что еще надо купить... Тамъ видно будетъ на новой квартирѣ... Ну, а теперь самоварчикъ, да пожалуйте къ намъ чай пить, Анисья Ивановна.

На слѣдующее утро въ одной изъ дальнихъ линій Васильевскаго острова была пріискана свѣтлая, довольно приличная комната отъ жильцовъ, вдовы старухи-чиновницы съ дочерью и съ сыномъ, технологомъ-студентомъ, и въ тотъ же день, послѣ горячаго прощанія съ Анисьей Ивановной, прежніе ея жильцы отправились на новую квартиру...

Когда они ѣхали по Васильевскому острову, Антошка вдругъ дернулъ «графа» за рукавъ, указывая на вереницу дѣвочекъ, которыя выходили попарно изъ подъѣзда.

— Александръ Иванычъ! Анютка! — радостно воскликнулъ Антошка.—Какъ она попала сюда?.. Что̀ это за дѣвочки?

— Онѣ въ пріютѣ, куда и тебя хотѣла помѣстить княгиня.

— А Анютку можно увидать?.. Можно къ ней придти?

— Я думаю, можно... Мы навѣстимъ ее...

— То-то... Каково-то живется Анюткѣ?..

— А вотъ разспросимъ... И снесемъ ей чего-нибудь...

— Это хорошо... А то кормятъ поди не очень!—замѣтилъ Антошка, питавшій къ пріютамъ, благодаря княгинѣ, сильную ненависть.

Къ вечеру жильцы устроились на новой квартирѣ и рано легли спать. Эти мягкіе матрацы, чистое бѣлье, теплыя новыя одѣяла, этотъ уютъ и теплота комнаты—все это казалось прежнимъ горемыкамъ чѣмъ-то необыкновенно хорошимъ и пріятнымъ, какимъ-то земнымъ раемъ.

Оба они заснули съ радостными мыслями о предстоящей имъ новой жизни.

XXX.

Нѣсколько мѣсяцевъ пролетѣло для «графа» и Антошки совсѣмъ незамѣтно.

Послѣ многихъ лѣтъ «собачьяго» существованія, полнаго

лишеній, бродяжничества и всякихъ неожиданностей, имъ обоимъ было особенно пріятно нѣсколько монотонное однообразіе регулярной жизни людей, болѣе или менѣе обезпеченныхъ, не заботящихся о завтрашнемъ днѣ.

И какое счастье испытывали оба эти горемыки, живя почеловѣчески, въ теплой, свѣтлой, опрятной комнатѣ, одѣтые въ приличный костюмъ, обутые, умытые, въ чистомъ бѣльѣ, не чувствующіе себя какими-то отверженцами.

Теперь они никого не боялись.

Теперь имъ не для чего было выходить на работу, за добычей, не всегда вѣрной и обезпечивающей обѣдъ, незачѣмъ было зябнуть на холодѣ или мокнуть на дождѣ въ отрепьяхъ, выслѣживая сердобольныхъ или подгулявшихъ людей

Все это казалось имъ давно прошедшимъ, хотя ни «графъ» ни Антошка не забыли его и при случаѣ вспоминали о немъ.

Теперь, благодаря счастливой случайности—доброй дѣвушкѣ, встрѣтившейся на ихъ тернистомъ пути, они ежедневно, и даже въ опредѣленные часы, пили чай со свѣжими булками, не разсчитывая, хватитъ ли куска сахару на нѣсколько стакановъ, и обѣдали настоящимъ образомъ: не объѣдками и отбросами закусочныхъ, а получали отъ квартирной хозяйки—видимо порядочной женщины—два сытныхъ блюда, приготовленныхъ изъ свѣжей провизіи.

И съ какимъ удовольствіемъ и графъ и Антошка ѣли эти обѣды.

Антошка считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ и давно простилъ и «дяденьку» и «рыжую вѣдьму» послѣ того, какъ «графъ» объяснилъ какъ-то ему, почему на свѣтѣ существуютъ и «дяденьки» и «рыжія вѣдьмы». Настоящее было очень хорошо, но будущее представлялось еще свѣтлѣе и лучезарнѣе и, конечно, нераздѣльнымъ съ «графомъ», преданность къ которому благодарнаго мальчика не знала границъ. Онъ нерѣдко мечталъ о томъ времени, какъ онъ обучится всему, чему нужно, и будетъ зарабатывать хорошія деньги. То-то они заживутъ тогда вдвоемъ, не нуждаясь болѣе ни въ чьей помощи!

И Антошка нерѣдко открывалъ свои мечты «графу». И «графъ», слушая болтовню мальчика, тихо улыбался и, казалось, тоже вѣрилъ этимъ мечтамъ. Ему такъ хотѣлось имъ вѣрить!

Тѣ тридцать пять рублей, которые каждое первое число привозила дядѣ племянница, казались и «графу» и, разу-

мѣется, Антошкѣ едва ли не бо́льшимъ состоянiемъ, чѣмъ Ротшильду его милліоны, и бывшій мотъ, спустившій въ молодости цѣлое состоянiе, теперь обнаруживалъ такое умѣнье справляться съ бюджетомъ и былъ столь бережливъ и аккуратенъ, что его талантамъ могъ бы позавидовать любой министръ финансовъ.

Получаемыхъ денегъ хватало не только на все необходимое для обоихъ, но даже для нѣкоторыхъ предметовъ роскоши—на рюмку, одну только рюмку водки передъ обѣдомъ, на покупку дешеваго табаку, вчерашней газеты и, по праздникамъ, лакомствъ для Антошки и для Анютки, которую они навѣщали въ прiютѣ.

Кромѣ опредѣленной ренты, у предусмотрительнаго «графа» былъ еще и запасный капиталъ въ пятьдесятъ рублей, отложенныхъ изъ денегъ, полученныхъ на обзаведенiе, который предназначался на экстренные расходы и въ то же время былъ подспорьемъ на черный день. Мало ли что̀ могло случиться?

Подобная бережливость «графа» объяснялась, главнымъ образомъ, его воздержанiемъ отъ спиртныхъ напитковъ. Сознанiе принятыхъ имъ на себя обязанностей относительно горячо имъ любимаго мальчика заставило его обратить серьезное вниманiе на предостереженiе докторовъ, и онъ рѣшительно пересталъ пить и только позволялъ себѣ одну рюмку передъ обѣдомъ.

О, какъ ему хотѣлось теперь жить, какъ хотѣлось поднять на ноги своего любимца, и какъ онъ внимательно сталъ теперь относиться къ своему здоровью, чтобъ быть полезнымъ Антошкѣ.

И какъ онъ былъ благодаренъ Нинѣ, которая явилась доброй феей подъ конецъ его горемычной жизни!

Когда она навѣщала его, онъ былъ несказанно радъ и словно бы гордился тѣмъ, что вѣра молодой дѣвушки въ него не только не поколебалась, но, напротивъ, крѣпла. Она могла окончательно убѣдиться, что онъ не пропавшій человѣкъ и не пропиваетъ ея денегъ. И Нина дѣйствительно привязалась къ дядѣ, случалось, просиживала у него болѣе часа, и мнѣнiя дяди находили болѣе отклика въ ея сердцѣ, чѣмъ мнѣнiя ея отца.

Нина уѣзжала отъ дяди еще болѣе душевно смятенная подъ впечатлѣнiемъ его озлобленныхъ и страстныхъ рѣчей, въ которыхъ скорѣе чувствовала, чѣмъ понимала, долю истины. И жизнь дома казалась ей еще болѣе безсодержательною. Даже и усердная дѣятельность въ обществѣ «По-

могай ближнему!» не удовлетворяла ее, особенно послѣ разсказовъ дяди о томъ, какъ обманываютъ благотворительныхъ дамъ и какіе люди въ большинствѣ случаевъ пользуются ихъ помощью.

А «графъ», провожая свою гостью, горячо цѣловалъ ее и благодарилъ ее за то, что она навѣстила, и за деньги.

Съ тѣхъ поръ, какъ «графъ» зажилъ въ благополучіи, онъ съ особенною ретивостью предался педагогической дѣятельности, имѣя въ Антошкѣ весьма способнаго ученика. Ему непремѣнно хотѣлось, чтобы Антошка поступилъ въ какую-нибудь ремесленную школу и имѣлъ въ будущемъ вѣрный кусокъ хлѣба. О выборѣ такой школы ужъ онъ совѣтовался съ студентомъ-технологомъ, сыномъ квартирной хозяйки, и рѣшено было, что къ осени Антошка поступитъ въ школу при одномъ изъ заводовъ на Васильевскомъ островѣ. Нужно было только подготовить мальчика надлежащимъ образомъ.

Каждое утро, послѣ чая и послѣ внимательнаго прочтенія вчерашней газеты, «графъ» занимался съ Антошкой два часа, послѣ которыхъ учитель, повидимому, утомлялся гораздо болѣе, чѣмъ ученикъ. Антошка читалъ вслухъ, писалъ съ прописи и подъ диктовку. «Графъ» поправлялъ чтеніе и—чтобы показать, какъ надо выразительно читать—самъ прочитывалъ иногда страничку-другую хрестоматіи, пріобрѣтенной для Антошки въ числѣ другихъ учебныхъ пособій. Читалъ «графъ» недурно, и Антошка заслушивался, какъ складно выходили у «графа» басни. Но зато при исправленіяхъ диктовки учитель, повидимому, не особенно довѣрялъ себѣ и постоянно справлялся съ книгой, при чемъ не умѣлъ удовлетворять любознательности ученика, когда тотъ задавалъ вопросы: почему надо писать, напримѣръ, «того», а не «тово».

— Такъ, братецъ, слѣдуетъ писать, а я и самъ не знаю почему!—добросовѣстно признавался «графъ».

— Развѣ васъ этому не обучали?—удивился Антошка, полагавшій, что «графъ» долженъ все знать.

— Навѣрно обучали, да я забылъ. Послѣ тебѣ объяснятъ въ школѣ, а пока запоминай, какъ въ книгѣ написано. Такъ и пиши.

«Графъ», впрочемъ, купилъ грамматику и проштудировалъ ее, послѣ чего ужъ могъ давать нѣкоторыя объясненія, хотя далеко не на всѣ вопросы любознательнаго Антошки.

Тѣмъ не менѣе онъ дѣлалъ большіе успѣхи: читалъ весьма недурно и писалъ довольно красиво, и ошибки его не осо-

бенно рѣзали глазъ. И «графъ» не разъ выражалъ одобреніе, чѣмъ доставлялъ Антошкѣ большое удовольствіе. Внѣ классныхъ занятій Антошка просто-таки пожиралъ книги, которыя ему покупалъ «графъ», руководствуясь въ выборѣ указаніями студента и его сестры. Такимъ образомъ Антошкой были прочитаны многія изданія «Посредника» и «Комитета Грамотности», и затѣмъ онъ читалъ все, что̀ попадалось ему подъ руку: и газеты и книжки, которыя одолжались «графу» съ хозяйской половины.

Хотя и далеко не систематическое, но чтеніе это вмѣстѣ съ бесѣдами «графа» быстро развивали смышленаго Антошку, уже хорошо подготовленнаго раннимъ знакомствомъ съ жизнью и съ людьми, благодаря прежнимъ его профессіямъ—нищенки и торговца спичками, и онъ хотѣлъ какъ можно скорѣе «всему научиться».

Увы! Въ ариѳметикѣ Александръ Ивановичъ былъ еще менѣе силенъ, чѣмъ въ грамматикѣ, и напрасно онъ усердно прочитывалъ учебникъ. Онъ сознавалъ, что понимаетъ въ немъ очень мало, и это весьма огорчало его, тѣмъ болѣе, что Антошка обладалъ блестящими математическими способностями и умѣлъ дѣлать всѣ четыре правила куда лучше своего учителя.

Но въ этихъ затрудненіяхъ «графу» совершенно неожиданно помогъ молодой студентъ-технологъ.

Его комната была рядомъ съ комнатою жильцовъ, и до него иногда долетали и философскія бесѣды и ариѳметическія объясненія учителя. Онъ сильно заинтересовался и этимъ оригинальнымъ «бариномъ-демократомъ», и его сожителемъ, вопросы котораго во время уроковъ ставили нерѣдко втупикъ учителя, и вообще ихъ отшельнической жизнью и взаимной привязанностью.

Кто они? Что̀ ихъ связало?—объ этомъ никто изъ семьи не зналъ. И старый баринъ и его мальчикъ рѣдко показывались, держали себя необыкновенно скромно и тихо, и выходили со двора почти всегда вмѣстѣ. Молодая горничная Агаша, прислуживавшая жильцамъ и носившая имъ обѣдъ въ комнату, не могла нахвалиться ими, особенно старымъ бариномъ. Такой ласковый, никогда безъ нужды не побезпокоитъ, никуда не пошлетъ—не то что прежніе жильцы.

— А этотъ мальчикъ, должно-быть, сынъ его,—докладывала Агаша свои предположенія барынѣ, пожилой, когда-то красивой женщинѣ съ сбитымъ на бокъ чепцомъ, вѣчно занятой то на кухнѣ, то чинившей бѣлье, то убиравшей комнаты.

— Совсѣмъ онъ не похожъ на него, Агаша. Вѣрно, прі-

емышъ! —отвѣтила госпожа Никифорова и прибавила: — а впрочемъ, Богъ ихъ знаетъ! Жильцы они тихіе, спокойные, и слава Богу! А до остального намъ дѣла нѣтъ.

Прошелъ мѣсяцъ послѣ переѣзда жильцовъ, и молодой студентъ, сухощавый блондинъ съ серьезнымъ лицомъ и вихрастой головой, встрѣтивъ однажды Опольева въ коридорѣ, подошелъ къ нему и, поклонившись, проговорилъ молодымъ баскомъ:

— Студентъ Никифоровъ.

— Опольевъ! Очень пріятно!—любезно отвѣчалъ Александръ Ивановичъ, протягивая руку.

— Вамъ, кажется, нѣсколько затруднительно заниматься математикой съ вашимъ сожителемъ? — продолжалъ студентъ нѣсколько рѣзкимъ, умышленно грубоватымъ тономъ.

— И даже очень, молодой человѣкъ! — нѣсколько сконфуженно проговорилъ «графъ». — А вы почему это догадались?— прибавилъ онъ.

— За стѣной слышно...

— Быть-можетъ, мы вамъ мѣшаемъ?

— Я не къ тому... Я, видите ли, готовъ избавить васъ отъ этихъ уроковъ и позаняться съ мальчикомъ... Онъ очень способный...

Видимо обрадованный и нѣсколько удивленный такимъ предложеніемъ, «графъ» однако поспѣшилъ отвѣтить:

— Премного вамъ благодаренъ, г. Никифоровъ, но я долженъ предупредить васъ, что, къ сожалѣнію, я не въ состояніи заплатить вамъ настоящей платы за уроки... Такъ, если небольшую плату...

— Да мнѣ никакой платы не нужно... Съ чего это вы взяли?—перебилъ студентъ и сконфуженно покраснѣлъ.

— То-есть, почему же не нужно?

— А такъ, не нужно, вотъ и все. Въ противномъ случаѣ развѣ сталъ бы я навязываться...

— Но позвольте, молодой человѣкъ; у васъ время дорого, я знаю. За что же вы будете терять его даромъ?

— Это ужъ мое дѣло.

— И, позволю себѣ замѣтить, вы вѣдь, кажется, и сами не очень-то богаты?

— И вовсе даже не богатъ!—разсмѣялся студентъ, и лицо его при смѣхѣ сдѣлалось необыкновенно добродушнымъ.

— Потому-то вы, вѣроятно, и предлагаете учить моего Антошку gratis? — усмѣхнулся, въ свою очередь, и Опольевъ.

— Потому ли, или не потому, не все ли вамъ равно? Слѣ-

довательно и говорить объ этомъ нечего. Не такъ ли, Александръ Иванычъ?

— Пожалуй, что и такъ!—протянулъ, улыбаясь, «графъ».— А ваше имя-отчество?—освѣдомился онъ.

— Николай Алексѣичъ.

— И я, Николай Алексѣичъ, могу только поблагодарить васъ!—горячо проговорилъ Опольевъ, пожимая руку студента.— Вы это очень деликатно дѣлаете доброе дѣло... Спасибо вамъ за Антошку...

— Не за что благодарить!—отвѣтилъ студентъ, нѣсколько удивленный порывистостью и сердечностью тона этого «барина-демократа».—Самое обыкновенное дѣло! Такъ съ завтрашняго дня мы начнемъ заниматься съ вашимъ Антошкой... Ежедневно одинъ часъ послѣ обѣда у меня свободенъ... Посылайте его ко мнѣ... А затѣмъ до свиданія... Спѣшу на урокъ...

И съ этими словами студентъ крѣпко пожалъ руку Опольева и, кивнувъ вихрастой головой, хотѣлъ-было уходить, какъ внезапно спросилъ:

— Надѣюсь, вамъ не родственникъ этотъ извѣстный Опольевъ?...

— Этотъ прохвостъ мой родной братецъ.

Студентъ издалъ восклицаніе не то удивленія, не то сожалѣнія.

— Но только я съ нимъ вовсе незнакомъ... Я, видите ли... А впрочемъ, не смѣю васъ задерживать... Когда-нибудь я сообщу вамъ біографическія данныя о своей особѣ, чтобы вы знали, съ кѣмъ имѣете дѣло!—прибавилъ «графъ», дѣлая студенту прощальный жестъ рукой.

Вернувшись въ свою комнату, Опольевъ весело воскликнулъ, обращаясь къ Антошкѣ:

— Ну, братъ, тебѣ рѣшительно везетъ!.. У тебя будетъ настоящій учитель. Онъ тебя обучитъ ариѳметикѣ по-настоящему, не то что я...

— Кто это?

— А сынъ хозяйки... студентъ. Даромъ предложилъ учить; говоритъ, что ты способный мальчикъ... Слышалъ за стѣной, какъ мы съ тобой занимались... Смотри, Антоша, старайся!

— Еще какъ буду стараться, Александръ Иванычъ!

— А добрый этотъ технологъ, хотя и смотритъ букой и напускаетъ на себя серьезность. Не то что эти университетскіе студенты, особенно франты... Никто изъ нихъ никогда не одалживалъ мнѣ ни одной монетки... Я это хорошо помню. Еще издѣваются. «Мы, молъ, сами у васъ бы за-

няли!» или, бывало, говорятъ: «Если есть сдачи со сторублевой, то получите пятачокъ взаймы!..» Однимъ словомъ, совсѣмъ готовые молодые мерзавцы...

— И у меня, Александръ Иванычъ, рѣдко-рѣдко когда студентъ покупалъ бумаги или конвертовъ... Развѣ какой-нибудь бѣдно одѣтый студентъ...

— А вотъ этотъ, сейчасъ видно, человѣкъ... И вся семья ихъ, кажется, добрая...

— То-то и мнѣ сдается, что они добрые... И хозяйка сама и барышня... Третьяго-дня я встрѣтилъ хозяйку въ колидорѣ...

— Въ коридорѣ, Антоша!—поправилъ «графъ».

— Встрѣтилъ, говорю, въ коридорѣ, а она такъ ласково посмотрѣла на меня и спрашиваетъ: «что̀, молъ, доволенъ, мальчикъ, моей стряпней?..» Небось, злая какая такъ бы не смотрѣла и не спросила бы...

— Умозаключеніе вполнѣ правильное!—протянулъ, улыбаясь, графъ.—Что-жъ ты отвѣтилъ?

— Отвѣтилъ, что очень даже довольны пищей и вообще всѣмъ... «Ну я, говоритъ, очень рада!» А барышня такъ разъ даже спрашивала: отчего я такой маленькій и здоровъ ли я... Тоже ласковая... Куда только это она каждое утро съ книжками изъ дому уходитъ?..

— На высшіе курсы... Такое, братецъ, заведеніе есть для барышень, въ родѣ университета. Окончатъ онѣ ученье въ гимназіи и потомъ, если пожелаютъ, могутъ на курсы... Тамъ еще больше научатся...

— Ишь ты! И зачѣмъ имъ столько учиться, барышнямъ?—полюбопытствовалъ Антошка.

— Тоже и барышнѣ иной разъ нужно себѣ достать кусокъ хлѣба... Не вышла замужъ, смотришь, и не пропала: пошла въ учительницы или въ гувернантки. Ту, которая больше знаетъ, скорѣе возьмутъ на мѣсто.

— Значитъ, изъ небогатыхъ... Наши хозяева тоже небогатые?..

— Небогатые. Всѣ они въ трудахъ живутъ... И братъ и сестра учатся, да еще уроки даютъ... да мать, вѣрно, получаетъ какой-нибудь пенсіонъ за службу мужа... Такъ и живутъ, одинъ другому помогаютъ.

Вскорѣ и «графъ» и Антошка, благодаря посредству студента, которому «графъ» счелъ нужнымъ сообщить нѣкоторыя біографическія подробности о себѣ и объ Антошкѣ, познакомились съ семьей Никифоровыхъ. Вся семья отнеслась къ жильцамъ очень тепло и участливо. Подъ конецъ третьяго

мѣсяца жильцы ужъ обѣдали вмѣстѣ съ хозяевами и, случалось, по приглашенію, заходили пить чай. Эта семейная обстановка необыкновенно пріятно дѣйствовала на прежнихъ бродягъ, тѣмъ болѣе, что семья Никифоровыхъ была дружная, хорошая семья, всѣ члены которой бодро и стойко несли тяготу жизни, стараясь помочь другъ другу.

И сама хозяйка, эта милая хлопотунья Анна Васильевна, обожавшая своихъ дѣтей, всегда за какой-нибудь работой, всегда добродушная и веселая, несмотря на заботы, какъ-то сумѣвшая послѣ смерти мужа поднять дѣтей, испытывая лишенія и урѣзывая себя до послѣдней крайности, и ея дочь Вѣра, кончавшая курсъ и въ то же время бравшая, ради заработка, работу, — красивая, стройная брюнетка лѣтъ двадцати шести, съ строгими чертами нѣсколько трагическаго лица, необыкновенно добрая несмотря на свой, повидимому, строгій и холодный видъ, и студентъ Николай, вихрастый и не особенно красивый, близорукій блондинъ въ очкахъ, признающій одну науку и больше ничего,—всѣ они, ближе ознакомившись съ жильцами и узнавши отъ Антошки, что̀ сдѣлалъ для него этотъ «графъ», отнеслись къ нимъ съ сердечностью добрыхъ людей, понимающихъ нужду, и считали ихъ какъ бы своими. А студентъ просто-таки былъ въ восторгѣ отъ своего ученика — до того Антошка поразилъ его своею понятливостью и быстротой математическаго соображенія.

И какъ былъ доволенъ старый бродяга «графъ», проводя вечера среди этой честной, работящей семьи, въ которой— онъ это чувствовалъ — никто не ставилъ въ вину его прошлаго. Въ этой маленькой комнатѣ, служившей и гостиной и столовой, за круглымъ столомъ, на которомъ тихо напѣвалъ свою пѣсенку самоваръ, онъ, случалось, велъ споры со студентомъ и философствовалъ, вызывая удивленіе своими необыкновенно мѣткими сужденіями, выработанными тяжелой жизнью.

И, возвращаясь съ Антошкой отъ хозяевъ, «графъ» нерѣдко говорилъ:

— Ты мнѣ счастье принесъ, Антошка... Не будь тебя, не видать бы мнѣ, мой другъ, такихъ хорошихъ дней... Молчи... Я вѣрно говорю!—смѣясь прибавлялъ онъ, видя, что Антошка хочетъ протестовать противъ такого утвержденія.

И, съ удовольствіемъ потягиваясь на мягкой постели, иногда произносилъ въ видѣ сентенціи:

— Да, есть-таки хорошіе люди на свѣтѣ!

И какъ бы для большаго убѣжденія стараго озлобленнаго скептика, что дѣйствительно есть добрые люди, однажды Вѣра Алексѣевна предложила ему работу.

Онъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Мнѣ? Работу? Что-жъ я сумѣю сдѣлать? — какъ-то безпомощно произнесъ Опольевъ съ грустной усмѣшкой.

— Отлично сумѣете, я увѣрена. Работа не трудная, но только кропотливая. Надо переписывать статистическія таблицы. Хотите попробовать, Александръ Иванычъ?

— Еще бы не хотѣть!

О, эта дѣвушка отлично понимала психологію человѣческой души и знала, какъ пріободрить и приподнять бывшаго пропойцу и нищаго въ его собственныхъ глазахъ.

— Но какъ же вы сами, Вѣра Алексѣевна. Хотите лишить себя работы, чтобъ дать мнѣ?—спрашивалъ «графъ», стараясь подъ шутливымъ тономъ скрыть свое волненіе.

— И не думаю. Мнѣ даютъ этой работы, сколько угодно.

— Въ такомъ случаѣ, я попробую на старости лѣтъ что-нибудь заработать...

И «графъ» на другой же день засѣлъ за работу, кажется, въ первый разъ во все время своей жизни.

И какъ же онъ работалъ. Съ какимъ благоговѣйнымъ усердіемъ. Это была не работа, а какое-то священнодѣйствіе.

Черезъ нѣсколько дней онъ переписалъ нѣсколько листовъ, и когда Вѣра Алексѣевна, провѣривъ его работу, нашла ее превосходной, «графъ» радовался, какъ малый ребенокъ.

Десять или пятнадцать рублей заработка у него были обезпечены, пока ему служили глаза и не очень дрожали руки.

Могъ ли «графъ» когда-нибудь думать, что и онъ на что-нибудь годенъ?!

И это сознаніе, что онъ не совсѣмъ безпомощенъ, значительно подбодрило его, и онъ говорилъ Антошкѣ:

— Вотъ, братъ, у насъ непредвидѣнный доходъ будетъ. Вѣдь это недурно, а?

— Очень даже хорошо, Александръ Иванычъ, но только...

— Что только?

— Очень ужъ вы утомляете себя за этими таблицами... Вы бы поменьше ихъ переписывали, Александръ Иванычъ. А то недолго и заболѣть!

— Вотъ вздоръ! Вовсе не утомляюсь... Напротивъ, теперь я чувствую себя куда здоровѣе, чѣмъ прежде!—храбрился «графъ».

XXXI.

Май стоялъ замѣчательно теплый.

Въ одно изъ воскресеній, въ концѣ мѣсяца, графъ и Антошка, оба одѣтые по-праздничному, въ довольно приличныхъ

костюмахъ, послѣ вкуснаго пирога, шли въ пріютъ общества «Помогай ближнему!» навѣстить Анютку. Въ корзинѣ, которую несъ Антошка, были: большой кусокъ пирога, полфунта колбасы и коробка леденцовъ.

Они поднялись въ хорошо знакомую имъ небольшую пріемную со скамьями около стѣнъ. Тамъ ужъ сидѣли по кучкамъ посѣтители—преимущественно женщины, плохо одѣтыя—вмѣстѣ съ дѣвочками, которыхъ они навѣщали.

И отъ этой пріемной, чистой, аккуратно выметенной, и отъ этой, словно проглотившей аршинъ, надзирательницы, и отъ этихъ пріютскихъ дѣвочекъ, словно бы похожихъ одна на другую благодаря казеннымъ темнымъ платьицамъ и чепчикамъ на головахъ—вѣяло чѣмъ-то мертвящимъ... Все здѣсь напоминало не то казарму, не то хорошо устроенное тюремное заключеніе, а эти дѣвочки—хорошо выдрессированныхъ куколокъ съ лицами, по большей части блѣдными, въ выраженіи которыхъ было что-то приниженно-лицемѣрное и въ то же время нѣсколько торжественно-праздничное. Не слышно было ни громкаго разговора ни веселаго смѣха, точно это сидѣли не дѣти, полныя жизни, а какія-то крошки-монашки, приговоренныя обществомъ «Помогай ближнему!» къ неустанному покаянію, вѣроятно, за то, что онѣ имѣли счастье пользоваться милостями благотворительницъ, во главѣ которыхъ стояла непреклонная княгиня Марія Николаевна Моравская, обладавшая замѣчательными способностями накладывать печать казенщины и формализма на подвѣдомственныя сій благотворительныя учрежденія, которыя она считала, конечно, образцовыми.

Послѣ добрыхъ пяти минутъ ожиданія «къ графу» и Антошкѣ подошла тихими, равномѣрными шажками маленькая дѣвочка, чинная, тихая, съ опущенными внизъ глазами, совсѣмъ не похожая на ту востроглазую шуструю Анютку, которая прежде съ особенной назойливостью приставала на улицахъ къ «миленькимъ барынькамъ» и «добрымъ баринамъ», выпрашивая копеечку для «голодной маменьки», и строила недобрымъ прохожимъ, гонявшимъ ее прочь, самыя оскорбительныя гримасы, а подчасъ и запускала ругательныя словечки, попрыгивая отъ холода на одной ножкѣ.

Княгиня Моравская могла гордиться: разница между прежней Анюткой и этой степенной дѣвочкой была такая же разительная, какъ между живымъ существомъ и мертвецомъ.

— Здравствуй, Анюта,—промолвилъ «графъ».

— Здорово, Анютка!—привѣтствовалъ Антошка свою ста-

рую пріятельницу, которой онъ всегда покровительствовалъ во время пребыванія у «дяденьки».

— Здравствуйте, Александръ Иванычъ. Здравствуй, Антоша!—отвѣчала Анютка, дѣлая передъ Опольевымъ книксенъ.

— Ишь какъ тебя выучили!—засмѣялся Антошка.

— Насъ всему учатъ!—степенно замѣтила Анютка.

— То-то и видно... Совсѣмъ ты въ родѣ ученой обезьяны стала, Анютка!—сочувственно замѣтилъ Антошка.

— Такія слова нехорошо говорить, Антоша. Это только мужики такія слова говорятъ!—нарочно громко проговорила дѣвочка, оглядываясь на «аршинъ» въ темномъ платьѣ, сидѣвшій неподалеку.

— Не приставай къ ней, Антошка... У нихъ тутъ этого нельзя!—вступился «графъ».—Ну, садись около насъ, Анюта... Разсказывай, какъ живешь... Хорошо тебѣ тутъ?.. Да вотъ возьми гостинца.

— Очень хорошо... Благодарю за гостинецъ, Александръ Иванычъ.

— Ой, врешь, Анютка? — проговорилъ Антошка. — Ничего тутъ у васъ нѣтъ хорошаго...

— Зачѣмъ я буду лгать? Лгать грѣшно!.. — выговорила Анютка словно затверженный урокъ и снова посмотрѣла на надзирательницу.

— Да ты не бойся этой рыжемордой, Анютка... Чего ты все на нее смотришь... Она не услышитъ...

— Она все слышитъ, — почти шопотомъ произнесла дѣвочка.

— И бьетъ?—такъ же тихо спрашивалъ Антошка.

— У насъ не бьютъ! — съ обиженнымъ видомъ сказала Анютка.

— Не бьютъ?—удивился Антошка.—Значитъ, порютъ.

— И не порютъ.

— А какъ же у васъ наказываютъ?

— Безъ обѣда наказываютъ... Одну въ комнатѣ оставляютъ... Заставляютъ молитвы читать...

— И тебя такъ наказывали?—допрашивалъ Антошка.

— Нѣтъ... я хорошо себя веду; меня рѣдко наказываютъ.

— А кормятъ хорошо? Сыта, по крайней мѣрѣ? — спросилъ «графъ».

— Хорошо... Только въ постные дни не очень... Только вы объ этомъ никому не говорите, а то достанется! — опять шопотомъ проговорила Анютка.

— Кому-жъ я буду говорить, дурочка! — ласково шепнулъ «графъ» и, поглядѣвъ съ грустной улыбкой на Анютку,

прибавилъ:—Ну и дрессируетъ же здѣсь васъ, бѣдненькихъ, моя кузина...

— Какая кузина?

— Да княгиня Моравская.

Анютка широко раскрыла глаза и видимо не повѣрила, чтобы княгиня Моравская могла быть кузиной господину, который за панибрата съ Антошкой.

Однако она промолчала.

— Она часто бываетъ у васъ?

— Часто. Въ недѣлю два раза.

— И вы любите ее?

— Какъ же не любить? Она наша благодѣтельница. Мы за нее каждый день молимся.

— Гм... Похвально... Похвально! Кто же это заставляетъ васъ за нее молиться?—спрашивалъ «графъ».

— Начальница.

— Эхъ, кузина... кузина!—прошепталъ сквозь зубы «графъ», и по его губамъ скользнула ироническая улыбка.

«А вѣдь тоже думаетъ, что вырываетъ людей изъ когтей порока!»—пронеслось у него въ головѣ.

Они поговорили еще съ Анюткой съ четверть часа, и говорить больше рѣшительно было не о чемъ. И Анютка, видимо успѣвшая заслужить себѣ реноме благонравной дѣвочки и боявшаяся надзирательницы, не особенно охотно отвѣчала на щекотливые вопросы, а больше бросала украдкой быстрые и жадные взгляды прежней Анютки на корзинку съ гостинцами.

— Ну, прощай, Анюта,—промолвилъ «графъ», цѣлуя дѣвочку.—Блѣдненькая ты очень... Это нехорошо... Здорова?

— Я, слава Богу, здорова...

— Даже и «слава Богу»!..—усмѣхнулся словно бы про себя «графъ».—Да... скоро тутъ васъ обрабатываютъ... Будь здорова, дѣвочка.

Антошка потрясъ руку Анютки.

Они поднялись и хотѣли-было уходить, какъ вдругъ двери пріемной стремительно распахнулись, въ нихъ показалась въ форменномъ картузѣ голова испуганнаго швейцара, который громко крикнулъ: «Ея сіятельство!» и въ то же мгновеніе скрылся.

Сидѣвшій неподвижно «аршинъ» въ темномъ платьѣ вскочилъ, точно ужаленный, и бросился черезъ пріемную къ выходу, крикнувъ посѣтителямъ: «встаньте!» Какая-то дѣвочка убѣжала за начальницей.

Въ пріемной воцарилась мертвая тишина. Всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ.

Только одинъ «графъ» какъ-то особенно плотно усѣлся на скамейку и заложилъ нога на ногу, расположившись въ самой непринужденной позѣ. Однако онъ былъ видимо взволнованъ предстоявшей встрѣчей съ кузиной—она его встрѣчала на улицѣ года три тому назадъ и могла легко узнать—и нервно оправлялъ волосы и свою сѣдую, подстриженную бородку...

— Господинъ! Встаньте... Княгиня сейчасъ идетъ! — кинула ему на ходу пролетѣвшая начальница.

Но «графъ» продолжалъ сидѣть, къ ужасу Анютки и удивленію всѣхъ присутствовавшихъ.

Распахнулись двери, и въ пріемной появилась княгиня и тихо пошла, оглядывая въ pince-nez публику и ласково кивая въ отвѣтъ на поклоны посѣтителей и низкіе книксены дѣвочекъ.

И начальница и «аршинъ», слѣдовавшіе за княгиней, давно дѣлали знаки «графу», чтобъ онъ всталъ, но онъ какъ будто не замѣчалъ ихъ и взглядывалъ на княгиню.

«Однако сохранилась. До сихъ поръ и свѣжа и хороша... Видно, режимъ помогаетъ!» — подумалъ Александръ Ивановичъ.

— Садитесь, прошу васъ, садитесь!—говорила между тѣмъ княгиня своимъ низковатымъ контральто, обращаясь къ посѣтителямъ и останавливаясь около дѣвочекъ, чтобы потрепать ихъ по щечкамъ, далеко не похожимъ на ея румяныя пышныя щеки. — А это къ кому пришелъ этотъ господинъ?—обратилась княгиня къ начальницѣ, замѣтивъ сидящаго посѣтителя.

— Къ Анютѣ Бастрюковой...

— Я и не знала, что ее кто-нибудь навѣщаетъ... Родной?

— Кажется, нѣтъ, княгиня... Этотъ господинъ приходитъ съ мальчикомъ, знакомымъ Анютѣ...

Чуть-чуть шелестя платьемъ, княгиня направилась къ Анюткѣ.

Когда княгиня приблизилась, «графъ» поднялся.

— Ну, какъ ты поживаешь, Анюта?.. Надѣюсь, хорошо?.. И ведешь себя хорошо?—спрашивала княгиня, трепля своею бѣлой пухлой рукой дѣвочку.

— Анюта одна изъ лучшихъ дѣвочекъ... И учится прекрасно.

— Спасибо тебѣ, дѣвочка... Радуешь ты меня...

Княгиня уже давно взглядывала на «графа» и не узнавала въ этомъ представительномъ, прилично одѣтомъ господинѣ, съ изысканными манерами, того обтрепаннаго нищаго въ порыжѣлой шляпѣ, котораго нѣсколько разъ встрѣчала

на улицѣ. Въ чертахъ этого господина, повидимому, бывавшаго въ обществѣ, она припоминала что-то хорошо и близко знакомое когда-то раньше и досадовала, что не могла припомнить.

Взглядъ, нечаянно скользнувшій по Антошкѣ, котораго княгиня сразу узнала, несмотря на его костюмъ, мгновенно напомнилъ ей и прежняго ея поклонника, красавца-улана «Шурку», и несчастнаго отверженца, писавшаго ей письма съ просьбами трехъ рублей. Оба эти лица почему-то слились въ одномъ представленіи.

Она еще разъ взглянула на «графа», который не спускалъ съ нея своихъ темныхъ, чуть-чуть насмѣшливо улыбающихся глазъ, и послѣ нѣсколькихъ секундъ колебанія, слегка смутившаяся, обратилась къ Опольеву, и предусмотрительно на англійскомъ языкѣ, увѣренная, что этого языка никто не пойметъ:

— Я васъ совсѣмъ не узнала. Очень рада встрѣтиться съ вами и видѣть васъ бодрымъ и здоровымъ... Въ послѣднее время я такъ много слышала о васъ отъ Нины! — подчеркнула она и протянула руку.

Въ голосѣ княгини звучала участливая нотка.

— Меня не мудрено не узнать... А васъ я сейчасъ узналъ... Вы такъ мало перемѣнились съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ честь встрѣчаться съ вами еще тогда... въ обществѣ! — съ рыцарской любезностью отвѣчалъ когда-то свѣтскій Донъ-Жуанъ, почтительно пожимая руку княгинѣ и склоняя свою сѣдую кудрявую голову по всѣмъ правиламъ хорошо воспитаннаго свѣтскаго человѣка прежнихъ временъ.

И по-англійски онъ не разучился говорить.

— Ну, и я постарѣла. Годы идутъ и не возвращаются! — промолвила княгиня, чуть-чуть краснѣя.

И словно бы боясь, чтобъ разговоръ не продолжался на интимныя темы, продолжала уже по-русски и нѣсколько дѣловымъ тономъ предсѣдательницы общества «Помогай ближнему!»:

— А вы съ вашимъ питомцемъ навѣщаете мою дѣвочку? Это очень мило съ вашей стороны.

И «графъ» тотчасъ же понялъ, чего хочетъ княгиня, и отвѣчалъ:

— Старая знакомая моего питомца, княгиня.

— Какъ же... Тогда вѣдь мы всѣхъ бѣдняжекъ освободили, благодаря указаніямъ этого мальчика... А этотъ солдатъ куда-то исчезъ... Посмотрите, какая стала славная дѣвочка эта Анюта и какъ она полюбила пріютъ. Ты любишь пріютъ, дѣвочка? Говори правду... Не бойся...

— Очень люблю...

— Вотъ видите... А вашъ мальчикъ такъ его боялся... И вы написали мнѣ тогда такое письмо...

— Простите, княгиня, если оно было рѣзко, — снова заговорилъ по-англійски Александръ Иванычъ: — но вы меня лишали дорогого существа и хотѣли отнять его чуть ли не силою...

— Но для его же пользы...

— Вы думаете, княгиня?..

— Увѣрена.

— А я такъ увѣренъ, что въ вашихъ пріютахъ дрессируютъ будущихъ лицемѣровъ... Взгляните, какъ всѣ эти дѣвочки забиты... Надѣюсь, вы извините свободу чужого мнѣнія? Не правда ли? А затѣмъ позвольте, княгиня, искренно поблагодарить васъ за помощь, которую вы оказывали лично мнѣ, и пожелать вамъ всего лучшаго... Имѣю честь кланяться, княгиня!—прибавилъ «графъ» по-русски и почтительно склонилъ голову.

— Мы съ вами разныхъ взглядовъ... Дай Богъ и вамъ всего хорошаго, а главное—мира душевнаго и здоровья!

Княгиня протянула руку «графу», ласково кивнула Антошкѣ и пошла дальше.

Нѣсколько времени «графъ» и Антошка шли молча по улицѣ.

Наконецъ Антошка спросилъ:

— По-каковски это вы говорили съ этой княгиней, Александръ Иванычъ?

— По-англійски...

— Должно-быть, отчекрыживали ее?

— Положимъ, не «отчекрыживалъ», какъ ты выражаешься, а кое-что ей сказалъ!—отвѣчалъ, улыбаясь, «графъ».

— Насчетъ пріюта?

— Именно. А почему ты догадался?

— Да какъ же... Совсѣмъ Анютка какая-то глупая стала въ этомъ самомъ пріютѣ... Прежде она не такая была. Ужъ на что у этого «дяденьки» били ее, а все тамъ она когда и веселая бывала... А здѣсь—порченая какая-то... Видно, что эти самыя княгини да графини только людей портятъ...

— Ты, братъ, правъ... Портятъ... Но только думаютъ, что спасаютъ...

— Глупыя онѣ, что ли?

— Нѣтъ, Антошка... Онѣ и не глупыя иногда, и бываютъ добрыя, но сами тоже порченыя, какъ ты говоришь... Ну куда же мы пойдемъ сегодня съ тобой?—круто перемѣнилъ «графъ»

разговоръ.—На набережную смотрѣть пароходы или отправимся на острова... День-то чудесный...

— На острова бы недурно... Только какъ бы вы не устали, Александръ Иванычъ...

— Слава Богу, немало хаживалъ... Идемъ на острова. А оттуда можно и на пароходѣ. На-дняхъ за статистику получу деньги!—не безъ гордости прибавилъ «графъ».

Часа черезъ полтора они уже сидѣли на скамейкѣ на Елагиномъ островѣ и мирно бесѣдовали, наслаждаясь чуднымъ свѣжимъ воздухомъ. По временамъ проѣзжали экипажи, и оба они смотрѣли на разряженныхъ въ яркихъ лѣтнихъ платьяхъ дамъ и на изящныхъ кавалеровъ.

Антошка разспрашивалъ «графа», кто это такіе: князья или графы, или просто обыкновенные господа.

— А вонъ смотрите, Александръ Иванычъ... Одинъ господинъ въ большой коляскѣ сидитъ... Должно, какой-нибудь богатый... Только лошади что-то не шибко бѣгутъ.

«Графъ» взглянулъ на пожилого, виднаго брюнета въ изящномъ темномъ пальто и въ цилиндрѣ на головѣ. И господинъ, въ свою очередь, пристально и долго смотрѣлъ на «графа». Ихъ глаза встрѣтились, и оба они тотчасъ же отвели взгляды.

Коляска проѣхала.

— Знаешь, кто это ѣхалъ въ коляскѣ?

— Кто?

— Братецъ мой... Константинъ Ивановичъ Опольевъ!—проговорилъ «графъ» съ чувствомъ озлобленія.

— Ну? И онъ призналъ васъ?

— Кажется...

— И, небось, не поклонился?

— Станетъ онъ кланяться!.. Поклонись даже я ему, такъ онъ отвернулся бы... Но только онъ этого никогда не дождется...

«Графъ» помолчалъ и послѣ паузы прибавилъ:

— И у этого человѣка такая прелестная дочь!

— Красивый вашъ братъ, Александръ Иванычъ!—заговорилъ Антошка.

— Да... сохранился.

— И важный?

— Важный...

— А богатый?

— Очень...

— Ишь ты!—воскликнулъ Антошка, словно бы выказалъ въ этомъ отношеніи досаду, что такой нехорошій человѣкъ

и важный и богатый, тогда какъ Александръ Иванычъ изъ-за этого самаго человѣка терпѣлъ...

— И любитъ онъ Нину Константиновну? — снова спросилъ Антошка.

— Вѣрно, любитъ...

— А какъ же она можетъ любить такого отца... Или не знаетъ, какъ онъ съ вами поступилъ?..

— И дай Богъ, чтобъ не знала... Ну, однако поѣдемъ, Антошка, домой... Пожалуй, не къ добру намъ эти встрѣчи съ родственниками...

И дѣйствительно, встрѣча съ братомъ оказалась не къ добру.

Черезъ недѣлю, перваго іюня, вмѣсто обычнаго пріѣзда Нины, явилась горничная ея съ деньгами и объявила, что Нина Константиновна «очень разстроены... имѣли крупный разговоръ съ папенькой».

— Изъ-за чего?—испуганно спросилъ «графъ».

— Извѣстно, изъ-за васъ, Александръ Иванычъ!—съ сердцемъ проговорила горничная и торопливо ушла.

XXXII.

Его превосходительство былъ крайне изумленъ встрѣчей на островахъ.

Его изумила не самая встрѣча, а главнымъ образомъ то, что онъ увидалъ своего «братца», какъ презрительно называлъ и онъ, въ свою очередь, «графа», не въ обычномъ его видѣ нищаго пропойцы, съ порыжѣвшимъ цилиндромъ на головѣ и въ невозможныхъ сапогахъ,—какимъ, случалось, онъ встрѣчалъ его на улицѣ и каждый разъ отворачивался, испытывая чувство омерзѣнія, — а прилично одѣтаго, въ свѣжемъ бѣльѣ, въ незаношенныхъ перчаткахъ и совершенно трезваго, въ образѣ почтеннаго и солиднаго человѣка, наслаждавшагося погожимъ майскимъ днемъ, да еще въ обществѣ какого-то чистенько одѣтаго мальчика.

Даже что-то идиллическое было въ этой парѣ, какъ показалось петербургскому чиновнику, попавшему на острова днемъ по дѣламъ службы—вызванному по какому-то дѣлу къ министру, перебравшемуся уже на дачу.

Подобная метаморфоза заставила Опольева удивленно приподнять складки на лбу и задуматься на нѣсколько минутъ, чтобы пріискать логическое объясненіе такому странному явленію, которое, казалось, совершенно противорѣчило его непогрѣшимому мнѣнію о братѣ.

Самъ Константинъ Ивановичъ Опольевъ, всегда разсуди-

тельный, не знавшій ошибокъ молодости и корректный, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія ходячей морали, считавшій себя вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ и недюжиннымъ государственнымъ дѣятелемъ, которому не даютъ только случая показать себя, — считалъ своего брата неисправимымъ мерзавцемъ, не заслуживающимъ никакого снисхожденія.

Это мнѣніе, вполнѣ обоснованное, не оставляющее никакихъ сомнѣній, было давно составлено, занумеровано и сдано въ архивъ, и въ душѣ непреклоннаго чиновника ни разу не шевельнулось чувства сожалѣнія къ брату, основательно имъ позабытому.

Какое въ самомъ дѣлѣ могло быть сожалѣніе къ человѣку, который совершилъ подлогъ, опозорилъ честь мундира, почти разорилъ отца, лишивъ такимъ образомъ и брата значительнаго состоянія, и затѣмъ опустился до послѣдней степени, потерявъ всякое чувство человѣческаго достоинства: обивалъ пороги, просилъ милостыню на улицахъ и пьянствовалъ.

Всѣ доводы ума, весь душевный и умственный складъ Опольева рѣшительно протестовали противъ всякаго снисхожденія—недаромъ же Опольевъ въ свое время былъ безпощаднымъ прокуроромъ, любившимъ «закатывать» подсудимыхъ по буквѣ закона,—и логика, казалось, говорила, что такому пропащему человѣку, какъ его братъ, никогда не подняться, и что ему предстоитъ умереть отъ пьянства гдѣ-нибудь въ больницѣ, или на улицѣ, и чѣмъ скорѣе онъ это сдѣлаетъ, тѣмъ будетъ лучше.

И вдругъ, вмѣсто того—прилично одѣтый господинъ, правда, сильно помятый жизнью, но все-таки сохранившій видъ джентльмена и даже какую-то дерзкую самоувѣренность... И этотъ ироническій взглядъ черныхъ, глубоко сидѣвшихъ глазъ... И эта улыбка, словно бы издѣвающаяся надъ кѣмъ-то, искривившая его губы въ тотъ моментъ, когда ихъ взгляды встрѣтились.

Его превосходительство въ качествѣ чиновника, любящаго порядокъ, привыкъ сортировать и людей и явленія такъ же, какъ сортировалъ бумаги, давая имъ ту или другую оцѣнку краткими и рѣшительными опредѣленіями. Неясностей и неопредѣленности онъ не любилъ, какъ настоящій человѣкъ практики. И, разъ сдѣлавъ опредѣленіе, онъ успокаивался.

Вотъ почему его превосходительство послѣ встрѣчи съ братомъ испытывалъ нѣкоторую досаду. Еще бы! Фактъ, который былъ передъ глазами—прежній нищій, совершенно преображенный—какъ будто не поддавался никакому логическому объясненію и опровергалъ всѣ данныя о человѣческомъ паденіи.

Наконецъ онъ рѣшилъ, что, вѣроятно, какой-нибудь ду-

ракъ, не знавшій, каковъ гусь его братецъ, одѣлъ его и далъ денегъ, и онъ празднуетъ сегодня день своего обновленія и, конечно, въ скоромъ времени пропьетъ платье и будетъ шататься по улицамъ въ прежнемъ своемъ видѣ.

Это рѣшеніе какъ будто успокоило его превосходительство, и на лицѣ его скользнуло довольное выраженіе человѣка, уяснившаго себѣ непонятное явленіе.

Однако эта идиллическая прогулка въ уединеніи островов, вмѣсто того, чтобы быть въ какомъ-нибудь грязномъ трактирѣ, это лицо, блѣдное и истомленное, но не похожее на прежнее лицо пьяницы, и наконецъ эта компанія съ мальчикомъ какъ будто не вязались съ такимъ заключеніемъ. Въ минуту этого сомнѣнія Опольевъ вдругъ вспомнилъ про письмо, въ которомъ братъ въ первый разъ послѣ долгихъ лѣтъ молчанія просилъ о помощи для какого-то мальчика, котораго призрѣлъ. Онъ припомнилъ, какъ не повѣрилъ ни слову этого письма, считалъ этого «мальчика» уловкой, чтобъ выманить денегъ на пьянство, и смутно почувствовалъ неудовлетворительность своего объясненія.

Но ему было некогда теперь думать объ этомъ. Мысли его приняли совсѣмъ другое направленіе, тѣмъ болѣе, что дача министра была недалеко.

Вернулся домой Опольевъ въ отличномъ расположеніи духа — министръ былъ очень милостивъ и привѣтливъ—и, сообщивъ объ этомъ женѣ, проговорилъ:

— А знаешь, Annette, кого я сегодня встрѣтилъ на островахъ и кто меня очень удивилъ?

— Кто, мой другъ?

— Ты ни за что не догадаешься! Я встрѣтилъ своего братца и—вообрази себѣ!—въ приличномъ костюмѣ, въ приличномъ видѣ и съ какимъ-то мальчикомъ...

Госпожа Опольева давно уже собиралась сказать мужу о перемѣнѣ, которая произошла съ его несчастнымъ братомъ, давно хотѣла объяснить, что онъ далеко не такой негодяй, какимъ считаетъ его мужъ, и сообщить, что Нина помогаетъ дядѣ изъ своихъ карманныхъ денегъ, но все не рѣшалась, боясь разсердить своего Константина Ивановича, котораго боготворила и въ то же время побаивалась. Но теперь, видя хорошее его настроеніе, она рѣшилась наконецъ открыть скрываемую тайну, которая ее тяготила.

И она отвѣтила:

— Твой братъ, право, заслуживаетъ лучшей участи, Константинъ Ивановичъ. Каково бы ни было его прошлое, но ты самъ убѣдился, что теперь...

— Ни въ чемъ я не убѣдился и теперь... Реабилитаціи такихъ людей я не вѣрю!..—перебилъ Опольевъ жену.

— Однако... ты самъ же говоришь, что удивленъ былъ, встрѣтивъ его совсѣмъ непохожимъ на прежняго нищаго.

— Ну и что-жъ? Кого-нибудь разжалобилъ, и онъ походитъ нѣсколько дней въ приличномъ костюмѣ, а затѣмъ пропьетъ его.

— Онъ этого не сдѣлаетъ! — значительно проговорила Опольева.

— Почему ты это утверждаешь?.. Тебѣ такъ кажется?.. — насмѣшливо отчеканилъ Опольевъ.

— Нѣтъ, я кое-что знаю о бѣдномъ твоемъ братѣ и давно хотѣла поговорить о немъ съ тобой... Онъ совсѣмъ не негодяй, какъ ты думаешь, мой другъ... Ты самъ въ этомъ убѣдишься, когда выслушаешь, что̀ я тебѣ скажу...

— Я слушаю, Annette... Переходи къ дѣлу.

— Тогда это письмо, которое ты мнѣ показывалъ... Помнишь?

— Ну, помню...

— Вѣдь онъ дѣйствительно просилъ для того, чтобы одѣть мальчика, котораго спасъ отъ какого-то изверга-солдата и пріютилъ у себя... Этого мальчика ты и встрѣтилъ... Онъ и теперь живетъ у твоего брата, который очень привязанъ къ своему пріемышу... О, если-бъ ты зналъ, какая это трогательная привязанность двухъ несчастныхъ!

И госпожа Опольева разсказала мужу и о томъ, какъ княгиня Маріе хотѣла помѣстить Антошку въ пріютъ, и какъ Александръ Ивановичъ не согласился, какъ онъ былъ боленъ, какъ совсѣмъ измѣнилъ жизнь, пересталъ пить и сталъ другимъ человѣкомъ.

Опольевъ внимательно слушалъ жену. Ироническая улыбка скользила по его губамъ, когда онъ спросилъ:

— Откуда ты слышала всѣ эти чувствительныя исторіи объ его чудесномъ превращеніи? Тебѣ онъ ихъ описывалъ, что ли?.. И наконецъ на что же онъ живетъ, если не собираетъ по улицамъ... Кто ему помогаетъ?..

— Нина.

Всегда ровный и сдержанный, почти никогда не возвышавшій голоса, его превосходительство на этотъ разъ не выдержалъ—до того сообщеніе жены было неожиданно—и воскликнулъ:

— Нина!? Это что̀ еще за сюрпризъ?

Глаза его сдѣлались неподвижными, губы сжались, и скулы задвигались.

— Ты не сердись, Константинъ Ивановичъ, — осторожно и робко вымолвила жена:—что мы тебѣ раньше этого не сказали... Ты такъ былъ предубѣжденъ противъ брата... Но теперь, когда нѣтъ сомнѣнія въ его исправленіи... ты, конечно, простишь намъ эту маленькую тайну... Нашу Нину тогда поразило то письмо... ей непремѣнно хотѣлось помочь, и она послала небольшую сумму изъ своихъ карманныхъ денегъ... А потомъ стала давать каждый мѣсяцъ... И если-бъ ты зналъ, какъ твой братъ благодаренъ! Если-бъ ты зналъ, какъ Нина рада, что помогла брату своего отца бросить прежнюю нищенскую жизнь... И въ какомъ она восторгѣ отъ Александра Ивановича... Какъ онъ милъ и деликатенъ...

— Милъ и деликатенъ,—повторялъ Опольевъ.—Отецъ считаетъ его негодяемъ, а вы въ восторгѣ... Весьма назидательно... Отлично... Нина—глупая еще дѣвочка, но ты, Annette, какъ это допустила?..

— Но, мой другъ... Нина такъ настаивала... И развѣ не въ правѣ она распорядиться своими карманными деньгами?

— Но откуда же она знаетъ о добродѣтеляхъ моего братца? Въ перепискѣ съ нимъ состоитъ, что ли?..

— Она разъ въ мѣсяцъ навѣщала его!

— Что̀?—воскликнулъ Опольевъ.

Жена повторила.

— Бываетъ у этого негодяя, котораго я не велѣлъ пускать къ подъѣзду? И ты ей позволила... Ты позволила ей?.. Да ты подумала ли, что̀ дѣлаешь?.. Или ты, по обыкновенію, не думаешь о томъ, что̀ дѣлаешь?—прибавилъ Опольевъ, уставивъ на жену злые глаза

Этотъ оскорбительный тонъ, этотъ презрительный взглядъ задѣли за живое госпожу Опольеву, и она возразила съ обиженнымъ видомъ:

— Я не вижу ничего ужаснаго въ томъ, что Нина навѣщала несчастнаго дядю... Я подумала прежде, чѣмъ позволила дочери поѣхать... Наконецъ какъ же ей запретить? Вѣдь она не маленькая... Развѣ лучше, если она безъ позволенія отправится?.. Да ты и самъ разрѣшилъ Нинѣ быть членомъ благотворительнаго общества, въ которомъ предсѣдательницей княгиня Marie... Нина съ Marie посѣщаютъ же бѣдныхъ... Такъ чѣмъ же хуже посѣтить твоего брата?..

Его превосходительство долженъ былъ употребить нѣкоторое усиліе, чтобъ не назвать свою супругу дурой. Онъ, впрочемъ, сдѣлалъ это мысленно и вслухъ рѣзко прибавилъ:

— Ты не находишь ничего ужаснаго въ этихъ посѣщеніяхъ, а я нахожу ихъ неприличными для моей дочери... Я

уже не говорю, какъ я непріятно изумленъ, что всѣ эти глупости держались отъ меня въ секретѣ...

— Но, милый другъ... прости... Я не ожидала, что ты примешь это такъ серьезно! — промолвила уже виноватымъ тономъ жена.

Этотъ виноватый тонъ нѣсколько смягчилъ его превосходительство, и онъ произнесъ:

— Что̀ сдѣлано, то сдѣлано. Надо, чтобъ впредь этого не повторялось, чтобы Нина перестала навѣщать этого человѣка. Попроси ко мнѣ Нину. Я съ ней переговорю...

— Но только ты не сердись на нее, Константинъ Ивановичъ... Вѣдь она все это дѣлала изъ добрыхъ побужденій.

— Знаю. Не безпокойся.

— Она какая-то нервная стала въ послѣднее время, наша Нина, и совсѣмъ не та, что̀ была прежде...

— А что̀?

— Избѣгаетъ выѣздовъ...

— Ну, это еще не бѣда.

— Все больше за книгами... Увлекается Толстымъ...

Его превосходительство поморщился, точно отъ зубной боли.

— Разъѣзжаетъ съ Мари по бѣднымъ... это ей нравится, хоть она и возвращается всегда разстроенная...

— Княгиня сбиваетъ ее съ толку. Отчего не заняться благотворительностью, но надо все дѣлать въ мѣру, въ мѣру! — повторилъ Опольевъ своимъ авторитетнымъ тономъ. — Положимъ, твоя кузина создала себѣ положеніе изъ филантропіи и никогда не сидитъ дома... Ну, этотъ филантропическій зудъ у нея еще понятенъ при такомъ разслабленномъ идіотѣ, какъ этотъ князь... Но Нина слишкомъ молода еще для этихъ благотворительныхъ увлеченій... И знаешь ли что̀? Пора бы Нинѣ замужъ! — неожиданно прибавилъ Опольевъ.

— И я такъ думаю... Я говорила съ ней объ этомъ.

— Что-жъ она?

— Не хочетъ.

— Никто ей не нравится?

— Кажется, никто...

— А Сиверскій? Кажется, онъ не прочь сдѣлать предложеніе... Онъ порядочный молодой человѣкъ и былъ бы отличной партіей... Что̀ Нина о немъ думаетъ? Нравится онъ ей?

— Нисколько.

— Отчего?..

— Говоритъ: совсѣмъ неинтересенъ...

— Гмм... Странно, почему не нравится. Онъ вполнѣ по-

рядочный человѣкъ... Ну и съ состояніемъ... связи... и положеніе... Онъ можетъ далеко пойти... Такъ ты пришли ко мнѣ Нину... Мы съ ней побесѣдуемъ.

Опольева, сама же разболтавшая все мужу, вышла изъ кабинета нѣсколько встревоженная, досадуя на себя, что она открыла тайну, о которой лучше было бы молчать. Теперь, того и гляди, выйдетъ «исторія», — а всякихъ «исторій» Опольева боялась больше всего на свѣтѣ, — если Нина не убѣдится доводами отца и, восторженно расхваливая нищаго дядю, выскажетъ отцу одно изъ тѣхъ своихъ крайнихъ мнѣній о свѣтѣ и богатствѣ, какія иногда высказывала матери.

Какъ обыкновенно бываетъ съ слабыми, безхарактерными людьми, она хотѣла, чтобы все какъ-нибудь обошлось безъ непріятностей, и безпокоилась и за мужа и за дочь, не зная и не рѣшаясь, чью принять сторону. Когда она слушала мужа, ей казалось, что онъ правъ, и что Нинѣ въ самомъ дѣлѣ неприлично ѣздить къ дядѣ, хотя бы онъ и исправился, забывая, что еще недавно, слушая разсказъ Нины о посѣщеніи дяди, она проливала слезы отъ умиленія и сама хотѣла навѣстить этого «несчастнаго старика, обиженнаго людьми».

— Ниночка! Папа тебя зоветъ... Онъ хочетъ съ тобой говорить о твоихъ посѣщеніяхъ дяди... Онъ очень этимъ недоволенъ!—говорила Опольева, войдя въ комнату Нины.

Нина слегка поблѣднѣла. Она понимала, что предстоитъ тяжелый разговоръ. Но она быстро поднялась съ мѣста и рѣшительно направилась къ дверямъ.

— Ниночка... ты, родная, не противорѣчь отцу, не раздражай его... И исполни его желаніе: не ѣзди къ дядѣ. И не сердись на меня... Это я все ему разсказала... Я думала, онъ отнесется къ моему признанію иначе, тѣмъ болѣе, что сегодня онъ встрѣтилъ на улицѣ дядю и былъ очень изумленъ...

— Изумленъ? Чѣмъ, мама?

— Его приличнымъ видомъ, его костюмомъ... однимъ словомъ, тѣмъ, что онъ не попрошайка, какимъ онъ былъ...

— Благодаря тому, что всѣ отъ него отвернулись!—горячо вставила молодая дѣвушка.

— Но папа не вѣритъ...

— Чему не вѣритъ?

— Что дядя могъ такъ измѣниться послѣ всего того, что было...

— Не вѣритъ?.. Но вѣдь это правда!—воскликнула Нина.

— И я пробовала говорить... Я разсказывала объ этомъ мальчикѣ...

— И папа все-таки не вѣритъ?—грустно повторила Нина.

— Не вѣритъ.

— Такъ я постараюсь убѣдить папу!—промолвила Нина.

— Нѣтъ, Нина, нѣтъ, не дѣлай этого... Это безполезно... И вообще... вообще лучше не противорѣчь ему. Къ чему? Отца ты не переубѣдишь и только огорчишь его. А онъ тебя такъ любитъ...

— Но, мама... Что̀ ты говоришь? Неужели я должна согласиться съ папой, что дядя гадкій человѣкъ и что онъ не заслуживаетъ никакого участія, когда я убѣждена въ противномъ?.. И неужели папа можетъ сердиться на это?..

Опольева не знала, что̀ отвѣчать, и снова повторила:

— Во всякомъ случаѣ, Нина... помни, что не слѣдуетъ огорчать отца... Ну, иди, иди... Онъ тебя ждетъ...

Молодая дѣвушка пошла въ кабинетъ.

XXXIII.

Опольевъ такъ же мало зналъ свою дочь, какъ и дочь—отца. Онъ ее очень любилъ тою эгоистичною любовью, которою любятъ родители своихъ дѣтей, любя въ нихъ самихъ себя. Онъ былъ всегда съ ней ласковъ и нѣженъ, заботился объ ея удовольствіяхъ, нарядахъ, перекидывался съ ней словами, полными ласки, въ тѣ рѣдкія минуты, когда видѣлъ ее въ свободное отъ службы время, но никогда съ ней серьезно ни о чемъ не говорилъ, привыкши считать ее дѣвочкой даже и тогда, когда она вышла изъ института.

Какъ и большинство отцовъ, онъ никогда не старался заглянуть въ ея душевный міръ, не пытался узнать, какія мысли, какія мечты занимаютъ ея головку, и со свойственною мужчинамъ самоувѣренностью въ безошибочномъ пониманіи людей, тѣмъ болѣе дочери, которая всегда была подъ глазами, воображалъ, что̀ отлично знаетъ свою дочь и что дѣлаетъ для нея все, что только можетъ доставить людямъ счастье. У нея будетъ хорошее приданое. Она выйдетъ замужъ за порядочнаго человѣка и будетъ порядочною женщиной въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималъ Опольевъ. А пока она живетъ, окруженная любовью отца и матери, въ полномъ счастьѣ и довольствѣ.

Разговоръ, только-что бывшій съ женой, нѣсколько смутилъ его превосходительство тѣми неожиданными новостями, которыя онъ узналъ. Ему очень не понравились и посѣщенія «негодяя-братца», и филантропическіе подвиги дочери, и увлеченіе Толстымъ, и онъ считалъ виноватою свою жену, которая раньше не сообщила обо всемъ этомъ ему. Достаточно было бы

ему поговорить съ дочерью съ четверть часа, и она поняла бы сама, какъ неприлично посѣщать «пьяницъ-родственниковъ», какъ смѣшно усердствовать въ филантропіи и какъ нелѣпо восхищаться проповѣдями Толстого.

Эту легкость вразумленія дочери Опольевъ основывалъ, главнымъ образомъ, на увѣренности въ томъ, что онъ отлично знаетъ свою дѣвочку. Кромѣ того, онъ разсчитывалъ и на свой нравственный авторитетъ и на свое умѣнье убѣждать людей.—недаромъ же онъ считалъ себя необыкновенно умнымъ человѣкомъ.

И въ немъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Нина—эта милая, кроткая Ниночка—вполнѣ проникнется его доводами и сознаетъ ошибочность своего поведенія. Она настолько умна, хорошо воспитана и настолько любитъ отца, чтобъ повѣрить ему, что̀ хорошо, что̀ дурно.

Разумѣется, всѣ эти увлеченія ея филантропіей и Толстымъ немедленно пройдутъ.

А главное—ей надо выходить замужъ!

Такъ думалъ Опольевъ въ ожиданіи дочери и, несмотря на увѣренность въ легкости ея обращенія на путь истины, все-таки испытывалъ не то что смущеніе, а какую-то неловкость при мысли, что ему придется запретить ей посѣщать брата, особенно если онъ и въ самомъ дѣлѣ перемѣнился, какъ ни трудно этому повѣрить.

И его превосходительство снова мысленно назвалъ не совсѣмъ лестнымъ эпитетомъ свою жену за то, что она допустила это невозможное знакомство Нины съ «братцемъ».

«Воображаю, чего только ни наговорилъ ей, кого только ни обвинялъ этотъ человѣкъ, чтобы только разжалобить добрую дѣвочку!»—думалъ Опольевъ.

XXXIV.

Тихій стукъ раздался въ двери кабинета.

— Это ты, Ниночка?

— Я, папа.

— Входи, входи... я жду тебя. Садись вотъ тутъ, поближе... Поговоримъ, моя дѣвочка! — мягко и ласково заговорилъ Опольевъ, когда его любимая Нина, серьезная, поблѣднѣвшая и нѣсколько взволнованная, вошла въ этотъ большой, внушительный, всегда пугавшій ее кабинетъ, гдѣ за письменнымъ столомъ сидѣлъ отецъ.

Она опустилась и почти потонула въ большомъ мягкомъ креслѣ, стоявшемъ у стола, и, взглянувъ на отца и встрѣтивъ его нѣжный, любовный взглядъ, казалось, смутилась еще болѣе.

Она любила отца, но всегда испытывала какое-то стѣсненіе передъ нимъ и въ присутствіи его никогда и не высказывалась, точно чувствуя, что онъ отнесется или насмѣшливо, или не обратитъ на ея слова никакого вниманія.

— Ты сердишься на меня, папа?—спросила она.

— Нѣтъ, Нина, я не сержусь, но мнѣ очень непріятно, что ты вздумала ѣздить къ моему брату...

— Я виновата, папа, что не сказала тебѣ объ этомъ раньше...

— Да, это было бы гораздо лучше, мой другъ, чѣмъ держать въ секретѣ отъ отца эти визиты... По крайней мѣрѣ, ты не сдѣлала бы ложнаго шага...

Опольевъ пустилъ дымкомъ душистой сигары и продолжалъ:

— Видишь ли, Нина, въ чемъ дѣло. Ты еще слишкомъ молода, чтобы знать и понимать людей, и потому тебя легко могъ ввести въ заблужденіе и заставить пожалѣть себя этотъ пьяница и нищій, который, къ несчастію, мой братъ... Эта чувствительная исторія о какомъ-то мальчикѣ, эти жалобы, которыя онъ, вѣроятно, расточалъ на другихъ людей за свое же безпутство, могли, конечно, тронуть твое доброе сердце... Все это понятно... Но если-бъ ты спросила у меня совѣта, я сказалъ бы тебѣ, что такіе люди, какъ мой братъ, промотавшій состояніе, сдѣлавшій подлогъ и павшій до того, что собиралъ на улицахъ милостыню, такіе люди не заслуживаютъ сожалѣнія, и посѣщать такихъ пьяницъ порядочной дѣвушкѣ совсѣмъ неприлично. Воображаю, что̀ ты могла тамъ видѣть и съ кѣмъ могла встрѣчаться!—брезгливо прибавилъ Опольевъ.

— Но, папа, повѣрь...

— Позволь мнѣ докончить, Нина!—остановилъ Опольевъ дочь.

Нина тоскливо прижалась къ креслу, и Опольевъ продолжалъ, отчеканивая слова, тѣмъ увѣреннымъ, слегка докторальнымъ тономъ, какимъ онъ любилъ говорить, не сомнѣваясь въ надлежащемъ эффектѣ своихъ рѣчей и слушая въ то же время самого себя:

— Я очень радъ, Нина, что я объ этомъ узналъ. Не сомнѣваюсь, что ты и не подумаешь больше навѣщать человѣка, котораго твой отецъ имѣетъ основаніе не признавать братомъ. Я не запрещаю тебѣ помогать ему, если тебѣ такъ хочется, и бросать деньги на пьянство, но бывать у негодяя, который потерялъ все человѣческое, посѣщать пьяницу, который, быть-можетъ, непрочь украсть чужую ложку...

Но тутъ возмущенная молодая душа не выдержала и помѣшала оратору закруглить періодъ.

Блѣдная, съ блестѣвшими отъ слезъ глазами, Нина вскочила съ мѣста и почти-что крикнула:

— Папа! Что̀ ты говоришь? Ты заблуждаешься!

Опольевъ былъ изумленъ, и настолько изумленъ, что въ первое мгновеніе не находилъ словъ и только въ недоумѣніи пожалъ плечами.

Въ самомъ дѣлѣ, ему говорятъ, что *онъ* заблуждается,—и кто это говоритъ? Его дочь!

А Нина, вся охваченная желаніемъ открыть отцу глаза и возстановить безсовѣстно поруганную правду, между тѣмъ продолжала:

— Дядя совсѣмъ не такой, какимъ ты его представляешь... О, если-бъ ты увидѣлъ его, папа... узналъ его... Ты убѣдился бы, какой онъ хорошій... сколько въ немъ доброты... сколько ума... Онъ только несчастный, оттого и брошенъ всѣми... А онъ, можетъ-быть, лучше многихъ, которыхъ всѣ уважаютъ... Да, лучше, несмотря на то, что онъ нищій, а тѣ богаты и занимаютъ высокое положеніе... Ты только выслушай, папа, прошу тебя... тогда ты увидишь, какъ ты ошибаешься насчетъ бѣднаго, милаго дяди.

И, «волнуясь и спѣша», словно боясь, что ей не дадутъ сказать всего, что̀ нужно, дѣвушка съ восторженною горячностью своего добраго сердца говорила, не думая ни о закругленности періодовъ, ни о красотѣ рѣчи, о добротѣ и деликатности дяди, разсказала въ подробности исторію съ Антошкой, о томъ, какъ дядя совсѣмъ перемѣнилъ жизнь, какъ только явилась къ тому возможность, какъ онъ страдалъ прежде и какъ доволенъ и счастливъ теперь, имѣя хоть уголъ подъ конецъ своей жизни...

— И онъ никогда никого не бранилъ, никого не обвинялъ за то, что его всѣ бросили послѣ того, какъ онъ былъ исключенъ изъ полка... Онъ одного себя считаетъ виновнымъ за всѣ несчастія, которыя испыталъ!—прибавила въ заключеніе Нина.

И, точно сама испугавшись той храбрости, съ какою рѣшилась говорить съ отцомъ, она вдругъ притихла и, опустившись въ кресло, робко взглядывала на отца.

И страстный, вызывающій тонъ, и горячая защита пьяницы-нищаго, — защита, точно похожая на обвиненіе отца,—и вырвавшаяся фраза о томъ, что «дядя лучше многихъ, которыхъ всѣ уважаютъ», — все это какъ громомъ поразило Опольева. Въ рѣчахъ дочери его ухо уловило что-то такое, для него непріязненное, ужасное и нелѣпое, чего онъ никогда не ожидалъ. Какая-нибудь курсистка еще могла бы высказывать

такіе взгляды, начитавшись нелѣпыхъ книжекъ или наслушавшись разныхъ бредней, а то его дочь, дочь виднаго общественнаго дѣятеля, извѣстнаго своими ультра-консервативными тенденціями!..

Но еще неожиданнѣе было то, что онъ, этотъ всѣми признаваемый, умный человѣкъ, считавшій себя необыкновенно проницательнымъ и тонкимъ знатокомъ людей, казалось, только сейчасъ, сію минуту, нѣсколько узналъ душевный міръ своей дочери, понялъ, что и у нея есть свои взгляды и мысли, совсѣмъ не похожіе на его, и—главное—что въ этомъ маленькомъ, кроткомъ и скромномъ на видъ существѣ съ большими вдумчивыми сѣрыми глазами чувствуется что-то свое, что-то упорное, и что убѣдить ее въ четверть часа, какъ онъ думалъ, едва ли возможно.

«Откуда все это?»—думалъ онъ

И въ эту минуту онъ понялъ, что дочь далеко не смотритъ на отца съ тѣмъ благоговѣйнымъ восторгомъ, на который онъ разсчитывалъ, и весьма вѣроятно, даже навѣрное, судя по ея словамъ, относится къ нему критически и, пожалуй, даже считаетъ его далекимъ отъ того идеала, который рисуется въ ея головѣ. Недаромъ же она такъ распинается за этого «негодяя»...

И этотъ «негодяй» возбуждаетъ еще болѣе ненависти въ его превосходительствѣ.

И взглядъ его красивыхъ черныхъ глазъ теряетъ прежнюю мягкость и нѣжность любящаго отца и блещетъ рѣзкимъ и холоднымъ, насмѣшливо-презрительнымъ выраженіемъ. Тонкія губы его слегка подергиваются. Онъ смотритъ на свою дѣвочку и чувствуетъ къ ней въ эту минуту что-то непріязненное, точно передъ нимъ не горячо любимое созданіе, а врагъ, дерзко осмѣлившійся покачнуть пьедесталъ его непогрѣшимости и великолѣпія.

Нина поняла этотъ рѣзкій холодный взглядъ, и тоска наполнила ея сердце, та тоска, которая является у любящихъ дѣтей, чувствующихъ разочарованіе въ своихъ родителяхъ...

«Онъ, значитъ, не выноситъ правды!»—подумала она и вся съежилась, точно ей сдѣлалось холодно, въ креслѣ и трепетно ждала, что̀ скажетъ отецъ, предчувствуя въ то же время, что то, что̀ онъ скажетъ, будетъ совсѣмъ не то, чего она ждала, когда шла въ кабинетъ, разсчитывая своей защитой вызвать отца на примиреніе съ несчастнымъ дядей.

И онъ проговорилъ рѣзкимъ, не допускающимъ возраженія тономъ, слегка прищуривая глаза:

— Я терпѣливо выслушалъ все то, что̀ ты изволила мнѣ

высказать, и, разумѣется, нисколько не убѣжденъ... Меня только удивилъ тотъ вздоръ, который, къ сожалѣнію, оказался въ твоей головѣ... Я предполагалъ въ тебѣ болѣе здраваго смысла и думалъ, что ты не позволишь себѣ сравнивать пропойцу и нищаго съ порядочными людьми... Откуда у тебя такія идеи?.. Отъ этого добродѣтельнаго дяди?.. Или начиталась Толстого?—насмѣшливо спросилъ онъ.

— Я, папа, сама объ этомъ думала...

— Сама? Поздравляю. На какомъ же основаніи ты дѣлаешь подобныя сравненія?

— На основаніи того, что̀ вижу, что̀ слышу...

— И довѣряешь своимъ наблюденіямъ больше, чѣмъ мнѣніямъ своего отца?

Что̀ могла отвѣтить на это Нина?

— Слишкомъ рискованно, моя милая, въ твои года полагаться на свои наблюденія... Надо прислушиваться къ тому, что̀ говорятъ люди, болѣе тебя знающіе жизнь, и не отваживаться говорить такія вещи наобумъ... И гдѣ это ты видѣла людей изъ нашего общества, которые, по твоему мнѣнію, хуже моего братца?

— А князь Чекалинскій, папа? Развѣ онъ не проигралъ огромнаго состоянія и развѣ не выдалъ подложнаго векселя? А между тѣмъ его вездѣ принимаютъ. А этотъ Кривощековъ... Занималъ такое мѣсто—и оказался взяточникомъ! А Рущуковъ?.. Господи! Да сколько такихъ, точно ты самъ ихъ не знаешь? И ихъ вездѣ принимаютъ, имъ все прощаютъ, а несчастнаго дядю, за меньшую вину, изгнали изъ общества и сдѣлали нищимъ. Гдѣ же тутъ справедливость?

На этотъ разъ и его превосходительство находился въ нѣкоторомъ затрудненіи и не зналъ, что̀ отвѣтить дочери. Дѣйствительно, названные ею господа имѣли за собою большіе грѣхи и тѣмъ не менѣе бывали у Опольева въ домѣ.

И чѣмъ болѣе затруднялся Опольевъ отвѣтомъ, тѣмъ болѣе раздражался на дочь и наконецъ сказалъ:

— Все это, можетъ-быть, до нѣкоторой степени и вѣрно... всѣ эти люди, о которыхъ ты говоришь, и поступали не совсѣмъ корректно, но все-таки они никогда не пали бы такъ низко, какъ тотъ человѣкъ...

— Да, потому, что однихъ во-время поддержали, а гадости другихъ замяли...

— Ты глупости говоришь!—рѣзко остановилъ Опольевъ.— Довольно ихъ... Я позвалъ тебя сюда не для полемики, а для того, чтобы сказать тебѣ, что я недоволенъ твоими посѣщеніями дяди... Да, очень недоволенъ,—строго прибавилъ онъ.

Нина молчала.

— Допустимъ даже, что онъ и перемѣнилъ жизнь благодаря твоимъ благодѣяніямъ и больше не нищенствуетъ и не пьянствуетъ, а ведетъ добродѣтельную жизнь вмѣстѣ со своимъ питомцемъ... допустимъ и это, какъ ни трудно допустить такую реабилитацію, возможную лишь въ плохихъ романахъ, но все-таки прежняя жизнь оставила на немъ свою грязь, и сколько-нибудь порядочной дѣвушкѣ предосудительно вести съ такимъ человѣкомъ знакомство... Такъ я смотрю и прошу тебя никогда больше не бывать у него... Слышишь?

— Слышу, папа!—проронила молодая дѣвушка.

— Дай мнѣ слово!

— Пока я у васъ—даю!

Этотъ отвѣтъ взорвалъ обыкновенно сдержаннаго Опольева, и онъ гнѣвно проговорилъ:

— Можешь идти, дерзкая дѣвчонка!

XXXV.

Это объясненіе съ дочерью взволновало Опольева.

Онъ долго не могъ успокоиться и быстро и нервно ходилъ по кабинету, возбужденный, поводя скулами и хрустя по временамъ бѣлыми, крупными пальцами заложенныхъ за спину рукъ. Только-что сдѣланное открытіе—именно открытіе—что, по всѣмъ вѣроятіямъ, дочь его заражена тѣми самыми мнѣніями, противъ которыхъ онъ боролся въ качествѣ офиціальнаго лица и которыя считалъ вредными,—и изумляло, и раздражало, и огорчало его превосходительство.

И какъ онъ ничего этого не замѣчалъ, какъ онъ во-время не остановилъ этого недуга, готоваго охватить и погубить молодой организмъ? То-то—припоминалъ онъ слова жены—она избѣгаетъ выѣздовъ, не любитъ общества, читаетъ книжки, и ей никто не нравится изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые у нихъ бываютъ...

Усталый отъ ходьбы, онъ снова присѣлъ къ столу и долго-долго сидѣлъ въ креслѣ въ глубокой задумчивости, словно человѣкъ, внезапно застигнутый какимъ-то неразрѣшимымъ вопросомъ.

Наконецъ онъ подавилъ пуговку звонка и, когда явился лакей, приказалъ попросить къ себѣ барыню, если у нея никого нѣтъ.

И, когда въ кабинетъ пришла Опольева, нѣсколько встревоженная, съ красными отъ слезъ глазами, мужъ съ какою-то злостью взглянулъ въ это, когда-то красивое, добродушное, полное лицо, точно считая ее виноватой за то, что дочь совсѣмъ не та, какою онъ ее считалъ, и проговорилъ:

— Знаешь ли ты, какая у насъ Нина?..

— Какая? Она славная, прелестная!—поспѣшила заступиться мать.

— Славная... прелестная! — передразнилъ Опольевъ.—Ты ничего не видишь?.. Она—нигилистка...

— Богъ съ тобой... Что̀ ты говоришь? — испуганно промолвила мать.

— Я говорю то, что̀ есть въ дѣйствительности... У нея очень опасныя мнѣнія... Что̀ ты удивляешься? Ты и не догадывалась? Ты позволила ей посѣщать этого пьяницу... Ты отпускаешь ее, ради дурацкой филантропіи, по всякимъ трущобамъ... Ты позволяешь ей читать все, что̀ ей вздумается...

— Но, Константинъ Ивановичъ, она не маленькая...

— Не маленькая, но ты могла бы имѣть на нее вліяніе... А теперь полюбуйся, что̀ вышло? Какъ она говорила съ отцомъ... Какъ защищала этого мерзавца, котораго я не велѣлъ пускать въ домъ... И какъ дала слово не ходить къ нему... Видно, что противъ желанія.

— И ты, вѣрно, сурово обошелся съ ней? Константинъ Ивановичъ! Не забудь, что Нина у насъ одна... Она—натура чуткая... Пусть даже и увлекается книгами, пусть даже у нея и крайнія мнѣнія, но не озлобляй ее... Не заставь бѣдную дѣвочку возненавидѣть родительскій домъ! — взволнованно и рѣшительно говорила теперь эта слабая, нерѣшительная женщина, въ которой заговорила мать, отстаивающая свое любимое дѣтище.

Его превосходительство вдругъ струсилъ.

— Но я и не думалъ сурово обходиться съ ней,—промолвилъ онъ.

Но Опольева не слушала и продолжала:

— Ты упрямъ, но и она упряма... Мало ли что̀ можетъ придти ей въ голову?.. Ей можетъ показаться, что ты ея не любишь, и она уйдетъ отъ насъ... Примѣры такіе бывали... Вспомни исторію у Вяземцевыхъ... Дочь ихъ ушла... И наконецъ, неужели ужъ такое преступленіе бывать у твоего брата, котораго ты не можешь простить, а твоя дочь полюбила?..

Но тутъ ужъ его превосходительство не выдержалъ. Едва сдерживая бѣшенство, онъ растворилъ двери кабинета, и госпожа Опольева тотчасъ же смолкла и догадалась уйти.

Съ тяжелыми думами сидѣла и Нина въ своей комнатѣ. Отецъ представлялся теперь въ ея глазахъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Тяжелыя обвиненія въ несправедливости, въ жестокости, въ нетерпимости къ чужимъ мнѣніямъ невольно роились въ ея головѣ, смущая въ то же время дѣвушку, и

напрасно она старалась найти оправданія для отца. Что-то непонятно-жестокое и злопамятное чувствовалось въ этихъ нападкахъ на брата... А это издѣвательство надъ ея словами, полное насмѣшливой злости?

Нина сидѣла грустная, и вся ея жизнь, которую вела она, казалась ей какою-то пустою, безцѣльною, ни для кого ненужною. Къ чему и зачѣмъ вся эта роскошь, которою она окружена и которая ее нисколько не дѣлаетъ счастливою?

И она завидовала въ эти минуты тѣмъ трудящимся интеллигентнымъ дѣвушкамъ, у которыхъ есть цѣль въ жизни, которыя работаютъ и ни отъ кого не зависятъ. Какъ бы она была счастлива, если-бъ и она могла такъ жить!

А теперь? Какая это жизнь?

Она можетъ ѣздить на балы, въ театры, тратиться на наряды, и въ то же время не смѣетъ навѣстить этого несчастнаго старика-дядю, только потому, что онъ въ глазахъ отца и общества отверженецъ.

«Нѣтъ, такъ жить нельзя!»—думала молодая дѣвушка.

XXXVI.

Прошло три года съ небольшимъ.

За это время Антошка блистательно окончилъ курсъ технической школы при одномъ большомъ заводѣ на Васильевскомъ островѣ и поступилъ ученикомъ на тотъ же заводъ въ механическую мастерскую.

Талантливость и способности Антошки, его необыкновенная смѣтливость и какая-то лихорадочная жадность къ занятіямъ обратили на себя вниманіе завѣдующаго школой, стараго идеалиста шестидесятыхъ годовъ, преданнаго своей школѣ, которой онъ завѣдывалъ пятнадцать лѣтъ и которую поставилъ на надлежащую высоту, умѣя внушить къ себѣ любовь и уваженіе учениковъ, по большей части дѣтей заводскихъ рабочихъ.

Антошка сдѣлался его любимцемъ, и учитель предложилъ своему способному ученику приходить къ нему по вечерамъ, послѣ окончанія работъ на заводѣ, для спеціальныхъ занятій по механикѣ, къ которой Антошка обнаруживалъ особенную склонность. Еще бывши въ школѣ, онъ интересовался чертежами машинъ, часто бѣгалъ послѣ занятій въ механическую мастерскую, гдѣ отдѣлывались части громадныхъ механизмовъ для кораблей, и тамъ жадно смотрѣлъ на эти цилиндры, золотники и холодильники, старался проникнуть въ тайны ихъ устройства. Ужъ онъ смастерилъ для «графа» особенный замокъ и палку съ выскакивающимъ изъ нея приборомъ для

рыбной ловли, а для Нины — стальной бюваръ съ ея монограммой, съ календаремъ и застежками замысловатаго, имъ придуманнаго устройства, и выказалъ въ этихъ работахъ много вкуса и механическаго остроумія.

«Графъ», гордившійся успѣхами Антошки гораздо болѣе, чѣмъ самъ юный изобрѣтатель, былъ въ восторгѣ отъ его подарковъ, находилъ, что лучше такихъ вещей онъ не видалъ на своемъ вѣку, и не безъ торжественности объявилъ, что Антошка впослѣдствіи будетъ знаменитымъ механикомъ.

— Того и гляди, когда-нибудь и портретъ твой, Антоша, въ иллюстраціяхъ появится... Выдумаешь какую-нибудь новую машину... и станешь извѣстнымъ...

Антошка однако довольно скептически относился къ похваламъ «графа», зная, что онъ, несмотря на свой умъ и обширныя познанія въ другихъ областяхъ, рѣшительно ничего не смыслитъ въ механическомъ дѣлѣ.

Нечего и говорить, что онъ съ благодарностью принялъ предложеніе завѣдующаго школой и ходилъ къ нему на квартиру при заводѣ каждый вечеръ, съ жадностью слушалъ его лекціи. Въ годъ онъ прошелъ такимъ образомъ краткій курсъ механики, познакомившись съ ея принципами, насколько это было возможно безъ знанія высшей математики.

И завѣдующій школой, маленькій, круглый, толстенькій человѣчекъ съ добрыми глазами и длинными сѣдоватыми волосами, придававшими ему литературный видъ, однажды съ особенною горячностью просилъ директора завода обратить на Антона Щигрова особое вниманіе.

Онъ разсказалъ его исторію, разсказалъ, какъ прекрасно занимался онъ у него, и расхваливалъ его талантливость.

— Изъ этого юноши вышелъ бы выдающійся математикъ и механикъ, если бы только онъ имѣлъ возможность получить высшее образованіе... Но куда ему объ этомъ и думать, бѣднягѣ? Во всякомъ случаѣ, благодаря его замѣчательнымъ способностямъ, заводъ будетъ имѣть въ немъ недюжиннаго мастера...

Директоръ завода, образованный и самъ очень талантливый человѣкъ, особенно заботившійся, чтобы у него на заводѣ были хорошіе русскіе мастера, заинтересовался Щигровымъ, котораго помнилъ по бойкимъ отвѣтамъ на экзаменѣ, и обѣщалъ не забыть его.

— Только не увлекаетесь ли вы, Петръ Ѳедоровичъ? — улыбнулся директоръ, обращаясь къ учителю.

— А вы потрудитесь спросить о Щигровѣ начальника мастерской... Да вотъ и Арнольдъ Оскарычъ самъ... Легокъ на поминѣ.

На внезапный вопросъ объ Антонѣ Щигровѣ начальникъ мастерской, Арнольдъ Оскаровичъ Вундстремъ, аккуратный, требовательный, справедливый и нѣсколько ограниченный финляндецъ пожилыхъ лѣтъ въ формѣ инженеръ-механика, небольшого роста, блондинъ, съ серьезнымъ лицомъ, въ выраженіи котораго было что-то честное, правдивое и въ то же время жестковатое, первымъ дѣломъ нѣсколько ошалѣлъ отъ этого вопроса, такъ какъ онъ къ нему не былъ приготовленъ и пришелъ въ кабинетъ директора, занятый другими дѣлами, требующими разрѣшенія директора.

И потому онъ не сразу отвѣтилъ и нѣсколько мгновеній соображалъ о томъ, какъ ему слѣдуетъ отвѣтить со всей его педантическою добросовѣстностью.

Отзывы честнаго финляндца были самые лучшіе. Хотя Щигровъ всего годъ какъ служитъ на заводѣ, но исполняетъ отвѣтственныя работы. Руки у этого Щигрова золотыя и сообразительность замѣчательная. Кромѣ того, онъ и чертитъ отлично. Если-бъ не заводскія правила, то онъ съ удовольствіемъ представилъ бы его въ помощники мастера и назначилъ бы ему на первое время пятьдесятъ рублей жалованья въ мѣсяцъ... Ему можно поручить работу, требующую тонкой отдѣлки и особеннаго вниманія...

По счастью, директоръ не былъ рутинеромъ и охотно выдвигалъ способныхъ рабочихъ, не стѣсняясь ни правилами, ни годами службы, ни молодостью.

— Что-жъ, сдѣлайте Щигрова помощникомъ мастера и дайте пятьдесятъ рублей жалованья съ будущаго мѣсяца! — рѣшилъ немедленно директоръ и затѣмъ сталъ слушать обстоятельный и черезчуръ подробный докладъ добросовѣстнаго финляндца, обнаруживая на своемъ красивомъ и умномъ лицѣ нѣкоторое нетерпѣніе и оттого, что Арнольдъ Оскаровичъ «тянетъ» то, что можно объяснить въ пять минутъ, и оттого, что онъ, директоръ завода, принужденъ слушать другого вмѣсто того, чтобы его слушали. А онъ любилъ-таки поговорить и любилъ, чтобы слушали его, дѣйствительно, подчасъ блестящія рѣчи.

Когда въ тотъ же день, передъ обѣденнымъ шабашомъ, начальникъ мастерской велѣлъ позвать въ свою контору Антона Щигрова и объявилъ ему о повышеніи и о жалованьи, нашъ пріятель, котораго мы попрежнему будемъ называть Антошкой, зардѣлся отъ радостнаго волненія и, видимо подавленный неожиданнымъ счастіемъ, въ первое мгновеніе, казалось, не смѣлъ вѣрить словамъ начальника. Такого блестящаго начала онъ не ожидалъ!

— Надѣюсь, Щигровъ, васъ не испортитъ такое быстрое повышеніе. Сколько я помню, это, кажется, первый примѣръ на заводѣ, чтобы такой молодой человѣкъ, почти мальчикъ, изъ учениковъ прямо сдѣланъ былъ помощникомъ мастера...

Дѣйствительно, худощавый, маленькій, съ блѣдноватымъ, выразительнымъ лицомъ, оживленнымъ радостнымъ выраженіемъ, сверкавшимъ и въ его живыхъ, карихъ, умныхъ глазахъ, Антошка казался моложе своихъ восемнадцати лѣтъ и напоминалъ бы прежняго подростка Антошку, ходившаго съ ларькомъ, если бы не пробивавшіеся черные усики и едва замѣтный пушокъ на подбородкѣ.

— Очень вамъ благодаренъ, Арнольдъ Оскарычъ! —пробормоталъ наконецъ Антошка.

— Меня благодарить не за что. Повышеніемъ вы обязаны своимъ способностямъ и добросовѣстному отношенію къ работѣ... Вы и теперь многое понимаете не хуже мастера, а со временемъ, я увѣренъ, будете превосходнымъ мастеромъ... Только смотрите, Щигровъ, оправдайте мои надежды, — продолжалъ, выговаривая слова съ замѣтнымъ акцентомъ, тихимъ, ровнымъ и нѣсколько монотоннымъ голосомъ Арнольдъ Оскаровичъ, любившій читать нравоученія молодымъ мастеровымъ, особенно тѣмъ, которыхъ отличалъ.

— Постараюсь, Арнольдъ Оскарычъ.

— А, главное, не закутите, какъ кутятъ многіе изъ вашихъ товарищей.

— Я вина въ ротъ не беру, Арнольдъ Оскарычъ.

— Пріятно это слышать, очень пріятно. И никогда не пейте водки, Щигровъ... Водка больше всего губитъ мастерового и лишаетъ его всякаго самолюбія. А безъ самолюбія какой можетъ быть человѣкъ?.. И вообще, Щигровъ, избѣгайте не только пьянства, но и другихъ кутежей... Вы понимаете, о чемъ я говорю? Будьте нравственнымъ человѣкомъ. О, это очень важно и для здоровья и для хорошей работы...

— Я глупостями не занимаюсь! — прошепталъ конфузливо Антошка.

— Очень похвально, и не занимайтесь глупостями... При порядочномъ образѣ жизни вы можете откладывать часть жалованья и класть деньги въ сберегательную кассу. У васъ такимъ образомъ будетъ всегда запасъ на всякій случай... А это очень хорошо имѣть запасъ... Предусмотрительный человѣкъ долженъ всегда имѣть запасъ. Вѣдь вамъ некому помогать? У васъ, какъ я слышалъ, родители умерли?

— У меня, Арнольдъ Оскарычъ, родителей нѣтъ, это точно, но зато есть одинъ господинъ, который для меня, можно

сказать, дороже отца и матери. Онъ меня человѣкомъ сдѣлалъ, и я, пока живъ, буду для него работать!—горячо проговорилъ Антошка.

— Это дѣлаетъ вамъ честь. Благодарность—рѣдкая добродѣтель... Вашъ покровитель, значитъ, бѣдный?

— Бѣдный. У него ничего нѣтъ... Племянница ему помогаетъ...

— А теперь будете вы?

— Я-съ.

— Радъ узнать, что вы исполняете свой долгъ, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку. Надѣюсь, что въ непродолжительномъ времени вы будете получать и большее жалованье, если станете такъ же хорошо работать, какъ работали до сихъ поръ.

— Я изо всѣхъ силъ буду стараться, Арнольдъ Оскарычъ.

Взглядъ большихъ, слегка выпяченныхъ глазъ начальника мастерской съ видимымъ благоволеніемъ скользнулъ по всей тщедушной фигуркѣ Антошки и снова принялъ нѣсколько строгое выраженіе, когда Арнольдъ Оскаровичъ внушительно произнесъ:

— Но только знайте, Щигровъ, что какъ я васъ ни цѣню, а за малѣйшее упущеніе буду строго взыскивать, и даже строже, чѣмъ съ другихъ... Помните это и не надѣйтесь ни на какія послабленія съ моей стороны...

— Я ни на чьи послабленія не разсчитывалъ! — не безъ достоинства отвѣтилъ Антошка.

— Да вотъ еще что...

Тутъ добросовѣстный финляндецъ на минутку замялся и продолжалъ уже не начальническимъ, а ласково-конфиденціальнымъ тономъ, нѣсколько понижая голосъ:

— Это, конечно, не мое дѣло, но я искренно желаю вамъ добра и потому считаю долгомъ предупредить васъ: не очень-то дружите съ машинистомъ Ермолаевымъ... Вы, кажется, дружны съ нимъ?.. Можете не отвѣчать, коли не хотите... Это ваше частное дѣло!—прибавилъ Арнольдъ Оскаровичъ.

— Да, я пріятель съ нимъ...

— Онъ отличный работникъ и не пьяница, но только неспокойнаго образа мыслей... Поняли?

— Понялъ, Арнольдъ Оскарычъ... Только никакихъ дурныхъ разговоровъ мы не ведемъ...

— Ну, я васъ предупредилъ. Ступайте обѣдать, сію минуту звонокъ! — прибавилъ Арнольдъ Оскаровичъ и ласково кивнулъ въ отвѣтъ на поклонъ Антошки.

XXXVII.

Въ этотъ холодный, хмурый и мокрый октябрьскій день Антошка шелъ съ завода обѣдать домой съ такою быстротой, съ какою, бывало, въ прежнія времена своей безотрадной жизни нагонялъ какую-нибудь «миленькую барыньку», подававшую надежду снабдить копеечкой.

Онъ не чувствовалъ ни пронизывающаго холоднаго вѣтра, дувшаго съ Невы, ни сырости, ни холода, такъ какъ костюмъ его былъ въ надлежащей исправности — «графъ» особенно объ этомъ заботился и, случалось, самъ чинивалъ Антошкины вещи—и, переполненный счастьемъ, спѣшилъ подѣлиться новостью съ «графомъ» и обрадовать радостной вѣстью своего пѣстуна и друга.

Едва ли въ этотъ скверный день былъ во всемъ Петербургѣ такой счастливый человѣкъ, какъ Антошка. Самыя радужныя мысли вихремъ проносились въ его головѣ, чередуясь съ невольными воспоминаніями о горемычномъ прошломъ, словно бы для того, чтобы еще ярче оттѣнить прелесть настоящаго.

Давно ли онъ, оборванный и несчастный, не слыхавшій ни одного ласковаго слова, бѣгалъ нищенкой и ходилъ съ тяжелымъ ларькомъ по улицамъ, упрашивая прохожихъ купить конвертовъ и бумаги, чтобы принести выручку и не испробовать ремня «дяденьки» и ругани «рыжей вѣдьмы» (гдѣ-то они теперь)? Давно ли онъ зябнулъ на улицахъ и часто голодалъ?..

А теперь онъ окончилъ курсъ, имѣетъ хорошее мѣсто и жалованье и въ недалекомъ будущемъ будетъ мастеромъ—недаромъ же всѣ хвалятъ его работу, и недаромъ же онъ самъ любитъ свое дѣло.

Только въ послѣднее время, когда Антошка значительно развился, благодаря вліянію школы, чтенія и философскихъ бесѣдъ «графа», онъ понялъ, что бы могло быть съ нимъ, съ брошеннымъ созданіемъ, если бы не графъ. И то, что прежде Антошка лишь чувствовалъ, теперь понялъ и оцѣнилъ. Оцѣнилъ все, что сдѣлалъ для него единственный человѣкъ, принявшій въ немъ горячее участіе, понялъ всю дѣятельную силу его любви и безграничность заботъ о немъ, направленныхъ къ тому, чтобы избавить его отъ ужасовъ нищенской жизни и сдѣлать его человѣкомъ.

Безконечно благодарный и любившій теперь «графа» сознательнѣе, чѣмъ прежде, Антошка былъ въ восторгѣ, что такъ скоро сбылись его завѣтныя мечты, тѣ самыя мечты,

которыя нерѣдко занимали Антошку съ той памятной ночи, когда онъ, избитый, окровавленный и продрогшій, прибѣжалъ отъ «дяденьки» и былъ согрѣтъ ласкою и участьемъ, призрѣнъ и принятъ подъ покровительство такимъ же нищимъ и бездомнымъ, какимъ былъ и Антошка. И съ той только поры онъ почувствовалъ, что жизнь можетъ быть мила.

Теперь онъ можетъ отплатить своему другу не одною только безпредѣльною привязанностью. Теперь Александру Ивановичу не нужна ничья посторонняя помощь. Ему, преждевременно состарѣвшемуся отъ долгихъ лѣтъ нищенской жизни, часто хворающему, не нужно больше трудить слабыхъ глазъ и сидѣть, не разгибая спины, по нѣскольку часовъ въ день за перепиской, чтобъ заработать нѣсколько рублей для того, чтобы побаловать развлеченіями и лакомствами лишній разъ того же Антошку. Теперь онъ будетъ заботиться о немъ и баловать «графа». Теперь у нихъ будетъ пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ своихъ кровныхъ денежекъ, и никакой чужой помощи имъ не надо. А впереди въ воображеніи Антошки послѣдовательно пробѣгали крупнѣйшія цифры будущаго жалованья и, доходя до цифры 100, говорили ему и о двухъ комнатахъ, и о сигарахъ для Александра Ивановича, и о красномъ винѣ для него за обѣдомъ, и о маленькой дачѣ гдѣ-нибудь по близости, на Петровскомъ островѣ, напримѣръ, гдѣ бы Александръ Ивановичъ могъ поправиться, а то онъ все покашливаетъ и нѣтъ-нѣтъ да и пожалуется, что болитъ грудь...

Квартира «графа» и Антошки была недалеко отъ завода, въ одной изъ дальнихъ линій Васильевскаго острова, у Средняго проспекта. Они уже два года какъ переѣхали отъ Никифоровыхъ, съ тѣхъ поръ, какъ сынъ-технологъ, окончивъ курсъ, получилъ мѣсто на одномъ изъ заводовъ въ Екатеринославской губерніи, и съ нимъ уѣхали мать и сестра, здоровье которой требовало теплаго климата.

Эти милые, добрые люди, у которыхъ такъ хорошо прожили больше года «графъ» и Антошка, пользуясь расположеніемъ всѣхъ членовъ семьи, не забывали своихъ прежнихъ жильцовъ. Разъ въ мѣсяцъ братъ или сестра писали «графу», живо интересуясь и имъ и его сожителемъ, и «графъ» отвѣчалъ длинными, благодарными письмами, описывая успѣхи Антошки и отчасти свои по перепискѣ статистическихъ таблицъ, которую ему давала, по порученію барышни Никифоровой, одна студентка.

Минутъ черезъ пятнадцать, которыя показались въ этотъ день Антошкѣ ужасно долгими, онъ торопливо прошелъ дворъ

большого дома и взбѣжалъ въ третій этажъ флигеля, гдѣ «графъ» снималъ комнату со столомъ у стараго музыканта-нѣмца, жившаго вдвоемъ съ супругой въ трехъ комнаткахъ, чистенькихъ, опрятныхъ, какъ и сами хозяева.

Маленькая, толстенькая и румяная старушка, съ сѣдыми буклями, неизмѣнной потертой плюшевой накидушкой на плечахъ, отворила двери и, впустивъ Антошку, не безъ нѣкотораго удивленія проговорила на очень плохомъ русскомъ языкѣ.

— Сегодня вы на пять минутъ раньше пришли, Антошъ.

— Раньше, Адель Карловна... Торопился.

— Кушать, вѣрно, очень захотѣли? — довольно привѣтливо освѣдомилась хозяйка, благоволившая къ своимъ жильцамъ и за то, что они аккуратно платили, и за то, что были тихіе жильцы и не дѣлали, какъ она выражалась, «Schweinerei» изъ своей комнаты.

— Да, Адель Карловна, — весело и торопливо отвѣчалъ Антошка, готовый на радостяхъ обнять эту степенную, аккуратную, немного прижимистую и сентиментальную Адель Карловну.

— Марта сейчасъ подастъ...

Но Антошка едва ли слышалъ послѣднія слова, такъ какъ, сбросивъ пальто, стремительно бросился въ комнату, повергнувъ въ нѣкоторое недоумѣніе почтенную нѣмку и своею забывчивостью обтереть ноги о половикъ, и своимъ особенно радостнымъ, возбужденнымъ видомъ.

«Вѣрно, какое-нибудь маленькое жалованье назначили!» — мысленно рѣшила практическая старушка, пріурочивавшая всѣ житейскія радости къ полученію денегъ.

И, снѣдаемая любопытствомъ узнать, въ чемъ дѣло, и желаніемъ сообщить что-нибудь новенькое своему Адольфу Ивановичу, когда онъ вернется съ репетиціи изъ театра, гдѣ онъ игралъ вторую или третью скрипку, — Адель Карловна приложила ухо къ двери комнаты жильцовъ въ надеждѣ что-нибудь услыхать. Но двери были плотно заперты, и Адель Карловна отошла нѣсколько обиженная и отправилась въ свою сверкавшую чистотой кухню, чтобы посмотрѣть, какъ будетъ отпускать жильцамъ обѣдъ «этотъ глупый русскій свинъ Марта», какъ называла нѣмка рябую, неуклюжую и лѣнивую Мароу, дѣйствительно не отличавшуюся большимъ пристрастіемъ къ чистотѣ, хотя и жила, какъ она говорила, «у нѣмцевъ» цѣлыхъ пять лѣтъ, получая небольшое жалованье и вѣчно слыша отъ нѣмки посрамленіе русской національности.

Въ ожиданіи прихода Антошки, «графъ», только-что окончившій переписку полустраницы цифръ, ходилъ, расправляя свои усталые члены, медленными шагами по небольшой, опрятной и уютной комнатѣ, убранной въ нѣмецкомъ вкусѣ, съ бисерными подставочками на столикахъ, съ вышитой подушкой на диванѣ и съ идиллическими плохими литографіями на стѣнахъ. Маленькій обѣденный столъ посреди комнаты былъ накрытъ чистой скатерткой, и у каждаго изъ двухъ приборовъ лежали салфетки въ бисерныхъ же кольцахъ, явившихся знакомъ вниманія Адель Карловны въ день годовщины пребыванія у нея на квартирѣ жильцовъ.

За эти три года «графъ», несмотря на спокойную и самую правильную жизнь, какую онъ велъ, сильно постарѣлъ и какъ-то осунулся. И волнистые его волосы и борода совсѣмъ засѣдѣли. Глубоко ввалившіеся темные глаза, хотя и сохранили еще живость и порой свѣтились юморомъ и насмѣшкой, но въ нихъ уже не было прежняго блеска. Лицо его потеряло одутловатость и землистый цвѣтъ кожи, зато на немъ залегло болѣе морщинъ и черты заострились, придавая физіономіи «графа» тотъ изнуренно-страдальческій видъ, въ которомъ изображаютъ монаховъ-подвижниковъ.

Онъ не могъ пожаловаться ни на какія острыя страданія— по временамъ грудь ныла, но не очень сильно, и безпокоилъ сухой кашель, но онъ чувствовалъ, что вообще слабѣетъ и послѣ часа работы или послѣ ходьбы устаетъ, чувствовалъ какую-то тяжесть въ ногахъ и отсутствіе гибкости въ членахъ. Видно было, что послѣдствія прежней жизни начинаютъ сказываться и постепенно разрушаютъ его когда-то крѣпкій организмъ.

Но «графъ», привязавшійся снова къ жизни съ тѣхъ поръ, какъ она ему улыбнулась, все надѣялся, что эта усталость и эта слабость пройдутъ. Онъ бодрился и съ какою-то инстинктивною предусмотрительностью заботился теперь о своемъ здоровьѣ и частенько показывался въ пріемные часы у женщины-врача Елизаветы Марковны, лѣчившей его отъ воспаленія легкихъ, совѣтовался съ ней, принималъ какія-то пилюли, остерегался простуды, словомъ, берегъ себя и подчасъ строилъ планы о будущемъ, о далекомъ будущемъ, вмѣстѣ съ Антошкой.

Когда Антошка ворвался въ комнату, графъ сразу догадался по его сіяющему лицу, что случилось что-то пріятное.

— Ну, разсказывай, разсказывай скорѣй, Антоша... Вижу, братъ, по твоей физіономіи, что ты въ восторгахъ. Что̀ случилось? Новую машину выдумалъ, или тебя вашъ строгій

чухна похвалилъ? — говорилъ «графъ», самъ улыбаясь при видѣ неудержимой радости, которою, казалось, былъ переполненъ Антошка.

— Помощникомъ мастера назначили, Александръ Ивановичъ,—почти крикнулъ Антошка.

«Графъ», знавшій, благодаря Антошкѣ, всѣ іерархическія степени заводскихъ служащихъ, вполнѣ проникся важностью этого повышенія и радостно проговорилъ:

— Ну, поздравляю тебя, Антоша, поздравляю тебя, родной... Годъ на заводѣ и уже помощникъ мастера... Это что-то необыкновенное... Иди, братъ, вымой скорѣй руки, чтобъ я ихъ пожалъ... Кстати, вотъ и Марта несетъ произведеніе Адели Карловны.

— И жалованье назначили, Александръ Иванычъ! Пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ!—почти выкрикнулъ Антошка, уходя за перегородку и принимаясь за мытье.

— Пятьдесятъ рублей!? — воскликнулъ «графъ», не вѣря своимъ ушамъ.

— Пятьдесятъ! — повторилъ Антошка, отфыркиваясь. — Съ перваго числа. И обѣщали сдѣлать мастеромъ.

— Молодецъ, Антоша... Ты блистательно начинаешь свою карьеру... Въ восемнадцать лѣтъ и уже пятьдесятъ рублей... Да вѣдь это жалованье поручика... Ай да справедливый «печальный пасынокъ природы»!.. Ай да вашъ строгій Арнольдъ Оскаровичъ! Онъ, значитъ, оцѣнилъ тебя, понялъ, какой ты талантливый человѣкъ!—радостно говорилъ «графъ».

И когда Антошка вышелъ изъ-за перегородки, «графъ» крѣпко пожалъ руку Антошки, потомъ привлекъ его къ себѣ, обнялъ и что-то долго не выпускалъ Антошку изъ своихъ объятій, желая скрыть радостныя слезы, которыя невольно застилали глаза.

— Ну, теперь садись и ѣшь... Подробности вечеромъ... Вѣдь вашъ шабашъ не долгъ. Такъ пятьдесятъ рублей, Антоша? И будешь мастеромъ? И, конечно, скоро... Однимъ словомъ, теперь ты на своихъ ногахъ... Я такъ и ждалъ... Ты и мальчишкой былъ всегда сообразительнымъ умницей... О, ты, братъ, далеко пойдешь... Непремѣнно какую-нибудь машину да выдумаешь... Ѣшь, ѣшь... Вечеромъ разскажешь, какъ все это случилось и что̀ тебѣ начальникъ мастерской говорилъ... Такъ съ перваго числа? Теперь, Антоша, ты богатъ и можешь завести и часы, и сшить себѣ новую пару, и пользоваться иногда развлеченіями...

Но вдругъ «графъ» остановился, изумленный внезапной перемѣной лица Антошки. Куда дѣвалась сіявшая на немъ радость.

— Развѣ жалованье, которое я буду получать, мое, а не наше, Александръ Иванычъ? — взволнованнымъ и словно бы недоумѣвающимъ тономъ воскликнулъ Антошка, и лицо его приняло безконечно-грустное выраженіе обиженнаго ребенка.— Къ чему вы говорите о какихъ-то часахъ, о новой парѣ? Развѣ мы не будемъ оба жить на жалованье?.. Вы, значитъ, не хотите, чтобъ я могъ хоть чѣмъ-нибудь отплатить за все, что вы для меня сдѣлали... Я... я... жизнь... готовъ... отдать за васъ, а вы...

Антошка больше не могъ продолжать.

О, какія мгновенія безконечнаго счастья испытывалъ «графъ», слушая эти порывистыя, прочувствованныя изліянія благороднаго сердца! Какимъ великимъ вознагражденіемъ за всѣ страданія горемычной его жизни была эта обида привязаннаго существа! И какъ хороша казалась жизнь! И какимъ тепломъ охватывало его душу!

Съ трудомъ удерживаясь и самъ отъ слезъ, подступавшихъ къ горлу, «графъ» поглядѣлъ на Антошку съ восторженнымъ умиленіемъ и проговорилъ:

— Такъ вотъ отъ чего ты обидѣлся!? А я и не думалъ тебя обидѣть... Развѣ я не знаю, не чувствую твоей привязанности?

— Но вы говорили о часахъ... о платьѣ...

— Ну, говорилъ... Такъ вѣдь я получаю тридцать пять рублей отъ племянницы.

— Зачѣмъ ихъ получать? Теперь мы сами проживемъ безъ посторонней помощи!—не безъ горделиваго чувства произнесъ Антошка и, снова повеселѣвшій, поднялъ голову и смотрѣлъ на «графа».—Еще какъ проживемъ-то! Это на первое время мнѣ дали пятьдесятъ, а черезъ годъ навѣрное дадутъ семьдесятъ пять... Я буду работать, стараться... Мы теперь ни отъ кого не будемъ зависѣть...

— «Мы»,—повторилъ «графъ» и печально усмѣхнулся.— Что-жъ, ты вѣдь правъ, мой милый; я съ бо̀льшимъ удовольствіемъ буду жить на твой счетъ, чѣмъ на чей-нибудь другой... Корми же меня, ни къ чему негоднаго старика... Ты вѣдь единственный близкій мнѣ на свѣтѣ.

— А то какъ же!—радостно поддакнулъ Антошка.

— И умру на твоихъ рукахъ.

— До этого еще долго, Александръ Иванычъ. А главное: не трудите себя этой перепиской... Ну ее... Оставьте! Вамъ это вредно!

— Коли такъ приказываешь—оставлю!—шутливо говорилъ «графъ».—Она, дѣйствительно, очень меня утомляетъ. Однако что же ты не ѣшь котлетъ...

— Не хочется.

— И мнѣ не хочется... Вечеромъ поѣдимъ... Убирайте, Мареа... Да скажите Адели Карловнѣ, что мы не ѣли ея котлетъ не потому, что онѣ дурны, а потому... потому, что мы съ Антошей очень счастливы. Понимаете?

Мареа взглянула ошалѣлыми глазами на обоихъ жильцовъ и молча убрала со стола.

«Графъ» закурилъ свою копеечную сигару и заговорилъ:

— Ужасно сильно развито у тебя чувство благодарности, я тебѣ скажу, Антоша. Оно вообще рѣдко у людей... Ты помни это и никогда на него не разсчитывай. И ты преувеличиваешь это чувство по отношенію ко мнѣ...

— Почему это?

— А потому, что я и не знаю, кто кому больше обязанъ: ты мнѣ, или я тебѣ.

— Конечно, я... Не будь васъ, чѣмъ бы я былъ теперь... Ходилъ бы съ ларькомъ и терпѣлъ отъ дяденьки...

— А не явись ты ко мнѣ въ ту ночь, давно бы я умеръ гдѣ-нибудь на улицѣ пьяный... Да, Антоша. И не жалѣлъ бы жизни... А ты возродилъ меня... Ты снова заставилъ полюбить жизнь... И вотъ теперь я не одинъ, и я счастливъ, благодаря тебѣ... Ну, да что считаться. Но не забывай только одного, что обоихъ насъ выручилъ случай... Не будь этой доброй феи племянницы, не устроилось бы все такъ хорошо... Я ходилъ бы по вечерамъ на «работу», выпрашивалъ бы гривенники, но на нихъ, братъ, ты знаешь, не составишь состоянія, и даже теплаго пальто не купишь. По всей вѣроятности, я слегъ бы въ больницу, и что бы тогда съ тобой сталось, бѣдняга?.. Помнишь, ты хотѣлъ идти въ газетчики?

— И пошелъ бы... И мы съ вами не пропали бы!

— Я во всякомъ случаѣ бы пропалъ... Впрочемъ, къ чему вспоминать прошлое, когда настоящее намъ улыбается... Не будемъ, Антоша. А ты во всякомъ случаѣ какъ-нибудь сходи къ Нинѣ... Она обрадуется, когда узнаетъ о твоихъ успѣхахъ отъ тебя самого... И поблагодари ее... А ты ужъ бѣжишь на заводъ?

— Пора, Александръ Иванычъ.

— Ну, до свиданія. Вечеромъ поболтаемъ, ты мнѣ разскажешь, что тебѣ говорилъ твой начальникъ, какъ приняли твое повышеніе товарищи... Все, все разскажи... До свиданія... Смотри, у машинъ осторожнѣй... Ты вѣдь слишкомъ прыткій...

Когда Антошка вышелъ изъ комнаты, «графъ» пересѣлъ въ кресло и впалъ въ то блаженное настроеніе, когда человѣку кажется, что счастью его не будетъ конца.

Съ этими мыслями онъ незамѣтно задремалъ.

Его въ послѣднее время часто клонило къ дремотѣ.

XXXVIII.

Тихій стукъ въ двери разбудилъ его.

— Войдите!—проговорилъ онъ, съ трудомъ поднимаясь съ кресла и напрасно стараясь принять бодрый видъ.

Колѣни его подгибались и ноги стояли нетвердо.

Вошла Нина.

— Какой счастливый вѣтеръ занесъ васъ ко мнѣ, Нина?—радостно привѣтствовалъ «графъ», дѣлая нѣсколько шаговъ навстрѣчу къ племянницѣ.

Онъ поцѣловалъ Нину и, усадивъ на диванъ, тотчасъ же сталъ разсказывать о томъ, что Антоша только-что получилъ мѣсто—онъ, конечно, объяснилъ, какое важное для начала—и ему назначили, восемнадцатилѣтнему мальчику, пятьдесятъ рублей жалованья.

— Вотъ какой онъ, Антоша... О, онъ далеко пойдетъ... Это необыкновенно талантливый мальчикъ... И какое золотое сердце!

«Графъ» передалъ «Нинѣ» сцену за обѣдомъ и прибавилъ:

— Непремѣнно требуетъ, чтобъ я былъ его пансіонеромъ, и чтобы никто больше не заботился обо мнѣ... Вы понимаете, Нина, я не смѣю отказать ему!—радостно заговорилъ «графъ».

— Еще бы... Иначе вы обидѣли бы его, дядя.

— То-то и есть. А развѣ я захочу обидѣть моего мальчика? Вотъ почему съ перваго ноября вы уже прекратите мнѣ выдачу пенсіи изъ вашего казначейства. Теперь мы богаты и счастливы, благодаря милой феѣ. Спасибо вамъ, Нина!

— Но развѣ, дядя, и мнѣ нельзя о васъ заботиться. Вѣдь эти деньги вамъ давно назначены. Позвольте попрежнему посылать вамъ.

Но «графъ» протестовалъ. Никакъ нельзя. Антоша не позволитъ. И то четыре года они пользовались пенсіей. Теперь Нина можетъ быть доброй феей кого-нибудь другого, мало ли горемыкъ? Вѣдь Антоша получилъ 50 рублей на первое время, черезъ годъ онъ получитъ 75, а когда сдѣлаютъ мастеромъ, онъ будетъ получать 150 рублей въ мѣсяцъ.

Нина глядѣла на это исхудавшее, блѣдное лицо дяди, озаренное счастливой улыбкой, на эту впалую грудь, и ей почему-то казалось, что онъ слишкомъ фамильярно обращается съ будущимъ.

— Ну, какъ хотите, дядя... Я рада за васъ и за Антошу... Вотъ только вы что-то похудѣли немножко съ тѣхъ поръ, какъ я видѣла васъ въ послѣдній разъ... Здоровы ли вы?..

— Ничего себѣ, скриплю... Вотъ слабость сталъ чувствовать въ послѣднее время, но, надѣюсь, это пройдетъ... Года все-таки свое берутъ, ну и жизнь-то моя прежняя была не особенно правильная, совсѣмъ даже неправильная, Нина.

— Быть-можетъ, хотите посовѣтоваться съ докторомъ, дядя? Я къ вамъ привезу спеціалиста.

— Спасибо, Ниночка, спасибо... У меня есть одна знакомая—докторша, славная барыня. Я съ ней совѣтуюсь и, по ея совѣту, ходилъ къ спеціалисту. Онъ говоритъ то же, что и докторша: надо беречься. Я и сдѣлался трусомъ... Заботусь о своей персонѣ, Нина, точно принцъ крови... Теперь, видите ли, мнѣ очень жить хочется... Хоть бы лѣтъ пять еще протянуть!—проговорилъ, улыбаясь, «графъ».—Ну, а вы какъ поживаете, Нина? Здоровы, надѣюсь?

— Здорова.

— А объ остальномъ нечего и спрашивать... Живется хорошо, конечно?

Нина встрепенулась, точно раненая птица. Въ выраженіи ея лица и большихъ темныхъ глазъ было что-то безконечно грустное.

— Нехорошо, дядя!—проронила она.

— Нехорошо? Отчего нехорошо? Что съ вами, голубушка?—съ нѣжнымъ любовнымъ участіемъ спрашивалъ «графъ», пораженный печальнымъ видомъ племянницы.—Вы молоды, хороши, имѣете средства, добры и отзывчивы, живете не праздно, какъ другія.. У васъ образованный молодой мужъ, свѣтило науки, который, конечно, любитъ васъ и раздѣляетъ ваши взгляды...

Нина нѣсколько мгновеній молчала, и вдругъ слезы тихо закапали изъ ея глазъ.

— Нина! Простите... Я своими дурацкими вопросами только разстроилъ васъ,—извинялся «графъ», цѣлуя маленькую блѣдную руку Нины.—Я принесу воды... успокойтесь.

И «графъ» поднялся съ кресла.

— Не надо, сидите, дядя... Это сейчасъ пройдетъ. Я нарочно пріѣхала, чтобы разсказать вамъ все... все... Вы ничего не знаете... Я прежде о себѣ не разсказывала и рѣдко у васъ бывала... Я вѣдь совсѣмъ одинока, милый дядя!—говорила молодая женщина, когда нѣсколько успокоилась.

— Одиноки? А мужъ?—невольно воскликнулъ «графъ».

Онъ видѣлъ его разъ или два.

Влюбленная и счастливая, вышедшая замужъ противъ воли отца за молодого профессора, далеко не родовитаго происхожденія, что, главнымъ образомъ, и смущало его превосходи-

тельство, Нина два года тому назадъ, вскорѣ послѣ свадьбы, пріѣзжала съ мужемъ къ дядѣ.

Онъ не понравился тогда «графу», этотъ молодой, красивый и уже извѣстный ученый. Онъ показался слишкомъ ужъ кокетливымъ и въ манерахъ, и въ костюмѣ, слишкомъ рѣшительнымъ въ приговорахъ и влюбленнымъ въ себя. Несмотря на чрезвычайную любезность профессора, отъ него вѣяло холодомъ.

— Я расхожусь съ мужемъ!—отвѣтила Нина.

И послѣ паузы спросила:

— Вы удивлены, дядя?

— Нисколько, Нина... Я всего насмотрѣлся на своемъ вѣку и мало чему удивляюсь... Признаюсь, вашъ мужъ мнѣ не нравился... Такъ, первое впечатлѣніе стараго бродяги... Но вы, Нина, кажется, его любили?

— Любила, но не знала его. Тогда онъ казался другимъ.

«Обыкновенная исторія», — подумалъ «графъ» и проговорилъ:

— Бѣдная! Такая молодая—и такое разочарованіе!

— И не одно!—грустно проронила Нина.

«А впереди еще сколько!»—пронеслось въ головѣ у «графа».

— Что же, онъ не любитъ васъ?

— Онъ никого не любитъ, кромѣ себя, и женился, разсчитывая на приданое... Я это хорошо знаю теперь, къ несчастью, слишкомъ хорошо, дядя... А тогда я увлеклась имъ... Среди мужчинъ, которыхъ я встрѣчала въ нашемъ обществѣ, онъ такъ выдавался... Вы вѣдь хорошо знаете это общество?

— Знавалъ, Нина...

— Я хотѣла уйти изъ него... Я чувствовала, что такъ жить, какъ я жила, невозможно... Меня угнетала эта безцѣльная, праздная жизнь... эти балы... эта безумная роскошь небольшого кружка въ то время, когда у десятковъ тысячъ нѣтъ куска хлѣба... Къ тому же и дома... Отецъ...

Нина на секунду остановилась, точно ей было тяжело досказать то, что причиняло ей страданіе. Оно въ эту минуту выражалось въ чертахъ ея лица, во всей ея приникшей фигуркѣ.

— Я не смѣю осуждать отца,—произнесла она наконецъ упавшимъ голосомъ:—я все-таки люблю папу и мнѣ жаль его, но я... я потеряла къ нему уваженіе. Вѣдь это ужасно, дядя. Не правда ли?.. Не уважать отца?..

«Графъ» угрюмо молчалъ, опустивъ голову.

Что могъ и смѣлъ онъ сказать дочери человѣка, котораго давно считалъ подлецомъ? Чѣмъ могъ онъ утѣшить Нину?

И въ первый разъ, кажется, во всю его жизнь въ немъ

пробудилось чувство состраданія и жалости къ брату. Несмотря на все свое богатство и важное положеніе, онъ несчастливъ. У брата нѣтъ такого преданнаго любящаго созданія, какое есть у него, у бывшаго отверженца.

— Я съ радостью приняла предложеніе,—продолжала молодая женщина: — я любила этого человѣка, я ждала новой дѣятельной жизни, новыхъ людей, и вмѣсто того нашла почти то же, что̀ и въ нашемъ свѣтскомъ обществѣ. Та же погоня за карьерой, за деньгами... То же равнодушіе къ вопросамъ, не имѣющимъ отношенія къ ихъ спеціальности, тѣ же интриги... И это ученые! Профессора!.. Мой мужъ оказался такимъ же... Разница въ нашихъ характерахъ, взглядахъ, мнѣніяхъ обнаружилась скоро и наконецъ дошла до того, что я просила развода.

— Онъ даетъ его?

— Охотно. Тѣмъ болѣе, что вѣдь женитьба не принесла ему ничего... Отецъ не далъ мнѣ приданаго... Онъ только сдѣлалъ тряпки и выдаетъ мнѣ по двѣсти рублей въ мѣсяцъ... А мужъ разсчитывалъ не на это и недавно настаивалъ, чтобы я ѣхала къ отцу и просила его дать мнѣ хоть половину обѣщаннаго состоянія теперь же... Это было уже слишкомъ!

— Изъ современныхъ раннихъ молодыхъ людей! — протянулъ «графъ».—И, вѣрно, онъ все это объяснялъ по наукѣ?

— Въ родѣ этого. О, говоритъ-то онъ краснорѣчиво и любитъ говорить... Но мнѣ его рѣчи кажутся бездушными... Прежде, когда онъ былъ женихомъ, онъ не то говорилъ, что̀ теперь... И съ какой страстью! И какую разумную жизнь обѣщалъ...' Все это была одна ложь. И какъ подумаешь, что этотъ человѣкъ профессоръ, поучаетъ другихъ, а самъ... О, какъ все это отвратительно, дядя!

— Хорошо еще, что вы не поздно узнали этого ученаго и, смѣю думать, совсѣмъ разлюбили его. Не правда ли, Нина?— осторожно спросилъ «графъ».

— Онъ мнѣ чужой совсѣмъ. Я къ нему равнодушна!— рѣшительно проговорила молодая женщина.

— Вотъ это отлично. Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, лишнихъ страданій.

— Они были, дядя. Вѣдь я его любила!

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

Высказавъ все, что̀ мучило ее, Нина казалась покойнѣе.

— Что-жъ вы намѣрены теперь дѣлать, Нина? Гдѣ будете жить? У своихъ?

— Папа былъ у меня и настоятельно звалъ къ себѣ, и мама тоже... Бѣдные! Они любятъ меня и въ отчаяніи, что

у нихъ такая неудачная дочь. И сдѣлала mésalliance, и разводится... Но, какъ мнѣ ни тяжело было огорчать ихъ, я отказалась. Опять вернуться къ этой жизни!? Боже сохрани!.. Мнѣ опротивѣлъ Петербургъ.

«Графъ» съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на молодую женщину. Сколько характера и энергіи въ этомъ созданіи!

— Вы, значитъ, уѣзжаете!

— На-дняхъ уѣзжаю, дядя... До отъѣзда я еще буду у васъ...

— Спасибо, спасибо, милая... Вы не перестаете баловать меня... Надѣюсь, и вѣсточку о себѣ когда-нибудь дадите?.. Вы куда уѣзжаете?

— Далеко, дядя, въ Самарскую губернію.

— Къ кому?

— Къ тетѣ Танѣ, къ маминой сестрѣ. Она славная, добрая и простая такая, совсѣмъ не похожа на нашихъ дамъ. Зоветъ къ себѣ въ деревню... Она постоянно тамъ живетъ послѣ смерти своего мужа и не скучаетъ... Она обѣщаетъ найти мнѣ дѣло въ деревнѣ, если только я не соскучусь по баламъ и у меня хватитъ терпѣнія быть полезной другимъ... Пишетъ, между прочимъ, что у нихъ въ уѣздѣ совсѣмъ нѣтъ школъ, и что надо ихъ устроить. Поживу тамъ и, если понравится, быть-можетъ, и останусь тамъ... Сюда буду пріѣзжать, чтобъ навѣстить своихъ, взглянуть на васъ, дядя, какъ вы живете со своимъ другомъ... А средства на устройство школъ у меня будутъ. Папа оставляетъ мнѣ мои двѣсти рублей въ мѣсяцъ. Видите ли, какая я богачка!—заключила Нина.

— Чудная вы!—умиленно воскликнулъ «графъ».

И вслѣдъ за этимъ какъ-то особенно почтительно поцѣловалъ руку Нины. Она горячо обняла старика и проговорила:

— Если я ужъ не совсѣмъ пустая, то я и вамъ обязана, дядя. Вы мнѣ на многое открыли глаза.

— Своему доброму сердцу обязаны, и никому болѣе!

Нина еще просидѣла нѣсколько времени у «графа».

Она строила планы будущей жизни, говорила, что ее манитъ деревня, и что тамъ она надѣется совсѣмъ забыть о своихъ неудачахъ личной жизни, и вдругъ воскликнула, какъ бы озаренная внезапной мыслью:

— А знаете что, дядя?

— Что, Нина?

— Что бы и вамъ пріѣхать въ деревню? Тетя навѣрное будетъ рада. Тамъ вы скоро поправитесь и не будете чувствовать ни усталости ни слабости. Хотите? Я напишу вамъ изъ деревни, и вы пріѣзжайте.

— А мой Антоша?

Нина виновато улыбнулась, взглядывая на мертвенно-блѣдное лицо съ заострившимся носомъ и обтянутыми щеками, и стала собираться, безконечно жалѣя дядю.

XXXIX.

Пришла весна.

«Графъ» худѣлъ и слабѣлъ съ каждымъ днемъ въ теченіе зимы и теперь съ трудомъ могъ дѣлать нѣсколько шаговъ по комнатѣ. Бо́льшую часть времени онъ сидѣлъ въ креслѣ или лежалъ на постели.

Но онъ и думать не хотѣлъ, что дѣло его проиграно окончательно, и что смерть уже витаетъ надъ его изголовьемъ. Онъ, напротивъ, питалъ какую-то упорную надежду, что поправится, какъ только наступятъ теплые вешніе дни, а тамъ и лѣто... Антошка обѣщалъ нанять на Петровскомъ островѣ маленькую дачу... Тамъ, на чистомъ воздухѣ, онъ окончательно выздоровѣетъ.

Даже зеркало, отражавшее лицо мертвеца, не колебало этой увѣренности. Не смущали его и исхудалыя ноги и руки и выдающіяся на плоской груди ребра...

И онъ добросовѣстно глоталъ какія-то пилюли, принималъ микстуру и насильно, безъ всякаго аппетита, пилъ молоко и ѣлъ бульонъ и мясо.

Еще бы! Ему теперь такъ хотѣлось жить, этому горемычному бродягѣ, безконечно счастливому въ это послѣднее время, когда они жили съ Антошкой на свои кровныя денежки. И какъ же Антошка баловалъ его: и вино ему покупалъ, и недурныя сигары, и на газету для него подписался, и по вечерамъ, возвратившись изъ завода, читалъ ему или разсказывалъ про заводскія дѣла и новости.

Какъ же не хотѣть жить, когда на каждомъ шагу видишь трогательную преданность близкаго существа и самъ безконечно любишь его и радуешься его успѣхамъ. А Антошка рѣшительно преуспѣвалъ. За какую-то его выдумку («графъ», при самомъ подробномъ объясненіи автора «выдумки», не могъ понять, въ чемъ дѣло) ему выдали недавно триста рублей награды, и самъ директоръ завода призывалъ Антошку и хвалилъ его...

И нерѣдко «графъ», замѣчая, что Антошка грустенъ, говорилъ ему, стараясь придать своему глухому голосу веселый тонъ:

— Ты что̀, голубчикъ, носъ опустилъ... Думаешь: я умирать собираюсь. Дудки, братецъ! Опольевы живучи... Вотъ только тепло придетъ... Ты увидишь...

— И вовсе не думаю, Александръ Иванычъ... Еще какъ поправитесь... Вотъ какъ теплое воскресенье придетъ, поѣдемъ дачу нанимать... Деньги у насъ, слава Богу, есть...

И Антошка употреблялъ чрезвычайныя усилія, чтобы казаться веселымъ и не разрыдаться, слушая эти полныя надежды слова.

Ему сказали доктора, что дни «графа» сочтены, да онъ и самъ видѣлъ это, и горю его не было границъ. Нерѣдко онъ выбѣгалъ изъ комнаты на лѣстницу и плакалъ, какъ малый ребенокъ. Нерѣдко, во время работы на заводѣ онъ утиралъ навертывавшіяся слезы — вѣдь «графъ» былъ у него единственнымъ человѣкомъ, котораго онъ любилъ. И вдругъ потерять его тогда, когда жизнь ихъ обоихъ такъ хорошо устроилась!

И Елизавета Марковна и другой докторъ совѣтовали перевести больного въ больницу, но Антошка и слышать объ этомъ не хотѣлъ, зная, что «графъ» ни за что не согласится. И кто же будетъ по ночамъ около него?..

Каждое утро Антошка уходилъ со страхомъ, что вернется домой и не застанетъ въ живыхъ «графа», и каждое утро просилъ хозяйку дать знать на заводъ, если Александру Ивановичу будетъ плохо.

Несмотря на протесты «графа», въ послѣдніе дни у него въ комнатѣ дежурила сидѣлка. Антошка настоялъ на этомъ, убѣдивъ «графа», что это необходимо. По крайней мѣрѣ она будетъ аккуратно слѣдить за пріемами лѣкарства.

«Графъ» въ концѣ концовъ покорно согласился и замѣтилъ:

— Пусть будетъ по-твоему, а какъ потеплѣетъ, мы, братъ, сидѣлку спровадимъ... И то я тебѣ дорого стòю... Слишкомъ ужъ ты балуешь меня, Антоша... Роскошествуешь ты очень...

— Чтò вы, Александръ Иванычъ... И вовсе у насъ немного выходитъ...

— Небось, вижу... Вино-то одно чего стòитъ... Ну да, голубчикъ, скоро я тебя освобожу отъ этихъ расходовъ... Поправлюсь, и войдемъ въ бюджетъ...

Антошка отворачивался, чтобы скрыть слезы.

Въ этотъ вечеръ, когда Антошка вернулся съ завода, «графъ» объявилъ, что чувствуетъ себя гораздо лучше, и вмѣстѣ съ Антошкой пилъ чай, сидя въ креслѣ. Онъ былъ особенно разговорчивъ и веселъ.

Напрасно Антошка останавливалъ его, объясняя, что ему вредно много говорить, «графъ» не слушалъ и возбужденно, порывисто заговорилъ:

— Да что ты, братецъ, точно меня умирающимъ считаешь... Я жить хочу и буду жить... Слышишь, Антоша... Милый, дорогой мой... Довольно я мыкался, терпѣлъ униженія, дѣлалъ подлости, пьянствовалъ... побирался... Я встрѣтилъ тебя, такого же горемыку, бѣднаго, брошеннаго... и твоя любовь привязала меня къ жизни и пробудила во мнѣ человѣка...

Онъ задыхался и все-таки продолжалъ, точно торопясь высказаться, глядя съ безконечною нѣжностью на Антошку.

— И теперь, когда я горжусь тобою, твоими успѣхами, когда я такъ привязался къ тебѣ, моему умному, славному мальчику, и вдругъ умереть... Нѣтъ... Я этого не желаю... Ты что же плачешь, мой милый... Зачѣмъ ты такъ смотришь?.. Или въ самомъ дѣлѣ...

Выраженіе ужаса вдругъ исказило черты «графа». Онъ шевелилъ губами, и звука не было. Онъ какъ-то жалобно замычалъ и безконечно-грустными глазами, точно моля о помощи, глядѣлъ на Антошку...

— Это ничего... пройдетъ... докторъ говорилъ... ей-Богу, ничего, Александръ Иванычъ, — безумно выбрасывалъ слова Антошка и припалъ къ холодѣющей рукѣ «графа», орошая ее слезами.

— Сейчасъ бѣгу за докторомъ, Александръ Иванычъ.

«Графъ» отрицательно помахалъ головой, не сводя тускнѣющаго взгляда съ Антошки.

— Ну, такъ пошлю...

И Антошка выбѣжалъ, чтобы распорядиться.

Когда онъ вернулся въ комнату, «графъ» уже не дышалъ.

Черезъ два дня за скромнымъ гробомъ шли на Смоленское кладбище три человѣка: Антошка, бывшая квартирная хозяйка и прачка Анисья Ивановна и Нина. Она пріѣхала въ Петербургъ, получивъ отъ Антошки телеграмму о смерти дяди.

Другихъ родныхъ онъ не извѣстилъ.

Никто не говорилъ рѣчей на могилѣ «графа». Только Антошка безутѣшно рыдалъ, и плакали Анисья Ивановна и Нина.

Возвращаясь съ кладбища работать на заводъ. Антошка еще сильнѣе почувствовалъ свое сиротство. Но, сознавая себя одинокимъ, онъ зналъ, что, благодаря покойнику, онъ бодро и стойко выдержитъ битву жизни... Она уже улыбалась ему, еще недавно несчастному нищенкѣ.

Въ то же лѣто на могилѣ «графа» красовался красивый желѣзный памятникъ, весь сдѣланный руками Антошки.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

ЗАТРАВЛЕННЫЙ.

Отрывокъ.

I.

Борисъ Николаевичъ Криницынъ, редакторъ-издатель новой газеты «Утро», только-что наскоро позавтракалъ съ семьей и торопливо вошелъ въ кабинетъ.

По стѣнамъ большой и высокой комнаты, пропитанной табакомъ, стояли шкапы и полки съ книгами. Простѣнки были увѣшаны фотографіями иностранныхъ и русскихъ писателей изъ «стариковъ», въ черныхъ простенькихъ рамкахъ. Три бюста знаменитыхъ людей красовались на кронштейнахъ. Огромный письменный столъ, по срединѣ комнаты, былъ заваленъ книгами, рукописями и корректурами.

Вся обстановка редакторскаго кабинета была скромная.

Криницынъ присѣлъ къ столу, пробѣжалъ нѣсколько писемъ, закурилъ папироску и задумался, взглядывая на окно, изъ котораго проникалъ мутный свѣтъ тусклаго зимняго дня.

Худощавый, средняго роста блондинъ, въ поношенномъ темно-синемъ пиджакѣ, съ большой, начинавшей серебриться, темно-русой бородой и волнистыми, зачесанными назадъ, бѣлокурыми волосами, открывавшими большой выпуклый лобъ, перерѣзанный тонкими морщинами, онъ казался старѣе своихъ сорока трехъ лѣтъ.

Его умное, нервное и блѣдное лицо съ тонкими, красивыми чертами было утомлено и озабочено. Темные, глубоко запавшіе глаза горѣли вызывающимъ блескомъ. Верхняя губа въ углѣ рта по временамъ вздергивалась и вздрагивала. И тогда лицо Криницына принимало надменное выраженіе.

Прошло такъ нѣсколько минутъ.

Наконецъ Криницынъ взмахнулъ головой, словно бы от-

гоняя тревожныя мысли, и принялся за корректуру передовой статьи на завтрашній нумеръ.

Криницынъ не дѣлалъ ни одной помѣты своимъ краснымъ редакторскимъ карандашомъ. Но чѣмъ далѣе онъ читалъ эту академически вылощенную статью, основательно доказывавшую пользу грамотности, тѣмъ мрачнѣе и подавленнѣе становился.

И, казалось, у него невыносимо заболѣли зубы, когда онъ сквозь зубы процѣдилъ:

— Дда! Добросовѣстная скучина!

Съ этими словами редакторъ съ тоскливымъ видомъ человѣка, принужденнаго подписать приговоръ, черкнулъ на корректурѣ: «печатать» и взялъ со стола другую корректуру.

Бойкая и живо написанная статейка: «Наши желѣзныя дороги» видимо возмутила Криницына. Брезгливая гримаса искривила его лицо, и онъ порывисто перечеркнулъ статью краснымъ карандашемъ и подписалъ: «разобрать».

— Какая скотина!—мысленно назвалъ онъ автора статьи.

Лицо Криницына прояснилось, когда онъ сталъ прочитывать корректуру критическаго фельетона и, видимо, съ сожалѣніемъ вычеркивалъ нѣкоторыя слова, побуждаемый редакторскою робостью.

Одно мѣсто онъ отчеркнулъ, разсчитывая попросить автора смягчить рѣзкость тона, и уже подходилъ къ концу фельетона, какъ двери отворились, и тихой, плывущей и граціозной походкой въ кабинетъ вошла жена Криницына.

Она была въ черномъ щегольскомъ суконномъ платьѣ, небольшого роста, стройная, хорошо сложенная молодая женщина, съ ясными и кроткими большими голубыми глазами. Отъ этой маленькой блондинки, съ нѣжнымъ румянцемъ на ослѣпительно-бѣломъ красивомъ лицѣ, съ роскошными русыми, отливавшими золотомъ волосами, собранными въ коронку на темени, такъ и вѣяло свѣжестью и здоровьемъ и въ то же время какой-то затаенной тихой грустью чѣмъ-то обиженной женщины.

Увидавши жену, Криницынъ углубился въ корректуру.

Чуть-чуть шелестя платьемъ, молодая женщина приблизилась къ письменному столу, осторожно поставила стаканъ чаю и глядѣла на мужа, выжидая, что онъ замѣтитъ ее, улыбнется и скажетъ ласковое слово...

Но Криницынъ не поднималъ головы и ждалъ, что жена догадается уйти.

Упорный, восторженно-влюбленный ея взглядъ становился грустнѣе и тревожнѣе. И сомнѣнія закрадывались въ сердце.

Вѣдь она боготворитъ Борю. Она, кажется, доказала свою любовь. А онъ?.. Онъ въ послѣднее время сталъ такой раздражительный...

«Всему виновата эта газета»,—подумала молодая женщина.

И, забывая, что идолъ ея особенно занятъ въ эти часы и что за завтракомъ онъ былъ молчаливъ и озабоченъ, она съ безтактностью влюбленной и встревоженной женщины оставалась въ кабинетѣ.

Криницынъ какъ будто не замѣчалъ жены.

И ея тихій, нѣсколько монотонный, красивый, грудной, низковатый голосъ звучалъ заискивающей нѣжностью, когда она наконецъ промолвила:

— Я принесла тебѣ чай, Боря! Пей, милый, пока горячій!

— Спасибо, Надя... Вотъ только окончу корректуру! — отвѣтилъ Криницынъ, не поднимая глазъ.

Прошла еще минута.

Надя вдругъ почувствовала себя еше болѣе несчастной и обиженной и еще болѣе страдающей за бѣднаго мужа.

— Боря!—робко окликнула она Криницына.

— Ну?—нетерпѣливо спросилъ онъ.

— Милый!.. Вѣдь это вредно.

— Что̀ вредно?

— Да ты такъ много работаешь и такъ волнуешься.

— Конечно, вредно. Но докторъ серьезно предлагаетъ отличное средство.

— Какое?

— Меньше работать и никакихъ волненій... Докторъ навѣрное самъ живетъ безъ волненій... Такое у него самодовольное, румяное лицо. И хорошая практика...

— Ты, Боря, смѣешься?

— А какъ же? Развѣ можно прописывать, да еще литературу, жить безъ волненій?

— Но послушай... Вѣдь ты изведешь себя съ газетой!.. Ты сталъ такой раздражительный... И долги такъ тревожатъ тебя...—взволнованно проговорила Надя.

Криницынъ поднялъ глаза на жену.

Онъ не обратилъ вниманія на ея новое платье, которое шло къ ней. Ея красивое, кроткое и взволнованное лицо далеко не казалось такимъ привлекательнымъ, какимъ было еще недавно. Ея любовь казалась черезчуръ сильной, стѣснительной и неумной.

«Нашла время для сочувствій!.. И на кой чортъ онъ вообразилъ, что домашній очагъ будетъ идилліей. У другихъ—адъ, а у него—рай»,—подумалъ Криницынъ.

И, сдерживая раздраженіе, сказалъ:

— Сегодня я особенно раздражителенъ, Надя...

— Что съ тобой, Боря?

— Типографія грозитъ не печатать газету, если не уплачу части долга!..—словно бы нарочно, спокойно промолвилъ Криницынъ.

— О, Господи! Какъ же ты сдѣлаешь?—растерянно и испуганно воскликнула Криницына.

— А ты до сихъ поръ не догадывалась? Достану денегъ... Успокойся...

— И опять долги?

— Опять... Я очень занятъ...—нетерпѣливо сказалъ Криницынъ.

— Я одну минуту... Я не понимаю дѣлъ... Выслушай меня...

— Говори... только скорѣй...

— Милый! Ты благородный, убѣжденный человѣкъ... Но развѣ общество цѣнитъ твою газету?.. «Утро» должно бы имѣть огромный успѣхъ, а между тѣмъ...

— Ну такъ что же?

— Продай лучше газету.

Криницынъ взглянулъ на жену и точно прозрѣлъ. Глаза его стали злыми, и голосъ его звучалъ гнѣвомъ, когда онъ сказалъ:

— Понимаешь ты, что говоришь?.. Не говори больше объ этомъ... Не говори... Я не продамъ газеты. Слышишь?

— Не буду... не буду... Я вѣдь за тебя тревожусь... за тебя. Не сердись! Прости меня!—испуганно и виновато проговорила Надя.

Криницыну вдругъ стало жаль жену. Ему было стыдно за гнѣвную вспышку. И онъ мягче проговорилъ:

— Я не сержусь.

— Правда?

— Правда.

Она ждала ласковаго слова или взгляда, а онъ...

«И за что онъ такъ разсердился? Вѣдь она такъ любитъ Бориса!»—подумала Надя.

А Криницынъ снова углубился въ корректуры, увѣренный, что жена уйдетъ.

Глядя на печатныя строки, онъ чувствовалъ, что она здѣсь и болѣе и болѣе раздражаетъ его.

«Уйди же наконецъ!»—мысленно проговорилъ онъ.

— Еще хочешь чаю, Боря?—робко и нѣжно спросила она.

— Нѣтъ... спасибо! У меня спѣшныя корректуры!—прибавилъ Криницынъ.

— Ты хоть вечеромъ отдохни... Пойдемъ въ оперу... Я тебя прошу, Боря!—возбужденно молила молодая женщина.

— Ты знаешь, что мнѣ нѣкогда... Корректуры и потомъ выпускъ газеты.

— Опять всю ночь просидишь?

— А то какъ же?

Надя вздохнула.

— Съ тѣхъ поръ, какъ у тебя газета, я все одна и одна!—проронила она.

— Надя! Хоть здѣсь безъ сценъ.

— Молчу... молчу... Теперь ты все называешь сценами... Газета тебѣ дороже меня...

— Да избавь же отъ драмъ, Надя! И безъ того невесело. Не мѣшай мнѣ работать!—рѣзко воскликнулъ Криницынъ.

— А, думаешь, мнѣ весело?

И, сдерживая рыданія, Криницына вышла изъ кабинета.

«Любитъ, и слѣдовательно надо мотать душу. И это любовь! Поменьше бы такой любви»,—подумалъ Криницынъ съ жестокостью разлюбившаго человѣка и чувствующаго, что маленькая блондинка несчастна и что онъ виноватъ передъ ней, утаивая правду своихъ отношеній къ женѣ.

И Криницынъ, считавшій себя правдивымъ съ людьми, не разъ писавшій горячія статьи о безнравственности брака безъ взаимной нравственной и физической любви,—не имѣлъ мужества сказать Надѣ, что онъ охладѣлъ къ ней.

Вѣдь нечестно оставлять въ заблужденіи. А онъ въ послѣднее время вилялъ... Только раздражался и все валилъ на дѣла...

Такъ разсуждалъ Криницынъ и все болѣе и болѣе озлоблялся.

Словно бы оправдывая себя, Криницынъ старался увѣрить свой умъ, что причины охлажденія его къ женѣ—высшаго порядка, какія и должны быть у человѣка, у котораго требованія отъ женщины не примитивныя.

Его жена не та отзывчивая, умная и сочувствующая, какою онъ, ослѣпленный, ее считалъ.

Теперь, послѣ шести лѣтъ, онъ точно прозрѣлъ. Всѣ добродѣтели влюбленной жены казались покушеніемъ на его независимость,—какъ будто онъ ея собственность. Красота ея потеряла прежнія чары, и страсть ея ужъ не возбуждала его въ послѣднее время. Эта просьба продать газету была неожиданной дерзкой обидой. Теперь въ глазахъ Криницына она была неделикатностью, непониманіемъ и эгоистической трусостью за буржуазное и пошлое благополучіе.

И, глядѣвшій вдругъ прозрѣвшими глазами, онъ взвинчивалъ себя и забылъ, какъ трогала его беззавѣтная любовь и

чуть не рабское поклоненіе жены, пока онъ былъ влюбленъ въ эту хорошенькую, ослѣпительно-бѣлую блондинку, и она была желанная прелестная жена и вмѣстѣ съ тѣмъ достойная подруга умнаго и талантливаго литератора.

«Да... Онъ ошибся. Она—самая обыкновенная индюшка!»—мысленно говорилъ Криницынъ, недавно еще называвшій «индюшку» своей ласковой кошечкой. Криницынъ считалъ себя одинокимъ и обиженнымъ.

II.

Криницынъ оканчивалъ корректуру фельетона, какъ двери, ведущія въ комнаты редакціи и конторы газеты, пріотворились.

Сперва высунулась коротко остриженная, черноволосая круглая голова, и затѣмъ изъ дверей показалась высокая фигура довольно представительнаго молодого человѣка въ модномъ длинномъ сюртукѣ.

Это былъ Варницкій, секретарь редакціи «Утра», завѣдующій отдѣломъ хроники, авторъ бойкихъ статеекъ подъ рубрикою «Обо всемъ» и числившійся въ какомъ-то министерствѣ.

Онъ быстро приблизился къ столу мягкими, неслышными, точно подкрадывающимися шагами, оглядѣлъ маленькими бѣгающими карими глазами и раздраженное лицо редактора, и корректуры, и письма, разбросанныя на столѣ, и свою статью, перечеркнутую краснымъ карандашомъ.

Его пухлое безбородое лицо съ пушистыми, поднятыми кверху усами приняло озабоченно-серьезное и въ то же время почтительное выраженіе, когда тихимъ и вкрадчиво-мягкимъ голосомъ онъ произнесъ, наклоняя голову:

— Здравствуйте, Борисъ Николаевичъ. Извините, что я принужденъ оторвать васъ отъ работы... Я на пять минутъ...

— Да вы безъ предисловій, Алексѣй Михайловичъ. Что вамъ?—сухо спросилъ Криницынъ, протягивая руку.

— Разъясненіе Рейхенбаха, директора завода!—произнесъ Варницкій.

Онъ крѣпко пожалъ руку Криницына и передалъ ему письмо.

— Рейхенбахъ утромъ приходилъ, Борисъ Николаевичъ. Клялся, что замѣтка о заводѣ несправедлива, и что нашъ репортеръ введенъ въ заблужденіе. Проситъ напечатать письмо. Придетъ въ часъ. Желаетъ видѣть васъ, Борисъ Николаевичъ. Располагающее лицо. Образованный техникъ.

Пока Варницкій давалъ эти поясненія дѣловитымъ тономъ, слегка отчеканивая слова и бросая по временамъ любопыт-

ные, жадные взгляды на редактора, Криницынъ, прочитывая письмо, казалось, не слышалъ секретаря.

— Конечно, не напечатаю!—рѣзко проговорилъ Криницынъ, возвращая молодому человѣку письмо.

— Слушаю-съ!—отвѣтилъ секретарь.

Но въ его спокойномъ голосѣ чувствовалась убѣдительная нотка сотрудника, защищающаго интересы газеты, когда онъ скромно прибавилъ:

— Какъ бы не вышло какой-нибудь непріятности, Борисъ Николаевичъ.

— Какой?

— Рейхенбахъ очень обиженъ.

— И пусть...

— Въ случаѣ отказа напечатать его письмо, онъ грозитъ судомъ за диффамацію.

— Отлично. Посовѣтуйте этому образованному технику съ располагающимъ лицомъ жаловаться на меня въ судъ. Только едва ли Рейхенбахъ васъ послушается,—сказалъ насмѣшливо Криницынъ.

Варницкій, казалось, не понималъ и сдѣлалъ удивленное лицо.

— Онъ знаетъ, какія пакости могутъ обнаружиться на судѣ... И скажите ему, что разговаривать съ нимъ нечего... Напрасно... Но, если будетъ настаивать, я, конечно, приму... Думскій отчетъ готовъ?—прибавилъ редакторъ.

— Типографія пришлетъ къ двумъ часамъ.

— Поторопите.

— Сію минуту протелефонирую... Позвольте еще два слова, Борисъ Николаевичъ.

— Что̀ еще?

— На-дняхъ вы говорили при мнѣ, что вамъ нужны для газеты деньги.

— Говорилъ. Очень нужны.

— Такъ пятнадцать тысячъ можно достать, Борисъ Николаевичъ!—радостно проговорилъ Варницкій.—Хоть сегодня!

— Гдѣ вы ихъ нашли?—воскликнулъ Криницынъ и просіялъ.

— Я готовъ стараться для газеты, хотя, къ сожалѣнію, и не имѣю чести пользоваться вашимъ благоволеніемъ, Борисъ Николаевичъ!

Криницынъ промолчалъ.

Дѣйствительно онъ недолюбливалъ Варницкаго. Онъ не внушалъ довѣрія.

Въ искренность и убѣжденность того, что̀ писалъ молодой

журналистъ, редактору не вѣрилось. Никакихъ взглядовъ, казалось, у него не было, и онъ лишь приспособлялся къ направленію газеты.

Раздражало Криницына и его франтовство, и вкрадчивыя манеры, и что-то льстивое въ его преклоненіи передъ талантомъ стараго журналиста.

Но Варницкій былъ способный секретарь, аккуратный и исполнительный, и талантливый журналистъ, и его бойкія и остроумныя фельетонныя статейки нравились Криницыну и имѣли успѣхъ въ публикѣ...

И редакторъ дорожилъ сотрудникомъ и въ то же время особенно внимательно просматривалъ корректуру его статей,— какъ бы не проскользнуло его бойкаго невѣжества или чего-нибудь не соотвѣтствующаго съ направленіемъ и тономъ газеты. До сихъ поръ статьи были приличныя, и Криницыну только приходилось иногда исправлять наглость невѣжества или вычеркивать пошловатыя остроты и изрѣдка совѣтовать Варницкому не касаться серьзныхъ вопросовъ и не вдаваться въ философскія разсужденія.

Но послѣдняя статейка талантливаго молодого человѣка невольно возбудила брезгливость въ старомъ журналистѣ.

Повидимому, Варницкій не обидѣлся на высокомѣрное отношеніе редактора къ сотруднику, который не только полезенъ газетѣ своими работами, но и готовъ избавить патрона отъ серьезныхъ затрудненій, и съ обычной почтительностью продолжалъ:

— Вчера на бенефисѣ Рѣчинской встрѣтилъ одного изъ горячихъ поклонниковъ вашего таланта и вашей газеты, Борисъ Николаевичъ... И онъ съ удовольствіемъ дастъ подъ вексель на одинъ годъ пятнадцать тысячъ изъ пяти процентовъ.

— Кто это такой удивительный поклонникъ?—насмѣшливо спросилъ Криницынъ.

— Джуричъ.

Криницынъ поблѣднѣлъ. Губы его вдругъ задрожали. Глаза его стали зелеными.

— Джуричъ?.. Извѣстный дѣлецъ Джуричъ?—спросилъ онъ.

— Да, Борисъ Николаевичъ.

— Развѣ я просилъ васъ искать мнѣ денегъ?.. Зачѣмъ вы суетесь не въ свое дѣло и говорите о деньгахъ съ Джуричемъ?— гнѣвно выкрикнулъ Криницынъ, и глаза его сверкали негодованіемъ и презрѣніемъ.

— Но, Борисъ Николаевичъ... Я не смѣлъ бы говорить о вашихъ дѣлахъ. Джуричъ самъ началъ... Если, говоритъ, нужны газетѣ деньги, я съ удовольствіемъ ссужу...

— Если онъ предлагаетъ, это значитъ, что въ газетѣ объ его дорогѣ ни слова, или хвали... Развѣ вы не понимаете, какъ называется эта ссуда? И какъ онъ смѣлъ предлагать?

— Джуричъ не ставилъ никакихъ условій...

— Этого недоставало... чтобы съ вами договаривался...

— Онъ говорилъ, что газета ведется талантливо и имѣетъ будущность... Еще годъ-другой...

— И колоссальный успѣхъ?..

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, Борисъ Николаевичъ, и никакъ не думалъ, что вызову ваше неудовольствіе...

— Не сомнѣвайтесь, если хотите, но впредь не думайте искать мнѣ денегъ... Потрудитесь послать корректуры въ типографію... А ваша статейка не пойдетъ...

— Не пойдетъ?

Варницкій печально взглянулъ на редактора и прибавилъ:

— Значитъ, вамъ не понравилась?

— Я удивляюсь, какъ вы представили такую статью...

— Но что-жъ въ ней, Борисъ Николаевичъ?

— Не догадываетесь?..—презрительно спросилъ редакторъ и пристально посмотрѣлъ на молодого журналиста.

Тотъ не отвелъ своего взгляда, и, казалось, въ немъ отразилось само удивленіе.

— Честное слово, не догадываюсь!—горячо отвѣтилъ онъ.

«Или онъ не понимаетъ, или же большая шельма!»—подумалъ Криницынъ.

И, сбитый съ толку, уже не такъ рѣзко сказалъ:

— Такъ внимательнѣе прочитайте свою статейку, и вы, вѣрно, замѣтите, что проглядѣли, что между строкъ превозносится Учасальская дорога Джурича.

— Неужели?.. Значитъ, проглядѣлъ...

— Впредь не проглядывайте... И что̀ за охота даромъ писать...

— Учасальская дорога, какъ я слышалъ, одна изъ благоустроенныхъ дорогъ, и я вскользь о ней упомянулъ. Я не могъ подумать, чтобъ статья могла вызвать нежелательныя толкованія.

— А вызываетъ... О безобразіяхъ на дорогѣ Джурича было писано немало. Или не читали?—съ нескрываемой насмѣшкой прибавилъ Криницынъ.

— Не читалъ, или, быть-можетъ, и читалъ, но забылъ... Извините за недосмотръ.

— Такіе недосмотры не должны быть у журналиста, дорожащаго своей репутаціей... Имѣйте это въ виду, Алексѣй Михайловичъ... Вы даровиты и полезны для газеты... Но преду-

преждаю васъ, что я лучше лишусь вашего сотрудничества, чѣмъ читать такіе артикли, хотя и въ корректурѣ... Такъ поскорѣй отправьте корректуры!

«Кому нужны твои принципы и твоя репутація. Прогоришь ты съ газетой!» — подумалъ Варницкій, слушая рѣчи редактора.

И, скрывая озлобленіе къ Криницыну, онъ слегка покраснѣлъ и вышелъ изъ кабинета.

III.

Черезъ минуту вошелъ редакціонный разсыльный Василій.

— Какая-то барышня, Борисъ Николаевичъ!—проговорилъ онъ, подавая карточку.

Криницынъ взглянулъ на карточку и раздраженно сказалъ:

— Вѣрно, писательница... Чортъ бы ее побралъ! Проводи къ секретарю.

— Проситъ васъ видѣть... Безпремѣнно, говоритъ, редактора...

— Такъ проси...

— И еще господинъ какой-то желаетъ васъ видѣть...

— Кто такой?..

— Не сказался... Пускать къ вамъ?

— Конечно, пустите.

ЧЕГО ЕЙ НАДО?

Повѣсть.

I.

Въ исходѣ перваго часа ночи Александра Николаевна Изгоева лѣниво завивала прядки черныхъ волосъ у лба, апатично взглядывая въ зеркало, отражавшее тонкія черты необыкновенно привлекательнаго лица матовой бѣлизны съ большими черными глазами, грустными, какъ у подстрѣленной птицы.

Она казалась гораздо моложе своихъ двадцати восьми лѣтъ, эта маленькая, хорошо сложенная брюнетка, въ красномъ фланелевомъ капотѣ, съ густыми распущенными волосами, доходившими до таліи. Во всей ея небольшой фигуркѣ было что-то нѣжащее, изящное. Руки были породистыя: узкія съ длинными пальцами. На одной рукѣ одиноко блестѣло обручальное кольцо; на мизинцѣ другой горѣлъ небольшой брильянтъ.

Когда завивка была окончена и волосы собраны на головѣ тяжелымъ узломъ, Изгоева тихой плывущей походкой, чуть-чуть раскачиваясь, прошла въ сосѣднюю комнату.

Въ полусвѣтѣ ночника она по очереди наклонялась надъ двумя кроватками, въ которыхъ сладко спали ея мальчики: одинъ—трехъ, другой—двухъ лѣтъ, поправила на нихъ одѣяла, осторожно прикоснулась губами къ ихъ разгорѣвшимся щечкамъ и, печальная, съ глазами полными слезъ, вышла изъ дѣтской, бросивъ укоризненный взглядъ на кровать фрейлейнъ Августы, громкій храпъ которой такъ не соотвѣтствовалъ настроенію молодой женщины и раздражалъ ея расходившіеся нервы.

Вернувшись въ спальную, Изгоева зажгла свѣчку на маленькомъ ночномъ столикѣ, раздѣлявшимъ двѣ кровати, и про-

шла въ свой «уголокъ», какъ называла она половину спальной за низенькими атласными ширмами. Тахты, пушистый коверъ, шкапъ съ книгами, письменный столъ, туалетъ—все это не блистало роскошью, но вмѣстѣ съ цвѣтами и фотографіями дѣлало «уголокъ» уютнымъ гнѣздышкомъ, свитымъ умѣлой и заботливой рукой женщины со вкусомъ и привыкшей къ порядку.

Съ какимъ-то особеннымъ вниманіемъ глядѣла маленькая женщина на большую фотографію молодого красиваго господина, стоявшую на письменномъ столѣ, и наконецъ прошептала съ тоской:

— И я его любила! И ему я отдала молодость!

Выраженіе скорби, стыда и недоумѣнія стояло въ ея лицѣ.

Глотая слезы, она потушила лампу, заперла двери въ гостиную и направилась за ширмы. Подавленная думами, Изгоева медленно, почти автоматически, стала разстегивать пуговицы капота, обнажая красивую, словно бы выточенную шею ослѣпительной бѣлизны.

II.

Въ гостиной послышались твердые увѣренные шаги.

Торопливо, испуганно и съ брезгливой гримасой молодая женщина застегнула капотъ и присѣла на кровать.

И въ ту же минуту за ширмы вошелъ красивый, средняго роста блондинъ, лѣтъ тридцати пяти, элегантно одѣтый въ смокингъ, коротко остриженный, съ небольшой рыжеватой бородкой и пушистыми, кверху поднятыми усами. Отъ его свѣжаго, слегка зарумянившагося лица и отъ всей его плотной, крѣпкой фигуры вѣяло здоровьемъ и жизнерадостностью красиваго, сильнаго и увѣреннаго въ себѣ мужчины.

Онъ вошелъ и внесъ съ собой струйку холоднаго воздуха. Улыбаясь и показывая ослѣпительно-бѣлые зубы, онъ влюбленными глазами взглянулъ на жену, поднесъ ея маленькую холодную руку къ своимъ толстымъ и сочнымъ губамъ и, крѣпко поцѣловавъ руку жены, спросилъ мягкимъ, ласкающимъ голосомъ:

— Скучала одна, Шура?

— Нѣтъ.

— Читала?

— Да.

— А я изъ оперы, отвезъ твою сестру домой и заѣхалъ въ клубъ... Ужиналъ и съ шампанскимъ... Встрѣтилъ свое начальство и велѣлъ подать бутылку. Онъ любитъ шампанское на даровщинку. А потомъ,—вообрази себѣ,—неожиданно по-

лучилъ долгъ, который считалъ безнадежнымъ... Отъ Крюкова.

— Почему ты считалъ безнадежнымъ? Развѣ Крюковъ не порядочный человѣкъ?—съ раздраженіемъ въ голосѣ спросила Изгоева.

— Я этого не говорилъ, Шура... Я этого не говорилъ, милая... Не раздражайся напрасно. Онъ очень милый, этотъ старый радикалъ, замаринованный въ своихъ взглядахъ... Но у радикала, какъ и быть надлежитъ, жалованье маленькое, а семья большая. Заплатить ему, при самыхъ пылкихъ желаніяхъ, было трудно.

— Однако заплатилъ!

— Навѣрное, занялъ. И ни за что не согласился принять отсрочку, которую я предложилъ... Ни за что...

«Еще бы!»—подумала Изгоева.

— И вообще Крюковъ чѣмъ-то недоволенъ мной... Пересталъ ходить... И тебѣ измѣнилъ... пересталъ умныя книги носить... И Богъ съ нимъ...

Опять Изгоева подумала, что въ послѣднее время къ нимъ все рѣже и рѣже показываются люди, которые прежде бывали. И она знала, почему это.

— А знаешь, Шура, что̀ я сдѣлаю съ этими деньгами, столь неожиданно упавшими ко мнѣ съ неба?

— Почемъ я знаю!—равнодушно отвѣтила Изгоева.

— Къ этимъ двумстамъ я прибавлю еще двѣсти и куплю тебѣ порядочный рубинъ. Онъ будетъ очень хорошъ на твоей хорошенькой рукѣ, Шура.

— Не надо. Не покупай.

— Не хочешь? Такъ что-нибудь другое? Скажи, что̀ ты хочешь?

— Ничего не хочу. Мнѣ ничего не надо.

Изгоевъ удивленно и тревожно взглянулъ на жену.

— Шурка! Что̀ съ тобой? Ты эти дни какая-то странная, не прежняя ласковая Шурочка. Сердишься? За что? Ревнуешь? Къ кому?.. Скажи...

— Ревновать!? И не думала.

— Шура! Родная! Я вижу, ты чѣмъ-то недовольна! Скажи, чѣмъ. Развѣ мало я тебя люблю? Развѣ не видишь, что ты у меня одна на свѣтѣ любимая, желанная? Развѣ я не вѣрноподданный своей прелестной королевочки?

Голосъ Изгоева звучалъ тревогой влюбленнаго человѣка. Въ его красивыхъ глазахъ стоялъ испугъ.

Жена молчала и слегка вздрагивала плечами точно отъ холода. Объясненіе, которое она должна была имѣть съ му-

жемъ и которое казалось ей такимъ легкимъ, оказывалось очень труднымъ. Она чувствовала, что у нея нѣтъ храбрости говорить.

Изгоевъ присѣлъ рядомъ съ женой и, обхвативъ ея талію, пытливо взглянулъ въ ея серьезные большіе глаза. Изгоева не отвела ихъ. Смущенная и грустная смотрѣла она на красивое лицо мужа. И оно теперь казалось ей не такимъ красивымъ, какъ прежде, и словно бы чужимъ. И въ этомъ чужомъ лицѣ она увидала что-то животное, чувственное, чего прежде не замѣчала.

— Шура!.. Милая!

Изгоевъ сталъ цѣловать ея лицо, шею, волосы.

Такими ласками онъ, бывало, не разъ успокаивалъ жену и приканчивалъ размолвки.

Но теперь молодая женщина непривѣтливо отнеслась къ этимъ ласкамъ, и когда мужъ, начинавшій пьянѣть отъ нихъ, прильнулъ губами къ губамъ жены, она отвела ихъ и, отстраняя мужа, чуть слышно сказала:

— Оставь меня.

Изгоевъ поднялся.

— Что̀ это значитъ, Шура?—спросилъ онъ упавшимъ голосомъ.

— Что̀ значитъ?—переспросила Изгоева.

И ей вдругъ захотѣлось сказать мужу все, все, что̀ было у нея на душѣ и что̀ тяготило ее, какъ тайное преступленіе. «Скажу»,—рѣшила она.

Но, когда она увидала убитое, внезапно поблѣднѣвшее и вдругъ ставшее жалкимъ лицо мужа, ее охватила жалость къ человѣку, еще недавно близкому ей, любимому и который любитъ, хоть и оскорбительно для нея, но все-таки страстно любитъ.

— Мнѣ не совсѣмъ здоровится!—проронила она и покраснѣла отъ сознанія, что лжетъ.

— Что̀ съ тобой?

— Ничего особеннаго. Голова болитъ.

Изгоевъ въ недоумѣніи пожалъ плечами, словно бы не понимая, что̀ все это значитъ.

«Прежде, когда я цѣловалъ ее, голова не болѣла»,—подумалъ онъ.

— Спокойной ночи, Шура!—наконецъ произнесъ онъ обиженнымъ тономъ.

— Прощай.

— Я не хочу мѣшать тебѣ своимъ присутствіемъ. Я въ кабинетѣ лягу спать.

Изгоевъ ждалъ, что жена его остановитъ. Она молчала.

Тогда онъ серьезно обидѣлся и, снявши съ постели одѣяло, простыни и подушку, забралъ все это въ охапку и вышелъ изъ спальной.

Молодая женщина облегченно вздохнула и, быстро раздѣвшись, легла въ постель и затушила свѣчку.

Ей хотѣлось поскорѣй заснуть, ни о чемъ не думая, ничего не вспоминая. И безъ того она сегодня много думала и много вспоминала.

Сонъ не приходилъ. Глаза не смыкались. Лицо горѣло. Въ голову лѣзли все тѣ же неотвязныя думы, все тѣ же воспоминанія.

III.

Предъ ея просвѣтленными очами проносились всѣ четыре года супружества, и она теперь изумлялась, какъ раньше, съ перваго же года, она не почувствовала оскорбительности любви мужа и позора быть только жрицей его наслажденій и ничѣмъ болѣе. Она съ ужасомъ вспомнила о томъ, что̀ называлъ мужъ счастьемъ, за что боготворилъ и именовалъ своей «королевочкой». И въ то же время «королевочка» была одинока. Никогда не пытался мужъ заглянуть ей въ душу и обнажить свою. Зачѣмъ ему душа? Ему нужно одно только тѣло. Ради него ее ласкали, баловали, возили въ театры, на фиксы, катали на тройкахъ, просили не стѣсняться счетами дорогой портнихи. Съ ней болтали и никогда не говорили. Да и некогда было говорить. Она спала, когда мужъ уходилъ на службу, и они встрѣчались только за обѣдомъ, а послѣ обѣда куда-нибудь уѣзжали.

И онъ говоритъ, что любитъ, и она вѣрила, что это любовь, и думала, что счастлива. И всѣ родные и знакомые находили, что она необыкновенно счастлива. А мать и отецъ, милые, добрые люди, простаки, умилялись, глядя, какъ хорошо устроилась дочь.

Еще бы! Мужъ до сихъ поръ влюбленъ. У него небольшое состояніе, недурное жалованье и впереди карьера. Его считаютъ способнымъ и талантливымъ чиновникомъ. Онъ не стѣсняетъ въ расходахъ жену. Чего еще больше желать?

А теперь Изгоева удивлялась, какъ это она, бывшая курсистка, когда-то мечтавшая если не о подвигѣ, то о разумной жизни, имѣвшая идеалы, видавшая хорошихъ людей,—какъ это она могла прожить четыре года въ праздной жизни и любить человѣка, который собирается принять невозможное мѣсто.

Она узнала объ этомъ на-дняхъ отъ знакомыхъ и сгорѣла отъ стыда. Это было каплей, переполнившей сосудъ.

И все-таки ей жаль мужа. Все-таки она любила его, и все-таки онъ раньше говорилъ что-то объ извѣстныхъ предѣлахъ компромисса. Все-таки онъ любитъ ее и не понимаетъ только, что между ними духовная пропасть. И она увидѣла ее только недавно. До этого она не считала мужа способнымъ на «отступничество», какъ она громко называла то, что̀ даже не было отступничествомъ, такъ какъ Изгоевъ никогда и не геройствовалъ, а приспособлялся къ жизни настолько, насколько это было выгодно. И все то хорошее въ общественномъ смыслѣ, что̀ приписывала раньше Изгоева мужу, было лишь создано ея воображеніемъ.

Миражъ разсѣялся, и «Сережа» представился во всей своей непривлекательной наготѣ безшабашнаго карьериста и супруга, видящаго въ женѣ лишь любимую одалиску.

Продолжать это недоразумѣніе нельзя. Быть женой, не любя и не уважая мужа, позорно. Надобно это покончить и, разумѣется, разводомъ.

Такъ думала Изгоева, и снова передъ ней вставалъ вопросъ: имѣетъ ли она право лишить дѣтей отца?

Она не сомнѣвалась, что онъ ихъ ей отдастъ. Но въ состояніи ли она поднять ихъ, дать имъ образованіе? И согласится ли онъ на разводъ?

Мысль, что она будетъ одна съ дѣтьми, что на нее, какъ на женщину, никто не будетъ имѣть оскорбительныхъ, такъ-называемыхъ законныхъ правъ, не разбирая, соотвѣтствуютъ ли эти «права» настроенію и не оскорбляютъ ли они своей животной стороной деликатную, тонко чувствующую натуру,— мысль эта пріятно волновала молодую женщину, и ей казалось, что больше она ужъ никого не полюбитъ и всю жизнь свою отдастъ дѣтямъ.

На первое время придется тронуть часть небольшого капитала, полученнаго въ приданое, а послѣ она устроится. Найдетъ занятія. Заработокъ вмѣстѣ съ процентами дадутъ возможность жить не нуждаясь.

«Завтра я поговорю съ нимъ... Поговорю!» — прошептала Изгоева и вслѣдъ за этимъ рѣшеніемъ она наконецъ заснула.

IV.

Хотя Изгоевъ и былъ нѣсколько оскорбленъ неделикатнымъ, по его мнѣнію, отношеніемъ жены къ его супружескимъ чувствамъ, которое заставило его демонстративно удалиться въ кабинетъ, тѣмъ не менѣе онъ не придалъ этому

серьезнаго значенія, приписавъ неотзывчивость и холодность жены ея нервности. Такія нервныя вспышки бывали въ послѣднее время, и докторъ совѣтовалъ лѣтомъ ѣхать въ деревню.

«Нервы успокоятся, и Шура перестанетъ глупить!»—такъ утѣшалъ себя на слѣдующее утро Изгоевъ, привыкшій еще съ юныхъ лѣтъ смотрѣть на женщину, подобно громадному большинству мужчинъ, какъ на милое существо, предназначенное исключительно для доставленія радостей жизни, если только, разумѣется, оно красиво, хорошо одѣто и возбуждаетъ желанія.

И Изгоевъ, въ качествѣ влюбленнаго мужа и достаточно развращеннаго человѣка, дѣлалъ все, чтобы эта «радость жизни», въ лицѣ хорошенькой и физически нравящейся ему жены, была какъ можно полнѣе и утонченно-привлекательнѣе.

Самъ не имѣвшій ни своихъ взглядовъ ни мнѣній, а исповѣдавшій тѣ, которые помогали карьерѣ, Изгоевъ нисколько не интересовался духовнымъ міромъ жены, не зная, да и не желая знать въ ней человѣка, и видѣлъ только женщину, обладаніе которой было его неотъемлемымъ, законнымъ и счастливымъ правомъ.

И зато онъ заботился о томъ, чтобы жена возможно болѣе холила свое тѣло и сохраняла красоту. Онъ самъ покупалъ ей дорогія шелковыя рубашки, обшитыя кружевами, ажурные шелковые чулки, особенные капоты и любимые имъ духи «Cherry Blossom», объясняя, что красивая картина должна быть и въ красивой благоухающей рамкѣ. Онъ заботился объ ея туалетахъ и удовольствіяхъ, вполнѣ увѣренный, что жена счастлива, имѣя такого внимательнаго и любящаго красавца-мужа.

Онъ считалъ себя примѣрнымъ мужемъ. Онъ несъ всѣ заработанныя деньги въ домъ на возможно лучшее украшеніе гнѣзда, на туалеты и на удовольствія жены. То, что онъ считалъ благами жизни, то-есть красивую обстановку, комфортъ, нестѣсненіе въ средствахъ и т. п., конечно, считала и жена. И Изгоевъ радовался, что доставляетъ все это любимой женщинѣ, и что въ недалекомъ будущемъ эти блага увеличатся.

Онъ былъ вѣрнымъ мужемъ и ни за кѣмъ не ухаживалъ, ни разу не измѣнилъ женѣ даже тогда, когда она была въ теченіе трехъ мѣсяцевъ больна и онъ въ это время почти не бывалъ дома, проводя вечера въ клубѣ за картами или уѣзжая на охоту. Одного только не понималъ онъ или не желалъ понять въ своемъ скотскомъ эгоизмѣ, что онъ развращаетъ

и унижаетъ жену такимъ отношеніемъ къ ней, такими ласками, смотря на нее только какъ на забаву и дѣлая изъ нея только цѣль своихъ чувственныхъ инстинктовъ. Но вѣдь онъ мужъ. Вѣдь онъ любитъ жену. Не искать же ему утѣшенія на сторонѣ, имѣя такую красавицу около?

Молодая женщина сперва изумлялась такой любви, а потомъ мало-по-малу привыкла къ ней, пока наконецъ не поняла и не почувствовала всѣмъ своимъ существомъ ея оскорбительности и униженія. А эта оскорбительность была еще въ то время, когда Изгоевъ поспѣшно сдѣлалъ предложеніе, мѣсяца черезъ два послѣ перваго знакомства, влюбившись въ молодую дѣвушку за ея красоту, обѣщающіе глаза и маленькую, гибкую фигурку... Къ тому же было и приданое. Онъ еще женихомъ мысленно обнажалъ тѣло дѣвушки, нисколько не интересуясь обнажить ея душу и заглянуть въ нее.

Изгоевъ ушелъ на службу въ одиннадцатомъ часу, когда Александра Николаевна еще спала.

Вернулся онъ домой въ половинѣ шестого, увѣренный, что жена встрѣтитъ его извиненіями, и прошелъ, по обыкновенію, въ ея комнату.

Вся въ черномъ, точно монашенка, сидѣла она на тахтѣ съ дѣтьми и при появленіи мужа не обнаружила ни малѣйшей радости.

— Здравствуй, Шура. Ну какъ сегодня твоя голова?—спросилъ Изгоевъ, цѣлуя руку жены.

— Ничего.

— Болитъ?

— Нѣтъ.

Онъ поцѣловалъ дѣтей и, обиженный холодной встрѣчей жены, тотчасъ же вышелъ.

Обѣдъ прошелъ въ молчаніи.

Только передъ тѣмъ, какъ встать изъ-за стола, Изгоевъ спросилъ:

— Вечеромъ ѣдемъ къ Полѣновымъ, Шура?

— Я не поѣду.

— Отчего? Мы обѣщали... Неловко...

— Поѣзжай одинъ, если хочешь, и скажи, что я нездорова,—проговорила она, вставая.

Всталъ и Изгоевъ и пришелъ въ кабинетъ, недоумѣвая, что такое съ женой.

V.

Онъ выкурилъ сигару и подошелъ къ спальной. Двери были заперты.

— Можно къ тебѣ?

— Войди.

Изгоева сидѣла за письменнымъ столомъ и писала.

— Шура,—началъ Изгоевъ:—объясни мнѣ ради Бога, за что ты на меня сердишься? За что ты неласкова со мной?

Александра Николаевна взглянула на мужа и подумала:

«Онъ ничего не понимаетъ!»

И, послѣ нѣсколькихъ секундъ колебанія, она наконецъ проговорила:

— Я все не рѣшалась говорить... Но надо сказать, какъ это ни тяжело. Выслушай меня, Сергѣй!

— Не рѣшалась? Значитъ, что-нибудь серьезное?—растерянно спросилъ Изгоевъ.

— Очень серьезное!—чуть слышно проронила жена.

Въ эту минуту Изгоевъ вдругъ почувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ, что ему предстоитъ услышать что-то страшное. Онъ почувствовалъ это и въ серьезно-грустномъ взглядѣ большихъ черныхъ глазъ, и въ страдальческомъ, словно бы чужомъ лицѣ жены, и въ ея голосѣ, и мгновенно понялъ, что эта маленькая, изящная женщина, тѣло которой онъ такъ жадно любилъ, потеряна для него навсегда.

И на его красивомъ, румяномъ лицѣ стояло выраженіе чего-то безпомощнаго, жалкаго, умоляющаго.

— Что-жъ, говори, Шура!—вымолвилъ онъ глухимъ, подавленнымъ голосомъ и присѣлъ на маленькое кресло около письменнаго стола.

Прошла еще секунда-другая молчанія.

— Говори же, Шура... Не бойся... Я все выслушаю...

— Намъ надо разойтись, Сергѣй.... Это необходимо...

Изгоевъ поблѣднѣлъ. Его первою мыслью было, что жена ему измѣнила.

И онъ спросилъ:

— Ты любишь другого?

На губахъ молодой женщины промелькнула горькая усмѣшка.

— Нѣтъ. Я никого не люблю... Письмо это я къ тебѣ писала! — сказала она, замѣтивъ неподвижный взглядъ мужа, устремленный на письменный столъ.

Ревнивый ужасъ, охватившій Изгоева, прошелъ послѣ этихъ словъ.

— Такъ что же это значитъ?.. Отчего ты хочешь разстаться? Развѣ я тебя не люблю, Шура? Развѣ я не заботусь, чтобы тебѣ было хорошо?.. Развѣ я не для тебя живу?— говорилъ Изгоевъ, сознавая въ то же время неубѣдительность своихъ словъ.

— Да, ты любишь меня, но какъ!?—подчеркнула молодая женщина, и густая краска залила ея щеки, лобъ и шею.

— А какъ? Развѣ не сильно?

— О, Господи! Да неужели ты не понимаешь оскорбительности такой любви? Ты баловалъ, холилъ во мнѣ свою любовницу. Ты заботился о моемъ тѣлѣ и не разу не вспомнилъ, что у меня есть и душа... А я, признаться, все ждала, что ты вспомнишь... Ты смотрѣлъ на меня, какъ смотрятъ на содержанокъ. Я была только повѣнчанная содержанка... Развѣ это не такъ? Развѣ ты искалъ во мнѣ друга, товарища? Посвящалъ въ свои мысли, въ дѣла? Вотъ и теперь... Ты берешь такое мѣсто, что я сгорѣла со стыда, когда узнала объ этомъ... И узнала не отъ тебя, а отъ постороннихъ... Вѣдь это правда, что ты берешь это мѣсто?

— Да, беру и не вижу въ этомъ ничего дурного... И не понимаю, отчего ты сгорѣла отъ стыда!

— Не понимаешь? Вотъ это-то и ужасно. Я не считала тебя такимъ неразборчивымъ карьеристомъ, и мнѣ тяжело разочароваться въ человѣкѣ, котораго любила. Ты прости, что я говорю тебѣ все это... Но вѣдь ты самъ хотѣлъ знать, почему я не могу быть твоей женой.

— Ты говоришь: «любила»?

— Да.

— А теперь?

— Во мнѣ нѣтъ любви. Она поругана. И—знай лучше всю правду—нѣтъ и...

Изгоева остановилась, пріискивая слово.

— И... уваженія?—подсказалъ мужъ.

Жена молчала.

Въ Изгоевѣ главнымъ образомъ было задѣто самолюбіе мужчины. Его почти не оскорбили слова жены объ его неразборчивости, но признаніе въ томъ, что она его не любитъ, казалось ему величайшимъ и незаслуженнымъ оскорбленіемъ и въ то же время безсердечіемъ и неблагодарностью.

Злоба душила его, но онъ старался побороть ее и вести себя корректно, какъ и подобаетъ порядочному человѣку. Не слѣдуетъ на оскорбленія отвѣчать оскорбленіями. Предъ нимъ вѣдь женщина! А онъ вѣдь считалъ себя джентльменомъ и рыцаремъ женскимъ.

И, стараясь скрыть смѣшанное чувство обиды, тоски, озлобленія и страсти, онъ проговорилъ слегка дрожавшимъ голосомъ:

— Благодарю за откровенность... По крайней мѣрѣ нѣтъ сомнѣній, и вчерашняя головная боль понятна... Я не скажу, чтобы мнѣ былъ пріятенъ этотъ сюрпризъ, но... но насильно милъ не будешь... Разъ ты не любишь мужа и не уважаешь его, то, конечно, совмѣстная жизнь была бы тяжела для обоихъ...

— Я думаю.

— И ты хочешь развода?

— Да... Ты будешь свободенъ и...

— И что̀?

— Можешь опять жениться...

— А ты выйти замужъ...

И при мысли, что жена его будетъ въ объятіяхъ другого, Изгоевъ сдѣлалъ усиліе надъ собой, чтобъ не крикнуть отъ охватившаго его ревниваго чувства.

— Я не собираюсь замужъ...

— Все равно. На разводъ я согласенъ... И чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!..

И, помолчавъ, прибавилъ:

— Ну, разумѣется, я вину возьму на себя и найду лжесвидѣтелей...

— А дѣти?—робко и умоляюще спросила Изгоева.

— Дѣти?—переспросилъ Изгоевъ.

— Ты позволишь, чтобы они были при мнѣ...

— И научились бы отъ тебя не уважать отца?

— О, что̀ ты, что̀ ты? Развѣ я возстановлю ихъ противъ отца... И они могли бы приходить къ тебѣ... Ты могъ бы навѣщать ихъ...

Изгоевъ никогда не проявлялъ горячихъ родительскихъ чувствъ. Но теперь ему казалось, что отсутствіе дѣтей будетъ для него тяжело.

И онъ съ видомъ человѣка, приносящаго жертву, произнесъ:

— Я, конечно, не отниму дѣтей отъ матери!

— О благодарю, благодарю тебя... Ты добръ,—порывисто воскликнула Изгоева.

«Онъ добръ!» — мысленно повторилъ Изгоевъ.—Добръ, а между тѣмъ въ эту минуту онъ готовъ былъ причинить зло этой самой женщинѣ, которая его считаетъ добрымъ.

Но желаніе показать свое великодушіе и настоящее джентльменство передъ женой пересилило недобрыя чувства, и онъ сказалъ:

— Само собою разумѣется, я буду выдавать и на ихъ содержаніе и на твое.

— Мнѣ не нужно,—запротестовала жена.

— Какъ тебѣ угодно... Обо всемъ я переговорю съ твоимъ адвокатомъ, который возьмется вести нашъ разводъ. А завтра я переѣду отсюда... Квартира и все, что въ ней находится, въ твоемъ распоряженіи... я только увезу мебель изъ кабинета.

— О, нѣтъ, не надо. Я здѣсь не останусь. Я переѣду въ квартиру поменьше.

— Какъ знаешь... Но мебель и все, что здѣсь, твое.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты.

Изгоева ожидала драмы. Она никакъ не думала, что мужъ перенесетъ этотъ ударъ такъ спокойно. Она ждала моленій, слезъ и упрековъ. И отсутствіе всего этого хоть и обрадовало молодую женщину, но въ то же время нѣсколько задѣло ея женское самолюбіе.

Но теперь по крайней мѣрѣ она свободна и не можетъ считать себя виноватой, что разбила чужую жизнь. Онъ скоро успокоится.

Изгоева взглянула на часы и пошла въ дѣтскую укладывать спать. Когда дѣти заснули, она поѣхала на Васильевскій островъ сообщить своимъ родителямъ о разводѣ съ мужемъ.

VI.

Почти всю дорогу Изгоева думала о томъ, какъ отнесутся близкіе люди къ принятому ею рѣшенію.

Они, конечно, будутъ изумлены и огорчены. Но оправдаютъ ли они ее? Поймутъ ли?

Отецъ, по обыкновенію, вспылитъ, но навѣрное отойдетъ и примирится съ фактомъ, если она скажетъ ему, какъ она несчастлива. Онъ, добрый и любящій, не захочетъ несчастья дочери.

Мать, какъ женщина, должна войти въ ея положеніе и понять, что жить съ мужемъ, котораго не любишь и не уважаешь, невозможно. Надо разойтись. Она должна оправдать ея рѣшеніе. Недаромъ же она такъ часто говоритъ о подчиненномъ положеніи женщинъ и стоитъ за облегченіе развода.

Такъ подбадривала себя молодая женщина, думавшая, что ея положеніе должно казаться близкимъ такимъ же ужаснымъ, какимъ казалось и ей. И ей необходима была эта нравственная поддержка. Кто же, какъ не мать, согрѣетъ сочувствіемъ свою дочь въ трудныя минуты жизни.

Это казалось вполнѣ естественнымъ Изгоевой, избалованной въ родительскомъ домѣ любовью и лаской.

И однако, по мѣрѣ приближенія къ дому, эти разсужденія теряли свою убѣдительность и уже не успокаивали Изгоеву. Сомнѣнія смѣнили увѣренность.

Произошло это отъ того, что любовь родителей, какъ это часто бываетъ, не связывала ихъ съ дочерью взаимнымъ пониманіемъ. И раньше, когда Изгоева была дѣвушкой, и потомъ, когда вышла замужъ, она не открывала предъ ними своихъ завѣтныхъ думъ и мечтаній. Ни отецъ ни мать, безумно любившіе свою единственную дочь, никогда и не пробовали заглянуть въ ея душу и не знали своей дочери. Они ласкали, баловали ее, но внутреннимъ ея міромъ какъ будто не интересовались. И какъ это было обидно и больно молодой дѣвушкѣ! Какъ застѣнчиво и горделиво таила она свои думы, считая себя непонятой и въ свою очередь не понимая, что это обычное невниманіе даже самыхъ любящихъ родителей происходитъ отъ самоувѣренности, что они отлично знаютъ своихъ дѣтей и читаютъ въ ихъ сердцахъ.

Изгоева вспомнила объ этомъ отсутствіи духовной близости съ матерью и съ болью подумала, что и отецъ и мать въ сущности такъ же мало интересовались ея духовнымъ міромъ, какъ и мужъ.

И у нея становилось смутнѣй на душѣ. Чувство сиротливости и одиночества невольно охватывало все ея существо, и ей было жутко. Она считала себя словно бы въ чемъ-то виноватой за то, что огорчитъ близкихъ, такъ какъ ради ихъ спокойствія не принесетъ себя въ жертву, оставшись жить съ человѣкомъ, который такъ разочаровалъ ее и своей унизительной любовью и своей неразборчивостью въ средствахъ.

А вѣдь отецъ и мать такъ довольны, что она живетъ въ довольствѣ и въ холѣ. Они, какъ и всѣ родные, считаютъ ее счастливѣйшей изъ женъ, а мужа—рѣдкимъ мужемъ, заботящимся о семьѣ. Въ ихъ глазахъ онъ превосходный человѣкъ и кромѣ того—будущій видный чиновникъ.

И такого-то человѣка она оставляетъ.

VII.

— Здравствуйте, Егоръ. Наши дома?—спросила Изгоева, входя съ мороза въ теплую швейцарскую большого дома въ одной изъ дальнихъ линій Васильевскаго острова.

Старикъ-швейцаръ, только-что поклевывавшій носомъ на высокомъ дубовомъ креслѣ, съ особенной привѣтливой почтительностью поклонился Александрѣ Николаевнѣ и, принимая

свою обычную военную выправку бывшаго унтеръ-офицера, доложилъ:

— И генералъ и генеральша дома, Александра Николаевна. И, слава Богу, находятся въ вожделѣнномъ здравіи.

Съ такою же искренней привѣтливостью, говорящей о расположеніи прислуги, встрѣтилъ Александру Николаевну и пожилой, давно жившій въ домѣ лакей Максимъ, отворившій двери и снявшій шубу.

Всегда почти серьезный и даже нѣсколько мрачный, онъ старался улыбнуться, когда проговорилъ:

— Давненько не изволили быть у насъ, Александра Николаевна. Ваши дѣтки, осмѣливаюсь васъ спросить, здоровы?

— Здоровы. Благодарю васъ, Максимъ!—отвѣчала Изгоева, снимая мѣховую шапочку и оправляясь передъ зеркаломъ.

Она вошла въ большую, роскошно убранную гостиную, слабо освѣщенную одной лампой подъ абажуромъ.

Налѣво были двѣ комнаты отца, военнаго генерала Николая Васильевича Льговскаго. Обыкновенно Изгоева сперва заходила къ отцу и, поздоровавшись съ нимъ, уже шла къ матери. Но сегодня она повернула направо, въ столовую, и, подойдя къ запертой двери кабинета и будуара Надежды Петровны, спросила:

— Можно къ тебѣ, мамочка?

— Конечно, можно!—отвѣчалъ мягкій, слегка пѣвучій голосъ.

И когда Изгоева, отворивши двери, показалась изъ-за портьеры, навстрѣчу уже шла легкой, слегка торопливой походкой высокая, худощавая брюнетка въ черномъ элегантномъ платьѣ, стройная, съ тонкой таліей, несмотря на свои сорокъ пять лѣтъ, моложавая и сохранившая еще слѣды былой красоты на своемъ смугло-матовомъ, какъ у дочери, лицѣ съ большими черными, молодыми еще глазами. Отъ нея шло благоуханіе какихъ-то рѣдкихъ духовъ.

— Вотъ это мило, что ты заѣхала, Шурочка! Вотъ это очень мило!—повторила съ особеннымъ возбужденіемъ Надежда Петровна и нѣсколько разъ горячо поцѣловала дочь.—Твои всѣ здоровы?..

— Здоровы...

— А мы вотъ съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ въ пикетъ играемъ. Папа сегодня занятъ какимъ-то докладомъ, и мы не хотѣли мѣшать ему въ гостиной и удалились сюда... А ты дѣтей уже уложила? Что̀ Володинъ зубъ?.. А что̀ же Сережа не пріѣхалъ съ тобой?.. Какъ онъ отпустилъ одну свою королевочку?

— Онъ остался дома... Володинъ зубъ прошелъ...

Плотный, невысокаго роста и очень скромнаго вида полковникъ, лѣтъ около сорока, съ крупными и некрасивыми чертами мясистаго, румянаго лица, окаймленными рыжеватой окладистой бородой, и съ большими, нѣсколько выкаченными, влажными голубыми глазами, приблизился въ эту минуту къ Изгоевой и, щелкнувъ шпорами и низко склонивъ голову съ рѣдкими бѣлокурыми волосами, съ аффектированной почтительностью поцѣловалъ руку Изгоевой и произнесъ нѣжнымъ, вкрадчивымъ теноркомъ:

— Ваша мама совсѣмъ обыграла меня, Александра Николаевна... Я и не догадывался, что Надежда Петровна такъ хорошо играетъ... Первый разъ имѣю удовольствіе играть и...

И полковникъ развелъ свои большія бѣлыя руки съ толстыми пальцами, на одномъ изъ которыхъ было нѣсколько колецъ.

— Папу вы, кажется, всегда побѣждаете?

— Не всегда, но часто... Сегодня Николай Васильевичъ противъ обыкновенія не хотѣлъ играть и приказалъ мнѣ дождаться, пока онъ окончитъ докладъ, чтобы удостоить меня чести прослушать его.

Изгоевой почему-то показались нѣсколько странными эти объясненія. Не нравился ей этотъ полковникъ Гордѣевъ, котораго она еще съ юныхъ лѣтъ привыкла видѣть въ родительскомъ домѣ. Она помнила его, когда онъ былъ адъютантомъ отца и пользовался особеннымъ его расположеніемъ. Отецъ считалъ Гордѣева вѣрнымъ, преданнымъ человѣкомъ, часто звалъ его обѣдать и часто заставлялъ его слушать свои статьи по военнымъ вопросамъ.

Молодой дѣвушкѣ казалось, что Гордѣевъ неискрененъ, льстивъ и вкрадчивъ, и она втайнѣ удивлялась, какъ отецъ этого не замѣчаетъ, довѣрчиво слушая восторженныя похвалы своимъ статьямъ.

Когда генерала назначили, противъ его желанія, въ совѣтъ и прежняя блестящая военная карьера его была прервана, Гордѣевъ попрежнему продолжалъ бывать въ домѣ, попрежнему слушалъ статьи и разныя записки обиженнаго генерала, восхищаясь ими, и попрежнему игралъ съ нимъ въ пикетъ. И Льговскій, тронутый такой безкорыстной преданностью, казалось, еще болѣе привязался къ полковнику и нерѣдко говорилъ женѣ и дочери, что Алексѣй Алексѣевичъ одинъ изъ рѣдкихъ благодарныхъ людей, не забывающихъ добра и оказывающихъ вниманіе даже и тогда, когда генералъ ужъ ничего для него не можетъ сдѣлать.

Мать, казалось Изгоевой, относилась всегда къ Гордѣеву

небрежно, холодно и нѣсколько свысока, хотя и пользовалась его услугами, которыя полковникъ охотно дѣлалъ, исполняя разныя маленькія ея порученія. Онъ доставалъ ложи въ театръ, сопровождалъ ее иногда въ концерты и на выставки и, словно бы не замѣчая небрежнаго къ себѣ отношенія, оставался неизмѣнно почтительнымъ и уходливымъ.

Хотя Надежда Петровна и находила, что Алексѣй Алексѣевичъ очень преданъ мужу, но нерѣдко говорила дочери, что Гордѣевъ неинтересенъ, неразвитъ и «въ долгихъ дозахъ скученъ».

Впрочемъ, полковникъ и не надоѣдалъ Надеждѣ Петровнѣ своимъ обществомъ. Онъ бывалъ раза два въ недѣлю, являясь прямо къ обѣду; за обѣдомъ разсказывалъ генералу новости изъ военнаго міра и, когда генералъ на полчаса уходилъ спать, сидѣлъ съ Надеждой Петровной въ гостиной, пока не появлялся Льговскій, чтобы позвать Алексѣя Алексѣевича сыграть обычныхъ шесть королей въ пикетъ или прослушать какую-нибудь его новую будирующую записку. Въ десять часовъ полковникъ обыкновенно уѣзжалъ, такъ какъ генералъ ложился спать рано, а Надежда Петровна, повидимому, не особенно интересовалась его обществомъ и не удерживала полковника, когда онъ, прощаясь, почтительно цѣловалъ ея красивую руку, украшенную кольцами.

VIII.

— Ну, садись, Шурочка, сюда на диванъ. Въ оперѣ вчера была? Лекцію Чаянова слушала?..

— Нигдѣ я не была, мама. Да ты продолжай играть... Я не хочу мѣшать.

— Что ты?.. Мы уже довольно играли... Алексѣй Алексѣевичъ! Будьте добры, сложите столъ и уберите карты!

Полковникъ сложилъ столикъ и потушилъ свѣчи.

Мать и дочь усѣлись на маленькій диванъ. Въ изящномъ кабинетѣ, устланномъ мягкимъ ковромъ и обитомъ темно-красной тканью, воцарился полусвѣтъ. Въ каминѣ тлѣли уголья. Было тепло и пахло духами.

— Такъ отчего же ты, Шура, сидѣла дома?

— Никуда не тянуло...

— Ужъ не беременна ли ты, Шура?—на ухо прошептала мать.

Изгоева отрицательно покачала головой.

— Ну и слава Богу... Довольно двоихъ!.. А вы что же, Алексѣй Алексѣевичъ, не присаживаетесь къ намъ?.. Или васъ тянетъ къ Николаю Васильевичу?.. Такъ не стѣсняйтесь... идите!—обратилась генеральша къ полковнику.

— Его превосходительство, вѣрно, окончилъ работу, и я пойду къ нему. Только прежде позвольте вручить вамъ, Надежда Петровна, свой проигрышъ...

И съ этими словами полковникъ подалъ генеральшѣ два новенькихъ рубля.

— Такъ много?—удивленно спросила генеральша.

— Увы!—съ видомъ огорченія произнесъ полковникъ и, поклонившись, ушелъ.

— Ужасно любитъ папу Алексѣй Алексѣевичъ!.. Но все-таки съ нимъ лучше въ пикетъ играть, чѣмъ разговаривать!—проговорила, усмѣхнувшись, Надежда Петровна.—А ты, Шура, кажется, его не любишь?

— Не нравится онъ мнѣ, мама...

— Почему?—съ живостью спросила мать.

— Сладкій онъ очень...

— Это у него такая манера, а въ сущности онъ добрый и искренній человѣкъ, и папа его недаромъ цѣнитъ... Ты мало знаешь Алексѣя Алексѣевича, Шура.

— Можетъ-быть... Богъ съ нимъ... А я къ тебѣ пріѣхала, мама, съ очень важнымъ дѣломъ...

— Какимъ, моя родная дѣточка?.. Говори...

— Я знаю, что я огорчу и тебя и папу, но... я не могу больше...

— Что̀ случилось?—съ тревогой въ голосѣ спросила мать, заглядывая въ глаза Изгоевой.

И, обнявъ дочь, Надежда Петровна прижала ее къ своему надушенному лифу.

— Я рѣшила развестись съ мужемъ!—тихо проронила Изгоева.

Надежда Петровна, казалось, не вѣрила своимъ ушамъ. Пораженная, она смотрѣла на дочь широко раскрытыми глазами, точно на помѣшанную, и ея рука, прижимавшая дочь къ груди, невольно опустилась, и сама Надежда Петровна отодвинулась.

— Повтори... что̀ ты сказала... Мнѣ кажется, я ослышалась, Шура?

— Я развожусь съ мужемъ!—громко и твердо на этотъ разъ повторила Изгоева.

— Да ты съ ума сошла, Шура!

— Нѣтъ, мама. Я думаю, напротивъ, что я поумнѣла!—отвѣтила дочь, глубоко оскорбленная тономъ матери.

— Но вѣдь тебя Сергѣй Николаевичъ боготворитъ. Онъ такой чудный мужъ и отецъ. Вы были такъ счастливы. Или онъ тебѣ измѣнилъ, и ты приняла это близко къ сердцу? Но,

глупенькая, мужья часто измѣняютъ, и на это не слѣдуетъ обращать вниманія. Да если и была измѣна, то мимолетная. Сергѣй Николаичъ вѣдь до сихъ поръ влюбленъ въ тебя... въ тебя одну... Это всѣ видятъ...

— Я ничего не слыхала объ его измѣнѣ, мамочка...

— Такъ что же это значитъ? Слѣдовательно ты кѣмъ-нибудь увлеклась?.. Ты кого-нибудь полюбила? Но, милая, развѣ изъ-за этого можно бросать мужа, разрушать семью?.. Твое увлеченіе пройдетъ, и вы снова будете счастливы... Борись съ увлеченіемъ, не давай ему охватить себя, но если ты не можешь, то ужъ лучше...

Мать остановилась.

— Что лучше?—строго спросила дочь.

— Я говорю, лучше скрыть его отъ мужа ради дѣтей, ради его самого... Тяжело это, но все же лучше, чѣмъ разбить жизнь человѣка, который тебя любитъ, и оставить дѣтей или безъ матери или безъ отца!

— О, мама, что ты говоришь!—воскликнула Изгоева.—Вѣдь ты не могла бы такъ поступить?

Въ полусвѣтѣ комнаты дочь, по счастью, не видѣла, какъ краска залила щеки матери. Но видала она и трепета, внезапно пробѣжавшаго по ея тѣлу. Она только услышала мягкій и пѣвучій, слегка дрогнувшій голосъ матери:

— Дитя мое! Не всѣ такъ счастливы, что могутъ смотрѣть прямо въ глаза своимъ мужьямъ. И если мнѣ не приходилось обманывать твоего отца, то изъ этого еще ничего не слѣдуетъ...

Изгоева порывисто поцѣловала руку матери и возбужденно сказала:

— Изъ этого слѣдуетъ, мама, что и твоя дочь никогда не обманетъ мужа. Но успокойся, мамочка. Я никѣмъ не увлеклась... Я никого не люблю...

— Тогда я тебя рѣшительно не понимаю, Шура!

— Выслушай, и ты поймешь меня, мама!—съ мольбой въ голосѣ произнесла Изгоева, чувствуя въ то же время, что мать, которую она такъ любитъ, не захочетъ или не сумѣетъ ее понять.

— Говори... говори... все говори...

И Изгоева съ негодующей откровенностью оскорбленной женщины, говорящей съ женщиной, разсказала объ оскорбительности любви мужа, которую она поняла только недавно. Она говорила о порочности этой любви, вызвавшей въ концѣ концовъ отвращеніе и къ себѣ и къ мужу. Она посвящала мать ко всѣ подробности своей брачной жизни, въ которой

тѣло ея было культомъ, а сама она только любовницей и ничѣмъ болѣе... И всѣ эти наряды, всѣ эти роскошные капоты, рубашки и чулки, которые мужъ дарилъ...

— О, ты, мама, видишь, сколько тутъ униженія человѣческаго достоинства. Ты понимаешь, мама?—съ какою-то страстностью допрашивала Изгоева, нетерпѣливо ожидая отвѣта.

Но Надежда Петровна, скорбѣвшая о подчиненномъ положеніи женщины и проповѣдывавшая полноправность, не только не видѣла униженія человѣческаго достоинства въ отношеніяхъ зятя къ дочери, а, напротивъ, находила въ нихъ лучшее доказательство брачнаго счастія и любви мужа. И всѣ эти жалобы дочери казались ей и наивными и преувеличенными.

— Милая моя,—сказала она серьезно-ласковымъ тономъ:—это ужъ участь всѣхъ женъ, любимыхъ мужьями... И никакого поруганія человѣческаго достоинства тутъ нѣтъ. Мужъ влюбленъ въ тебя—вотъ и все. И онъ въ правѣ требовать отъ жены исполненія его желаній. Зачѣмъ же люди женятся?.. Слушай, Шура... Ты подумай, изъ-за чего ты хочешь бросить мужа? Ты пойми, какъ ты огорчишь и меня и папу. Брось свою блажь. Уѣзжай на время за границу. А я поговорю съ Сергѣемъ Николаевичемъ, чтобы онъ не очень надоѣдалъ тебѣ своей влюбленностью.

Изгоева поникла головой. То, что̀ говорила ей мать, казалось ей ужаснымъ. И мать становилась ей чужой.

— Нѣтъ, мама, не говори. Ужъ я говорила съ мужемъ. Онъ согласенъ на разводъ.

— Шура... Шура!—могла произнести только трагическимъ тономъ Надежда Петровна и скорбно покачала головой.

Въ эту минуту постучали въ двери.

— Послѣ поговоримъ еще, Шура! Это невозможно... Скандалъ!.. Разводка!.. Каково это будетъ отцу!—быстрымъ шопотомъ произнесла Льговская и затѣмъ крикнула:—Войдите!

Въ комнату вошелъ генералъ.

IX.

— Вы тутъ секретничаете и забыли, что пора напоить насъ чаемъ!—произнесъ шутливымъ тономъ низенькій, сухощавый старикъ въ очкахъ, съ сѣдыми, коротко остриженными волосами и сѣдой бородой.—А ты, Шурка, миновала сегодня мой кабинетъ. Это что̀ значитъ?

— Я не хотѣла тебѣ мѣшать, папа!—проговорила Изгоева, бросаясь навстрѣчу отцу, который молодцоватой и бодрой походкой направился къ дамамъ.

Онъ горячо обнялъ и поцѣловалъ дочь и, заглядывая ей въ глаза своими маленькими и ласковыми глазами, блестѣвшими изъ-подъ очковъ, спросилъ съ тревогой въ голосѣ:

— А отчего мы грустны, Шурочка? Отчего у насъ заплаканы глаза? Что-нибудь случилось непріятное, дѣточка?

— Ничего непріятнаго, папа... Тебѣ показалось.

— Показалось?.. Тѣмъ лучше... Здорова?

— Здорова, папа.

— А дѣти?

— Здоровы.

— А Сергѣй Николаичъ?

— Здоровъ.

— Ну, значитъ, все хорошо!—успокоенно и весело замѣтилъ генералъ и, обратившись къ женѣ, прибавилъ:—Генеральша! мы съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ чаю хотимъ!

— Еще нѣтъ десяти... Но если ты хочешь...

И Надежда Петровна подавила пуговку и, когда вошелъ слуга Максимъ, велѣла подавать самоваръ.

— А мы одну страничку еще прочтемъ и явимся въ столовую!—проговорилъ генералъ, уходя изъ комнаты жены.

— Умойся, Шурочка... А то папа... замѣтитъ, что ты плакала... И меня ты такъ разстроила своей новостью... И не думай объ этомъ скандалѣ... Успокой и насъ и мужа...—говорила Надежда Петровна, пока Изгоева мылась въ спальной матери—роскошно убранной комнатѣ, пропитанной запахомъ духовъ.

Онѣ вышли въ столовую. Вслѣдъ за ними пришли генералъ и полковникъ.

— Такъ вы, Алексѣй Алексѣичъ, находите мысли мои вѣрными?

— Совершенно вѣрными, ваше превосходительство.

Добродушное, морщинистое и высохшее лицо генерала просвѣтлѣло, и маленькіе глаза оживились.

— Ты о чемъ это докладъ писалъ, Николай Васильичъ?—спросила Надежда Петровна такимъ тономъ, будто докладъ этотъ необыкновенно интересовалъ ее.

И льстивый отвѣтъ полковника и этотъ притворный тонъ матери обратили на себя вниманіе Изгоевой. Она подумала: «зачѣмъ мама лжетъ?» и вмѣстѣ съ тѣмъ вспомнила, какую теорію лжи она только-что проповѣдывала въ брачныхъ отношеніяхъ.

Она взглядывала на мать и отца, и ей только теперь бросилась въ глаза разница между ними. Отецъ казался совсѣмъ старикомъ, а мать въ своемъ элегантномъ платьѣ, благоухаю-

щая и заботившаяся о своей наружности, была еще моложавой и интересной женщиной.

И этотъ толстый полковникъ съ мясистыми щеками ей вдругъ показался еще противнѣе. И ей почему-то стало безконечно жалко отца.

— Не докладъ, Надя, а докладную записку!—отвѣчалъ генералъ, видимо обрадованный, что жена интересуется его записками.—А содержаніе этой записки—непригодность нашей военной системы и недостаточность развитія боевого духа въ солдатахъ... Пусть прочтутъ!—прибавилъ генералъ, подмигивая глазомъ полковнику.

— Не особенно будетъ пріятно!—замѣтилъ полковникъ съ сочувственнымъ смѣхомъ.

Надежда Петровна хорошо знала, что фрондерство мужа не могло имѣть для него никакихъ непріятныхъ послѣдствій, и что записки, подаваемыя генераломъ, не мѣшали полученію десяти тысячъ, привозимыхъ двадцатаго числа курьеромъ изъ совѣта.

Вотъ почему и она сочувственно взглянула на мужа и замѣтила:

— Въ концѣ концовъ правда свое возьметъ... Они поймутъ, что ты правъ...

— Поймутъ или не поймутъ, а во всякомъ случаѣ прочтутъ... А что я правъ—докажетъ первая же война... Тогда и они поймутъ, хотя, къ сожалѣнію, и поздно...

— Я полагаю, ваше превосходительство, что эта записка обратитъ на себя вниманіе! Слишкомъ ужъ убѣдительны ваши положенія!..—порывисто воскликнулъ полковникъ.

— Дай Богъ, дай Богъ... Мнѣ лично что?.. Я, слава Богу, доволенъ своимъ положеніемъ... Служилъ долго въ строю... Имѣю право и отдохнуть... Главное — принципъ правды... Правду надо любить. Не такъ ли, Шурочка?

— Разумѣется, папа. Во всемъ должна быть правда!—порывисто произнесла Изгоева.

— Только если она не вредитъ близкимъ людямъ, Шурочка!—значительно промолвила мать.

— Ну, Надя, правда всегда кому-нибудь доставляетъ неудовольствіе... И моя записка доставитъ его многимъ, я въ этомъ не сомнѣваюсь...

Полковникъ насторожился, не понимая, въ чемъ тутъ дѣло, но догадываясь, что между матерью и дочерью произошло какое-то непріятное объясненіе.

И онъ, по принципу сторонившійся всякихъ непріятностей, хотя бы и чужихъ, торопливо докончилъ второй свой стаканъ и сталъ прощаться.

— Куда такъ рано, Алексѣй Алексѣичъ?..—остановилъ его генералъ.

— Скоро одиннадцать часовъ. Мнѣ надо еще заѣхать въ клубъ. Обѣщалъ партнерамъ. Да и вамъ пора, ваше превосходительство, на боковую. Честь имѣю кланяться!

— Такъ положенія убѣдительны, Алексѣй Алексѣичъ? — спросилъ, весело усмѣхаясь, генералъ.

— Вполнѣ, ваше превосходительство.

Прощаясь съ Надеждой Петровной, полковникъ спросилъ:

— На «Аиду» прикажете достать ложу?..

— Ты, Николай Васильичъ, хочешь?..

— Все равно, хочу я или не хочу, а ложу берите. Надя любитъ «Аиду», и Шурочка съ мужемъ поѣдетъ!—проговорилъ генералъ.

— Тогда будьте такъ добры, Алексѣй Алексѣичъ, возьмите ложу.

— Я, мама, не поѣду...

— Отчего не поѣдешь? Поѣзжай, Шурочка!—сказалъ генералъ.

— Въ бенуарѣ?—спросилъ полковникъ.

— Да.

— Такъ я буду имѣть честь доставить ложу послѣ завтрака, въ два часа! — подчеркнувъ слова: «два часа», проговорилъ полковникъ.

— Пожалуйста!—небрежно промолвила Надежда Петровна и опустила свои рѣсницы, словно бы дѣлая утвердительный знакъ.

Полковникъ затѣмъ почтительно поклонился Изгоевой, слегка пожалъ неохотно протянутую ему руку и, звякнувъ шпорами при новомъ, общемъ поклонѣ, вышелъ изъ столовой.

— Ну, и я спать пошелъ, милыя!

И съ этими словами генералъ поднялся и направился къ женѣ.

Онъ сперва поцѣловалъ ея руку, потомъ губы и перекрестилъ ея лобъ. То же самое продѣлала и Надежда Петровна.

Затѣмъ генералъ обнялъ дочь и просилъ расцѣловать внуковъ и мужа.

— Послѣ завтрака изъ совѣта я заѣду взглянуть на всѣхъ васъ...

— Пріѣзжай, папа... Непремѣнно пріѣзжай!—взволнованно отвѣтила Изгоева, рѣшившая сама съ нимъ переговорить о принятомъ ею рѣшеніи.

— А Шурочку отправь домой на нашей лошади, Надя...— сказалъ генералъ, уходя.

— Ну, разумѣется!—отвѣтила мать.

X.

— И мнѣ пора домой, мама. Пожалуйста, вели запрячь лошадь! — проговорила Изгоева, желая избѣжать дальнѣйшихъ объясненій съ матерью.

Надежда Петровна отдала приказаніе Максиму и увела дочь въ свою спальную.

Притворивъ крѣпко обѣ двери, генеральша сѣла на низенькое кресло и, указывая на другое, сказала:

— Шура! Если ты не хочешь пожалѣть меня и отца—то пожалѣй хоть своихъ дѣтей... Вѣдь мужъ не отдастъ ихъ тебѣ.

— Онъ отдаетъ ихъ.

— Отдаетъ? О, какой рыцарь Сергѣй Николаичъ. И ты хочешь бросить такого человѣка. Шура... Нѣтъ, это просто безжалостно съ твоей стороны. Не дѣлай этого... Послушай, что̀ тебѣ говоритъ мать, желающая тебѣ добра... И наконецъ подумай, какую ты берешь на себя отвѣтственность за дѣтей...

— Я думала. И, надѣюсь, сумѣю воспитать ихъ.

— Глупенькая! На что же ты будешь жить? Намъ, къ сожалѣнію, некуда помѣстить тебя здѣсь съ двумя дѣтьми и бонной. Положимъ, отецъ, конечно, не откажетъ тебѣ въ помощи, но много давать онъ не можетъ... У него долги...

— Я, мамочка, и не разсчитываю быть у васъ на шеѣ!— отвѣтила глубоко уязвленная дочь.

— О, дѣточка, ты думаешь, что...

И мать заплакала, не смѣя объяснить дочери, что она не зоветъ жить къ себѣ дочь изъ страха, чтобы дочь не узнала о томъ, что̀ она такъ тщательно скрываетъ—объ ея связи съ полковникомъ.

— Такъ ка̀къ же ты думаешь жить?

— У меня есть приданое, отецъ будетъ давать на дѣтей, и наконецъ я пріищу себѣ какія-нибудь занятія...

— Шура! Одумайся... Что̀ ты дѣлаешь?.. Какія ты найдешь занятія?.. И какъ на тебя будутъ смотрѣть? Что̀ будутъ говорить?.. Нѣтъ... Не причиняй горя папѣ и мнѣ... По крайней мѣрѣ пережди, подумай, не торопись...

— Мама... Не убѣждай меня... Не говори праздныхъ словъ.

— И ты это говоришь матери?.. О, Шура... Не ждала я этого отъ тебя!

— Да пойми же наконецъ, что не могу я жить съ мужемъ!.. Не могу... Такъ не терзай хоть ты меня своими уговорами!—съ мольбой воскликнула Изгоева.

— Ты должна жить. Должна. Изъ-за чего ты расходишься?.. Чего тебѣ нужно?

— Нужно мнѣ покойной совѣсти... вотъ чего мнѣ нужно... Я ѣхала сюда, думала найти поддержку, а вмѣсто этого...

Молодая женщина съ трудомъ удерживала слезы.

Черезъ четверть часа Изгоева ѣхала домой подавленная, оскорбленная, чувствующая себя одинокой и сиротливой.

И эта проповѣдь матери объ обманѣ... Этотъ полковникъ... Эта ложь съ отцомъ...

Но какъ бы ни относилась мать къ ея рѣшенію, она не отступитъ. Такъ жить нельзя!

На слѣдующій день Изгоева пріискала квартиру въ три комнаты во дворѣ за сорокъ рублей и дала задатокъ, обѣщая переѣхать черезъ два дня.

Изгоевъ не ночевалъ дома и не показывался. Къ вечеру пріѣхала мать и послѣ новыхъ уговоровъ уѣхала раздраженная, назвавъ дочь холодной эгоисткой, думающей только о себѣ, а мужа Шуры дуракомъ за то, что онъ даетъ разводъ.

На другой день пріѣхалъ изъ совѣта генералъ въ полной парадной формѣ и, увидавъ дочь занятою укладкой вещей, изумленно спросилъ послѣ того, какъ обнялъ Изгоеву:

— Это что̀ значитъ, Шура... Куда ты собираешься?..

— Ты развѣ ничего не знаешь?.. Тебѣ мама ничего не говорила?

— Ничего. А что̀ же случилось?

— Что̀ случилось... Выслушай меня, папочка, и не сердись на свою дочку.

И она разсказала отцу, что она не любитъ мужа, не уважаетъ его и поэтому считаетъ невозможнымъ жить съ нимъ. При этомъ Изгоева объяснила, какое мѣсто рѣшается принять ея мужъ.

Къ удивленію, старый генералъ на этотъ разъ не вспылилъ, а нѣжно-нѣжно взглянулъ на дочь и прижалъ ея голову къ своей груди.

— Ты права, дѣточка!—наконецъ проговорилъ онъ, отводя голову дочери.

И, помолчавъ, прибавилъ грустнымъ тономъ:

— Безъ любви какое же счастье... Да, ты права, бѣдная! Ты не можешь жить во лжи... Лучше разстаться, чѣмъ...

Старикъ не окончилъ... Слезы душили его.

— Милый, дорогой мой папочка... Какъ я счастлива, что ты не обвиняешь меня.

— Тебя обвинять?.. А мама, видно, противъ твоего развода?

— Да... Мама думаетъ...

— Что лучше жить съ нелюбимымъ мужемъ, чѣмъ разводиться...

— Да...

— Мама боится за тебя... И успокоится, какъ увидитъ, что ты будешь счастлива... А я тебя не оставлю... Я тебѣ помогу въ новой жизни...

О, съ какою радостью слушала Изгоева отца.

XI.

Вѣсть о разводѣ Изгоевой произвела большую сенсацію среди родственниковъ и знакомыхъ Александры Николаевны и ея мужа и дала обильный матеріалъ для разныхъ предположеній, толковъ и сплетенъ.

Всѣ или почти всѣ съ увлеченіемъ разбирали чужое дѣло, считая его какъ бы своимъ собственнымъ, волновались, горячились, спорили и волочили имя молодой женщины по гостинымъ, будуарамъ и столовымъ, чтобы подъ видомъ участія, соболѣзнованія или негодованія разсказать болѣе или менѣе приличныя пакости и поскорбѣть о паденіи семейныхъ основъ. И скорбѣли объ этомъ, разумѣется, больше всѣхъ тѣ мужчины и женщины, которые колебали эти основы наиболѣе основательно.

Нечего и говорить, что даже и въ мысли не допускалось, чтобы Изгоева могла расходиться «такъ», изъ-за того только, что разлюбила мужа.

Это казалось всѣмъ нелѣпостью.

«Такъ» ни одна женщина, если только она не идіотка, не броситъ влюбленнаго, молодого и красиваго мужа, не откажется отъ обезпеченной, хорошей жизни. Мало ли живетъ женъ, не влюбленныхъ въ мужей... И сама она однако жила съ мужемъ пять лѣтъ и любила его. Почему же вдругъ разлюбила? Вѣдь Сергѣй Николаевичъ ее любилъ, ни въ чемъ ей не отказывалъ, платилъ счета портнихи безъ гримасы, баловалъ ее... И вдругъ оставить такого мужа? Чего же ей надо, скажите, пожалуйста?

Еще большею нелѣпостью являлась въ глазахъ того средняго петербургскаго кружка людей, въ которомъ вращалась Изгоева, другая причина развода — неодобреніе ею того новаго служебнаго положенія, которое собирался занять ея мужъ. Это казалось даже не нелѣпостью, а прямо-таки идіотствомъ, на которое неспособна Александра Николаевна, — настолько она, кажется, умна!

Что можно, въ самомъ дѣлѣ, найти неблаговиднаго въ томъ, что Сергѣй Николаевичъ переходитъ въ другое вѣдомство и беретъ тамъ спеціальное мѣсто? Напротивъ. Онъ поступаетъ очень умно, такъ какъ новое его положеніе одно изъ тѣхъ, ко-

торыя даютъ шансы на дальнѣйшую видную карьеру. Всякая порядочная жена должна только радоваться тому, что мужъ сумѣлъ выдвинуться.-Всѣ мѣста одинаково хороши, если оплачиваются хорошо и подаютъ дальнѣйшія надежды.

И наконецъ какое дѣло женѣ до общественныхъ взглядовъ мужа? И какіе тамъ общественные взгляды? Какія политическія убѣжденія? Мы, слава Богу, живемъ не въ Англіи и не во Франціи, гдѣ существуютъ партіи и гдѣ въ парламентахъ вмѣсто того, чтобы дѣло дѣлать, кричатъ, ругаются и даже дерутся... Слѣдовательно у каждаго порядочнаго чиновника не можетъ быть взглядовъ кромѣ тѣхъ, которые требуются службой... Иначе не служи... А то: двадцатаго числа жалованье и свои взгляды!?

Жена должна быть вѣрна мужу, заботиться объ его домашнемъ уютѣ, объ его спокойствіи, а не требовать отъ него какихъ-то тамъ взглядовъ, изъ-за которыхъ можно отказываться отъ виднаго назначенія...

И какіе у нея самой могутъ быть взгляды? Откуда они взялись? Зачѣмъ? Кому они нужны? Пять лѣтъ жила себѣ, какъ всѣ порядочныя женщины, безъ взглядовъ, и вдругъ — здравствуйте!—объявились взгляды!

Въ концѣ концовъ вездѣ было рѣшено, что Изгоева разводится не «такъ», не потому только, что разлюбила мужа и что онъ получаетъ новое назначеніе, а, разумѣется, потому, что влюбилась въ кого-нибудь другого...

Тогда это еще понятно и извинительно до извѣстной степени, хотя все-таки бросать мужа съ такимъ положеніемъ, дѣлать его несчастнымъ... Ужъ лучше бы она... какъ-нибудь иначе устроилась... Увлеченіе пройдетъ, а мужъ все-таки останется... И семья не будетъ разрушена!

И на что она будетъ существовать съ двумя дѣтьми? У отца-генерала кромѣ жалованья ничего, да и генеральша еще жить хочетъ, и полковникъ ей стоитъ денегъ. А приданое, доставшееся ей отъ бабушки, невелико — всего двадцать тысячъ. Ужъ не думаетъ ли она переводами жить?.. Ха-ха-ха! Еще мужъ порядочный—на дѣтей будетъ давать. А если бы не давалъ?

Однимъ словомъ, всѣ порицали ту самую Александру Николаевну, которую еще недавно считали за одну изъ очень хорошихъ и симпатичныхъ женщинъ, и мало того, что порицали, но еще и установили, какъ непреложный фактъ, что въ дѣлѣ развода непремѣнно замѣшанъ «онъ»,—въ этомъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

А какимъ ангеломъ представлялась эта маленькая хорошенькая Шурочка! Вотъ вамъ и ангелы.

Однако никто не могъ указать, кто именно этотъ «онъ». Называли нѣсколько мужскихъ именъ, но ни на одномъ изъ нихъ не остановились. Тѣмъ не менѣе сплетня начинала дѣлать свое дѣло, и Изгоевой приписывали «собирательнаго» любовника.

XII.

Скоро однако нашелся и «онъ», благодаря стараніямъ одной изъ кузинъ Александры Николаевны, Лили Городецкой.

Это была одна изъ тѣхъ петербургскихъ молодыхъ «барынекъ», которыя обладаютъ секретомъ оплачивать дорогіе счета своихъ портнихъ несмотря на очень скромное содержаніе своихъ мужей и притомъ не безъ сожалѣнія говорить о тѣхъ женщинахъ, которыя слишкомъ явно нарушаютъ свой долгъ и бросаютъ своихъ мужей, и съ нескрываемымъ презрѣніемъ смотрѣть на «тѣхъ дамъ», съ которыми встрѣчаются въ разныхъ увеселительныхъ мѣстахъ.

Лили Городецкая была довольно свѣжая блондинка лѣтъ двадцати шести-семи, недурно сложенная, съ вызывающимъ смазливымъ лицомъ, съ нѣсколько рѣзкими манерами, которыми она щеголяла точно такъ же, какъ и простодушной фамильярностью съ мужчинами.

Веселая, бойкая и пустая, она нравилась мужчинамъ вызывающей пикантностью и умѣла дѣйствовать на ихъ чувственные инстинкты съ мастерствомъ достаточно развращенной женщины, скрываемымъ подъ простодушнымъ видомъ наивности и товарищескаго тона. Рѣшительная и смѣлая въ этомъ отношеніи, Лили всегда нападала на мужчинъ первая и гордилась количествомъ военноплѣнныхъ. Иначе нравиться она не умѣла, да и нечѣмъ ей было нравиться больше.

Она была не умна, и когда чего-нибудь не понимала, то смѣялась, показывая свои бѣлые зубы подъ толстыми чувственными губами. Но, несмотря на отсутствіе ума, она была достаточно практична, лжива и хитра, чтобы умѣло эксплоатировать своихъ поклонниковъ и на ихъ счетъ хорошо одѣваться, бывать въ театрахъ, на скачкахъ, ужинать въ дорогихъ ресторанахъ и при этомъ не имѣть постояннаго любовника, который бросался бы въ глаза и давалъ бы поводъ говорить о ней дурно.

Лили по очереди флиртовала со многими, заставляя поклонниковъ оплачивать флиртъ. Но если ухаживатель былъ рѣшителенъ и находилъ флиртъ недостаточнымъ вознагражденіемъ за уплаченный счетъ, то Лили уплачивала по требованію, не придавая этимъ рестораннымъ авантюрамъ особенно серьезнаго значенія. Встрѣтились и разошлись.

Она только называла такихъ мужчинъ «гадкими» и хвалилась, что изъ поклонниковъ никѣмъ не увлечена.

Мужъ ея, полноватый, добродушнаго вида брюнетъ, лѣтъ около сорока, все еще только начальникъ отдѣленія несмотря на изнывающее служебное усердіе, принадлежалъ къ типу необыкновенно покладистыхъ современныхъ мужей. Онъ рѣдко показывался гдѣ-нибудь съ женой и дома былъ такъ корректенъ, что передъ тѣмъ, чтобы войти въ будуаръ жены, когда у нея былъ кто-нибудь, непремѣнно кашлялъ. Онъ никогда не спрашивалъ, на какія средства жена хорошо одѣвается, дѣлая видъ, что вѣритъ, будто брильянтовое красивое кольцо, появлявшееся на рукѣ Лили, пріобрѣтено по случаю до смѣшного дешево, а серьги куплены въ разсрочку съ платою по десяти рублей въ мѣсяцъ, и превозносилъ жену за ея хозяйственные таланты, благодаря которымъ они, слава Богу, живутъ хорошо несмотря на небольшое содержаніе. И этотъ философъ-мужъ чувствовалъ себя съ Лили какъ у Христа за пазухой.

Всегда необыкновенно ласковая и внимательная, Лили не дѣлала мужу сценъ и, какъ бы тронутая его снисходительностью, заботилась о немъ и объ его комфортѣ до мелочей.

Она и пуговицы къ его ночнымъ рубашкамъ пришивала, держала въ порядкѣ его бѣлье, штопала носки, покупала галстуки, давала карманныя деньги и, возвратившись поздно домой, привозила мужу дюшесу или персикъ.

На другой день за обѣдомъ Лили весело разсказывала о проведенномъ вечерѣ въ театрѣ и объ ужинѣ въ ресторанѣ въ компаніи знакомыхъ, умалчивая, разумѣется, что компанію составлялъ лишь одинъ сотрапезникъ, и подсмѣивалась надъ своими поклонниками.

Смѣялся съ нею и мужъ и называлъ Лили умницею, и вскользь замѣчалъ, что пора напомнить директору департамента о немъ. И Лили охотно обѣщала и ѣхала къ директору департамента.

Мужъ и жена находили такой менажъ удобнымъ и были довольны другъ другомъ, представляя собою одну изъ дружныхъ супружескихъ паръ новѣйшаго фасона.

И Лили считала себя если и не безупречной, то во всякомъ случаѣ хорошей женой, заботящейся о домашнемъ очагѣ, и терпѣть не могла женщинъ, которыя его разрушали.

Авантюры свои она считала необходимымъ подспорьемъ. Жить такъ дорого, а бѣдный Ваничка получаетъ всего только четыре тысячи. Нужно же какъ-нибудь пополнять бюджетъ, чтобы жить нѣсколько прилично, оплачивать счета портнихи, пользоваться удовольствіями и заботиться о комфортѣ мужа.

XIII.

Хотя Лили и считала себя пріятельницей кузины Шуры и часто пользовалась ея одолженіями и услугами, тѣмъ не менѣе втайнѣ недолюбливала свою кузину и завидовала ей.

Недолюбливала Лили Изгоеву и за то, что та гораздо красивѣе и изящнѣе, чѣмъ она, и за то, что Шура одѣвалась съ большимъ вкусомъ и шила платья у француженки, и за то, что у Шуры была лучше квартира и обстановка и абонированная ложа въ оперѣ, и за то, что кузина считалась умною, много читала и умѣла поддерживать «умные» разговоры, тогда какъ она, Лили, смѣшиваетъ Тургенева съ Достоевскимъ и никакъ не можетъ понять значенія нѣкоторыхъ словъ, выражающихъ отвлеченныя понятія. Но главнымъ образомъ Лили недолюбливала Изгоеву за то, что кузина оставалась честной женщиной и не только не имѣла любовника, но даже и не кокетничала съ влюбленными въ нее поклонниками, недолюбливала и за то, что мужчины не позволяли себѣ въ разговорѣ съ Изгоевой и сотой доли того, что позволяли съ Лили. Лили понимала, что къ кузинѣ почтительны, а къ ней нѣтъ.

За все это Лили находила, что «Шура много о себѣ воображаетъ», и рада была при случаѣ утопить ее въ ложкѣ воды, хотя въ глаза и говорила ей о своей любви и дружбѣ.

Когда Лили узнала, что кузина разводится и уже переѣхала на новую квартиру, то, изумленная глупостью, которую дѣлаетъ Изгоева, и возмущенная ея безсердечностью относительно мужа и неуваженіемъ къ семейнымъ началамъ, Лили, разумѣется, ни на минуту не сомнѣвалась, что Шура влюбилась, и была даже нѣсколько раздражена и обижена, что она до сихъ поръ объ этомъ ничего не знала и даже ни о чемъ не догадывалась. «Кто могъ думать, что Шура такъ ловко скрывала свои амуры!»

— Ваничка, слышалъ?—говорила она мужу за обѣдомъ въ тотъ же день, какъ услыхала новость. — Шура расходится съ Сергѣемъ Николаевичемъ и уже переѣхала отъ него на другую квартиру.

— Дура! —произнесъ рѣшительно Ваничка.

И уже потомъ спросилъ:

— Изъ-за чего?.. Изгоевъ на-дняхъ получаетъ превосходное мѣсто. Семь тысячъ жалованья, тысяча наградныхъ и впереди карьера!—съ завистью прибавилъ Ваничка.

— Изъ-за чего?.. Они тамъ разсказываютъ... Не любитъ мужа... Не уважаетъ... Все, конечно, глупости... Нашли тоже дураковъ... Просто влюбилась какъ кошка. Вотъ изъ-за чего.

— Дура!—повторилъ Городецкій еще убѣжденнѣе и рѣшительнѣе, считая Изгоеву дурой и не за то, что она влюбилась, а за то, что она изъ-за этого бросила мужа.

— И безжалостная вдобавокъ, Ваничка! Сергѣй Николаевичъ такъ ее любилъ, а чѣмъ она отплатила? Разорила семью... Выкинула скандалъ! Вотъ тебѣ и безупречная Шура...

И Лили залилась, по обыкновенію, смѣхомъ.

— Въ кого же она втюрилась?

— Понятно въ кого! Развѣ ты ничего не замѣчалъ?

— Кажется, ничего...

— А я замѣчала... Она влюбилась въ Виноградскаго. И онъ давно въ нее влюбленъ!—увѣренно произнесла Лили.

— Да что ты? Виноградскій любитъ свою жену. И не такой онъ человѣкъ, чтобы...

Лили не дала мужу договорить.

— Не такой!?—воскликнула она.—И Шура казалась не такой... Однако бросаетъ мужа!

И Лили, увлеченная предположеніями о Виноградскомъ и повѣрившая собственной клеветѣ, съ такою горячностью стала доказывать, что романъ существуетъ,—недаромъ же Изгоевы и Виноградскіе лѣтомъ рядомъ жили на дачѣ,—что заставила повѣрить и мужа, имѣвшаго о женщинахъ, благодаря своей женѣ, довольно своеобразныя представленія.

Къ концу обѣда оказалось, что и онъ «замѣчалъ».

Имя было найдено. Сплетня была пущена, и несмотря на ея нелѣпость, именно благодаря ея нелѣпости, ей вѣрили, и черезъ нѣсколько дней она уже разрослась въ нѣчто легендарное и передавалась среди родныхъ и знакомыхъ съ самыми невѣроятными подробностями.

Результатомъ этого была жаркая семейная сцена между супругами Виноградскими.

Лили торжествовала, что первая открыла истинную причину развода кузины Шуры, и торопилась узнать новый адресъ Изгоевой, чтобы навѣстить ее, выразить участіе и убѣдить вернуться къ мужу.

Роль примирительницы казалась ей очень интересной. И вдобавокъ вѣдь дѣло шло о возстановленіи домашняго очага, святость котораго Лили такъ чтила.

Прошла недѣля съ тѣхъ поръ, какъ Изгоева устроилась въ новой квартирѣ.

За это время у нея перебывало нѣсколько кузинъ и двѣ-три знакомыя дамы изъ болѣе любопытныхъ и не боявшихся

навѣстить женщину, которая бросила мужа, сойдясь съ чужимъ и разоривши такимъ образомъ два семейныя гнѣзда.

Эти посѣтительницы, пріѣзжавшія подъ видомъ сочувствія для того, чтобы вывѣдать кое-что, что̀ можно было бы потомъ разнести по городу, уѣзжали послѣ короткихъ визитовъ недовольными и разочарованными, какъ репортеры, которымъ не удалось ихъ интервью.

Александра Николаевна принимала гостей, по словамъ ихъ, «какъ ни въ чемъ не бывало» и нисколько не смущенная, точно «ничего не случилось», точно она «не сдѣлала несчастнымъ бѣднаго Сергѣя Николаевича и не поставила на карту существованіе дѣтей». Она какъ будто еще болѣе «вообразила о себѣ».

Но главное, что̀ злило сочувствующихъ дамъ, такъ это то, что Изгоева ни съ одной изъ нихъ не только не «пролила слезы», но даже не проронила единаго слова о томъ, какъ «все это случилось», изъ-за чего она вдругъ оставила мужа и переѣхала въ какую-то дыру, и когда одна изъ болѣе любопытныхъ и рѣшительныхъ дамъ попробовала-было, чтобы позондировать почву, пустить шпильку по адресу Изгоева, то Александра Николаевна съ явнымъ неудовольствіемъ тотчасъ же круто перемѣнила разговоръ.

— Она какая-то каменная, эта Шура Изгоева!—разсказывали потомъ посѣтившія дамы и рѣшили, что не сто̀итъ у нея бывать, чтобы не пришлось раззнакомиться съ мужемъ.

Этотъ вопросъ о томъ, съ кѣмъ продолжать знакомство и кого принимать: Изгоеву или мужа, дебатировался во многихъ семьяхъ, и, подъ вліяніемъ практическихъ соображеній, главнымъ образомъ мужей, бо̀льшая часть знакомыхъ пришла къ рѣшенію, что слѣдуетъ поддерживать знакомство съ Сергѣемъ Николаевичемъ, а съ Александрой Николаевной можно встрѣчаться гдѣ-нибудь на нейтральной почвѣ.

XIV.

Прежде чѣмъ побывать у кузины Шуры, Лили рѣшила навѣстить Изгоева, чтобы разузнать, изъ-за чего «все это вышло», и вообще поговорить съ «бѣднымъ Сергѣемъ Николаевичемъ» интимно, по-родственному, употребить всѣ усилія для примиренія его съ женой.

Лили не теряла надежды, что выполнитъ эту роль миротворицы блистательно и заслужитъ благодарность обоихъ супруговъ.

«Сергѣй Николаевичъ вѣдь такъ любитъ Шуру, что проститъ ей ея увлеченіе Виноградскимъ»,—думала Лили, сама выдумавшая это увлеченіе и теперь вѣрившая въ него.

Онъ до ослѣпленія влюбленъ въ жену, этотъ Сергѣй Николаевичъ, и ни на кого не обращалъ вниманія до сихъ поръ. Даже такую неотразимую женщину, какъ она, онъ ни разу не звалъ ужинать вдвоемъ и не пользовался родственными правами цѣловать ее à discretion.

За что онъ, такой молодой, красивый и изящный, любитъ Шуру и что онъ нашелъ въ этой «маленькой чернушкѣ»,— Лили, полная зависти къ кузинѣ, рѣшительно не могла понять и только удивлялась странному вкусу Изгоева.

Она находила, что у Шуры только и всего, что смазливое личико, но и то безжизненное, безъ всякой пикантности, которая такъ нравится мужчинамъ. Глаза еще, пожалуй, красивые, но какіе-то холодные, безъ всякаго выраженія... А все остальное...

И Лили не безъ злорадства разсказывала и мужу, и пріятельницамъ, и поклонникамъ о томъ, какъ дурно сложена Шура Изгоева.

Она видѣла Шуру не въ платьяхъ отъ Изамбаръ, которыя, благодаря разнымъ приспособленіямъ, легко могутъ вводить мужчинъ въ пріятное заблужденіе. Она видѣла ее, когда одно лѣто онѣ вмѣстѣ купались въ Алупкѣ, и—Боже мой!—что за уродливая эта Шура! Маленькая, худая, костлявая. Ребра такъ и лѣзутъ. Ни бюста, ни плечъ, ни шеи. Грудь — грифельная доска. Ноги—пара ступокъ. Просто жалко смотрѣть!

— Видно, Сергѣй Николаевичъ не очень-то разборчивъ!— съ циничнымъ смѣхомъ прибавляла Лили, довольная, что могла хоть оклеветать въ кузинѣ именно то самое, чему она болѣе всего завидовала.

Для того, чтобы застать Изгоева дома, Лили тотчасъ же послѣ обѣда переодѣлась въ одно изъ платьевъ, которое особенно шло къ ней, поправила прическу, надушила грудь и руки и въ половинѣ восьмого зашла въ кабинетъ, гдѣ мужъ, лежа на тахтѣ, мечталъ о томъ, дадутъ ли ему мѣсто вице-директора, которое скоро будетъ вакантнымъ, или не дадутъ, послѣ того какъ Лили ѣздила на квартиру его превосходительства просить за Ваничку.

Онъ взглянулъ на свою хорошенькую нарядную жену въ новой бобровой шапочкѣ, купленной на-дняхъ баснословно дешево, потянулъ длиннымъ съ бородавкой носомъ крѣпкій запахъ chipre'a, которымъ всегда душилась жена, и, цѣлуя ея душистую руку съ короткими некрасивыми пальцами, сіяющую дорогими кольцами, все пріобрѣтенными по случаю, добродушно спросилъ:

— Развѣ ты нынче въ театръ, Лили?

— Нѣтъ, Ваничка. Ѣду мирить Изгоевыхъ. Согласись, надо же это сдѣлать хоть ради бѣдныхъ дѣтей. Чѣмъ же они виноваты, что Шура съ ума сошла...

«Ваничка» подумалъ, что Лили лжетъ. Зачѣмъ ей одѣвать одно изъ своихъ «побѣдныхъ» платьевъ, если она ѣдетъ къ Изгоевой? Миротворицѣ слѣдовало бы одѣться попроще.

— Поѣзжай, Лили. Доброе дѣло сдѣлаешь, если примиришь ихъ! Что бы тамъ ни было, а семья... это... это... однимъ словомъ, устои, на которыхъ зиждется все!—неожиданно прибавилъ Ваничка торжественнымъ тономъ, принимая серьезный видъ.

— То-то я и говорю. Нельзя такъ оставить.

— Нельзя, Лили!—отвѣтилъ Ваничка.

— И я надѣюсь уговорить обоихъ.

— Ты, значитъ, и къ Сергѣю Николаичу хочешь ѣхать?

— А то какъ же?.. Онъ ко мнѣ расположенъ. Онъ меня послушаетъ...

Ваничка въ ту же минуту понялъ, зачѣмъ Лили такъ разрядилась, и сказалъ:

— Не забудь передать отъ меня поклонъ Сергѣю Николаичу...

— Передамъ... Сперва я поѣду къ нему, а отъ него къ Шурѣ... А ужъ ты, милый, безъ меня напейся чаю... Я распорядилась, чтобы тебѣ была горячая витушка... Да посмотри, чтобы фрейлейнъ въ восемь часовъ напоила дѣтей молокомъ и уложила ихъ спать.

— Будь покойна, Лили... Такъ ты думаешь, что меня назначатъ вице-директоромъ?—внезапно спросилъ, возвращаясь къ занимавшимъ его мыслямъ, Ваничка, и даже поднялся и присѣлъ на тахтѣ.

— Онъ обѣщалъ... Вѣрно, сдержитъ слово...

— Онъ забывчивъ... Если бы ты, Лили, еще разъ съѣздила... напомнить... Какъ ты думаешь?

— Если надо будетъ, я напомню... Ну, до свиданія... Если не будешь спать, когда я вернусь, разскажу тебѣ о посѣщеніи Изгоевыхъ. Или разбудить тебя... хочешь?—шутливо и въ то же время значительно проговорила Лили, улыбаясь и показывая свои мелкіе сверкающіе зубы.

И съ этими словами она наклонилась къ мужу и поцѣловала въ его полныя, сочныя губы, прикрытыя темными усами, однимъ изъ тѣхъ поцѣлуевъ, который долженъ былъ убѣдить Ваничку, что онъ во всякомъ случаѣ не изъ обиженныхъ супруговъ.

— Такъ разбудить?..

— Разбуди, Лили...

— Я, вѣрно, скоро вернусь! — кинула она, выходя изъ кабинета.

Въ прихожей ее ждала пожилая, некрасивая и суровая на видъ горничная.

— Ротонду, Даша!—приказала Лили ласковымъ, почти заискивающимъ тономъ.

XV.

«И бросить такую славную квартиру и переселиться во дворъ!»—подумала Лили, поднявшись по пологой, устланной ковромъ лѣстницѣ въ третій этажъ и надавивъ пуговку электрическаго звонка.

Вмѣсто прежней горничной Стеши, двери отворилъ молодой и представительный лакей, брюнетъ съ румяными щеками, въ черномъ сюртукѣ, безусый, съ великолѣпными, надвое раздѣланными черными бакенбардами, придававшими его лицу противно-нахальный видъ.

— Сергѣй Николаичъ дома?

— У себя-съ! — проговорилъ съ важнымъ достоинствомъ лакей, точно онъ говорилъ о принцѣ.

И, отступивъ, онъ пропустилъ Лили въ прихожую и, снявши ротонду, стянулъ узковатые мѣховые ботики, замѣтивши и черный ажурный чулокъ и подолъ нижней шелковой съ красными полосками юбки, отъ которой пахло духами.

Видимо, принимая и по крикливому костюму и по виду бойкую, вертлявую и улыбающуюся Лили за содержанку или за любовницу барина, лакей удовлетворенно про себя улыбнулся, какъ улыбаются люди, помыслившіе про другого пакость, и почтительнымъ тономъ, улыбаясь въ то же время глазами, попросилъ Лили пожаловать въ гостиную и спросилъ:

— Какъ прикажете о васъ доложить?

«Какая наглая физіономія!» — подумала Лили, чувствуя что-то игриво-дерзкое въ глазахъ лакея.

— Скажите, что одна знакомая хочетъ видѣть! — отвѣтила она, имѣя въ виду сдѣлать сюрпризъ Изгоеву своимъ появленіемъ и улыбаясь по привычкѣ и лакею, какъ улыбалась всѣмъ мужчинамъ.

Лакей ушелъ, увѣренный, что обрадуетъ Изгоева докладомъ о гостьѣ.

Войдя въ гостиную, Лили была изумлена. Все тамъ осталось попрежнему — та же роскошная мебель, ковры, лампы, цвѣты, картины. А между тѣмъ разсказывали, что Сергѣй

Николаевичъ великодушно предложилъ Шурѣ взять всю обстановку квартиры.

«Значитъ, она отказалась? Вотъ-то дура!»—подумала Лили.

И, снимая перчатки, она приблизилась къ трюмо и, оправляя выбившіяся изъ-подъ шапочки кудерки, оглядѣла свое зарумянившееся на морозѣ лицо и всю свою хорошо сложенную фигуру—«безъ обмана», какъ она, смѣясь, говорила—и отошла довольная, съ побѣдной улыбкой женщины, сознающей свою привлекательность.

Черезъ минуту въ дверяхъ показался Изгоевъ.

Онъ только-что собирался ѣхать въ клубъ и былъ, какъ всегда, элегантенъ въ своемъ длинномъ рединготѣ. Красивый, улыбающійся, онъ далеко не походилъ на несчастнаго, покинутаго мужа.

Узнавши подругу жены, Изгоевъ тотчасъ же принялъ серьезный, нѣсколько обиженный видъ.

Лили бросилась къ нему и, глядя сочувственнымъ взглядомъ въ его свѣжее, послѣ умыванья, здоровое и красивое лицо съ приподнятыми кверху пушистыми усами, изъ-подъ которыхъ сверкали ослѣпительные зубы, проговорила, понижая свой крикливый голосъ, словно бы передъ ней былъ больной, и протягивая Изгоеву руку:

— Не помѣшала я вамъ, дорогой Сергѣй Николаевичъ? Мнѣ такъ хотѣлось навѣстить васъ, узнать, что̀ съ вами...

Изгоевъ поцѣловалъ руку Лили и съ видомъ человѣка, мужественно несущаго свой крестъ, проговорилъ:

— Спасибо, Лили, что заѣхали. Признаюсь, я не думалъ что вы вспомните обо мнѣ...

Лили укоризненно покачала головой.

— Развѣ мы ссорились, Сергѣй Николаевичъ?.. Вы, кажется, знаете, какъ я къ вамъ относилась... И Ваничка... Онъ шлетъ вамъ привѣтъ... А теперь, послѣ того, что̀ случилось, всѣ наши симпатіи на вашей сторонѣ...

И Лили снова протянула Изгоеву руку. Тотъ снова ее поцѣловалъ.

— Благодарю васъ, Лили. Садитесь. Я такъ радъ, что вы пріѣхали и есть съ кѣмъ поговорить...

— Я нарочно и пріѣхала вечеромъ, чтобы застать васъ и поговорить съ вами, какъ добрый другъ!—значительно промолвила Лили.

И съ этими словами она снова подошла къ зеркалу, сняла шапочку, оправила прическу и усѣлась на диванъ.

Изгоевъ присѣлъ рядомъ.

Лили опять посмотрѣла на Изгоева долгимъ взглядомъ,

полнымъ ласки и сочувствія, затѣмъ вздохнула, словно бы подавленная этимъ сочувствіемъ, и произнесла грустнымъ тономъ, покачивая головой:

— Бѣдный вы мой, Сергѣй Николаевичъ! Каково вамъ переживать этотъ ужасъ!?

Хотя Изгоевъ переживалъ «этотъ ужасъ» относительно легко и, озлобленный на жену, главнымъ образомъ страдалъ отъ оскорбленнаго самолюбія мужчины, лишеннаго женщины, физически ему нравящейся, — тѣмъ не менѣе онъ не безъ трагичности въ тонѣ произнесъ:

— Не легко, Лили. Очень не легко!

И тоже вздохнулъ и скользнулъ взглядомъ по бюсту Лили, формы котораго обливала тонкая ткань корсажа.

Лили замѣтила этотъ взглядъ и съ большею еще задушевностью продолжала, приблизивши, по своему обыкновенію, свое лицо къ лицу собесѣдника, вѣроятно, потому, что считала мужчинъ, съ которыми разговаривала, глухими:

— Признаюсь, Шура меня изумила... Это что-то невѣроятное. Вы такъ ее любили... такъ баловали... И вдругъ... оставить такого мужа... Я просто не могу понять, что̀ это значитъ...

— Я и самъ не понимаю, Лили!—усмѣхнулся съ горечью Изгоевъ.

— Но, быть-можетъ, вы подали поводъ къ ревности?

— Она жаловалась на это?—порывисто и словно бы обрадованно спросилъ Сергѣй Николаевичъ, которому такъ хотѣлось этимъ объяснить внезапную перемѣну къ себѣ жены.

— Нѣтъ... Я еще не видала Шуры... И, кажется, она не жалуется на васъ... Это мои предположенія. Вѣдь такъ понятно ревновать такого мужа, какъ вы!..—прибавила Лили.

— Почему это понятно, Лили?—спросилъ Изгоевъ, притворяясь непонимающимъ.

— Точно вы сами не знаете?

— Чего?

— Что вы нравитесь женщинамъ...

— Спасибо за комплиментъ, Лили. Отъ васъ я его принимаю охотно!—подчеркнулъ Изгоевъ съ самодовольной улыбкой.

Онъ поцѣловалъ руку Лили и продолжалъ:

— Но я ни въ чемъ подобномъ не виновàтъ передъ женой. Я, Лили, даже за такой хорошенькой женщиной, какъ вы, не ухаживалъ. Клянусь, я былъ вѣрнымъ мужемъ!

— Вѣрю. Вы были по уши влюблены въ свою жену... И до сихъ поръ влюблены... Такъ зачѣмъ же вы разво̀дитесь?

— Не я этого хотѣлъ, Лили... Не я...

— Но вы могли бы уговорить Шуру. Вы должны были это сдѣлать, Сергѣй Николаевичъ! Я понимаю: поступокъ Шуры могъ возмутить васъ... Но во имя дѣтей... во имя семьи... вы обязаны были образумить Шуру... Чего ей въ самомъ дѣлѣ надо? Зачѣмъ вдругъ захотѣла развода?.. Ей бы наслаждаться счастьемъ и благодарить судьбу, а она... Чѣмъ можетъ она объяснить свое безуміе?.. Она, надѣюсь, объяснялась съ вами?

— Да!..

— Что̀ же она говорила?—нетерпѣливо спросила Лили.

— Ей, видите ли, не нравится, что я принялъ новое назначеніе, не посовѣтовавшись съ ней... И мѣсто ей не нравится... Точно не всѣ мѣста хороши...

— Отличное назначеніе... впереди блестящая карьера... и ей не нравится... Да Шура съ ума, что ли, сошла?..—негодующе воскликнула Лили.

— Не понимаю, какая муха ее укусила, что она говорила разную чепуху по этому поводу... Но не въ этомъ все дѣло... Она вдругъ нашла, что я не такъ ее любилъ, какъ бы слѣдовало, что я, видите ли, слишкомъ матеріально ее люблю... Но вѣдь я не монахъ! — съ усмѣшкой озлобленія прибавилъ Изгоевъ.

— Васъ отвергли... васъ?

— Какъ видите, Лили...

— Но, можетъ-быть, Шура больна?

— Нисколько.

— И вы повѣрили этимъ объясненіямъ? Какой же вы довѣрчивый, Сергѣй Николаевичъ... Да развѣ женщина не любитъ влюбленнаго мужа... да еще такого молодого, красиваго!—говорила Лили, при чемъ ея глаза еще краснорѣчивѣе говорили, что она была бы счастлива, если бы у нея былъ такой мужъ.—Вѣдь прежде, надѣюсь, Шура не требовала, чтобы вы были монахомъ?—улыбаясь, спросила Лили.

— Не требовала.

— Отчего же теперь?... Знаете ли что̀, другъ мой... Не увлеклась ли ваша Шура кѣмъ-нибудь... Какъ ни дико увлечься, имѣя такого мужа, но...

— Шура никѣмъ не увлеклась. Она не лжетъ. Она бы сказала...

— Она, можетъ-быть, не хотѣла растравить вашей раны... А мнѣ казалось, что Виноградскій ей нравится...

— Этотъ мозглякъ?.. Не можетъ быть!—рѣшительно отрицалъ Изгоевъ, не допускавшій и мысли, чтобы кто-нибудь могъ понравиться женѣ послѣ него.

— А я почти увѣрена... Онъ такъ часто лѣтомъ видѣлся съ Шурой... носилъ ей книги...

Въ голову Изгоева закралось сомнѣніе.

— Если это такъ, то я... покажу ей, что меня нельзя обманывать! — внезапно блѣднѣя, проговорилъ Изгоевъ. — Я поступилъ съ ней какъ джентльменъ—я обѣщалъ ей выдавать на дѣтей двѣсти рублей, а если она имѣетъ любовника, то пусть онъ ее и содержитъ...

— Сергѣй Николаевичъ... Голубчикъ... Да что̀ вы... Успокойтесь!

И Лили стала защищать Шуру. Если даже она и увлеклась, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы у нихъ что-нибудь было... И наконецъ этотъ миражъ пройдетъ... Она пойметъ, быть-можетъ, уже поняла, что любитъ только Сергѣя Николаевича, что сдѣлала безумный шагъ...

И, совсѣмъ подвинувшись къ Изгоеву, Лили продолжала:

— Вы должны простить Шурѣ, если бы она даже и увлеклась. Простить ради дѣтей, ради сохраненія семьи. Нельзя отталкивать женщину изъ-за ея мимолетнаго увлеченія. И наконецъ, можетъ-быть, его ужъ и нѣтъ и не было... Я могла ошибиться... Я узна̀ю... Я поговорю съ Шурой... Хотите? Я буду миротворицей... Я примирю васъ съ Шурой... Она, навѣрное, вернется, если вы не заупрямитесь. Хотите, Сергѣй Николаевичъ?

Она говорила не безъ искренняго увлеченія ролью примирительницы и въ то же время удивлялась и даже досадовала, что Изгоевъ, считавшій ее хорошенькой женщиной, недостаточно цѣнитъ ея добрыя намѣренія и не благодаритъ, какъ бы слѣдовало.

«Неужели онъ до сихъ поръ влюбленъ въ эту худую и костлявую Шуру?»—думала она.

— Лучшей посредницы не надо. Но уже разводъ начатъ, Лили.

— Можно остановить его...

— Едва ли она согласится!—сказалъ Изгоевъ и, глядя на Лили, мысленно раздѣвалъ ее.

— Надо быть сумасшедшей, чтобы не согласиться...

— Что̀ же, попробуйте... убѣдить ее, Лили... А за ваше доброе участіе позвольте по-братски васъ поцѣловать, Лили...

И, не дожидаясь ея позволенія, Изгоевъ обнялъ Лили и крѣпко поцѣловалъ ее въ губы... Лили отвѣтила такимъ поцѣлуемъ, отъ котораго Изгоевъ опьянѣлъ.

— Будь вы моей женой, вы не посовѣтовали бы мнѣ идти въ монахи, Лили?—сдавленнымъ голосо̀мъ спросилъ Изгоевъ.

— Я не люблю монаховъ и сама не монахиня!—разсмѣялась Лили, поднимаясь съ дивана.

— Куда же вы? Посидите со мной... Останьтесь!..

— А къ Шурѣ?

— Успѣете.

Онъ вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ возвратился.

— Я послалъ лакея... Мы одни, Лили.

И съ разгорѣвшимися жадными глазами красиваго животнаго онъ властно привлекъ Лили къ себѣ и повелъ въ сосѣднюю комнату, въ которой Лили прежде часто увѣряла кузину въ своей дружбѣ.

Въ одиннадцатомъ часу Лили уходила отъ Изгоева, повидимому, вполнѣ довольная удачнымъ началомъ принятой на себя миссіи миротворицы и уже не сомнѣвавшаяся въ идіотствѣ Шуры, оставившей такого мужа, какъ Сергѣй Николаевичъ, ради кого бы то ни было.

«Чего ей надо?»—недоумѣвала Лили, прощаясь въ прихожей съ Изгоевымъ.

— Такъ до завтра, Лили?—спросилъ онъ, подавая ей ротонду.

— До завтра!..

— Въ восьмомъ часу?

— Да. Я вамъ сообщу о результатѣ моего свиданія съ Шурой... Вамъ необходимо примириться съ ней во имя бѣдныхъ дѣтей... Необходимо, Сергѣй Николаевичъ!—прибавила Лили, снова входя въ роль миротворицы.

— Я не прочь, Лили... Но, согласитесь, съ ея стороны было глупо и оскорбительно...

Лили вполнѣ согласилась и, веселая и смѣющаяся, вышла за двери.

ТЯЖЕЛЫЙ СОНЪ.

Разсказъ.

I.

Сергѣй Ивановичъ Скворцовъ, худощавый человѣкъ лѣтъ за сорокъ, съ старообразнымъ, нѣсколько утомленнымъ лицомъ и съ сѣдиной въ подстриженной рыжеватой бородѣ, былъ въ эти предпраздничные дни въ «идиллическомъ» настроеніи.

Въ министерство не нужно. О дѣлахъ можно забыть. Съ визитомъ ни къ кому. Отдыхай дома.

Онъ любилъ «домъ». Ни въ клубъ ни къ знакомымъ Скворцова не тянетъ.

«Старый мужъ», какъ въ шутку называлъ себя Сергѣй Ивановичъ, «безсовѣстно» счастливъ.

Еще бы!

Пять лѣтъ какъ онъ женатъ — и ни ревниваго подозрѣнія ни размолвки. Даже ни одной супружеской сцены.

И какъ же любитъ онъ жену! Какъ влюбленъ въ эту очаровательную молодую женщину!

Скворцовъ нашелъ въ ней «родственную душу». Онъ не боялся значительной разницы лѣтъ между ними. Ему—сорокъ три, ей—двадцать семь. И, рѣдкій счастливецъ, онъ глядѣлъ въ глаза жены, стараясь угадывать ея желанія, и ради ея счастья работалъ какъ волъ, добывая средства.

Увидалъ Скворцовъ Вѣру Борисовну на фиксѣ у знакомаго профессора, пріятеля и товарища по университету.

Эта стройная, средняго роста молодая дѣвушка съ тонкими, словно выточенными чертами серьезнаго и вдумчиваго свѣжаго лица, съ большими красивыми сѣрыми глазами, ясными и покойными, и пепельными волосами, была хороша собой

и особенно привлекательна потому, что, казалось, и не сознавала своей привлекательности, — до того она была серьезно сдержанна и держала себя съ подкупающей простотой и строгой, слегка грустной скромностью.

На Скворцова Вѣра Борисовна произвела сильное впечатлѣніе, и онъ попросилъ хозяина представить молодой дѣвушкѣ.

Послѣ вечера Скворцовъ былъ очарованъ. Ему казалось, что нашелъ именно ту женщину и «родственную душу», о которыхъ мечталъ.

И вдругъ встрѣтилъ.

Послѣ первой встрѣчи Скворцовъ искалъ встрѣчъ съ Вѣрой Борисовной. Влюбленный, онъ забылъ свою теорію брака и сталъ чаще подстригать бороду и взглядывать на себя въ зеркало.

Прошелъ мѣсяцъ, и Сергѣй Ивановичъ попросилъ разрѣшенія навѣстить Вѣру Борисовну.

— Приходите!

Низкій голосъ былъ мягкій и любезный, безъ подчеркиванія бѣдной дѣвушки, ловящей хорошаго жениха. Ни малѣйшаго вызывающаго кокетства.

Въ первое воскресенье Скворцовъ сдѣлалъ визитъ и просидѣлъ около часа. Скоро онъ сталъ чаще ходить въ маленькую квартиру во дворѣ. Вѣра Борисовна жила у тетки, вдовы полковника, которая жила на скромную пенсію. Племянница имѣла занятія въ правленіи. Ходила на службу и получала тридцать рублей въ мѣсяцъ.

И старушка-полковница и Вѣра Борисовна привѣтливо и гостепріимно принимали Скворцова и не показывали и вида, что онъ влюбленъ какъ мальчишка и ходитъ съ намѣреніемъ жениться на Вѣрѣ. Онъ былъ бы хорошей партіей для бѣдной дѣвушки. Мѣсто хорошее, есть имѣніе въ Курской губерніи и пишетъ... И, кажется, добрый и серьезный человѣкъ.

И въ этой маленькой чистенькой залѣ, въ которой Скворцовъ сидѣлъ по вечерамъ, казалось такъ хорошо и уютно. И чай, и хлѣбъ, и масло казались необыкновенно вкусными. И какая славная эта старушка, пѣстовавшая племянницу съ тѣхъ поръ, какъ «Вѣруша» осталась сиротой. Онѣ такъ любятъ другъ друга!

Скворцовъ видѣлъ, что Вѣра Борисовна съ нимъ мила и проста какъ съ добрымъ знакомымъ, но не больше. Отношенія завязывались дружескія. Съ нимъ не стѣснялись говорить о своихъ дѣлахъ и, разумѣется, не жаловались. Молодая дѣвушка сочувственно раздѣляла его взгляды, охотно

слушала книги, которыя онъ читалъ, и серьезно внимала его рѣчамъ.

Но, разумѣется, Скворцовъ не рѣшался сказать Вѣрѣ Борисовнѣ то, что̀ она уже отлично понимала.

Ему тридцать восемь. Ей двадцать два.

Но наконецъ признался, что любитъ Вѣру Борисовну, и просилъ ее быть его женой.

Онъ застѣнчиво и виновато произнесъ эти слова и почти не сомнѣвался, что молодая дѣвушка откажетъ.

«Развѣ можетъ она полюбить меня?»—думалъ онъ, не глядя на молодую дѣвушку.

А Вѣра Борисовна протянула руку Сергѣю Ивановичу и сказала, что онъ ей нравится. Она согласна быть его женой.

— За такого немолодого?—проговорилъ Скворцовъ, точно не вѣря своему счастью.

— Да развѣ вы старикъ, Сергѣй Ивановичъ?—съ удивленіемъ отвѣтила Вѣра Борисовна ласково.

Скворцовъ былъ въ восторгѣ и, цѣлуя руку Вѣры, торжественно обѣщалъ сдѣлать все, чтобы Вѣра не раскаялась. Онъ вѣритъ въ нее какъ въ Бога и нашелъ въ ней родственную душу. И съ необыкновенной серьезностью прибавилъ:

— Но если вы раскаетесь... Если полюбите другого... Не жалѣйте меня, Вѣра Борисовна! Скажите, если не догадаюсь... Клянусь, я не стану вамъ на дорогѣ.

Вѣра крѣпко пожала руку Скворцова. И, оставляя свою маленькую руку въ его рукѣ, проговорила такимъ тихимъ, значительнымъ голосомъ:

— Надѣюсь, и вы не раскаетесь!

И снова пожала руку Скворцова.

Она, эта серьезно-спокойная дѣвушка, ослѣпительно-бѣлая и свѣжая, стройная и дивно сложенная, съ яснымъ проникновеннымъ долгимъ взглядомъ большихъ сѣрыхъ глазъ, съ едва уловимой манящей улыбкой, взволновала влюбленнаго Скворцова.

И онъ привлекъ къ себѣ эту невѣсту и цѣловалъ ея полураскрытыя губы. Она не уклонялась. Напротивъ, она отвѣчала такими долгими и горячими поцѣлуями. Они казались Скворцову какимъ-то откровеніемъ неизвѣданныхъ чаръ,—и онъ пьянѣлъ.

Но Вѣра ужъ отвела губы. Лицо ея попрежнему ласково улыбалось, казалось ангельски-спокойнымъ. Только чуть-чуть зарумянилось. И, словно не замѣчая восторженно-осовѣлаго лица жениха, Вѣра Борисовна повела рѣчь о томъ, что она

постарается дать счастье Сергѣю Ивановичу, и добросовѣстно призналась, что безприданница.

Скворцовъ посвятилъ въ свои дѣла. На службѣ онъ получаетъ три тысячи, и литературная работа даетъ полторы. Кромѣ того у него есть въ Курской губерніи имѣніе, отъ котораго получаетъ до трехъ тысячъ. И скоплено десять тысячъ. Онъ не проживалъ доходовъ.

— И все это ваше! — восторженно прибавилъ Сергѣй Ивановичъ.

— Куда такъ много?.. Я не привыкла къ роскоши!—сказала Вѣра Борисовна, втайнѣ обрадованная, что женихъ болѣе богатъ, чѣмъ думала.

Нечего и говорить, что приданое Вѣры Борисовны было роскошное. На этомъ настаивалъ женихъ, и она охотно уступала. Онъ торопилъ свадьбу. Черезъ мѣсяцъ они повѣнчались и послѣ свадебнаго путешествія за границей вернулись въ уютную петербургскую квартиру, которую Скворцовъ такъ полюбилъ.

II.

Устраивали «гнѣздо» вмѣстѣ женихъ и невѣста и торопились съ нимъ, чтобы оно было вполнѣ готово къ возвращенію въ Петербургъ.

Скворцовъ, жившій холостякомъ скромно и бережливо, подумывавшій до встрѣчи съ Вѣрой Борисовной оставить службу, не внушавшую честолюбивыхъ мечтаній, и переселиться въ деревню, теперь уже не думалъ лишиться трехъ тысячъ казеннаго содержанія, рѣшилъ тянуть «лямку» и не жалѣлъ своихъ сбереженій на такое «гнѣздо», чтобы оно понравилось будущей женѣ.

«Да и такая обворожительная женщина, какъ Вѣра, будетъ еще красивѣе въ красивой рамкѣ, нарядная и довольная комфортомъ»,—думалъ Скворцовъ, любуясь влюбленными глазами красивой невѣстой. И наконецъ до сихъ поръ она, трудившаяся дѣвушка, всю жизнь испытывавшая недостатки и лишенія, обрадуется несравненно лучшимъ положеніемъ.

Несмотря на очень скромныя привычки, Вѣра Борисовна обнаружила много вкуса и имѣла немало желаній, которыя, впрочемъ, старалась таить, чтобы не смущать влюбленнаго. И съ наивностью ребенка, не понимающаго стоимости дорогихъ вещей, Вѣра Борисовна восхищалась въ магазинахъ красивыми и изящными вещами, обращая на нихъ вниманіе Скворцова.

Онъ узнавалъ отъ приказчиковъ «серьезныя» цѣны; Вѣра

Борисовна изумлялась и, рѣшительно останавливая жениха, говорила:

— Уйдемъ, уйдемъ... Не покупай, милый... Это дорого!

Но Сергѣй Ивановичъ съ порывистой тароватостью влюбленнаго человѣка хотѣлъ покупать, не торгуясь, то, что̀ нравилось Вѣрѣ Борисовнѣ, и восхищался ея деликатностью, когда она, ласково улыбаясь, отговаривала его и прибавляла:

— Зачѣмъ такая роскошь? Къ чему?

Скворцовъ настаивалъ и умолялъ, доказывая, что покупать дорогія вещи выгоднѣе, и Вѣра Борисовна наконецъ уступала и при покупкѣ мебели и посуды, и при заказахъ роскошнаго бѣлья и элегантныхъ капотовъ, дорогихъ платьевъ.

И Вѣра Борисовна была довольна, хотя и называла Сергѣя Ивановича мотомъ.

Медовый мѣсяцъ въ Италіи пролетѣлъ какъ мигъ. Вѣра Борисовна находила природу прелестной, посѣщала картинныя галлереи и слушала мнѣнія о нихъ Сергѣя Ивановича, восхищалась роскошными отелями и подарками мужа.

Онъ вернулся въ Россію, чувствуя себя помолодѣвшимъ, безумно влюбленнымъ и счастливымъ.

И какъ же благодарила судьбу Вѣра Борисовна, мечтавшая о хорошей партіи какъ объ единственной карьерѣ для бѣдной дѣвушки, которая не обладаетъ талантами.

Послѣ сѣренькой полубѣдности и завистливаго раздраженія противъ обезпеченныхъ женщинъ, послѣ униженій красивой и самолюбивой дѣвушки, которыя она испытала при ухаживаніи мужчинъ, готовыхъ предложить любовь и средства безъ брака и флиртъ безъ надежды на хорошее замужество, — теперь она добилась «счастья», какъ называла обезпеченную и покойную жизнь, которой такъ упорно хотѣла.

Она—полная хозяйка «у себя», въ своемъ уютномъ «гнѣздѣ». Она одѣвается хорошо и носитъ красивые брильянты. Многія женщины ей завидуютъ. Мужчины смотрятъ на нее и уже не смѣютъ ухаживать, какъ прежде, унижая ее. Она не знаетъ и никогда больше не узнаетъ озлобленія и униженія бѣдности, зависти къ счастливцамъ и скуки безцѣльной работы за тридцать рублей...

А мужъ?

Онъ порядочный и умный человѣкъ, безгранично любящій и влюбленный, и она добросовѣстно старалась сдѣлать его жизнь счастливой.

И онъ былъ счастливъ.

Молодая женщина умѣла очаровать Сергѣя Ивановича и хорошо понимала, силою какихъ именно чаръ она владѣла

мужемъ какъ рабомъ. Но, пользуясь ими, никогда не показывала власти.

«Подчиненія мужчины не любятъ. Вѣдь они считаютъ себя господами. Пусть властительница мужа кажется ему покорной женой!»

И Вѣра Борисовна нерѣдко думала съ смѣлой откровенностью:

«Сколько нужно характера, выдержки, скрытности и лицемѣрія, чтобы завоевать себѣ властное право женской побѣды и дать мужу увѣренность въ любви жены и въ своемъ безоблачномъ счастьѣ!»

Молодая женщина цѣнила любовь Сергѣя Ивановича и была привязана къ нему какъ къ человѣку, который далъ ей «счастье»; но любви, разумѣется, быть не могло.

«Если бы Сергѣй Ивановичъ былъ моложе и красивѣе!»— все чаще и чаще стала думать Вѣра Борисовна и, отдаваясь ласкамъ влюбленнаго мужа, она мысленно повторяла циничныя слова какой-то французской актрисы о своихъ поклонникахъ:

«Ça leur fait tant de plaisir et ça me fait si peu de peine!»

III.

Въ эту Страстную субботу, послѣ вечерняго чая съ озабоченной хлопотами женой, Скворцовъ читалъ книгу, полулежа на широкой сафьянной тахтѣ въ своемъ уютномъ щеголеватомъ кабинетѣ, полномъ бѣлаго свѣта электричества въ матовыхъ лампахъ сверху. Полъ, занавѣси, сафьянная мебель, нѣсколько библіотечныхъ шкаповъ и большой письменный столъ среди комнаты блистали чистотой и порядкомъ. Этотъ столъ, по обыкновенію, убирала каждое утро Вѣра Борисовна въ капотѣ, прикрытомъ кокетливымъ яркимъ фартукомъ, въ бѣломъ чепцѣ на пушистыхъ волосахъ. Она сметала пуховкой пыль со стола, на которомъ красовалось нѣсколько ея фотографій и изящныя письменныя принадлежности и разныя бездѣлки, подаренныя ею въ дни рожденія, именинъ, Рождества и Пасхи. Она знала, что эти маленькіе подарки очень трогали Сергѣя Ивановича. Вѣра обтирала вещи и складывала бумаги и книги на столѣ такъ же, какъ и лежали, однимъ словомъ—прибирала столъ, какъ бы священнодѣйствуя у мужского «алтаря».

Сергѣй Ивановичъ, вѣрный какъ влюбленный супругъ и потому не имѣющій какихъ-нибудь секретовъ въ ящикахъ стола, былъ радъ, что жена заботлива и столъ его въ такомъ образцовомъ порядкѣ.

«О, пѣстунья моя!»—умиленно думаетъ мужъ, присаживаясь по вечерамъ къ столу за спѣшный докладъ, о которомъ про-

силъ директоръ департамента. И Скворцова трогаетъ, когда жена работала надъ какимъ-нибудь рукодѣльемъ или читала журналъ и дарила мужа ласковымъ словомъ соболѣзнованія, что онъ много работаетъ, и однимъ изъ тѣхъ долгихъ поцѣлуевъ, который заставлялъ его повторить женѣ, что она «родственная душа».

На все остальное въ кабинетѣ старательно и угрюмо «наводилъ чистоту» Игнатій, пожилой, молчаливый и далеко не представительный слуга, который жилъ у Сергѣя Ивановича и до его женитьбы и очень былъ доволенъ бариномъ. Онъ не требовалъ особой чистоты въ квартирѣ, не считалъ своего лакея лѣнтяемъ и дерзкимъ и не замѣчалъ кое-какихъ надбавокъ на цѣны покупокъ.

Но съ тѣхъ поръ, какъ явилась и барыня, Игнатій понялъ, что пошли «строгости» и что, по всѣмъ видимостямъ, барыня характерная и изъ-за пустой неисправки съ самымъ кроткимъ видомъ дастъ разсчетъ. И Игнатій подтянулся и, избѣгая «придирокъ», сталъ менѣе лѣнивъ и дерзокъ.

«Чортъ, молъ, съ ней! Небось раньше пѣшкомъ трепала въ погоду, а теперь резонится!» — осуждалъ Игнатій Вѣру Борисовну.

Скворцову онъ вначалѣ изумлялся и не безъ презрѣнія думалъ про него:

«Кажется, господинъ неглупый и съ понятіемъ, а, влюбившись до потерянности, въ низкой покорности у жены».

И, далеко не поклонникъ равноправности мужей и женъ, Игнатій рѣшительно не одобрялъ «помраченія разсудка» въ мужчинѣ, да еще не старомъ. Жена что̀ хочетъ, то и дѣлаетъ, а мужъ только будто глава въ домѣ... «Все какъ ты, Сергѣй Ивановичъ!.. Какъ хочешь, Сергѣй Ивановичъ!.. Ловко!»

Нечего и говорить, что Игнатій, уже не пользовавшійся прежнимъ привилегированнымъ положеніемъ, трусилъ мягкой, но строгой молодой барыни и, почтительный, въ душѣ не терпѣлъ Вѣру Борисовну.

Немало видѣлъ онъ разныхъ «мерзостей», какъ называлъ онъ семейныя дрязги, въ разныхъ домахъ, въ которыхъ служилъ и лакеемъ и камердинеромъ. И самъ неудачно выбравшій себѣ жену и брошенный ею, Игнатій былъ большой скептикъ въ сужденіяхъ о семейномъ счастьѣ и лукавствѣ и коварствѣ женщинъ и не очень-то вѣрилъ въ Вѣру Борисовну.

Несмотря на ея неустанную внимательность къ мужу и заботы о Скворцовѣ, Игнатій все-таки подозрѣвалъ, что эта всегда спокойная тихоня показываетъ себя примѣрной женой

по разсчету и ведетъ свою линію, форменно околпачивая своего не очень-то изъ себя казистаго и «обалдѣвшаго» отъ любви супруга.

«Навѣрное, путается на сторонѣ съ молодымъ любовникомъ!»—думалъ Игнатій.

Какъ ни слѣдилъ за Вѣрой Борисовной Игнатій, ничего не выслѣдилъ. Но онъ все-таки продолжалъ не довѣрять ей и рѣшилъ, что она очень скрытная, умная «бестія» и ловко заметаетъ свои слѣды.

«Все, молъ, шито и крыто. Сергѣй Ивановичъ, вѣрно, ужъ записалъ свое имѣніе на жену».

IV.

Въ одиннадцатомъ часу въ кабинетъ вошла своей неспѣшной граціозной походкой Вѣра Борисовна въ своемъ красномъ капотѣ-«кардиналѣ» и въ красныхъ, отороченныхъ мѣхомъ туфелькахъ на шелковыхъ черно-розовыхъ чулкахъ, сквозь которыя сквозила бѣлизна ногъ, въ папильоткахъ у лба, съ оголенными красивыми руками, съ блестящими кольцами на безыменномъ пальцѣ и мизинцѣ одной руки. По обыкновенію, ласковая и спокойная, она присѣла на тахту около мужа. Отъ ея тѣла шло тонкое благоуханіе.

Скворцовъ отложилъ книгу и, обрадованно цѣлуя руку жены, проговорилъ:

— Пасхальныя заботы окончила?

— Все кончено. Умылась и зашла посмотрѣть, что̀ дѣлаешь...

— Читалъ, Вѣра.

— Интересная книга?

— Очень.

— А я цѣлый день хлопотала... И все удалось. Пасхи, вѣрно, понравятся. Кажется, хороши. Сама дѣлала. Вѣдь ты ихъ любишь, Сергѣй!—прибавила Вѣра Борисовна.

— Милая ты моя хозяйка!

И Сергѣй Ивановичъ любовался своей милой женой.

— Ты что̀ такъ смотришь?

— А гляжу на мою красавицу и думаю, какъ я безгранично счастливъ съ тобой и какъ ты балуешь меня.

И прибавилъ:

— Иногда просто не вѣрится счастью. И какъ же я привязанъ къ тебѣ, родная, если бы ты знала!

— Знаю, милый.

— А я надоѣдаю признаніями? Ты не слушай ихъ, если надоѣло,—промолвилъ добродушно Скворцовъ.

— Это не надоѣдаетъ,—шепнула, улыбаясь, молодая женщина.

Она взглянула на это дышавшее безпредѣльной любовью лицо, и большая шишка на лбу, какъ всегда, втайнѣ раздражала Вѣру Борисовну. Раздражали ее и эти постоянныя признанія въ серьезномъ и умиленномъ тонѣ. Ей казалось, что послѣ пяти лѣтъ можно бы и нѣсколько успокоиться на лаврахъ.

И, отведя глаза, Вѣра Борисовна сказала:

— А я не много растранжирила, Сергѣй, къ праздникамъ... Не болѣе ста рублей... А у тебя много предстоитъ праздничныхъ?

— Рублей пятьдесятъ, какъ всегда...

— Ничего не ждешь къ празднику?

— Чего же?

— Звѣзды...

— Ты развѣ хочешь, чтобы я имѣлъ звѣзду? — шутливо спросилъ Сергѣй Ивановичъ.

— Зачѣмъ мнѣ она? Но все-таки...

— Честолюбива за меня?

— Пожалуй... отличіе...

— Я вѣдь не честолюбивъ, Вѣра...

— Но ты такъ много работаешь. Министръ могъ бы признать это...

— Онъ знаетъ, что служу ради средствъ, и средства мнѣ даетъ... И награды назначаетъ денежныя... Это умно... Развѣ не такъ, Вѣра?

— Конечно... А ты не устаешь?

— Отчего ты спрашиваешь? Или старѣюсь?—съ тревогой спросилъ мужъ.

— Не кокетничай, пожалуйста... Точно я не знаю, какой еще ты молодой!—чуть слышно проговорила Вѣра, улыбаясь глазами.

Она знала, что это былъ самый пріятный комплиментъ влюбленному пожилому мужу, и видѣла, какъ онъ радостно просвѣтлѣлъ, когда отвѣтилъ:

— И если душа во мнѣ молода, Вѣра, то ты, моя чаровница... Ты...

— Но меня все-таки безпокоитъ, что ты такъ работаешь въ министерствѣ изъ-за меня... И если ты устаешь, если захочешь бросить службу, можно уѣхать въ имѣніе. Я хоть и не привыкла къ глуши, но для тебя...

— И не устаю, и никуда не хочу отсюда... Тебѣ здѣсь хорошо,—и я счастливъ. Точно не знаешь, милая!—порывисто воскликнулъ Сергѣй Ивановичъ.

Разумѣется, Вѣра Борисовна видѣла, что мужъ и утомляется, и скрываетъ отъ нея недомоганіе послѣ службы, что онъ съ удовольствіемъ вышелъ бы въ отставку и поѣхалъ бы искать «идиллію» въ имѣніи вмѣсто того, чтобы изнывать надъ работой, которая ему не нравилась; но она такъ же хорошо знала, что онъ не выйдетъ въ отставку и не уѣдетъ изъ Петербурга, который ей нравится и гдѣ мужъ хорошо зарабатываетъ.

Да и не похоронить же себя въ деревнѣ?

И Вѣра Борисовна уже болѣе не говорила объ утомленіи Сергѣя Ивановича, сказала о томъ, что завтра у нихъ, вѣрно, будутъ обѣдать братъ Сергѣя Ивановича, двѣ знакомыя барышни и двоюродный ея братъ, студентъ.

— А развѣ Басковъ не будетъ? Не звала? Вѣдь онъ всегда въ этотъ день у насъ обѣдаетъ... Или мой пріятель надоѣлъ?..

— Я ничего противъ него не имѣю, Сергѣй... Онъ привязанъ къ тебѣ и любитъ поговорить съ тобой. Вѣрно, придетъ поздравить, и мы оставимъ его обѣдать... Ну, до свиданія... Пора одѣваться и ѣхать къ заутренѣ... Ты вѣдь не поѣдешь со мной?

— Прости.. Не поѣду... Ты возьмешь Игнатія?

— Зачѣмъ? До «Удѣловъ» два шага. Погода прелестная, и я дойду. А Игнатій долженъ накрывать пасхальный столъ.

Съ этими словами Вѣра Борисовна пошла одѣваться.

Черезъ полчаса она пришла показаться въ бѣломъ платьѣ.

— Въ первомъ часу вернусь изъ церкви. Похристосуемся, разговѣемся и скорѣе спать. Я устала сегодня!

Но Вѣра Борисовна не казалась утомленной.

Необыкновенно интересная и блестящая въ своемъ нарядномъ платьѣ, лифъ котораго обливалъ красивыя формы бюста, она, обыкновенно спокойная, была оживленнѣе. Ея лицо слегка зарумянилось, и большіе сѣрые глаза блестѣли.

— До свиданія, Вѣра! И какая же ты красавица!—будто подавленный отъ восторга произнесъ Сергѣй Ивановичъ.

Она улыбнулась и торопливо вышла.

Скворцовъ проводилъ жену и, вернувшись въ кабинетъ, вынулъ изъ ящика письменнаго стола футляръ, полюбовался брильянтовыми серьгами, которыми похристосуется съ женой, и, радостный, что обрадуетъ Вѣру своимъ роскошнымъ подаркомъ, положилъ футляръ на столъ и, усѣвшись на тахту, принялся за книгу.

V.

Прошло четверть часа, и Скворцовъ поморщился. Онъ пересталъ читать и озабоченно потрогалъ бокъ.

Онъ почувствовалъ тупую боль. Она не проходила. Мнительный и особенно заботившійся о своемъ здоровьѣ съ тѣхъ поръ, какъ женился, онъ давно уже лѣчился массажемъ и душами, ходилъ пѣшкомъ и часто совѣтовался со своимъ старымъ пріятелемъ, Дмитріемъ Александровичемъ Басковымъ, извѣстнымъ врачомъ, который раза два въ недѣлю приходилъ къ Скворцову обѣдать.

Этотъ веселый и остроумный докторъ, крѣпкій, здоровый и румяный, съ большими бойкими голубыми привѣтливыми глазами и крупными бѣлыми зубами, разсказывалъ за обѣдомъ анекдоты и свои наблюденія надъ паціентами. Болталъ онъ преимущественно съ Сергѣемъ Ивановичемъ, съ которымъ былъ давно на «ты», и мало обращалъ вниманія на его красивую жену. Онъ громко и вкусно смѣялся, ѣлъ за двоихъ и выпивалъ бутылку хорошаго краснаго вина.

Послѣ обѣда онъ шелъ въ кабинетъ выпить кофе съ fine champagne, выкурить тонкую сигару и узнать о здоровьѣ пріятеля. Но, найдя, что онъ въ «порядкѣ», черезъ полчаса уходилъ, угостивши иногда, въ качествѣ «нераскаяннаго холостяка», какимъ-нибудь скабрезнымъ анекдотомъ или откровеннымъ добродушнымъ признаніемъ, что хоть супруга Сергѣя Ивановича и прелестная женщина, но—«ужъ ты не сердись, влюбленный мужъ!»—не его романа.

И Сергѣй Ивановичъ не только не сердился, но, крѣпко пожимая широкую руку Баскова, просилъ его не забывать и чаще заходить обѣдать.

Скворцовъ взглянулъ на себя въ зеркало. Его худое длинное лицо съ коротко остриженными волосами — ничего себѣ. Свѣжести нѣтъ и цвѣтъ лица «петербургскій» — желтоватый, безъ намека на румянецъ,—но болѣзненнаго и осунутаго вида нѣтъ. Сергѣй Ивановичъ приложилъ тонкую выхоленную руку, съ безукоризненными ногтями, къ покатому, нѣсколько облысѣвшему лбу: жара, кажется, нѣтъ. Значитъ, процесса въ боку не можетъ быть... Но вмѣсто тупой боли начались покалыванія... Это раздражаетъ и тревожитъ Скворцова... и мнительность растетъ... Онъ какъ нарочно вспоминаетъ о недавней смерти одного сослуживца. Былъ здоровъ и вдругъ почувствовалъ боли въ боку,—и черезъ три мѣсяца похоронили отъ скоротечной чахотки...

«Всякую болѣзнь слѣдуетъ захватить въ началѣ!»—думалъ

Скворцовъ и, начинавшій трусить, рѣшилъ тотчасъ идти къ Баскову.

Онъ живетъ близко и, навѣрное, дома; читаетъ медицинскія книги—не отстаетъ отъ науки и послѣ одиннадцати къ больнымъ не ѣздитъ. Онъ выслушаетъ легкія Сергѣя Ивановича и, вѣроятно, объяснитъ эти покалыванія въ боку и успокоитъ. Успокоится и Вѣра. Вѣдь она такъ заботится объ его здоровьѣ... еще только-что тревожилась: не устаетъ ли онъ отъ занятій...

— Милая!—умиленно проговорилъ Сергѣй Ивановичъ.

И вспомнилъ, что Вѣра забыла пригласить обѣдать завтра Баскова... Она молодецъ: умѣетъ угостить хорошимъ обѣдомъ... Басковъ любитъ поѣсть и собесѣдникъ пріятный... Форель и индѣйка, начиненная трюфелями, это умно придумала «Вѣрушка»,—про себя назвалъ Скворцовъ жену, не называя громко ее этимъ уменьшительнымъ именемъ: оно ей не нравится.

Скворцовъ позвонилъ Игнатія и велѣлъ подать зимнее пальто.

— Теплая погода, осмѣлюсь доложить, Сергѣй Ивановичъ!—предупредилъ Игнатій.

— Подайте все-таки зимнее пальто... Погода капризная... Надо беречься, Игнатій!—привѣтливо и озабоченно отвѣтилъ Скворцовъ и, одѣвшись, вышелъ.

VI.

Погода въ эти апрѣльскіе дни стояла въ Петербургѣ на рѣдкость.

Ночь подъ Свѣтлый праздникъ была тихая, теплая и лунная. Въ воздухѣ пахло весной. И Скворцову казалось, что бокъ сильнѣе побаливаетъ.

Онъ чувствовалъ себя несправедливо обиженнымъ, словно бы виноватымъ передъ молодой женой, и въ головѣ его бродили грустныя, мнительныя мысли о будущемъ. Онъ жалѣлъ себя впередъ. Сергѣй Ивановичъ такъ счастливъ съ Вѣрой, онъ такъ желаетъ здоровья—и что̀ можетъ случиться... Что̀ если онъ серьезно заболѣетъ и...

Скворцову стало жутко, страшно при мысли, что Вѣра останется вдовой... Сколько тревогъ и горя бѣдной женщинѣ... Она такъ привязана къ нему... Сколько нѣжной любви... По крайней мѣрѣ Вѣра будетъ обезпечена. Завѣщаніе давно написано: имѣніе перейдетъ къ ней, и небольшой пенсіонъ получитъ...

«Какой вздоръ лѣзетъ въ голову!»—мысленно проговорилъ Сергѣй Ивановичъ.

Въ зимнемъ пальто ему было жарко, и Скворцовъ шелъ по утихавшей улицѣ медленнымъ шагомъ, чтобы не разгорячиться на скорой ходьбѣ. «Простуда такъ опасна, и Петербургъ такой подлый по климату», — подумалъ Сергѣй Ивановичъ.

Онъ уѣхалъ бы изъ Петербурга на югъ, но Вѣра не любитъ провинціи, и онъ не говоритъ объ этомъ... Онъ вѣдь дорожитъ ея счастьемъ. Пока здоровье позволяетъ ему жить въ Петербургѣ, онъ не оставитъ службы.

Въ головѣ Скворцова пронеслась горделивая мысль собственника—мужа такой прелестной женщины. Но его самолюбію стало обидно, когда онъ вспомнилъ, что у нихъ дѣтей нѣтъ.

«Хоть бы одинъ ребенокъ—сынъ, конечно!»—мечталъ мужъ, считая, что жизнь и его и жены была бы еще полнѣе и счастливѣе. Вѣра такая цвѣтущая, а бездѣтна...

И Скворцовъ рѣшилъ, что и объ этомъ надо какъ-нибудь поговорить съ Басковымъ.

Черезъ четверть часа Сергѣй Ивановичъ вошелъ въ подъѣздъ и обрадовался — покалываній въ боку нѣтъ. Поднялся во второй этажъ—никакой боли. Грудь дышитъ свободно...

Обрадованный и сразу ободрившійся, Сергѣй Ивановичъ подошелъ къ двери квартиры пріятеля. Дверь пріоткрыта.

Онъ все-таки надавилъ звонокъ. Прошла минута, другая: никто не являлся.

Скворцовъ сообразилъ, что прислуги, вѣрно, нѣтъ. Онъ вошелъ въ прихожую и прихлопнулъ двери.

Гостиная была освѣщена. Въ комнатахъ тишина.

Скворцовъ прошелъ въ освѣщенный кабинетъ и такъ замеръ, точно увидалъ нѣчто неожиданное и ужасное.

Онъ мертвенно поблѣднѣлъ. Ни одинъ мускулъ не двигался на его точно парализованномъ лицѣ,—только губы судорожно подергивались. Глаза съ расширенными зрачками неподвижно остановились на креслѣ у письменнаго стола.

Тамъ, словно бы брошенная, лежала нарядная суконная ротонда и на ней бѣлая шляпка.

Прошла секунда, другая. Скворцовъ немного пришелъ въ себя. Казалось, лучъ надежды блеснулъ въ его глазахъ.

И, осторожно ступая по ковру, покрывавшему всю комнату, Сергѣй Ивановичъ приблизился къ столу и сталъ осматривать ротонду.

«Быть-можетъ, похожая?»—пронеслось въ головѣ Скворцова.

О, какъ ему хотѣлось, чтобы онъ ошибся!

И онъ дрожащими руками ощупывалъ ротонду и нащупалъ

маленькій бумажникъ. Досталъ и заглянулъ на визитныя карточки: Вѣра Борисовна Скворцова.

Но ему теперь казалось мало доказательствъ.

И, словно подкрадывающійся воръ, онъ пробрался къ запертымъ дверямъ спальной и, весь вздрагивающій, точно его било въ лихорадкѣ, сдерживая дыханіе, онъ прислушивался съ больнымъ и жаднымъ любопытствомъ. И воображеніе рисовало жену въ объятіяхъ этого подлеца.

До его слуха донеслись веселые, счастливые голоса...

Сергѣй Ивановичъ слушалъ. И его охватывала и обида и смертельная тоска...

«Какая лживая!» — подумалъ онъ. Злобное чувственное оскорбленіе душило его. Но онъ не отходилъ отъ двери.

За ней голоса смолкли.

Скворцовъ неосторожно задѣлъ ручку двери.

— Кто тамъ?—раздался вдругъ басистый, раскатистый голосъ Баскова.

И не успѣлъ Скворцовъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ въ кабинетъ вошелъ Басковъ въ наброшенномъ на сорочку халатѣ и на босу ногу.

— Ты?—изумленно произнесъ Басковъ.

Лицо его поглупѣло отъ выраженія приниженной виноватости и тупого страха, словно бы у собаки, пойманной на преступленіи хозяиномъ. Басковъ даже не пожалъ руки пріятеля.

Не протянулъ руки и Скворцовъ.

Растерянный и самъ испуганный, онъ съ особенной любезностью проговорилъ:

— Это я... Не дозвонился... Дверь была незаперта... Зашелъ звать тебя завтра обѣдать... Индѣйка съ трюфелями... Придешь?

— Спасибо, голубчикъ... Непремѣнно!..—сконфуженно отвѣтилъ Басковъ.

И, взглядывая на страдальчески улыбающагося Скворцова и потомъ на ротонду и шляпку, докторъ быстро оправился и съ добродушной шутливостью прибавилъ, понижая голосъ:

— А ты, Сергѣй Иванычъ, засталъ меня врасплохъ. Одна француженка, Берта у меня... Дуракъ-лакей не заперъ двери... Ну, да ты... пріятель...

— Извини, что помѣшалъ... До свиданія, Дмитрій Александровичъ!

Басковъ крѣпко пожалъ руку пріятелю и сказалъ:

— А тебѣ надо прописать брома... Усталъ... Осмотрю тебя на-дняхъ... Мое глубочайшее почтеніе супругѣ!..—прибавилъ онъ почтительнымъ тономъ.

И провелъ Скворцова до дверей.

Черезъ пять минутъ Сергѣй Ивановичъ на извозчикѣ пріѣхалъ домой.

Онъ прошелъ черезъ столовую, гдѣ пасхальный столъ уже красовался во всемъ блескѣ, и бросился на тахту въ кабинетѣ.

Мрачный сидѣлъ онъ, и казалось ему, что жизнь теперь не нужна. Онъ думалъ, что такого несчастнаго и такъ жестоко обманутаго нѣтъ на свѣтѣ, и не могъ рѣшить, какъ ему поступить. Впереди одиночество... Тоска!.. Разводъ или разойтись?.. Разумѣется, онъ сегодня же будетъ спать въ кабинетѣ!..

— И какъ она войдетъ въ домъ? — прошепталъ Сергѣй Ивановичъ.

Но въ первомъ часу Вѣра Борисовна вошла какъ ни въ чемъ не бывало. Красивая, ослѣпительная, спокойная и ласковая, ясно глядѣвшая на мужа своими нѣжными глазами, она подошла къ Сергѣю Ивановичу и проговорила:

— Христосъ воскресъ!

Онъ сконфуженно отвѣтилъ:

— Воистину!

И Вѣра Борисовна горячо похристосовалась.

Сергѣй Ивановичъ, ни слова не говоря женѣ, подошелъ къ столу и подалъ женѣ футляръ.

— Милый! — шепнула Вѣра Борисовна, взглянувши на брильянты, и, довольная и счастливая, она прильнула къ его губамъ.

Сергѣю Ивановичу показалось, что онъ былъ во снѣ.

— Пойдемъ... Съѣшь что-нибудь... Не боленъ ли ты?.. Ты мрачный и блѣдный... Что̀ съ тобой?

— Нездоровилось... Ходилъ къ Баскову...

— И что̀ же онъ сказалъ?..

— Не смотрѣлъ... На-дняхъ...

— Скорѣй ляжемъ спать, и ты отдохнешь...

И Вѣра Борисовна, взглянувъ на мужа, поняла, что власть къ ней вернется.

Дѣйствительно, Сергѣй Ивановичъ не рѣшился остаться безъ родственной души. Онъ скоро успокоился, постарѣлъ, сталъ болѣе философомъ и ни разу не проговорился о томъ, какой сонъ видѣлъ онъ въ ту пасхальную ночь. А Вѣра Борисовна стала еще ласковѣе и осторожнѣе.

СВАДЕБНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.

Разсказъ.

I.

Минутъ за десять до отхода курьерскаго поѣзда въ Москву передъ пульмановскимъ вагономъ стояла кучка дамъ и мужчинъ.

Провожавшіе молодую чету Руслановыхъ, три часа тому назадъ повѣнчанную въ одной изъ модныхъ домовыхъ церквей въ «Удѣлахъ», были изъ «монда».

Нѣсколько хорошенькихъ женщинъ, много элегантныхъ костюмовъ и шляпъ и тонкій ароматъ духовъ. Два красивыхъ, моложавыхъ, сѣдыхъ генерала. Офицеры блестящихъ полковъ. Юный мичманъ и десятокъ статскихъ въ модныхъ пальто на безукоризненныхъ фракахъ съ цвѣтами въ петлицахъ.

Всѣ казались оживленными и слегка возбужденными.

Чуть-чуть отдѣлившись отъ кружка, стоялъ пожилой господинъ съ выбритымъ усталымъ лицомъ и равнодушнымъ взглядомъ, въ черномъ пальто и съ фетромъ на головѣ.

Онъ говорилъ старому адмиралу о погодѣ въ Крыму прошлой осенью. Слегка наклонивъ голову, адмиралъ напряженно-внимательно слушалъ, словно бы боялся проронить одно слово пожилого господина. Въ лицѣ и въ фигурѣ старика-адмирала было что-то искательное и жалкое, хотя его высокопревосходительству не было ни малѣйшаго дѣла ни до его превосходительства ни до прошлогодней погоды.

Многіе изъ провожавшихъ Руслановыхъ взглядывали на него значительно, съ невольно-раболѣпнымъ чувствомъ. Проходившіе мимо мужчины, видѣвшіе пожилого господина въ его пріемной и даже не бывавшіе тамъ, почтительно снимали шляпы, и лица ихъ какъ будто расцвѣтали, когда его превосходительство любезно приподнималъ свой фетръ съ коротко-

остриженной засѣдѣвшей головы, не припоминая или не зная господъ, кому кланялся.

Нѣсколько ливрейныхъ лакеевъ, стоявшихъ сзади, упорно смотрѣли на него, и глаза ихъ прилично-серьезныхъ бритыхъ лицъ, казалось, загорались горделивымъ восторгомъ передъ его престижемъ.

Казалось, невольное и часто безкорыстное раболѣпіе было привычно пожилому господину и не стѣсняло его. Онъ принималъ его какъ нѣчто естественное, какъ то самое, что испытывалъ и самъ въ тѣ времена, когда достигалъ высоты положенія.

Мимо кучки провожающихъ шнырялъ господинъ, могущій внушать подозрѣніе, не будь онъ вполнѣ прилично одѣтый молодой человѣкъ въ цилиндрѣ, откровенно-стремительный, озабоченный и побѣдоносный, съ бѣгающими, почти вдохновенными глазами.

Онъ такъ жадно оглядывалъ женскіе наряды, бросая болѣе дѣловитые, чѣмъ восторженные взоры на женскія даже хорошенькія лица, что можно было принять молодого человѣка за дамскаго портного, желающаго «схватить» послѣднее слово фасоновъ платьевъ, жакетокъ и шляпокъ.

Немедленно объяснилось, что молодой человѣкъ не портной. Онъ набросился на начальника станціи и, чуть не коснувшись его юпитеровскаго лица своимъ длиннымъ и тонкимъ носомъ, съ фамильярною торопливостью и краткостью допрашивалъ: «Кто новобрачный?.. Куда? Фамиліи генераловъ? Посажены ли его высокопревосходительство? Кто въ бѣломъ, сѣромъ, зеленомъ костюмахъ? Кто мать молодой?... Голубчикъ... Какъ же не знаете всѣхъ... Непостижимо!..»

Онъ полетѣлъ по перрону, напалъ на оберъ-кондуктора, вернулся и небрежно спросилъ ливрейныхъ лакеевъ о сиреневомъ платьѣ. Въ нѣсколько минутъ онъ узналъ все, что требовали его обязанности, и, присѣвши на скамью, вынулъ записную книжку и сталъ набрасывать матеріалъ для замѣтки въ завтрашнемъ нумерѣ бойкой газеты, обращающей вниманіе на свѣжесть великосвѣтской хроники.

— Это—репортеръ! Завтра попадемъ въ газеты! — съ гримаской, но втайнѣ довольная, замѣтила одна дама.

«Молодая»—высокая, стройная брюнетка съ крупной родинкой на загорѣвшейся матовой щекѣ, возбужденная и счастливая, казавшаяся гораздо моложе своихъ двадцати шести, была въ «стильномъ» сѣромъ дорожномъ платьѣ и въ большой шляпѣ съ яркими цвѣтами, придававшей ея хорошенькому, энергичному лицу что-то кокетливо-вызывающее и горделивое.

Она стояла въ центрѣ кружка провожающихъ, обмѣниваясь со всѣми короткими ласковыми словами. Всѣ эти родные и знакомые, не разъ подвергавшіеся ея злословію, казалось, такъ сердечно высказывали ей привязанность, такъ горячи и искренни были ихъ пожеланія, что всѣ, всѣ казались ей въ эти минуты необыкновенно милыми, хорошими и добрыми. И она какъ-то невольно придавала значительность и сердечную приподнятость своимъ самымъ обыкновеннымъ и незначащимъ словамъ.

Но вдругъ по лицу молодой женщины мелькнуло выраженіе испуга.

— Слушай, мамочка...

Пожилая, внушительнаго вида, сильно молодившаяся, подкрашенная вдова извѣстнаго боевого генерала, довольная, что ея Мета вышла наконецъ замужъ влюбленная и расходы заботливой матери сократятся,—услышала своимъ чуткимъ ухомъ тревожную нотку въ голосѣ дочери. И генеральша съ еще большей нѣжностью спросила:

— Что, Мета?

— Мнѣ... Пришли въ Алупку мой беретъ... Я забыла взять... Не забудь.

— Завтра пошлю, милая.

И, словно бы внезапно спохватившись, прибавила:

— А ты и не хотѣла показать, какъ устроились въ купе. Покажи...

— Пойдемъ, мама...

И, когда онѣ вошли въ маленькое купе, полное букетами цвѣтовъ, мать воскликнула:

— И какъ же хорошо... И какъ я рада, что ты счастливая!—прошептала мать.

— О, да... да.. Но, мамочка... Вѣдь надо Никсу сказать,— чуть слышно, взволнованно сказала Мета.

— Я говорила тебѣ... Не теперь только...

— А когда?

— Завтра, послѣзавтра... понимаешь... Какъ мы обворожительны!—восхищенно промолвила мать и обняла дочь.—Ну, идемъ, Мета.

II.

Онѣ вернулись на платформу, обѣ веселыя.

— Вѣдь не надолго прощаемся, Мета... Не правда ли?

— На мѣсяцъ, мама.

«Никсъ такъ меня любитъ!»—подумала Мета, ища глазами мужа.

Никсъ, плотный, цвѣтущій, красивый блондинъ однихъ лѣтъ съ женой, съ рѣшительными, слегка наглыми голубыми глазами, съ подстриженной маленькой бородкой и пушистыми, кверху вздернутыми усами, въ темно-синемъ вестонѣ и въ мягкой шляпѣ, ходилъ по перрону подъ руку со своимъ товарищемъ по лицею, старымъ другомъ и сослуживцемъ по министерству.

Далеко не счастливый по виду, молодой, озабоченный и раздраженный, онъ сдержанно-тихо говорилъ другу:

— Ради самого чорта, Вѣнецкій! Сдѣлай все... все...

— Сдѣлаю, Никсъ...

— Не забудь... Не зарѣжь меня... Завтра же поѣзжай къ Александрѣ Эсперовнѣ. Всего удобнѣе въ два часа... Прежде былъ мой часъ, и мужъ на службѣ... Успокой. Ври... ври, объясняя, почему я уѣхалъ не простившись... И скажи, что, какъ вернусь изъ Крыма, буду у нея... А то, что̀ обѣщалъ, пришлю изъ Алупки...

— Развѣ ты, Никсъ, и у Александры Эсперовны занялъ?

— А ты думалъ, что я ей далъ взаймы?.. Откуда? Отъ американскаго дядюшки, что ли, наслѣдство?.. Или ты мнѣ далъ?.. Однимъ словомъ, будь чрезвычайнымъ посломъ... И благословляю тебя... Въ качествѣ утѣшителя сдѣлайся другомъ сердца... Она...

— Свинья ты...

— Охотно вѣрю... Но, главное, уговори моихъ подлецовъ кредиторовъ... Я ихъ просилъ... Вѣрю мало... Убѣди, что получу же за женой средства... Со всѣми расплачусь.

— Много ли берешь за женой?

— Не меньше двухсотъ тысячъ... Есть пензенское имѣніе. Продаютъ... Конечно, дуракъ! — раздраженно прибавилъ Никсъ.

— На всякаго мудреца довольно простоты...

— Еще если бы былъ влюбленъ до одурѣнія... Рѣшилъ утромъ сегодня предложить генеральшѣ ультиматумъ... Сколько? И немедленно двадцать пять тысячъ... И, понимаешь, какое-то идіотство нашло... Ни слова!.. Неловко было сказать, что кромѣ долговъ ничего... А вѣдь могъ бы сегодня заткнуть всѣ дыры... Такъ и обѣщалъ подлецамъ... И теперь, если они предъявятъ векселя ко взысканію... Скандалъ!..

— Скажи женѣ...

— Еще бы!.. Не броситься же подъ поѣздъ!.. Я хочу жить какъ порядочный человѣкъ... Для чего же ты держалъ сегодня надъ моей головой вѣнецъ?.. Мета будетъ прелестной женой... Влюблена, не глупа, не terre à terre съ ревнивыми сценами

и записными книжками... Душевное спокойствіе. Звонки не будутъ раздражать... Мирный очагъ въ уютномъ гнѣздѣ... Пора избавиться отъ моей каторги...

Вдругъ Никсъ нахмурился и раздраженно промолвилъ:

— Повернемъ... Сейчасъ полюбуешься вотъ этимъ мерзавцемъ, который пришелъ сюда...

«Мерзавецъ» въ образѣ почтительнаго швейцара подошелъ къ Никсу и, снимая фуражку съ галуномъ, чуть слышно прошепталъ:

— Когда же? Все вамъ отдалъ, Николай Иванычъ!

— Видите, женился... Получу... Вернусь черезъ мѣсяцъ... Все получите,—почти тихо, чуть слышно промолвилъ Никсъ.

И внушительно и громко прибавилъ, сунувъ швейцару золотой:

— Такъ смотри же, Викентій!.. Ступай!

Никто, разумѣется, не догадался, въ чемъ дѣло.

Швейцаръ, повидимому, мало обнадеженный, что скоро посмотритъ на свои деньги, не особенно горячо поблагодарилъ и, надѣвши фуражку, съ мрачнымъ видомъ пошелъ къ выходу.

— Нѣтъ!.. Это чортъ знаетъ что... Скотина вообразилъ, что удираю изъ-за его тысячи рублей...

Пробилъ второй звонокъ.

— Такъ будь другомъ, Вѣнецкій... Все, что просилъ...

— Постараюсь, Никсъ.

— Одинъ мѣсяцъ пусть подождутъ... Одинъ мѣсяцъ — все до копейки... Телеграфируй въ Алупку... Разумѣется условно...

— Конечно...

Друзья вернулись къ вагону.

Начались пожатія рукъ, объятія, поцѣлуи и пожеланія.

— Счастливецъ, Никсъ!—говорили пріятели.

— Прелестная пара!—замѣтила какая-то дама.

Всѣ посторонились, когда пожилой господинъ въ фетрѣ подошелъ къ племянницѣ.

Онъ три раза поцѣловалъ Мету, наскоро перекрестилъ ей лобъ и сказалъ:

— До свиданія, Мета... Если удосужишься, напиши, какъ погода въ Крыму.

— Непремѣнно, дядя... Будь здоровъ!

— Какое тутъ здоровье?—недовольно промолвилъ его превосходительство, точно Мета осмѣлилась желать здоровья человѣку, который постоянно считаетъ себя нездоровымъ и все-таки работаетъ съ утра до ночи, удивляя по временамъ авто-

ровъ восторженныхъ статеекъ «желѣзной энергіей и неусыпнымъ трудолюбіемъ» его превосходительства.

— Ты, дядя, взялъ бы отпускъ... Нельзя такъ работать!— съ трогательнымъ участіемъ проговорила Мета. — Пріѣзжай въ Крымъ...

— Отдохни ты за меня, Мета!—шутливо сказалъ дядя.

Мета ужъ была въ объятіяхъ матери, а предъ его превосходительствомъ словно выплылъ изъ-за жены Никсъ, почтительно наклонивъ обнаженную, коротко остриженную бѣлокурую голову.

— Ну, добраго пути, Николай Ивановичъ!—довольно равнодушно говорилъ пожилой господинъ, и взглядъ его сталъ еще застланнѣе и, казалось, непроницаемѣе.

Онъ протянулъ маленькую руку въ лайковой желтой перчаткѣ и, слегка пожавъ руку новаго родственника, не внушавшаго довѣрія ни къ его способностямъ, ни къ его средствамъ, ни къ его основательности, прибавилъ чуть-чуть мягче, но все-таки дѣловымъ тономъ:

— Благоразумно сдѣлали, что везете жену въ Крымъ. Отдыхать и тратить деньги лучше дома, чѣмъ за границей.

Никсъ согласился и поспѣшилъ отойти, чтобы проститься съ родными и пріятелями.

Его превосходительство не сталъ ожидать третьяго звонка.

Онъ сдѣлалъ общій любезный поклонъ, сдѣлалъ привѣтствіе рукой Метѣ и твердой, быстрой походкой направился къ выходу.

«Къ себѣ не возьму!»—безповоротно рѣшилъ онъ о Никсѣ.

И его превосходительство сталъ думать о весьма важной запискѣ, которая лежала на столѣ въ его кабинетѣ. Его лицо оживилось. Онъ не сомнѣвался, что запиской «подложитъ свинью» одному изъ своихъ коллегъ.

Съ уходомъ пожилого господина въ фетрѣ почти всѣ провожавшіе Руслановыхъ словно бы почувствовали облегченіе отъ необходимости льстить и отъ невозможности позлословить насчетъ его превосходительства.

Тотчасъ же пошли сдержанные обмѣны впечатлѣній.

Сестра его превосходительства, молодящаяся генеральша, первая же шепнула дочери:

— Я думала, что онъ хоть теперь тебѣ дастъ пакетъ, Мета... Онъ вѣдь знаетъ, что мои дѣла не блестящи... И я не могла...

— Скряга!—отвѣтила Мета.

— Эгоистъ былъ, эгоистъ и остался!

Какая-то родственница Меты говорила блестящему офицеру:

— Кажется, могъ бы подарить что-нибудь приличное пле-

мянницѣ... А то скверненькій браслетъ въ сто рублей... И вѣдь одинокъ... Старый холостякъ...

— Ну, не совсѣмъ одинокъ,—замѣтила другая дама.

— Не очень-то ему стòитъ эта дама.

— Скупъ!

— И жалуется, что кромѣ жалованья ничего.

— Знаемъ мы это «ничего»... И вдругъ гдѣ-то имѣніе въ триста тысячъ.

— Немудрено. Рыцари безъ страха и упрека обязательно выигрываютъ на свой билетъ двѣсти тысячъ! — проговорилъ какой-то статскій, смѣясь.

Красивый сѣдой генералъ говорилъ другому генералу:

— Ты знаешь... Я командовалъ полкомъ, а онъ былъ въ то время какимъ-то незначительнымъ «чинушей».

Красивый генералъ подернулъ плечами, точно былъ обиженъ и удивленъ.

— А ловкая шельма... Слышалъ, недавно? — отвѣтилъ генералъ.

И не безъ завистливаго смѣха говорилъ что-то на ухо другому.

— Неужели?

— Всѣ говорятъ.

Пробилъ третій звонокъ. Поѣздъ тихо тронулся.

Мета и Никсъ весело кивали изъ открытаго окна купе въ отвѣтъ на поднятыя шляпы мужчинъ и воздушные поцѣлуи дамъ.

Генеральша, отирая слезы, крестила въ воздухѣ дочь и воскликнула:

— Да хранитъ тебя Богъ! Пиши, Мета!

Разбившись на группы, провожавшіе пошли къ выходу. Слышались замѣчанія о новобрачныхъ.

— Никсъ прогадалъ... У Меты ничего.

— А пензенское?

— Одинъ изъ воздушныхъ зàмковъ матери... Кругомъ должна.

— А у Никса?

— Долговъ еще больше.

— Бѣдная Мета... Она такъ любитъ.

— Этого мало... Бѣдняга Никсъ!

— Толкомъ узнай, чтò получаетъ.

— Влюбились...

— Никсъ!?. Едва ли...

— Но какъ они будутъ жить?

— Дядя устроитъ... Заплатитъ долги Никса ради Меты...

— Не изъ такихъ американскихъ дядюшекъ.

— Никсъ самъ виноватъ. Не женись!

— И зачѣмъ Мета пошла за нищаго?

III.

Никсъ волновался... «Что̀ дастъ ему женитьба?»

Онъ прибралъ къ мѣсту букеты, коробки съ конфетами, саки и чехлы съ зонтами.

Мета сняла шляпу, посмотрѣла на себя въ зеркало, сняла перчатки и взглянула на свои красивыя руки съ кольцами на длинныхъ тонкихъ пальцахъ.

Оба сѣли рядомъ.

«О дѣлахъ еще рано!» — подумалъ Никсъ и поцѣловалъ Мету.

Мета приникла къ нему. Никсъ не безъ сентиментальности гладилъ ея волосы.

Мета, казалось, предпочла бы болѣе серьезныя доказательства счастія Никса. Когда онъ былъ женихомъ, не гладилъ головы, а цѣловался.

И, переполненная чувствомъ, она почти умиленно, восторженно прошептала:

— О, какъ я люблю тебя! И какъ я горжусь тобой, Никсъ!

Что Мета, давно желавшая семейныхъ радостей и считавшая флиртъ однимъ изъ пріятныхъ видовъ спорта, была какъ кошка влюблена въ дьявольски-красиваго блондина, это было естественно и понятно. Но почему она могла гордиться Никсомъ,—этого не могъ понять даже и при всей своей наглости Никсъ.

Кромѣ лица и сложенія, онъ никакого повода для гордости не подавалъ.

Но это ему было пріятно,—пусть гордится мужемъ!

И Мета, на которой онъ женился съ спеціальной цѣлью, ему очень нравилась. Кромѣ «души» у нея была и красота... Двадцать семь, правда, но моложава и свѣжа. Сложена отлично. Цѣлуется вкусно,—видно, выучилась на флиртѣ. Читаетъ даже журналы. Умѣетъ вести умные разговоры безъ претензій bas bleu. Умѣетъ одѣваться. Влюблена и влюбится сильнѣе. Съ матерью не особенно дружна. Генеральша слишкомъ афишируетъ своего юнца - любовника, невозможнаго балбеса.

Вотъ все или почти все, что̀ знаетъ Никсъ о женѣ.

Онъ подумалъ, что пока еще не можетъ ею гордиться.

Вотъ когда убѣдится, что дастъ пензенское имѣніе...

Никсъ не сомнѣвался, что оно «серьезно» и Мета обез-

печена... Она не дѣвчонка и не дура, понимаетъ, что порядочнымъ людямъ жениться нельзя только на влюбленныхъ дѣвушкахъ... И теперь домашній очагъ казался Никсу такой прелестью... И Мета такъ мила въ своемъ проявленіи горячаго порыва, что Никсъ какъ будто и не совсѣмъ лживо смягчилъ свой мягкій голосъ до влюбленной нѣжности, когда, крѣпко сжимая руку Меты въ своей, говорилъ:

— Любимая... Родная... Моя красавица... И какъ хорошо мы поживемъ въ Крыму... Море... Горы... Тепло... Прогулки... И вмѣстѣ... вмѣстѣ...

И Никсъ прибавилъ:

— Въ Москвѣ остановимся. Хочешь, Мета?

— Конечно. Я не была въ Москвѣ... Тамъ хорошо?

— Гостиницы недурны. Остановимся въ «Дрезденѣ». Завтракать въ «Большомъ Московскомъ»... Обѣдаемъ въ «Эрмитажѣ»... Кормятъ хорошо... А вечеромъ...

Никсъ сообразилъ, что въ его словахъ нѣтъ обязательно-поэтическаго настроенія. Онъ говорилъ съ женой почти такъ, какъ говорилъ съ легко доступной женщиной, когда возилъ такую въ Москву дня на три. Онъ обѣщалъ роскошный нумеръ, обѣды въ «Эрмитажѣ» и вечеръ у Омона.

И Никсъ понималъ, что во всякомъ случаѣ нужна «поэзія». И онъ сказалъ:

— Мы будемъ счастливы, Мета.

— Если ты...

— Что?

— Не разлюбишь скоро...

— Тебя?

И Никсъ разсмѣялся. Онъ хотѣлъ поцѣловать Мету, но въ двери постучались.

Вошелъ кондукторъ, взялъ билеты и спросилъ, когда приготовить постели.

— Въ Любани. Мнѣ ѣсть хочется. А тебѣ, Мета?

И ей захотѣлось ѣсть... Сегодня былъ поздній завтракъ dinatoire.

Когда они остались одни, Мета серьезно спросила:

— Такъ не разлюбишь?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ...

— Ты раньше любилъ, Никсъ?

— Никого.

— А эти твои дамы...

— Ты слышала?

— Да...

— Ну такъ это были увлеченія... Мимолетныя связи... А

теперь... Теперь совсѣмъ другое... Понимаешь... Тихій домашній очагъ... Уютное гнѣздо... Красавица умница жена... Милая!.. Но отчего твой дядя недоволенъ, что ты вышла за меня замужъ?

— Онъ только собою доволенъ... И не все ли тебѣ равно, Никсъ?.. Мы любимъ другъ друга...

— Это не мѣшаетъ, Мета, чтобы твой скряга перевелъ меня къ себѣ и устроилъ бы лучше, чѣмъ въ моемъ министерствѣ.

— Мама попроситъ... И я, Никсъ... Не тревожься!

— Я не тревожусь... Надѣюсь, и безъ дяди мы могли бы порядочно... То, что у меня, да твое пензенское... Прости, Мета, что говорю о такой прозѣ.

И Никсъ прибавилъ «поэзіи» въ поцѣлуѣ.

Напоминаніе о «пензенскомъ» испугало Мету. Она почувствовала себя безмѣрно виноватой передъ Никсомъ и, полная раскаянія, мучилась, что во время флирта съ нимъ какъ-то мимоходомъ сказала о «пензенскомъ». А мама тоже говорила при Никсѣ о продажѣ пензенскаго... Никса обманули... Онъ вѣрилъ... Онъ не скрывалъ, что не имѣетъ большого состоянія...

И Мета забыла совѣтъ матери...

«Никсъ такъ любитъ. Онъ проститъ... Надо сію минуту сказать!»—мучительно-нетерпѣливо подумала Мета и, со слезами на глазахъ, трагическимъ шопотомъ проговорила:

— Никсъ... Милый... Хорошій... прости...

И, вѣроятно, понимая, какъ вѣрнѣе получить прощеніе, Мета крѣпче цѣловала Никса въ губы.

Никсъ отвелъ губы, чтобы удобнѣе было Метѣ говорить, а ему слушать. Онъ въ первую минуту не пришелъ въ ужасъ отъ того, что разсчитывалъ узнать. Его мужское самолюбіе было только оскорблено, и онъ уже заранѣе примирялся съ Метой.

«Дофлиртилась къ двадцати семи лѣтамъ!»—подумалъ онъ.

Снисходительно-насмѣшливая улыбка скользнула по его губамъ, и, поглаживая склоненную голову Меты, Никсъ ласково прошепталъ:

— Не волнуйся, Мета... Разсказывай, родная... что такое... Если бы и романъ былъ... Развѣ я, милая, не люблю тебя...

— И тебѣ не стыдно, Никсъ... — съ нѣжнымъ упрекомъ промолвила Мета.

Никсъ продолжаетъ гладить голову.

Внезапно освобождая свою голову, Мета прибавила:

— Что это у тебя за привычка гладить волосы, Никсъ?..

Никсъ извинился и спросилъ:

— Такъ какая у тебя, Мета, тайна? Она очень страшная?— шутя прибавилъ Никсъ.

— Она меня мучила... Хотѣла раньше, но...

— Говори.

— Милый! Пензенскаго имѣнія нѣтъ!

Никсъ въ первую минуту, казалось, не понималъ.

И прошепталъ подавленнымъ голосомъ.

— Что?!.. Какъ?!

— И ничего у меня нѣтъ... Знай, Никсъ! И ты не разлюбишь своей Меты?.. Вѣдь нѣтъ?

И Мета хотѣла обвить шею Никса. Онъ отодвинулся.

Мета взглянула на него и... увидала совсѣмъ другое лицо. Оно было блѣдное, злое и испуганное. Глаза горѣли рѣзкимъ блескомъ. Губы искривились. Онъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ смотрѣлъ на Мету и нервно теребилъ бородку.

«И онъ только-что говорилъ о любви?»—подумала Мета и замерла въ ужасѣ, не спуская съ Никса влюбленныхъ глазъ.

Нѣсколько секундъ царило молчаніе.

IV.

Едва сдерживаясь, Никсъ проговорилъ:

— Что-жъ вы со мной сдѣлали, Марья Александровна?.. Вы обманули меня?.. Вы предполагали, что одной любви достаточно?.. Чѣмъ же мы будемъ жить... Какъ вы предполагаете?..

— О, Никсъ... Этотъ тонъ... Ты говорилъ, что любишь...

— Говорилъ... Но я не думалъ, что вы вмѣстѣ съ матерью такъ подведете меня... Понимаете ли? Положеніе мое отчаянное... Кругомъ въ долгахъ... Векселя... И я обнадежилъ кредиторовъ... А теперь... Подъ поѣздъ, что ли?

Мета зарыдала.

— Никсъ... Никсъ... Ужели ты изъ-за денегъ женился?..

— Женился, надѣясь избавиться отъ петли... Не первый, не послѣдній. А вы мнѣ нравились... Очень... И мнѣ досадно, что у такой хорошенькой женщины нѣтъ средствъ. Повѣрьте, я былъ бы недурнымъ мужемъ при богатой женѣ. Это естественно. Но не скрою...

— Еще чего?—спросила подавленная Мета.

— Скажи вы, что у васъ ничего нѣтъ...

— Не женились бы?

— Разумѣется... Оттого-то вы и ваша maman поймали меня на пензенскомъ имѣніи. Влюбились въ меня... Но... вѣдь это не помѣшало бы намъ отлично любить другъ друга безъ об-

ряда вѣнчанія... если бы вы безъ предразсудковъ признали эту форму счастія. А я пріискалъ бы дѣвушку со средствами...

Мета возмущалась и негодовала. Ей хотѣлось сказать Никсу, что онъ нечестный человѣкъ.

Но она бросилась къ нему и, цѣлуя его, шептала:

— Я люблю тебя... Прости... прости... Люби меня, Никсъ.

Въ эту минуту постучали въ двери и кондукторъ сказалъ:

— Любань! Три минуты!

Никсъ велѣлъ кондуктору взять его вещи.

— Это что̀ значитъ?—растерянно спросила по-французски Мета.

— Остаюсь въ Любани и въ Петербургъ.

— А я?..

— Какъ вамъ будетъ угодно. Или въ Крымъ поѣзжайте... или въ Москву и въ тотъ же вечеръ домой, къ maman... Отдѣльный видъ пришлю къ генеральшѣ. Затѣмъ разводъ... Имѣю честь кланяться!

Никсъ почтительно снялъ шляпу и вышелъ.

— Infame!—сказала Мета.

И бросилась въ подушку и рыдала.

Оглавленіе

X ТОМА.

стр.

Жрецы. Романъ. 3

Исторія одной жизни. Романъ. 227

Повѣсти и разсказы:

Затравленный. Отрывокъ 417

Чего ей надо? Повѣсть 427

Тяжелый сонъ. Разсказъ 466

Свадебное путешествіе. Разсказъ 481

Y0-AIQ-163